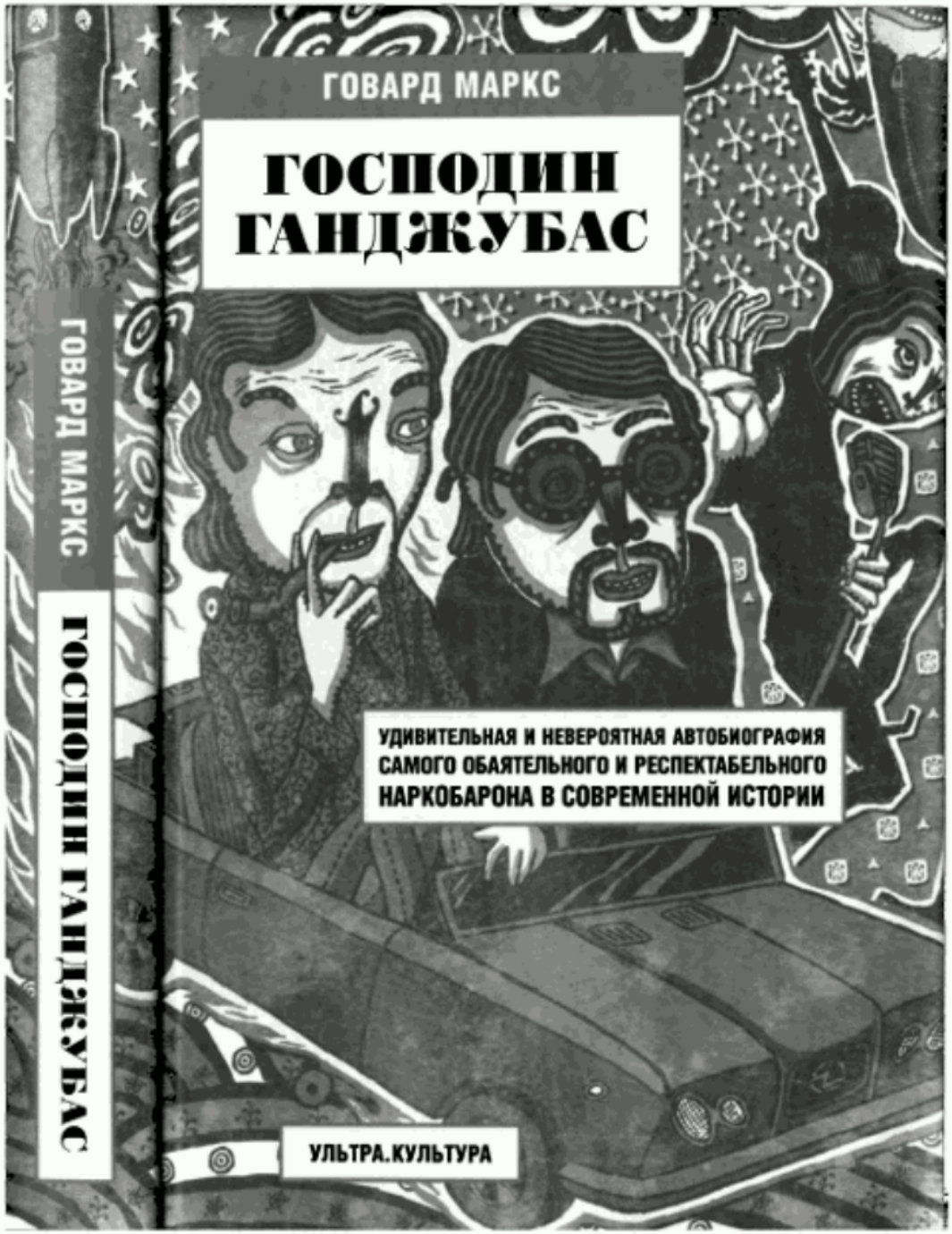
ГОВАРД МАРКС

ГОСПОДИН ГАНДЖУБАС



УДИВИТЕЛЬНАЯ И НЕВЕРОЯТНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ САМОГО ОБАЯТЕЛЬНОГО И РЕСПЕКТАБЕЛЬНОГО НАРКОБАРОНА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

УЛЬТРА.КУЛЬТУРА

ГОВАРД МАРКС

ГОСПОДИН ГАНДЖУБАС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Может ли один и тот же человек быть сотрудником английской разведки МИ-6, крупнейшим поставщиком гашиша в Европу и Америку, удачливым и респектабельным бизнесменом и уважаемым человеком в рок-тусовке? Почему бы нет. Если верить автобиографии, написанной Говардом Марксом, образцовым авантюристом XX века после того, как он покончил со своим криминальным прошлым. Как в настоящем триллере, действие книги переносится из страны в страну: Англия, Пакистан, Таиланд, Тайвань, Швейцария, Гонконг... Где только не бывал Маркс под разными именами, каких только тюрем он не видел!.. И каких только уловок для контрабанды не придумывал!..

- Господин Ганджубас
  - ВСТУПЛЕНИЕ
  - БРИТИШ
  - МАГИСТР МАРКС
  - МИСТЕР МАРКС
  - МИСТЕР МАК-КАРТИ
  - МИСТЕР ХЬЮЗ
  - АЛЬБИ
  - МИСТЕР НАЙС
  - ГОВАРД МАРКС
  - МАРКС
  - МИСТЕР ДЕННИС
  - Д.Г. МАРКС
  - МИСТЕР ТЕТЛИ? НЕТ
  - ДЕННИС ГУВАРД МАРКС
  - СЕНЬОР МАРКО
  - МАРКО ПОЛО
  - 41526-004
  - ПАПОЧКА
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 18*
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52

- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96

- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119

Господин Ганджубас

ВСТУПЛЕНИЕ

У меня заканчивались паспорта, которыми можно было пользоваться. Через несколько недель я планировал слетать в Сан-Франциско и получить несколько сот тысяч долларов от человека, который рвался воспользоваться своими связями как со мной, так и с продажным чиновником таможни США, работавшим в отделе импорта международного аэропорта Сан-Франциско.

За несколько лет до этого меня объявили самым разыскиваемым человеком в Великобритании, контрабандистом гашиша, а моя связь с итальянской мафией, Братством вечной любви, ИРА и британской Секретной службой была официально засвидетельствована. Требовалась новая личность. Я уже переменил примерно двадцать имен, большинство из которых подтверждались паспортом, водительскими правами или другими документами, удостоверявшими личность, но все они были известны моим друзьям-недругам либо «засвечены» в последних аферах.

Мы ехали в Норидж. После пары щекотливых встреч с посредниками меня познакомили с тихим парнем, которого звали Дональд. Сложно сказать, был ли он алкашом, или укурком, или ни тем ни другим. Его кухня не давала на сей счет никаких указаний. С виду он казался нормальным, но глаза бегали как у злодея.

— Лучше нам поговорить снаружи, — сказал он и отвел меня в садовую беседку.

— Дон, мне нужен паспорт, который выдержит все проверки.

— Возьми мой. Мне он больше не потребуется. Но есть одна проблема.

— Какая?

— Я только что отсидел двенадцать лет из пожизненного срока за убийство.

Осужденным за убийство почти никогда не отказывали в выезде из страны, несмотря на криминальное прошлое. Их считали скорее угрозой отдельным личностям, нежели врагами общества, как наркодилеров и террористов.

— Я дам тебе тысячу, — сказал я, — и буду подкидывать по нескольку сот фунтов, когда потребуются дополнительные документы.

Я думал о водительских правах, медицинской карте и читательском билете местной библиотеки. Один лишь паспорт без прочих документов, удостоверяющих личность, выглядит подозрительно. Иногда достаточно иметь при себе членскую

карту местного бильярдного клуба, которую можно приобрести по дешевке.

— Лучшая сделка в моей жизни.

— Какая у тебя фамилия, Дон? — спросил я. Каких только жутких фамилий у меня не было.

— Ниис.

— Как по буквам?

— Эн-Ай-Си-И — как местечко на Ривьере.

Это было личным делом Дона, как произносить свою фамилию, но я-то знал, что предпочту иной вариант. Я стану мистером Найсом[1].

БРИТИШ

— Маркс! — рявкнул охранник. — Номер?

— 41526-004, — пробормотал я, еще не продрав глаза. По номеру меня называли чаще, чем по имени, и я затвердил его наизусть.

— Собирай свое дерьмо, — приказал он. — Ты уезжаешь. Я наконец проснулся.

— В самом деле уезжаю. — Я покидал Эль-Рено.

В Эль-Рено, штат Оклахома, находятся пересыльные учреждения Федерального бюро тюрем, где под охраной сотен тюремщиков содержат от одной до двух тысяч заключенных. Каждый, кто подлежит переводу из одной федеральной тюрьмы в другую, проходит через Эль-Рено. Даже если его переводят из Северной Дакоты в Южную. Я посетил это место пять раз. Некоторые — больше пятидесяти. Ни логики, ни эффективности, но монстров американской бюрократии не беспокоят пустые траты, и налогоплательщики с воодушевлением отстегивают уйму денег на борьбу с преступностью. Больше, чем на университеты. Американцы уверены, что тюрьмы — лучший инструмент борьбы с преступностью, и камеры не пустуют — они набиты битком. Условия ужасающие. Заключенных держат в помещениях без окон, лишая их возможности задействовать хотя бы один из пяти органов чувств. Я не говорю уже о зверской жестокости обращения.

Большинство заключенных доставляют в Эль-Рено на самолетах, которые конфискованы у колумбийских кокаиновых картелей, сколотивших миллиарды долларов на американской войне с наркотиками. Это два больших авиалайнера, на борту которых размещается более сотни заключенных, и множество самолетов поменьше, рассчитанных на тридцать пассажиров. Каждый день от трехсот до шестисот заключенных прилетают и улетают. Прибывают во второй половине дня или вечером и отправляются рано утром. Сервис в самолетах Федерального бюро тюрем ниже всякой критики. Утешало одно: для меня это будет последний из дюжины рейсов авиакомпании, известной под названием «Конэйр». Еще три недели — и на свободу! В один день с Майком Тайсоном. Я отсидел шесть с половиной лет за то, что перевозил целебные растения из одного места в другое, он — три года за изнасилование.

«Собирать свое дерьмо» означало засунуть грязное постельное белье в наволочку. В Эль-Рено не позволялось иметь

при себе никаких личных вещей. Я собрал свое дерьмо.

Вместе с шестью или семью десятками заключенных меня загнали в пересыльную камеру дожидаться оформления. Наши фамилии, номера, отпечатки пальцев и фотографии скрупулезно изучали, дабы удостовериться, что мы те, за кого себя выдаем. Наши медицинские карты прочитали от корки до корки, проверяя, отмечен ли в соответствующей графе факт заболевания СПИДом, туберкулезом или какой-нибудь другой заразной хворью. Одного за другим нас раздевали догола и подвергали ритуалу под названием «шмон». Я стоял во всей своей красе перед тремя деревенскими обалдуями из Оклахомы, да так близко, что тошно становилось. Запустил пальцы к себе в волосы, потряс головой, оттянул уши и показал их содержимое, открыл рот. Затем поднял руки над головой и показал подмышки, подтянул яйца, отвел крайнюю плоть, обернулся показать ступни и в заключение наклонился, раздвигая ягодицы, чтобы весельчаки смогли заглянуть ко мне в жопу, как в телескоп. Заключенный должен проходить через подобные унижения каждый раз до и после посещения его семьей, другом, духовным наставником или адвокатом, а еще когда он попадает в тюрьму или покидает ее. Я проделывал это тысячи раз. Три зубоскала-вуайериста отпускали остроты, которые шмонающим никогда не надоедает повторять: «Знакомая дырка. Не ты ли приходил сюда три года назад?»

Пока шло оформление перед отправкой, я поинтересовался у товарищей по несчастью, куда их пересылают. Важно было убедиться, что меня не зашлют куда-нибудь не туда по ошибке, как частенько случается. Иногда ошибка допускается намеренно — это часть так называемой дизельной терапии, наказание, состоящее в том, что заключенного все время перевозят и не разрешают вступать в контакт с другими. Его применяют к самым трудным. «Курс терапии» может продолжаться до двух лет. Меня намеревались отправить в Оукдейл, штат Луизиана, где для уголовников-иностранцев, у которых истекал срок приговора, начинался радостный процесс препровождения из Соединенных Штатов обратно в цивилизацию. Меня охватила паника, когда некоторые из компаньонов, которых уже обшмонали, упомянули, что отправляются в Пенсильванию; другие считали, что летят в Мичиган. В целях безопасности заключенным не сообщают, куда (а иногда и когда) они будут переправлены. Наконец я познакомился с парнем, который также ожидал отправки в Оукдейл. Это был тихий, сияющий от счастья наркокурьер, которому не терпелось добить десятилетний приговор и вернуться на родину, в свою любимую Новую Зеландию. По его словам, от Эль-Рено до Оукдейла было всего час лету.

Время приближалось к двум ночи. Нам выдали дорожную одежду: рубаху без рукавов, штаны (то и другое без карманов), носки, трусы и пару очень тонких китайских тапочек, в каких гуляют по пляжу. Следующим номером шла процедура, которую все ненавидят куда больше шмона, — облачение в железо: наручники на запястьях, цепи вокруг бедер, цепи от бедер к наручникам и кандалы на лодыжках. Тем же, кого, как меня, считали склонным к побегу или насилию, полагался еще «черный ящик», груда металла, переносной позорный столб без дырки для головы, на котором наручники закреплялись намертво, предупреждая любое движение руками. Он крепился цепями и замком к цепям на бедрах. Я никогда не пытался бежать, никому не причинял физической боли и не угрожал. Но согласно данным, состряпанным спецагентом Управления по контролю за соблюдением законов о наркотиках Крейгом Ловато, я, как выпускник Оксфорда и человек английской разведки, способен был ускользнуть из таких мест, куда Гудини[2] и попасть-то не мог.

Наконец нас загнали в другую пересыльную камеру. С побудки минуло два или три часа; и еще пара-тройка часов должна была пройти, прежде чем автобус доставит нас в городской аэропорт штата Оклахома. Мы протирали штаны и базарили, сравнивая условия содержания в разных тюрьмах почти так же, как когда-то я обсуждал достоинства и недостатки шикарных отелей. Шла драка за хабарики, чудом не изъятые при шмоне. Каждый раз, когда это происходило, я радовался, что завязал с табаком (после тридцати пяти лет систематического курения). Лязгая и бряцая цепями, заключенные волочили ноги к одинокому унитазу и проделывали акробатические трюки, чтобы расстегнуть штаны и отлить.

Федеральные предписания требуют кормить заключенных по крайней мере раз в четырнадцать часов. Каждому дали коричневый бумажный пакет с двумя яйцами, сваренными вкрутую, пакетом сока, напоминавшим «бормотуху», яблоком и овсяным батончиком с орехами и изюмом. Люди яростно принялись обмениваться едой.

Открылись ворота, нас, легко одетых, вывели на холод, пересчитали, сличили с фотографиями. Шмонать не стали — прощупали и отвели в автобус, где, слава богу, работало отопление. Радио орало, выдавая два рода мелодий, которые только и знает оклахомская деревенщина: кантри и вестерн.

Из-за наледи на дорогах путешествие до аэропорта затянулось. Мы долго торчали на взлетной полосе, дожидаясь того момента, когда тюремная охрана передаст нас судебным приставам. На Уайетта Эрпа[3] ни один из них не походил. Они

ведают перевозками внутри штата государственной собственности, такой как заключенные. Некоторые из них женщины, но только по названию.

Спустя час самолет приземлился на военном аэродроме. Стали выкрикивать фамилии, и некоторые пассажиры сошли. Мое имя не прозвучало. Я был в панике, пока не сообразил, что новозеландец по-прежнему на борту, хотя и выглядит встревоженным. В самолет поднялись новые заключенные и сказали, что мы в Мемфисе. И снова взлет, а через час посадка в аэропорту Оукдейла, путешествие в автобусе и тюрьма, где с нас сняли цепи, обшмонали, накормили и оформили по новой. Я уже предвкушал, что дорвусь наконец до благ цивилизации, которыми теперь обзаводится каждое федеральное исправительное учреждение: теннисных кортов, беговой дорожки и библиотеки.

Оформление — нервный и утомительный процесс, но большинство из нас проходило через него десятки раз. Каждого вновь прибывшего должен осмотреть и проверить тюремный врач и консультант по отсечке. Каждого полагается накормить и снабдить одеждой, которая хотя бы примерно подходит по размеру. На эти, казалось бы, простые действия уходит несколько часов.

Тюремный консультант по отсечке решает, можно или нет поместить новичка к основной тюремной братии. Если нет, вновь прибывшего сажают в карцер, крайне неудобную тюрьму в тюрьме. Причин, по которым заключенного отделяют от остальной тюремной братвы, куча. Иногда он сам требует изоляции, если опасается, что кто-то из старых знакомых может потребовать старый должок за наркотики или карточный проигрыш. Или боится, что его изнасилуют, отберут деньги, примут за стукача. Чаще всего заключенный, ожидающий скорого освобождения, просит об изоляции только для того, чтобы случайно не угодить в переделку. Приходится думать, как уклониться от домогательств. Кроме того, заключенные обязаны работать, и простейший способ увильнуть от принудительного труда — это сесть в карцер. Любой мог попроситься в карцер, только вот угодить туда было легко, а выбраться оттуда — чрезвычайно сложно. Почти всегда именно консультант по отсечке решает, кого куда сажать, и для того, чтобы кого-нибудь засадить в карцер, годятся самые невинные причины: склонность к насилию, попытки побега, связи с бандами, а уж если ты профессиональный преступник, то карцер тебе точно обеспечен. В моем досье было полно мусора вроде абсурдных заявлений о попытках побега, но я не ждал от этого никаких неприятностей, потому что сидеть мне оставалось недолго. Было третье марта, а

двадцать пятого меня ожидало досрочное освобождение. Но американский правопорядок далек от здравомыслия.

Несмотря на отчаянные попытки, я не мочился уже больше двенадцати часов. Туалеты в камерах всегда заполнены курильщиками, а я так и не научился справлять малую нужду, когда замотан цепями и деревенщина пристав пялится на мой член, следя, чтобы тот не превратится в опасное оружие или тайник для наркоты. Меня разрывало. Мою фамилию назвали первой. Я отправился в кабинет тюремного консультанта и сразу же заметил на его столе относящийся ко мне лист бумаги, где желтым было выделено слово «побег». «Только не это, — подумал я, — не могут они быть настолько тупыми». Но в душе я знал, что могут.

Так называемую историю побега против меня не использовали, но в карцер все равно засадили. До истечения срока остается меньше тридцати дней, объяснил тюремный консультант, так что нет смысла разводить тягомотину с приемом и введением в курс дела. Наплевать, кто я такой. Правила есть правила.

— Как же мне выйти на иммиграционную службу, чтобы меня депортировали? Как заказать билет на самолет, чтобы улететь из этой ужасной страны, если я не могу звонить по телефону и писать письма?

— Не беспокойся, — сказал консультант. — К тебе придут, все расскажут, дадут позвонить, снабдят марками.

— Они обманывают с такой легкостью.

В камере новозеландец, заметив мрачную мину на моем лице, посочувствовал:

— Обидно... Хорошо, что я встретил тебя, Бритиш. Держись!

Я был так зол. Я направился в туалет, и на сей раз полный курильщиков, которые пялились на мой член. «Да пошли они!..» — подумал я, испуская струю зловонной темно-зеленой жидкости. С тех пор у меня не возникало проблем с тем, чтобы отлить. После нескольких часов во временной камере меня вызвали, застегнули наручники за спиной и отконвоировали к карцеру.

В карцере Оукдейла было порядка сорока камер. Каждого, кто попадал туда, полагалось поставить под душ в клетке и после осмотра (рот, анус и крайняя плоть) снабдить нижним бельем, носками, тонкими шлепанцами (китайского производства) и стерилизованным полукомбинезоном слоновых размеров. Ничего более без борьбы нельзя было добиться. Я давным-давно дошел до той стадии, когда унизительные церемонии перестают тебя волновать. То ли они вконец растоптали мое достоинство, то ли

мое достоинство было слишком прочным, чтобы его растоптать или уничтожить...

Большинство тюремных служащих в Луизиане черные. Чернокожий дежурный записал мои отличительные характеристики. Тюремных стражей карцера не интересовало, кто по какой причине туда попал. Не стоило даже пытаться объяснять, что я не совершил никакого дисциплинарного проступка и находился в особом блоке, потому что одной ногой был уже на свободе. Они все это слышали и раньше. Иногда это была правда, иногда нет. И я пошел на обычную уловку — сделался чрезвычайно дружелюбен и вежлив. Иного способа получить книги, марки, бумагу, конверты и карандаш я не видел. Дежурному тюремщику понравился мой акцент, сам он недурно копировал Джона Гилгуда[4]. Я налегал на оксфордское произношение и обращался к нему «милорд». Его от этого распирало. Естественно, теперь у меня появились книги.

Он закрывал меня на час в библиотечной камере. Порывшись в книгах, я нашел «Повелителя мух», «1984», роман Кена Фоллетта, неизменную Библию, роман Грэма Грина и учебник по математике. Этих книг мне бы хватило на несколько дней и даже больше, окажись мой сокамерник болтливым янки или сумасшедшим. Я разжился бумагой, карандашами и конвертами. Что касается марок и телефонных звонков, тут все решали только тюремные консультанты и их помощники.

Меня перевели в достаточно чистую и пустую камеру, где я нашел привычную обстановку: стальная койка, потрепанный грязный матрац, постоянно мигающая неоновая лампа, загаженный сортир и раковина. За день я устал как собака. Было почти десять вечера. Я почитал и лег спать.

— Теперь в тюряге ты, — фальшиво пропел тюремщик-ирландец, просовывая посудины с кофе, овсянкой и другой якобы съедобной пищей через узкую щель в двери.

Я знал, что должно быть около шести утра. Завтрак в постель. Если бы не разница в часовых поясах, миллионы американских заключенных сейчас жевали бы тот же самый корм. Было холодно.

Если в карцере, или «особом блоке», отбывал наказание хотя бы один несчастный, температуру там поддерживали далекую от комфортной. Заключенный, которого отрядили на уборку, обходил камеры и забирал остатки завтрака через щели. В круг его официальных обязанностей входило также содержать помещения за пределами камер в чистоте и обеспечивать заключенных туалетными принадлежностями. Неофициальные обязанности, «халтура», позволявшая подзаработать, заключались в том, что он поставлял недозволенное (кофе хорошего качества,

марки и сигареты), посредничая между покупателями и продавцами запрещенного товара.

— Марка есть? — спросил я, когда он забирал пустую коробку из-под мюслей с изюмом.

— Возможно, — сказал он, — но вернешь две. — Это была обычная тюремная вымогательская «процентная ставка» практически на все.

— Дашь две — верну пять.

Похоже, он мне поверил и одобрительно кивнул головой.

Карцер патрулировали каждые пару часов. Когда проходил кто-нибудь еще кроме дежурных, я стучал в дверь и требовал позволить позвонить, связаться с адвокатом, семьей и посольством Великобритании. Тюремные священники (уполномоченные выслушивать молитвы), психиатры (уполномоченные выслушивать все остальное) и офицеры медицинской службы (уполномоченные раздавать аспирин) по закону должны совершать ежедневные обходы карцера. Они не могут доставить марки или договориться о телефонных звонках, и заключенные, ни у кого не находя помощи, пребывают в постоянном стрессе, теряют рассудок. Следовало набраться терпения. Теперь, когда некому было наблюдать мои неумелые попытки поддерживать физическую форму, я смог продолжить занятия йогой и гимнастикой. И еще у меня были книги. Иногда кто-нибудь приходил и разрешал сделать телефонный звонок. Дежурные приносили по нескольку марок. «Расслабься! — говорил я себе. — Скоро на свободу. Что-то поделывает спецагент Крейг Ловато? Не из-за него ли я снова угодил в карцер? Не собирается ли он приостановить мое освобождение? Он уже и так понаделал дел, столько всего разрушил».

Предки Крейга Ловато, богатые испанцы, обосновались в Америке почти два с половиной века назад и получили в дар от испанской короны около ста тысяч акров, ныне входящих в штат Нью-Мексико. К тому времени, когда родился Крейг, его семья разорилась, и ему пришлось зарабатывать на жизнь. Он пропустил войну во Вьетнаме и движение шестидесятых, которое против нее выступало, и поступил помощником в ведомство шерифа Лас-Вегаса. Он узнал жизнь улиц, когда был патрульным офицером особого подразделения, гонявшегося за нежелательными элементами, узнал, что такое наркотики, когда в ранге детектива боролся с наркоманией, узнал, что такое жизнь и смерть, когда служил в убойном отделе. Году в семьдесят девятом ему захотелось чего-то нового, и он вступил в Управление по контролю за соблюдением законов о наркотиках (DEA), имевшее представительства в шестидесяти семи странах и полномочий

больше, чем у КГБ. Одно такое представительство находится в американском посольстве в Мадриде. Туда и отправился в августе 1984 года Крейг Ловато. В это самое время я жил в Пальме, мирно занимаясь своим контрабандным бизнесом. Ловато разузнал, что я не только перевожу наркотики, но и получаю от этого огромное удовольствие. Бог знает почему, от этого он потерял последние мозги и с тех пор гонялся за мной.

В Луизиане нередки дожди, мелкая морось и ливни, и громовые раскаты, просто оглушительные, такие, от которых рвутся перепонки. Час был еще не поздний, но неожиданно потемнело, и полило как из ведра. Четыре часа спустя дождь все еще барабанил. Я отправился спать. Через несколько часов, разбуженный небесной канонадой, я заметил, что пол покрыт десятисантиметровым слоем воды. В воде плавали неизвестные твари, но мне слишком хотелось спать, чтобы их испугаться. Я задремал, слыша сквозь сон, что дождь стихает. Издалека неслось: «Теперь в тюряге ты».

Я посмотрел на пол: вода спала, оставив после себя кишащую массу отвратительных луизианских насекомых; были там разноцветные пауки, диковинные водяные тараканы, большие черви и огромные жуки. Все мои бережно взлелеянные буддийские убеждения в святости любых проявлений жизни куда-то улетучились, и, перед тем как съесть завтрак, я принялся методично убивать ночных гостей, прихлопывая их тонкими китайскими шлепанцами. Вскоре две пустые коробки из-под мюслей с изюмом заполнились трупами насекомых. Кондиционер работал в полную силу. Было очень холодно. Я позанимался йогой, поделал гимнастические упражнения, почитал, но не мог не думать о примитивных формах жизни. Неужели тибетцы и вправду не убивали насекомых, когда строили свои храмы?

— Руки за спину и в щель! — приказали в унисон два надзирателя из-за двери камеры.

Один из них был ирландский певун. На моих запястьях защелкнули наручники. Я вынул руки из прорези. Теперь охранники могли спокойно открывать дверь.

— Тебя хочет видеть иммиграционная служба. Звучит неплохо.

— Могу я помыться, сменить одежду, сходить по нужде, побриться и помыть голову?

— Нет, ты им нужен сейчас.

Певун и его приятель вывели меня на слепящее солнце и препроводили по чавкающей грязи в здание с вывеской СНИ (Служба натурализации и иммиграции). Я сел. С меня сняли наручники. Я услышал, как голос на заднем плане сказал: «Ну,

власти его выдали, так что с ним теперь будет: выдворят из страны, депортируют, репатриируют, вышлют или позволят уехать добровольно?»

По крайней мере с 1982 года мне запретили въезжать в Соединенные Штаты. У меня не было визы, и когда в октябре 1989 года меня выдали американским властям, генеральный прокурор США ввез меня в страну условно, чтобы подвергнуть судебному преследованию, признать виновным, вынести приговор и заключить в тюрьму. Быть условно ввезенным совсем не то, что въехать с визой, и хотя мое пребывание в стране в течение более чем пяти лет не составляло тайны для властей, я не считался легально въехавшим на территорию Соединенных Штатов. Формально я числился за пределами Америки, и никакое решение о депортации или выдворении из страны не могло быть вынесено, пока не отпадет причина условного ввоза в Соединенные Штаты, то есть до моего освобождения из заключения. Как иностранный уголовный преступник, я ни при каких обстоятельствах не мог разгуливать по улицам Страны Свободных. И поскольку формально я в страну не въезжал, меня нельзя было оттуда выдворить. Я не въезжал законным порядком, а значит, депортировать меня возбранялось. Однако же срок я почти отмотал, и меня не могли после этого держать в тюрьме.

Я проштудировал все соответствующие законы в юридической библиотеке американской тюрьмы Терре-Хот. В соответствии с Шестой поправкой к Конституции США свободой апеллировать к судам обладали все заключенные. А потому в каждой тюрьме заключенным предоставлялись своды законов, пишущая машинка и возможность излить душу на бумаге. В течение нескольких лет я зарабатывал, составляя для других заключенных прошения в суды США. Я достиг в этом некоторых успехов и даже прослыл знатоком законов, но не имел ни малейшего понятия, что, черт возьми, могли сделать или сделают службы иммиграции. Я не знал никого, кто бы попал в подобную ситуацию. Я очень боялся крючкотворов. Могло случиться что угодно. Я рисковал угодить в кубинские нелегалы.

— Заходи, Маркс. Ты в состоянии достать паспорт и заплатить за билет? Если так, ты можешь избежать судебных разбирательств и покинуть Соединенные Штаты сразу по окончании срока 25 марта.

Какой прекраснейший человек!

— Распишись здесь, Маркс.

Я никогда еще ничего не подписывал так быстро. Подписанное я прочитал позже. Я имел шанс избежать судебных процедур при условии, что раздобуду паспорт и билет в течение

тридцати дней. Я знал, что Боб Гордон из британского консульства в Чикаго уже выслал специальный паспорт, а многие из моих друзей и родственников были готовы заплатить за мой билет.

— Купи себе билет с открытой датой вылета в один конец за полную стоимость из Хьюстона до Лондона на рейс «Континентал».

— Я сижу в карцере, и мне не разрешено звонить, — сказал я, — и марок не достать.

— Не беспокойся. Я поговорю с начальником карцера. Твои телефонные звонки сэкономят правительству Соединенных Штатов несколько тысяч долларов. Он согласится. Спроси его, когда вернешься.

С каких пор эти люди стали экономить деньги?

— Вы не могли бы снять меня на паспорт? — спросил я. — Может быть, те фотографии, что я отправил Бобу Гордону, не подойдут. Запасные никогда не помешают.

Вооружившись фотографиями и заверенным документом, я почувствовал себя значительно счастливее, впервые за долгое время. На меня надели наручники и отконвоировали обратно в карцер. Встречал меня начальник.

— Слушай, Бритиш. Мне насрать, что сказали эти долбоебы из иммиграционной службы. Я в этом гребаном месте главный, а не они. У тебя будет один гребаный звонок в неделю, первый — в следующее воскресенье. В понедельник можешь попросить у консультанта несколько марок. Я этим не занимаюсь. А теперь вали отсюда!

Злой и разочарованный, но не сильно удивленный, я вернулся в камеру. Охранник дал мне пару марок. Я написал консулу.

После двух дней йоги, медитации и гимнастики я снова услышал, как из-за двери сказали:

— Руки за спину и в щель!

— Куда меня ведут?

— В Оукдейл-2.

— А где я сейчас?

— В Оукдейле-1.

— А в чем разница?

— Оукдейлом-2 управляет Служба иммиграции. Тебя оттуда депортируют.

Услышав такие новости, я почувствовал себя на вершине мира. До конца заключения оставалось еще две недели. Они что, намерены побыстрее выдворить меня из страны?

Но не успели надеть наручники, как примчался матерящийся

начальник карцера с криками:

— Засуньте этого урода обратно в его гребаную камеру! Он нужен заместителю начальника тюрьмы.

Через несколько минут я заметил чье-то недреманное око в глазке.

— Тут журналисты из английской газеты. Хотят взять у тебя интервью. Будешь разговаривать? — рявкнул помощник тюремного начальника.

— Конечно нет!

Как они узнали, что я здесь? Пронюхали, что меня выпускают? И если они в курсе, то кто еще? Не намечается ли международная буря протеста, поднятая DEA, Управлением таможенных пошлин м акцизных сборов Ее Величества, Скотленд-Ярдом и прочими правоохранительными органами, которые так старались упечь меня за решетку до конца жизни? Заместитель начальника тюрьмы протолкнул лист бумаги под дверь.

— Подписывай! Здесь утверждается, что ты отказываешься давать интервью.

Я подписал. Мне нельзя было высовываться, а жаль. В целом журналисты писали о моем тюремном заключении в Америке с сочувствием. Их симпатии, однако, могли заставить власти воспрепятствовать моему освобождению. Я не мог рисковать. Я просунул лист под дверь. Стоявший за дверью удалился, а затем я вновь услышал шум шагов.

— Руки за спину и в щель!

В наручниках и цепях меня швырнули во временную камеру на шесть часов, посадили в фургон, и два охранника, поигрывая автоматическими винтовками, перевезли меня в другую тюрьму, в сотне метров от первой. Там меня бросили в другую пересыльную камеру еще на четыре часа, но на этот раз кроме меня туда запихнули еще восьмерых: египтянина, ганца, четырех мексиканцев и двоих гондурасцев. Ганец и гондурасцы заходились в экстазе: никогда больше им не придется выносить зверства американского правосудия. Египтянин и мексиканец были подавлены, потому что каждый хотя бы раз депортировался из США и незаконно возвращался обратно. Это был их стиль жизни. Пересечь границу, устроиться на нелегальную работу, попасться, провести несколько недель, месяцев, лет в заключении, получая дармовую одежду и кормежку за счет американского налогоплательщика, потом депортация и все заново. Я и забыл, что большинство людей не хотят уезжать из Америки.

— Каково здесь? — спросил я у незнакомых тюремных собратьев.

Как и в любой другой федеральной тюрьме, — ответил один

из мексиканцев.

— Я думал, этой тюрьмой заправляет иммиграционная служба, — запротестовал я.

— Нет, ею заправляет Бюро тюрем. Тебе сильно повезет, если увидишь кого-нибудь из службы иммиграции. Парень, это просто еще одна тюрьма.

Меня освободили от наручников, заполнили десятки документов, сфотографировали и сняли отпечатки пальцев, провели медицинский осмотр, ощупали тело и все его доступные наружному исследованию полости, выдали тюремную одежду и определили меня в камеру. Моим сокамерником стал пакистанец, который боролся против депортации, добиваясь политического убежища. В тюрьме томились почти тысяча заключенных разных национальностей: нигерийцы, ямайцы, непальцы, пакистанцы, китайцы, шриланкийцы, вьетнамцы, филиппинцы, лаосцы, испанцы, итальянцы, израильтяне, палестинцы, египтяне, канадцы, жители Центральной и Южной Америки. Большинство отбывали срок за преступления, связанные с наркотиками, и проводили все свободное время, обсуждая будущие сделки.

— В эту страну больше ничего не повезем, — слышал я частенько. — В Европу и Канаду — вот куда надо везти. Там не дадут большой срок, если попадешься. Они не все козлы, как американцы.

Тайно разрабатывались сделки. Многие, я уверен, осуществятся.

Мексиканец оказался прав насчет сотрудников иммиграционной службы. Напрасно я старался. Нам разрешалось звонить, и я связался с консулом Великобритании.

— Да, Говард, ваш паспорт отправили. Родители попросили передать, что любят вас. Они оплатили билет с открытой датой вылета, и его тоже отправили.

В конце концов я нашел сотрудника иммиграционной службы.

— Да, мы получили твой паспорт и билет, но они затерялись. Не дергайся. Мы решаем этот вопрос. Отыщутся.

По всей видимости, билеты и паспорта всех заключенных на какой-то стадии терялись. Нужно было просто ждать и не нервничать. Мы ничего не могли с этим поделать.

Было позволено пользоваться кассетным плеером. Я приобрел себе такой и каждый день отмахивал тридцать километров на беговой дорожке, слушая по радио забытые мелодии. Моя дочь Франческа, которой уже было четырнадцать, регулярно писала мне в тюрьму, что любит проигрывать мою коллекцию пластинок. В фаворитах числились Литтл Ричард, Элвис Пресли, Уэйлон

Дженнингс и Джимми Хендрикс. Скоро мы сможем заводить диски вместе, и она познакомит меня с новой музыкой, которую я пропустил. Я загорел, меня одолели ностальгия и скука. За три дня до предполагаемой даты освобождения, 25 марта, я вышагивал по беговой дорожке, слушая новоорлеанского диск-жокея, который восторженно рассказывал о недавно прогремевшей британской группе Super Furry Animals. Ребята были из долин Уэльса. Слушая их, я захотел домой, и вдруг тюремный репродуктор протрещал: «Маркс, 41526-004, зарегистрируйтесь в иммиграционной службе!»

— У нас ваш паспорт и билет, — сообщил сотрудник иммиграционной службы. — К вашему отъезду все готово. Конечно, мы не можем назвать вам точную дату, но это будет скоро.

Настал и прошел день освобождения, минула еще неделя или около того. «Это делишки Ловато, — подумал я. — Он подговаривает дружков из УБН, чтобы меня не отпускали».

В четверг, 7 апреля, Комо, таец, который противился депортации семь лет и уже семнадцать лет гнил в тюрьме, выбежал мне навстречу:

— Бритиш, ты в списке! Сегодня вечером уезжаешь. Около часу ночи. Пожалуйста, оставь мне плеер.

Комо убирал офисы тюремного персонала и поэтому имел доступ к секретной информации. Он уже владел двумя десятками плееров, которые пытался всучить новичкам. Каждому старожилу, мотавшему долгий срок, требовался надежный приработок. Однако новости настолько обрадовали меня, что я тут же отдал плеер.

— Удачи тебе, Комо! Может, увидимся когда-нибудь в Бангкоке.

— Я никогда не поеду в Бангкок, Бритиш. Меня там убьют. Я американец. Останусь здесь.

— Здесь тебя тоже убьют, — сказал я, — но гораздо медленней и болезненней.

— Медленно — это хорошо, Бритиш, а очень медленно — еще лучше.

Я не рискнул никому сообщить про свое освобождение. Что, если это неправда? И потом, телефоны прослушивались. Узнав, что я уезжаю, власти могли бы вмешаться в мои планы.

Той ночью еще восемь человек покидали тюрьму: американизированный нигериец с британским подданством и семеро южноамериканцев.

— Тут все твое имущество, Маркс?

У меня было около сотни долларов, шорты, маникюрные

кусачки для ногтей, расческа, зубная щетка, будильник, двухнедельной давности документы, подтверждающие дату моего освобождения, кредитная карта, которой я мог пользоваться в тюремных торговых автоматах, и пять книг, включая одну, написанную обо мне, «Охота за Марко Поло».

— Да, это все.

Я положил деньги в карман. Впервые за последние шесть лет. Странно. Как часто я буду вспоминать это? Впервые за шесть лет. Деньги, секс, выпивка, косяк марихуаны, ванна и индийское карри. Все за углом.

Остальные мои вещи положили в картонную коробку. Мне выдали пару голубых джинсов не по росту (штанины были сантиметров на тридцать длинней, чем нужно) и необычайно тесную белую футболку. Это называлось «принарядить», подарок от правительства США тем, кто вновь входит в свободный мир.

На нас надели наручники (цепей не было) и затолкали в маленький фургон. Затем мы подобрали еще двоих ребят с другого тюремного выхода. Один выглядел как латинос, другой скорее как европеец. Все молчали, воодушевленные собственными мыслями. Зашумел двигатель, и фургон направился к Хьюстону. Только начинало светать. К девяти часам мы чувствовали себя как сардины в консервной банке, которую поджаривают на огне. А к десяти уже сидели в огромной камере временного содержания в международном аэропорту Хьюстона, в окружении более полусотни преступников-иностранцев. Европеец спросил нигерийца:

— Ты откуда? — У него был сильный южноуэльский акцент. Я еще не встречал уэльсца в американской тюрьме и не слыхал, чтобы они там попадались. Я знал очень мало американцев, которые вообще слышали об Уэльсе.

—Ты из Уэльса? — прервал я.

—Да, — сказал он, глядя на меня с сильным подозрением.

—Я тоже.

—М-м-м! — Подозрение крепло.

— А из какой части? — полюбопытствовал я, немного подпустив акцента.

— Суонси, — ответил он, — а ты?

— Из Кенфиг-Хилл, сорок километров от тебя. Он заржал:

— Неужели это ты? Боже всемогущий! Христос бы прослезился! Чертов Говард Маркс! Гребаный Марко Поло. Так они тебя отпускают? Это чертовски здорово! Приятно познакомиться, приятель. Меня зовут Скугзи.

Мы долго болтали. Скугзи тоже только что отбыл срок за наркотики.

— Моя жена долго работала в наркологическом центре в Суонси. Вот уж действительно идеальная парочка. Я их подсаживаю, она снимает. И мы как бы друг друга поддерживаем.

Воспоминания о южноуэльском юморе часто помогали мне пережить тяжелые времена в тюрьме. Теперь я слышал его вживую. Я возвращался к корням, а они тянулись ко мне.

Нигериец, смутившись, запоздало ответил на первый вопрос Скугзи:

— Я живу в Лондоне. Туда меня депортируют. Никогда больше не вернусь сюда. Они забрали у меня деньги, собственность, бизнес. Только потому, что кто-то, с кем я не был знаком, поклялся на суде, что я продал ему наркотики.

Знакомая история. Слишком хорошо знакомая. Количество депортируемых в переоборудованном летном ангаре уменьшалось.

— Кто-нибудь еще летит в Лондон? — поинтересовался Скугзи.

В Лондон не летел никто.

Вскоре нас осталось трое. Мы узнали, что рейс компании «Континентал эйрлайнз» ожидается через час. К нам подошел сотрудник иммиграционной службы. В руке у него был пистолет.

— Сюда, вы трое!

Маленький фургон доставил нас к трапу. Офицер указал жестом, чтобы мы поднимались по ступенькам. Впереди шел нигериец. Следом за ним Скугзи, который смачно плюнул на американскую землю.

— Прекратить! — рявкнул коп, угрожая пушкой.

— Не дури, Скугзи. Ты знаешь, что они за люди.

— Знаю я этих уродов, — буркнул Скугзи. — Я их ненавижу. В рот бы им не нассал, если б у них глотки пылали. Чтоб я сожрал еще хоть один гамбургер. Никаких больше мюслей на завтрак. И не повезет тому американосу, который спросит дорогу. Пусть хоть кто-нибудь попытается заплатить мне в долларах. Да поможет ему Господь.

—Довольно, Скугзи. Давай поднимайся!

Когда мы вошли в салон, ощущение было такое, будто нас занесло на межпланетный корабль «Энтерпрайз». Космические прически, клоунская одежда, компьютеры всех форм и размеров. Неужели все так изменилось? Или я просто забыл? Огни зажигались и гасли. Очаровательные улыбающиеся женщины, каких в тюрьме увидишь только на фотографиях, пришпиленных к стенам, ходили по проходу. Одна обратилась ко мне:

— Мистер Маркс, ваше место 34Х. Оно в проходе. Мы удержим ваш паспорт до посадки в Лондоне. Затем передадим его

британским властям.

Мне не понравилось, как это прозвучало, но я был слишком зачарован, чтобы придать этому большое значение. Куда посадили Скугзи и нигерийца, я не видел. Я занял свое место, пожирая глазами журналы и газеты, и принялся поигрывать с кнопками настройки положения кресла, словно ребенок, впервые попавший на борт самолета. Раньше я тысячи раз летал коммерческими рейсами, но не помнил ни одного. Отрыв от земли был магическим. Я увидел, как исчезает Техас. А потом и вся Америка. Все-таки есть Бог на свете.

— Не желаете ли коктейль перед едой, мистер Маркс?

Я не употреблял алкоголь и ничего не курил уже три года. Я гордился своей самодисциплиной. Может быть, мне стоит оставаться трезвенником?

— Просто апельсиновый сок, пожалуйста.

Передо мной поставили поднос с едой. Раньше я редко ел в полете: кроме икры и паштета из гусиной печенки, которые подают в первом классе на длительных перелетах, все остальное бывало отвратительно, гораздо ниже того королевского уровня, к которому я привык. Тюремная баланда излечила меня от страсти к изыскам. Поданная мне еда оказалась лучшим из всего, что я пробовал, и мне безумно нравилось возиться с пакетиками приправ. На подносе стояла маленькая бутылочка вина. Конечно же, я выпил. Божественный вкус! Я попросил еще шесть.

Меня беспокоило замечание стюардессы. Какие еще британские власти? Слишком много их было, органов власти, которым я насолил. За мной числилось немало такого, за что запросто могли засудить. Пока я шесть с половиной лет сидел в тюрьме, британские ищейки собрали доказательства, уличавшие меня в причастности к бесчисленным поставкам марихуаны и гашиша в Англию, за которые я еще не понес наказания. Они нашли несколько моих поддельных паспортов. Если им захочется, они меня арестуют.

Обо мне написали две книги, из которых явствовало, что Говард Маркс — неисправимый аферист, не испытывающий ничего кроме презрения к органам правопорядка. Четырнадцать лет назад я был оправдан в ходе нашумевшего девяти недельного процесса об организации самой крупной в истории поставки марихуаны в Европу — пятнадцать тонн лучшей колумбийской дури. Обвинение возбудило Управление по таможенным пошлинам и акцизным сборам. Это был их самый крупный полицейский налет. Они меня никогда не забудут.

Старший инспектор полиции покончил жизнь самоубийством, после того как его обвинили в том, что он раскрыл прессе мои

связи с британской разведкой. Из-за меня Скотленд-Ярд потерял своего лучшего человека. Вряд ли там числят меня в друзьях.

И в МИ-6 мной тоже не слишком довольны, ведь я переправлял наркотики вместе с бойцами ИРА, а должен был за ними шпионить...

Десять лет назад, когда мое состояние, сделанное на ввозе гашиша и марихуаны, оценили в два миллиона фунтов, Управление налоговых сборов неохотно удовольствовалось общей задолженностью по налогам в шестьдесят тысяч фунтов. В результате публичных заявлений руководителей DEA стало признанным фактом, что я храню больше двухсот миллионов фунтов на банковских счетах в странах Восточного блока. Без сомнения, налоговая служба от них бы не отказалась.

Даже если англичане решат, что я уже достаточно наказан, спецагент Крейг Ловато убедит их в обратном. В середине восьмидесятых он шутя мобилизовал правоохранительные структуры четырнадцати стран, чтобы они, сомкнув ряды в беспрецедентном акте международного сотрудничества, навсегда упекли меня за решетку. Среди этих стран были Соединенные Штаты, Великобритания, Испания, Филиппины, Гонконг, Тайвань, Таиланд, Пакистан, Германия, Голландия, Канада, Швейцария, Австрия и Австралия. Ловато мог воспринять мое досрочное освобождение как личную неудачу, потерю лица. В его силах было сделать так, чтобы англичане арестовали меня по прибытии. Что ему стоит проявить непреклонность и пообещать им вертолеты, машины, компьютеры и шопинг в Майами. Что ждало меня в аэропорту Гатуик в Лондоне?

На экране появилась крупномасштабная карта, отражавшая, как мы снижаемся над горами Уэльса. Казалось, что Кенфиг-Хилл — такое далекое прошлое.

МАГИСТР МАРКС

Мое первое воспоминание: я сбрасываю кота в океан с корабельной палубы. Зачем? Клянусь, я был уверен, что кот поплывет, поймает рыбу и победоносно вернется. Я просто не придумал ничего лучшего и не виню себя. Хотя закинуть Феликса в лоно вод было не очень красиво с моей стороны. Если это хоть как-то успокоит любителей кошек, признаюсь: образ Феликса преследует меня по сей день. Когда бы перед мысленным взором ни проносились события моей жизни, а случалось это не только в те мгновения, когда я находился на краю гибели, первое, что я видел, — это морду кота.

Мы находились в Индийском океане. Грузовой корабль «Брэдбери» принадлежал компании «Реардон Смит», Кардифф. Кот же принадлежал сиамскому принцу и был любимчиком крепких парней из корабельной команды. Мой отец, Деннис Маркс, сын боксера-угольщика и повивальной бабки, состоял на «Брэдберне» шкипером. Вот уже двадцать первый год, как он служил в британском торговом флоте. Ему разрешали брать с собой в далекие плавания мою мать Эдну, школьную учительницу, дочь оперной певицы и шахтера, и меня. С 1948 по 1950 годы я побывал везде, но запомнил немногое, только кота. Может быть, кот оттого столь неизгладимо отпечатался в моей памяти, что отец, узнав о жестокой проделке, выпорол меня перед всей командой, кипевшей от ненависти и замышлявшей собственную кровавую расправу. С тех пор он ни разу меня не ударил.

Порка не заставила меня полюбить животных (хотя если мне кто и нравится, так это кошки), но отвратила от сознательного нанесения боли любым живым существам. Даже тараканам в тюремных камерах не приходилось беспокоиться за свою жизнь (за исключением луизианских). И если мне все же придется принять какую-то веру, я рискую попасть в жаркое пламя христианского ада, потому что всегда буду оставаться буддистом, особенно в Бангкоке.

Большинство жителей каменноугольного бассейна в Южном Уэльсе говорят скорее на английском Дилана Томаса[5], нежели на валлийском. Моя мать была исключением. Ее родительница происходила из друидических дебрей Южного Уэльса. Первые пять лет я говорил только на валлийском. Я родился в Кенфиг-Хилл, небольшой шахтерской деревушке в графстве Гламорганшир, и ходил в англоязычную начальную школу

следующие пять лет. Кроме сестры Линды (на несколько лет младше меня) у меня был только один настоящий друг, Марти Лэнгфорд, чей отец не только был местным мороженщиком, но и был победителем общенационального конкурса на лучшее мороженое. Марти и я почти всегда могли за себя постоять в школьных дворах.

Ожидая результатов экзаменов, я решил заболеть. В школе было ужасно скучно, хотелось внимания и сочувствия. Незадолго до этого я обнаружил, что ртуть в обычном градуснике можно сколько угодно гонять вверх и вниз. И пока никто не смотрел, я сам был волен решать, какая у меня температура. Приглядевшись, можно было заметить, что ртутный столбик разорван и температура на градуснике ненастоящая, но этого никто не делал. Опасаясь, что меня засекут, я без зазрения совести сочинял симптомы — болит горло, кружится голова — болезней, при которых температура скачет, как на «американских горках». Одна из таких хворей носит название мальтийской лихорадки, хотя иногда ее именуют бруцеллезом или даже гибралтарской лихорадкой. Чаще всего люди заболевают ею в тропиках, вполне возможно, что и святой Павел тоже ею хворал. Мой отец точно переболел лихорадкой, если он, конечно, не притворялся. И хотя местный доктор догадывался, что я хитрю, ему ничего не оставалось делать, как согласиться с диагнозом авторитетных медиков, что я, как мой отец и святой Павел, подхватил мальтийскую лихорадку. Меня поместили в инфекционную палату больницы Бриджента.

Это было круто. Десятки смущенных и заинтересованных докторов, сестер и студентов окружали мою койку и относились ко мне чрезвычайно любезно и внимательно. Они давали мне лекарства и проводили обследования. Несколько раз в день мне измеряли температуру и, как ни странно, иногда оставляли одного с термометром, поэтому я снова мог нагнать себе температуру. Иногда я украдкой бросал взгляды на чрезвычайно объемистые папки документов с надписью, довольно обидной, «Только для медицинского персонала». Во мне проснулся искренний интерес к медицине и еще более искренний интерес к медицинским сестрам. Думаю, эрекции у меня бывали и раньше, но я как-то не соотносил их с тем, что, вожделея, пялился на женщин. А теперь соотносил, хотя по-прежнему не осознавал, что эти ощущения напрямую связаны с продолжением человеческого рода.

Несколько недель эрекций и таблеток — и мне снова все надоело. Захотелось домой — играть в конструктор. Я перестал нагонять температуру и жаловаться. К сожалению, в те дни

попасть в больницу, как и сейчас в тюрьму, было гораздо легче, чем выйти оттуда. Томясь желанием поскорее выписаться, я потерял аппетит. Специалисты радостно записали в карточку очередной симптом и принялись над ним размышлять. В конечном счете после нескольких десятков литров энергетического напитка «Люкозэйд» ко мне вернулся аппетит, я пошел на поправку, и меня выписали. Моя первая афера была позади.

Пабов в Южном Уэльсе было больше, чем церквей, а шахт больше, чем школ. Меня направили в среднюю школу Гарв, что на валлийском значит «грубый». Это слово вряд ли можно отнести к жителям Южного Уэльса — скорее к уэльскому рельефу. Это была старомодная начальная школа для мальчиков и девочек на самой окраине долины. От моего дома до школы было семнадцать километров, которые я весело проезжал за сорок пять минут на школьном автобусе. Я часто видел, как по школьному двору гуляют овцы, иногда пытаясь зайти попастись в классные комнаты.

Я прошел краткий вводный курс в жизнь, выучил первые уроки неформального учебного плана уэльской школы. Мне объяснили, что если с толком пользоваться эрекцией, то семяизвержение приносит сильное удовольствие. И что, направив семя в нужном направлении, можно сделать детей. Мне досконально объяснили технику мастурбации. Я пытался овладеть ею в уединении своей спальни, правда пытался. Снова и снова. Ничего. Это было просто ужасно. Меня не трогало, обзаведусь ли я детьми. Просто хотелось кончить, как все остальные, и вот досада: ничего не получалось. И еще я понял, что, если человеку суждено с чем-то обломаться, пусть уж лучше это будет онанизм.

Я прекратил царапаться и драться, отчасти потому, что потерял сноровку, то есть били меня, отчасти потому, что не выносил физического контакта с мальчиками. Медсестры меня испортили. Да благословит их Господь!

Взаимная мастурбация на спортивных занятиях и уроках физкультуры была делом обычным, а мысль о том, что меня вынуждают принять в этом участие и обнаружить свой недостаток (показать, что я не могу кончить), вселяла ужас. Я знал, что познания в медицине меня не подведут. Я очередной раз нагнал себе температуру и придумал загадочную болезнь, из-за которой меня полностью освободили от физической нагрузки в школе. В глазах одноклассников я тут же превратился в заучку, хуже того — в девчонку, как меня нередко обзывали. Из-за способности хорошо справляться со школьными экзаменами я прослыл

зубрилой, что в общем-то было не лучше. Жизнь шла не так, как мне того хотелось: девочки не обращали на меня внимания, а мальчики надо мной потешались. Нужно было все в корне менять.

Элвис Пресли вряд ли страдал моими проблемами. Я без конца смотрел фильмы с его участием и слушал его пластинки. Читал про него все, что мог достать. Копировал его прическу, пытался выглядеть как он, говорить его голосом, ходить его походкой. Ничего не выходило. Но потом стало получаться, или мне просто так казалось. Как-никак, я был стройный, высокого роста, с темными волосами и толстыми губами; и когда старался держаться прямо, у меня даже пропадали сутулость и пузо. Еще с шестилетнего возраста я два раза в неделю брал уроки игры на фортепьяно в соседнем доме. Как-то утром, к великому удивлению родителей, я прекратил репетировать «К Элизе» и «Лунную сонату» и направил свои таланты на четкое исполнение «Teddy Bear» и «Blue Suede Shoes» воображаемым слушателям.

В школе я решил стать настоящим хулиганом. Надеялся, что тогда меня возненавидят учителя и полюбят одноклассники. В какой-то степени так оно и вышло, но настоящий хулиган из меня не получился, и наполовину я все равно оставался заучкой, которого время от времени задирали мальчишки. Показать всем, какой я Элвис, у меня не хватало храбрости. Телохранитель — вот что мне было нужно.

В школе Гарв не вели никаких внеклассных занятий, потому что большинство учеников жили в разбросанных по всем окрестностям изолированных шахтерских селениях. В каждой деревне была своя общественная жизнь и своя молодежь, из которой только несколько человек ходили в школу, на другой конец долины. В каждой деревне имелся свой крутой парень. Крутого из Кенфиг-Хилл звали Альберт Хэнкок. Он был на несколько лет старше меня, совершенно сумасшедший, очень сильный и смахивал на Джеймса Дина[6]. Я регулярно с ним встречался, хотя отчаянно трусил. Как и большинство здравомыслящих людей. Более подходящего телохранителя было сложно себе представить. Но как же с ним подружиться? Это оказалось легче, чем я мог подумать. Я носил ему сигареты и просил показать, как нужно затягиваться. Я стал для него мальчиком на побегушках и «одалживал» ему деньги. Так было положено начало длительного альянса. Теперь школьные друзья не смели насмехаться надо мной: слухи о жестокости Альберта ходили за много миль вокруг. Когда мне исполнилось четырнадцать, Альберт взял меня с собой в паб, где я попробовал первую в жизни кружку пива. В заведении стояло старое фортепьяно. С пьяной храбростью я развалился у клавиатуры и

спел Blue Suede Shoes под собственный аккомпанемент. Посетителям понравилось. Наступили веселые времена.

Веселые времена закончились примерно годом позже, когда отец нашел мой дневник, в котором я безрассудно распространялся о выкуренных сигаретах, выпитом пиве и своих сексуальных приключениях. Он спустил меня на землю. Запретил ходить куда бы то ни было, кроме школы. Настоял, чтобы я состриг свои патлы. (К счастью, Пресли как раз только что подстригся, чтобы вступить в ряды армии Соединенных Штатов, и я обернул наказание в свою пользу.)

До экзаменов за пятый класс оставалось полгода. Пришлось к ним готовиться. Я занимался с удивительной одержимостью и упорством. Все десять предметов сдал на очень высокие оценки. Родители были счастливы. Жить стало лучше. Поразительно, что Альберт тоже ликовал: его лучший друг был Элвисом и Эйнштейном в одном лице. И снова наступили прекрасные времена.

Моя вновь обретенная свобода совпала с открытием в Кенфиг-Хилл клуба «Вэнз тин энд твенти». По крайней мере раз в неделю выступали группы, и почти всегда мне давали спеть несколько песен. Репертуар у меня был очень маленький (What'd I Say, Blue Suede Shoes и That's All Right Mama), но он всегда хорошо проходил. Жизнь почти превратилась в рутину: Будние дни в школе посвящались занятиям физикой, химией и математикой. По вечерам я тоже занимался. Все остальное время проводил, выпивая в пабах, танцуя и выступая в «Вэнз», гуляя с девчонками.

Как-то весной рано вечером по просьбе нескольких подражателей Чабби Чекера я пробовал сыграть на пианино Let's Twist Again в гостиничном баре «Роял оук», на Стейшн-роуд, в Кенфиг-Хилл. Уже и без того приглушенный свет неожиданно померк еще больше при появлении пятерых полицейских, которые пришли проверить возраст посетителей паба. Владелец, Артур Хьюз, никогда не заморачивался насчет возраста. А мне еще и восемнадцати не исполнилось. Я нарушал закон. Один из полицейских, констебль Гамильтон, был мне знаком. Этот здоровила англичанин недавно переехал в дом рядом с нашим. Гамильтон подошел ко мне:

— Немедленно прекрати бренчать!

— Продолжай, Говард. В этом нет ничего незаконного. Все будет в порядке, играй, — сказал Альберт Хэнкок.

Я стал играть немного медленней.

— Я же приказал тебе остановиться! — прорычал Гамильтон.

— Говард, да пошел он к черту. Он не может запретить тебе

играть. Не желаешь станцевать твист, Гамильтон, и сбросить жирок?

Паб загоготал от дерзкого остроумия Альберта.

— Хэнкок, следи за тем, что говоришь. «Черная Мария» на улице как раз тебя дожидается[7].

— Ну так веди ее сюда, Гамильтон. Здесь нет расистов. Под аккомпанемент еще более громких раскатов смеха я сыграл первые несколько аккордов композиции Джерри Ли Льюиса Great Ball of Fire. Громко и быстро. Гамильтон схватил меня за плечо.

— Сколько тебе лет, сынок?

— Восемнадцать, — уверенно соврал я.

Я уже больше трех лет ошивался в пабах, и никто никогда не выпытывал мой возраст. Обнаглев еще больше, я схватил кружку горького пива и сделал пару глотков. Я был уже слишком пьян.

— Как тебя зовут, сынок?

— Вам какое дело? Если мне восемнадцать, я могу здесь пить, как бы меня ни звали.

— Выйди на улицу, сынок.

— Почему?

— Просто делай, что говорят.

Я продолжал играть до тех пор, пока Гамильтон не выволок меня из паба. Он достал записную книжку и карандаш, как у полицейского из телесериала «Диксон из Док-Грин».

— Теперь скажи мне, как тебя зовут, сынок.

— Дэвид Джеймс.

Насколько я знал, такого человека не существовало.

— Мне показалось, друзья называли тебя Говардом.

— Нет, меня зовут Дэвид.

— Где ты живешь, сынок? Кажется, я тебя где-то встречал.

— Пвллигат-стрит, 25.

Такой адрес существовал, но я и понятия не имел, кто там живет.

— Где ты работаешь, сынок?

— Я еще учусь в школе.

— Так я и думал. Ты молодо выглядишь, сынок. Я проверю то, что ты мне сказал. Если соврал, я тебя найду. Спокойной ночи, сынок.

Я вернулся в бар.

Всю глупость своего поведения я осознал только утром, когда поднялся с кровати. Гамильтон мигом узнает, что на Пвллигат-стрит, 25, никакого Дэвида Джеймса нет и не было. И упаси меня бог столкнуться с ним еще раз. Я забеспокоился. Меня поймают и обвинят в незаконном употреблении алкоголя и в том еще, что я дал полиции ложные сведения. Потом будет суд. О нем напишут в

«Гламорган газетт». Меня обязательно накажут.

Хотя отец не одобрял курение, пьянство и азартные игры, он всегда прощал мне любой проступок, если я говорил правду. Я признался ему в том, что произошло накануне вечером. Он встретился с Гамильтоном и объяснил ему, какой я хороший мальчик и прилежный ученик. Гамильтон усомнился и сказал, что Альберт Хэнкок дурно на меня влияет. Так или иначе, в тот день отец вышел победителем. Гамильтон согласился замять дело.

Отец прочитал мне лекцию. И я сделал для себя кое-какие выводы: как и большинство людей, я дурею от выпивки; полицейские создают проблемы; мой отец — хороший человек, а судебного разбирательства всегда можно избежать.

Меня пригласили на собеседование на кафедру физики в Кингз-Колледж при Лондонском университете. Я с нетерпением ожидал первой в жизни самостоятельной поездки. Физика давалась мне по-прежнему легко, и по поводу собеседования я не беспокоился. Голова была занята тем, как бы побывать в Сохо, местечке, о котором мне не раз во всех подробностях рассказывал Альберт.

После четырехчасового путешествия на поезде, которое закончилось на вокзале Паддингтон, я приобрел туристическую карту, добрался на метро до Стрэнда и посетил собеседование в Кингз-Колледж. Вопросы оказались простыми. Я выяснил, какие станции метро находятся рядом с площадью Сохо, и решил подождать, пока стемнеет. Я пошел по Фрит-стрит и Грик-стрит. Это было невероятно. Район оказался таким, как рассказывал Альберт. На каждом шагу стриптиз-клубы и проститутки. Ничего подобного я раньше не видел. Я воочию наблюдал клубы и бары, о которых читал в «Мелоди мейкер» и «Нью мьюзикл экспресс»: «Я и Я», «Маркиза», «Фламинго» и «У Ронни Скотта». А затем самая сексуальная девушка в мире спросила, не хочу ли я провести с ней время. Я объяснил, что у меня нет таких денег. Она сказала, что это ерунда. Я назвался Диком Риверсом (именем героя, которого Элвис играл в фильме «Люблю тебя»). По Уордор-стрит мы дошли до Сент-Эннз-корт и поднялись в квартиру, на двери которой значилось: «Лулу». Я выложил все, что имел, — два фунта и восемь шиллингов. Она дала мне только чуть-чуть, но оказалось более чем достаточно. Я добрел до Гайд-парка, затем до Паддингтона. Два часа болтался по платформе, разглядывая пассажиров, а потом сел на ранний пригородный поезд до Бриджента. Теперь у меня было что рассказать друзьям.

Кингз-Колледж принял меня на тех условиях, что я буду учиться на пятерки. Я дал клятвенные заверения. Мне уже не терпелось вернуться в Сохо. Я получил самые высокие оценки по

каждому предмету. У Герберта Джона Дэвиса, директора школы Гарв, имелись свои соображения. Я очень сильно удивился, когда он как-то отвел меня в сторону и выразил пожелание, чтобы я сдал вступительные экзамены в Оксфордский университет. Уже лет восемь никому из школы Гарв не удавалось поступить в Оксфорд. Последним, кто в этом преуспел, был, кстати, директорский сын Джон Дэвис. В Оксфорде он изучал физику. Директор настаивал, чтобы я тоже попробовал. До тех пор я и не слышал о Баллиоле[8]. Директор посоветовал мне прочитать «Анатомию Британии» Энтони Сэмпсона, чтобы узнать побольше об этом колледже и просто расширить свои познания. Раздел, посвященный Баллиолу, производил впечатление, и мне сразу захотелось туда поступить. Среди людей, которые там учились, было столько премьер-министров, августейших особ и академиков, что я и не надеялся туда попасть. Тем не менее терять мне было нечего. В случае провала я всегда мог получить место в Кингз-Колледж и заодно повидаться с Лулу.

Осенью 1963 года я писал экзаменационные работы, присланные из Оксфорда в мою школу. Одна, по физике, оказалась нетрудной, другая, общая, была практически недоступна для понимания. В ней, в частности, спрашивалось, что полезнее: газета «Тайме» или труды Фукидида и Гиббона[9]? Я не подозревал о существовании Фукидида и Гиббона и в глаза не видел газету «Тайме». Вопрос остался без ответа, как и большинство других. Объясняя, почему поп-звезды зарабатывают больше медсестер, я привел тот аргумент, что для поп-звезд не установлена минимальная заработная плата. Вряд ли это было убедительное объяснение.

Подготовка к предварительному собеседованию в Баллиоле далась мне тяжело. Я тогда носил пижонскую прическу — довольно длинные волосы, набриолиненные и гладко зачесанные с коком надо лбом. Родители настаивали, чтобы я подстригся, и мне пришлось покориться. «Анатомия Британии» наконец была дочитана, и, опять же по совету директора, я бился над повестью «Старик и море» Хемингуэя. На тот момент из всей классической и современной литературы я ознакомился, за исключением приключенческих романов Лесли Чартериса и детективов Эдгара Уоллеса, только с «Оливером Твистом» и «Юлием Цезарем», которые входили в учебную программу английской литературы, и «Любовником леди Чаттерлей», который в эту программу не входил. По физике я не прочитал ничего сверх программы и приходил в ужас от мысли, что меня могут спросить о теории относительности или квантовой механике, которую я и сейчас полностью не понимаю.

«Старик и море» был оставлен, когда поезд Бридженд-Оксфорд прибыл в Кардифф и я, окопавшись в вагоне-ресторане, принялся глушить пиво банку за банкой. В Дидкоте нужно было делать пересадку. Напротив меня сидел человек, державший пару наручников, и тут я впервые увидел дремлющие шпили Оксфорда.

Через пару часов в Баллиоле я стоял под дверью комнаты для собеседований в компании другого кандидата. Я протянул ему руку:

— Привет! Меня зовут Говард.

Он выглядел озадаченным и вложил свою руку в мою так, будто ожидал, что я ее поцелую.

— Где ты учился? — спросил он.

— В Гарве.

— Что?

— В Гарве.

— А где это?

— Между Кардиффом и Суонси. Неподалеку от Бриджента.

— Извини, не понял?

— В Гламоргане, — пояснил я.

— А-а-а, Уэльс! — протянул он с презрением.

— А ты где учился? — спросил его я.

— В Итоне, — сказал он, глядя в пол.

— А где это? — Я не мог удержаться от вопроса.

— Это же Итон! Школа Итон.

— Да, я о ней слышал, но где она находится?

— В Виндзоре.

Выпускник Итона проходил собеседование первым. Приставив ухо к двери, я выслушал длинный членораздельный список его спортивных достижений и заволновался. Большой любитель регби, я не участвовал ни в каких спортивных мероприятиях или играх с двенадцати лет, когда меня по ошибке поставили нападающим в запасную школьную команду. Уверенность, и без того шаткая, что я пройду собеседование, улетучилась без следа.

Примерно двадцать минут спустя дверь открылась, вышел итонец, и дверной проем заполнила импозантная фигура Рассела Мэйггса, преподававшего историю Древней Греции. Его прекрасные седые волосы доходили до плеч, и я пожалел, что пошел на поводу у родителей. С Расселом Мэйггсом я почувствовал себя совершенно непринужденно. Мы обстоятельно побеседовали об уэльских угольных шахтах, национальной сборной регби и «Айстедводе», ежегодном фестивале искусств. Несколько раз я рассмешил его, и мы очень быстро распрощались.

Собеседование по физике давало меньше поводов для веселья, и я быстро осознал, что одними шутками здесь не отделаешься. К счастью, все вопросы были из основной программы. На ночь меня поместили в небольшой гостинице на Уолтон-стрит, где я оставил на хранение свой чемодан, прибыв в Оксфорд. Скинув быстренько свой приличный костюм и облачившись в пижонский прикид, я завалился в ближайший паб, где пил до полной потери чувств.

Спустя пару месяцев меня снова вызвали в Баллиол. На сей раз чтобы сдать ряд вступительных экзаменов на получение специальной стипендии. Они были растянуты на несколько дней и предполагалось, что в течение этого времени мы будем жить в колледже. Я рассказал родителям о прическе Рассела Мэйггса, но это не избавило меня от принудительной стрижки.

По прибытии в Баллиол я присоединился к другим кандидатам, которых собрали в зале отдыха для первокурсников.

Итонца нигде не было видно. Я робел и ощущал подавленность. Боялся рот открыть: мой уэльский акцент неизменно вызывал раскатистый смех. Наконец я разговорился с парнем из Саутгемптона. Он тоже поступал на физический факультет и, по всей видимости, так же как и я, чувствовал себя не в своей тарелке. Его звали Джулиан Пето, и до сегодняшнего дня он остается самым близким моим другом. Утром и днем мы методично сдавали экзамены, а по вечерам также методично напивались. Выдержав каким-то чудом еще несколько собеседований и ни с кем больше не подружившись, я вернулся домой, уверенный, что больше никогда не приеду в Оксфорд.

Однако в первой половине декабря 1963 года из Баллиола пришло письмо. Я не стал открывать его сам — отдал отцу. По тому, как просияло его лицо, все стало понятно без слов. Вопреки утверждениям газетчиков, много писавших обо мне в семидесятых и восьмидесятых, стипендии я не получил, но добился места.

Новость о том, что я зачислен в Оксфорд, распространилась по Кенфиг-Хилл. Баллиол только что выиграл в телевикторине «Дуэль университетов», и это прибавило мне почестей. Я не мог пройти по улице без того, чтобы каждый встречный не бросался ко мне с поздравлениями. Я стал главным учеником школы. Успех совершенно вскружил мне голову, до некоторой степени я жил за счет него. До конца года купался в славе. Начал искать упоминания Баллиола в печати, но нашел только одну статью. В ней говорилось о новом поветрии — курении марихуаны, предмете для меня новом. Глава Баллиола сэр Дэвид Линдси Кейр высказывался в том духе, что курение ведет к безделью.

Как первокурснику Баллиола, мне следовало приобрести ряд

предметов из списка, высланного чиновниками колледжа, в том числе: чемодан, колледжский шарф, учебники и короткую мантию. Со своими преисполненными гордости родителями я провел несколько дней в Оксфорде, покупая все необходимые для учебы вещи. Мы заехали и в Баллиол, но никого там не застали, кроме придурковатого американского туриста, который, не скрывая разочарования, глазел науниверситетский парк. Я аккуратно упаковал все покупки в чемодан, отложив только шарф, чтобы покрасоваться, путешествуя автостопом по Европе.

В начале октября 1964 года началась моя студенческая жизнь в Баллиоле. Мне досталась маленькая, мрачная комнатка на первом этаже (глазей в окно кому не лень), с видом на Сент-Джайлз. Но самым ужасным был шум автомобилей за окном. Через это окно я впервые, но отнюдь не в последний раз смотрел на мир через решетку. В дверь постучался и вошел пожилой джентльмен в белом пиджаке. «Я ваш служитель Джордж», — представился он.

Меня не предупреждали о существовании служителей, и я понятия не имел, какую роль исполняет сей доброжелательный джентльмен. Моей первой мыслью было то, что он имеет какое-то отношение к спорту. Мы с Джорджем провели много времени за разговорами, и он рассказал, что в его обязанности входит застилать кровать, убирать мою комнату и мыть за мной посуду. Все это мне показалось удивительным. Я никогда не бывал в ресторане, где обслуживают официанты, не пользовался услугами носильщика, не жил в гостинице.

Перспектива обедать в столовой пугала: о чем говорить, как держаться? Вдруг кто-нибудь подумает, что я не умею держать себя за столом? Приходилось туго, я чувствовал себя не на месте, но Джулиан Пето, которого приняли в Баллиол со стипендией, всегда кидал мне спасательный круг.

Для первокурсников, желающих записаться в студенческие общества, в здании ратуши проводилась ярмарка вакансий. Мы с Джулианом отправились посмотреть, что предлагают. Нам не приглянулось ни одно из обществ, ни один клуб. Три симпатичные девушки подошли и пригласили вступить в Ассоциацию оксфордских консерваторов. Джулиан, участник Движения за ядерное разоружение и ярый социалист, воспитанный родителями-гуманистами, отпрянул в отвращении, а я заколебался под влиянием женских чар. Чтобы продолжить приятную встречу, я согласился вступить в Ассоциацию и расстался с несколькими шиллингами в обмен на эту привилегию. Мои родители, узнав позднее о сыновнем предательстве, были вне себя от ярости. Я никогда не посещал

партийных собраний и никогда больше не видел тех трех красоток. Единственная выгода от этого импульсивного и глупого поступка заключалась в том, что, возможно, запись о членстве в данной организации понравилась людям, которые завербовали меня в агенты МИ-6, британской секретной службы.

Я записался в Оксфордский клуб. За несколько месяцев до того побывал на танцах в клубе Университета Суонси и полагал, что если где-то и есть место року, алкогольным возлияниям, беспорядочным половым связям и так далее, то это в клубе. Выяснилось, однако, что я выложил примерно одиннадцать фунтов за пожизненную членскую карту дискуссионного общества. Естественно, я там не бывал, но карта болталась в кошельке, пока ее не конфисковало Управление по контролю за соблюдением законов о наркотиках США в июле 1988 года.

Практические занятия по физике, обязательные для посещения, оказались непыльным делом. А на лекции я носу не казал, едва догадался, что ходить на них необязательно. Тем не менее студенты-физики должны были пропадать в Кларендонской лаборатории ради бесконечных и бессмысленных экспериментов с маятниками, лупами и резисторами. Вскоре я и на них поставил крест.

У меня было мало, а возможно, ничего общего с однокурсниками (кроме Джулиана Пето), но вражды между нами не водилось — лишь вежливое безразличие. Со временем я завел знакомых на других факультетах и обнаружил, что гуманитарии, особенно историки и философы, куда интереснее естественников. Они были инакомыслящие. Некоторые даже носили длинные волосы и джинсы.

Университетских девиц я избегал, зная, что они не будут спать ни со мной, ни с кем бы то ни было. Еще в Уэльсе я усвоил разницу между студентками и шлюшками. Девчонки, спавшие с мужчинами, бросали школу и шли работать в дешевый универмаг, на тотализатор или на завод. Я крутил любовь с иностранками, учившимися в медицинских и секретарских колледжах. Миф о том, что все англичанки — старые девы, переставал быть мифом.

В середине первого семестра семерым студентам, в том числе и мне, было предложено прочитать главе колледжа доклады о демографической проблеме. Я и не знал про такую. На подготовку давалась неделя, и я психовал. Взял из библиотеки колледжа несколько книжек и бесстыдно передрал огромные куски. Тут меня просветили, что сэр Дэвид Линдси Кейр использует чтения рефератов для того, чтобы определить, много ли первокурсник выпьет шерри. И мне полегчало.

К счастью, до чтения доклада дело не дошло. Я влил в себя море шерри и долго беседовал с сэром Дэвидом о происхождении валлийского языка и его грамматических особенностях.

При чтении докладов (а в моем случае — питье шерри) присутствовали два первокурсника, Джон Минфорд и Гамильтон Мак-Миллан. Оба сыграли важную роль в моей жизни. Минфорд тут же решил, что из меня выйдет талантливый актер, и убедил пойти в театральный кружок Баллиола. Мак-Миллан много лет спустя решил, что из меня выйдет талантливый шпион, и уговорил работать на МИ-6. Если бы не эта встреча, меня бы никогда не ранили ни свет софитов, ни внимание мировой прессы.

Минфорд соблазнил меня ролью Первого Паршивца в рождественском представлении «Спящей красавицы». Она сводилась к тому, чтобы произнести несколько непристойностей и валяться на полу, напустив на себя зловещий вид либо изображая развратного соблазнителя. Я согласился при условии, что Джулиана Пето уговорят играть роль Второго Паршивца.

Участие в театральном кружке открыло мне дорогу в труппу «Истеблишмент», состоявшую в основном из второкурсников Баллиола. В нее входили Ник Ламберт, ныне редактор «Файнэншл тайме», и Крис Паттен, будущий губернатор Гонконга. Все они были выпивохи и весельчаки. С их подачи я вступил в Общество викторианцев, выставлявшее главными требованиями поглощение залпом огромных доз портвейна, которого я никогда не пробовал, и пение викторианских песен.

На вечеринке труппы я ужасно опозорился, пытаясь изобразить Элвиса Пресли, и в результате впервые завел роман со студенткой, пленительно чарующей Линн Барбер из колледжа Святой Анны, затмившей на время девчонок из дешевого универмага.

Тем временем в спальном корпусе освободилась комната рядом с моей, куда более просторная и уютная, и я перебрался в нее. В новых апартаментах я мог принимать гораздо больше гостей. Через несколько дней после переезда ко мне зашел Джошуа Макмиллан, внук Гарольда Макмиллана[10] и приятель соседа. Он предупредил, чтобы я ждал кучу визитеров посреди ночи, особенно по выходным. Решетка на моем окне была съемной, поэтому через него выбирались на улицу. Все друзья Джошуа знали эту лазейку и намеревались пользоваться ею и впредь. Съемная решетка облегчила и мои ночные похождения, вылазки моих друзей, которые не замедлили поделиться секретом со своими друзьями. Не скажу, что мне нравилось, когда ко мне врывались в четыре утра, но, с другой стороны, так я

познакомился со многими весельчаками и ветреницами.

В начале каждого нового семестра студенты сдавали экзамены за предыдущий. Чаще всего задания лежали в комнатах преподавателей физики. Заглянувший в задание до экзамена имел больше шансов на положительную оценку, но для этого требовалось незаметно пробраться в комнаты и порыться в столах. За пару дней до начала второго семестра я отправился обыскивать обитель доктора Сандарса, благо жил он на первом этаже. В три часа ночи я прокрался по пустынной территории колледжа, открыл окно и, вооружившись фонариком, влез в комнату, чтобы обшарить стол. Экзаменационных заданий в нем не было. Оставалась комната доктора Бринка. Она тоже находилась на первом этаже, но до окна было не достать. Тут меня осенило: ночной портье из Портерс-Лодж, продажная душа; у него есть полный набор запасных ключей. Я прошел через двор к себе в комнату, выбрался через окно на улицу, дошел до Портерс-Лодж и угостил портье историей про захлопнувшуюся дверь и ключ, что остался внутри. Он спросил мой номер комнаты, и я назвал ему номер комнаты доктора Бринка. Он протянул мне ключ и попросил вернуть его, как только я достану подлинник. Открыв комнату доктора Бринка, я сразу же нашел пачку заданий, взял один экземпляр и вернул ключ со второй половиной королевских чаевых признательному портье. Экзамен был сдан успешно.

В Баллиоле часто вспоминали некоего Дениса Ирвинга, временно отчисленного и пустившегося в путешествия по экзотическим странам. Вернувшись издалече, он собрался навестить старых друзей. И меня с ним познакомили. Денис привез из Марокко марихуану. До меня доходили слухи, что в университете употребляют наркотики. Я знал, что марихуана пользуется спросом у выходцев из Западной Индии, ценителей джаза, американских битников, интеллектуалов из числа «сердитых молодых людей»[11]. Не представляя действия марихуаны, я, однако, взял предложенный Денисом косяк и затянулся. Через несколько минут стало щекотно в животе и очень спокойно. Все разговоры казались безумно смешными. Время замедлилось. В конце концов я, как и все остальные, проголодался. Мы ломанулись в ресторан «Моти Махал». Там я впервые попробовал индийскую еду и пристрастился к ней на всю жизнь. После бесконечных экзотических яств действие марихуаны пошло на убыль, и я пригласил всю компанию вернуться ко мне. Скурив еще немерено марихуаны и слушая регги на древнем магнитофоне, мы вырубились один за другим.

На следующее утро у Джорджа был выходной. Другой

служитель, не разделявший его отношения к оргиям в колледже, пригрозил сообщить обо всем декану. Однако мои новые друзья не только не разбрелись, но и созвали кучу народу со всего Оксфорда. Кто-то принес проигрыватель, коробку с пластинками, кто-то — марихуану и гашиш. Rolling Stones и Боб Дилан жарили вовсю, клубы дыма выдувались на Сент-Джайлз и во внутренний двор колледжа. Рано вечером Денис Ирвинг вернулся в Лондон, и хеппенинг медленно угас.

На следующий день Джошуа Макмиллан умер от спазма дыхательного горла — перебрал валиума и алкоголя. Я видел, как его тело несли вниз по лестнице. Это был первый человеческий труп, который я видел. Поговаривали, что Джошуа совершил самоубийство, но это вряд ли. Он только что прошел курс лечения от героина в Швейцарии и утверждал, что больше его не употребляет. Еще он говорил, что барбитураты или алкоголь принимает, только когда нельзя достать марихуану. Мы с Джошуа были просто знакомыми, и все же его смерть вынудила меня задуматься.

Вскоре меня вызвал декан. Полиция и университетские инспекторы затеяли расследование. Декан проводил свое собственное дознание и задал мне несколько вопросов: принимал ли я наркотики, кто еще их употребляет и где? Я признался, что курил пару раз марихуану, но не стал называть никаких имен.

В следующие выходные «Санди тайме» опубликовала «Исповедь оксфордского наркомана», интервью с близким другом Джошуа. И понеслось: журналисты наперебой строчили статьи о смерти внука Гарольда Макмиллана. Студенты чуть не хором исповедовались репортерам о своем флирте с оксфордской наркокультурой. Курить становилось модно. Приобщившись к наркокультуре за пару дней до глобального разоблачения, я неожиданно оказался среди ее пионеров. Меня даже вызывали к университетским инспекторам «в связи с секретным делом».

Я решил стать битником (слово «хиппи» тогда еще не изобрели). Забыл, что такое бриолин, и позволил волосам просто спадать на плечи. Сменил брюки-дудочки на поношенные джинсы, туфли с узкими носами — на испанские кожаные ботинки, длинную куртку с бархатным воротником — на короткий джинсовый жакет, а белый макинтош — на дубленку из овчины. Курил марихуану, читал Керуака, слушал Боба Дилана и Роланда Кирка, ходил на французские фильмы, которые не понимал. Вся моя жизнь разительно изменилась, исключая мои беспорядочные связи и уклонение от научной работы.

11 июня 1965 года некоторые из нас отправились в Лондон, чтобы посетить в концертном зале Ройял-Алберт-Холл «Полный

контакт», конференцию по современной поэзии, в которой участвовали Ален Гинзберг, Лоренс Ферлингетти, Джон Эсам, Кристофер Лог, Александр Троччи и другие знаменитости. Никогда прежде такая аудитория не собиралась послушать стихи. Это был первый настоящий крупномасштабный хеппенинг. К власти приходило новое поколение. Я хотел быть частью его.

Каникулы я провел, путешествуя автостопом по Великобритании и Европе. В Копенгагене у меня кончились деньги. К счастью, я завел друзей в датской группе, игравшей рок-н-ролл, и мне любезно позволили с ними несколько раз выступить, чтобы заработать на дорогу. На обратном пути я попал в Гамбург, где жил мой друг Гамильтон Мак-Миллан, и позвонил ему из омерзительного бара на Рипербане (я искал клуб «Стар», где были открыты Beatles). Мак был рад меня слышать, настоял, чтобы я остановился у него, и заехал за мной в бар.

Даже его шокировали мои длинные волосы и вызывающе растрепанный, неопрятный внешний вид. А еще смутило назойливое внимание любопытных гамбуржцев, которые останавливались поглазеть на чудовищного субъекта, коим я был. Мысли о том, как нас встретят в доме его родителей, наполняли Мака мрачными предчувствиями, но несколько кружек пива рассеяли страхи. По крайней мере, решил Мак, родители перестанут пилить его за бакенбарды, похожие на свежеподстриженный газон. Кстати, его предки оказались очень гостеприимными хозяевами, хотя без горячей ванны и стирки не обошлось.

Недели две я жил на улице рядом с Шекспировским мемориальным театром в Стратфорде-на-Эйвоне, а значит, всегда первым поспевал к открытию билетной кассы. Я покупал четыре билета, максимум того, что можно было купить. Один билет оставлял себе, ибо уже тогда был ярым поклонником Шекспира, два других загонял втридорога американским туристам, а последний дарил или уступал за бесценок симпатичной девушке без кавалера. Конечно же, наши места оказывались рядом, и ничего не стоило во время представления завязать разговор.

Странствуя автостопом, я набрал разного этнического барахла, претенциозных objets d'art[12], хитроумных безделушек и прочей дребедени, намереваясь украсить ими комнату в колледже. К потолку я подвесил сетку для защиты фруктовых деревьев от птиц. Стены оклеил алюминиевой фольгой, а на пол прибил большой постер, репродукцию полотна Сезанна. По углам поставил самодельные светильники — ящики из-под апельсинов, в которых горели тусклые цветные лампочки. К новому проигрывателю добавил дополнительные колонки. Кто угодно

мог прийти в мое жилище, привести друзей, принести пластинки, алкоголь и дурь. Веселью не было конца, беспрерывно орала музыка, и густые клубы дыма марихуаны вылетали из двери и окон. Я совершенно забросил занятия и выходил из своей комнаты только затем, чтобы пообедать в забегаловке для работяг на рынке или поужинать в «Моти Махал».

Молва о славном местечке, где курят наркотики, распространилась повсюду. Ко мне забредали заезжие студенты Сорбонны и Гейдельберга, странные представители зарождающегося лондонского андеграунда. Заходил Марти Лэнгфорд, изучавший искусство, несколько друзей из Кенфиг-Хилл. Даже Джон Эсам, поэт-битник, который выступал в «Полном контакте», удостоил меня своим посещением. Он предложил мне купить ЛСД, о котором я никогда не слышал. Каждая доза представляла собой кусочек сахара, впитавший каплю наркотика, и стоила три фунта. Эффект как от гашиша, сказал Эсам, но гораздо мощней, и снадобье абсолютно легально. И то и другое было правдой. Я купил несколько кубиков и припрятал. Навел справки среди друзей. Кто-то сообщил мне, что ЛСД — тот же мескалин, о котором писал Олдос Хаксли[13]. И вроде бы гарвардский ученый Тимоти Лири[14]ставил эксперименты с ЛСД.

Неделю спустя Фрэнсис Линкольн, веселая студентка из колледжа Самервилл, пригласила меня на чашку чая. Бог знает почему, я решил, что настал подходящий момент, и съел один кубик примерно за час до встречи. Выходя из Баллиола, я не ощущал никакого эффекта и подумал, что, должно быть, меня надули. Вставило, когда я уплетал пирожные к чаю. Картины на стенах ожили. Цветы в вазах тяжело и ритмично задышали, композиция Rolling Stones зазвучала как божественная оратория Генделя, исполняемая под аккомпанемент африканских тамтамов. Попытки объяснить Фрэнсис, что творится у меня в голове, успеха не имели. Когда «ливерпульская четверка» с обложки альбома Please Please Me вскочила и заиграла, я сказал, что мне пора. Милосердная Фрэнсис довела меня до Баллиола и оставила перед главными воротами.

Следующие несколько недель я посвятил тому чтобы добить сахарные кубики. При участии нескольких друзей. Заглянул Эсам, и я приобрел еще несколько кубиков. После одного из них пришли кошмары. Вместо увлекательного, будоражащего мысль дзена, полного блаженных видений, нахлынули мрачные, пугающие образы, накатил психоз. Цветы не дышали, но превращались в оборотней и летучих мышей. Ничего забавного — я стал страдать от депрессии, мучился мыслями о смысле жизни,

ее тщете. Хотя самые неприятные ощущения прошли через какое-то время, проблемы, порожденные ими, остались.

Я попробовал принять еще ЛСД и разобраться с тем, что меня тревожило. Не помогло. Кошмары продолжались. Между дозами я читал все, что хоть отдаленно имело отношение к ЛСД: «Рай и ад», «Двери восприятия» и «Остров» Олдоса Хаксли; перевод «Тибетской книги мертвых» Эвана Уэнца; «Галлюциногенные наркотики» Сидни Коэна; «Психоделический опыт» Тимоти Лири, Ни одна из книг не рассеяла депрессию, от которой я страдал, Я замкнулся в себе, стал мрачным, подумывал о самоубийстве, возможно, сошел с ума, И хотя хеппенинг в моей комнате продолжался, я в нем почти не участвовал — просто сидел в углу.

Черт знает почему, в те дни иметь пневматическую винтовку правилами колледжа не возбранялось. Своей винтовки у меня не было, но кто-то оставил ее у меня в комнате. Однажды вечером, оставшись в одиночестве, я выставил дуло из окна, целясь в прохожих и выкрикивая бессмысленные пошлости. Большинство людей попросту не обращали на это внимания, но один завелся и тоже начал орать: мол, я понятия не имею, что такое настоящая война, и, окажись лицом к лицу с врагом, побоялся бы нажать на курок. Я нажал. Винтовка не была заряжена, но тот человек испугался и дунул к Портерс-Лодж с очевидным намерением настучать, У меня хватило здравого смысла рвануть в подвал. Пробежав через него, я оказался довольно далеко от места событий и увидел декана, вышедшего из Портерс-Лодж. Он тоже меня увидел и попросил пройти с ним в мою комнату. Мы вошли и увидели на полу пневматическую винтовку. Декан объяснил мне, что из винтовки стреляли в кого-то на улице. Понятно, что меня в комнате не было, но не зайду ли я к нему через час?

Выслушав внушение: зачем связался с дурной компанией? — я поведал о душевной пустоте и депрессии, а также их вероятной причине — употреблении по-прежнему не запрещенного ЛСД. Не скрыл и того, что полностью забросил учебу. Последнее декана не особенно беспокоило. Он настаивал, чтобы в оставшиеся до конца семестра шесть недель я отдохнул, сосредоточился на интересном факультативе, выбрал предмет, который буду сдавать на выпускных экзаменах. С преподавателями он все уладит. И почему бы мне не вернуться в театральный кружок?

Джон Минфорд в то время ставил пьесу Петера Вайса «Марат и Сад». Никаких подходящих ролей для безбашенных уэльских хиппи там не имелось, но поскольку почти все герои были сумасшедшими, он обещал подумать насчет меня. Он дал мне роль Певца, в которой востребовались мои личные качества: обдолбанность, неряшество, угрюмость, повадки сексуального

маньяка. Я должен был исполнить четыре песни: две в стиле Элвиса Пресли, и еще две в стиле «Роллингов». Роль просто создали для меня.

Генеральные репетиции и выступления проходили близ Фарингдона. Ежедневно по нескольку часов я зубрил роль, оттачивал игру и мотался из Оксфорда в Фарингдон. Времени на хандру не оставалось. Некоторые не выдерживали напряжения — трудно строить из себя идиота, но мне эта роль ненормального не давала сойти с ума в свободное время. Я стал раскованным и вернулся к активной половой жизни, алкоголю и марихуане, а ЛСД не принимал несколько лет.

Вслед за деканом некоторые друзья посоветовали мне перевестись с физического факультета на факультет политики, философии и экономики (ПФЭ), либо философии, физиологии и психологии (ФФП) и налечь на философию, Я даже встретился с Аланом Монтефиоре, руководителем курса ПФЭ. Тот попросил написать реферат об определении «добра». Примерно неделю сражался я с текстами по этике, пока не осознал, что не в силах разобраться в предмете, а тем более внести свой вклад. Много лет спустя я обнаружил, что немалое число людей, не постигая до конца философию, делает вклад в эту науку. Так или иначе, я продолжил заниматься физикой.

Мне поручили организовать памятный бал к 700-й годовщине университета, пригласить группы и устроить концерт. На это выделили тысячу фунтов. Главная хитрость была в том, чтобы найти музыкантов, которые вот-вот прославятся, но пока стоят относительно недорого. Пару лет назад колледж Магдалины ангажировал Rolling Stones всего за сто фунтов прямо перед тем, как те стали звездами первой величины. Тогда я знал о поп-музыке не больше остальных и заказал за гроши неизвестных Spencer Davis Group и Small Faces. Через несколько недель их хиты взлетели на верхнюю ступеньку рейтингов. Продюсер захотел отказаться от выступления, чтобы не потерять прибыльные гастроли. По контракту это грозило ему серьезным иском. И он предложил решение: я аннулирую контракт и получаю за прежнюю цену на выбор других музыкантов, которые обычно стоят около двух с половиной тысяч фунтов. В итоге мы заказали Kinks, Fortunes, Them и Alan Price, все они уже были известными группами. На сэкономленные деньги я выписал ирландскую шоу-группу, струнный квартет и профессиональных борцов. В ночь бала я курил марихуану с Them и Alan Price и пил виски с Реем Дэвисом.

Студенты-выпускники жили вне территории колледжа на квартирах. Джулиан Пето, Стив Балог и я попытались найти себе

жилье. В ходе поисков мы натолкнулись на канадского аспиранта по имени Гилберт Фрисон. Он снимал комнату в абсолютно пустом доме 46 на Парадайз-сквер. Фрисон торчал на героине и имел склонность к суициду. Он предпринял черт-те сколько попыток самоубийства, но преуспел только в 1968 или 1969 году. Денег у него не водилось, и ему грозили выселением, если не найдет жильцов, готовых снять весь дом и позволить ему остаться.

Как-то утром, ближе к полудню, я проснулся от запаха гари — густые клубы дыма пробивались сквозь доски пола. Скатившись вниз по лестнице, я обнаружил, что горит жилище Гилберта на первом этаже, пламя вырывалось через множество дыр в стенах. Джулиан и Стив по-прежнему крепко спали. Я выбил дверь Гилберта, и меня окутал дым. Я не видел ничего. Как камикадзе, я несколько раз нырял в комнату, пока не убедился, что Гилберта там нет. Телефон стоял внизу, и в первый и последний раз в жизни я набрал 999. Прикатило несколько пожарных машин, и вскоре на смену пожару пришел потоп. Потребовалось две недели, чтобы вернуть дому его первоначальное ужасающее состояние.

Новости о пожаре распространялись по университету быстрее, чем огонь по дому. Дело привлекло внимание инспекторов. Нас известили, что дом не предназначен для жилья, и если ничего не изменится, то нам придется съехать. Через несколько дней к нам должна была пожаловать официальная комиссия. Для переговоров с ней требовался домохозяин. Гилберт на эту роль не подходил. И мы попросили одну подругу прикинуться хозяйкой. Она была матерью-одиночкой, так что мы привели в порядок свободную комнату, придав ей вид помещения, где обретается мать с ребенком. К нашему удивлению, чиновники были вполне удовлетворены увиденным и признали дом годным для жилья.

Вскоре в нашу дверь постучалась пара приятных длинноволосых хиппи и спросила, нельзя ли снять у нас жилье. Мы сдали им «комнату хозяйки». У них была масса друзей в городе, которые постепенно переехали в дом, наполнив его восхитительным дымом марихуаны и музыкой Джо Кокера и Cream.

Лучшей девушкой, которую я знал, была студентка колледжа Святой Анны Илзе Кадегис. Прекрасная, необычайно остроумная латышка с золотистыми волосами. У нее имелось причудливое прошлое, столь же причудливое настоящее, и сама *онк* была очень загадочной. Целый год мы встречались, деля свое время между ее квартирой возле колледжа Святой Анны и Парадайз-сквер.

Мы с Джулианом стали замечать возле дома странных людей, которые подолгу сидели в машине, читая газеты. Как-то раз, когда я завтракал у Илзе, пришел полицейский в штатском и известил меня, что в нашем доме идет обыск и требуется мое присутствие. На Парадайз-сквер десять лучших ищеек Оксфорда разбирали дом на кусочки. Стива Балога уже отвезли в полицейское отделение, потому что нашли у него в кармане кусочек сахара. Полиция решила, что это ЛСД, тогда уже незаконный. На самом деле это был обычный сахар, прихваченный Балогом в столовой первокурсников. В моей комнате потолок, ужасно обветшавший со времен пожара, обвалился, все трубы были вырваны из стен. Один из полицейских демонстрировал косяк марихуаны, якобы найденный в пепельнице. Моя физиономия выражала полное недоумение. Полицейский сказал, что забирает косяк на экспертизу. Все принадлежащее мне и Джулиану тщательно описали.

Декан умудрился вытащить Балога из-под стражи, однако потребовал, чтобы мы явились для допроса в полицейское отделение. На допросе мы отпирались от всего. Полиция была разочарована, но, поскольку ничего уличающего, кроме косяка, не обнаружилось, нас отпустили. Декан сказал, что мы едва спасли свои задницы, а впереди выпускные экзамены. «Беритесь за дело и не вздумайте больше курить марихуану с городскими хиппи!»

Наставление было здравым, мы приняли его и твердо решили заниматься. Этому способствовало и то, что жильцы-хиппи неожиданно съехали. Они чудом не попали под налет и больше не хотели полагаться на удачу. Мы с Джулианом начали старательно заниматься. Что делал Балог, не помню. Илзе присоединилась к нашей интенсивной подготовке. Все пасхальные каникулы мы повторяли, а точнее, учили материал. Прекратили даже курить марихуану по будням.

Следовало также завершить многомесячные практические эксперименты, пока я еще мог пользоваться университетскими лабораториями. Иначе я не получил бы степень. Одалживая у сокурсников тетради, я при попустительстве лаборанта-экзаменатора, который закрывал глаза на многое, утаскивал учетную карточку и заполнял пустые графы.

Так продолжалось до выпускных экзаменов. Иногда мы делали перерыв, чтобы сыграть партию в настольный футбол или нажраться. Дня за три до экзаменов мы носились по дому, перестреливаясь из водяных пистолетов. Я и не заметил, как напоролся босой ногой на ржавый гвоздь. Где-то через час моя нога побагровела. Джулиан с Илзе отвезли меня в медпункт Радклифф, где меня накачали пенициллином, болеутоляющим и

выдали пару костылей. Я ушел оттуда, неспособный ни ходить, ни думать.

В первый день выпускных экзаменов меня отнесли в зал и усадили за стол так, чтобы больная нога оставалась в горизонтальном положении. Я продрался через первые три работы, но не был уверен, не напортачил ли там. Боль неожиданно спала, и следующие три работы дались мне гораздо легче.

Вскоре после этого мы все отправились по домам. Через несколько недель меня вызвали на устный экзамен, который обычно использовался для разрешения спорных случаев. Мне не сказали, какую границу я перешагивал.

В это самое время моя шестнадцатилетняя сестра попала под машину в Стратфорде-на-Эйвоне, где проводила каникулы с родителями. Когда отец увидел, как она лежит на улице, истекая кровью, вся вера в Бога, которая у него была, исчезла в тот же миг. Линда выжила, но находилась в критическом состоянии. Только чудо могло снова поставить ее на ноги. Я примчался из Уэльса к ее кровати в больнице Уорик и горько плакал при виде хрупкого израненного тела. Ни родители, ни я так никогда и не оправились от отчаяния и печали, которые пытали нас в то лето 1967 года. Ничто не ранит сильнее боли того, кого любишь. Моя сестра выкарабкалась. Наплевав на прогнозы, после нескольких месяцев на костылях начала ходить. Она вынесла свое испытание с честью.

В экзаменационных аудиториях вывесили результаты испытаний. Я заработал четверки и был счастлив. Илзе и Джулиан тоже получили четверки. Странно, но в том году ни один студент-физик не сдал экзамены на «отлично». От этого мое довольно заурядное достижение казалось более впечатляющим. Наверное, я был единственным физиком — выпускником Баллиола, который радовался четверкам. Я был доволен, что вовремя спохватился. И лелеял надежду, что больше не свихнусь.

МИСТЕР МАРКС

Оглядываясь назад, я нахожу забавным, что стал примерным (на какое-то время), когда Англия сделалась средоточием культуры шестидесятых. Смертную казнь отменили, расовая дискриминация была объявлена незаконной, в моду вошли мини-юбки, к сексу стали относиться лояльно, поэты курили наркотики, а Дилан отыграл концерт на электрогитаре в Альберт-Холле. Карнаби-стрит и Кингз-роуд сделались мировыми центрами моды, а Твигги — супермоделью. Мик Джаггер при помощи газеты «Тайме» снял с себя обвинения в причастности к наркобизнесу. Студенты, в особенности из Лондонской школы экономики, обрели вес в обществе. Тысячи людей выступали против войны и за легализацию марихуаны. Герцог Бедфордский устроил фестиваль детей-цветов в Вубернском аббатстве[15]. Миром правила британская музыка. Многие выдающиеся личности прошли через мою оксфордскую комнату. Некоторые выкурили там свой первый косяк. Вместо того чтобы тянуться за ними, я решил преподавать физику.

Илзе, что не менее странно, надумала стать преподавателем английского языка. Нас обоих зачислили в аспирантуру Лондонского университета на отделение педагогики. Предполагалось, что впоследствии мы будем вкладывать знания в чужие головы. Мы поселились в просторной квартире в Ноттинг-Хилл. Первый семестр был очень простым, и все свободное время я посвящал чтению. Одной из первых прочел «Историю западной философии» Бертрана Рассела. За всю жизнь я не читал ничего интереснее. Затем настал черед Платона, Аристотеля, Лукреция, Локка, Беркли, Юма, Фомы Аквинского, Лейбница и Спинозы. Это чтение надолго пробудило во мне интерес к истории философии. Я вдруг понял, что впустую провел время в Оксфорде, и страстно желал туда вернуться. Я написал в приемную комиссию, был приглашен на собеседование и принят в аспирантуру.

В конце декабря 1967 года мы с Илзе поженились в Уэльсе. До сих пор не понимаю, зачем мы сделали такой непрактичный шаг. Заводить детей не планировали. Денег не имели. Илзе ожидало место учительницы начальных классов с низкой зарплатой, меня вообще бог знает что. Наш медовый месяц свелся к одной ночи в маленькой гостиничке «Огмор-у-моря».

Среди прочих свадебных подарков мы получили доску для игры в го и увлеклись. Эта японская игра, которой почти полторы тысячи лет, требует стратегического склада ума и терпения. Число ходов бесконечно, а правила и фигуры настолько просты,

что в нее могут играть даже дети. Мы с Илзе умели играть в шахматы, но го нам нравилось больше. Казалось, что оперируешь самыми простыми структурами жизни и мысли.

Мне ужасно надоело изучать педагогику. К тому же я, хоть и вел праведную жизнь, не отказался ни от длинных волос, ни от привычки одеваться как хиппи, за что меня постоянно корили преподаватели. Я оставил аспирантуру и, естественно, лишился стипендии. Чтобы свести концы с концами, устроился преподавать в лондонский колледж, а по вечерам занимался репетиторством. Я подружился с одним из своих молодых коллег, уэльсцем по имени Дай. Мы выпивали в заведении «Принцесса-цесаревна» на Херефорд-роуд, любимом местечке чернокожих музыкантов и танцоров из Южной Африки, с которыми я тоже сблизился.

Некоторые из моих друзей-студентов также переехали в Лондон. Одним из них был Грэм Плинстон, на год меня младше, который, запасшись коноплей и гашишем, часто навещал меня в Баллиоле в 1966 году, прежде чем обосновался в хипповской общине между Оксфордом и Вудстоком. Полиция обнаружила у него ЛСД. Грэма оштрафовали на пятьдесят фунтов и отчислили на год из университета.

Забавно, но Грэм, как и я, недавно пристрастился к игре в го и пригласил меня сыграть партию. В Лондоне было много хипповских притонов, но квартирка Грэма на Ланздаун-Креснт оказалась дорогостоящим притоном: напольные кальяны, длинные восточные халаты на деревянных гвоздях, бесценный фарфор на полках, масса косметики в ванной комнате и куча модных прибамбасов по углам. Как будто здесь жил рок-певец.

Грэм достал доску для игры в го, поставил Rolling Stones, пластинку Their Satanic Majesties Request, и протянул мне липкий кусочек ароматного афганского гашиша. Я взял не задумываясь, свернул косяк и сразу принялся за дело. Следующие двадцать два года я курил гашиш каждый день.

Еще один оксфордский приятель, Хамфри Вейтман, заявился ко мне на Вестбурн-Гроув, чтобы оставить на сохранение дорогую стереосистему с огромной коллекцией пластинок. Мы установили ее, свернули несколько косяков и поставили самые свежие альбомы. Было круто. Мы начали расслабляться.

Мы с Илзе всегда радовались гостям, и теперь, когда у нас появилась стереосистема и афганский гашиш, наша квартира быстро стала таким же тусовочным местом, как комната в Баллиоле или дом на Парадайз-сквер. По вечерам и в выходные к нам стекалась масса народу. В углу мы с Грэмом играли в го, остальные либо отплясывали, либо валялись на матрацах и

подушках. Запас марихуаны и гашиша не иссякал.

Укуренный, я лучше воспринимал философские труды, чем книги по математической физике. Не скажу, что философия легче, просто она была именно тем, чем я хотел заниматься.

Я давал частные уроки и ходил к ученикам и днем, и вечером. Из-за такого беспорядочного расписания и из-за того также, что я все больше курил марихуану, мне нередко приходилось преподавать в состоянии полного улета. И вот что странно: преподаватель из меня вышел неважный, нетерпеливый с учениками, когда дело касалось хорошо знакомых мне предметов, и всячески избегавший тех, которые знал плохо. Однако под влиянием марихуаны я становился чрезвычайно усерден в объяснениях и необычайно терпелив с учениками. Я перестал притворяться, что знаю, когда не знал. Честно сознавался, что все забыл и должен посмотреть в конспект. Мне стало несложно поставить себя на место учеников и понять, что им дается особенно тяжело. С тех пор перед занятиями я обязательно курил марихуану, а мои ученики делали большие успехи.

В 1967-1968 годах в Лондоне жилось интересно. Beatles записали психоделический альбом Sergeant Pepper's Lonely Hearts Club Band, который был у всех на слуху, и основали бутик «Эппл», а их менеджер Брайан Эпштейн умер от передозировки снотворного. Rolling Stones выдали несколько песен в стиле ритм-энд-блюз, любовные и пацифистские синглы, такие как We Love You и Dandelion, в то время как их лидер и основатель Брайан Джоун боролся за освобождение под залог, будучи арестован по обвинению в причастности к наркобизнесу. Песня AWhinter Shade of Pale, созданная Procul Harum, стала настоящим гимном наркоманов. Восемьдесят тысяч человек (в том числе и я) прошли маршем мимо американского посольства, протестуя против войны во Вьетнаме. Но слишком уж заманчивы оставались дремлющие шпили Оксфорда. Мне кружила голову идея сделать академическую карьеру.

Все упиралось в деньги. В те годы аспирантуру оплачивали министерство образования и Совет по научным исследованиям. Министерство редко оплачивало обучение гуманитарным дисциплинам, а Совет вообще финансировал только соискателей научной степени в фундаментальных науках. Мне с моей философией тут бы ничего не обломилось. Я перерыл толстый справочник и нашел стипендию Томаса и Элизабет Уильяме, учрежденную для выходцев из уэльского захолустья, вроде моей родной деревни. По моей просьбе брат матери, дядя Мостин, возглавлявший совет графства Гламорган, организовал мне

собеседование с попечителями фонда, и те согласились оплатить весь курс обучения и выделили мне денежное пособие на содержание.

Мы с Илзе решили, пока я учусь в Баллиоле, пожить в уединенном деревенском домике неподалеку от Оксфорда. У третьекурсника с английского отделения Билла Джефферсона и его подружки были те же планы. Объединив силы, мы прочесывали сельскую местность в поисках подходящих коттеджей. Стали известны во многих сельских пивных, но с поисками жилья продвинулись недалеко. Угощаясь однажды в пивной «Плуг», в Гарсингтоне, мы узнали, что всего в сотне метров сдается коттедж, и сняли его на год. Илзе устроилась учительницей в начальную школу Дидкота. Отец дал мне побитый «хиллман», чтобы я спозаранок отвозил Илзе на станцию в Оксфорде на поезд до Дидкота. Я вел машину в кромешной темноте. Потом завтракал — в Баллиоле, если с желудком было все в порядке, либо в рабочей забегаловке «У Джорджа», если меня слабило или я был с похмелья.

Еще в начале семестра декан зазвал меня на разговор и попросил помочь ему разобраться с серьезной проблемой. Я с ужасом предположил, что проблема эта — наркотики и помощь должна заключаться в стукачестве. Мои догадки не подтвердились. Дело было не в наркотиках, а в левацких настроениях. Меня попросили воздержаться от участия в протестах и склонить к тому же соучеников.

К октябрю 1968 года в Баллиоле действительно витал революционный дух, и хотя внешне студенты мало чем отличались от хиппарей 1966 года, идеология их была полностью противоположной. Курение марихуаны теперь рассматривали как средство одурманивая рабочего класса, придуманное буржуазией. Революционной музыки как таковой не существовало, а хиты, входившие в десятку лучших, опустились до уровня 200 Light Years from Home to Me and You and A Dog named Boo.

В Баллиоле шестидесятых идеология определялась в основном прихотями, манерой поведения и выбором студентов второго курса. Первокурсники были слишком смирными, чтобы задать направление, а третьекурсников отвлекали выпускные экзамены. В 1968 году жизнь явно «полевела».

Одним из вопросов, в которых я был полностью солидарен с «революционерами», являлось расовое равенство. Я даже принял участие в демонстрации, когда достопочтенный Энох Пауэлл, член парламента, выступал в ратуше с речью против иммиграции. Нескольких участников акции зверски избила полиция, не говоря уже о том, что их самих обвинили в нападении.

На следующее утро я пропустил консультацию с Майклом Даммиттом, который курил как паровоз, играл в го и был истинным христианином. Пропустил, чтобы выступить в суде в защиту покалеченных и арестованных друзей. Я не поставил в известность Даммитта и от этого чувствовал себя немного виноватым. Даммитт тоже чувствовал себя немного виноватым из-за того, что пропустил встречу со мной. Он в том же самом суде защищал кого-то другого, также арестованного накануне.

Как-то вечером мы с Илзе отправились на ужин к одной из ее коллег. Кроме нас были приглашены еще две-три пары, включая Джона и Фэнни Штайн. Фэнни была дочерью Кристофера Хилла, преемника Линдси Кейра на посту главы Баллиола. У нас с Фэнни завязалась самая горячая дружба, грозившая перерасти в нечто большее, если бы не супружеские обязательства.

Вскоре после знакомства с Фэнни я столкнулся с самим Кристофером Хиллом на встрече в студенческом баре Баллиола. Мы как-то сразу разоткровенничались, хотя и были едва знакомы, и закончили вечер за бутылкой виски у него дома. Кристофер принял мое приглашение поужинать у нас в Гарсингтоне.

Илзе очень нервничала, ожидая высокого гостя, и не знала, что приготовить. К счастью, весь прошлый год в Лондоне я приятельствовал с шеф-поваром индийского ресторана и значительно преуспел в приготовлении карри. Кристофер признался мне, что любит индийскую кухню, и я взялся приготовить ужин, которому Кристофер и его жена Бриджет отдали должное.

Кристофер сочувствовал и «революционерам», и тем, кто курил марихуану. И он знал все о Гарсингтоне. Он упомянул, что Рассел Мейггс (мой длинноволосый кумир) жил всего в сотне ярдов от нас (я никогда не видел его в деревне). За соседним полем, в ложбине, находилось поместье Гарсингтон, где одно время жила владелица пивоварни Моррела, леди Оттолин Моррел, которую Кристофер называл леди Имморал[16]. Бертран Рассел, Олдос Хаксли, Литтон Стрэчи были частыми гостями в поместье.

В Гарсингтоне были укромные места, где собирались курить марихуану, в основном аспиранты. Например, наш коттедж. К нам часто хаживал Грэм Плинстон, который заканчивал бакалавриат. Он никогда не отказывался сыграть партию в го и всегда приносил с собой великолепный гашиш. Иногда я покупал у него дури больше, чем мне было нужно, и перепродавал, чтобы покрыть расходы на собственное потребление, доходившее порой до абсурда — я курил по двадцать косяков в день. Билл Джефферсон не отставал от меня.

Я ушел с головой в философию. Как и любой начинающий, я верил всему, что написано в книгах. Курение марихуаны заставляло меня останавливаться, досконально исследовать и анализировать каждый шаг, прежде чем идти дальше. Она помогала мне не только находить слабые места философских теорий, но и четко формулировать альтернативную точку зрения.

Каждый аспирант должен был представить на суд ученой комиссии, заседавшей в колледже Олл-Соулз, доклад на заданную тему. Мне предстояло осветить разницу во взглядах на пространство и время Исаака Ньютона и Лейбница. Ньютон считал, что твердые тела существуют в абсолютном времени и абсолютном пространстве, которые есть вездесущий божественный разум, повсеместно воспринимающий изъяны бытия. Воззрения Лейбница, во многих отношениях предшественника Эйнштейна, гораздо глубже и сложнее. Он придерживался теории, что пространство и время свободно существуют и что все тела имеют множество отображений во Вселенной. Писать об этом сложно, но я с грехом пополам довел дело до конца.

Меня заинтересовала теория доказательств: какие аргументы нужны ученым, чтобы разувериться в том, во что они верили? Парадокс возникает при рассмотрении гипотезы общей формулы «все X являются Y», например «все вороны черные», вместе с утверждениями, которые доказывают гипотезу. Для начала можно взглянуть на ворону: черная ли она? Если черная, то наблюдение в известной мере подтверждает гипотезу. Озаботься кто-нибудь обследованием нескольких тысяч ворон и окажись они все черными, эти наблюдения послужили бы дальнейшим подтверждением гипотезы. Гипотеза «все X являются Y» логически эквивалентна гипотезе «все не Y являются не X». Обе эти пропозиции: «все вороны черные» и «все не черные вещи являются не воронами» — утверждают тот же самый факт. Следовательно, наблюдения за не черными не воронами подтверждают гипотезу, что «все вороны черные», не меньше, чем она подтверждает гипотезу «все не черные объекты есть не вороны». Это приводит к логическому заключению, что такие вещи, как красные носы, белые лебеди и т. д., подкрепляют утверждение, что «все вороны черные». Конечно, все знают, что это не так.

В Баллиоле почти все подались в «революционеры». И я все больше разочаровывался в своем колледже: не с кем философствовать и курить траву; книг по истории и философии не достать. Из-за всего этого я посещал Баллиол не чаще раза в неделю. Илзе чувствовала себя несчастной из-за работы в Дидкоте. Мы оба серьезно подумывали о том, чтобы покинуть

Оксфорд, как только закончатся мои занятия в аспирантуре. Степень бакалавра и доктора философии легко получить и в другом университете. Я выбрал университет Сассекса, который называли «приморским Баллиолом». Илзе пообещали место в школе при монастыре в Уортинге. Диплом я получил без особых трудностей и был уверен, что смогу продолжить академическую карьеру.

Мы с Илзе переехали в Брайтон, где нашли дешевую квартиру с видом на море, и познакомились с четой Мартин. Джонни читал антропологию в Университете Сассекса. И с ним, и с его женой Джиной у нас нашлось много общего: марихуана, ЛСД, рок-музыка, философия после восьми.

Университет Сассекса мне не понравился. К тому времени у меня сформировалось четкое представление о том, каким должен быть университет. Сассекс этим представлениям не отвечал. Аудитории различались не названиями, но номерами. Огромная библиотека больше напоминала офис, чуждый всякой романтики. В такой библиотеке не откинешься на спинку стула, размышляя о том, что именно в этих стенах великие умы рождали гениальные идеи. Моим научным руководителем был польский логик Ежи Гедимин. Он считался блестящим специалистом, но в тех областях науки, которыми никто, кроме него, не занимался. Я всегда с трудом понимал его, о чем бы ни шла речь. Он ясно дал понять, что не интересуется такой нелепостью, как теория доказательств. Я не менее ясно дал понять, что мне не интересны его нелепые навязчивые идеи. Он сказал, что в таком случае мне не стоило бросать Оксфорд. Я ответил, что он прав.

Я все еще получал стипендию Томаса и Элизабет Уильяме и на очередную выплату приобрел новую стереосистему Следующие несколько месяцев я только и делал, что слушал Led Zeppelin, Blind Faith, Jethro Tull и Black Sabbath. Я решил оставить жизнь ученого и бросил Сассекс. Учительской зарплаты Илзе нам едва хватало на еду, но я умудрился усугубить нехватку денег, покупая все больше гашиша у Грэма Плинстона, который наезжал в Брайтон провести выходные у моря и поиграть в го.

Грэм побывал в Марокко, где познакомился с Джо Ливанцем. Мать Джо была танцовщицей в Бейруте. Джо водил знакомство с Сэмом Хирауи, который работал на «Миддл Ист эйрлайнз». Кроме того, Сэм владел текстильным предприятием в Дубае, через который шли потоки контрабандного золота и серебра. Партнером Сэма в Дубае был афганец Мухаммед Дуррани. Через этих людей Грэм получал пятьдесят фунтов черного пакистанского гашиша. Впервые я задумался о том, какую, должно быть, интересную, стоящую жизнь ведут контрабандисты.

Рассказывая об этих вещах, Грэм просто делился со мной, как с приятелем. Он не предлагал мне ни в чем участвовать. Для него я был просто очередным мелким дилером, продающим по паре фунтов в год, чтобы не умереть с голоду, и неспособным ни на что большее.

В Сассексе объявилась пара выпускников Оксфорда. Блестящий математик Ричард Льюис часто заходил к нам с Джонни и Джиной Мартин. Ричард происходил из относительно обеспеченной семьи, владел собственностью в Брайтоне и Лондоне, пил как сапожник, курил все, что находилось под рукой, жил высокими математическими материями и был страстным, талантливым шахматистом. Он слышал про го, но никогда не играл. Я научил его. После десяти партий он меня обставил. Как обставляет до сих пор.

Жена Ричарда, Рози, была красавица. Я глаз не мог от нее отвести. А Илзе не могла отвести глаз от Джонни. Вскоре шестеро из нас имели все основания подавать на развод, все три брака разваливались, а дочь Ричарда и Рози, Эмили, называла меня дядя Хоуи.

Позвонила жена Грэма Плинстона, Мэнди, и спросила, могу ли я как можно быстрее приехать в Лондон. Примчавшись, я застал ее в слезах, теряющей рассудок.

— Говард, Грэм исчез! Что-то не так. Я думаю, его накрыли. Ты можешь поехать и что-нибудь выяснить? Все твои расходы будут оплачены.

— А где он?

— Должен быть где-то в Германии.

— Почему ты хочешь, чтобы поехал я?

— Ты самый надежный из друзей Грэма. Никогда не сидел, и на тебя ничего нет. Ты можешь представить, что у нас за друзья. Он должен был встретиться во Франкфурте с парнем из Германии, Клаусом Беккером. Наверное, Беккер поможет найти Грэма.

— Хорошо, я поеду.

Никогда до того я не летал на самолетах и здорово волновался. Клаус сообщил мне, что в Лорраке, на швейцарско-немецкой границе, рядом с Базелем, кого-то арестовали, возможно, Грэма. Я полетел из Франкфурта в Базель на жутком «кукурузнике». То, что я не говорил по-немецки, замедляло поиски, но все же, изучив газетные подшивки в библиотеке, я нашел сообщение об аресте. Грэма взяли по пути из Женевы во Франкфурт. Под задним сиденьем и в дверных панелях его «мерседеса» обнаружили сорок пять килограммов гашиша. Теперь Грэм сидел в тюрьме.

Я взял такси до Лоррака и ходил по улицам, пока не нашел адвокатскую контору Навестив Грэма в тюрьме, адвокат согласился его защищать. Грэм ничего мне не передал.

По возвращении в Лондон я позвонил из аэропорта Мэнди и все ей рассказал. Она спросила, не мог бы я встретиться с другом Грэма и сообщить ему, как прошла поездка. Он нормальный парень, немного обеспокоен случившимся и хочет получить сведения из первых рук. Живет он в Мейфэре, на Керзон-стрит, 17. Его зовут Дуррани.

Мухаммед Дуррани был внучатым племянником бывшего короля Афганистана. Он учился в Дели, служил в полицейских военно-воздушных силах Гонконга и занимался туманными делишками повсюду на Востоке. В том числе поставкой гашиша в Европу У него был ястребиный профиль, костюм от портного с Сэвил-Роу идеальный маникюр. Он плеснул мне виски «Джонни Уокер Блек Лейбл», предложил сигаретку — «Бенсон энд Хеджез» из золотого портсигара с монограммой, щелкнул зажигалкой «Дюпон» и представил меня Сэму Хирауи, своему ливанскому партнеру.

— Спасибо, что согласился прийти, Говард, — сказал он. — У нас простой вопрос: Грэм заговорил?

— Он никому ничего не просил передать.

— Мы имеем в виду немецкую полицию.

— Не знаю.

— Мы ждем товар. Арест нашего друга может поставить все под угрозу. Мэнди говорит, ты его лучший приятель. Как думаешь, он рассказал что-нибудь полиции?

— Думаю, нет. Не рассказал. Здесь выдержки из газет, бумаги от адвоката. Может, они вам помогут?

— Говард, ты очень хорошо сделал дело, очень хорошо, — произнес Дуррани. — Мы у тебя в большом долгу. Если на то будет воля Аллаха, у нас появится товар на продажу в Англии, пока Грэм сидит в немецкой тюрьме. Не интересуешься?

— У меня нет денег, но я польщен.

— Мы можем предоставить тебе кредит, — сказал Сэм Ливанец. — Толкнешь товар и оставишь себе комиссионные, а нам отдашь, что должен.

— Ну, я же такими делами не занимаюсь, Сэм. Грэм давал мне полкило-килограмм раз в полмесяца. И все.

— Ты знаешь людей, которые покупают товар? — спросил Дуррани.

— Нет...

— Но ты ведь учился в Оксфорде с Грэмом?

— Да, но там не так много людей, с которыми можно делать

бизнес.

— Говард, да это лучшее место в мире. Грэм продает свой товар людям из Оксфорда.

— Понятно. А что, вы не можете выйти на кого-нибудь из этих людей и продать дурь?

— Мы знаем только Дэвида Полларда, а он свихнулся.

Я знал Дэвида Полларда. Мы были ровесники, но Дейв учился не в Баллиоле. Он тоже изучал физику. Нормальный парень, просто немного эксцентричный. Изобрел кучу разных вещей, начиная от устройств для диализа и заканчивая оборудованием по производству ЛСД, а еще первым в Великобритании придумал длинные бумажки для косяков. Его подружка отправилась автостопом по шоссе М-6. Ее изнасиловали и убили. Полиция так и не нашла убийцу, но Дэвида регулярно таскали на допросы, как главного подозреваемого. В конце концов оставили в покое. А он взял да и бросил свою установку по производству ЛСД в Темзу. Я и не предполагал, что он главный оптовый клиент Грэма.

— Ко мне в Бейрут как-то приезжал некий Джарвис, — заметил Сэм, — но я даже не представляю, где его искать. Мэнди тоже не знает. Не думаю, что он учился в Оксфорде.

Я встречал Джарвиса несколько раз с Грэмом. Пижон еще тот: темные очки, прикид поп-звезды, подружки-модели и лексикон, изобилующий модными словечками. Он был родом из Бирмингема, но изъяснялся как житель Челси[17].

— Нет, он не учился в Оксфорде, но, наверное, я смог бы его разыскать.

— Вот и хорошо, — кивнул Дуррани. — Я попрошу Мэнди тебе позвонить, когда мы будем готовы.

Произошедшее в Германии и Мейфэре наполнило меня новой энергией и радостью. Невероятно хотелось, чтобы авантюра получила продолжение. И сколько всего я смогу купить, когда у меня появится куча денег!

Вернувшись в Брайтон, я поделился случившимся с Рози — других избегал.

— Это прекрасно, Говард. — сказала Рози. — Очевидно, этим ты и должен заниматься. Отправляйся и стань кем-то. Жизнь одна. Думаю, продавать гашиш Дуррани в Лондоне — блестящая идея. Ты же только того и ждал, разве нет?

— Не знаю. Просто у меня нет денег, чтобы раскрутиться. В Лондоне мне потребуется квартира, приличная машина, средства на другие расходы.

— Говард, не знаю, как вы с Илзе, а мы с Ричардом не намерены и дальше жить вместе и притворяться, что любим друг

друга. Мы расходимся. У моей семьи есть деньги. У его семьи денег еще больше. Они наверняка позаботятся, чтобы внучке всего хватало. Я собираюсь переехать в Лондон. Родители снимут мне квартиру и купят машину. Можешь жить у меня, пользоваться машиной. Если нужно, одолжу пару сотен фунтов на раскрутку. Лучшего способа вложить деньги не придумаешь.

У нас был бурный роман и бесконечные возможности. Рози, крошка Эмили и я переехали в двухэтажную квартиру на Хиллслей-роуд, в дорогой части Ноттинг-Хилла. Частенько заходил Ричард — повидаться, сыграть в го. Мы остались хорошими друзьями. Илзе тоже наведывалась, хотя оба мы переживали крушение надежд из-за обоюдной неверности.

В бытность мою аспирантом Оксфорда я познакомился с другом Грэма Чарли Рэдклиффом, отпрыском аристократической семьи, любителем блюзов и марихуаны. Он участвовал в Движении за ядерное разоружение и был задержан за подделку американских стодолларовых купюр, на которых вместо слов In God we Trust[18]стоял лозунг против войны во Вьетнаме. Чарли работал в издательстве «Пергамон пресс» в Хедингтоне, рядом с Оксфордом, и жил в Лондоне. Узнав про арест Грэма, он отыскал меня. Я рассказал ему все, что знал, упомянул о предложении продавать гашиш вместо Грэма. И поинтересовался, не поможет ли он сбыть какую-то часть либо связаться с Джарвисом, хорошим знакомым. Чарли жаждал подзаработать, но выставил условие: у него есть партнер Чарли Везерли, которого придется взять в долю. Чарли Везерли я встречал, когда он был еще студентом колледжа Крайст-Черч. Теперь заделался байкером, серьезно подсел на гашиш и если не выжимал ручку газа на своем «Нортон-Ком-мандо», то без конца слушал Grateful Dead. Мы с Рэдклиффом порешили, что проще и честнее всего будет сформировать синдикат по продаже гашиша Дуррани из Джарвиса, двух Чарли и меня: я получаю гашиш и складирую его на Хиллслей-роуд, остальные толкают дурь через свои многочисленные каналы. Прибыль делим поровну, и я отвожу деньги Дуррани. Остановка была за гашишем.

Гашиш так и не появился. Дуррани хранил молчание, а Грэма отпустили после того, как он отсидел полгода. Однако шесть месяцев синдикат функционировал, как и было задумано, торгуя гашишем из других источников, отчасти из-за удобств, предоставляемых квартирой на Хиллслей-роуд, отчасти из-за надежды, что вот-вот проявится Дуррани с большими партиями. Через эти сделки я сошелся с Дунканом Лори, главным импортером гашиша и владельцем сети бутиков «Запретный плод» на Кингз-роуд и Портобелло-роуд, с Джо Ливанцем и с

Джеймсом Голдсэком, деловым партнером Дэвида Полларда. По существу, я делал деньги и обрастал знакомствами, подвергая Рози опасности и нещадно эксплуатируя ее жилье, машину и телефон. Но это позволяло покупать по выгодным ценам все больше гашиша, который я сбывал небольшими партиями университетским дилерам, а также друзьям в Оксфорде, Брайтоне, Лондоне и Бристоле, где моя сестра изучала французскую филологию. Так начиналось то, что стало моей профессией на следующие восемнадцать лет.

Мы с компаньонами расходились во взглядах на каннабис. Джарвис и оба Чарли были гораздо радикальнее меня и смотрели на гашиш как на новую валюту, способную пошатнуть существующий порядок. Они хотели, чтобы гашиш оставался вне закона. Гашиш давал нам средства к существованию и тешил наше мятежное сознание мыслью, что мы оставляем в дураках истеблишмент. Мы были абсолютными беззаконниками — не преступали законов, по крайней мере писанных; но жили вне их рамок. Мы не платили налогов, потому что не хотели, чтобы за наш счет армия лила кровь невинных, а полиция ловила нас. Нам просто хотелось приятно проводить время, и ради этого мы усердно работали и рисковали, предоставляя людям крайне необходимые услуги. Во всем этом я был заодно с остальными, но не мог смириться с запретом на курение марихуаны, а следовательно, на торговлю гашишем.

Грэм в тюрьме разработал несколько планов. Некоторые перечеркивались тем, что он не мог вернуться в Германию, не заплатив сначала солидный штраф. Я согласился отвезти пять тысяч фунтов для Грэма во Франкфурт и передать Сэму Ливанцу, чтобы тот решил вопрос со штрафом. Вывозить из страны более двадцати пяти фунтов запрещалось, поэтому я сунул деньги в штаны и прошел регистрацию в Хитроу. И нарвался: девять полицейских обыскивали пассажиров, выявляя террористов. Не успел я осознать, какой опасности подвергаюсь, как меня обыскали, крайне неумело, и велели проходить на посадку. Облегчения я не почувствовал — только некоторое замешательство.

Квитанцию об оплате штрафа и триста фунтов, которые мне отвалил Сэм, я спрятал в носок и купил несколько флаконов духов для Рози в магазинчике дьюти-фри. В Хитроу меня остановили таможенники:

— Откуда вы прилетели, сэр?

— Из Франкфурта.

— Это весь ваш багаж? — спросили они, показывая на небольшой портфель и полиэтиленовый пакет с духами.

— Да.

— Вы купили духи в магазине дьюти-фри?

— Да, в аэропорту Франкфурта.

— Сэр, вы отдаете себе отчет, что незаконно приобретать товары в дьюти-фри, если вы покидаете страну менее чем на двадцать четыре часа?

— Да, — соврал я.

— Сколько времени вы были за границей?

— Двое суток, — снова соврал я.

— Вы не могли бы открыть портфель, сэр?

В портфеле лежал только использованный билет на самолет и книга, озаглавленная по иронии судьбы «Философия времени».

— Путешествуете налегке, сэр?

— Я останавливался в доме у друга. Мне не нужно было ничего с собой везти.

Таможенник достал использованный билет и взглянул на даты:

— Кажется, вы сказали, что отсутствовали двое суток? А в билете отмечено, что вы вылетели из Лондона вчера вечером.

— Да, двое суток — вчера и сегодня.

— Сэр, пройдите сюда, пожалуйста!

Таможенный чиновник отвел меня в довольно холодное помещение, попросил паспорт и предложил раздеться. Я отказался — из-за трехсот фунтов в носке. Если запрещено вывозить из страны больше двадцати пяти фунтов, наверняка не разрешается и ввозить.

— Тогда у меня не остается выбора, — заявил таможенник. — Я задержу вас за попытку незаконно ввезти духи в Соединенное Королевство и по подозрению в провозе иной контрабанды. Либо вы позволите мне обыскать вас сейчас, либо это сделает полиция.

— Я выбираю второй вариант.

— Дело ваше. Есть еще одна возможность. Вы добровольно предъявляете мне контрабанду, и мы обходимся без обыска.

— У меня триста фунтов в носке, — глупо исповедовался я.

— Покажите!

Я снял ботинок, носок и протянул ему пачку из пятнадцати двадцатифунтовых банкнот и квитанцию об уплате штрафа.

— Вы вывозили эти деньги из страны, сэр?

— Нет. Их дал мне мой друг во Франкфурте. Я нарушил закон?

— Нет, мистер Маркс. Зачем вы засунули деньги в носок?

— Да просто для сохранности.

— А квитанцию? Тоже для сохранности? Чем вы занимаетесь?

— Сейчас без работы, а раньше работал учителем.

— Кто такой Кеннет Грэм Плинстон? — спросил он, прочитав имя на квитанции.

— Просто друг. Задолжал кое-кому в Германии и попросил с этим разобраться.

— А что, вы всегда оплачиваете его долги? Вам так хорошо платят?

— Нет, оплатил долг его деньгами. А эти дал мне его друг во Франкфурте.

— Как звали этого друга?

— Сэл. — Я знал, что правды говорить нельзя.

— Итальянец?

— Думаю, да.

— Одну минуту, мистер Маркс.

Таможенный инспектор удалился вместе с квитанцией. Через несколько минут он вернулся вместе с пожилым официального вида человеком в штатском.

— Доброе утро, мистер Маркс! Я из специального следственного отдела Управления таможенных пошлин и акцизных сборов Ее Величества. Мы собираемся взыскать с вас пошлину за духи. Вот ваши триста фунтов. Нам хорошо известен ваш друг, мистер Плинстон. Мы знаем, как он зарабатывает деньги. И надеемся, что вы не занимаетесь тем же. Продолжайте преподавать.

Грэм нисколько не взволновался, когда я, отдав ему квитанцию, рассказал о столкновении с законом. Более того, предложил подработать — отвезти гашиш друзьям в Германию. У меня нашлось только одно возражение: я никогда не водил машину за границей, привык к левостороннему движению и не рисковал переучиваться, когда в машине наркотики.

— Наймешь водителя, — успокоил Грэм. — Я тебе заплачу кучу денег.

— Да, пожалуй.

— Ладно, я позвоню тебе из Франкфурта, когда буду готов.

Ни Джарвиса, ни одного из Чарли не заинтересовала перспектива проворачивать дела за пределами муниципального округа Кенсингтон и Челси: слишком рискованно. Однако у подружки Рэдклиффа, Тины, имелся приятель из Новой Зеландии по имени Лэнг. Он несколько лет промышлял контрабандой наркотиков и приехал в Лондон искать работу. Лэнг был на седьмом небе, когда услышал про Германию. Мы договорились поделить прибыль.

Мы с Лэнгом встретили Грэма в аэропорту Франкфурта. Грэм объяснил, что тонна пакистанского гашиша ожидает нас в запертом гараже. Надо арендовать автомобиль, забрать гашиш из

гаража, часть доставить группе калифорнийцев на заранее обусловленную стоянку, часть — двум немцам во Франкфурте, остальное — группе датчан в заранее обговоренном месте посреди Черного леса. За это Лэнгу и мне причиталось пять тысяч фунтов.

Мы арендовали «опель-универсал» с огромным багажным отсеком. Гараж находился на одной из респектабельных окраин Висбадена. Внутри помещалось двадцать пятидесятикилограммовых деревянных ящиков с маркировкой «Стрептомицин, Карачи». Гашиш источал невероятный запах. Мы загрузили «опель», закрыли ящики брезентом и покатили на стоянку. В большом седане ждали двое парней, по виду настоящих Чича и Чонга[18*]. Мы припарковались бок о бок. И пять из двадцати ящиков перекочевали в седан. Прощальные рукопожатия — и машина отъехала.

Голландцы и немцы не были столь оперативны. Нам с Лэнгом пришлось выждать несколько дней. В деревне Остерих мы нашли гостиницу «Белый лебедь». Сняли номер, выпили, поужинали, вскрыли один из ящиков и удолбались.

За день до рандеву с голландцами мы собрались в Висбаден — купить английских газет. Поплыли на корабле вниз по Рейну. В Висбадене приключилась беда: на переходе Лэнга едва не сбила машина, проскочившая на красный свет. В бешенстве, вполне понятном, Лэнг хлопнул свернутой газетой по багажнику. Взвизгнули тормоза, огромный краснорожий немец выскочил из машины и долбанул Лэнга по голове, да так, что стекла очков посыпались на дорогу, потом рванул назад к автомобилю и только его и видели. Все произошло за несколько секунд. Лэнг едва не потерял сознание и без очков ничего не видел.

— Завтра, приятель, машину придется вести тебе, — вот и все, что он произнес.

Страхи и мрачные предчувствия одолевали меня, когда я вел «опель», груженный гашишем, в Черный лес. Правда, к правостороннему движению я привык очень быстро. На место мы приехали первыми. Через двадцать минут подкатили два «вольво». За рулем одной машины сидел Ник Голландец, с которым я как-то познакомился у Грэма. Другую пригнал человек, назвавшийся Питером. Мы отдали им тринадцать ящиков.

Вскоре Лэнг обзавелся парой новых очков и доставил «опель» обратно во Франкфурт на последнее рандеву с безымянным немцем, ожидавшим нас на автомобильной стоянке гостиницы «Интерконтинентал».

Грэм руководил делами из номера «Франкфуртер хоф». Он приобрел новый «БМВ». Грэм спросил, не хотим ли мы на

несколько дней составить ему компанию, а затем получить причитающееся. Лэнг предпочел вернуться в Лондон и там ожидать расплаты. Я остался с Грэмом, который получал мешки денег. Через пару дней, погрузив выручку — в американских долларах и немецких марках — в «БМВ», мы отправились в Женеву. Грэм расплатился со мной и положил кругленькую сумму в немецкой и американской валюте на свой швейцарский счет. На вопрос, что стало с гашишем, он сказал, что немец толкает свой товар во Франкфурте, калифорнийцы прячут его в новые европейские машины, которые отправляют на корабле в Лос-Анджелес, а голландцы со своей партией отправились в Англию. Я спросил, намерен ли Грэм снова использовать Полларда и Голдсэка. Грэм улыбнулся:

— Это будешь делать ты, Говард.

— Да, но я никому не хочу переходить дорогу.

— Брось, Говард! Джарвис и оба Чарли тоже работали на меня. Но в нашем бизнесе кто смел, тот и съел. В любом случае, Полларда вышел из игры. Можешь подкинуть Голдсэку партию на продажу по выгодной цене.

Наш синдикат продал шестьсот пятьдесят килограммов гашиша, получив примерно двадцать тысяч фунтов прибыли. Я заработал семь с половиной тысяч всего за неделю. Впервые в жизни я почувствовал себя богатым и начал привыкать к быстрым автомобилям, дорогим ресторанам и роскоши. Купил новый «БМВ», проигрыватель, магнитофон, водяную кровать. Рози предложила снять квартиру в Брайтоне, чтобы ездить туда на выходные в свободное от перевозок гашиша время. У нее еще оставались друзья на побережье, и она скучала по морю. Мы сняли квартиру на первом этаже в доме 14 по Льюис-Кресент. Среди друзей Рози был некий Патрик Лэйн, выпускник Сассекса и бухгалтер в компании «Прайс-Уотерхаус». Мы отлично поладили. Он познакомил меня со своей семнадцатилетней сестрой Джуди. Ее улыбка, волосы до пояса и длинные ноги надолго врезались в мою память. И довольно скоро я предложил Патрику поучаствовать в очередном проекте Грэма.

Мухаммед Дуррани доставлял гашиш в Европу разными способами. Чаще всего — в личном багаже пакистанских дипломатов. Один из сотрудников дипломатической службы согласился спрятать около тонны гашиша в личной мебели и имуществе, прежде чем вещи покинут Пакистан. Он не особенно рисковал, поскольку пользовался правом дипломатической неприкосновенности, а в самой пиковой ситуации мог все свалить на пакистанских грузоотправителей. Багаж доставили в дипломатическую резиденцию в Бонне. Патрик и я должны были

переворошить контейнеры, извлечь гашиш и возле заброшенного гравийного карьера под Кельном передать Нику и Питу, чтобы голландцы перевезли товар в Англию. Все прошло без сучка без задоринки и принесло мне еще семь с половиной тысяч фунтов.

Грэм заработал гораздо больше и намеревался узаконить свои капиталы, поместив их в легальный бизнес, респектабельные лондонские предприятия. Он познакомился с Патриком и остался доволен. Патрик как нельзя лучше подходил на роль продажного бухгалтера. Вскоре Грэм и Патрик открыли магазин ковров «Хамдулла» и основали холдинговую компанию «Цайтгейст» по адресу Литл-Венис, Уорик-плейс, 3. Они заказали себе визитные карточки, которые вручали при каждой возможности.

Мой образ жизни из дорогого перерос в скандально-экстравагантный. В Лондоне, Брайтоне, Оксфорде и Бристоле я не пропускал ни одного бара, ни одного ресторана. Всем друзьям, которые предпочитали курить гашиш, а не продавать его, давал сколько угодно даром. Ничто не доставляет мне такого удовольствия, как накуривать людей до сумасшествия и угощать их хорошей едой и вином. Тем не менее я очень хорошо понимал, что есть смысл, по примеру Грэма, часть денег легализовать, пусть и не так масштабно.

Знакомая мне по Оксфорду Белинда О'Хэнлон владела небольшим пошивочным ателье вместе с испанкой Анной Вудхэд, женой Энтони Вудхэда, еще одного моего студенческого приятеля. Их клиентками были в основном университетские дамы из Оксфорда, желавшие заказать вечернее платье. Анне и Белинде ужасно не хватало капитала. А я производил впечатление человека, недавно получившего наследство. Мы ударили по рукам и начали совместный бизнес с аренды маленьких помещений рядом с оксфордской железнодорожной станцией. Я купил несколько швейных машин за наличные и учредил компанию «Анна-Белинда Лимитед». Дело сразу же пошло на лад, и мы принялись искать помещения под бутик. Оно отыскалось в доме б по Глостер-стрит, где «Анна-Белинда» стоит до сих пор.

Дуррани провернул еще несколько афер, не таких крупных. Время от времени я перегонял в Европу машину с гашишем. И всякий раз ловил неземной кайф, сродни оргазму. Марти Лэнгфорд и еще парочка приятелей по Кенфиг-Хилл, Майк Белл и Дэвид Томас, которые коптели в Лондоне, перебиваясь скучной, холопской работой, стали вкалывать на меня: перевозили и прятали гашиш, отвечали на телефонные звонки, считали деньги. Каждому нашлось дело, а я больше не подвергал свою лондонскую квартиру опасностям, какими чревата уличная торговля. Теперь рисковали они. Наша четверка, возможно, была

единственной уэльской криминальной группировкой Лондона, и коллеги-дилеры в шутку называли нас Тафия[19].

МИСТЕР МАК-КАРТИ

Чарли Рэдклифф, Грэм и я покуривали косяки и считали деньги в квартире Грэма на Мэриленд-роуд. Мы оплакивали нашу бедность. И хотя были признательны пакистанским дипломатам Мухаммеда Дуррани за то, что те привозят гашиш в Европу, завидовали их барышам. Мы получали всего двадцать процентов от отпускной цены в Лондоне, дипломаты и Дуррани — все остальное. Мы или голландцы ввозили наркотики в Англию, а затем раскидывали среди оптовиков в Лондоне. Это было рискованно, особенно из-за того, что повсюду отлавливали бойцов ИРА. Мы имели все шансы попасться, пакистанцы — ни одного. С другой стороны, их гашиш был самым дешевым в Европе и на него всегда нашлось бы предостаточно покупателей, о чем пакистанцы прекрасно знали. Нам их было не побороть.

— Если бы мы нашли собственный канал для ввоза гашиша, — сказал Грэм, — чертовски разбогатели бы. У кого-нибудь есть связи среди больших чинов в аэропортах или морских портах?

— Может, мне поискать в Кардиффе? — предложил я. — Наверняка там еще остались старые школьные друзья, где-нибудь в транспортном управлении. Или я мог бы отправиться пьянствовать по пабам, где собираются рабочие с верфей, из аэропорта. Найдется малый, что не прочь пополнить свой бюджет.

— Неплохая идея, — похвалил Грэм, но без особого воодушевления.

— А я тут недавно познакомился кое с кем, — заговорил Чарли, — кто наверняка смог бы ввозить гашиш. Я брал у него интервью для «Френдз». Этот парень из ИРА. Если он ухитряется незаконно ввозить оружие, то и наркотики сможет.

«Френдз» был подпольный журнал. Его выпускал южноафриканец Алан Меркюсон. Чарли и его подруга Тина жили в квартире Алана в Хампстеде. Как «Интернэшнл тайме» Майка Лессона или «Оз» Ричарда Невилла, журнал «Френдз» отвечал вкусам и мнениям маргиналов, хиппи, торговцев наркотиками, музыкантов и кислотников эпохи шестидесятых и других не удовлетворенных жизнью неудачников. Подпольная печать единогласно выступала против присутствия англичан в Северной Ирландии. Борьба ИРА представлялась как правое дело, защита униженных и оскорбленных католиков. Как можно было такое не поддержать? Естественно, возникали некоторые сомнения и страхи из-за насильственных методов, которые использовала ИРА, ее «временное» крыло, недавно отколовшееся для формирования

террористической группировки. Довольно пуританские воззрения Армии на курение наркотиков также вызывали некоторые трения.

В последнем номере «Френдз» была опубликована большая статья об ИРА, включавшая интервью с активистом из Белфаста, Джеймсом Джозефом Мак-Канном. Он рассказывал о своем детстве, которое привело его, мелкого правонарушителя, в окружение самого влиятельного и опасного бандита Южного Лондона шестидесятых, Чарли Ричардсона. Во время пребывания на острове Уайт, в тюрьме строгого режима Пракхерст, Мак-Канн превратился в поэта и поборника независимости Ирландии. От его поэзии тошнило, но краснобайство казалось вполне убедительным, особенно когда приобрело откровенно угрожающие нотки. Мак-Канн утратил свой преступный шарм и сообразил, что поза народного героя открывает гораздо больше возможностей зашибать деньгу и мошенничать. Он добился этого долгожданного статуса, когда забросал Университет королевы в Белфасте бутылками с зажигательной смесью, «коктейлем Молотова», провозгласил себя членом ИРА, сдался и после этого сбежал из Крам-лин-Роуд. Со времен Второй мировой войны это был первый удавшийся побег из стен этой тюрьмы. Теперь Мак-Канн скрывался в Ирландии, появляясь перед фотокорреспондентами в военной форме, которая ему совсем не шла, и, размахивая оружием, утверждал, что провез ее в Дублин контрабандой.

— Заинтересуется ли он Чарли? — усомнился я. — Ты знаешь, как в ИРА относятся к наркотикам. Они же за косяк любого испепелят. Уверены, что это развращает молодежь. И не станут способствовать ввозу гашиша в Ирландию, это уж точно.

— Говард, Джим Мак-Канн наркоты курит не меньше нашего.

— Первоклассное предложение, — оживился Грэм. — Организуешь встречу?

Неделю спустя мы с Грэмом приземлились в аэропорту Корка. Это было наше первое посещение Южной Ирландии. Мы подошли к стойке проката автомобилей. Контора называлась «Муррей Херц».

— Ну, и кто вы такие? — спросил служащий компании.

— Что вы имеете в виду? — удивился Грэм.

— Род занятий. Мне это потребуется для документов.

— Я художник, — запинаясь, произнес Грэм.

— Интересно, а чего это художнику вдруг машина понадобилась? А приятель твой? Он что, кисти будет держать?

Мы сдались и перекочевали к стойке «Авис», где нас допросили еще покруче, но машину дали. И мы отправились сквозь ночной туман в Баллинскеллигс, где Алан Меркюсон

арендовал рыбацкий домик и отдал его в распоряжение Мак-Канна. Располагался дом рядом с бывшим приютом для умалишенных монашек.

— Слава богу, вы приехали, — обрадовался Алан. — Но не вздумайте связываться с Джимом, что бы там ни наговорил Чарли. Этот человек — опасный сумасшедший. У него в машине, здесь на улице, полно взрывчатки. В дурдоме тайники с оружием. Меня он поставил ухаживать за собакой, а сам весь день или дурь курит, или бухает. Таскает сюда парней из ИРА, а все полицейские в Ирландии с ног сбились — его ищут. Мне в жизни так страшно не было. Вы уж потешьте его, когда вернется из паба, но упаси вас бог заниматься с ним бизнесом. И глазом моргнуть не успеете, как его накроют.

Джим Мак-Канн, пьяно шатаясь, ввалился в дверь и пнул спящего пса под задницу. Не удостоив вниманием ни меня, ни Грэма, с шумом испортил воздух и уставился на собаку.

— Вы посмотрите на этого гребаного пса! А ты, Алан, чего не тренируешься? Так нельзя, понял? Взгляни на это гребаное животное!

Алан, Грэм и я безучастно уставились на спящую дворняжку. Это и есть Мак-Канн? Борец за свободу Ирландии? Взгляд Мак-Канна перешел с собаки на меня:

— А ты что, никак из Кабула?

— Нет, я валлиец.

— Валлиец! Хренов валлиец! Иисусе... Что, ёб твою, ты можешь сделать? Что тебе здесь надо?

— Решаю, можешь ли ты быть нам полезен.

— Полезен вам?! — взревел Мак-Канн. — Слушай. Давай напрямую. Я тот самый Кид. Я крутой. И я здесь сам решаю, от кого есть гребаная польза, а от кого нет. А не наоборот, мать вашу. И лучше бы, чтоб от вас самих был хоть какой-то толк. Нам нужно оружие для борьбы. Тебе понятно? Мои ребята вели вас от самого аэропорта. Кругом ИРА. Выкинешь номер — и ты покойник, приятель, просто покойник. — Он повернулся к Грэму: — Значит, ты из Кабула, да?

— Ну, не совсем так...

— Алан, зачем ты позвал сюда этих ублюдков? Мне нужен человек, который может привезти оружие из Кабула.

— Я был в Кабуле, — сказал Грэм, пытаясь спасти положение.

— Сможешь доставить оружие? Да или нет. Либо дрищи, либо слезай с горшка. Ко мне тут вечерком Джон Леннон заглянет. Времени мало.

— Кабул не то место, где продается оружие, — объяснил Грэм.

— Что ты имеешь в виду, ёб твою? Продается оружие? Я эти гребаные пушки не покупаю. Мне дают их для борьбы люди, которые хотят обеспечить себе завтрашний день, когда мы в конце концов выкинем вас, гребаных британцев, из моей страны. И вообще, какого хуя валлийская сука продает оружие?! Да вам лучше дорожные знаки рисовать.

— Джим, — вмешался я, — мы возим гашиш и хотим знать, сможешь ли ты доставить для нас наркоту. Заплатим за это кучу денег.

— Откуда гашиш?

— Из Кабула.

— А где это, ублюдок ты валлийский?

Разговор уже почти вышел из-под контроля. На помощь пришел Грэм.

— Кабул — столица Афганистана. Но можно доставать товар в Карачи, в Пакистане. У тебя есть предложения, как ввезти его в Ирландию?

— Да в гробы засунуть. Понимаете, о чем я? Гробы никогда не обыскивают. Я дам вам адрес, куда послать. Мой брат Брендан знаком со священником. Джерард может катафалк везти, а Питер сделает так, что никто к нему и пальцем не притронется.

Идея не лучшего толка. Даже неоригинальная, но, по крайней мере, мы заговорили на одном языке. Я слегка приободрился, Грэм, похоже, нет.

— Перевозка гробов в таких местах, как Кабул, создает некоторые проблемы, Джим. Их немало. Потребуется оформить кучу бумаг. Они захотят узнать личность покойника и так далее.

— Хренов Алан сказал мне, что вы можете привезти из Кабула что угодно. А вы и пушки не можете, и даже сраный труп... Я отправлю вам этого гребаного покойника с паспортом на шее, чтобы кретины в Кабуле знали, что это за хрен. А где этот гребаный Джон Леннон? Он опять опаздывает. Алан, сходи наверх и позвони ему!

Алан исчез наверху, почесывая затылок.

— Он не получит ни одного долбаного цента, — сказал Джим, показывая наверх. — Это мое первое условие. Чарли Рэдклифф тоже ни хрена не получит. Это условие номер два. Условие номер три: мне нужно пятьсот фунтов наличными сейчас, чтобы все устроить, и пять тысяч за работу.

— Джим, — заговорил я, — а если мы просто пришлем в аэропорт несколько ящиков, а не гробов, ты и твои ребята могли бы их забрать?

— Конечно, могли бы, жопа ты валлийская. А о чем, ты думаешь, я тебе толкую последние десять минут? Мы заправляем

этой сраной страной. Передай-ка мне гребаный косарь!

Грэм, заметно подустав, запустил руку в карман и сказал:

— О'кей, Джим, вот тебе пять сотен. Скажи, когда у тебя будет адрес, по которому можно отправить ящики. Я пошел спать.

Сверху спускался Алан.

— По тому номеру, что ты мне дал, никто не отвечает.

— Должно быть, едет. Говард, не хочешь пропустить «Гиннесса»? Алан дождется здесь Джона Леннона. Наверное, зайдет еще парочка ребят, Джону компанию составят, а мы пока сходим выпьем.

И мы отправились к магазинчику в сотне метров от дома. Было около двух часов ночи, темень и туман. Джим долго и упорно барабанил в дверь, пока ему не открыл пожилой человек, по виду фермер. Он провел нас через лавочку в бар на задах, где человек десять попивали пиво и горланили песни. Джим ушел отсюда всего пару часов назад, и теперь его горячо приветствовали. Мы сели за столик, нам принесли несколько кружек «Гиннесса». Джим начал рассказывать мне историю своей жизни. Она мало отличалась от той, что напечатал «Френдз», только была капельку цветистей. Он расспросил меня в подробностях о моем прошлом.

— Так ты сраный оксфордский академик? Хренов мозг этой гребаной шайки сумасшедших из Кабула. Колдун валлийский. Ты из Оксфорда? А не из английской разведки часом? Не за Кидом ли приехал? А кому ты продаешь свою наркоту-то? Другим гребаным академикам и всему этому хипповскому быдлу? Ты что, ходишь со своей сраной сумкой на пляж в Брайтоне или в Гайд-парк? Я знаком с людьми, которые могут продать дурь в Брайтоне. Ты ведь знаешь Виверсов? Или Ники Хугстраттена? Ну должен же ты его знать, Христа ради?

— Я слышал о них, и только.

Виверсы были самым известным преступным кланом Брайтона. Их капо (крестного отца) Джеймса Виверса приговорили к смертной казни за убийство и похищение человека, но отсрочили смертный приговор. Этот клан косо смотрел на ловкачей, поддавшихся искушению торговать мягкими наркотиками. Миллионер Ник Хугстраттен владел доходными домами в трущобах Брайтона, а его управляющие без конца выселяли оттуда обнищавших обкуренных хиппи.

— Я мог бы продавать для тебя гашиш. Здесь, в Ирландии. В Дублине две недели назад арестовали партию.

В Дублине и в самом деле было изъято двести граммов гашиша, и начальник полиции рассказывал об этом по телевидению как о самом большом «захвате». Я совсем не был

уверен, что с Мак-Канном можно делать дела. В любом случае, ему вряд ли стоило торговать гашишем вразнос на дублинских улицах, собирая наличность и подвергаясь риску ареста.

— Джим, лучше не сбывать товар в Ирландии. Мы не хотим, чтобы копы думали, что в их страну ввозят наркотики. Как только гашиш будет у тебя, передашь его мне. Я на пароме довезу его до Уэльса, оттуда в Лондон и продам. Через пару дней вернусь на пароме обратно с деньгами, если ты хочешь встретиться здесь.

— Я хочу, чтобы мои деньги переводили в Амстердам.

— Договорились, Джим.

— Ты можешь достать мне оружие и привезти сюда на сраном валлийском пароме? Это помогло бы мне решить вопросы. А как насчет порнофильмов? Привези все, что сможешь.

— Да, Джим, запросто.

Включили проигрыватель, и кое-кто из выпивох пустился отплясывать ирландскую джигу. Джим к ним присоединился. Я отправился в бар и купил всем выпить. Пирушка продолжалась до рассвета. Последними уходили я и Джим.

Мы шли полями, раскисшими от сырости. В нескольких метрах от нас лежало море. Сквозь просветы в пелене утреннего тумана виднелись близлежащие острова.

— Это остров Скарриф. Его покупает Джон Леннон. Наверное, мы его пропустили, пока торчали в пабе. Зато время провели на славу. Уж точно получше, чем в сраном валлийском пабе.

В рыбацком домике Грэм и Алан еще похрапывали. Джон Леннон ничем не обнаруживал своего присутствия. Джим и я выкурили несколько косяков.

— Ты знаешь, Говард, что в Ирландии запрещены презервативы? Но это ненадолго. Вот выкинем бриттов, избавимся от гребаных священников, и люди смогут трахаться, не плодя младенцев. Это англичане придумали, чтобы мы оставались бедняками. Плата за секс: трахнулся — и на тебе, ребенок. Я основываю компанию «Дюрекс новелти баллунз». Так что «Дюрексу» придется дать своим презервативам другое хреново имя, или они ничего не продадут. Слышишь? Дэн Муррэй проделал такой фокус с «Херц»[20]. Мы поимеем этих сраных капиталистов. Но сначала нужно достать денег. Возможно, ты мне пригодишься, Говард. Пошли купим еды. Жрать хочется до смерти.

Мы потащились обратно по сырости, на этот раз мимо сумасшедшего дома.

— Здесь мы держим оружие, — сообщил Джим. — Могли бы отсиживаться в этой норе многие месяцы.

Магазин, который мы не так давно покинули, уже открылся.

Желающим подкрепиться подавали обильный завтрак, а молодой парень отпускал бакалею. В баре еще были заметны следы вчерашнего веселья, но пятеро личностей усугубляли беспорядок, прихлебывая «Гиннесс». Зазвонил телефон, и Джима позвали к трубке. Я поглазел на бакалею и сел за столик в баре.

— Кто звонил, Джон Леннон? — спросил я вернувшегося Джима.

— Нет, Грэм и Алан. Зайдут поесть. Не вздумай проболтаться, о чем мы говорили. Слышишь?

Джим заказал четыре плотных завтрака и четыре кружки «Гиннесса». Алан с Грэмом от пива отказались: слишком рано, — так что Джим и я вылакали весь «Гиннесс».

— Джим, мы сегодня возвращаемся в Лондон. Что-нибудь еще осталось обсудить?

— Нет. Я встречусь с вами через семь-десять дней. Я пошел. — С этими словами Джим поднялся, пожал нам руки и вышел из магазина.

— Ну, что вы думаете? — спросил я у Грэма и Алана.

— Забудь об этом, — сказал Алан. — Парень с катушек съехал. Вся эта чепуха про Джона Леннона. И он и понятия не имеет, где Кабул.

— А я думаю, он все сделает как надо, — возразил Грэм. — Такой человек.

На пути в Корк мы проезжали Бларни. Меня так и подмывало остановиться и поцеловать камень, чтобы обрести удачу. Грэм сказал, что нет времени. Это было то самое место, где мой прапрадедушка Патрик Маркс, он же Патрик Мак-Карти, провел молодые годы. И я до некоторой степени чувствовал себя ирландцем.

Дома меня ожидали дела. Помещение, снятое под бутик «Анны-Белинды», включало в себя жилую квартиру со всеми удобствами. Мы с Рози переезжали туда. Смоля косяки, я присматривал за ремонтом того, что было шоферским бистро. Фасад выглядел все краше, привлекая внимание университетской публики и горожан. Швейные мастерские еще утопали в опилках и стружке. Имелись отдельные помещения под офис. В одном из них работала компания по внутренней отделке помещения, которую я создал на паях со сговорчивым местным подрядчиком Робином Мурреем, главным образом для фальсификации счетов за ремонт. В те дни отмывание денег не было такой проблемой, какой стало сейчас, но все равно приходилось хитрить, если предприятие возникало как из-под земли. К чему властям знать, сколько у меня денег? Львиную долю расходов я оплатил наличными, и в счетах расходы занижались.

Сбоку к зданию пристроили еще один офис, чтобы мое хобби — коллекционирование марок — могло перерасти в филателистический бизнес. Я надумал скупать задешево под своим именем крупные партии несортированных марок и анонимно приобретать за наличные раритеты у респектабельных дилеров на Стрэнде. Из моих документов следовало бы, что редкости извлечены из общей массы после долгих и кропотливых поисков. Тогда я мог бы продавать ценные марки торговцам в провинции и придать вид законности своему бизнесу. Конечно, это было сопряжено с финансовыми потерями, но какая разница? Дом 6 по Глостер-стрит в Оксфорде превращался в огромную штаб-квартиру. Только большой подвал пока простаивал без дела.

Через неделю после возвращения из Ирландии позвонил Алан Меркюсон и сказал, что Мак-Канн все устроил, что он, Алан, недооценивал возможности ирландца, а тот все провернул наилучшим образом. Грэм и я должны приехать в Дублин прямо сейчас. Я представил, как Мак-Канн стоит за спиной у Алана и суфлирует с угрожающей миной.

Грэм был занят делами: ковры и недвижимость требовали хозяйского внимания. Я полетел в Дублин один, зарегистрировался в гостинице «Интерконтинентал». Фасад выходил на поле для игры в регби на Ланздаун-роуд, где год назад ирландцы отобрали у валлийцев «Тройную корону»[21]. В гостинице меня ждала посылка. В прикрепленной к ней записке значилось: «Прочитай. Симус». Я вскрыл пакет. Внутри находились подробнейшие сведения о неизвестном мне аэропорте Шаннон на Атлантическом побережье, сразу при выезде из Лимерика.

Ввиду близости к Северной Америке Шаннон служил пунктом пересадки и дозаправки самолетов европейских и азиатских авиакомпаний, совершавших длительные перелеты через Атлантику. В 1952 году здесь, на скрещении воздушных путей, был открыт первый в истории магазин беспошлинной торговли, где транзитные пассажиры могли приобретать алкоголь, сигареты, духи и часы по низким ценам. Территорию вокруг аэропорта объявили свободной зоной, куда можно ввозить сырье и другие товары для нужд производства при условии, что готовые изделия экспортируются из Ирландии и не реализуются внутри страны. Вокруг аэропорта вырос огромный промышленный комплекс. Множество компаний с удовольствием пользовались выгодным местоположением. Каждый день сюда приезжали по нескольку сотен легковушек и грузовиков, перевозивших рабочих и оборудование. Я начал улавливать смысл: гашиш можно посылать из-за границы в свободную зону, минуя таможенные

проверки, и вывозить в конце смены, когда целые партии рабочих покидают территорию. В пакет были вложены карты, отображавшие чуть не каждый квадратный сантиметр промзоны и аэропорта и большое количество бланков, оформляющих воздушные грузоперевозки и импортно-экспортные операции. Я был под очень сильным впечатлением.

Дверь в номер открылась, и вошел Джим в сопровождении официанта, который нес бутылку ирландского виски «Пэдди»[22]и ведерко подтаявшего льда.

— Ты отличный парень, Дэмиан, — сказал Джим. — Гоф, подпиши счет и дай ему на чай двадцать фунтов. Он заслужил.

Я уплатил по счету и отстегнул чаевые. Джим заключил меня в медвежьи объятия. Признаться, я струхнул.

— Ну и что ты думаешь о Киде? Я сделал это! Я расколол орех. Шли свою сраную наркоту.

— Как ты это сделал, Джим?

— Прикинулся, что работаю в журнале «Форчун», позвонил начальнику аэропорта, попросил интервью. И пошел по нисходящей, понимаешь, пока не наткнулся на нужного человечка. Из этой промышленной зоны можно что угодно вывезти. Любую срань. Если есть бланки.

Джим выхватил у меня ворох бумаг и показал форму с надписью «Беспошлинный вывоз».

— Ты же сумеешь сделать копии?

— Надо полагать, да. Чарли Рэдклифф много лет в типографском и издательском бизнесе. Он узнает, как это сделать.

— Только не вздумай сказать Чарли, зачем они нужны. Понял?

— Ну... Хорошо. Может, найду кого-нибудь другого. А кому они нужны?

— Ты что, на разведку работаешь, Гоф? Я же сказал тебе, ёб твою, что нашел нужного человека. Он их проверяет, мать твою. Его зовут Имонн. Он истинный республиканец.

— А он знает, что мы собираемся ввозить наркоту?

— Конечно, нет, жопа ты валлийская. Он думает, что мы ввозим оружие для благого дела. Он против наркотиков.

— А где Алан, Джим?

— Я только что послал подальше этого никчемного ублюдка. Ему и Рэдклиффу следует быть повнимательней. И этому кретину Джону Леннону От Склизкого тебе тоже следует избавиться.

— Это кто такой?

— Гребаный британ, который приезжал с тобой на прошлой неделе.

— Джим, нам нужен Грэм. Я больше не знаю никого, кто может прислать гашиш из Пакистана и Афганистана.

— Ну так разыщи кого-нибудь, ёб твою, понял меня? Мы с тобой можем махнуть в Кабул. А ты привез порнофильмы, которые обещал?

По правде говоря, я их забыл.

— Не хотел везти на самолете, Джим. Очень скоро привезу их на пароме. У тебя великолепный план. Когда хочешь начинать?

— Сейчас, твою мать! Я готов. У меня все схвачено.

— Сколько мы должны отправить?

— Я дам тебе знать, Гоф.

— А на какой адрес мы должны будем все отправить?

— Я дам тебе знать, Гоф.

— А под каким видом мы должны его отправить?

— Я дам тебе знать, Гоф.

Конечно, схвачено у Джима было не все, но план внушал большие надежды. Мне захотелось увидеть Шаннон собственными глазами. Мы взяли машину напрокат и поехали через Лимерик в аэропорт. Сельские пейзажи радовали глаз, широкое живописное устье реки в окружении тихих, безмятежных холмов. Посреди этих идиллических ландшафтов располагался крупный промышленный комплекс и аэропорт. Джим припарковался прямо у выхода из пассажирского терминала.

— Здесь нельзя парковаться, — объявил служащий аэропорта.

— Это охуенно срочно. Я забираю багаж босса, — рыкнул Джим с отчетливым белфастским акцентом.

— Тогда ладно. Я присмотрю за машиной.

И Джим повел меня на экскурсию по аэропорту, включая грузовой терминал «Эйр Лингус». Многие приветствовали его кивком. А он держался так, будто это место ему принадлежало. Попросил водителя фургона «Эйр Лингус» отвезти нас в промышленную зону. Впечатление было такое, будто никого и ничего тут не проверяли. Джим попросил инспектора рассказать мне, как функционирует свободная зона.

— Это государство в государстве, — объяснил инспектор. — Товар не может покинуть зону, если не прошел специальной таможенной очистки. Для вывоза требуется вот такой бланк. — Инспектор показал форму с грифом «Беспошлинный вывоз».

— Понимаешь теперь, что я имел в виду, Гоф? — спросил Джим, когда нас подбросили обратно к терминалу, где любезный служащий присматривал за нашим автомобилем. — В этом месте двери распахнуты чертовски широко.

Так оно и было.

— Гоф, придется тебе дать мне еще денег на аренду офиса в

Лимерике и небольшой мастерской в промзоне Шаннона. А как ты доставишь гаш до Лондона и Брайтона? Хочешь, Брендан перевезет? Ему надо подзаработать.

— Мои друзья переправят его в Уэльс на пароме, Джим. У нас богатый опыт.

— Просто кладете гашиш в багажник и молитесь?

— Нет. Прячем в дверные панели, под заднее сиденье и за него. Ты представить не можешь, сколько умещается. Мне понадобится коттедж или гараж, где можно спрятать автомобиль перед тем, как перегонять его на паром.

— Я найду. Просто дай денег.

— Если я добавлю пять сотен, этого хватит на аренду офиса, мастерской и тихого места, чтобы погрузить гашиш?

— Только-только, Гоф.

Мы остановились в «Шаннон Шамрок», некоем подобии мотеля, который пользовался популярностью у летчиков гражданской авиации. В холле пахло торфом и «Гиннессом». Я зарегистрировался под настоящим именем, Джим назвался Джеймсом Фицджеральдом. Мы выпили. Пилоты травили байки про опасные сближения в воздухе и неудачные посадки.

— Ты никогда больше не должен пользоваться настоящим именем, Гоф. Это слишком опасно и невероятно глупо.

На следующее утро я улетел прямым рейсом из Шаннона в Хитроу. У меня в кармане лежал бланк разрешения на беспошлинный вывоз. Я отправился прямиком к Грэму. Чарли Рэдклифф сидел у него. Ребята Ника Голландца доставили сотню килограммов ливанского гашиша от Сэма Хирауи. Его нужно было продать. Это принесло бы мне и Чарли еще полторы тысячи фунтов, Грэму — пять тысяч, Голландцу — две, а Сэму, чьи люди провезли дурь в Голландию, — двадцать тысяч. Действуя через Шаннон, мы бы заработали гораздо больше.

— Говард, мы должны сначала заслать пустышку. Я не могу рисковать связями на Ближнем Востоке в угоду Мак-Канну.

— Не думаю, что Джим пойдет на это, Грэм. Ему не терпится заняться настоящим делом.

— У него нет выбора.

Чарли Рэдклифф заметил, что изготовить бланки будет несложно.

С ливанским гашишем мы разобрались быстро — отдали его Голдсэку на продажу, и я поехал в Брайтон. Хоть я там больше уже не жил, квартиру оставил за собой и дал Мак-Канну ее адрес и телефон. Меня ждала телеграмма из Лимерика, отправленная примерно через час после моего отъезда: «Высылай спорттовары в службу доставки „Ашлинг", аэропорт Шаннон. Нужны еще деньги.

Фицджеральд».

Я не знал, как связаться с Джимом напрямую по телефону. У меня был только номер его абонентского ящика в почтовом отделении Баллинскеллигса. Грэм посоветовал отправить фиктивную транспортную накладную, как только будут напечатаны бланки, но до последнего момента не говорить Джиму, что это подстава. Я был не в восторге, но это имело смысл. Грэм попросил Патрика Лэйна набить коробку телефонными справочниками и отправить самолетом в Шаннон. Я сообщил телеграммой номер грузовой накладной на воздушную перевозку из одиннадцати цифр на адрес Джима в Баллинскеллигсе и отправил срочной почтой прекрасно подделанные бланки. Джим позвонил много часов спустя.

— Эти уроды в Кабуле вас кинули. Гребаные телефонные справочники. Никогда меня больше не доставай, валлийская жопа. Я сам отправлюсь в Кабул. Гребаные телефонные справочники. Могли хотя бы порножурналов парням прислать. Скажи Склизкому, что его дни сочтены. Понятно? Гребаные телефонные справочники.

— Джим, нам следовало проверить канал. Не мог же я в телеграмме сообщить, что это подстава? Ты должен дать мне связь получше.

— Пятьсот фунтов. Завтра. И пускай Склизкий ближайшим рейсом мотает в Кабул и пришлет что-нибудь получше сраных телефонных справочников, иначе ему коленки переломают. Какой у него гребаный телефон?

— Я не собираюсь давать тебе его телефон, Джим, но завтра утром буду у тебя с деньгами. Ты нашел мне дом?

— Все схвачено, чувак. Я делаю, что говорю, ёб твою. Я не обламываю. Меня зовут Кид.

Я отчитался Грэму. Он согласился отправиться в Пакистан в течение следующих двух дней. Я вылетел в Шаннон, взял напрокат автомобиль и, как договорились, сел ждать в холле «Шаннон Шамрок». Джим появился в сопровождении огромного мускулистого качка.

— Гоф, это Гас. Он состоит в белфастском отряде боевиков. Я хочу, чтобы он запомнил тебя в лицо. Хорошо, Гас, можешь валить. Не забудь разузнать адрес Джона Леннона в Лондоне. Я преподам этой жопе урок, который он никогда не забудет. Гоф, мне больше не нужно этих гребаных игр, понимаешь, о чем я?

— Джим, мы просто не могли с тобой связаться. Игр не было. Вот твои пять сотен. Где находится коттедж?

Мы поехали в деревню Баллинакалли. В одном из пабов подобрали фермера, с которым Джим накануне договорился

насчет аренды. Дорога, шедшая в гору, привела нас на пепелище, к руинам старинного помещичьего дома.

— Это «Парадайз», — сказал фермер. Я пребывал в недоумении:

— Это его мы арендуем, Джим? А где крыша?

— Здесь жил полковник Уильям Хенн, — уточнил фермер, — а вы снимаете коттедж по соседству Кстати, я не разобрал вашего имени.

— Его зовут Брендан, — быстро вставил Джим.

— Какой еще Брендан? — спросил фермер.

— Мак-Карти, — пояснил я. — Наша семья происходит из Корка.

— Добро пожаловать в «Парадайз», мистер Мак-Карти! Мы подъехали к коттеджу. Дороги не было и в помине.

Как нельзя кстати для наших целей.

— Какой у этого места адрес? — спросил я фермера.

— Парадайз-коттедж, Парадайз-хаус, Парадайз... Но на вашем месте, мистер Мак-Карти, на конверте я бы еще добавлял: «Рядом с Баллинакалли».

На пути в «Шаннон Шамрок» я спросил Джима, почему он выбрал название «Ашлинг» для лимерикской компании.

— Трудновато для твоих гребаных оксфордских мозгов, да? Ашлинг — «мечта» на гаэльском. А еще гашиш плюс «Эйр Лингус». Хочешь посмотреть офис в Лимерике?

Офис ютился между конторой небольшой компании по прокату автомобилей и мастерской «сделай сам». Джим открыл дверь. Обычная комната, стол, телефон на нем. Аппарат работал, но номера Джим не знал. Это была личная телефонная линия предыдущего владельца.

— Склизкий отправился в Кабул?

— Да, вылетел сегодня утром, — соврал я.

— Сколько ему потребуется времени, чтобы послать мне нордель?

— Что такое нордель, черт побери, Джим?

— Ты должен пользоваться кодами, тупая ты валлийская блядь. Нордель — это гашиш.

— Теперь понятно. Склизкому потребуется около недели.

— Неделя?! Целая гребаная неделя! Почему же так охренительно долго?

— Не знаю, Джим.

Мы тронулись дальше. До отлета в Хитроу было полно времени, и мы зашли поесть в ресторан. Джим позвонил по телефону, через несколько минут появился Гас. Сел за столик в углу.

— Запомни, Гоф, никаких гребаных игр. Шифры и вымышленные имена, тогда разыграем все как по нотам. Ты со мной, приятель. В Ирландии тебя никто не тронет. Захочешь связаться, звони по этому номеру в Дублине. Никому его не давай. Никому, понял? До встречи.

Прошло несколько дней, а Грэм до сих пор не вылетел на Ближний Восток. В переправке гашиша на самолете ему должен был помочь тип по имени Раоул, человек Мухаммеда Дуррани в Карачи. Я несколько раз видел этого малого у Грэма. Низенький, чуть полноватый пакистанец в очках, лет на десять старше меня. При каждой нашей встрече он широко улыбался и пересчитывал толстые пачки денег. Грэм и его калифорнийский связной, Эрни Комбс, член Братства вечной любви, промышлявшего контрабандой наркотиков, часто отправляли транспорт в Пакистан под загрузку гашишем Раоула. Затем этот транспорт перегоняли по суше в Европу или отправляли на кораблях через Атлантику. Раоул был богат: ему принадлежали кинотеатры и прочие многочисленные предприятия в Карачи. Грэму только и надо было, что дать пакистанцу указания, как везти груз: морем или по воздуху. В своей стране пакистанец был всемогущ — пасовал только перед стихийными бедствиями и войнами. А тут Индия строила план вторжения в Восточный Пакистан. Надвигалась нешуточная война. И Раоул был бессилен перед ней.

По крайней мере раз в день звонил нетерпеливый Мак-Канн и спрашивал:

— Сколько еще ждать, ёб твою?

— Джим, там идет война. Аэропорт в Карачи окружен солдатами. Сейчас оттуда ничего не вывезти.

— Да какая война?! А что за хрень, ты думаешь, идет у меня в стране? Повсюду солдатня. И это меня не останавливает.

— А некоторых людей останавливает, например нашего человека в Карачи.

— Сраные валлийские академики. Вы что, не можете достать нордель где-нибудь еще?

— Надеюсь, можем. У Грэма есть люди в Бейруте и Кабуле.

— В Кабуле?! Ты же сказал, что там идет эта гребаная война, и ты ни хрена не можешь сделать. Не надо этих мудацких игр, Гоф. Я предупреждал тебя.

— Джим, война идет в Пакистане, в том месте, откуда мы собирались отправить тебе спорттовары.

— Что еще за гребаные спорттовары?

— Нордель, Джим. Ты же понимаешь, о чем я. В любом случае, в Афганистане войны нет.

— Скажи Склизкому, что у него три дня на поставку, или ему

ноги переломают.

— О'кей, Джим.

Было еще несколько подобных разговоров. В итоге Мухаммед Дуррани сказал, что может выслать партию из Кабула в течение недели. И я полетел в Шаннон, прихватив Марти Лэнгфорда, который согласился пожить в «Парадайзе», пока не прибудет гашиш, и присмотреть за товаром до переправки в Великобританию. Джим встретил нас в «Шаннон Шамрок». Он был очень подавлен, но все же немного жутковат.

— Лучше, чтобы все получилось, ёб твою, — буркнул он Марти, — если желаешь еще увидеть Уэльс.

— Я не хочу быть заложником, Говард. Я не прочь посидеть в коттедже в полном одиночестве, но мне не нравится вся эта херня, которую несет Нибло, понимаешь.

— Не беспокойся, Марти. Нибло, как ты его называешь, только лает, но не кусается.

Мы покатили на арендованном автомобиле в «Парадайз». Марти там понравилось. Он был начитан, любил простые удовольствия и с нетерпением ожидал возможности почитать книжки и побездельничать. Я отбыл в Лондон на встречу с Грэмом. Джим где-то откопал номер Плинстона (возможно, через справочные телефонных компаний, но утверждал, что вышел на него через килбурнский следственный отдел), поэтому Грэм не отвечал на звонки. Его жена Мэнди исправно сообщала, что Грэм в Кабуле, всякий раз, как звонил Джим.

Пока я был у Грэма, позвонил Мухаммед Дуррани. Партию отправили из Кабула во Франкфурт, где ее погрузят на самолет «Эйр Лингус» до Шаннона. Один из людей Дуррани прибыл в Лондон с накладной. Мы с Грэмом отправились за ней в Найтсбридж. В накладной речь шла о партии старинных ковров, отправителем числился Али-хан из Кабула, получателем — Джума-хан в Шанноне. Выглядело это сомнительно. Я позвонил на дублинский номер Джиму:

— Груз в пути. Будет у тебя завтра.

— Охрененно вовремя.

— Есть некоторые проблемы, Джим.

— Какие?

— Это не спорттовары.

— Ты имеешь в виду, что это не нордель?

— Да нет, нордель, но по документам старинные ковры.

— Насрать, как его описывают. Его ведь отправили «Ашлингу»?

— Да, но тут другая проблема, Джим. Он адресован Джу-ма-хану в Лимерике.

— Ты, тупая валлийская сука, какого хрена написал мое имя?

Только тут я осознал созвучие имен Джим Мак-Канн и Джума-хан. Забавное совпадение.

— Ты что, не знаешь, что такое безопасность? Вымышленные имена, шифры. Я, ёб твою, уже сотню раз это говорил, а ты там еще и мое гребаное имя написал. Ты что думаешь, мы тут в игрушки играем?

— Джим, хан — это такое обращение на Ближнем Востоке, вроде «мистер». И к тому же там написано Джума, а не Джим. Джума — что-то вроде «пятницы» на урду.

Как об стенку горох.

— Может, в Кабуле Джим Мак-Канн и означает Пятница[23], но в Ирландии Джим Мак-Канн — это я, мать твою, Кид! Я все же получу нордель, но из-за твоих сраных закидонов это будет стоить еще пятьсот фунтов. Они нужны мне прямо сейчас.

На следующий день рано утром я вылетел в Шаннон. На этот раз Джим ждал меня в аэропорту. Он был в бешенстве. Забрал пятьсот фунтов и побежал, крича во весь голос:

— Жди меня в «Парадайзе» или в «Шаннон Шамрок». Зарегистрируйся под именем Мак-Карти.

Я взял машину и поехал в «Парадайз». Марти встречал меня на улице, физиономия его выражала неподдельное облегчение:

— Говард, слава богу, это ты! Я думал, это опять пакистанцы.

— Пакистанцы? Какие еще пакистанцы?

— Два дня назад я услышал, как подъезжает машина. Думал, это ты или Нибло из ИРА. Машина остановилась перед воротами, из нее вышли двое пакистанцев. Ты сказал мне, что из Пакистана прибудет наркота, вот я и подумал, что они имеют к этому какое-то отношение. Думал, что они передадут мне гашиш, гроб или еще что-нибудь. А они рубашками торговали. Рубашками! Потом я решил, что ты отправил их сюда шутки ради. Или Нибло послал, чтобы позлить меня. Потом мне показалось, что они — пакистанские копы в штатском. Я приобрел у них пару рубашек. Вон они. Не так уж и дурно за те деньги, что отдал.

Опять случайное совпадение. Что за черт?

— А больше гостей не было?

— Не было. Все шито-крыто. Было другое дерьмо.

Мы перекусили, курнули, и я поехал в «Шаннон Шамрок», где зарегистрировался как Стивен Мак-Карти. Мать серьезно подумывала о том, чтобы крестить меня Стивеном, а мой предок Патрик Маркс носил фамилию Мак-Карти. Пока еще я выбирал псевдонимы, связанные с прошлым.

Я задремал было, но зазвонил телефон.

— Немедленно спускайся, Гоф! С каких это пор старинные

ковры грохочут, когда их двигаешь?

Джим торчал в холле, рот до ушей. Я проследовал за ним до гостиничной парковки. В центре стоял открытый раздолбанный «форд». На заднем сиденье его помещался ящик, прикрытый мешком, другой засунули в багажник, который из-за солидных размеров груза не закрывался. Гашишем разило за несколько метров.

— Видишь, Гоф, Кид сделал это. Кид все разыграл как по нотам. Мне нужны мои две тысячи и еще пять сотен на покрытие дополнительных расходов. И впредь я не хочу, чтобы в документах светилось мое имя. И мне не нужны сраные ковры, которые грохочут. Мне нужны порнофильмы. Но, между нами, Говард, это было просто охренительно, что ковры грохотали. Это убедило их, что они провозят оружие. Они знали, что это никакие не гребаные ковры. Понимаешь, да? Вот ключи. Отвези дерьмо в «Парадайз». Когда я получу свои гребаные бабки?

— Они тебе все еще нужны в Амстердаме, Джим?

— Говард, какого хрена они мне там? Иногда ты такую хрень городишь. Они нужны мне здесь.

— У меня с собой пара сотен. Могу тебе их дать прямо сейчас. Остальное завтра.

— Дай мне деньги и ключи от твоей машины, Говард. Я пригоню ее в «Парадайз» примерно через час. Я должен повидаться со своими людьми. Не открывай долбаные ящики, пока я не приеду.

Джим укатил на «фольксвагене», который я взял напрокат Развалюха, что он мне оставил, завелась с трудом. Бензин был на нуле, кузов проседал чуть не до земли. Я доехал до ближайшей заправки и успокоился, увидев, что большинство автомобилей на ирландских дорогах выглядят непрезентабельно. По пути в «Парадайз» за мной никто не прицепился. Мы с Марти разгрузили машину, но, выполняя наставления Джима, ящики открывать не стали. Вскоре аромат гашиша заполнил коттедж. Джим не заставил себя долго ждать, и мы втроем вскрыли ящики. В них было сто килограммов афганского ручника превосходного качества. Мы курили косяк за косяком.

Марти и Джим вырубились, а я проехал на «фольксвагене» несколько километров до ближайшей телефонной будки и позвонил Грэму. Он приятно удивился и сказал, что Патрик Лэйн может выехать прямо сейчас с остатком денег для Мак-Канна и вернуться с гашишем. Выйдя из телефонной будки, я заметил, что машина низко просела от тяжести, и открыл багажник. В нем лежали стопки лондонских телефонных справочников и коробки с химикатами в пластиковой оболочке. Немного сбитый с толку, я

повернул в «Парадайз». Джим стоял на улице.

— Ты ведь не ехал по колдобинам? Тачка набита сраной взрывчаткой.

— Ну так вытащи ее, Джим, и засунь в свою развалюху.

— Да что с тобой такое? Ты только пиздишь. Нордель — фигня. А вот взрывчатка и оружие — серьезная тема. Так-то... Я занимаюсь серьезными вещами, а не этим хипповским дерьмом.

Он выбросил наполовину скуренный косяк в ирландскую ночь, перетащил телефонные справочники и взрывчатку в свою машину и уехал.

Сутками позже в «Шаннон Шамрок» зарегистрировался Патрик Лэйн. Я ждал в холле. Прихватил ключи от взятого напрокат «форда-капри» и, пока он спал, поехал в «Парадайз». Марти был взволнован:

— Только что здесь побывал Нибло. Забрал около десяти килограммов гашиша. Сказал, что очень скоро вернется. Ему нужны деньги и какая-нибудь порнуха.

Мы спрятали оставшийся гашиш в машину, под панели в передних и задних дверях и под заднее сиденье. Он довольно легко там уместился, но запах был невыносимый. Приехал Джим:

— Гони мои гребаные бабки!

— Ты только что их забрал, Джим. Десять килограммов норделя стоят около двух тысяч фунтов. Ты свое получил.

— Да можешь прямо сейчас забрать назад свое хипповское дерьмо.

Он пошел к своей машине, достал мешок и дал его мне.

— Здесь около пяти килограммов, Джим. Где остальное?

— Это все, что я взял, ёб твою.

Тут до меня дошло, что деньги остались у Патрика. Я попытался объяснить Джиму, что к чему, но он встал на дыбы:

— Я сам съезжу за деньгами. И для тебя лучше, чтоб это не было очередной гребаной игрой. Жди здесь.

Через несколько часов он вернулся в компании Патрика. Оба были пьяны и очень злы друг на друга. Патрик отказался платить без моей санкции. Джим призвал на подмогу Гаса. Стоило Патрику смекнуть, что в деле замешана ИРА, как он взорвался. Боевики ИРА убили его деда, Патрика Мерфи, полицейского-католика, который служил в Белфасте. Чуть не дошло до драки. Патрик вручил мне деньги, а я отдал их Джиму.

— Гоф, ты лично отвечаешь за то, чтобы этот человек больше никогда не вернулся в Ирландию. На этот раз он помилован, но на этом все. Я буду на связи, брат.

Патрик все еще кипел, но настоял, что немедленно отправится на паром. За сутки Джарвис и оба Чарли распродали

гашиш и выручили больше двадцати тысяч фунтов. Но следовало еще кое-кому заплатить. Принимая во внимание все затраты, особенно расходы Джима, не разбогател никто. Но несомненно, Джим мог принимать груз. Все сбои произошли по нашей вине. Следовало отработать схему, чтобы извлечь выгоды из необыкновенно удачной возможности.

Первого января 1972 года Грэм принял решение отправиться в Карачи и лично проследить за отправкой следующей партии в Шаннон. Предполагалось переправить тонну, и на этот раз ошибок быть не могло.

Двое старых друзей Марти Лэнгфорда занимались ремонтом и продажей автомобилей в Винчестере. С их помощью мы исследовали разные модели на предмет того, сколько гашиша можно в них спрятать, не рискуя головой. Двухдверный «форд-капри» был идеален. В него влезало по меньшей мере сто килограммов, если задействовать дверные панели и пространство под задним сиденьем. Мы купили несколько машин. И никто даже ухом не повел, когда мы заплатили наличными.

При дележе доходов от предстоящей сделки начались пререкания. Мак-Канн смекнул, сколько денег можно заработать на бизнесе с наркотиками. В конце концов договорились, что он будет получать по шестьдесят фунтов с каждого килограмма.

Издержки Дуррани и Раоула в Карачи составляли семьдесят фунтов за килограмм. Мы платили по 20 фунтов за килограмм каждому, кто был готов перевезти «форд-капри», начиненный гашишем, на пароме через пролив. Могли еще возникнуть незначительные расходы. В Лондоне гашиш шел примерно по двести сорок фунтов за килограмм. На тонне груза я и Грэм должны были зарабатывать по пятьдесят тысяч фунтов каждый. Мак-Канн заработал бы больше, но с этим пришлось смириться.

Мак-Канн под видом того, что организует конференцию продавцов сельскохозяйственного оборудования, снял уединенный фермерский дом рядом с Ньюмаркет-он-Фергус, в двадцати милях от Лимерика. Из окон спальни был виден аэропорт Шаннон. Я приобрел кучу порнофильмов и загрузил в один из подлатанных «фордов-капри». Доехал на машине из Лондона в Суонси, добрался на пароме до Корка, а затем из Корка через Лимерик прикатил в «Шаннон Шамрок», где был забронирован номер на имя Стивена Мак-Карти. Около полудня я стоял рядом со стойкой регистрации, когда мне в ухо проорали с отчетливым белфастским акцентом:

— Не запаривайся, ёб твою! Можем остановиться на ферме. Поедем на твоей машине. Гас только что умотал на моей в Дублин. Мы собираемся спалить английское посольство.

Мы сели в машину.

— Ну что, как поживаешь? Понравился ли академикам из Брайтона нордель, который привез Кид?

— Они никогда о тебе не слышали.

— Что же ты, ёб твою, не сказал им, что это я его привез? Гребаная валлийская жопа.

— Я шучу, Джим.

— Гоф, у меня нет времени на игры. Ты знаешь это. Идет гребаная война. В прошлое воскресенье ваши сраные англичане хладнокровно убили тринадцать невинных ирландцев. Думаешь, у вас проблемы, чувак? Я подкину вам гребаных проблем. А этот гребаный Джон Леннон вообще покойник.

— А он-то что натворил, Джим?

— Обещал дать бесплатный концерт в Дерри, и я там все устроил. А теперь, после того, что было в прошлое воскресенье, говорит, что ни хрена не будет. Собирается написать сраную песенку. У нас до хрена этих песенок, ёб твою. Он меня подставил, чувак. Все детишки из Дерри так ждали этого гребаного концерта. Я отправлю Брендана в Сент-Джордж-Хилл, Уэйбридж — пусть спалит дом этого ублюдка Джона Леннона. С Кидом шутки плохи. Когда Склизкий отправит нордель? Что за гребаный простой? Что он, ёб твою, себе думает, здесь детский утренник, что ли? У меня дела есть, чувак. Я только что возвратился из Амстердама и приобрел оружие для боевиков. А это напряг, сечешь? Покруче, чем марками и платьями торговать.

— Я не торгую марками и платьями. Это просто блеф для властей.

— На хрен власти! Что за хреновиной ты занимаешься, Гоф?

— Это для безопасности, Джим, чтобы никто не наезжал. Когда я сошел сегодня утром в Корке с парома, меня спросили, зачем я прибыл в Ирландию. Я сказал, что собираю марки, интересуюсь дополнительным тиражом 1922 года. Это то же самое, что использовать вымышленное имя или прикрытие.

— Правильно, Гоф. Безопасность — очень важная штука. На, возьми! — Он достал из кармана рацию. — На этот раз мы все выполним с военной точностью. Разыграем, как концерт Моцарта. Когда я заберу нордель из Шаннона, сообщу тебе на ферму по рации.

— Зачем?

— Чтобы ты точно знал, когда я привезу нордель, валлийский ты недоумок.

— А зачем мне знать точно? Я просто буду ждать на ферме.

— Гоф, ёб твою, делай, что говорят. Я свяжусь с тобой по рации.

Следуя сумасбродным инструкциям Мак-Канна, я отвез нас в фермерские угодья. Хозяйство идеально подходило для «фаршировки» машин гашишем. Мы вылезли. Мак-Канн взглянул на «форд-капри» с отвращением.

— Этот сраный автомобиль здесь как свиная отбивная на еврейской свадьбе.

— А на чем, ты думал, мне следовало приехать, Джим, на гребаном тракторе?

— Не надо этой клоунады, Гоф. Я сказал тебе, операция проходит под прикрытием фермерства.

— Ну, «форд-капри» — отличная машина для устройства тайников. Под задним сиденьем около пятидесяти пленок с порнухой.

— Охренительно своевременно, Говард, уже сто лет прошу. Понесли в дом. Посмотрим.

— У тебя есть экран и кинопроектор?

— Конечно нет, ёб твою. С каких это пор на ферме есть такие вещи? Ты что, их не привез?

— Откуда я знал, что ты захочешь здесь смотреть фильмы? А разве в Лимерике они не продаются?

— Гоф, я тебе говорил, порнография в Ирландии запрещена.

— Кинопроекторы, не порнография. Но если здесь и с этим проблема, проектор привезут в следующей машине, которая будет на пароме.

— Проследи, чтобы это было сделано.

Я оставил Джима за разглядыванием картинок на коробках с фильмами и поехал к ближайшей телефонной будке. Позвонил Мэнди. Грэм отправил тонну груза самолетом «Пакистанских международных авиалиний» из Карачи в Лондон, где он забронировал борт «Эйр Лингус», прибывающий в Шаннон в тот же день. Я записал номер накладной и поехал обратно на ферму, в Ньюмаркет-он-Фергус. Мак-Канн смотрел на свет восьмимиллиметровую пленку, пытаясь разглядеть картинку. Я сообщил ему детали.

— Я свяжусь с тобой по рации сегодня, ровно в десять вечера, — крикнул Джим, забираясь в мой «форд-капри». — Не вздумай свалить!

— Я не смогу, Джим: у тебя моя машина.

До десяти вечера совершенно ничего не происходило, но сразу после этого рация издала неясные потрескивания, следом чей-то голос прошептал с дублинским акцентом:

— Джим, я тебя не слышу. Не привык я к этим прибамбасам. — И тишина.

Я услышал вдалеке шум машин, открыл входную дверь. Над

темными ирландскими пустошами разносился трубный голос Мак-Канна:

— Вытащи гребаную антенну, идиот!

Первым остановился мой «капри». Внутри скромный молодой человек нервно переключал рычажки рации. Затем подкатил фургон марки «фольксваген». За рулем сидел Мак-Канн, все еще оравший в выключенную рацию.

Мы перетащили коробки с гашишем в дом. Подручный Мак-Канна уехал на «фольксвагене». Мы с Джимом распаковали коробку. Гашиш был бесподобен. Мы включили телевизор. Показывали новости. Британское посольство в Дублине сгорело.

— Я говорил тебе! — воскликнул Мак-Канн.

Затем началась криминальная хроника. Угрюмый полицейский довел до сведения граждан, что на Шон-Макдермот-стрит совершено хищение «бытовых приборов, электрических чайников и тостеров».

— Гоф, ты можешь в это поверить? Мы сидим на тонне норделя, который стоит несколько сотен тысяч, а легавые ищут гребаные котелки и сковородки.

Теперь у меня появились новые дела в Англии: отправлять пустые машины и получать груженые. Я доехал до телефонной будки и попросил Марти пригнать еще один «форд-капри», а заодно прихватить кинопроектор и экран. Мак-Канн остался его дожидаться и охранять гашиш. Я полетел из Шаннона в Хитроу. Помимо членов Тафии, еще несколько моих друзей согласились перевозить гашиш из Ирландии в Англию за гонорар в две тысячи фунтов. Среди них были Энтони Вудхэд, Джонни Мартин и еще несколько университетских приятелей с женами. Я отправил две университетские пары в Ирландию, чтобы их встретил там Марти. Подготовив авторемонтную мастерскую в Винчестере и гараж для приемки автомобилей и потрошения тайников с гашишем, полетел обратно в Шаннон.

На ферме в Ньюмаркет-он-Фергус два университетских преподавателя с супругами сидели в полутемной гостиной, пялясь в экран, на котором крестьянская девочка совокуплялась с хряком. Прямо рядом с экраном стоял Мак-Канн и онанировал. После тщетных попыток убедить оксфордцев, что мир не сошел с ума, мы с Марти загрузили гашиш в их машины, и они уехали. Я вылетел в Хитроу проследить за разгрузкой в Винчестере. Грэм дал мне разумный совет не принимать активного участия в лондонских продажах. Я уже и так взял на себя слишком много. Он хотел, чтобы партию толкнул Джеймс Голдсэк. Мне казалось, что это несколько несправедливо по отношению к Чарли Рэдклиффу, который свел нас с Мак-Канном, но согласился.

Гашиш, тысяча сто двадцать килограммов, благополучно прибыл в Винчестер и разошелся в Лондоне. Я стал богаче на пятьдесят тысяч фунтов, и все, кто на меня работал, не остались в обиде.

Примитивная структура отмывания денег в Оксфорде моментально была изменена. Каждый день «Анна-Белинда» «продавала» огромные партии платьев. Деннису Г. Марксу, дилеру-филателисту международного ранга, по-прежнему необыкновенно везло на «находки», попадавшиеся в крупных партиях марок. Подставные лица платили наличными компании «Робин Муррей Лимитед» за оформление интерьеров. У меня имелись кредитные карты, страховка и куча всего другого, что говорило о том, что я успешный чувак, чьи дела идут в гору. Для многих, включая моих родителей, я был трудолюбивым и преуспевающим честным бизнесменом.

Теперь друзья брали у меня большие ссуды под удивительные коммерческие идеи. Меня уговорили оплатить закупку десяти тонн голландских свечей в Роттердаме и доставку их в Англию. В результате забастовки шахтеров отключили электричество, и стоимость свечей подскочила. Но в последний момент я решил, что не могу идти против шахтеров, ослабить эффект забастовки. Все мужчины в моей семье в то или иное время работали под землей, рубили уголь в шахтах Южного Уэльса. Возник конфликт интересов. Предприятие прогорело, и десять тонн голландских свечей легли мертвым грузом в подвал под «Анной-Белиндой».

Однако меня искренне заинтересовало предложение одного из друзей. Денис Ирвинг, товарищ по Баллиолу, впервые угостивший меня дурью, последние несколько лет обретался в нью-йоркском Гринич-Виллидж, Хайт-Ашбери, в Сан-Франциско и прочих мекках модных тусовщиков. Теперь он был женат на ямайской актрисе Мердель Жардин, и они жили в Лондоне в огромном пакгаузе, в доке Святой Катерины. Денис задался целью выпустить хит под названием «Иди на...» и уже написал слова, но ни одна из звукозаписывающих компаний и рассматривать бы не стала его опус. Поэтому мы создали собственную звукозаписывающую компанию «Люцифер». Выпускали синглы и долгоиграющие пластинки. Музыка была выдержана в лучших традициях Who и «зеленого» Литтла Ричарда. Ни один магазин не пожелал принять на продажу ни синглы, ни долгоиграющие пластинки. Закончилось все тем, что мы стали продавать синглы по почтовым заказам через журнал «Прайвит ай». Реализовали примерно полторы тысячи экземпляров, и я истратил около пятнадцати тысяч фунтов. К панк-року Дениса Лондон готов не был — дожидался Джонни Роттена.

Помимо хранения свечей подвал «Анны-Белинды» я

использовал для выращивания на гидропонике индийской конопли. «Робин Муррей» соорудил столы под плантации, а Энтони Вудхэд ведал удобрением и освещением. Его друг, работавший на БОСС, секретную службу ЮАР, раздобыл результаты исследований того, при каких подкормках из конопли получаются хорошие веревки и плохая дурь. Вудхэд посчитал, что, действуя методом от противного, определит, какие подкормки дают хорошую дурь и плохие веревки. Несмотря на огромные счета за электричество, марихуана получилась пристойная.

Рози забеременела, и, хотя мы оба не оформляли развода, ей хотелось, чтобы у Эмили родилась сестра. Она снова чувствовала в себе потребность родить ребенка. Я знал, что Рози — женщина, которая создана для меня. Мы были счастливы. Я купил ей старинный изящный домик в Ярнтоне, мирной деревушке рядом с Оксфордом, чтобы укрепить наши семейные узы. Мы отпраздновали это событие роскошным двухнедельным отдыхом в гостинице «Доум», в Кирении, на Кипре. В конце августа 1972 года в родильном отделении больницы Хедингтон я стал свидетелем появления на свет моей дочери Мифэнви. Я горячо полюбил малышку с первой минуты ее жизни.

Мифэнви исполнилось два месяца, когда была проведена следующая ирландская операция. Ферму в Ньюмаркет-он-Фергус пришлось оставить из-за пристрастия Мак-Канна к порнофильмам. Ферма стала единственным в Ирландской Республике местом, где устраивали оргии, смотрели и покупали порнуху. В окрестностях Ньюмаркет-он-Фергус полиция остановила и обыскала машину. Запуганные пассажиры признались, где взяли порнографию, и ферму накрыли. Мак-Канн улизнул, а в газетах появилось сообщение, что порнофильмы находятся в полиции Лимерика «под наблюдением». Мак-Канн снял другой сельский дом забавной формы в деревушке с диковинным названием Мун.

Я намеревался по-прежнему использовать странное сообщество уэльских битников и оксфордских академиков для транспортировки гашиша из Ирландии в Англию, но Грэм хотел задействовать свои голландские связи. В последнее время у голландцев было мало работы, и Грэм чувствовал, что пора дать им заработать. Я не спорил.

По утверждению Мак-Канна, в аэропорту Шаннон возникли некоторые осложнения, а следующий груз из Пакистана должен был прибыть особым рейсом компании «Эйр Лингус» из Франкфурта. Мы с Мак-Канном сидели в баре в Муне. Из телефонного разговора с Мэнди я узнал, что груз отправлен из

Карачи, но по пути во Франкфурт, вероятно, на пару часов задержится.

— Джим, товар не прибудет во Франкфурт вовремя, и его не погрузят на наш рейс «Эйр Лингус».

— Гоф, он должен поспеть, я тебе десять раз говорил.

— Джим, он опоздает. Ты предпримешь что-нибудь, или мне все отменить?

— Ты что, охренел? Я получу этот гребаный нордель, но теперь мне причитается сотня фунтов за килограмм. Шестьдесят фунтов не покроют затраты Кида, учитывая дополнительные трудности, которые возникли из-за тебя и Склизкого.

— Забудь об этом.

— Вот что мы сделаем, Гоф. Либо ты платишь мне сто фунтов за килограмм, либо я грабану всю партию и стану легендой. Дай мне этот сраный телефон! Какой номер у международной справочной службы? Надо связаться с «Эйр Лингус» во Франкфурте. Гоф, есть у тебя мелочь?

Мне было интересно, что он задумал, черт возьми.

— «Эйр Лингус». Это ваш человек Джим Мак-Канн из Временной ИРА. Мои ребята только что заминировали борт, следующий до Шаннона. У вас есть двадцать минут. — Джим положил трубку, сияя от счастья, которому сам был творцом. — Это должно их притормозить, Говард. А там, глядишь, нордель привезут из Кабула, и его погрузят. Ты меня понимаешь?

— Он из Карачи, а не из Кабула. Они наверняка узнают, что это розыгрыш, Джим.

— Я пользовался кодом, Гоф. У меня есть полномочие на то, чтобы пользоваться кодом ИРА. Они знают, что это не розыгрыш.

— Что ты имеешь в виду, Джим? Несколько боевиков ИРА и парней из британской армейской разведки договорились, что если предупреждение о теракте начинается со слов «это ваш человек», то угроза нешуточная.

— Не остроумничай, Гоф. Это хреновая привычка.

Опоздал или нет борт из Карачи во Франкфурт, возымела ли действие угроза Мак-Канна, не знаю. Возможно, было не столь уж важно, каким рейсом груз прилетит в Шаннон. Возможно, Мак-Канн разыграл передо мной спектакль и его звонок во Франкфурт стал частью представления. Возможно, он беседовал с говорящими часами.

Груз прибыл, им начинили «вольво» голландцев в Муне. Ник Голландец отправился первым на паром, а затем на склад в Винчестере. Следом поехал Пит. Затем остальные. Снова Ник. Финальный заезд выпал Питу.

Джеймс Голдсэк и Джарвис распродали примерно треть

гашиша, когда из Винчестера позвонил Марти. Это было рано утром, я кормил Мифэнви молоком из рожка.

— Говард, у тебя крыша поедет, слышишь?

— Выкладывай, Марти.

— Весь нордель пропал. Его кто-то стибрил.

Я поехал в Винчестер. Марти, конечно же, оказался прав. Из гаража пропало гораздо больше половины тонны наркотиков. Куски дверных замков и петли валялись на земле. Наум приходило только одно объяснение: посреди ночи приехали голландцы Грэма и все увели. Грэм никак с этим не соглашался и подозревал всех остальных. Через несколько дней бездействия позвонил Мак-Канн:

— Где мои гребаные бабки?

— Джим, гашиш увели.

— Кто? Эти гребаные голландские хиппи?

— Похоже на то.

— Слушай, говорил я тебе: не доверяй этим голландским ублюдкам Склизкого. Они ненадежны. На будущее пусть приезжают только твои валлийские путеразметчики и академики. Понял? Ладно, Говард, не переживай. С Кидом такая хрень не проходит. Я достану нордель. У меня записаны регистрационные номера машин этих голландских уродов и номера их паспортов. Гас и парочка ребят из Белфаста ими займутся.

— Джим, нам не нужно, чтобы кто-нибудь пострадал.

— А кто сказал, что кто-нибудь пострадает? Я просто получу свое.

О том, что случилось после, я знаю только со слов Мак-Канна, причем каждая последующая версия событий сильно отличалась от предыдущей. Конечно, Мак-Канн порастряс голландцев. Весьма вероятно также, что именно Мак-Канн убедил Пита учинить подставу в Винчестере, заплатив ему за это гроши. Такой уж он человек.

МИСТЕР ХЬЮЗ

К концу 1972 года шаннонский канал уже приносил большой доход, но с общего согласия задействовался лишь время от времени из опасения перед безбашенностью Мак-Канна и участием ИРА. Тем не менее многие сколотили на этом целые состояния и проматывали их на всяческие капризы. Молодые университетские преподаватели покупали дорогие автомобили, обзаводились собственным баром, кафе, мелким бизнесом. У меня же были коробки денег, и я уже не знал, как ими распорядиться.

Мне часто снился один и тот же сон: я выигрываю в футбольном тотализаторе. Странно, ведь залежи банкнот у меня под кроватью намного превышали любой футбольный выигрыш. Я мог бы не работать до конца жизни, но нуждался в большем, гораздо большем. Мне требовался неистощимый запас. Мой стиль жизни становился непозволительно роскошным, семейная жизнь в деревенской тиши Оксфордшира утратила свое очарование. Клубы Лондона заняли место оксфордских пабов. Я решил расширять и свой законный бизнес, и ввоз гашиша и в своем воображении видел сеть бутиков «Анна-Белинда», раскинувшуюся по всему миру.

В этот период меня завербовала британская секретная служба. Как-то раз в «Анну-Белинду» зашел Гамильтон Мак-Миллан (Мак), которого я не видел с аспирантуры. Мы выпили и поболтали о старых деньках. Он не сильно изменился, все так же щеголял упрямым высокомерием и ровными, как свежеподстриженный газон, бакенбардами. Теперь Мак работал на Министерство иностранных дел. Какое-то время мы изображали двух закадычных приятелей: молодой дипломат и начинающий бизнесмен предаются ностальгическим воспоминаниям о старом добром времени. Затем Мак сознался, что на самом деле работает на МИ-6. Я же, не вдаваясь в подробности, дал понять, что подрабатываю контрабандой гашиша. Мы поговорили о марихуане в общих чертах. Конечно, ее следует легализовать. Я отметил, что индийскую коноплю в основном выращивают в политически нестабильных странах: Афганистане, Пакистане, Ливане, Колумбии, Марокко и многих других — и что экспортом марихуаны, как правило, занимаются личности, имеющие вес в своем обществе. Его привели в восторг мои частые визиты в Европу и планы расширения «Анны-Белинды».

— Говард, перейдем к делу. Я не просто так у тебя появился.

Ты нам поможешь?

— Ты что, предлагаешь мне шпионить, Мак? — спросил я с неподдельным удивлением.

— Мы не пользуемся этим словом. Просто есть области, где человек вроде тебя может быть нам очень полезен. Я помню, с какой легкостью ты цепляешь девчонок. Среди твоих знакомых немало интересных людей. И твой легендарный шарм нисколько не померк.

Мне понравилось то, что я услышал. Соблазнять прекрасных шпионок? А что, я бы не отказался трахнуть чувственную Мату Хари за железным занавесом.

— Продолжай, Мак.

— Во-первых, мы хотим воспользоваться некоторыми твоими деловыми предприятиями.

— Каким образом?

— Почтовые ящики, солидные фирмы и все в таком духе. Почему бы тебе не открыть предприятия в Румынии, Чехословакии? Закрутятся интересные дела. Говард, я же тебя знаю, это в твоем вкусе.

— Ладно, Мак, что я должен делать?

— Пока просто расширяйся дальше и держи глаза и уши открытыми.

Мак ушел, оставив свой домашний телефон и телефон офиса, который я никогда не забуду: 928-56-00.

— В лондонском телефонном справочнике он числится за Министерством иностранных дел. Звякни, если столкнешься с кем-то, о ком мне следует знать. В любом случае я свяжусь с тобой.

Предложение Мака меня воодушевило. Какое прикрытие! Агент секретной службы. Джеймс Бонд. Это, конечно, не лицензия на убийство, да она и ни к чему, но почти что разрешение на ввоз гашиша. И я определенно им воспользуюсь. Мак-Канну лучше не говорить. Английская разведка в Белфасте особой популярностью не пользуется. Не стоит и заикаться.

В начале 1973 года я решил инвестировать кой-какой капиталец из картонных коробок в сделки с наркотиками без участия Мак-Канна. Некто Эрик, друг старого оксфордского знакомца, утверждал, что может провозить чемоданы из Бейрута в Женеву благодаря связям на ближневосточных авиалиниях. Кроме того, он брался привести яхту с гашишем из Ливана в Италию. Я обсудил эти варианты с Грэмом, мы дали Эрику пару сотен тысяч и велели приступать.

Грэм выдвинул еще один план. Его друг Джеймс Моррис отвечал за производство и организацию перевозки аппаратуры

для поп-групп в Соединенные Штаты и обратно. В те дни британская поп-музыка находилась на пике славы, а такие группы, как Pink Floyd, Genesis и Emerson, Lake and Palmer, часто ездили на гастроли в Америку с целыми контейнерами колонок и усилителей. Поскольку аппаратура ввозилась временно, таможенники подвергали ее минимальному досмотру. Если документы были в порядке, все проходило тип-топ. Правда, главные поставщики гашиша, Пакистан и Ливан, британские группы не жаловали, но в Европе концерты случались. В Америке гашиш стоил в три раза дороже, чем в Европе. Наклевывалась комбинация: начинить колонки гашишем в Европе, перевезти их через Атлантику, выпотрошить в Америке, вложить взамен дури кирпичи, чтобы вес в авианакладных остался тем же, перевезти колонки обратно через Атлантику и ждать, когда заплатят.

Мухаммед Дуррани все еще пользовался услугами пакистанских и афганских дипломатов, которые перевозили по нескольку сотен килограммов гашиша в личном багаже. Сэм Ливанец «сотрудничал» с компатриотами и с радостью снабдил Эрика всем необходимым. Один из людей Сэма только что провез несколько сотен килограммов в Париж, и в марте 1973 года мы провернули первую трансатлантическую операцию с рок-группами. Поскольку ни одна из тех групп, что являлись клиентами Джеймса Морриса, не планировала гастроли по Америке, из четверых безработных музыкантов спешно сколотили команду под названием Laughing Grass, которую будто бы пригласили в Калифорнию. Рок-группы постоянно разваливались и вновь возникали, производя рокировки в своих рядах, так что почвы для подозрений не было.

В глухой французской деревушке колонки начинили гашишем и самолетом отправили из Парижа через Нью-Йорк в Лос-Анджелес. Это сработало. Эрни Комбс, партнер Грэма из Братства вечной любви, продал гашиш в Калифорнии.

Через несколько недель Мухаммед Дуррани прибыл с пакистанским гашишем в Вену. На этот раз мы даже не потрудились искать гастролеров или создавать рок-группу.

Проставили название в таможенной декларации, и все. Гашиш без проблем прибыл в Филадельфию.

Эрик, как и обещал, объявился в аэропорту Женевы с сотней килограммов ливанского гашиша, которые Сэм передал ему в Бейруте. Для операции с рок-группой этого количества было недостаточно, поэтому я попросил Энтони Вудхэда переправить партию из Швейцарии в Англию. Это прошло как по маслу. Я сполна со всеми расплатился. Эрик еще несколько раз повторял свой воздушный маршрут, пока ему не пришло время заняться

операцией в Средиземном море. Теперь он готовился забрать гашиш у Сэма Ливанца в порту Джуни.

Наблюдая за тем, как Эрик проходит контроль в аэропорту Женевы, я заметил, что некоторые международные рейсы делают остановку в Цюрихе перед последним перелетом до Женевы. Более того, чемоданы, прошедшие регистрацию в Цюрихе, в Женеве появлялись на одной карусели с теми, что были сданы в багаж за пределами Швейцарии. Это стоило изучить подробнее. И я был рад обнаружить, что существует рейс швейцарских авиалиний, который летал по маршруту Карачи-Женева-Цюрих. Я пролетел отрезок Цюрих-Женева. В аэропорту Женевы иммиграционная полиция попросила мой билет. Беглый взгляд на билет — и мне позволили забрать багаж, не подвергнув его таможенному досмотру.

Мы с Грэмом отправили Энтони Вудхэда в Карачи и попросили лететь тем самым рейсом швейцарских авиалиний, который обещал стать золотой жилой. Попросили для того только, чтобы посмотреть, что произойдет. Я ждал в аэропорту Женевы. Когда Вудхэд показал свой билет, его отвели к карусели за багажом, который после этого тщательно обыскали. Мы отослали Вудхэда назад в Карачи и позаботились, чтобы Дуррани и Раоул наполнили гашишем его чемодан. Вудхэд взял билет на рейс Цюрих-Женева. В Цюрихе я сел на тот же самый самолет с чемоданом, в котором лежали вещи Вудхэда. Я сошел с самолета первым, показал билет иммиграционной полиции Женевы, которая беспрепятственно меня пропустила, забрал чемодан с гашишем с карусели и вынес из аэропорта. Вудхэд показал свой билет и продемонстрировал швейцарским таможенникам вполне невинное содержимое второго чемодана, а затем, получив от меня товар, повез его в Лондон. Мы повторяли этот фокус несколько раз, пока швейцарцы не изменили таможенные процедуры.

Первое задание МИ-6 предписывало соблазнить сотрудницу чехословацкого посольства. Боссы Мака полагали, что она агент КГБ. Стало известно, что она собирается посетить одну вечеринку по случаю дня рождения, мои новые шефы похлопотали, чтобы мы с Маком оказались в числе приглашенных. Мне показали несколько фотографий. У будущей жертвы была приятная внешность. Вечеринка происходила в Хайгейте. Кроме Мака, я никого там не знал. Девушка не пришла, а мне даже не предложили оплатить расходы. Похоже, это была проверка на патриотизм и выдержку. Не удивительно, что они все держали в секрете.

Хотя мы с Грэмом предпочитали не связываться с Мак-Канном, противостоять искушению порой бывало сложно. Мы

намеревались ввезти полторы тонны — на тот момент это была наша самая крупная поставка — в Шаннон и доставить гашиш в Мун. Какую-то часть переправили бы обычным способом, на пароме, в Англию. Остальной гашиш думали отвезти в графство Корк, где Вудхэд снимал дом втайне от Мак-Канна, и отправить на самолете из Дублина в Нью-Йорк через компанию Джеймса Морриса «Трансатлантик саундз». Мак-Канну и пакистанцам мы отстегнули бы долю от продаж в Англии, и Джим не пронюхал бы, что, сбывая гашиш в Калифорнии, мы наварили намного больше. Вскоре я уже сидел на полутора тоннах пакистанского гашиша в Муне и отправлял первые машины на паром, прежде чем улететь ближайшим рейсом в Лондон.

После голландского фиаско мы не пользовались гаражом в Винчестере как перевалочным пунктом. У Джеймса Голдсэка были свои собственные точки, куда отправились первые две машины с парома, несколько других авто катили в графство Корк. Во время продаж гашиша из первого автомобиля арестовали Джеймса Голдсэка. Вторая машина с дурью была припаркована рядом с полицейским участком в Хаммерсмите. Пока Джима допрашивали, Патрик Лэйн, проявив необычайное мужество, залез в машину и забрал гашиш. Я взял товар у Патрика и отвез в дом Рози в Ярнтоне. Освободив гашиш от полиэтиленовой оболочки, положил его в чемоданы и выбросил пленку на кучу мусора у обочины проселочной дороги.

Аппаратуру рок-групп, обслуживаемых «Трансатлантик саундз», отправили из Лондона в Корк, на точку Вудхэда в ирландской деревне, где ее начинили гашишем, а затем отослали на самолете из Дублина в Соединенные Штаты.

Нам до зарезу требовались новые перевалочные пункты в Англии, поэтому Марти арендовал ферму рядом с Треллеком, в Монмутшире. Гашиш из Ирландии и Оксфорда скапливался в Уэльсе. Джарвис продал достаточно, чтобы расплатиться с Мак-Канном, пакистанцами и водителями. В Калифорнии Эрни Комбс и Братство вечной любви извлекли гашиш из колонок. Эрни продал всю партию за день втрое дороже, чем мы толкнули бы в Лондоне. Обнадеженные успехом, мы нафаршировали еще несколько колонок «Трансатлантик саундз» тем гашишем, что остался на ферме Марти в Треллеке, и отправили из Хитроу в Феникс. А после сделали передышку на неделю.

Мы беспокоились, не заговорит ли Джеймс Голдсэк, не выдаст ли ирландскую схему. Джеймс стоял как скала. Он признал, что продает гашиш, но отказался давать показания против кого-либо.

Родители и бабушка приехали навестить Рози, меня и детей в

Ярнтоне. Был теплый весенний день. Воскресенье. Бабушка нянчилась с маленькой Мифэнви, Эмили играла с моим отцом, а Рози и моя мать вели женские разговоры. И тут рядом с домом остановилась полицейская машина. Из нее выбрались двое копов. В руках у них я увидел обрывки полиэтилена, которые выбросил на обочину. Меня будто парализовало. Мать встревожилась и поглядывала на меня, чувствуя, что я не в своей тарелке.

— Живет ли здесь кто-нибудь по имени Эмили? — спросил один из полицейских.

— Да, это моя дочь. А что? — Рози была непоколебима.

— Это принадлежит ей? — поинтересовался полицейский, доставая небольшой конверт, адресованный Эмили в Ярнтоне.

Тут до меня дошло. Должно быть, Эмили выкинула письмо в мешок для мусора, в котором лежала обертка от гашиша. Вместо того чтобы отнести полиэтилен на помойку или сжечь, я по дурости выбросил его на обочину. А кто-то нашел. На обертке мои отпечатки, частицы гашиша, а внутри еще письмо, адресованное в мой дом.

— Да, ей. Где вы его взяли?

Рози все так же бровью не вела. Осознавала ли она опасность, которая нам угрожала?

— Оно было вместе с этим, мадам, — пояснил полицейский, показывая полиэтилен.

— Вам он знаком? — спросил второй коп, обращаясь ко всей семье.

— Нет, — ответила моя мать.

— Мы только что приехали из Южного Уэльса, — сообщил мой отец, — откуда мы можем что-нибудь знать? — Он никогда не лебезил перед полицией.

Бабушка продолжала играть с Мифэнви, словно полицейских и не было. Первый коп посмотрел мне прямо в глаза:

— А как насчет вас, сэр? Вы это видели?

— Нет, никогда.

— Ах да, вспомнила! — вмешалась Рози. — На прошлой неделе у нас чинили гидроизоляцию, осталось полно полиэтилена. Кажется, в него были упакованы химикаты, которые использовал мастер.

— Полагаю, его имени и телефона у вас нет, мадам?

— Конечно, есть. Я так и так собиралась ему звонить. Он порядочно схалтурил.

Рози дала полицейским имя и телефон, и они умчались доставать бедолагу мастера. Отговорившись неотложными делами в «Анне-Белинде», я рванул по шоссе М-40 в Лондон, где остановился в гостинице «Блейкз», в Роланд Тарденс, под именем

Стивена Мак-Карти.

Я был уверен, что полиция вернется в Ярнтон. Меня преследовали видения Рози в полицейской камере и двух малышек, рыдавших от страха и горя. Мне не составило труда убедить Рози уехать из страны. Вместе с девочками и няней она отправилась на Ибицу и сняла домик в Санта-Эулалии-дель-Рио. Я же остался в «Блейкз».

Решив, что Мак мог бы помочь, я позвонил ему в министерство и договорился о встрече. Он успокоил меня насчет Ярнтона, но попросил переговорить с одним из его начальников. По поводу Ирландии. Я заартачился, решив, что это касается наркобизнеса. Но Мак заверил: его службу не интересует контрабанда марихуаны, зато интересуют ирландские делишки.

Назавтра за обедом в «Геркулесовых столбах», возле площади Сохо, Мак представил меня Дональду, лощеному субъекту с безжалостным лицом.

— Нам известно о ваших контактах с Временной ИРА и цели этих контактов. Хотелось бы, чтобы они продолжились ради получения кое-каких сведений.

— Но в мои планы не входило возобновлять их прямо сейчас.

— Хорошо, когда это произойдет, известите Мак-Миллана.

— Конечно.

Мы с Маком отправились к нему домой в Патни. Выпили по стакану виски в гостиной.

— Говард, это поможет рассеять твои колебания, — сказал Мак, протягивая мне фотографию. На ней был изображен Мак-Канн, внизу значилось его имя.

Забрав у меня снимок, Мак отправился к себе в кабинет позвонить.

У меня не было сомнений, следует ли сообщить Мак-Канну, что его делом занимается МИ-6. Если разведка знает про контрабанду наркотиков, узнают и в ИРА. Его могут казнить. Шаннон накроется. Куда подевались мир и любовь? Контрабанда оружием, «Кровавое воскресенье»[24], смертные казни, перебитые коленные чашечки. Братство вечной любви Эрни куда ближе к традиционным ценностям наркодилера: секс, наркотики, рок-н-ролл, — оно зарабатывает гораздо больше денег. Впредь никакого Мак-Канна. Предупрежу его об опасности, и адью! Хорошо бы свистнуть ту его фотографию, чтобы парень понял: с ним не играют.

Мак вернулся. Я спросил, могу ли позвонить в «Анну-Белинду». Он показал на кабинет. Набирая номер, я блуждал взглядом по книжным полкам. Мое внимание привлек том под названием «Бессознательное». Я снял его с полки, открыл, и на

пол выпала фотография Мак-Канна. Мистика! Я воровато сунул снимок в карман.

Довольный собой, я покинул «Блейкз» и порулил в Ярнтон. Отбил телеграмму Рози и, когда та позвонила, сказал, что опасность миновала, можно вернуться. Она ответила, что возвращаться не хочет. На Ибице намного интереснее: солнце, звезды, пляжи и пропасть марихуаны. Прежде чем я окончательно превращусь в богатого себялюбца и растеряю всех друзей, мне следует побывать на Ибице. Только, пожалуйста, ничего из моей гребаной жизни! Она подружилась с замечательными людьми, которые этого не оценят. Я понял, что теряю ее. Я отправился навестить Фэнни Хилл, и у нас завязались тайные отношения. Не менее тайные отношения связывали ее с Реймондом Карром, главой колледжа Святого Антония, филиала ЦРУ в Оксфорде.

Я собрался на Ибицу и зазвал туда Мак-Канна, решив, что остров — удачное место для встречи, нейтральная территория.

— На хрен ты меня сюда притащил, Гоф? Знаешь же, что я занят. Почему не приехал в Ирландию?

— За тобой следит МИ-6.

— А кого это ебёт? Идет война. А у тебя-то что за хрень с МИ-6, ублюдок ты валлийский?

— На них работает мой оксфордский приятель. Они знают, что мы с тобой занимались контрабандой. Если это известно им, то это известно и другим людям, может, ИРА.

Джим побелел:

— Пшёл на хуй! Опять твои гребаные игры. Я показал ему фотографию.

— Ты и Склизкий, я так и думал, что вы гребаные британские агенты. Так и думал. Откуда я могу знать, что ты не подставлял Кида все это время?

— Пораскинь мозгами, Джим.

— Пшёл ты на хуй!

— Все, Джим. На некоторое время больше никаких сделок.

— О'кей, Гоф, но я останусь здесь на Ибице отдохнуть. Приедет моя новая подружка, голландка Сильвия, с моей бывшей, ирландкой Анной. Мы остановимся у тебя.

— Я думал, ты занят, Джим.

Через пару дней дом Рози в Санта-Эулалии превратился в психбольницу. Мак-Канн резвился в постели с Сильвией и Анной, безуспешно подстрекая Рози и няню девочек, Вики, заняться тем же, постоянно притаскивал в дом уйму странных личностей, которых цеплял в барах. Он меня веселил, поэтому я помалкивал. Я позвонил в «Анну-Белинду» и узнал, что должен связаться с Эриком, который в Афинах. Я был в курсе, что Эрик забрал гашиш

из Ливана и должен разгрузить его в Италии, где Джонни Мартин снял виллу, чтобы возить туда наркотики и аппаратуру «Трансатлантик саундз». Круто!

Крутого ничего не было. Эрик сказал, что возникла небольшая проблема, я должен сейчас же отправляться в Афины. И тут Рози взорвалась:

— Правильно, брось меня в этом бардаке, который сам же развел! Ты испортил мне отдых. Я же просила... Куда ты едешь?

— В Афины. Хочешь со мной? Вики присмотрит за детьми.

«Небольшая проблема» заключалась в том, что Эрик припрятал триста пятьдесят килограммов ливанского гашиша на отдаленном греческом острове. Стадо коз выкопало дурь на радость предприимчивым греческим рыбакам. Греки отвезли гашиш на Крит и теперь продавали его по демпинговым ценам. Я знал, что Эрик говорит правду. Он готовил высадку на Крит в стиле коммандос, чтобы отбить гашиш. Я посоветовал ему забыть об этом, но все же выразил надежду, что, если он когда-нибудь получит товар назад, и мне достанется малая толика. После экскурсии по Акрополю мы с Рози полетели обратно на Ибицу.

Мнение Грэма склонялось в пользу силового решения при посредстве Мак-Канна. Я отговорил его. За неимением лучшего он отправил в Гераклион Патрика Лэйна. Неделю спустя Патрик вернулся загорелым, с кучей забавных историй и без гашиша, хотя наверняка он старался изо всех сил.

Грэм сообщил Эрни, что итальянская поставка колонок отменяется. Вовсе нет, возразил Эрни, его друзья, которые едут из Кабула в трейлере, полном афганского гашиша, вот-вот доберутся до Италии. Одним из приятелей был косивший от армии калифорнийский сайентолог по имени Джеймс Гэйтер. Мы с Джимом Моррисом встретили Гэйтера на вилле Джонни Мартина в Купра-Мартиме рядом с Анконой на побережье Адриатического моря. Афганский гашиш перекочевал из трейлера в колонки «Трансатлантик саундз» и был отправлен на самолете из Рима в Лос-Анджелес. Мы с Джеймсом полетели в Цюрих, где он представил меня своему швейцарскому банкиру Я открыл счет в Швейцарской банковской корпорации. Банкир заверил меня, что проблем со вкладами больших сумм наличных денег не будет. Эрни оценил мою помощь в сто тысяч долларов. Грэм сказал, что я могу оставить себе все деньги. Он не собирался влезать в мои дела с Эрни, пока я не мешаю его сделкам с Мак-Канном. В остальном мы оставались партнерами и могли вкладывать деньги в начинания друг друга, не принимая в них участия. Я на это пошел, но Грэм меня беспокоил. Он менялся: буржуа, представитель среднего класса, монархист-пират стал прямой

своей противоположностью. И что хуже всего, слишком быстро и не без влияния Мак-Канна. Одному лишь Богу было известно, что на уме у Мак-Канна.

Между тем Рози отказалась от домика в Санта-Эулалии и арендовала усадьбу черт-те где. Возвращалась к природе. Ни ванной комнаты, ни туалета, ближайший телефон в нескольких километрах. На некоторое время я с этим смирился. Мы снова прекрасно ладили. Покаялись в изменах и притворились, что они не имели значения. Она познакомила меня с одним голландцем. Как и многие его соотечественники, он имел дом на острове. Этот Аренд, наркодилер из Амстердама, был не дурак выпить и поразвлечься. Я расспрашивал его о ценах и партиях, которые толкали в Амстердаме. Сведения, вынесенные из этих бесед, я сообщил Эрни, а тот направил в Амстердам Гэйтера и еще одного парня, Гари Ликерта, с несколькими сотнями тысяч долларов, а мы с Арендом тоже вложили наши личные денежки. Гэйтер снял квартиру в Маастрихте. Взятая напрокат фура с грузом колонок «Трансатлантик саундз» стояла на улице. Мы с Арендом купили семьсот фунтов ливанского гашиша у его амстердамского друга-оптовика. На пару с Гэйтером я спрятал гашиш в колонки, а один из людей Джеймса Морриса повел грузовик в аэропорт Шифоль и отправил аппаратуру на самолете в Лас-Вегас через Нью-Йорк.

В начале сентября 1973 года Эрни пригласил меня в Калифорнию, раз уж груз отправлен из Голландии: заберу свою прибыль, а может быть, потрачу какую-то часть. В Лос-Анджелес я прибыл раньше, чем колонки в Лас-Вегас. В аэропорту меня встретили Эрни и Джеймс Моррис. Эрни был высокий, худой очкарик, длинноволосый и бородатый. Загорелый, как истый калифорниец.

Ругнув Грэма, который с ним «обошелся реально грубо», Эрни сообщил, что для меня забронирована комната в «Нью-портер-инн», постоянной «тусе старика Ричарда Никсона». Как думаю развлекаться? Здесь «реально прикольный серфинг». Можно ходить под парусом, сгонять в пустыню на «крутейшем байке». Узнав, что я не любитель океана, байком, да что там — даже велосипедом сам никогда не управлял, Эрни расхохотался. А я вместе с ним.

— Что же ты делаешь на досуге? Телик смотришь, что ли?

— Иногда, чаще накуриваюсь, читаю книжки и слушаю музыку.

— Ты полюбишь Калифорнию, — заверил Эрни. Калифорния мне понравилась, по крайней мере то, что я видел, главным образом мой номер в отеле. Разгуливая по гостиничному комплексу, барам, плавательным бассейнам и другим

общественным местам, я осознал, что американские фильмы не сказка, но правда о Голливуде. Сотни радиостанций и десятки телевизионных каналов. В Англии у нас было только три. Несколько часов кряду я слушал регги и старые мелодии, пока реклама не допекла меня. По всем телевизионным каналам шли спортивные программы, полицейская хроника, комедийные сериалы, игровые шоу и новости. Я как раз смотрел последние известия, когда репортер сказал; «Кое-кто из вас, ребята, только что потерял пять миллионов долларов. Сегодня сотрудники правоохранительных органов арестовали самую крупную партию наркотиков. В музыкальных колонках обнаружен гашиш с Ближнего Востока, почти полтонны. Из Лас-Вегаса...» Крупным планом показали ливанский гашиш и колонки, над которыми мы с Гэйтером колдовали в Голландии.

В фильмах жулик, как правило, беглый, всегда сразу же выключает радио или телевизор, когда прозвучало важное известие. Я этого не сделал. Я тупо пялился в экран по крайней мере час. Это сон, или все происходит на самом деле? Долгий перелет утомил меня, и Эрни щедро попотчевал разнообразнейшими сортами гашиша и марихуаны. Я накурился как никогда. Это был Голливуд. Возможно, в реальности ничего не происходило.

В дверь постучали. Это был Эрни, и все происходило на самом деле. Мы потеряли груз. Комбс принес мне десять тысяч зеленых, чтобы я мог поскорей унести ноги.

— Эрни, как накрыли груз? Не знаешь?

— Конечно, знаю. А разве по телику не сказали? Груз шел транзитом через аэропорт Кеннеди в Нью-Йорке. Грузчики в аэропорту облажались — забыли одну колонку, которую накануне вечером засунули в какой-то ангар, а собака унюхала. Копы вытащили наркоту из колонок, как только те прибыли в Вегас, и позволили Гари Ликерту, тому парнишке, с которым ты познакомился в Амстердаме, забрать товар, чтобы проследить, куда он его повезет. Но я наблюдал за Гари на расстоянии. Заметил слежку, догнал его, подал знак и убрал оттуда свою задницу.

— А Гари?

— Ездил кругами вокруг аэропорта, пока его не остановили копы.

— Он выдаст нас копам?

— Нет. Во Вьетнаме он прошел серьезную школу. Он не расколется, но мы должны пообождать. У меня имеются друзья в ФБР. Я узнаю, что у них есть на нас. Возьми машину до Лос-Анджелеса. Когда приедешь туда, купи билет до Восточного

побережья, скажем до Филадельфии, на какую-нибудь дурацкую фамилию типа Смит, а после этого лети под собственным именем куда хочешь.

Я вылетел в Нью-Йорк и остановился на ночь в «Хилтоне», побывал в Гринич-Виллидж, на Таймс-сквер и у статуи Свободы. И вернулся в Лондон. Меня хотел видеть Мак. Мы встретились в книжном магазине «Диллонс», сели в такси и поехали куда глаза глядят. Мак навел разговор на дело Литтл-джонов.

Кеннет и Кейт Литтлджон, грабители банков, заявили, что внедрились в ряды ИРА по заданию МИ-6. Утверждения были обоснованны, и английское общество возмутилось из-за того, что Секретная служба наняла отъявленных преступников для подпольной работы в независимой Ирландской Республике.

— По этой, и только этой, причине мы ставим точку в наших отношениях, — сказал Мак. — Мы больше не можем сотрудничать с преступниками.

— Контрабанда наркотиков не преступление, Мак.

— Конечно, преступление, Говард. Не неси чепуху. Это незаконно.

— Я думал, что ты согласен с тем, что гашиш должен быть легализован.

— Согласен, но, пока не изменится закон, ты преступник.

— А не думаешь ли ты, Мак, что общество должно менять законы, которые неправомерны, несправедливы и опасны?

— Да, но легальными способами.

— Ты бы использовал один закон, чтобы изменить другой?

— Конечно.

Я чувствовал, что меня ловко надули. Моя карьера шпиона оборвалась, когда я еще не успел извлечь из нее какую-то пользу.

— Надо ли понимать, Мак, что, если я столкнусь с чем-то, что, на мой взгляд, наносит вред безопасности этой страны, мне не стоит тебя беспокоить?

Мак улыбнулся. С тех пор я его не видел.

Желая отыграться за фиаско с предприимчивыми греческими рыбаками, Эрик отправился в Бейрут. Он нашел собственный источник гашиша, где ему были готовы дать сто килограммов в кредит. Эрик предложил переуступить партию нам и доставить очередной чемодан в Женеву. Сделка прошла спокойно. Энтони Вудхэд отвез гашиш из Женевы в Англию.

В Гамбурге объявился один из дипломатов Мухаммеда Дуррани с двумястами пятьюдесятью килограммами пакистанского гашиша. По нашему с Грэмом поручению один член Тафии взял напрокат автомобиль и арендовал в окрестностях Гамбурга гараж для хранения наркотиков.

Из Лос-Анджелеса позвонил Джеймс Моррис. В Лондоне по неизвестной причине арестовали троих его работников. Мы с Грэмом не знали, что и думать: нарушен американский закон, так почему же за дело берется британское правосудие? Грэм не хотел ничего выяснять. Он побывал однажды в тюрьме, с него хватило. Ему не терпелось отправиться в Ирландию под вымышленным именем, примкнуть к Мак-Канну и руководить делами оттуда. Джим достал ему поддельное водительское удостоверение. В тот же вечер Грэм вылетел из Лондона.

Грэм был прав. Что бы ни послужило поводом для ареста людей Джеймса Морриса, оно могло быть обращено и против нас. И хотя меня не тянуло связываться с Мак-Канном, с которым я только что расплевался, Ирландия была единственной зарубежной страной, куда англичанин мог въехать, не предъявляя паспорта. Путешествовать под собственным именем было глупо, поэтому я одолжил водительские права у Дениса Ирвинга. Взял напрокат автомобиль, спрятал паспорт, гашиш, деньги и всякие мелочи в задние панели и поехал в Фишгард. На пароме я выпил несколько кружек «Гиннесса», а как только выехал на открытое место, остановился и свернул очень плотный косяк. С наступлением ночи я отправился в Дрогэду, где теперь была база Мак-Канна. Я ехал со скоростью восемьдесят километров в час, прозевал крутой поворот и врезался в изгородь, сквозь которую меня вынесло на поле. Я потерял сознание.

— Ему нужен врач или священник?

Вокруг автомобиля, в недрах которого что-то дымило и сочилось жидкостью, сгрудились люди. Я лежал дурак дураком, но боли не чувствовал и мог шевелиться.

— Со мной все в порядке, — прохрипел я.

— Тебе нельзя шевелиться. Сейчас будут «скорая» и «техпомощь». С минуты на минуту.

Я подумал о наркотиках.

— Да нет же, посмотрите, со мной все в полном порядке, — сказал я, вылезая из своей развалюхи. — Если кто-нибудь подбросит меня до ближайшего телефона, я сам обо всем позабочусь.

— Телефон есть у Бернарда Мерфи, дальше по шоссе. Запрыгивай!

У Мерфи, в заведении «Сумасшедшая подкова», шла серьезная субботняя пьянка. Вокруг телефона энергично выплясывали ирландскую джигу. Я позвонил Мак-Канну за его счет в Дрогэду и сказал, что торчу в «Сумасшедшей подкове», милях в десяти от Росслэра. Не мог бы он приехать и забрать меня? Джим прибыл через пару часов.

— Что же ты за гребаный водила. С гребаной тачкой справиться не можешь. И поехать некуда. Даже в Брайтон на побережье податься не можешь торговать наркотой или платьями для гребаных академиков. Болтаешься тут как говно в проруби. Чего ж тебя английская разведка не выручила? Что, плохо без Кида? Идет война, Гоф. Склизкий вступил в борьбу. И тебе лучше тоже вступить, ёб твою. Есть два варианта: я одолжу тебе пятьсот фунтов, и ты отсюда валишь, либо с новым паспортом, который даст тебе Кид, провернешь две сделки из Кабула и Ливана, или как там еще называются эти гребаные места, где, как мне сказал Склизкий, вы работаете.

— Что значит «провернешь»?

— Склизкий сказал мне, что ливанский нордель в Лондоне. Продай его. Кабульский нордель у гребаных фашистов. Я уже подорвал базу английской армии в Мёнхенгладбах, и банда Баадер-Майнхоф ест с моей сраной ладони. Я хочу, чтобы ты передал кабульский нордель моему человеку в Гамбурге, а он его продаст.

— Сколько мы все заработаем?

— Мы партнеры, Гоф. Я, ты и Склизкий. Поровну, после того как заплатят всем остальным.

— Это честный расчет для гамбургской сделки, если нордель продают твои люди. Но почему ты должен что-нибудь получать с ливанской партии?

— Склизкий уже согласился, Гоф.

Мы забрали вещи из моей разбитой машины и поехали к тайному убежищу Мак-Канна в Дрогэде. На то, чтобы выправить поддельный ирландский паспорт, ушло несколько дней, и все это время Мак-Канн поносил меня за некомпетентность. Паспорт выглядел отлично и был выписан на имя Питера Хьюза.

— Этот человек существует, Джим?

— Еще как существует, так его растак. Он боец ИРА, англичане его поймали.

— В таком случае мне не кажется, что это хорошая идея разыгрывать из себя мистера Хьюза.

— Да ладно, полиция его не ищет. Хьюз сидит в Лонг-Кеш. Ищут тебя, Говард. Сам подумай, тупой валлийский ублюдок.

Мак-Канн отвез меня в аэропорт.

— Позволь дать тебе один совет, Гоф. Никогда не летай самолетом до того места, куда направляешься. Последнюю часть пути проделывай на поезде, автобусе или машине. Смотри, вот рейс «Эйр Лингус» до Брюсселя. Садись на этот самолет, а затем езжай поездом до Гамбурга.

В Брюсселе сотрудник иммиграционной службы долго

разглядывал мой паспорт на имя Питера Хьюза, взглянул на меня:

— Говард?

У меня кровь застыла в жилах: раскрыли! Но он улыбался. И я понял, что он просто шутит, намекая на миллиардера Говарда Хьюза.

— У вас известная фамилия, мистер Хьюз.

Несколько часов в поезде — и я зарегистрировался в гостинице «Атлантик» в Гамбурге, где должен был ожидать звонка Мак-Канна. У меня были ключи от машины и гаража. Тем временем в Лондоне Марти Лэнгфорд зарегистрировался в гостинице «Интернэшнл», в Эрлз-Корт, а машина с ливанским гашишем стояла на гостиничной парковке. Его собирался продать Чарли Везерли. Я позвонил Марти. Никто не снял трубку. Я оставил свой номер портье. Через какое-то время снова набрал телефон гостиничного номера. Подошел кто-то другой.

— Не могли бы вы попросить Марти? — спросил я.

— Я вас слушаю. — Даже отдаленно голос в трубке не напоминал голоса Марти. — Это Марти. С кем я разговариваю?

Я повесил трубку и перезвонил еще раз:

— Вы не могли бы соединить меня с номером мистера Лэнгфорда?

— Алло, алло, Марти у телефона.

Теперь мне все стало ясно. Марти арестовали, и полиция обыскивала его номер. Какой же я болван! Оставил портье свой телефон в Гамбурге. Срочно уматываю.

Изучая расписание в аэропорту Гамбурга, я обнаружил два рейса, отправлявшихся один за другим, до Хельсинки и до Парижа. Я все не мог вспомнить, в какой стране находится Хельсинки, поэтому приобрел билет до Парижа. Оттуда я мог вылететь в Барселону и дальше на Ибицу. К моменту приземления меня лихорадило.

Следующие два дня я слонялся по усадьбе Рози в поисках телефона и туалета. Рози меня игнорировала. Оправившись наконец, я поехал прямиком в аэропорт Ибицы и позвонил по номеру Марти, Везерли и многим другим телефонам в Лондоне. Никто не подошел. Я позвонил Мак-Канну в Дрогэду. Нет ответа. Я сел на ближайший рейс до Амстердама и поехал в квартиру Аренда. Снова набрал номер Мак-Канна.

— Никогда больше не звони на этот гребаный номер и не показывай свою сраную рожу в моей стране. Моя Анна в тюрьме из-за твоих закидонов. Ее повязали гребаные фашисты, чувак. Марти и его два приятеля здесь. Я дал им убежище. Ты обещал им богатства, а дал лишь гребаное пепелище, ублюдок валлийский.

Поток ругани все лился. Я наконец усек, что произошло.

Чарли Везерли отправился в номер Марти за образцом ливанского гашиша. На выходе его остановил охранник гостиницы и спросил, в каком номере он был. Он назвал номер Марти. Охранник поднялся вместе с Чарли в номер Марти проверить. Марти, подумав, что Чарли, должно быть, повязали, утверждал, что в первый раз его видит. Марти запаниковал. Собрав манатки, он покинул номер. Машину с ливанским гашишем бросил и сбежал в Ирландию, прихватив оставшихся членов Тафии. Мак-Канн, понятия не имевший, что произошло со мной, отправил свою подругу, Анну Мак-Налти и голландца с запасными ключами, которые были у Грэма, в Гамбург забрать машину из гаража. Их арестовала гамбургская полиция.

— Джим, я искренне сожалею по поводу Анны. Могу я чем-нибудь помочь?

— Я не нуждаюсь в твоей гребаной помощи. Я уже лично объявил войну этим фашистским уродам. Они знают, на что Кид способен. Если не хотят вспомнить Вторую мировую, лучше бы им освободить Анну.

Я связался с Эрни. Он сказал, что через несколько дней приедет в Амстердам. Там как раз открылось «Парадисо», первое заведение, где законом не возбранялось курить марихуану. Мне начинал нравиться этот город с его каналами, проститутками в витринах и прогрессивным курсом на легализацию мягких наркотиков. Может, мне стоит здесь обосноваться? Как-то вечером в ночном клубе «Оксхуфт» я наткнулся на Джо Ливанца. Он тоже подумывал осесть в Амстердаме, взял мой телефон и угостил ливанским гашишем.

Прибыл Эрни и зарегистрировался под вымышленным именем в гостинице «Окура». Я рассказал ему о своем горе. Он посоветовал не волноваться: на чем-нибудь заработаем, в конце концов, будем по-прежнему возить новые европейские автомобили с начинкой в Штаты. Эрни дал мне сто тысяч долларов и велел покупать товар. К деньгам добавил лепешку афгани — в Европе курнуть нечего — и предложил подвезти.

По моей просьбе Эрни подкинул меня в банк, где я арендовал сейф на имя Питера Хьюза и положил туда баксы вместе с ирландским паспортом. Аренд очень обрадовался идее приобрести гашиш в Амстердаме. Мы отдали должное афгани Эрни. В дверь громко постучали. Шестеро голландских полицейских заполонили квартиру. Я поднялся, чтобы уйти, но меня остановили и обыскали. Полицейский нашел кусок гашиша, который дал мне Джо Ливанец. Пришлось предъявить настоящий паспорт.

— Ваше имя Деннис Говард Маркс?

— Да.

— Вы арестованы.

Трое стражей закона свели меня вниз по лестнице, усадили на заднее сиденье автомобиля. В полицейском участке еще раз перерыли карманы и все забрали. Составили протокол, повели меня в камеру. По радио Мик Джаггер исполнял Angie. Меня повязали.

АЛЬБИ

В апреле 1974 года, почти шесть месяцев спустя, я сидел в квартире на одном из последних этажей высотного здания на Айл-оф-Догз, с видом на Темзу и Гринвичский морской вокзал. Я скрывался, чтобы не платить залог. Несмотря на протесты моего амстердамского адвоката, голландская полиция посадила меня на борт самолета «Бритиш Юропиан Эрэуэйз». В Хитроу в самолет поднялись агенты Управления таможенных пошлин и акцизных сборов и отвели меня в полицейский участок Сноухилла. Там мне было предъявлено обвинение по ранее не применявшейся статье 20 Закона о неправомерном использовании наркотиков от 1971 года, по судебному полномочию Соединенного Королевства в совершении преступления, связанного с наркотиками, в Соединенных Штатах.

Моими подельниками стали калифорниец Джеймс Гэйтер, которого арестовали в Хитроу за пару дней до меня, и несколько работников Джеймса Морриса. После трех небогатых событиями недель в Брикстонской тюрьме, меня выпустили под залог в пятьдесят тысяч фунтов. Я поселился с Рози и детьми в Оксфорде, на Лекфорд-роуд, 46, в квартире, которую раньше снимал Уильям Джефферсон Клинтон, будущий президент Соединенных Штатов. Доказательства против меня были вескими. Частично из-за того, что я довольно безрассудно признался таможенному ведомству в ведении незаконной деятельности на территории Голландии. Надеялся, что мое дело будет рассматривать голландский суд. Эта стратегия провалилась, и мой защитник Бернард Симоне был уверен, что меня признают виновным и дадут не меньше трех лет тюрьмы.

Квартира в восточном Лондоне принадлежала Даю, старому коллеге, с которым я работал в школе. Очевидно, полиция Тэмз-Вэлли пыталась установить мое местонахождение, но особо не усердствовала. Я написал записку Бернарду Симонсу, чтобы все знали: не произошло ничего предосудительного, я просто уклоняюсь от уплаты залога. Судебный процесс начался днем раньше, 1 мая 1974 года, без моего участия. Мои подельники признали себя виновными и получили от шести месяцев до четырех лет. Эрни пообещал уплатить любые суммы, подлежащие конфискации из-за моего уклонения от уплаты залога. Он чувствовал себя обязанным, потому что тогда, в Амстердаме, я единственный знал его местопребывание и не выдал Эрни властям. Я выжидал время.

Дай разбудил меня рано утром, перед тем как отправиться в

школу:

— Говард, тебя показывали в новостях.

— Что?! Что ты сказал?

— Было только три сообщения: одно о премьер-министре Гарольде Вильсоне, о президенте Никсоне и о тебе. Я не все понял. Что-то про МИ-6 и ИРА. Пойду схожу за газетами.

Всю первую полосу «Дейли миррор» занимал репортаж под заголовком «Где мистер Маркс?» Там говорилось, что я агент МИ-6, что в семи странах выданы ордера на мой арест, что меня похитили, подвергли избиениям, велели помалкивать и заставили внедриться в ИРА. Я не понимал, каким образом «Дейли миррор» стало известно о моем сотрудничестве с Секретной службой. В статье утверждалось, что я будто бы рассказал друзьям о том, что шпионил. На самом же деле я не обмолвился об этом никому, кроме Рози, родителей и Мак-Канна. В интервью прессе Рози заявила категорически, что между мной, ИРА и разведывательными службами не существовало никаких отношений. Таможенное ведомство было в курсе: телефонный номер Мака фигурировал в распечатке звонков из амстердамской гостиницы, и я пообещал не упоминать МИ-6 на суде, чтобы гарантировать себе освобождение под залог. Маловероятно, что бы информацию слила таможня.

Передовица «Дейли мейл» называлась «Скотленд-Ярд боится нового похищения». Из нее следовало: последний раз меня видели в компании двух таможенных агентов, и теперь полиция не исключает возможности того, что меня убила ИРА.

Позже в тот же день полиция Темз-Вэлли горячо отрицала то, что я был агентом МИ-6, шпионившим за ИРА, а Бернард Симоне продолжал твердить, что получал от меня известия и что никто не удерживает меня против моей воли. Средства информации оставили это без внимания. Это было слишком скучно. Справедливости ради «Дейли миррор» решила изложить альтернативную версию. На следующий день первая полоса была озаглавлена «Доносчик», а далее говорилось, что меня похитила наркомафия, чтобы я не предстал в Центральном уголовном суде, Олд-Бейли, и не донес на нее. Другие газеты намекали, будто я подстроил собственное похищение. Однако широкая общественность явно предпочитала версию о шпионе, засланном в ИРА. Именно об этом трубили телевидение и радио. Кто был моими врагами? Полиция, искавшая меня повсюду? ИРА, беспощадная к продавцам наркотиков? Наркомафия, опасавшаяся моих откровений? Таможенное ведомство, которое так и не призвало меня к ответу? Секретная служба Ее Величества? чьи тайны я разгласил? Или средства массовой информации — по

причинам мне непонятным? Какая разница? Я намеревался изменить внешность и вернуться к старому ремеслу, контрабанде. У меня уже немного отросли усы. Газетная шумиха сделала меня осторожным. Хотя временами накатывало ощущение нереальности, и становилось жутко.

Цирк с газетами прекратился так же внезапно, как и начался. Судья, занимавшийся моим делом в Олд-Бейли, отложил решение по поводу взыскания залога. Меня могли похитить, объявил он, следовательно, нельзя считать, что я скрываюсь от правосудия. Прежде всего я должен был известить семью, что цел и невредим. Но Дай очень не хотел, чтобы я воспользовался его телефоном. К тому же я опасался, что телефоны родных прослушиваются: шел розыск. Окольными путями, через сестру в Уэльсе, я договорился о тайном свидании с Рози, Мифэнви и родителями. Основательно поработав над своей внешностью, я преобразился и без опаски выходил на улицу. Каждое утро я читал газеты за чашкой кофе в забегаловке для докеров. Как-то жарким июльским утром я увидел за стеклом газетного киоска «Дейли миррор». После заголовка «Долгое молчание мистера Загадки» шла моя фотография. Я приобрел экземпляр. Репортер извещал, что полиция Темз-Вэлли прекратила розыск и что мое исчезновение обсуждалось в обеих палатах парламента. Ажиотаж вспыхнул с новой силой.

— Тебе нужно другое имя и более надежная маскировка, — сказал Дай. — По телику только о тебе и говорят. Больше я не буду называть тебя Говард, но и мистером Загадкой тоже звать не стану.

— Зови меня Альби, — предложил я, отчасти из уважения к старому другу Альберту Хэнкоку, отчасти из-за того, что это была анаграмма слова bail[25].

— Хорошо, — согласился Дай. — А почему бы тебе не выписать себе очки?

— У кого?

— Есть такие люди. Их называют окулистами, Альби.

— Но у меня с глазами все нормально, Дай. Мне не выпишут очки.

— Идешь к зубному — он говорит: у тебя все зубы больные. Идешь к окулисту — он говорит, тебе нужны очки. Так они зарабатывают деньги. Я читал на днях, что эта штука, которую ты все время куришь, вызывает дальнозоркость. Почему бы тебе не накуриться как следует и не сходить к окулисту?

Возможно, Дай прочитал один из этих нелепых ужастиков про марихуану, которая будто бы вызывает практически все недуги, от бесплодия до нимфомании. Но что-то в этом было. Я знал, что

марихуана влияет на внутриглазное давление. Выкурил несколько косяков и проверил зрение. Мне требовалось носить очки. Они разительно изменили мой внешний вид, правда видел я неважно, за исключением того времени, когда был накурен.

Более месяца пресса строила догадки о моем местопребывании. ФБР опасалось за мою жизнь. Какой-то человек, которого я в глаза не видел, сознался, что убил меня и похоронил под эстакадой рядом с Бристолем.

Дай попросил меня уехать, и я был не в претензии. Кто же знал, что все так затянется и примет абсурдные формы? Я был не прочь убраться из страны, но не имел паспорта. Дай предложил мне свой.

Между нами имелось некоторое сходство: оба высокие, темноволосые, голубоглазые, с крупными чертами лица. Но теперь, когда я отпустил усы и спрятался за линзами очков, мы стали не так похожи. Впрочем, не составляло особого труда переклеить фотографию. Печать, которую ставит на документах Форин Офис, захватывает лишь маленький уголок снимка. Было незаметно, что на замененной фотографии она отсутствует. Дай также дал мне свои водительские права — боялся, что я где-нибудь застряну.

Я решил поехать в Италию. По двум причинам. В палаточном лагере возле Генуи стоял большой трейлер марки «виннебаго». Я приобрел его приблизительно годом раньше для Эрика, когда рассчитывал, что в Италию прибудет ливанский гашиш, доставлявшийся пронырам рыбакам. Чем не жилье? И потом, моя сестра намеревалась изучать педагогику в Падуе, и будет проще поддерживать контакты с семьей. Кроме «виннебаго» у меня имелось пять тысяч фунтов наличными. Все остальное пропало. Эрни отправил кого-то в Амстердам, чтобы забрать баксы и паспорт на имя Питера Хьюза из банковского сейфа, но ячейка пустовала. Власти добрались до нее первыми. Посланец Эрни, Бертон Молдезе, был как-то связан с лос-анджелесской мафией, что, очевидно, и породило мафиозную версию «Дейли миррор». Я был уверен, что Эрни одолжит мне денег, особенно если залог — а это казалось все более вероятным — не будет взыскан. Я располагал почтовым адресом Эрни, но не представлял его реакции на шум вокруг меня. Следовало подождать, пока все утихнет.

Помня совет Мак-Канна, я не полетел прямиком в Италию. Сел на паром до Дании, потом на самолет из Копенгагена в Геную. Паспорт не подкачал. И я принялся колесить на «виннебаго» по палаточным лагерям Итальянской Ривьеры. Очки носить перестал и вступил в период дебоширства и разврата,

подбирая девушек, путешествующих автостопом. В «виннебаго» имелась кухня, гостиная, душ, стереосистема и шесть удобных спальных мест. Обычно я подбирал только одну странницу, но иногда их набивалось в трейлер до пятнадцати или шестнадцати. Моим домом стали автострады от Комо до Неаполя. Я тратился только на бензин, а наркотики, секс, еду и выпивки получал даром.

Рози приехала ко мне на пару недель с Мифэнви, чтобы я повидал дочь. Коттедж в Ярнтоне был продан. Вместе с Джулианом Пето и его семьей Рози купила большой дом в Нортли, рядом с Оксфордом. Я поддерживал связь с ней через Фэнни Хилл. В сентябре, разговаривая с Рози, которую Фэнни позвала к себе, я упомянул, что родители собираются ко мне. Как выяснилось позднее, Реймонд Карр, глава колледжа Святого Антония, все еще состоявший в отношениях с Фэнни, подслушал этот разговор по параллельному телефону. Неизвестно, передал ли Карр информацию властям, но такое возможно. Родители приехали и провели со мной и сестрой две недели, путешествуя по Северной Италии.

После их отъезда я болтался по лагерю в Падуе. И тут прибежала сестра. Она была в панике: журналисты «Дейли миррор» пытались взять у нее интервью. Они знали, что я в Италии и встречался с родителями. Стало быть, знали и власти. Куда податься? Денег почти не осталось. В Англию! Это последнее место, где меня станут искать.

28 октября 1974 года я прикатил на «виннебаго» в палаточный лагерь Генуи. Я уже вклеил новую фотографию в паспорт Дая и забронировал место на рейс «Бритиш Каледониан» до Гатуика.

В аэропорту Генуи я выглушил несколько стаканов траппы, преспокойно прошел паспортный контроль и взялся бухать по-черному в зале отправления. Купил сигарет и несколько бутылок черной самбуки в магазине дьюти-фри, во время полета заказал еще горячительного. Раздали газеты, я взял «Дейли миррор». На первой полосе красовалась моя фотография под заголовком «Он жив». Статья, занимавшая несколько полос, уверяла, что мистер Загадка гостил у мафии в Падуе. Его убежище знали только мафиози и сестра. Многие в самолете читали этот эксклюзивный материал. Накачавшись черной самбукой, я снова потерял связь с реальностью. Сходя с самолета, по-дурацки хихикал и думать забыл про трения с иммиграционной службой и таможней. Последовал за остальными на железнодорожную станцию Гатуик и сел на поезд до вокзала Виктория. В поезде я снова хлестал черную самбуку. Я доехал на подземке до Паддингтона и, следуя

инстинкту, что ведет пьяных, сел на поезд до Оксфорда, куда прибыл в девять вечера.

От железнодорожной станции отправился к полицейскому участку в Сент-Альдате. К тому моменту мне с трудом верилось, что события последних месяцев происходили в действительности. Хотелось перемотать жизнь к тому дню, когда я был отпущен под залог. Из участка вышел полицейский. Я спросил его, можно ли добраться на автобусе до Нортли. Он сказал, что уже слишком поздно, придется взять такси. Я отыскал телефонную будку и позвонил Рози в Нортли. Ответа не было. Я побрел на Лекфорд-роуд, где в последний раз соприкасался с реальным миром. Паб «Виктория Армз», куда я часто хаживал с друзьями, стоял все там же. Я зашел внутрь и был встречен гробовым молчанием. Меня узнали почти все. Джулиан Пето нервно заржал. Я спросил, где Рози. Она с Мифэнви была приглашена на вечеринку, куда он и сам собирался. К тому времени, когда мы приехали, Рози уже ушла. Я выпил пунша, выкурил несколько косяков. Джулиан отвез меня в Нортли. Рози пребывала в прострации. Только что ушел суперинтендант из полиции Темз-Вэлли, Филип Фэйрвезер, расследовавший мое исчезновение. Рози уложила меня спать. На следующее утро в новостях сказали, что Мохаммед Али стал чемпионом мира в тяжелом весе, победив Джорджа Формана, и что судья Олд-Бейли решил не взыскивать залог с тех, кто за меня поручился, несмотря на то что полиция знала о моем пребывании в Италии. Полицейское расследование закончилось. Интересы общества не требовали во что бы то ни стало установить мое местонахождение. Но я был жив. По крайней мере, уже не числился умершим шпионом.

В Нортли приехала погостить сестра Патрика Лэйна, Джуди, которой уже исполнилось девятнадцать. Мы не забыли друг друга, и ей не пришлось меня долго уговаривать поселиться вместе в Брайтоне. У Джуди было пятеро братьев и сестер. Я знал только Патрика, который вот уже год жил в добровольном изгнании во Франции, в Дордони, выращивая улиток. Мать Джуди недавно умерла от рака, отец сошелся с молоденькой. Старшие братья и сестры жили отдельно, младшие — в пансионах. Квартира в Брайтоне, которую прежде занимала семья, осталась в полном распоряжении Джуди.

И снова газетная шумиха улеглась так же быстро, как и вспыхнула. В квартире Джуди я чувствовал себя в безопасности и начал восстанавливать связи со старыми партнерами по бизнесу, в том числе с Джонни Мартином, Энтони Вудхэдом и Джарвисом. Они помогли продать «виннебаго» и снять несколько тысяч фунтов со счета в Швейцарской банковской корпорации,

открытого мною год назад. Я написал Эрни и сообщил в письме телефон Джуди. Звонок раздался посреди ночи.

— Как поживаешь? Я думал, ты вышел из игры. Ну, так что стряслось? Чем ты занимался?

— Прости, Эрни. Думал, после всей этой газетной стряпни ты меня и знать не захочешь.

— А я и не читал ничего. Здесь ты мелкая рыбешка. Слушай, моя девчонка Пэтти приедет с тобой встретиться. Объяснит, что я надумал. Деньги на жизнь нужны? Она привезет десять тысяч долларов.

Энтони Вудхэд нашел в Лондоне пентхаус с видом на Риджентс-парк за чрезвычайно низкую плату. И сдал его, неофициально, нам с Джуди. Приехала Пэтти, передала информацию и код, которым я должен был пользоваться в телефонных разговорах. У Эрни имелся свой человек в нью-йоркском аэропорту Кеннеди, который гарантировал таможенную очистку какого угодно груза из любой страны, если упаковка не пропускает запах и товар прибывает рейсами «Алиталии». За это ему причиталось двадцать пять процентов от оптовой цены в Америке. Старый компаньон Эрни из Братства вечной любви по имени Роберт Кримболл брался экспортировать тайскую марихуану из Бангкока за тридцать пять процентов от американской оптовой цены. Доля посредников составляла сорок процентов. Пару тонн уже успешно ввезли и продали. Эрни интересовался, не знаю ли я кого-нибудь в любой из стран-поставщиков, кроме Таиланда, кто подрядился бы вывозить марихуану на самолете? Часть денег вперед, остальное — по реализации. Подобное знакомство помогло бы мне озолотиться.

Это был шанс, какой выпадает раз в жизни, но, перебирая свои связи, я не находил подходящей кандидатуры. Контакты с Мухаммедом Дуррани и Сэмом Ливанцем я утратил. И тут Джарвис вспомнил, что знает парня, который семь лет жил в Непале. Зовут его Джон Денби, или Старый Джон. Джарвис зазвал его в гости и познакомил с другом, то есть со мной.

Старый Джон был очень высокой, зрелой и мужественной версией Мика Джаггера. Он одевался как байкер и питал явную слабость к ожерельям, цепочкам, четкам, амулетам и полудрагоценным камням. Старый Джон в жизни не брал косяка в рот, а на жизнь зарабатывал, покупая и ремонтируя кухонные плиты. Говорил он мудрёно, и стоило на секунду отвлечься, как речь его казалась бессвязной. Складывалось впечатление, что его разум старательно обходит любые условности и общие места. Старый Джон уникально чувствовал стихию улиц. Это качество он приобрел на мостовых Фулема, как и свой акцент. Страстно

любил футбол и крикет. Отец его учился в Оксфорде. Старый Джон был абсолютно искренен и честен. Лучшего друга никто и пожелать не мог.

Джарвис скрутил косяки и заварил чай. Старый Джон курил сигары «Том Тамб»[26] и пил виски. Мы обсуждали команды регбистов Уэльса и Англии. Уэльс только что разгромил Англию со счетом 20 : 4 на стадионе Кардифф-Армс-Парк. Через час я решил перевести разговор на Непал.

— Интересное было время, Джон?

— Да, интересное. И люди они замечательные, непальцы-то, уверяю тебя.

— А много там иностранцев?

— Был один англичанин. Хвастал, что обладает девятью талантами. Я же сказал, что у меня один талант: могу выкинуть его из окна. А он пошел и расписал фасад своего дома религиозными символами. Безумие.

Я едва понимал, о чем идет речь. Похоже, Старый Джон презирал европейскую диаспору на Востоке.

— А как таможенники? Не цеплялись, когда ты возвращался?

— Нет, ничего такого. Один сказал: «Останови эту мразь. Я его обшмонаю». Второй подходит ко мне и говорит: «Извините, сэр...» А я: «Сэр? Нет, не называйте меня сэром. Меня зовут Мразь. Так и называйте». И это сработало. Первый говорит: «Можно взглянуть на ваш паспорт?» А я: «Это не мой паспорт, а ваш», — и дал ему паспорт. Он спросил, что я делал в Непале. Я сказал, мол, работал барменом! Водка и лайм, что вам угодно и все такое. Он поинтересовался, не курил ли я чего веселящего. Я уточнил, не каннабис ли он имеет в виду. «Неважно», — буркнул он. И я сел на автобус до Фулема.

— Джон, ты можешь самолетом отправить гашиш из Непала?

— Нет, конечно, нет. Хотя, ладно уж, знаю я одного человека, а он знает другого человека...

— Сколько бы это стоило?

— Да, деньги, конечно, здесь самое главное, но, уверяю тебя, цена всегда приемлемая.

— А какая цена приемлемая, Джон?

— Да ты и сам знаешь, я уверен.

— Что ты за это хочешь, Джон?

— Если я помогу тебе заключить сделку, поставишь выпивку.

— Ты можешь проверить качество?

— Я курю только «Том Тамб», но я знаю человека, у которого есть нож.

Я воспринял этот ответ как утвердительный.

— А можно сделать так, чтобы запах не чувствовался?

— Нельзя, если уж Господь пожелал, чтобы пахло. Но если знаешь человека, который может, пусть приезжает или растолкует мне.

— Сколько они могут послать?

— Я должен подумать. Это зависит от сроков.

— Джон, американцы настроены получить тонну, и как можно скорее.

— Это да. Бывал я в Америке. Им там всегда нужно побольше и побыстрее. Нет предела их безумию. Несомненно, люди они приятные, но их строить нужно. Пошел я визу продлять, а тип из Службы иммиграции спрашивает: «Зачем?», а я и говорю: «Так деньги не кончились». Он печать шлепнул и говорит, значит: «До свидания». Если американцы требуют тонну, и поскорее, скажи, что сделаешь полтонны, когда Уэльс выиграет «Тройную корону». Это умерит их пыл. Кому нужны пустые базары.

Оказалось непросто передать Эрни разговор со Старым Джоном. Я сказал, что гашиш можно экспортировать из Непала примерно за такую же цену, которую запрашивал Роберт Кримболл в Бангкоке, но не больше полутонны за раз. И придется посылать в Непал человека, чтобы проверить, не пропускает ли упаковка запах. Эрни отправил туда своего верного помощника, Тома Сунде, с деньгами и указаниями насчет упаковки. Прежде чем лететь в Катманду, Том остановился в Лондоне познакомиться со Старым Джоном. Эрни велел Тому ничего от меня не скрывать.

В 1970-е годы самым могущественным мафиозным кланом в Соединенных Штатах считалась семья Карло Гамбино, послужившего прототипом Вито Корлеоне из романа Марио Пьюзо «Крестный отец». Гамбино, мафиози старой закалки, родившийся на Сицилии в начале века, все еще полагал, что мафия должна держаться в стороне от контрабанды наркотиков. Кармине Таланте, основной претендент на место Гамбино и крестный отец нью-йоркского клана, не был столь щепетилен. Он считал, что мафия должна контролировать все, включая наркотики. Организация Таланте обращалась к услугам Дона Брауна, американца ирландского происхождения, который делал деньги на наркотиках в Нью-Йорке, в Куинс, а спускал в Лос-Анджелесе. Дон Браун водил знакомство с Ричардом Шерманом, пронырливым адвокатом из Калифорнии, которого нанял Эрни Комбс. Так случилось, что Шерман представил Эрни Дону Брауну. Родилась схема поставок.

Большое количество пропавших грузов служило веским доказательством того, что клану Таланте ничего не стоит вывозить товар из аэропорта Кеннеди, минуя обычные каналы. И

это открывало широкое поле для контрабанды. Чаще всего вполне безобидный груз, товары, произведенные в Нью-Йорке, отправлялись в одну из стран, поставлявших наркотики. Компания-импортер якобы возвращала импортную поставку под тем предлогом, что товары повреждены или не того качества. На самом деле мафия отправляла и получала груз гашиша.

Специально для непальских поставок в Нью-Йорке учредили компанию «Кул эйр», призванную заниматься экспортом кондиционеров. Старый Джон и Том Сунде вылетели в Катманду, поодиночке, с чемоданчиками, набитыми зеленью Эрни. Старому Джону предстояло создать непальскую компанию по импорту кондиционеров и сообщить мне ее реквизиты. Спустя неделю я получил из Катманду телеграмму, всего одно слово «Йети». Я знал, что так в Гималаях называют снежного человека, но это ничего не проясняло. Эрни не терпелось узнать новости. Я не представлял, что ему сообщить, поэтому телеграфировал Старому Джону в Катманду, попросив позвонить мне.

— Джон, что означает твое сообщение?

— Так называется то, что тебе нужно.

Назвать именем снежного человека компанию по кондиционированию воздуха? Не скажешь, что это удачная мысль.

— Джон, это название неуместно.

— Еще как уместно, уверяю тебя. Ни одного пока не поймали.

Я сдался.

— Хорошо, Джон, пусть так. А как со всем остальным? Все в порядке?

— Нет. Здесь воротят нос от макарон, едят китайскими палочками, налегают на свиные колбаски или питаются со шведского стола. Макароны тут не пройдут.

С каждым днем понимать Старого Джона становилось все легче. Он не гарантировал, что груз попадет на рейс «Алиталии», перед тем как окажется в Нью-Йорке. Он мог только поручиться, что груз прибудет в Нью-Йорк на рейсах европейских или дальневосточных авиакомпаний. Я связался с Эрни, и тот обещал посмотреть, что можно сделать.

На деньги Эрни я приобрел для пентхауса в Риджентс-парк стереосистему и пластинки. Отец Джуди и его подружка переехали в брайтонскую квартиру, а Джуди позволили пользоваться отцовскими апартаментами недалеко от Риджентс-парка. Весенним днем, часа в четыре, я в одиночестве лениво озирал лондонские горизонты и слушал Ladies Love Outlaws Уэйлона Дженнингса. Взглянул вниз и увидел, что четверо здоровяков в пальто ходко направляются к моей парадной. Что-то

подсказывало: это по мою душу. Но кто такие? Позвонили снизу, от двери на первом этаже. На вопрос, кто там, приглушенный голос пробормотал что-то невнятное. Я открыл дверь на первом этаже, напялил очки укурка, выскользнул из квартиры и начал спускаться по пожарной лестнице, понадеявшись, что визитеры, скорее всего, поедут на лифте. Спустившись, я заметил, что четверо громил по-прежнему стоят снаружи у стеклянного двухдверного входа и разговаривают с уборщиком, открывшим одну дверь. Меня заметили, и уборщик кивнул в мою сторону. Я медленно и нахально подошел к двери, как будто собираясь выйти на улицу. Один из четверки щелкнул затвором фотоаппарата. Другой сказал: «Это не он». «Прошу прощения, сэр. Извините нас», — добавил третий. Я смерил их недовольным взглядом, вышел на улицу и взял такси до Сохо. Очевидно, это были люди из «Дейли миррор», с полицией или без оной.

Как они пронюхали? Я не имел об этом ни малейшего представления, зато понимал, что назад, в пентхаус ходу нет.

Прощайте денежки и все ценное, что там осталось! У Энтони Вудхэда, официального съемщика пентхауса, могли возникнуть проблемы, если только не он слил информацию. Мне предстояло руководить отправкой первых партий гашиша для нью-йоркской мафии из Катманду, а я очутился на улице с парой-тройкой фунтов в кармане и очками укурка на носу. Я позвонил Джуди. Она подобрала меня на своей машине и отвезла в Ливерпуль, где мы остановились в «Холидей инн» под вымышленными именами. На следующее утро нам под дверь сунули «Дейли миррор». Мне снова отвели всю первую полосу, озаглавив ее «Лицо беглеца» и поместив снимок, запечатлевший меня в очках укурка и с усами. Я побрился, нанес гель на волосы и гладко зачесал их назад. Джуди отправилась искать жилье за четыре фунта в неделю, комнату на двоих в квартире с общей ванной и кухней. Район назывался Шейл-Парк. Я позвонил родителям, чтобы не волновались, и связался с Эрни. Он был невозмутим. Попросить у него еще денег я не осмелился. У него имелись хорошие новости для Старого Джона: груз можно отправлять самолетом «Японских авиалиний». Итальянцы потолковали с японцами и достигли соглашения.

В то время самой большой криминальной структурой в мире была якудза, включавшая несколько сотен тысяч человек. Организация возникла в начале семнадцатого века. Тогда это была кучка молодых бунтарей, благородных разбойников а-ля Робин Гуд, которые противостояли феодальным владыкам. После Второй мировой войны якудза приобрела черты западной гангстерской группировки: черные костюмы, темные очки. К

концу 1960-х годов она установила прочные связи с китайскими триадами в Гонконге, Малайзии, Тайване и Таиланде. Беспрецедентно мощный китайско-японский синдикат начинал поставлять в Соединенные Штаты большие партии героина. В том числе через аэропорт Кеннеди. Теперь якудза и мафия ждали, когда сделает свое дело «Йети» Старого Джона.

Я дал Эрни номер телефонной будки в конце улицы и сказал, что стану околачиваться там между 8 и 8 : 15 вечера каждый вторник. То же самое телеграфировал Старому Джону в Катманду, присовокупив хорошие известия о «Японских авиалиниях», и повел жизнь ливерпульского бездомного, который надеется вскоре разбогатеть. Выпросил несколько сотен фунтов у многострадальных друзей и семьи.

Беспокоило отсутствие путного удостоверения личности. ИРА как раз ухлопала полицейского, «Черная пантера» из Бирмингема и кембриджский насильник в капюшоне разгуливали на свободе. Полиция останавливала всех подряд в любое время, и мне пришлось бы несладко, не предъяви я им бумажку с фальшивым именем. В автоинспекции Суонси не требовали никаких удостоверений личности при оформлении временных водительских прав. Я заказал права на имя Альберта Лэйна и получил их в Ливерпуле. Сдал экзамен и стал обладателем обычного водительского удостоверения. Записался в местную библиотеку, открыл счет в сберегательной кассе почтового отделения на имя Альберта Лэйна. За ничтожную сумму приобрел старый раздолбанный фургон марки «Бедфорд» и отправился с Джуди на недельные каникулы, колесить по палаточным лагерям. Нам нравился этот праздник без конца, хоть Джуди и раздражала моя манера ставить палатку рядом с общественной телефонной будкой, чей номер переходил из рук в руки от Лос-Анджелеса до Гималаев. Круглые сутки я звонил и отвечал на звонки, и мне совсем не улыбалось трусить в пижаме через залитые лунным светом поля. В палаточных городках телефонная будка почти всегда стояла рядом с душевыми и туалетом. И мы единственные разбивали палатку поблизости. День посвящали развлечениям или же записывались в очередную библиотеку под очередным дурацким именем. Вечера уходили на то, чтобы опробовать новаторские способы легализации новых поддельных личностей.

Нашим излюбленным методом было предсказание будущего. Джуди принимала вид сексапильной ясновидицы и сидела одна в пабе. Я устраивался чуть поодаль. Рано или поздно какой-нибудь малый примерно моего возраста завязывал с ней разговор, и в ходе беседы всплывало, что она астролог, хиромант, нумеролог и умеет предсказывать судьбу. Для этого, конечно, требовались

некоторые подробности: дата и место рождения, девичья фамилия матери, где бывал или куда собирается. Некоторые парни не имели намерения ехать за границу, потому что не доверяли иностранному пиву. Так мы разжились информацией, достаточной, чтобы раздобыть несколько свидетельств о рождении в лондонском Сент-Кэт-ринз-хаус.

В американский День независимости, 4 июля 1975 года, пятьсот килограммов непальских «храмовых шариков», одного из лучших сортов гашиша в мире, перенеслись по воздуху из Катманду через Бангкок и Токио в Нью-Йорк. На следующий день эту дурь курили в Гринич-Виллидж. Я снова сильно забурел, и мне все еще не было тридцати.

Эрни рвался организовать еще одну поставку, помасштабнее, но Старый Джон не больно-то этого хотел. Чемоданчики с долларами, которые Том Сунде привез в Непал, посеяли панику на валютных рынках Катманду.

— Это американское безумие. Все больше и больше. В следующем году непальцы вместо риса посадят коноплю и будут голодать. Им не нужны деньги, им нужны лекарства.

Я, однако, согласился с Эрни и убедил, хоть и с трудом, Старого Джона отправить семьсот пятьдесят килограммов. За ними последовало еще несколько поставок, но ни одной большего веса. После очередной операции Старый Джон пригнал в Катманду машину «скорой помощи», набитую медикаментами. Он наотрез отказался продолжать дело: «Пусть Непал останется Непалом».

Эрни, как правило, присылал мою долю, несколько сотен тысяч долларов наличными, с курьером. Я арендовал квартиры и коттеджи в разных частях страны. И обзаводился все новыми документами на чужое имя. Чтобы получать по почте водительские права и прочие полезные удостоверения, требовались адреса. Я слегка обнаглел и даже обратился с просьбой выдать временные водительские права на имена Уэйлона Дженнингса и Элвиса Пресли. Компьютер в Суонси и это скушал — в его памяти 1950-е годы не запечатлелись. Свидетельства о рождении, полученные за счет астрологических изысканий, я отнес в Управление почт и телеграфа и получил британский паспорт для приезжих.

Джонни Мартин представил меня Филипу Спэрроухоку, мастеру на все руки из Эпсома, который за определенную сумму мог приобрести все остальные документы. Основным источником дохода Фила был импорт тканей с Дальнего Востока, но еще он мог оказывать полезные услуги, например задним числом оформить страховку, нанять или приобрести новый либо

подержанный автомобиль с минимумом формальностей, предоставить в краткосрочное пользование адреса для жилья и телефонные линии. На этой почве мы с Филипом подружились и вскоре, объединив силы, арендовали помещение в Эвелле, графство Суррей. Эта контора в доме 38-а по Хай-стрит стала зарегистрированным офисом «Эвелл груп», объединявшей несколько компаний с уставным капиталом в сто фунтов. Их возглавляли подставные лица, которые всегда могли предоставить документ для оформления паспорта или открытия банковского счета. По настоянию Фила это был законный бизнес, правда, несколько подозрительный: купля-продажа подержанных автомобилей, служба такси. Солидность ему придавали поддельные страховки и тот факт, что фирма якобы существовала на протяжении долгого времени.

Помимо хлопот о поддельных документах, мало что выдавало во мне самого разыскиваемого подданного британской короны, скрывающегося от правосудия. Я часто виделся с Рози и Мифэнви, а также с родителями, появлялся в обществе. Восстановил дружеские отношения с приятелями из Оксфорда и Суссекса, которые с радостью называли меня Альби, и оброс множеством новых знакомств. Эти люди знали, кто я. Любой из них мог выдать меня властям. Полностью сознавая это, я не допускал, что со мной могут так поступить: у кого хватит духу донести на такого славного парня?

Денис Ирвинг, полностью отошедший от сочинения непристойных стихов, с энтузиазмом отдался новому хобби — дельтапланеризму — и работал с Майком Рэтледжом, еще одним приятелем по Оксфорду. Майк был единственным оставшимся в живых членом группы Soft Machine, которая, как и Pink Floyd, считалась хипповской. Журнал «Мелоди мейкер» неоднократно признавал его лучшим клавишником мира. Он участвовал в записи знаметитого хита Майка Олдфилда Tubular Bells. Теперь они с Денисом экспериментировали с интегральными микросхемами и электронной музыкой. Весь день просиживали с паяльником над платами. Опыт телефонных переговоров заставил меня мечтать об идеальной телефонной системе. Мне надоело таскать с собой целый мешок монет. Ну почему нельзя зайти в телефонную будку, позвонить на особый номер, который автоматически переадресует меня на любой другой номер? Тогда, бросая монеты в прорезь, я платил бы за местную связь, а тот человек, на чей номер я звонил, возмещал бы телефонной компании стоимость дальнейших звонков, внутри страны или международных. Еще я воображал, как звоню на этот особый телефон из будки, а ее номер считывается, и любой человек,

набирая особый номер, автоматически переключается на телефонную будку. Вот было бы здорово: звони куда хочешь за смешные деньги и оставайся на связи с теми, кто тебе нужен, не выдавая своего местонахождения. Сегодня эту задачу посчитали бы тривиальной, но не тогда. Тем не менее, когда я изложил ее Денису и Майку, они сумели смастерить такого рода устройство. Майк разработал схему, Денис сделал все остальное. Прибор работал исправно в большинстве случаев. Я заказал Эрни новейшую модель дельтаплана для Дениса. Он выбрал меня в крестные отцы Артура, его с Мердель новорожденного сына. Летая на дельтаплане, Денис врезался в землю и скончался. Я не мог избавиться от ощущения, что убил одного из самых любимых друзей.

Хотя Старый Джон оставался непреклонен и я не сумел найти другой источник для поставок по воздуху, Эрни позволил мне вложить свою прибыль в его операции с марихуаной из Бангкока при условии, что мы с Джуди приедем в Америку тратить пачку наличности, которая скопилась в его сейфах в Калифорнии. Нам до смерти хотелось поехать, но для посещения Соединенных Штатов требовался полный британский паспорт и американская виза. Для получения паспорта, я мог бы воспользоваться одним из свидетельств о рождении и кучей рекомендаций от компании «Эвелл груп», но меня останавливало опасение, что человек, чье имя я использую, сам вдруг решит выправить паспорт. Требовался кто-нибудь, кто знал бы, что я пользуюсь его именем, не имел намерения оформлять паспорт и в случае необходимости мог бы меня прикрыть. Джуди вспомнила про друга детства Энтони Танниклиффа. Он жил рядом с Бирмингемом и был моложе меня, но всего на несколько лет. Джуди полагала, что за разумную сумму он воздержится от выездов за границу. А еще она надумала взять имя жены своего друга. Так было бы еще надежней: мистер и миссис Танник-лифф. Настоящая чета Танниклифф с радостью ухватилась за предложение. Они заполнили анкеты, сфотографировались. Местный врач заверил оба снимка, анкеты, и Танниклиффы отдали мне подписанные формы. Фил Спэрроухок сделал копию печати доктора Танниклиффов. Мы с Джуди заполнили новые анкеты на получение паспортов своим почерком. А Фил, подделав почерк, заполнил соответствующую графу за врача на формах и на наших фото поставил печать. Мы отдали анкеты Танниклиффам, которые отправили их в паспортный стол. Единственное, что могли сделать в паспортном столе, это позвонить врачу и спросить, скреплял ли он подписями анкеты с фотографиями Танниклиффов. Не о чем беспокоиться. Паспорта с фотографиями доставили на бирмингемский адрес

Танниклиффов в течение десяти дней. Теперь нам предстояло получить американские визы. Для этого мы должны были официально доказать, что можем себе позволить визит в Америку. Мы сняли квартиру в Бирмингеме на имя Танниклифф. Одна из фиктивных компаний в Эвелле, «Инсайт видео», открыла филиал на Нью-стрит в Бирмингеме и наняла некого Энтони Танниклиффа на должность генерального управляющего в центральных графствах Великобритании, а Джил Танниклифф — на должность секретаря. В «Мидленд банк» был открыт банковский счет Танниклиффов. Мы отправили по почте анкеты и паспорта в посольство Соединенных Штатов на Гросвенор-сквер и получили их обратно с многоразовыми визами, ограничивающими срок каждого визита двумя месяцами.

В конце 1976 года, не пренебрегая никакими предосторожностями, мистер и миссис Танниклифф, то есть мы с Джуди, вылетели из Бирмингема в Денвер, Колорадо, через Брюссель, Франкфурт, Нью-Йорк и Чикаго. В Денвере наняли лимузин с шофером, который доставил нас в Вейл, где Эрни, ужасно располневший, обитал в роскошном особняке вместе с Пэтти и Томом Сунде. На улице лежал снег, американцы праздновали День благодарения, который был мне в новинку. По телевизору шел поток бессмысленных передач. И хотя подмораживало, я ездил верхом в Скалистых горах. Жизнь в Колорадо мне не понравилась.

Эрни владел также апартаментами в Коконат Троув, во Флориде, где он любил встречать Рождество и Новый год. Мы впятером полетели из Денвера в Майами, с промежуточной посадкой в аэропорту между Далласом и Форт-Уэртом. Мы с Джуди остановились в гостинице «Мьютини», которую обессмертили своим альбомом Crosby, Stills, Nash S Young. Нам отвели номер «люкс» с зеркальным потолком, сауной, джакузи, баром и четырьмя телевизорами. На улицах было много колумбийской дури, наркодилеров, гангстеров, молодых девушек и экзотики. Мне пришлась по вкусу жизнь в КоконатТроув. Мы сняли на год квартиру в роскошном кондоминиуме с видом на Ки-Бискейн и обставили ее всем необходимым, включая сейф, набитый стодолларовыми банкнотами. Я поставил десять тысяч зеленых — моя первая и последняя футбольная ставка — на победу «Окленд рейдере» против «Миннесота вайкинг» в суперкубке и выиграл. Купил краденые драгоценности и «кадиллак-севилью» у мафиозного приятеля Эрни по имени Луис Ипполито, сдал экзамен по вождению и получил водительские права на имя Энтони Танниклиффа.

Установленный визой двухмесячный срок подходил к концу,

поэтому мы с Джуди решили отправиться в Канаду, а затем снова вернуться в Штаты. По дороге побывали в Нью-Йорке, окунулись в роскошь «Уолдорф-Астории» и облетели на туристическом вертолете небоскребы Манхэттена. Нью-Йорк обладал особой волшебной энергией, которой был напрочь лишен Торонто. Мы там совсем заскучали и самолетом «Канадиан пасифик» перебрались в более теплый Ванкувер. Остановились в «Сипортер инн», наблюдали, как взлетают гидросамолеты.

На следующий день мы побывали в парке Стэнли, а вечером пошли в планетарий. Мы сидели почти в центре. Через полупустой зал сквозь мерцающую темноту, разинув рот от удивления, на меня пялился Марти Лэнгфорд.

Поразительные совпадения случаются достаточно часто, но это было уж слишком. Приятель с детства, с которым меня связывали пятнадцать лет дружбы, которого я не видел с 1973 года и не чаял найти, сидел в нескольких метрах от меня. Что такого есть в планетарии Ванкувера, что привлекает беглых валлийских наркоконтрабандистов?

Из рассказа Марти я узнал, что он живет вместе с Мак-Канном и его женой Сильвией, с тех пор как бежал в Ирландию три года назад. Пути членов Тафии разошлись. Мак-Канн, взявший себе имя Джеймс Кеннеди на том основании, что будто бы состоит в близком родстве с покойным президентом США, преуспевал. Его офис занимал целый этаж в ванкуверской Гиннесс^гауэр. Он жил на доходы от продажи нефти в Венесуэле и был одним из тех, кто финансировал съемки фильма Exuus[27]. Поддерживал теплые отношения с Джеймсом Кобурном[28]и его супругой, Беверли. Об источниках богатства Мак-Канна Марти умалчивал. Я сообщил ему свое новое имя и номер комнаты в «Сипортер», чтобы он передал Мак-Канну. Тот позвонил на следующее утро.

— Как английская разведка?

— Немного лучше, чем ирландская, Джим.

— Гребаная ты жопа валлийская. Все такой же подхалим, да, Гоф? Буду у тебя через полчаса.

Я представил Мак-Канна Джуди, которая тут же нас покинула.

— Все еще возишь наркоту, Гоф?

— Да, когда могу.

— Эти гребаные дни уже в прошлом, чувак. Наркодельцы теперь история. Настало время больших денег.

— В смысле?

— Возобновляемые аккредитивы, холдинговые компании и офшорные банки. Я охрененно быстро трачу деньги, и все они

принадлежат другим людям.

— Ну так в чем же разница?

— В чем разница? Разница в том, тупой ты валлийский ублюдок, что я иду не обходными путями, действую законно.

— Как я понимаю, ты больше не революционер.

— Я буду гребаным революционером, пока не умру. С каких это пор продажа наркоты на пляжах Брайтона революционный поступок, ёб твою?

— Ну, по крайней мере, это более революционно, чем вся твоя продвинутая корпоративная фигня, Джим.

— Это фигня? Гоф, занимаясь этим гребаным бизнесом, я общаюсь с важными людьми, VIP. Понимаешь? В мире только пятьсот человек контролируют все стоящее дерьмо. И я знаю этих уродов наперечет.

— Джим, а где Грэм?

— Он стал гомиком. Живет в Сан-Франциско или каком другом месте для гомиков. Наверное, тоже по-прежнему возит наркоту.

— Ты проворачивал еще сделки в Шанноне после моего ареста?

— Не будем об этом, Гоф. Грэм так и не сумел справиться с идиотами из Кабула. Я узнал, кто они такие и где живут в Кабуле. Я их достану, если понадобится. Но те дни прошли, Говард. Тебе надо поумнеть, но мы будем на связи. Если у тебя возникнет настоящая проблема, обращайся к Киду.

Мы с Джуди собирались встретиться с Эрни, Пэтти и Томом Сунде в Сан-Франциско. Дон Браун в Нью-Йорке только что растаможил груз тайской марихуаны, который прислал Роберт Кримболл из Бангкока. Лучшим рынком сбыта высококачественной тайской марихуаны считалось Западное побережье, где крутились большие деньги. Эрни собирался представить меня Ричарду Шерману и приятелю, работавшему в хранилище депонированных ценностей банка «Уэллс-Фарго». В Сан-Франциско мы остановились в отеле «Марк Хопкинс», в Ноб-Хилл. Не скажу, чтобы меня радовали виды Алькатраса, зато интересно было взглянуть на Хайт-Эшбери, легендарный район Сан-Франциско, одну из колыбелей культуры шестидесятых. Впрочем, меня постигло разочарование: район как район, таких немало в большинстве американских городов. Ни одного хиппи. Может, они все сидят по домам и курят тайскую дурь? Я набил сейф в банке «Уэллс-Фарго» барышами от последней таиландской операции и махнул с Джуди в Лас-Вегас, чтобы между посещениями звездных шоу, попытать счастья в азартных играх. Приобрел книгу о том, как победить систему при игре в «двадцать

одно» и старательно ее изучал. Джуди дал тысячу долларов, чтобы сыграла за любым столом. Она выбрала баккара. Себе я позволил поставить такую же сумму. К утру я стал богаче всего на сто долларов, в то время как Джуди выиграла шестнадцать тысяч. Это было унизительнее всего.

Большинство крупных контрабандистов, имевших дело с марихуаной, владело квартирами в Майами и Нью-Йорке. Мне хотелось того же. Из Лас-Вегаса мы полетели в Нью-Йорк, где забронировали номер в отеле «Плаза». Когда мы проходили регистрацию, прозвучало сообщение о смерти Элвиса Пресли. Мы нашли огромную квартиру в Павилион-билдинг на углу 77-й Восточной улицы и Йорк-авеню и заполнили ее атрибутами финансового успеха. На складе Эрни было полно мебели, которой мы могли воспользоваться. Еще он дал мне телефон оптового торговца марихуаной и гашишем в Нью-Йорке, Алана Шварца, обаятельного мультимиллионера, любимца модной тусовки Манхэттена. На Алана работала целая сеть дилеров с Манхэттена и команда водителей, возивших колумбийскую марихуану из тайников на побережье Флориды в Нью-Йорк. Он хорошо знал свое дело и, как никто другой, умел ввести новичка в светскую жизнь Манхэттена. Я познакомился с Аланом в его двадцать первый день рождения, который он справлял в «Режинз». Среди гостей были Марго Хемингуэй и Берни Корнфилд[29]. Пока еще манхэттенцы родом из Великобритании не приобрели клеймо «евромусора». Джон Леннон и Мик Джаггер, жившие в Ист-Сайде, иногда украшали нашу квартиру своим присутствием вместе со свитой. Прекрасные сестры Гиннесс, Сабрина, Миранда и Анита, часто заглядывали к нам, как и Джейн Бонем-Картер и Ребекка, дочь леди Антонии Фрейзер[30]. Я нанял на полный рабочий день чернокожего шофера Харви, который повсюду возил нас на длинном черном лимузине.

Со мной связался Мак-Канн: он едет в Нью-Йорк.

— Я даю ужин в ресторане «Элейнз». Придут охрененно важные персоны. Вы с Джуди тоже подгребайте. Я открою тебе путь, Гоф, короткий путь к высоким финансам.

В заведение «Элейнз» на 88-й улице хаживали знаменитые актеры. Мак-Канн сидел во главе стола на десятерых, за которым собрались самые разные люди, включая Факри Амади, возглавлявшего филиал «Херц» в Дубае, Эла Мэлника, яппи с Уолл-стрит, женатого на дочери Мейера Лански, и, к моему величайшему удивлению, Мухаммеда Дуррани. Мак-Канн, очевидно, познакомился с ним через Грэма и склонил на свою сторону. Дуррани представлялся как Майкл — это было одно из имен, которым пользовался наследный принц Афганистана. Его

громогласное «рад познакомиться» и выразительная мимика явно указывали, что он не хочет афишировать наши прежние отношения. Меня представили как Говарда ап Оуэна, лидера Уэльской националистической партии. Мак-Канн налил гостям шампанского, продолжая донимать Питера Устинова, сидевшего в одиночестве за соседним столом, приглашениями сыграть с ним в триктрак. Мы с Дуррани договорились встретиться на следующий день в моей квартире. Джуди приготовила ростбиф.

— Только не подумай, Говард, что я веду дела с этим сумасшедшим ирландцем. Шурину понадобился поддельный паспорт, а ирландец единственный, кого можно попросить о такой услуге.

— Я предложил Мухаммеду свою помощь. Он слышал кое-что о моих проблемах, но не придавал особого значения услышанному. Его люди по-прежнему отправляли товар самолетом из Карачи. Рауль занимался этим каждый день. На вопрос, как связаться с пакистанцем и согласится ли он вести со мной дела, Дуррани ответил, что на приличных условиях Рауль всегда готов заниматься бизнесом. Обещал потолковать с ним и договориться о встрече. Он также предложил мне встретиться с Сэмом Ливанцем, который через несколько недель приедет в его дом на Французской Ривьере.

Я позвонил Эрни и поведал о новых возможностях. Тот прилетел в Нью-Йорк первым же самолетом.

— Фантастика! Как скоро они смогут послать?

— Примерно через месяц или около того, Эрни. Я должен подумать.

— Так долго? Ну ладно. Я этим займусь, создам компании. Обстряпаем все, как в Непале. Кстати, ты не можешь помочь в сделках с Бангкоком? Что-то мои ребята зассали летать в Бангкок и обратно с информацией и деньгами. Их вечно достает американская таможня за таиландские печати в паспорте. У тебя есть какие-нибудь люди, с которыми можно работать?

Я позвонил Филипу Спэрроухоку. Через два дня он был в Бангкоке и передал Ричарду Кримболлу сумку с деньгами, которую забрал у Тома Сунде в Гонконге. Фил остался в Бангкоке на пару лет и завел свои дела с Ричардом Кримболлом и другими людьми, причастными к экспорту тайской марихуаны.

Мы с Джуди вылетели из Вашингтона в Париж на «Конкорде», а через несколько дней прибыли в Ниццу. Сняли номер в «Карлтоне», в Каннах. Я позвонил Дуррани и узнал от него, что Мак-Канна, вернувшегося в свой особняк из стекла и дерева на Брунсвик-Бич, в Ванкувере, арестовала канадская конная полиция. Очевидно, у нее имелись доказательства, что никакой

он не Джеймс Кеннеди из массачусетской династии, а Джеймс Мак-Канн, беглый преступник, скрывающийся от британского правосудия со времен побега из тюрьмы Крам-лин-Роуд. В освобождении под залог ему было отказано на том основании, что это противоречит интересам общества.

В доме Дуррани в Приморских Альпах я начал переговоры с Сэмом Ливанцем. Он был не прочь получать тридцать пять процентов от оптовой цены в Америке за гашиш, который отправит из Бейрута. Мы разработали систему связи. До начала поставок ливанского гашиша и встречи с Раоулом еще оставалось время. И мы с Джуди, взяв напрокат «мерседес», отправились колесить по Франции. Под конец заехали в Дордонь, где на переделанной под жилье мельнице обитал Патрик Лэйн. Он забросил разведение улиток, которые расползлись как-то ночью, и ему не терпелось вернуться к прежним, более прибыльным занятиям. Я всегда ценил компанию Патрика, как Грэм — его бухгалтерские таланты, и подумал, что он мог бы открыть несколько банковских счетов за границей. Хранение наличности в американских сейфах причиняло некоторые неудобства. Я предложил Патрику поездить по миру — за мой счет — разузнать побольше об офшорных банковских операциях и налоговых гаванях, а может, даже открыть несколько компаний и личных счетов.

Из Дордони мы с Джуди направились на юг и не смогли удержаться от искушения заглянуть в Альби. В центре города стоял собор, величественное сооружение, напоминающее крепость. В нем мы нашли статую Юдифи и усмотрели в этом окончательное подтверждение, что предназначены друг для друга[31]. Перебрались через Альпы в Милан и после прекрасной ночи в отеле при вилле д'Эсте, в Черноббио, рядом с Комо, пересекли швейцарско-итальянскую границу в Чиассо и поехали вдоль берегов озера Лугано. Остановились в отеле «Сплендид» в Лугано, этом европейском Рио-де-Жанейро. За завтраком в ресторане с видом на озеро Джудит сообщила мне, что беременна. Мы оба были счастливы. Но Джуди не собиралась рожать в Америке. Ей хотелось, чтобы малыш появился на свет в Англии. И поскольку беременным полеты противопоказаны, она подумала поселиться поближе к Лондону. А пока мы решили навестить деревушку на противоположном берегу озера, окаймленном великолепными горами.

Десять минут — и по мосту мы пересекли озеро, проехали ресторан под названием «Ля Романтика», селение, именовавшееся Биссон и натолкнулись на неохраняемый пограничный столб. Поверх надписи «Кампионе-ди-Италия» развевался итальянский

флаг. Машины проносились через границу в обоих направлениях, и я поехал дальше. Деревушка представляла собой причудливую смесь старинных и современных построек, и жители ее выглядели весьма состоятельными. По пути нам попалось большое казино. За деревней, где-то через милю, дорога делилась на две. Мы свернули влево, но вскоре были остановлены четверкой японцев-охранников. Правое ответвление заканчивалось теннисным кортом. Дикое, заброшенное место. Мы так и не смогли понять, где находимся—в Италии или в Швейцарии. И вернулись к центру деревни, чтобы отобедать в ресторане «Ля Таверна». Вышколенный официант усадил нас за столик на открытом воздухе. Его английский был столь же безупречен, как и его облик.

— Мы в Италии или Швейцарии? — спросил я.

— Мы принимаем валюту обеих стран, сэр. Любые деньги, любые кредитные карты. Пожалуйста, отведайте наши закуски.

— Но где мы? — упорствовал я.

— В Италии.

— Ты живешь здесь? — спросил я.

— Сейчас да, но я с Сицилии.

К ресторану подъехало такси. Из него вышел приятный пятидесятилетний немец в очках, а следом пестро одетый растафарианец, богатый бизнесмен-кокни, дама, напоминающая Софи Лорен, и тевтонская красотка-блонди. Здесь было полно любопытнейших персонажей. Я где-то читал, что главари мафии к мясным блюдам заказывают «Брунелло ди Монтальчино», и сейчас последовал их примеру. Мы поели и выпили от души.

Хотя из Кампионе-ди-Италия нельзя было двинуться дальше по итальянской территории, когда-то здесь существовал фуникулер, соединявший деревушку с ближайшими итальянскими горами, а по озеру от берега к берегу сновали лодки. Казино в деревне построил Бенито Муссолини. Секретный тоннель, о котором знали все, соединял казино с домом священника. Я был в восторге от Кампионе.

Мы с Джуди поездили по Швейцарии, открыли несколько банковских счетов, абонировали пару-тройку сейфов. В одном из сейфов Джуди спрятала паспорт на имя миссис Танниклифф. Сэм Ливанец уже вернулся в дом Дуррани в Приморских Альпах. И я двинулся из Женевы в Канны, а Джуди отправилась в Кампионе на поиски жилья. Сэм все уладил в Бейруте и брался отправить тонну гашиша в аэропорт Кеннеди. Том Сунде доставил в Цюрих деньги от Эрни, а я передал их Ливанцу в Женеве. Две недели спустя мы с Джуди справляли новоселье в Кампионе-ди-Италия в квартире на Виа Тотоне, откуда открывался головокружительный

вид на озеро и город Лугано, а также пики Сан-Сальваторе и Монте-Бре. Только что я заработал еще триста тысяч долларов. Сэм Ливанец полетел обратно в Бейрут, чтобы повторить успешную операцию.

Мак-Канн тем временем делал активные попытки выйти на свободу. Через средства массовой информации Ванкувера он заявил: «Предлагаю сделку: вы меня выпускаете, и дело с концом. Держать меня под арестом все равно что швырнуть камень в пучины ирландского насилия. Поднявшаяся волна смоет все». Представителю канадской иммиграционной службы Джеку Беттериджу он адресовал такой пассаж: «Господин Беттеридж, вы враг ирландского народа, и вас будет судить ирландский трибунал. И тебе, гребаная фашистская свинья, еще воздастся по заслугам».

Восторженные жители Британской Колумбии слушали, как из раза в раз Мак-Канн повторяет с экрана телевизора, что его арест инспирировала МИ-6 после того, как он раскрыл в Ванкувере организацию протестантов Ольстера, занимавшуюся контрабандой оружия. Он заявлял, что был членом официальной ИРА и представлял Шин Феин во Вьетнаме и Камбодже в 1960-е годы. Имея свидетельство о рождении на имя Джозефа Кеннеди, он старательно объяснял, что Джим — древняя гаэльская сокращенная форма имени Джозеф. Посольства Канады в Ирландии и Южной Америке получали угрозы. Наконец канадская конная полиция пошла на попятный. Джиму вернули поддельный паспорт и посадили на самолет до Парижа, где его видели в компании Аки Леманн, жены известного нью-йоркского банкира Робина Леманна, в модном парижском ночном клубе «Кастель».

В начале октября 1977 года мы с Джуди заперли квартиру в Кампионе и добрались с пересадками: с поезда на паром, с парома снова на поезд — до вокзала Виктория. Поселились в гостинице «Блэйкз» в Роланд-Гарденз и взялись за поиски подходящей квартиры в Лондоне. Джуди нервничала из-за того, что жилье придется снимать под чужим именем: если во время родов возникнут осложнения, все раскроется, и у меня возникнут крупные неприятности. За исключением нескольких швейцарских счетов, у нее не было ни одного банковского счета на настоящее имя. Нам следовало найти человека, готового снять для нас квартиру. Год назад, еще до отъезда в Америку, мы подружились с Ником Дугласом и Пенни Слингер, которые жили вместе в Челси. Оба были необычайно талантливы. Отдав дань изучению точных наук, Ник в начале 1960-х годов, занялся выпуском пластинок, был менеджером поп-групп, потом переехал в

Испанию и разработал новые методы использования солнечной энергии. Он изучал санскрит, тибетский язык, буддизм, индуизм и тантрическую йогу в Индии, на Тибете и в Непале в конце 1960-х годов. А в начале 1970-х углубился в гомеопатию, индийскую медицину и восточную алхимию. Опубликовал много книг о культуре и религиях Востока. Стал режиссером фильма «Тантра», который продюсировал Мик Джаггер. Пенни обладала самыми высокими почетными степенями в сфере изобразительных искусств. Ее работы в духе сюрреализма неоднократно выставлялись. Когда я с ними познакомился, они трудились вместе над несколькими проектами в области искусства и литературы. Я восхищался этими людьми, их работой и хотел бы помочь. Они ни разу не заикались о субсидиях, но я знал, что деньги им не помешают.

В конце октября, в больнице Святой Терезы, в Уимблдоне, Джуди родила мне дочь, слишком прекрасную, чтобы ей подошло хоть одно из тех имен, которые мы придумывали последние несколько недель. Шли дни, а девочка так и оставалась загадочно безымянной и таинственной, пока Пенни, пришедшая с Ником навестить Джуди, не заявила: «Она мне сказала, что ее зовут Эмбер[32]».

Это имя мы и назвали, когда пошли регистрировать рождение дочери в отделе записи актов гражданского состояния. В графе, отведенной для имени отца, записали: Альберт Уэйлон Дженнингс — имя солиста группы Laughing Grass. Много лет спустя, когда я сидел в тюрьме, Эмбер нашла свое свидетельство о рождении. Она как раз переживала подростковый кризис. Вряд ли подобное открытие ей сильно помогло.

Как-то в Лондоне я столкнулся с Салли Минфорд, сестрой Джона Минфорда, приятеля по театральному кружку Баллиола. Она теперь жила вместе с Майклом О'Коннелом, талантливым музыкантом и звукооператором. Они хотели открыть звукозаписывающую студию, требовался капитал. Я ссудил им денег, не раскрывая источника. Так в Пимлико появилась студия «Архипелаг», которая вскоре уже записывала известных исполнителей вроде Элвиса Костелло, заключала договоры с «Айланд рекорде».

На многолюдном сборище в Излингтоне судьба вновь свела меня с Энтони Вудхэдом. После моего исчезновения из пентхауса в Риджентс-парк он выкрутился, свалив вину на свою подружку из Чехословакии — заставил признаться, будто это она сдала мне пентхаус без его ведома. Я еще не видел человека, которому бы так полегчало от встречи со мной. Он провел год в Сан-Франциско и подружился с продажным офицером таможни США,

который брался очистить от пошлин любой груз, прибывающий рейсом «Пан-Американ». Вудхэд спросил, не знаю ли я кого-нибудь, кто мог бы экспортировать гашиш. Я ответил, что знаю кое-кого в Ливане и еще в Таиланде. Мы договорились на простых условиях: он и его друг оплачивают половину стоимости в Ливане (или Таиланде); мой человек и я получаем половину денег от продаж в Сан-Франциско.

Вторая сделка Сэма Ливанца с Доном Брауном в Нью-Йорке провалилась. Сэма арестовали в Бейруте прямо перед отправкой еще одной тонны гашиша. В Нью-Йорке шло расследование, но ни Дона Брауна, ни людей мафии не допрашивали. Бизнес можно было продолжать, выждав какое-то время и отработав схему. Грузы, прибывающие в Нью-Йорк из страны, где производят наркотики, автоматически брали на подозрение. Ни Бангкок, ни Бейрут больше не должны были значиться в накладной как аэропорт-отправитель. Если бы в документах фигурировали эти названия, американская таможня обязательно бы арестовала груз. Фил Спэрроухок летал в Бангкок и обратно то с одним, то с другим заданием. Происхождение товара изменить было сложно. На какое-то время авиапоставки из Таиланда в Нью-Йорк приостановились. Но что мешало доставить груз откуда-нибудь еще в Сан-Франциско?

Дуррани приехал в Лондон обсудить последствия ареста Сэма Ливанца. Он пригласил меня к себе в Даличе. Поблагодарил за английский паспорт для шурина и посоветовал сменить документы: Сэм знал, что я живу по паспорту Танник-лиффа. Спросил, не могу ли я пристроить его сына в Оксфорд. Мол, за деньгами он не постоит.

— За деньги в Оксфорд не попасть.

— Но здесь, в Лондоне, я встречаюсь со многими богатыми людьми, и у всех дети учатся в Оксфорде.

— Это потому, что богатые люди могут отправить детей в дорогие частные школы. Оттуда легче попасть в Оксфорд: учителя и условия лучше, и есть закрытые стипендии в Оксфорд и Кембридж.

— Что это такое?

— В некоторые места в Оксфорде могут поступить только те, кто посещал дорогую частную школу.

— А ты знаешь названия этих школ?

— Некоторые знаю. Итон, Харроу, Уинчестер...

— Помоги, пожалуйста, моему сыну поступить в одну из этих школ.

— Сделаю все возможное. Мухаммед, можно ли отправить товар из Карачи таким маршрутом, чтобы таможенники

посчитали, будто он прибыл из какого-нибудь другого места? И еще один вопрос: можно ли в Карачи погрузить товар на рейс «Пан-Американ»?

— На этой неделе Раоул приедет в Лондон. Мы покупаем гостиницу в Найтсбридже. У него и спросишь.

Раоул был полон оптимизма:

— Рейс «Пан-Американ» в Сан-Франциско не проблема. Что касается Нью-Йорка, тут есть несколько способов. Два могу изложить прямо сейчас. Доставляем товар из Карачи в Дубай морем, а дальше отправляем рейсом любой авиакомпании. Но придется заплатить людям на судне. Есть и другой способ. Мы грузим товар на рейс «Пакистанских международных авиалиний» из Карачи, но из авианакладной будет следовать, что груз транзитный, в Карачи прибыл откуда-то с Дальнего Востока, куда летают самолеты ПМА, скажем, из Сингапура или Гонконга.

Дон Браун все еще выжидал, зато человек Энтони Вудхэда в Сан-Франциско был наготове. Дон Браун заплатил Вудхэду установленный задаток в сто тысяч долларов. Я отвез деньги Мухаммеду Дуррани в Далич и дал ему адрес, на который следует отправлять гашиш в коробках под видом хирургических инструментов. Меньше чем через две недели Вудхэд позвонил мне на квартиру в Ричмонде и сказал, что все прошло без проблем. Не могу ли я приехать в Сан-Франциско, чтобы забрать свою долю и долю Раоула и познакомиться с его дружком из таможни? Я сказал, что приеду, как только получу новый паспорт.

Мне позарез требовался паспорт на чужое имя, такой же надежный, как выданный на имя Танниклиффа и, возможно, засвеченный из-за ареста Сэма Ливанца. Я поделился своей проблемой с Ником Дугласом, и тот вспомнил, что знает человека в Норфолке, который готов продать привилегию быть владельцем паспорта.

Весной 1978 года, рано утром, мы с Ником поехали в Норидж, где мне продали паспорт на имя Дональда Найса. К концу марта я превратился в мистера Найса. «Мое настоящее имя Дональд, но, пожалуйста, зовите меня Альби» и получил все документы, чтобы это доказать.

Патрик Лэйн вернулся из своего мирового турне, предпринятого с познавательными целями. Он разнюхал достаточно о банковских операциях с «горячими деньгами». Никаких практических шагов пока не предпринимал. Только открыл пять текущих счетов в Монреале по причинам, которые толком изложить не мог. Зато приобрел загар и богатую библиотеку по налоговым гаваням. Большинство книг он проштудировал и был в состоянии сделать все, о чем я просил.

Я все больше времени проводил с Ником Дугласом и Пенни Слингер и проникался все большим интересом к эзотерической восточной практике. Узнал несколько прекрасных людей, в том числе известного психиатра Р. Д. Лаинга и создателей бестселлеров Лайалла Уотсона и Робина Уилсона[33]. Никау и Пенни становилось все сложнее распоряжаться гонорарами от продажи ее картин и доходами его медиа-проектов, покупки, экспонирования и продажи восточных древностей. Я свел их с Патриком, который теперь арендовал нашу квартиру в Кампионе вместе с женой и дочкой и открыл консалтинговую фирму «Оверсиз юнайтед инвесторз». Кампионе стал одной из лучших офшорных зон в мире. Патрик произвел должное впечатление на Ника и Пенни, основав три офшорных компании: «Септер холдингз», на Каймановых островах для операций с антиквариатом Ника; «Бакингем холдингз», на принадлежащих Британии Виргинских островах, для получения всех гонораров; «Уорлдвайд энтертейнментс», в Монровии, столице Либерии, для ведения всего аудио-, видео- и информационного бизнеса. Все компании имели счета в цюрихском «Коммерц банке». Дональд (Альби) Найс числился управляющим «Уорлдвайд энтертейнментс» и консультантом двух других компаний.

У мистера Найса появились законные основания для деловых поездок по всему миру. Я начинал чувствовать себя неуязвимым, и на лице моем не дрогнул ни один мускул, когда я вошел в посольство Соединенных Штатов на Гросвенор-сквер, представил паспорт мистера Найса, документы компании и спросил, не выдадут ли многоразовую визу на неограниченный срок как можно скорее. Я получил ее в тот же день.

Оставив Эмбер и Джуди в Ричмонде, я полетел в Нью-Йорк и перевел квартиру на 77-й улице на «Уорлдвайд энтертейнментс». На следующий день в сан-францисском отеле «Марк Хопкинс», в Ноб-Хилл, я ожидал Вудхэда с миллионом долларов, четверть из которого причитались мне, а остальные принадлежали Дуррани и Раоулу. Вудхэд не пришел. Я прождал неделю и оборвал телефон, выясняя, где он. Энтони исчез.

Большинство людей, промышляющих контрабандой гашиша, придерживаются правила: если поставку накрывают власти, акционеры теряют свои инвестиции, оплачивают любые расходы, и никто не несет ответственности за потерю. Существует и другое неписанное правило: если налицо обман, акционеры не теряют своего капитала, им выплачивают их прибыль, а всю ответственность несет человек, которого кинули. И в этом есть своя логика. В беспокойные времена надо объединиться против врагов, в спокойную пору — платить зато, что доверился

ненадежному человеку. Большинство преступных организаций придерживаются таких принципов. Однако многие, особенно сицилийская мафия, а также банды южного и восточного Лондона, снимают ответственность с того, кого кинули, если он убьет кидалу. Этот принцип отлился во фразу: «Либо тело на полу, либо тело в суде». Только такой крайний шаг оправдывает неплатеж. Ужасный выбор служит средством устрашения, потому что личность кидалы обычно известна. В нормальном обществе до крайних мер обычно не доходит, потому что шансы отыскать обманщика крайне невелики. Итак, мне предстояло отдать семьсот пятьдесят тысяч долларов Раоулу и Дуррани. Я мог заплатить такие деньги, но это бы несколько отбросило меня назад. В Лондон мистер Найс вернулся несчастным и уязвимым.

И тут напомнил о себе Эрни. Дон Браун и мафия были снова готовы принимать груз в аэропорту Кеннеди. Эрни продиктовал, что нужно писать на накладной. Он согласился с тем, чтобы товар отправляли морем в Дубай, а оттуда на самолете в Нью-Йорк. Что, черт возьми, я мог сделать? Поехал повидаться с Дуррани в Далич и рассказал ему все как есть. Что касается него, сказал Дуррани, он будет ждать своей доли, пока я не свяжусь с Вудхэдом, сколько бы времени ни потребовалось. И Раоул, несомненно, все поймет. Я позвонил Дуррани на следующий день. Плачущий женский голос сообщил, что он в Вестминстерской больнице, оправляется после сердечного приступа. Я поехал туда. Дуррани был плох: бледный, словно привидение, голоса почти не слышно. У его кровати сидел человек, по виду афганец.

— Говард, номер счета Раоула на этой бумаге, — прошептал Дуррани, — если будут проблемы, обращайся к этому джентльмену, Салиму Малику, он тоже из Карачи и в нашем бизнесе. Пожалуйста, отправь комиссионные на мой банковский счет в Амстердаме, он тоже здесь записан.

Малик протянул мне свою визитную карточку. Лицо его оставалось неподвижной маской.

— Вам нравится Лондон, мистер Малик? — спросил я.

— Я приезжаю сюда с 1965 года. Мне нравится Гайд-парк. Лондон — хорошее место. Англичане — хороший народ. Я прибыл сюда, потому что завтра должен встретиться с другом, а затем лечу обратно в Пакистан.

— Тогда, до завтра! Поправляйся, Мухаммед. Очень приятно было познакомиться, мистер Малик.

Приехав на следующий день в больницу, я узнал, что ночью Дуррани умер от сердечного приступа. Ему было сорок два.

С Раоулом я встретился в Карачи в холле отеля «Интерконтинентал». Это было мое первое посещение страны, в

которой производился гашиш. Наверху, в номере Раоул достал из кармана две толстенные пачки пакистанских рупий и кусок гашиша:

— На траты и для удовольствия. Ну, как все?

Я робко объяснил положение вещей.

— Мистер Найс, я разумный человек, но я уже расплатился со своими людьми. Ведь ты сказал, что груз прибыл в Сан-Франциско. У меня туго с деньгами. Чтобы утрясти кое-что, нужно пятьсот тысяч долларов. Давай рассчитаемся, и я подберу корабль для доставки гашиша в Дубай.

Мне пришлось раскошелиться. Патрик Лэйн, который теперь выпускал еженедельный информационный бюллетень «Офшорный банковский отчет» и распоряжался большой долей моих денег, позаботился, чтобы пятьсот тысяч долларов пришли на счет Раоула в Женеве. Я объяснил Раоулу, как заполнить авиагрузовую накладную, и несколько дней проторчал в «Интерконтинентале», дожидаясь, когда зазвонит телефон. Раоул позвонил и привез авианакладную, как только груз был готов к отправке из аэропорта в Дубае. Я проверил детали, записал закодированный номер накладной и вылетел в Цюрих, откуда связался с Эрни. Через несколько дней Эрни позвонил мне в Лондон:

— Все нормально. Думаю, ты хочешь, чтобы брат Джуди, Патрик, позаботился о деньгах, да? О'кей. Отправим через две недели.

Ник и Пенни познакомили меня с Питером Уайтхедоч, который снял фильм о выступлении поэтов-битников в Альберт-Холле в 1965 году, и картину «Давайте сегодня вечером все займемся любовью в Лондоне». Уайтхед арендовал два верхних этажа над заведением «Пицца экспресс» на углу Карлисл-стрит и Дин-стрит, в Сохо, и хотел продать право на аренду. Я подумал, что это место как нельзя лучше подходит для штаб-квартиры «Уорлдвайд энтертейнментс» мистера Найса. Дом стоял в ультрамодном центре развлекательной индустрии Лондона, всего в нескольких метрах от офиса Пола Маккартни на Сохо-сквер, того места, где жил Карл Маркс, и квартиры Лу-лу. Верхний этаж спешно переделали под жилье, нижний — п >д офисы. Я перевез Джуди с Эмбер на новую квартиру и полетел в Пакистан, чтобы повторить успешную операцию.

Я снова остановился в гостинице «Интерконтинентал», но на сей раз в городе-крепости Лахоре. Надолго отлучаться из номера было нельзя: мог позвонить Эрни и отменить сделку. Тем не менее я успел взглянуть на знаменитую скульпту ру голодающего Будды в местном музее и пушку Кима, которую обессмертил

своим романом Редьярд Киплинг. Снова ьсе прошло гладко, и через пару недель я вернулся в Лондон. Я снова был в плюсе.

В следующую мою поездку отель «Холидей инн» в Исламабаде предоставил мне телефон. На этот раз поездка затянулась из-за массовых волнений. Зульфикара Али Бхутто, премьер-министра Пакистана, обвинили в фальсификации выборов в пользу его Народной партии. Начались беспорядки. Бхутто ввел военное положение, но был арестован своим ставленником генералом Зия-уль-Хаком, главнокомандующим армии Пакистана. Суд Лахора приговорил Бхутто к смертной казни, и его держали в тюрьме в Равалпинди, близ Исламабада.

У меня была куча гашиша, немерено пакистанских рупий и несколько дней свободного времени. Раоул посоветовал смотаться в Муррей-Хилл-Стейшн на границе с Кашмиром, в нескольких часах езды от Исламабада. Иностранцам не сдавали в аренду автомобили, поэтому я договорился частным образом с местным водителем такси, который немного говорил по-английски. Мы ехали плохими дорогами по подножиям Гималаев. Кругом простирались целые поля индийской конопли, я вдыхал ее запах. Огромная, полуметровой длины ящерица, похожая на доисторических рептилий, проворно перебежала нам путь и скрылась в зарослях конопли. Такси застыло на месте. Водитель, указывая туда, где исчезло животное, кричал:

— Кроу! Кроу!

— Что это? — спросил я.

— Это кроу, мистер Найс, лучший друг ночных грабителей.

— Не понимаю.

— Хотите заглянуть к моему двоюродному брату, мистер Найс? Я вам покажу.

— С удовольствием, — сказал я, расположенный к любым приключениям с друзьями ночных грабителей и двоюродными братьями.

Мы свернули на проселок, проехали несколько километров и остановились рядом с пыльными желтыми строениями. Из дыры в стене вышел старик, одетый в яркое тряпье, и что-то проворчал таксисту.

— Это Мухаммед, мистер Найс. Он рад познакомиться с вами, мистер Найс.

Они принялись болтать на каком-то непонятном языке и жестом пригласили меня во двор, обнесенный стеной, который просто кишел кроу всех размеров. По сигналу Мухаммеда один из пакистанцев поймал большую ящерицу за хвост, приложил вертикально к высокой стене и отпустил. Кроу приклеился к тверди. Пакистанец вскарабкался по нему, как по лестнице. Я

понял, почему кроу — лучший друг — ночных грабителей, но все же с трудом представлял, как можно обнести дом на пару с гигантской ящерицей. Мне следовало курнуть.

Мы поехали дальше к Муррей-Хилл-Стейшн, завернув на ленч в гостиницу «Сесил», которой управлял пакистанец, прекрасно говоривший по-английски. Муррей напоминал старый лыжный курорт, оснащенный примитивными фуникулерами, но снега я не увидел, и было непохоже, что он вообще там когда-то лежал. Зато имелась пивоварня, выпускавшая напиток «Лондон лагер». Это было лучшее бутылочное пиво, какое я пробовал в жизни, обязанное своим качеством неукоснительному соблюдению столетнего английского рецепта. В старину знали, как варить пиво.

По возвращении в «Холидей инн» ко мне заглянул Раоул и дал авиагрузовую накладную на новую партию гашиша, готовую к отправлению из Дубая. Я вылетел в Париж и заночевал в гостинице «Эльзас» на улице Изящных Искусств, где провел свои последние дни Оскар Уайльд. Позвонил Эрни. Он плохо себя чувствовал из-за хронической болезни щитовидной железы и спросил, не могу ли я все проконтролировать в Нью-Йорке. Все проконтролировать означало забрать пару миллионов долларов у Алана Шварца, как только тот продаст гашиш, и передать Дону Брауну четверть этой суммы.

Самолет «Эйр Франс» доставил меня в Нью-Йорк, где я принял душ в квартире на 77-й Восточной улице и встретился с Доном Брауном в ресторане «Мортимерз», которым управлял англичанин Джон Бимиш. Это заведение в Верхнем Ист-Сайде было популярно среди торговцев кокаином и экстравагантной богемы. Дон, полный, рыжеволосый мужчина в очках с толстыми стеклами, был общителен и сыпал банальными остротами. Как-то не верилось, что он заправляет криминальной кухней в аэропорту Кеннеди. На следующий день он познакомил меня с приятелем, итальянцем по имени Вилли. Мы ужинали в ресторане «У Николя», куда стекались гангстеры, актеры и клиенты ЦРУ. На стене рядом с обложками недавно выпущенных книжек о мафии, висели предупреждения, что здесь принимают только наличные.

— Так ты тоже Дон, а? — произнес Дон Браун, стараясь сгладить неловкость и заставляя меня гадать, уж не пустил ли он за мной своих людей.

Возможно, Эрни сказал ему, что я мотаюсь по миру под именем Дональда Найса и прусь от этого. Не предполагалось, что мы будем раскрывать друг другу такие подробности, но тем не менее. Сообщил же мне Эрни, что фамилия Дона Браун[34].

— Лучше быть Найсом, чем Брауном. Дон захохотал во все

горло.

— Мистер Найс, мы разделались с нашим дерьмом, и еврейский парень Алан его получил. Когда будете отдавать деньги мне и Дону, не хотелось бы пересчитывать это гребаное дерьмо. Мы не любим мелкие купюры. Твое дерьмо из Дубая весило ровно две тысячи триста восемь фунтов, значит, ты должен мне пятьсот семьдесят семь тысяч долларов. Я получу их прежде, чем какой-либо сосунок получит десятицентовик. Возражений нет?

— Если это те условия, на которых работал Эрни, то я согласен, Вилли.

— Те самые. Передашь деньги Дону.

Дон все еще ржал.

— Как же тебя угораздило заиметь такое имечко, Найс, ради Христа?

— Выбрал, Дон. Готов поспорить, фамилию Браун ты не выбирал, не так ли?

— Правильно думаешь. Ладно, пора идти. Я буду в гостинице «Пьер», пока не принесешь деньги.

— А в какой номер, Дон?

— Не знаю. Спроси мистера Нэсти[35].

Дон Браун сдержал слово, и мистер Найс, получив картонные коробки с грязными долларами от Алана Шварца, отнес мистеру Нэсти его долю.

В Бангкоке накапливалась тайская марихуана, и следующую поставку Эрни хотел получить оттуда. Я только вложил деньги. Фил Спэрроухок теперь тоже получил такую привилегию. Тонна тайской дури покинула Бангкок и пропала. Никто из людей Дона Брауна или тех, кто работал на Ричарда Крим-болла в Бангкоке, не могли ее вычислить. В итоге она обнаружилась в грузовом ангаре аэропорта Шарля де Голля в Париже. Груз «швейных машин, возвращаемых по гарантии», не привлек ненужного внимания, но их ни за что не удалось бы доставить в Нью-Йорк на рейсах «Алиталии» или «Японских авиалиний». Я нашел решение: нью-йоркская компания отправляет большую партию настоящих швейных машин вновь созданной компании в Риме; римская фирма приходит к выводу, что швейные машины никуда не годятся, и решает возвратить их по гарантии, нью-йоркская компания инструктирует своих людей в «Алиталии», как объединить парижскую и римскую поставки в Риме и переслать их в Нью-Йорк.

Я остался в Нью-Йорке. Эрни хотел получить еще одну партию из Бангкока. Операция провалилась. Управление по контролю за соблюдением законов о наркотиках накрыло груз в

Нью-Йорке и арестовало шестнадцать ньюйоркцев, которые якобы являлись ключевыми фигурами организации Дона Брауна. Ближайшим рейсом я вылетел из Нью-Йорка.

По счастливой случайности самого Дональда Брауна не взяли, как и итальянца Вилли. Я мог по-прежнему оставаться мистером Найсом. Но авиапоставкам в Нью-Йорк пришел конец. Между 1975 и 1978 годами через аэропорт Кеннеди прошли двадцать четыре партии марихуаны и гашиша, всего двадцать две с половиной тонны. К их ввозу приложили руку мафия, якудза, Братство вечной любви, таиландская армия, Организация освобождения Палестины, пакистанские вооруженные силы, непальские монахи и прочая разношерстная братия. Общая прибыль всех участников составила сорок восемь миллионов долларов. Неплохие деньги.

Нас с Джуди навестила в Лондоне ее сестра, Наташа, которая провела несколько месяцев на яхте в Средиземном море и познакомилась с моряком-калифорнийцем по имени Стюарт Прентисс. Парень занимался контрабандой гашиша. Они поделились своими секретами, и Стюарт выразил желание познакомиться со мной. У него было судно, на котором он собирался доставить в Шотландию груз гашиша. Он владел бизнесом по прокату яхт на Керрере, небольшом острове в нескольких милях от Обана, и был уверен, что может привезти гашиш, не привлекая внимания властей. Оставалось только найти поставщиков на средиземноморском побережье. Сэм Ливанец все еще сидел в тюрьме, поэтому я вышел на Эрика узнать, не остался ли у него кто-нибудь в Ливане. Никого не осталось. В Бейруте стало очень неспокойно: людей убивали на войне, другие эмигрировали, качество гашиша значительно ухудшилось, на экспорт шел героин. Однако Эрик знал одного марокканца по имени Шариф, с которым, правда, еще никогда не имел дела. Шариф обещал за справедливую цену поставить тонну гашиша на яхту, стоящую на якоре на некотором расстоянии от берега рядом с Эль-Хосеймой. Мы принялись за дело.

Операция не доставила лишних хлопот. В конце 1978 года яхта Стюарта доставила тонну марокканского гашиша на его отдаленный шотландский остров. Каждый день в течение недели сто пятьдесят килограммов груза доставляли в Лондон и продавали.

Ничего не было арестовано; всем заплатили. Но когда я заговорил о том, чтобы повторить операцию, Стюарт попросил отсрочки. С него было довольно одной сделки в год. Я согласился подождать. С вырученных денег Джуди купила квартиру на Каткарт-роуд, в Челси. Мы начали приводить эту квартиру в

порядок.

Настало время вложить деньги «Уорлдвайд энтертейнментс» в законный бизнес. Так и не развив в себе особого таланта к рокмузыке, я считал своим долгом поддерживать чужие дарования. На рождественской вечеринке меня познакомили с П. Дж. Проби и Томом Бейкером. Проби пел на демо-дисках для Элвиса, гастролировал с Beatles в шестидесятые, имел в своем активе несколько хитов, записанных в Англии, и концертов в Уэст-Энде. Том Бейкер, друг Проби, играл в фильме «Вирджинец» и теперь работал кинорежиссером. Он искал подходящего менеджера для Проби, кого-то с деньгами и звукозаписывающим оборудованием. Мистер Найс предложил свои услуги.

Средства массовой информации вот уже четыре года обо мне практически не упоминали. Но в июле 1979 года стало очевидным, что прессу ознакомили с секретным отчетом старшего суперинтенданта Филипа Фэйрвезера о моем исчезновении в 1974 году. Ведущий криминальный обозреватель Великобритании Дункан Кэмпбелл написал об этом в «Нью стейтсмен». Из публикации следовало, что Фэйрвезера вызвал юрисконсульт МИ-6 Бернард Шелтон. По утверждению Шелтона, «агент МИ-6, учившийся с Марксом в Баллиоле, вышел на него, чтобы использовать принадлежавшую Марксу компанию «Анна-Белинда», а также его магазин в Амстердаме для прикрытия секретных операций. Позднее, узнав, что Маркс по роду деятельности имеет доступ к ценной информации, попросил его сообщить сведения о Временной ИРА».

В то время я не придал статье много значения, но это был первый раз, когда представитель британских властей признал, что я работал на МИ-6 и что меня просили шпионить за ИРА.

Джим Мак-Канн недолго отдыхал во Франции от борений с канадской иммиграционной службой, на которые его вдохновили СМИ. Сводный отряд французской и немецкой полиции арестовал Кида в особняке на Ривьере. Он оказался в печально известной тюрьме Ле Бометт, в Марселе, и был дан ход процессу по экстрадиции Джима в Германию, где его собирались судить за теракт на английской военной базе в Менхенгладбахе в 1973 году. К счастью для Мак-Канна, французская общественность была обеспокоена тем, что страна уже не может претендовать на роль надежного убежища для политэмигрантов и с готовностью уступает требованиям об экстрадиции. Не так давно французское правительство выдало Германии Клауса Круассана, адвоката террористической организации «Баадер-Майнхоф». Итальянцы добивались выдачи активиста «Красных бригад», испанцы хотели заполучить члена баскской сепаратистской организации ЕТА, но

их планам помешали поборники права инакомыслящих на политическое убежище. Защищать Мак-Канна взялись те же самые марсельские адвокаты, которые преуспели в деле ЕТА. Своим адвокатам Мак-Канн поведал, что он не Джеймс Кеннеди, но Джеймс Мак-Канн, человек, собиравший средства для ИРА. Коммунистической газете «Либерасьон» он сплел другую историю про Питера Джозефа (Джима) Кеннеди, и он был безобидным журналистом-нелегалом. Организация «Комьюнист интернасьонель», троцкистская профсоюзная группа, отстаивала интересы Мак-Канна, утверждая, что речь идет о un scandale judiciare et politique[36]. Мак-Канн был очень доволен и сделал следующее заявление:

«Camarades. Je suis tres touche par votre solidarite..Mes circonstances personelles sont le resultat d'une conspiration entre les services secrets anglais et allemands de l'Ouest, tumeur fasciste au coeur de l'Europe democratique[37]. Ваш в сражении Джеймс Кеннеди (Мак-Канн)».

Французы сдались по примеру канадцев. Они отказались выдать Мак-Канна Германии на том основании, что подрыв британской военной базы был актом политическим. Джиму предоставили политическое убежище. Мы встретились в «Ля Куполь» на Монпарнасе, в Париже.

— Кид превратился в гребаную легенду, Гоф, в гребаную легенду. Теперь у меня едят с руки все эти гребаные троцкистские любители улиток. Никто меня и тронуть не посмеет. У меня политическое убежище. Но мне нужен гребаный хлеб, чувак. Марсельские адвокаты меня обчистили. Ты все еще занимаешься наркотой, Гоф?

— Нет, Джим. Я воспользовался твоим советом. Теперь я финансовый аристократ.

— Да иди ты на хуй. Я знаю, что ты по-прежнему торгуешь наркотой. Нужно, чтобы ты отправил мне нордель из Кабула.

— Сколько? Пары унций хватит?

— Мне нужна половина гребаной тонны по крайней мере, ублюдок ты валлийский.

— Значит, у тебя есть люди в парижском аэропорту?

— Я могу найти людей где угодно, Гоф. Ты знаешь это. Но мне нужно, чтобы ты отправил нордель в Ирландию.

— Куда? Опять в Шаннон?

— В Дублин. Он ближе к твоему гребаному валлийскому парому. У тебя есть люди в Кабуле?

— Все те же, знаешь ли. Почему ты их сам не попросишь?

— Ну, Дуррани умер, ёб твою, а этот ублюдок Раоул думает, что я его кинул.

— В самом деле?

— Ну да, я его надрал. У меня были проблемы, чувак. Лучше тебе его попросить, Гоф.

— Если я попрошу Раоула отправить наркотики в Ирландию, он поймет, что это для тебя, и откажется. Но у меня есть человек в Бангкоке.

— Где это, ёб твою?

— Столица Таиланда.

— Никогда не слышал об этом гребаном месте.

— Раньше он назывался Сиам.

— Ну и что с того, ёб твою? Мне нужен нордель, а не кошки.

— Джим, нордель из Таиланда, тайские бошки, один из лучших в мире.

— Я знаю, что такое гребаные тайские бошки, тупица ты валлийская. Вчера вечером их курил.

— Тогда я тебе их и отправлю.

— Ладно, Гоф, но быстро и без закидонов.

Фил Спэрроухок все еще жил в Бангкоке. Я полетел туда повидаться с ним и осчастливил своим присутствием гостиницу «Хайят Рама» под именем мистер Найс. Фил познакомил меня с Робертом Кримболлом, компаньоном Эрни из Братства вечной любви. Отправка тайских бошек в Ирландию из аэропорта Бангкока не предвещала никаких трудностей. Урожай марихуаны уже собрали и высушили. Существовала одна проблема: марихуану еще не привязали к палочкам, и для этого требовалось некоторое время. Роберт опасался, что если тайская марихуана не будет, как положено, обвита вокруг пятнадцатисантиметровой палочки, на рынке возникнет недовольство. В Америке, возможно, и возникнет, возразил я, но Англия другое дело: если трава тебя торкает, какая разница?

Я остался в Бангкоке всего на одну ночь, затем отправился в Гонконг. Мистер Найс должен был снять деньги со счета из банка в Гонконге и Шанхае. Фил полетел со мной, и я отдал ему деньги. После Гонконга был Цюрих, а затем поездка на поезде до Лугано на свидание с Джуди и Эмбер. Мы переезжали в Кампионе-ди-Италия. За несколько месяцев до этого Патрик Лэйн переселился в Ирландию и перевел туда свой консалтинговый бизнес. Он пока не заработал ни цента, но близкое соседство Лэйна, обосновавшегося на Изумрудном острове, могло оказаться полезным.

Мак-Канн снял шикарный дом рядом с замком Фицпатрика в Киллини, дублинском Беверли-Хиллз. Мы с Джуди и Эмбер и переехали в этот дом на неделю. Схема сработала без сбоев, и Мак-Канн пригнал большой фургон, набитый жестянками с

тайской марихуаной. Всего семьсот пятьдесят килограммов. Как и в старые, шаннонские деньки для перевозки марихуаны из Ирландии в Англию или Уэльс я прибег к помощи старых друзей. И согласился также использовать двух дружков Фила, которым тот обещал подкинуть работенку.

В общей сложности курьеры пятнадцать раз переправлялись на пароме через пролив. Тайская марихуана занимала гораздо больше места, чем гашиш, и каждая машина могла перевозить только пятьдесят килограммов. В последнем заезде участвовали два приятеля Фила, один из которых, англичанин Эдди Клэмп был футболистом международного класса. В Ливерпуле их арестовало Управление таможенных пошлин и акцизных сборов Ее Величества. Для властей это был первый тревожный звонок, сигнал о том, что большие партии наркотиков поступают через Ирландию. Способ ввоза остался неизвестен.

— Провернем еще одну сделку, Гоф, но больше никаких долбаных воров, шотландских футболистов третьего дивизиона и академиков на этом гребаном уэльском пароме. На этот раз Кид все провезет.

— Каким образом?

— Как бананы.

— Бананы?

— У нашего Джерарда фруктовая компания. Каждый день, ёб твою, они возят фрукты из Южной Ирландии в Северную. Из Северной Ирландии они везут их в Шотландию.

— А разве их не останавливают и не обыскивают, Джим?

— Послушать вас, англичан, так Северная Ирландия ничем не отличается от той же гребаной Шотландии[38]. Какая там может быть таможня? Я считал тебя гребаным наркоконтрабандистом. Такие вещи ты должен знать, чувак.

— Я говорю о сухопутной границе между Южной и Северной Ирландией.

— Нет там никакой сраной границы.

— Я знаю, но есть таможня и проводят обыски, разве нет? Как на уэльском пароме.

— На хуй уэльский паром! Ни один ублюдок не будет обыскивать Кида. Если каждый день ребята перевозят оружие для битвы, а фермеры своих свиней, чтобы получить большие субсидии, я уверен, ёб твою, что какие-то долбаные бананы смогу перевезти.

Фил отправил еще один груз из Бангкока в Дублин. Поздним летним утром я сидел в машине, взятой напрокат, сразу на выезде с паромного терминала в Странраре на западном побережье Шотландии, дожидаясь парома из Ларна. На нем

должен был находиться грузовик Мак-Канна. Джарвис сидел в большом фургоне на автостоянке в миле отсюда. Все автомобили съехали. Грузовика не было. По номеру Джима в Киллини никто не отвечал. Я тронулся обратно в Лондон, слушая автомобильный радиоприемник. В полуденных новостях передали, что большой автопоезд, направлявшийся на север от доков в Корке с грузом южноамериканских бананов, заехал на придорожную стоянку у главной магистрали к югу от Дублина. На стоянке уже был припаркован арендованный фургон. Влюбленная парочка, миловавшаяся на другом конце стоянки, увидела, как из обоих автомобилей вышли люди и стали разговаривать. Заметив, что за встречей наблюдают посторонние, один из водителей рявкнул с сильным белфастским акцентом: «А ну, валите отсюда!»

Влюбленные ушли и позвонили в полицию. На стоянку приехала патрульная машина. Мак-Канн наставил на полицейских револьвер. Коп вышел из машины и выбил оружие из руки злоумышленника. Мак-Канн запрыгнул в автомобиль и въехал в ограду. Когда его повязали, он все орал: «Я сделал это для Ирландии!»

Группа ирландских минеров вскрыла двери грузовика. Бомбы там не оказалось — только двадцать один ящик из-под чая, заполненный тайской марихуаной, самая крупная партия из арестованных в Ирландии.

МИСТЕР НАЙС

В конце семидесятых почти все двадцать восемь тонн марихуаны, которые выкуривали американцы, прибывали из Колумбии. Каждый месяц большие грузовые корабли из колумбийских портов, принявшие на борт несколько сот тонн товара, вставали на якорь за много километров от береговой линии южной Флориды. А оттуда флотилия мелких суденышек развозила дурь, по нескольку тонн за рейс, на частные стоянки и дикие пляжи. Часть марихуаны продавали во Флориде, остальную сбывали за пределами штата.

Замысел операции принадлежал Санто Траффиканте-младшему, главе флоридской мафии. Траффиканте унаследовал место отца, который был партнером босса нью-йоркской мафии Сальваторе Лучиано по кличке Счастливчик. В 1946 году Траффиканте открыл на Кубе несколько казино, но когда пришедший к власти в 1959 году Фидель Кастро потеснил мафию, Санто посадили в тюрьму. По какой-то причине Кастро позволил Траффиканте покинуть Кубу со всеми деньгами. Когда Санто вернулся в Америку, ЦРУ заплатило ему, чтобы он убил Кастро. Траффиканте взял деньги и предупредил Фиделя. Как утверждает глава чикагской мафии Сэм Джианкана, после этого Траффиканте попросили убрать президента Кеннеди.

Так или иначе, Траффиканте знал свое дело, и колумбийская марихуана поступала в таких количествах, что оптовая цена начала резко падать. Покупателям захотелось чего-то новенького. В итоге тонны марихуаны продавались на улицах Майами и Форт-Лодердейла по бросовой цене — четыреста долларов за килограмм, в то время как килограмм гашиша и тайских бошек стоил две тысячи долларов.

В Лондоне ситуация была иной. Марокканский и пакистанский гашиш продавались в любых количествах по шестьсот фунтов за килограмм, и примерно столько же стоила любая приличная марихуана. Всегда удавалось заработать на контрабанде гашиша из Лондона в Америку, что я и делал, пересылая товар в аппаратуре рок-групп. Теперь же низкая цена колумбийской марихуаны в Америке позволяла получать прибыль от контрабанды марихуаны из Америки в Лондон. Из-за океана доставили несколько небольших грузов, а Траффиканте и его дилеры были рады подзаработать в валюте. Они подумывали о ввозе в Европу больших партий не из Америки, а прямо из Колумбии. Траффиканте, Луис Ипполито и Эрни рассматривали эту мысль. Эрни был согласен заниматься любыми партиями.

Траффиканте остановился на цифре в пятьдесят тонн, считая, что перевозка меньшего количества не оправдает себя экономически.

Потребление марихуаны и гашиша в Англии составляло около трех тонн в день, значительно меньше, чем в Америке. От одной до двух тонн потреблялось и потребляется до сих пор каждую ночь в Лондоне. Но чтобы продать такое количество, нужно больше времени. Еженедельно продавать больше тонны колумбийской марихуаны было сложно. На реализацию пятидесяти тонн уходил год.

Стюарт Прентисс соглашался провернуть еще одну операцию в Шотландии, но пятьдесят тонн не потянул бы. Он мог справиться с импортом пятнадцати тонн, если найдутся деньги на покупку еще одной яхты. И не имел возможности держать у себя более пяти тонн. Остальные десять следовало быстро увезти с Керреры, желательно, на яхте, и спрятать где-нибудь еще. Требовались другие стоянки для судов и надежные места хранения. Флоридских мафиози все это не устраивало.

Питер Уайтхед, у которого я приобрел офис для «Уорлд-вайд энтертейнментс» в Сохо, занимался разведением ловчих соколов для королевской семьи Саудовской Аравии в крохотной деревушке Питчли в Нортгемптоншире. Снаружи питомник выглядел совершенно обычно: здание и здание, но внутри для птиц был оборудован ряд огромных клеток. Идеальное место для хранения марихуаны.

Кроме того, Питер Уайтхед продолжал снимать фильмы и порой арендовал для натурных съемок необычные площадки. В Шотландии сдавались в наем старинные поместья на берегу моря. Ничто не помешало Уайтхеду затеять съемки в таком месте, замечательно подходящем для выгрузки и хранения марихуаны.

И вот корпорация «Уорлдвайлд энтертейнментс» через свой головной европейский офис в Лондоне, на Карлисл-стрит, 18, обратилась с запросом в агентство недвижимости «Лохабер», Форт-Уильям, Инвернессшир. Планируя съемки полудокументального фильма о Гебридских островах второй половины прошлого века, корпорация желала арендовать участок с выходом к морю, пригодный для размещения съемочной группы (примерно 6-10 человек) и для съемок некоторых сцен фильма. Участок требовался к первому декабря текущего года минимум на три месяца.

Агентство предложило арендовать Конаглен-хаус, баронский особняк на побережье, прямо перед входом в Каледонский судоходный канал, возле Форт-Уильяма, за тысячу фунтов в неделю.

Джеймс Голдсэк, после непродолжительной отсидки и

долгого отдыха под кайфом вернулся к продаже оптовых партий марихуаны и гашиша. Джарвис, Джонни Мартин и Старый Джон поддерживали свое существование тем же способом. Втроем они могли бы толкнуть по тонне в неделю.

Патрик Лэйн теперь занимался переводом астрономических сумм из одной части света в другую. Наличные, которые ему вручали в Лондоне, аккуратно превращались в заграничные счета. Патрик перевез семью из Лимерика в дорогой особняк с видом на Гайд-парк.

Идеальным судном для перевозки крупных партий контрабанды стал глубоководный буксир-спасатель «Кароб».

Спасатели в океане встречались повсюду и подозрений не вызывали. Если капитана допрашивали, он мог заявить, что получил сигнал с терпящего бедствие судна. Спасательные суда часто обменивались шифрованными и кодированными сообщениями. Погрузочно-разгрузочного оборудования на палубе хватало. В декабре 1979 года «Кароб» принял пятнадцать тонн колумбийской марихуаны и направился через жаркие Карибы к холодным бушующим водам Ирландского моря. Две яхты Стюарта Прентисса — «Багира» и «Саламбо» — заскользили от острова Керрера на север, в лабиринт узких глубоководных заливов вокруг внутренних Гебридских островов. «Саламбо» вернулась на Керреру с пятью тоннами колумбийской марихуаны. Семья Прентисса и его друзья разгрузили товар. «Багира» доставила десять тонн к Конаглен-хаус, где ее ждали четыре фуры-трехтонки. Том Сунде, правая рука Эрни, распоряжался разгрузкой. С ним прибыло восемь ньюйоркцев, друзей Алана Шварца, которых для этого случая доставили на самолете. Они понятия не имели, где находятся. Джарвис отвез пять тонн на соколиную ферму в Питчли. Джеймс Голдсэк прибрал пять тонн в тайник, в Эссексе. В первый день нового 1980 года пятнадцать тонн колумбийской марихуаны высшего качества лежали ожидая своего часа. Это была самая большая партия наркотиков, которую когда-либо ввозили в Европу, ее хватило бы, чтобы одновременно удолбалось все население Британских островов.

Ожидая, когда строители закончат ремонт ванной комнаты на Каткарт-роуд, мы с Джуди и Эмбер переехали в квартиру за пятьсот фунтов в неделю в Найтсбридже на Ганс-Корт, прямо напротив «харродз». Завтракали икорными омлетами в «Кэвиар-хаус». Джуди снова забеременела. Я попросил ее выйти за меня замуж. Она отказала. Вот если бы я жил под своим настоящим именем, тогда другое дело. А так никаких миссис Найс! Однако же она согласилась на помолвку. Мы закатили шикарную вечеринку на Ганс-Корт. Из закусок только икра и паштет из

гусиной печенки, море «Столичной» и «Дом Периньон», лебеди изо льда. Играли Pretenders. Питер Уайт-хед женился на Дайдо Голдсмит, дочери Тедди и племяннице сэра Джеймса.[39] Я был шафером Питера, а Бьянка Джаггер подружкой Дайдо. Наши дочери познакомились. Джейд играла с Эмбер.[40]

Англия укурилась. Улицы наводнила колумбийская марихуана, и об этом знали все, включая полицию и Управление таможенных пошлин и акцизных сборов, но арестовать не смогли ничего. Как и следовало ожидать, в неделю уходило по тонне, но флоридским мафиози никак не верилось, что продажи идут настолько медленно. Их что, кидают? Подозревая неладное, они убедили Эрни отправить в Англию людей для учета непроданной марихуаны. Выбор пал на Джоэла Мэгэзина, адвоката из Майами, и сицилийца с диковинным именем Вальтер Нат. Эти двое остановились в отеле «Дорчестер». Не довольствуясь учетом непроданной марихуаны, Нат решил проверить, не продадут ли его друзья в Лондоне товар побыстрее. Друзья Ната, сами того не подозревая, свели его с полицейским в штатском из Управления таможенных пошлин и акцизных сборов. И коп увязался за ним в Шотландию, где Нат вместе со Стюартом Прентиссом проверял запас марихуаны. Стюарт Прентисс заметил слежку, оторвался от хвоста и сбросил несколько тонн марихуаны в море. Несколько следующих недель большие тюки выносило на побережье Шотландии. Траву курили, передавали полиции; ее поедали овцы и олени. Газетчики веселились. Флоридские мафиози нет. Тем не менее продажа шла своим чередом.

Марти Лэнгфорд время от времени помогал перевозить марихуану в Лондон из Питчли, где друг Джарвиса, Роберт Кеннингейл, сторожил тайник, подкармливая соколов дохлыми крысами. Марти также поддерживал контакты с женой Мак-Канна Сильвией. В то время как ищейки таможенного ведомства следили за лондонскими наркодилерами и шотландскими островитянами, которые делали состояния на колумбийской марихуане, в Дублине начался судебный процесс над Мак-Канном по обвинению в контрабанде тайской марихуаны. Пока Мак-Канн ожидал суда, его жестоко избили люди ИРА, но он быстро обрел равновесие, чтобы выстроить линию защиты: он следил за опасным врагом Ирландии, агентом МИ-6, который отравлял ирландскую молодежь, ввозя в страну марихуану. Агента звали Говард Маркс, он же мистер Найс. Мак-Канна оправдали.

Я отправил Джарвиса в Кампионе, где хранил паспорт и остальные документы на имя Найса, и велел закопать бумаги где-нибудь подальше от дома. Меня настораживали некоторые странности: щелчки в телефоне, частота, с какой мне на глаза

попадались одни и те же недружеские лица, куда бы я ни шел. За мной следили. Но если знали, кто я такой, почему же меня не арестовывали?

Я сидел в баре гостиницы «Лебедь» в городе Лавнем. У меня развилась сильная паранойя, и я решил дать себе отдых на выходные, забронировав номер на имя Джона Хейса. Джуди укладывала Эмбер спать. Гостиница предоставляла няню для ребенка, и Джуди собиралась присоединиться ко мне в баре перед ужином. Двое мужчин приблизительно моего возраста подошли к стойке и заказали выпить. Я взял порцию шерри «Тио Пепе» и направился к свободному столику. Неожиданно один из незнакомцев схватил меня за руку.

— Покажи часы, — попросил он и резко защелкнул наручники на своем и моем запястье.

Опомнился я довольно быстро. Было очевидно, что меня повязали.

— Таможенная полиция. Вы арестованы.

— За что?

— Вы подозреваетесь в контрабанде гашиша и марихуаны. Понятно?

— Да.

— Имя?

Может, они не знают, кто я такой? Может, приняли за обычного барыгу.

— Не скажу.

Я не стал отвечать ни на этот вопрос, ни на другие: в этой ли гостинице остановился, один ли здесь. По первому требованию вывернул карманы, вытряхнув водительские права, блокнот с недавними итогами колумбийских операций и ключ от соколиного питомника в Питчли, который давал мне доступ к нескольким тоннам наркотиков.

— Водительские права на имя Джона Хейса. Это ваше имя?

— Да.

— Это ваш адрес?

— Без комментариев.

— Как вы зарабатываете на жизнь, мистер Хейс?

— Учусь на таможенного инспектора.

Он даже не улыбнулся. Подошли еще двое копов.

— Это обнаружено в номере 52, вашем номере. Несомненно, это гашиш. Ваш?

— Нет, конечно же, нет.

— Он лежал в кармане вашей куртки. Думаете, мы его туда положили?

— Откуда мне знать?

— Он принадлежит вашей подружке из номера?

— Нет, он мой. Нельзя ли мне увидеть Джуди и нашу дочь?

— Конечно. Мы вам не враги. Меня зовут Ник Бейкер, а это мой коллега Терри Бирн. Мы поднимемся в номер, а после поедем в наш лондонский офис на Нью-Феттерлейн.

Я обнял и поцеловал Джуди и Эмбер. Я знал, что копы не будут долго возиться с Джуди — немного допросят и отпустят. А еще я знал наверное, что, сколько бы ее ни допрашивали, она ничего не скажет.

В Лондоне допрос продолжился.

— Чем вы зарабатываете на жизнь, мистер Хейс?

— Моя работа секретного характера. Послушайте, зачем все это?

— У вас есть паспорт?

— Нет.

— Вы что, никогда не были за границей?

— Нет.

— Как вы зарабатываете себе на жизнь?

— Я не могу отвечать на такие вопросы. Моя работа секретна.

— Во сколько вы прибыли в Лавнем?

— Без комментариев.

— Вы знакомы с Марти Лэнгфордом?

— Без комментариев.

— Вы знакомы с Джеймсом Голдсэком?

Это продолжалось вечность. Через какое-то время я спросил, нельзя ли мне просто поднимать палец вместо того, чтобы повторять «без комментариев». Бейкер не согласился:

— Мистер Хейс, я веду протокол и не увижу, как вы поднимаете палец. Не могли бы вы отвечать вслух? Понимаете?

Я попробовал воспроизвести звук, каким в эфире заменяют слова, запрещенные цензурой, что-то вроде «бип».

— Джон Хейс — ваше настоящее имя?

— Бип.

— Вы не возражаете, если мы возьмем ваши отпечатки пальцев?

— Бип-бип.

— Это из-за того, что ваше настоящее имя Говард Маркс? Меня захлестнула волна облегчения. Я снова был самим собой впервые за шесть с половиной лет.

— Итак, Говард, как вы зарабатывали себе на жизнь последние несколько лет?

— Без комментариев.

И так продолжалось всю ночь до тех пор, пока Бейкер и Бирн не отвезли меня в полицейский участок Сноухилла. На

следующее утро повидать меня пришла Джуди и попросила жениться на ней. Я согласился. После тридцати шести часов в тюремных камерах меня приволокли к судье Мискину в Олд-Бейли, где мои интересы вновь защищал Бернард Симоне. Из суда меня отконвоировали в тюрьму Брикстон, где я уже бывал в 1973 году. На следующее утро судьи-магистраты также постановили держать меня под стражей за соучастие в контрабанде нескольких тонн колумбийской марихуаны и хранение нескольких фальшивых паспортов. Вместе со мной в тюрьму угодили Марти Лэнгфорд и Боб Кеннингейл, которых взяли на соколиной ферме Уайтхеда; Джеймс Голдсэк и его подручный Ник Коул, арестованные в Лондоне; калифорниец-яхтсмен Стюарт Прентисс и его помощник Алан Грей; ассистент Патрика Лэйна Хэдли Морган. Сам Патрик каким-то чудом выскользнул из сети и бежал к Эрни в Калифорнию. Таможенный полицейский Бейкер сообщил магистратам, что у нас изъято наркотиков на пятнадцать миллионов фунтов, больше, чем было конфисковано Управлением за всю его историю. Я преисполнился гордостью, совершенно позабыв о последствиях, какие влечет за собой обвинение в таком тяжком противоправном деянии. Газеты уверяли, что меня допрашивает с пристрастием британская Секретная служба, что я вступил в ИРА и нахожусь под защитой мафии.

Благодаря паблисити, которое мне сделали журналисты, в «Брикстоне» я встретил подобающий прием: меня отделили от подельников и посадили в двухместную камеру без туалета и воды в крыле А. Моим сокамерником стал ловкий еврейский жулик Джонатан Керн. В крыле А на четырех этажах размещалось примерно двести заключенных. Среди них были весьма примечательные личности, знаменитости лондонского преступного мира: гангстер Ронни Найт, муж актрисы Барбары Виндзор; Дьюк и Деннис из клана Ариф, многим внушавшего страх и уважение; турки-киприоты, которые стали самым преследуемым криминальным сообществом со времен близнецов Крейз[41]; Томми Уисби, участник «великого ограбления поезда»[42]; Мики Уильяме, наполовину ирландец, наполовину ямаец, житель Лондона, которого не вразумили даже пресловутые исправительные камеры Даремской тюрьмы. Как-то утром, Мики оказался рядом со мной и Джонатаном Керном, когда мы опорожняли пластиковые параши.

— Ты с ним поосторожней, Говард. Он стукач, да еще какой. На свою собственную мать донес.

Керн услышал его и ушел.

— Спасибо, Мик.

— Да не за что. Он же не в твоем бизнесе?

— Нет, Мик. Я с ним раньше не был знаком.

— Потому что среди тех, с кем ты вел бизнес, есть несколько доносчиков, Говард. Понимаешь, что я имею в виду? Я подумал, что он может быть одним из них. А это ведь такой хороший бизнес, Говард. Но кому-то следует заткнуть несколько ртов. Я понял, что твои подельники слегка разговорились.

— Да, они сказали больше чем следует, больше, чем им хотелось, но они же не профи, Мик.

— Зачем тогда берутся не за свое дело, Говард? Скажи мне. Если они не могут отсидеть, нечего совершать преступление. Это просто. Я что, неправ? Знаю, что прав. Я знаю, чем займусь, когда выйду отсюда. Хватит мне скакать по банковским стойкам с пушкой. Займусь наркотиками. Но в моем деле доносчиков не будет. Живых, по крайней мере. Давай не будем терять связь, когда выйдем на свободу, Говард. У меня есть куча знакомых ребят в аэропорту и портах в Лондоне. Могли бы помочь друг другу.

Этот был один из множества подобных разговоров, которые случались у меня и других людей, промышлявших контрабандой наркотиков, с преступниками традиционных «специальностей» в британских тюрьмах в конце 1970-х и начале 1980-х годов. Наши барыши казались огромными в сравнении с наваром грабителей, мошенников и воров. Тюрьмы волей-неволей сводят накоротке преступные таланты. Если перевозчик наркотиков сидит за решеткой с фальшивомонетчиком, то разговор непременно коснется подделки транспортной накладной. Многие закоренелые преступники занялись контрабандой наркотиков, привнося в этот промысел все больше жестокости и насилия. Когда таможенника застрелили при попытке изъять контейнер с марокканским каннабисом, власти усмотрели в этой трагедии не свидетельство ошибочности запрета на наркотики, порождающего сверхприбыли, а значит, преступления, но доказательство генетической связи между наркотиками и насилием. Курильщики и контрабандисты марихуаны, в большинстве своем люди законопослушные и миролюбивые, оказались в одной упряжке с безжалостными убийцами. И с ними обходились соответственно, вынося суровые приговоры.

Я несколько раз представал перед судом магистратов в ратуше, главным образом в связи с тщетными попытками добиться освобождения под залог. Правосудие не желало предоставлять мне еще одну возможность скрыться. Возвращаясь в тюрьму после одного из таких судебных заседаний, я заметил, что в комнате для свиданий Джонатан Керн разговаривает с

полицейским Бейкером. Они меня не видели. Позднее в камере Керн попробовал развязать мне язык. Пока я еще не знал, какие улики имеются против меня, но связь Керна с Бейкером открывала полезный канал для слива дезинформации. Я наплел Керну фантастическую историю про то, что марихуану будто бы перевозили перуанские террористы, чье судно, доставившее еще шестьдесят тонн дури, бросило якорь у берегов Ирландии. К сожалению, Керна снова подловили на стукачестве. На сей раз его засек матерый лондонский люмпен, который избил «дятла» при первой возможности. Керна перевели в другую тюрьму, меня — в другую камеру.

Моим новым соседом стал Джим Хоббс, которого арестовали за сексуальные сношения с парнем, не достигшим двадцати одного года. Людям, совершившим сексуальные правонарушения, педерастам, бывшим полицейским и доносчикам в британских тюрьмах приходится несладко. Мучить их не возбраняется никому. Попытки Хоббса объяснить, что его несовершеннолетней жертве было восемнадцать, приносили немного пользы. Ведь он мог врать. Все равно двинем ему! Несмотря на его странные наклонности, мне нравился Хоббс. Он презирал власти и был щедр к заключенным, у которых не имелось ни гроша за душой.

Тюремные власти не препятствовали моей женитьбе и даже позволили мне предстать перед алтарем в сопровождении двух тюремных охранников. И слава богу, потому что Джуди была на пятом месяце. Мои дочери Мифэнви и Эмбер стали подружками невесты. Шафером был Джонни Мартин. После венчания я попросил охранников сопровождать меня на вечеринку, пообещав, что не дам тягу. «Кадиллак» доставил нас с Джуди и стражей в гостиницу «Бэйзил». Шампанское и поздравления лились рекой. Нам с Джуди позволили даже уединиться на некоторое время в гостиничной спальне. И охранники, и я напились.

Я ладил практически со всеми тюремщиками Брикстона и не столкнулся с жестоким обращением. Мне предложили разносить чай в крыле А, обязанность для многих желанную, и я согласился. Чаевых получал кучу. И большую часть дня проводил вне камеры. Тюремщики тайком проносили для меня безобидную контрабанду: датский сыр с голубой плесенью и порножурналы. И свидания мои длились два часа вместо нескольких минут, установленных тюремными правилами. Регламенты предварительного заключения тогда были менее строгими. Заключенному разрешалось ежедневно получать еду и алкоголь с воли. Вместе с едой запросто удавалось проносить наркотики. У меня все еще оставалось довольно много денег, не

конфискованных властями. Почти все оптовики полностью расплатились за колумбийскую марихуану, отпущенную в кредит. Джонни Мартин, который хоть и имел беседу с таможенниками, но гулял на свободе, присматривал за тайником с деньгами.

Эрни чувствовал себя виноватым за то, что позволил недалеким американским мафиози ревизовать британские склады с колумбийской марихуаной. Присматривай он за ними, ареста не было бы. Эрни предложил оплатить все расходы по моей защите и заверил Джуди, что ей никогда не придется думать о деньгах. Все его связи и состояние в ее распоряжении.

Джуди пришлось прибегнуть к услугам Эрни раньше, чем мы думали. Ее сестру Наташу арестовали при попытке без нашего ведома провести собственную операцию. Наташу и ее приятеля поймали у побережья Мексики на небольшой яхте, груженной марихуаной. Они томились в жутких мексиканских тюрьмах. Эрни занялся их делом и отмазал девчонку. Для этого потребовалось какое-то время, но Наташа с приятелем коротали его вместе в роскошной квартире со всеми современными удобствами. Пока они сидели взаперти, Наташа зачала и родила мальчика. Она назвала новорожденного Альби. В Мексике у Эрни определенно имелись прекрасные связи.

23 ноября 1980 года родилась моя очаровательная дочка Франческа. Я подал прошение в министерство внутренних дел Великобритании, чтобы мне разрешили присутствовать при родах, но получил отказ.

Она была моим единственным ребенком, которого этот мир приветствовал без меня. Я разозлился, но ее рождение дало мне силу для будущих испытаний. Тяжелые времена и долгий срок были не за горами. Затем в Нью-Йорке застрелили одного из моих героев, Джона Леннона. Это сделал либо сумасшедший, либо ЦРУ. Смерть Леннона перекликалась с его глубоким определением жизни как того, что случается, когда у тебя другие планы. Эта трагедия меня опечалила, но одновременно подняла мой боевой дух. Джуди прислала мне книгу по йоге, и я принял для себя правило, от которого уже не отступал в тюрьме: каждый день полчаса асан и десять минут медитации.

Мало-помалу Бернард Симоне узнал, какие улики собраны против меня. Их было немало. Ключ, изъятый при аресте, открыл дверь соколиной фермы в Питчли, за которой нашлось несколько тонн колумбийской травы. Подсчеты того, кому сколько уплачено в ходе сделки, написанные моей собственной рукой. Нашлись свидетели моих встреч с остальными обвиняемыми в Лондоне и Шотландии. У меня под кроватью обнаружили чемодан с деньгами. Требовалось истолковать все это в мою пользу. Но как?

Любой адвокат или оправданный правонарушитель скажет вам, что виновность не имеет ничего общего с тем, имело ли место преступление. Все зависит от того, удастся ли обвинению убедить присяжных, что все улики указывают только на его версию событий, и никакую другую. Большое количество улик против меня говорило за то, что я организовал ввоз пятнадцати тонн наркотиков. Какое еще объяснение могло им найтись?

В тюрьме необыкновенное значение приобретают сны. Как-то посреди ночного кошмара ко мне явился Мак-Канн:

«Используй Кида, тупая валлийская сука. Я тебя использовал, бля».

В высших судах мои интересы должен был отстаивать королевский адвокат лорд Хатчинсон из Лаллингтона, социалист по убеждению, защищавший шпионов и врагов истеблишмента. Услугами этого барристера воспользовались русские агенты Джордж Блейк и Вассалл[43], а также издательство «Пенгуин букс», когда его притянули к ответу за публикацию «Любовника леди Чаттерлей» Д. Г.Лоуренса. Хатчинсону я изложил следующее: в 1972 году меня завербовала МИ-6, чтобы изловить контрабандиста оружия из ИРА Джима Мак-Канна, поймав его на приманку наркотиков. Дела шли наилучшим образом, пока Управление таможенных пошлин и акцизных сборов Ее Величества не расстроило планы Секретной службы, арестовав меня в 1973 году. Договорились об освобождении под залог. Я скрылся, как было условлено. Однако средства массовой информации каким-то образом разнюхали, что я агент МИ-6, и лишили меня прикрытия. Не зная никакой другой жизни, кроме жизни шпиона, я согласился по указке МИ-6 работать на мексиканскую разведку, которая, как ни странно, тоже была заинтересована в поимке Мак-Канна, помогавшего мексиканским террористам из «Лиги 23-го сентября» приобретать оружие и добывать деньги через сделки с наркотиками. Мексиканская разведка достала мне паспорт на имя Энтони Танниклиффа и прочие документы. Невзирая на трудности, я решил выследить Мак-Канна в Ванкувере, чтобы выполнить долг перед королевой и страной, а заодно помочь Мексике. Я известил канадские власти, но они упустили Мак-Канна. Я снова настиг его, на этот раз во Франции. И снова Мак-Канн ускользнул от властей, но не раньше, чем я обнаружил, что теперь он работает с колумбийскими наркобаронами и с героиновыми магнатами из «Золотого треугольника»: Лаос, Таиланд, Бирма. Мне поручили сложную миссию, за которую я нес ответственность перед правительствами Великобритании и Мексики. Я должен был проникнуть в колумбийскую наркоиерархию и узнать, в каких банках боссы

хранят свои деньги и как эти деньги поступают на счета известных функционеров «Лиги 23-го сентября». Кроме того, мне предстояло добиться, чтобы Мак-Канна поймали на месте преступления, предпочтительно в Ирландии или Европе. Свою шпионскую деятельность я вел под личиной хиппи, наркодилера и контрабандиста марихуаны. В интересах дела я втянулся в две различные сделки с наркотиками: поставки колумбийской «травы» в Шотландию и ввоз тайской дури в Ирландию. Первой совершилась ирландская сделка. Когда наркотики доставили на Изумрудный остров, я проинформировал МИ-6, и Мак-Канна взяли с поличным. Мак-Канн снова перехитрил власти, суд Дублина его освободил. Зато внедрение в колумбийскую наркоиерархию проходило очень хорошо. Я даже привлек шурина, чтобы проникнуть в тайну их банковских операций. Я уже почти размотал клубок и чувствовал себя национальным героем Мексики, когда, как и в 1973 году, в дело вмешалось таможенное ведомство и все испортило. Возможно, оно имело что-то против МИ-6. Кто знает?

— Это ваша линия защиты, Говард? — открыл рот от удивления королевский адвокат лорд Хатчинсон из Лаллингтона.

— Да. А что? В чем дело?

— Несомненно, это самая смешная история, которую я когда-либо слышал.

— Вы что, мне не верите?

— Вера тут ни при чем, Говард. Я вынужден быть вашим голосом в суде, даже если ваша версия событий — полный бред.

— Почти каждый пункт ее можно подкрепить доказательствами, лорд Хатчинсон. Газеты много писали о том, что я агент МИ-6, следивший за Мак-Канном.

— А где сейчас находится паспорт Танниклиффа? Тот, которым вас снабдила разведка. Мексиканская, кажется?

— Паспорт Танниклиффа британский, лорд Хатчинсон. Полагаю, МИ-6 предоставила его мексиканской разведке. В нем полно печатей, фиксирующих даты въезда и выезда. Некоторые доказывают, что меня не было в Шотландии, когда туда ввезли марихуану. Предполагать, что я будто бы находился на побережье, контролируя разгрузку и перевозку наркотиков, просто смешно.

— Жалко, мой дорогой, что никто из мексиканской разведки не может приехать в Лондон и дать показания, что вы действительно на них работали.

— Лорд Хатчинсон, мой патрон Хорхе дель Рио будет только счастлив приехать и выступить в мою защиту.

— Хм! Интересно. Мне не терпится снова поработать в Олд-

Бейли.

В Брикстонской тюрьме заключенным разрешалось читать что угодно, кроме пособий по организации террора. Адвокаты могли приносить фотокопии. День за днем недоумевающий Бернард Симоне таскал мне труды о подрывных группировках Южной Америки и Юго-Восточной Азии, чтобы я, как он выразился, «освежил память». Не забывал и путеводители. Тюремное начальство ничего не имело против.

— Зачем тебе все эти путеводители по Мексике, Маркс?

— Поеду туда отдыхать, как только меня оправдают, комендант. Нельзя держать невинного человека за решеткой слишком долго.

— Рад, что ты не потерял чувства юмора, Маркс. Читай себе.

— Спасибо, комендант.

Была одна заковыка. Вопреки моим уверениям, будто я никогда не встречал никаких флоридских мафиози, полицейский Майкл Стивенсон утверждал, что как-то поздно вечером видел, как я покидаю номер одного из американцев в гостинице «Дорчестер». Эти показания следовало перечеркнуть. У меня был друг-уэльсец, который какое-то время пользовался благосклонностью Рози. Этот парень, его звали Лиф, содержал паб «Апельсины и лимоны» на Сент-Клемент, в Оксфорде. Лиф навестил меня в Брикстоне.

— Лиф, помнишь, как я остался как-то у тебя в Оксфорде в прошлом году?

— Да, конечно, помню. Я не настолько был пьян. Я хорошо это помню.

— А когда именно, не помнишь?

— Нет, черт возьми, я не настолько был трезв.

— Это ведь было в пятницу вечером, верно?

— Может, и так, Говард.

— Это была пятница. Потому что в субботу утром мы смотрели по телевизору регби. Вспоминаешь? Уэльс проиграл Ирландии.

— Да, верно. Разве такое забудешь? Мы продули со счетом 21 : 7 на Ланздаун-роуд в гребаном Дублине. Капитаном был Джефф Сквайр. Уверяю тебя, мы побьем их в этом году в «Кардифф-Армз-Парк».

— Прошлогодний матч состоялся 15 марта.

— Похоже на то. Я могу легко проверить. У меня есть все матчи уэльской команды на видео.

— Я уже проверил, Лиф. Ты готов дать показания в Олд-Бейли о том, где я был в ту ночь?

— Чертовски бы этого хотелось.

Судебный процесс начался 28 сентября 1981 года, в тот самый день, когда в Великобритании ввели запрет на марихуану. Мне светило восемнадцать лет тюрьмы (четырнадцать за наркотики и четыре за фальшивые паспорта).

Только трое из нас признали себя невиновными. Прентисс стоял на том, что совершил преступление под давлением. Подобная защита срабатывает, если присяжные верят, что таким образом удалось избежать более тяжкого преступления. Прентисс будто бы перевез пятнадцать тонн колумбийской марихуаны, потому что его угрожала убить мафия. Хэдли Морган якобы не знал, что деньги, которые он получил, выручены от продажи наркотиков. Я же выдавал себя за агента, работающего под прикрытием.

Короне потребовалось шесть недель, чтобы предъявить обвинение перед судьей Мэйсоном, Карающим Питом. Прокурор Джон Роджерс, спрятавшись за мешками с марихуаной, адресными книжками, паспортами, досье, показаниями свидетелей, без тени юмора излагал дело: «Это крупномасштабное преступление... Неудивительно, что обвиняемый с такой биографией и таким интеллектом превратил британскую часть предприятия в успешный, отлаженный бизнес... Он находил удовольствие в своей работе... Невообразимые количества гашиша, марихуаны и денег. Все было выверено, как военная операция... Замысловатая сеть лжи и правды, вымышленных имен... У Маркса столько личин, что странно, как он еще помнит, кем был... Успех организации зависел от тонкости, и тщательности планирования, и вы не удивитесь, узнав, что фигуранты этого дела чрезвычайно умные люди».

В итоге «Дейли мейл» озаглавила свой отчет о судебном заседании «Оксфордская голова в наркосиндикате с капиталом 20 миллионов фунтов», а «Дейли телеграф» — «Университетский барыга».

Главным свидетелем был Питер Уайтхед. Он попал в ложное положение: не хотел никого топить, но и не собирался кончать свои дни в тюряге. Питер дал показания, избежав прямых обвинений в мой адрес. Ценой, которую он заплатил за это, стал вызов в суд на стороне обвинения. Питер вел себя самым благородным образом, но оставил некоторые вопросы относительно моей роли в деле. Лорд Хатчинсон вцепился в него мертвой хваткой и обернул сомнения в мою пользу. Хатчинсон с блеском провел перекрестные допросы, и младший адвокат Стивен Солли проанализировал доказательства обвинения самым тщательным и компетентным образом, но мы одержали только одну победу, пошатнув уверенность в том, видел ли меня

полицейский в гостинице «Дорчестер». Когда Хатчинсон с ним закончил, Майкл Стивенсон уже сомневался, а был ли он сам в «Дорчестере». Стивенсон мне этого не простил. Остальные агенты уже праздновали победу. Я тонул.

Чувствуя это, лорд Хатчинсон перемолвился парой слов с Карающим Питом. Британское правосудие не допускает сделок, гарантирующих поблажки в обмен на признание вины, но иногда удается по косвенным признакам угадать вероятную линию поведения судьи. Лорд Хатчинсон отправился выяснить, ограничится ли Карающий Пит сроком в семь лет, если я признаю себя виновным. Я готов был пойти на такое в надежде на досрочное освобождение. Карающий Пит отказал. Он намеревался приговорить меня к гораздо более серьезному сроку заключения.

Целую неделю я давал показания, поклявшись говорить правду, только правду и ничего кроме правды. У меня имелось множество документальных подтверждений того, что я агент мексиканской разведки, но мое сотрудничество с МИ-6 не подтверждалось ничем, за исключением старых газетных статей. Посредством вполне законных манипуляций лорд Хатчинсон добился, чтобы с газетами ознакомились сочувствующие присяжные. Я выглядел натуральнейшим шпионом. В этом были убеждены все газеты. Одна даже процитировала юрисконсультанта МИ-6. Прокурор Джон Роджерс поднялся, чтобы допросить меня, и я поразился недостатку рвения с его стороны. Словно не зная, какие вопросы задать, он налегал на пустую риторику, распинался по поводу того, какой блестящий, но испорченный я субъект. Даже сыграл мне на руку, заявив: «Признано достоверным, что вы работали на Секретную службу до марта 1973 года...»

Теперь присяжные окончательно уверились, что я рыцарь плаща и кинжала. И Роджерс зря тратил силы, обрушиваясь на меня с нападками: «Вы рассказываете чуть-чуть правды, а потом нагоняете тумана... Вы сочинили легенду, разве не так? Вы создали культовую фигуру, тайного агента Маркса, которого преследует полиция. Вы только и делали, что сгущали дымовую завесу, а сами под ее прикрытием занимались контрабандой наркотиков... Позвольте мне усомниться и попросить вас назвать того человека, который предложил вам работать на мексиканцев».

Я недолго медлил с ответом и назвал имя Энтони Вудхэда, мужа Анны, совладелицы «Анны-Белинды», человека, который ограбил меня на миллион долларов. Не знаю, чем это для него обернулось, но полагаю, он особенно не рисковал. Перекрестный допрос подошел к концу.

Первым свидетелем защиты был Лиф. Его слова прозвучали

настолько убедительно, что у присяжных не осталось сомнений: полицейский ошибся, когда дал показания, что видел меня в гостинице «Дорчестер». Последним со стороны защиты выступил Хорхе дель Рио, заслуживающий доверия сотрудник правоохранительных органов Мексики. Поскольку его показания носили конфиденциальный характер, все покинули зал суда и заседание продолжалось при закрытых дверях. Мексиканец подтвердил, что знал меня под именем Энтони Танниклиффа, что я был представлен ему Энтони Вудхэдом, завербован мексиканской разведкой и получал немалые суммы для внедрения в колумбийские наркоорганизации. Присяжные пришли в восторг. Офицеры таможенного ведомства забеспокоились.

В заключительной речи Джон Роджерс перешел в атаку: «Маркс — организатор наркотраффика, на счету у которого самая крупная за всю историю контрабанды наркотиков партия груза. Все утверждения о том, что он секретный агент — полный бред. Действительно, в 1973 году некий сотрудник Секретной службы завербовал Маркса, опрометчиво попросив его о помощи, но все их контакты оборвались спустя три месяца. Остальное — миф, который Маркс создал для сокрытия своей преступной деятельности».

Лорд Хатчинсон был куда более убедительнее: «МИ-6 использовала Говарда Маркса для проникновения в ИРА. Три раза он настигал Джеймса Мак-Канна, но три раза тому удавалось ускользнуть. Агенты британской разведки не захотели подтвердить суду, как это сделало обвинение, что работал на них Говард Маркс. Они предпочли отсиживаться среди публики. Я уверен, что присяжные видят их. Говарда Маркса бросили на произвол судьбы, как „шпиона, который вернулся с холода". Так это называется на языке разведслужб: Они говорят: „Ты сам по себе, приятель". Возможно, вы помните судебные дела русских шпионов: Кима Филби, Энтони Бланта[44]. Похоже, британская разведка готова оградить от судебного преследования агентов, которые работали против этой страны. Но не тех, кто работал на страну».

Карающий Пит подвел итог: «Вы видели мистера Маркса, господа присяжные. Он обладает необычайной харизмой и столь свободно ориентируется в свидетельских показаниях, что с легкостью отвечает на все вопросы. Вы должны решить, состоял ли он в сговоре с другими подсудимыми или нет. Либо он не имеет с этим ничего общего, либо он в этом по горло».

Присяжные вынесли вердикт о невиновности Прентисса, Моргана и меня. Я сомневаюсь, что они хотя бы на мгновение

поверили защите. Просто не хотели, чтобы такие классные парни гнили в тюрьме за то, что доставляли целебные растения из одной части мира в другую. У присяжного может найтись сотня своих причин для оправдания подсудимого, факт, который не афишируют. Количество может перейти в качество, слишком много оправдательных приговоров — и придется менять закон. Стюарта Прентисса и Хэдли Моргана освободили в зале суда. Я получил два года за подделку паспортов. С помилованием мне осталось отбыть пять дней. Я взглянул на балкон для публики и увидел Джуди. Вот и все... Рождество я проведу с ней, Эмбер и маленькой Франческой. Я обошел систему и через неделю буду свободен.

Мое ликование разделили не все. У агентов таможенного ведомства были свои виды на меня. Немедленное освобождение не входило в их планы. Я совершенно забыл об истории 1973 года, когда мы переправляли товар в аппаратуре рок-групп. Агенты Управления таможенных пошлин — нет. Судебный процесс назначили на середину февраля. В освобождении под залог мне отказали.

Две недели спустя после моего оправдания старший суперинтендант полиции Темз-Вэлли Филип Фэйрвезер всадил себе в живот двадцатисантиметровый кухонный нож. Именно он рассказал прессе об отчете МИ-6, подтверждающем факт моей вербовки. Он знал, что эта утечка информации позволила мне добиться оправдания. Перспектива быть обвиненным в нарушении закона о гостайне, заставила пятидесятивосьмилетнего ветерана Второй мировой войны, заслуженного полицейского совершить харакири. Кто мог подумать, что из-за всей этой ерунды оборвется человеческая жизнь?

Бернард Симоне выяснил, что после моего ареста в Амстердаме и депортации голландский суд рассматривал дело в мое отсутствие. По причинам, мне не известным, я был признан невиновным в контрабанде из Голландии ливанского гашиша, который арестовали в Лас-Вегасе в 1973 году. Британское право включает в себя принцип autrefois acquit[45] в силу которого оправдательный приговор иностранного суда может при определенных обстоятельствах стать основанием для отказа от судебного преследования за подобное преступление в Великобритании. В таких случаях суд присяжных решает, достаточно ли сходными являются преступления для применения autrefois acquit. Нам казалось, что контрабанда определенного количества гашиша из Амстердама в Лас-Вегас аналогична умышленному соучастию в контрабанде и отклонить обвинение

1973 года будет несложно. Дело даже не дойдет до суда.

В Олд-Бейли перед судьей сэром Джеймсом Мискином я сделал заявление о своей невиновности в силу autrefois acquit. Судья объяснил сбитым с толку присяжным нюансы правонарушений и спросил, считают ли они, что преступление, совершенное в Голландии, аналогично тому, что совершено в Великобритании. Присяжные молчали, недоуменно тараща глаза. Судья Мискин заметил, что правильным ответом будет «нет». И старшина присяжных сказал «нет». Лорд Хатчинсон вскочил и попытался возразить. Мискин предложил ему обсудить разногласия в апелляционном суде и распустил присяжных. Избежать судебного разбирательства не удалось.

Я выиграл первый раунд. Гари Ликерта, друга Эрни, который привез деньги в Амстердам и должен был забрать колонки в Лас-Вегасе, доставили на самолете, чтобы он опознал меня. Но в планы Гари вовсе не входило стучать британскому правосудию, и в полицейском отделении Сноухилла он внимательно разглядывал всех, кроме меня. Он никого не смог опознать. Позиции обвинения значительно ослабели. Тем не менее лорд Хатчинсон чувствовал, что меня вряд ли оправдают еще раз, и в день судебного разбирательства отправился в кабинет судьи прощупать почву. Он предложил мне признать себя виновным: больше трех лет не дадут. Я последовал его совету и получил три года. Не знаю, пришло ли это в голову агентам таможенного ведомства и судье, но я сразу сообразил, что весь срок, который я находился под стражей, будет зачтен в срок отбывания заключения. Если повезет, я освобожусь меньше чем через три месяца. Я еще раз победил систему, почти. Все-таки у меня была судимость. Осужденный за контрабанду марихуаны и пользование фальшивыми документами, мог ли я жить с таким пятном на репутации?

ГОВАРД МАРКС

Как славно выйти на свободу из тюрьмы Уондзуорт на Хитфилд-роуд! В восемь утра 6 мая 1982 года я стоял на улице с полиэтиленовым пакетом, в котором лежали завтрак и несколько книжек. В кармане несколько фунтов и проездной билет до Брайтона. Еще несколько человек, которых освободили вместе со мной, топтались на автобусной остановке. Мне повезло: меня должна встречать Джуди. «Подорожная» мне не потребуется. Я вставлю ее в рамку как сувенир.

Два года пронеслись достаточно быстро, и я отмотал срок. Благодаря ежедневным занятиям йогой и вегетарианской диете я чувствовал себя здоровее чем когда-либо. Собирался играть в теннис, бегать, медитировать, стоять на голове, обрести внутреннее спокойствие и записаться в фитнес-клуб для яппи. В Брайтоне у Джонни Мартина хранилось изрядное количество моих денег. Эрни оплатил покупку первого этажа в доме на Каткарт-роуд и переделку первого и цокольного этажей в двухэтажную квартиру. Более того, он пообещал осыпать меня долларами, как только я стану свободным человеком (все еще чувствовал вину за историю с колумбийской поставкой). Джуди забронировала билеты на Корфу для нас, своей сестры Маши, Мифэнви, Эмбер и Франчески. Я предвкушал, как буду бегать по греческим пляжам, оставляя следы у кромки прибоя. Но пока припустил сильный дождь, а Джуди все не ехала. Может, на дороге из Брайтона пробки?

— Маркс, хочешь, пущу обратно? — пошутил, звеня ключами, тюремный надзиратель, который заступил на дежурство.

— Пока не надо, шеф. Побуду еще чуток на свободе, — сказал я, пытаясь пошутить.

— Ладно, когда надумаешь, просто постучи в дверь.

Тюремщики шли потоком, торопясь заступить на пост.

— Маркс, она не приедет. Она за углом таксиста трахает. А вчера вечером была со мной. Заходи, поешь кашки!

Было почти девять утра. Я больше не мог это выносить и пошлепал прочь, подальше от остряков в форме. Телефонных будок не попадалось, и я остановил такси.

— Куда, папаша?

— На вокзал Виктория. В конце концов, это место не хуже любого другого. А главное, оттуда идут поезда до Брайтона, и там есть телефонные будки.

Поездка в час пик под проливным дождем заняла час и стоила мне десять фунтов. Я вылез из такси и оторопел при виде

толпы, валившей от платформ. Сработала тюремная привычка: я ждал, пока все пройдут. Осознав с запозданием, где нахожусь, я направился к телефонной будке. В Брайтоне никто не отвечал. Где Джуди? Я выпил кофе и позвонил еще раз.

— Она очень сильно опаздывала. Ей ужасно жаль. Она поехала на квартиру в Челси, — сообщила Маша.

Я сел на метро, перепутал линии, заблудился и доехал до квартиры на такси. Деньги кончились.

В квартире шел ремонт, и там никого не было. Но по крайней мере, дождь перестал. Я околачивался на улице, чувствуя себя глупо.

Наконец подъехала машина, и из нее выпорхнула Джуди. Только вчера я видел ее в комнате для свиданий в Уондуорте, но сейчас она выглядела сногсшибательно. И я мог к ней прикоснуться. Мы обнялись, сели в машину и покатили в Брайтон. Что эта была за поездка! С каждым километром солнце светило все ярче, проливая лучи на великолепные виды. Мы остановились в аэропорту Гатуик, чтобы купить колбасы, яиц, бекона и шампанского. Мне нужно было курнуть. Дома в Брайтоне меня радостно встретили Эмбер и Франческа. Воздух зарядился эмоциями, пьянящими запахами шампанского и гашиша.

— Ты же не будешь больше заниматься контрабандой, да? — спросила Джуди. — Я не вытерплю еще два года одна.

— Конечно, нет. — Думаю, я говорил, что думал. Жизнь была прекрасна. Ни забот, ни хлопот.

В паспортном столе Джуди сказали, что я должен лично прийти в Пети-Франс за возобновленным паспортом. Обычная формальность, решил я. Как странно... Я вновь отправлюсь путешествовать под своим собственным именем. Впервые за последние девять лет. В Пети-Франс меня провели через несколько коридоров к двери с незатейливой табличкой «Особый».

— Мистер Эпплтон подойдет через минуту, — произнесла очень застенчивая секретарша, жестом приглашая присесть. — Если хотите, можете курить, — добавила она, с отвращением глядя на мою пачку табака «Олд Холборн».

Вошел Эпплтон, несколько озадачился, когда я протянул ему руку. Однако пожал ее.

— Здравствуйте, мистер Маркс! Должен поздравить вас с очень высоким качеством тех заявлений, что вы подавали на получение паспортов. Никакого сравнения с тем, что мы обычно получаем. Должно быть, большинство людей принимают нас за идиотов. Вы бы только посмотрели на тот мусор, который нам

присылают!

— Почему нет? — откликнулся я с искренним любопытством.

Эпплтон пропустил мое замечание мимо ушей и заговорил жестким, официальным тоном:

— В принципе мы готовы выдать вам паспорт на ваше собственное имя, мистер Маркс, но вы должны вернуть нам все поддельные паспорта. Немедленно. Мы знаем, что Управление таможенных пошлин конфисковало паспорта с вашей фотографией на фамилии Кокс, Годдард, Грин и Мак-Кенна, которые выписывались в этом офисе. Но, судя по нашим записям, у вас должны оставаться еще по крайней мере два паспорта, на фамилии Танниклифф и Найс. Вам надлежит вернуть их нам, а также все остальные, о которых мы пока не знаем.

Паспорт Танниклиффа остался в Олд-Бейли. Паспорт Найса покоился под землей в маленьком парке Кампионе-ди-Италия. Я объяснил это Эпплтону, хотя и указал в качестве места захоронения Монументальное кладбище Милана. Паспорт Найса еще мог мне потребоваться. В жизни всякое случается.

— Мистер Маркс, вы собираетесь и дальше получать поддельные паспорта?

— Конечно же нет! Эти дни прошли. Так здорово, что больше не надо прятаться.

— Хорошо, мистер Маркс. Я позволю вам съездить с семьей на Корфу. Выдам временный паспорт, действительный в течение двух месяцев. Если вы сказали правду о паспортах Найса и Танниклиффа, мы продлим ваш паспорт.

Я не стал спорить. Британский паспортный стол не обязан выдавать паспорта всем подряд, и хотя не существует закона, который требует путешествовать с паспортом, его отсутствие может доставить чертовские неудобства.

За несколько недель до освобождения я начал читать про Корфу. История острова на протяжении двух тысяч лет представляла собой обычную для Средиземноморья череду нашествий: коринфяне, иллирийцы, римляне, готы, лангобарды, сарацины, норманы, сицилийцы, генуэзцы, венецианцы, французы, турки, русские и англичане. От большинства рассказов про остров скулы сводило зевотой, за исключением книги Лоренса Даррелла[46]«Келья Просперо». Эта книга оставляла такое впечатление, что повсюду на Корфу вы следуете по стопам Одиссея. Даррелл искушал соблазнами томной сиесты между солнцем и морем, изобилием вин и оливок. Я не мог этого дождаться. И хотя он ни словом не обмолвился о пляжах, на первый взгляд они вполне подходили для бега трусцой.

В первое утро на Корфу обещания Даррелла оправдались.

Дом, в котором мы снимали комнаты, стоял над обрывом рядом с Кассиопи, посреди песчаных пляжей и буйной зелени. Проснувшись спозаранок, когда все еще спали, я натянул спортивный костюм и пустился вниз по тропинке к пляжу. У меня сразу сбилось дыхание, потом заныло левое колено. Все мечты о пробежках по пляжу пошли коту под хвост. Я-то думал, что йога помогает поддерживать физическую форму, но она явно не прибавила мне выносливости, не подготовила к бегу. Я заковылял обратно, обреченный погрязнуть в пьянстве и так не познать внутреннего.

Полное изнеможение, поврежденное колено и похмелье от рецины, отдающего сосновой смолой белого греческого вина, на несколько дней приковали меня к постели. Но затем солнечные ванны, купание и еще больше рецины избавили меня от арестантской бледности кожи и выветрили запах тюряги из ноздрей. Я играл со своими дочерьми и привязывался к ним все сильнее. Мы объездили остров на взятом напрокат автомобиле. Иногда Маша сидела с детьми, а мы с Джуди наслаждались жизнью как никогда раньше.

Наши соседи по дому жили на Корфу долгое время и пользовались на острове репутацией важных персон. Через них мы познакомились с бывшим британским консулом Джоном Фортом и несколькими отошедшими от дел соотечественниками из среды мелкого и среднего дворянства. Все эти типичные экспатрианты, отставные чиновники Форин Офис, бывшие обозреватели новостей, удалившиеся на покой торговцы оружием, жадно следили за ходом войны на Фолклендах, которая тогда была в самом разгаре. Лето обещало оказаться нескучным, если продлится до Уимблдонского теннисного турнира и международных матчей по крикету. Затишье в зоне боевых действий восполнялось партией в гольф, за которой следовала порция яичницы и вдоволь дешевого греческого джина в скромной местной таверне, известной под названием «Девятнадцатая лунка». Нас с Джуди часто приглашали на гольф, но после нескольких болезненных уроков я осознал, что эта игра не для меня. Однако джин под яичницу пропустить было нельзя, и я чрезмерно наслаждался этими apres-golf[47] сессиями.

— Чем ты занимаешься на родине, мой мальчик? — спросил как-то Джон Форт.

— Ну, сказать по правде, Джон, я осужденный контрабандист марихуаны. Только вышел из тюряги.

Все в «Девятнадцатой лунке» смолкли. Джуди неодобрительно уставилась в потолок.

— Прелестно! — воскликнул налившийся джином отставной

торговец оружием Ронни. — Расскажи же нам все!

Я выдал сокращенную версию, опустив все, что касалось ИРА и МИ-6, стал героем этого часа.

— Послушай, а не тот ли ты парнишка-шпион, о котором писали газеты? — спросил Ронни. — Из Оксфорда? Из Баллиола, кажется?

Дело зашло слишком далеко. Джуди ретировалась в дамскую комнату.

— Да, это я, но стоит ли об этом? Все уже в прошлом, — пробормотал я с деланной скромностью. — Ничего интересного.

— Ты прав, — согласился Ронни. — Интересного мало. Посмотри, какой ужас творится в ГусТрин, например...

К моему облегчению, разговор переключился на Фолкленды. Несколькими минутами позже Ронни схватил меня за руку и отвел в тихий угол:

— Ты скучаешь по этому, Говард? — Что он имеет в виду: Оксфорд или тюрьму? — По контрабанде, дружище. Наверное, это было захватывающе. Чем, черт возьми, можно сейчас заняться, чтобы не умереть со скуки?

— Не исключено, что я снова вернусь к контрабанде.

— Могло похуже выйти, — поддержал Ронни, — гораздо хуже. Вот моя визитка. Осесть на каком-нибудь острове в Средиземном море — это замечательно, но нет ничего лучше путешествий. Я все еще держу руку на пульсе — осталось несколько дел, требующих пригляда. Мы не должны зарывать в землю наши таланты, какими бы они ни были.

Вернувшись в Англию, я несколько недель посвятил семье. Мы поехали к родителям в Кенфиг-Хилл, где я не был почти десять лет. Тем не менее люди на улицах и в пабах приветствовали меня, беспутного скитальца, так, будто я никуда и не уезжал. Мы толковали о погоде и о сборной Уэльса по регби. И никто не помянул моего друга детства Марти. Так уж вышло, что я оказался на свободе, а он все еще сидел в тюрьме. Его осудили за то, что он на меня работал, а меня признали невиновным в том, что я его нанял. Прогуливаясь от дюн Кенфига до Скер-Бич вместе с Джуди и детьми, я воображал корабли, разгружающие гашиш на песок. Тот самый, что охраняла русалка Р. Д. Блэкмора[48], увековеченная в его «Деве из Скера». Побережье выглядело заброшенным. На некотором расстоянии от берега стояли на якоре огромные корабли, перевозившие железную руду. Мой отец разгружал такие, когда оставил море и стал работать на суше. Доменные печи и дымовые трубы гигантского сталелитейного завода в Порт-Талбот по-прежнему заслоняли собою небо. На обратном пути на глаза нам попались башенки

замка погребенного города, пронизавшие толщи песка.

Там, где дюны подходили к дороге, располагалось средневековое строение, в прошлом кенфигская ратуша, а ныне паб «Принц Уэльский», где отпускали лучшее в мире разливное пиво «Уэртингтон». В здании имелась говорящая стена. Наверху, где раньше был зал для совещаний. Иногда по ночам стена начинала вещать на древневаллийском. Правда, я подозревал, что тут не обошлось без хмельного. Так или иначе, любопытствующие, пьяные и трезвые, из разных мест съезжались в Кенфиг послушать. Спецы Би-Би-Си записывали и анализировали призрачные звуковые сигналы. Знатоки валлийского из Университета Уэльса распознали немало старинных, средневековых слов в том, что доносилось из закоулков и трещин. Специалисты по физике твердого тела и теории интегральных схем предлагали сложные теории для объяснения феномена. Говорили, что все дело в кремнии, который содержат пески.

Вместе с Джуди и девочками я провел несколько дней в Верхнем Кум-Турче, где у отца имелся небольшой участок земли, затерянный среди безвестных высей, откуда видно все. Полузаросшая тропа вела от дома через Черные Горы к озеру Ллин-Фан, до которого иначе не доберешься. Уэльсцы (включая всех местных) верят, что именно об этом озере говорится в легенде про короля Артура. Может, и так. Берега встают из воды отвесной стеной. Ни рыбы, ни волн, даже когда дует ветер. Над озером парят большие причудливые птицы.

Погода выдалась на редкость солнечная, и мы много гуляли, собирая ягоды и грибы. В окрестностях чего только не было, от римских руин до брошенных угольных шахт. Повсюду бродили мирные овцы, в том числе наши, с клеймом «М» на боку. Цепочки овечьих следов, пересыпанных пометом, приводили к маленьким пабам, где подавали очень вкусное пиво и огромные порции отвратительной еды, приготовленной из полуфабрикатов глубокой заморозки. Я привез с собой гашиш, но не брезговал и грибами: кое-какие из них обладают галюциногенными свойствами. Жизнь была хороша, но пачка денег худела. Эрни так и не вышел на связь.

В Брайтоне меня ожидала весточка от Берни Симонса, моего адвоката. Сразу несколько авторов загорелись желанием написать мою биографию, в том числе Пьер Поль Рейд, автор книги «В живых» и новейшего опуса о великих грабителях поездов. Берни сказал, что за это можно получить хорошие деньги, но следует быть осторожным, чтобы избежать конфликтов с властями.

Берни также имел беседу с чиновниками Управления

налоговых сборов. Я не платил никаких налогов с 1973 года. Люди из управления сказали, что я сделал кучу денег, и что бы там ни думали присяжные Олд-Бейли, они хотят получить свою долю. Берни считал, что мне требуется превосходный бухгалтер — и для того, чтобы утрясти проблемы с налогами, и для того, чтобы учитывать доходы от любой написанной обо мне книги.

Меня по-прежнему интересовали тридцать тысяч фунтов, изъятых при обыске на Ганс-Корт. Как-никак эти деньги дала мне мексиканская разведка.

— Берни, а мы не можем отсудить у таможенников те тридцать штук?

— Говард, радуйся, что тебя оправдали. Не искушай судьбу.

— Но, Берни, если не подать на них в суд, мы тем самым признаем, что деньги получены от операций с наркотиками. Невиновный человек сделал бы именно так, как я предлагаю.

И Берни приступил к возвращению денег. Таможенники пришли в ярость. Они заверили Берни, что я никогда не получу ни единого пенни, даже если выиграю дело в суде. И Берни вошел во вкус. Мы их сделаем!

Он познакомил меня со Стенли Розенталем, хитроумным бухгалтером, арендовавшим офис рядом с Марбл-Арч. Стенли предложил учредить компанию «Степсайд Лимитед» для получения денег от издателей за любую написанную обо мне книгу и взялся вести дела с Управлением налоговых сборов. Узнав, что я подал в суд на таможенное ведомство, он расхохотался.

Тридцатого июня 1982 года я появился в особом офисе Управления налоговых сборов в сопровождении Стенли и Берни. Нас встретил чрезвычайно дружелюбный уэльсец по имени Прайс и английский придурок по имени Спенсер. Когда Берни представился, Спенсер сморозил, что адвокаты только тогда достойны уважения, когда их клиенты признают себя виновными. Это было плохое начало. Нам следовало бы уйти. Прайс и Спенсер допросили меня. Я стоял на том, что не сделал ни пенни на контрабанде гашиша и марихуаны. Попытался было, но груз арестовали, и я сел в тюрьму. Если у меня когда-либо и водились деньги, так это были ссуды приятелей-доброхотов или авансы от мексиканской разведки. Прайс и Спенсер этому не поверили. За последние девять лет я неплохо заработал, было заявлено мне, пусть даже высший суд и снял с меня все обвинения в совершении сделок с каннабисом. Они свяжутся со мной.

Я же хотел повидать Старого Джона, который, опасаясь ареста, последние пару лет провел в Катманду. Было бы славно вспомнить старое доброе время, а заодно отпраздновать

13 августа дни рождения, мой и Лиз, жены Старого Джона. Эпплтон продлил мой паспорт еще на два месяца, и мы вместе с женами и детьми встретились в Лионе, самом подходящем месте для львов по гороскопу. Чтобы привыкнуть к гостиничному обслуживанию и французским ресторанам, не потребовалось много времени. Мы отправились на виноградники Божоле и выпили много «Флёри».

— Вот оно какое дело, нам бы, это самое, ввозить его, значит, и забыть о всяческих безумствах, покамест. — Старый Джон все еще выражался туманно, но он явно хотел, чтобы мы занялись виноторговлей, пока все не приутихнет.

— Неплохая мысль, Джон. Мы могли бы на пару вложить немного денег, снова арендовать последний этаж в доме на Карлисл-стрит и сделать из него наш центральный офис. Но мы мало знаем о вине.

— Да, но есть же Безумный Майор, разве нет? — возразил Старый Джон. — Мы продали ему плиту и, это самое, потом видели его в Греции. Абсолютный псих, но натуральнейший джентльмен. О вине знает все.

Безумный Майор, с которым мне еще предстояло познакомиться, был Майкл Покок, спившийся вояка. В прошлом он несколько лет зарабатывал экспортом вина из Франции в Англию.

— Хорошо, Джон, твоя правда. Джуди будет довольна, увидев, что я занимаюсь чем-то законным.

В Англию мы возвращались через швейцарский кантон Тичино (или Тиссин — на немецкий лад). Хотелось повидать Кампионе, пока еще стояло лето, оживить в памяти старые деньки, полюбоваться видами и вкусно поесть.

Бывшие соседи, бармены и хозяева ресторанов, ничего не знавшие о моем недавнем заключении, нас тепло приветствовали. Мы остановились в скромной гостинице рядом с Лугано, поскольку теперь были стеснены в средствах. Наутро, гуляя по берегу озера, зашли в кафе на Пьяцца Реформа. Каждый дом на этой площади был либо банком, либо кафе. Мы потягивали капуччино и смотрели, как играют дети, и вдруг Джуди вытянулась в струнку, схватила меня за руку и указала на здание «Объединенного швейцарского банка».

— Говард, я уверена, что открыла здесь счет! Думаю, что положила сюда довольно много денег, которые ты мне дал.

Это было возможно. Денег у нас тогда имелось как снега в Швейцарии. Они обрушивались на нас лавиной, и я часто терял их след. Как-никак прошло больше двух лет, много воды утекло.

— А счет на твое имя?

— Думаю, что да.

Я смотрел, как Джуди вошла в банк и пропала. Я уже начал беспокоиться: что, если она открыла счет на имя миссис Танниклифф и забыла? Может, ее допрашивает полиция? Через полчаса она появилась, сияя широкой улыбкой:

— Больше двадцати тысяч фунтов.

Мы выписались из ночлежки и въехали в гостиницу «Сплендид». Мини-бар опустел через двадцать минут. В номер доставили еще несколько бутылок шампанского. Мы мертвецки напились и поссорились, впервые с тех пор, как я освободился. На следующий день ни один не помнил, из-за чего все началось.

В Англию мы вернулись значительно более состоятельными и озабоченными тем, чтоб припомнить, не лежат ли где на счету наши деньги. Я снова арендовал дом 18 по Карлисл-стрит, в Сохо, где, как утверждало обвинение, устроил когда-то штаб-квартиру для контрабанды наркотиков. Счета за электричество все еще приходили на имя мистера Найса. Я познакомился с Безумным Майором. Это был приятный человек и свое дело знал. Жаль только, что пил не просыхая.

Возле площади Сохо располагалось несколько офисов, оказывавших секретарские и бизнес-услуги. В прошлом я потратил на них целое состояние: для каждой из моих личин требовался юридический адрес, телефонный номер и пачка фирменных бланков. Теперь, когда я жил под своим именем, ничто не мешало мне открыть свой собственный бизнес-сервис и брать с других людей деньги за то, что для них отвечают на телефонные звонки, делают фотокопии и получают письма. Недурной приработок и отличное прикрытие. Посылочка из Карачи адресовалась бы не мне, но одному из моих клиентов. Я мог приступить к делу, наняв всего одного секретаря. Им стала девушка по имени Кэти.

Я снова отправился на встречу со Стенли Розенталем. Были учреждены еще две компании: «Мунтейп» (действующая как «Уэст-Энд секреториал сервисиз»), для оказания бизнес-услуг, и «Дринкбридж», по импорту вина. Обе располагались по адресу Сохо, Карлисл-стрит, 18.

Пьер Пол Рейд отказался от мысли написать мою биографию. Он жестоко лоханулся, настрочив кучу дерьма о грабителях поездов, и прочитал достаточно, чтобы опасаться еще одного провала. Берни предложил кандидатуру Дэвида Лея из отдела расследования газеты «Обсервер» и автора книжек о правительственных секретах и громких судебных разбирательствах. У Лея имелся собственный литературный агент, Хилари Рубинштейн, который всегда выбивал

максимальный аванс. На сей раз он добился выплаты пятнадцати тысяч фунтов (меньше, чем Джуди обнаружила на своем швейцарском банковском счету) от издательства «Хайнеманн», и эту сумму предстояло разделить между мной и Дэвидом. Но я согласился: это даже забавно, и деньги более чем законные, поэтому я могу тратить их открыто. Конечно, существовала масса таких вещей, как, например, участие Эрни в колумбийских поставках, о которых следовало умолчать, но я решил, что разберусь позже. Я всегда был творческой личностью.

Мы с Дэвидом отправились в горную Шотландию, и я показал ему место разгрузки и перевалочные базы на Керере, в Конаглене и Обане. Мы побывали на соколиной ферме в Питчли. Дэвиду требовалось спокойное место, где бы он мог расспросить меня обо всем и писать. Я отвез его в Кум-Турч и спустя пару дней там и оставил. Только звонил узнать, все ли в порядке. Большую часть дней он проводил за сбором грибов. Мог бы, наверное, написать «Книгу „Обсервера" о грибах»[49]. Для нас обоих было бы лучше, напиши он ее.

Слушание по поводу конфискованных тридцати тысяч фунтов состоялось в Высшем королевском суде на Стрэнде осенью 1982 года. Председательствовал судебный распорядитель Бикстал-Смит. Обе стороны представляли те же адвокаты, что и на процессе в Олд-Бейли в 1981 году. Королевский адвокат, выступавший от лица Короны, настаивал, что, несмотря на мое оправдание, деньги заработаны за счет сделок с наркотиками. Ни для кого не секрет, что я занимался контрабандой наркотиков и никаким другим способом денег не наживал. Судебный распорядитель подвел итог прениям великолепной речью: «Мистер Маркс, возможно, и в самом деле величайший контрабандист [sic] в мире, но деньги есть деньги, и где-то мы должны остановиться. Он был оправдан, значит, деньги его. Но прежде чем закончить, я хочу сказать несколько слов о "гашише". Прошлым летом мы с женой отправились в Марокко — посмотреть Касбу и Риф. Мы ехали через плантации конопли. Посреди дороги сидел человек, перегородив нам путь. Жена попросила его подвинуться. Потом пригрозила пистолетом. Он не пошевелился. Он был обдолбан. Вот какая эта крепкая штука. Ладно. Удачи, мистер Маркс! Деньги ваши».

Управление таможенных пошлин и акцизных сборов Ее Величества подало апелляцию, угрожая, если необходимо, дойти до палаты лордов. В конечном счете таможенное ведомство уступило, признав, что деньги мои, но согласилось только на то, чтобы конфискованная сумма пошла на погашение моего долга Управлению налоговых сборов. Даже такое решение я расценил

как своего рода победу.

Прошло уже достаточно времени с тех пор, как меня освободили, а Эрни так и не вышел на связь. Наконец позвонил Патрик Лэйн, которого Комбс опекал со времени моего ареста в 1980 году, и сказал, что Эрни хочет встретиться со мной в Ванкувере. Не приеду ли я? Теперь, когда мой паспорт продлили на целый год, я мог без помех отправиться в Ванкувер. Я поселился в «Сипортере», в той самой гостинице, где встречался с Джимом Мак-Канном шесть лет назад. Лежал на кровати и ждал звонка. И телефон ожил. Из холла звонил Патрик. Он поднялся в номер, и я был рад его видеть. Он уже успел нагрузиться так, что мне пришлось догонять.

— Как там Эрни? — спросил я.

— Ты удивишься, — ответил Патрик, — но он превратился в безнадежного торчка.

— Да ты что!? Просто невероятно! Эрни подсел на герыч?!

— Говард, это не герыч, это демерол[50], но пользы от него столько же. Эрни собирается позвонить сюда. Поймешь, что я имею в виду.

Эрни действительно позвонил. Говорил он довольно путано. Я понял одно: Том Сунде отсоветовал встречаться со мной. — Надо подождать, пока станет поспокойней. Я был разочарован.

— Чем сейчас занимается Том Сунде? — спросил я Патрика. — Все еще у на побегушках у Эрни?

— Совсем, нет. Теперь он агент ЦРУ на полной ставке. Это было невыносимо. Эрни — торчок, Том — правительственный шпион.

— Но как же так? — спросил я, не в силах переварить услышанное. — Том действительно перебежал на другую сторону? Или Эрни хочет везде иметь своих людей?

— Я тебе больше ничего не могу сказать. — Поклялся держать язык за зубами. Но помни, что своим оправданием ты, возможно, обязан Тому. Придет время, и все узнаешь, я уверен. А пока не доверяй Тому, не верь ничему, что он говорит.

У меня голова шла кругом.

— Пат, я возвращаюсь в Англию к своим делам. Скажи Эрни, пусть позвонит, когда сможет.

— Вот наилучшая стратегия! — одобрил Патрик, несколько снисходительно.

Я прилетел в Хитроу с пустыми руками и сбитый с толку. Похоже, мне ничего не оставалось, как заниматься законным бизнесом.

Я действительно не грешил несколько месяцев, и к середине 1983 года дом 18 по Карлисл-стрит стал центром кипучей

легальной деятельности. Было протянуто несколько телефонных линий, приобретен текстовой процессор за десять тысяч фунтов, большая фотокопировальная машина и телекс. У компании «Уэст-Энд секретариал сервисиз» завелось более пятидесяти клиентов, которые платили хорошие деньги за передачу сообщений и почтовые услуги. Помещение офиса сдавалось по грабительским почасовым ставкам, телекс постоянно вытрескивал неразборчивую тарабарщину с разных концов света, к фотокопировальной машине стояла очередь.

После посещений Парижа и Дьепа, которые я предпринял с Безумным Майором, компания «Дринкбридж» стала импортировать тысячи бутылок вина и крепких алкогольных напитков. Майор складывал их в погребе в Туикнеме, а друзья Джарвиса и Старого Джона пристраивали в разные места. Среди наших клиентов числились Британская ассоциация кораблестроителей и отоларинголог, пользовавший Маргарет Тэтчер, доктор Пунт.

Кэт обрабатывала на компьютере списки вин и вела корреспонденцию. Еще она занималась с черновыми набросками биографии, помогая Дэвиду Лею. Издательство «Хайне-манн» заплатило аванс. Я приобрел «мерседес». Строительство двухэтажной квартиры в Челси было закончено, и мы переехали туда из Брайтона. Скрупулезно велись счета; взносы по государственной страховке, подоходный налог, отчисления на дифференциальное пенсионное обеспечение, налог на корпорацию и на добавочную стоимость выплачивались самым добросовестным образом. Я был очень занят и очень законопослушен.

И безумно скучал. Ничего из того, чем я занимался, не было ни захватывающим, ни особо прибыльным. Но хотя пачка наличных росла медленней, денег прибывало. Поэтому я совсем не огорчился, когда услышал в телефонной трубке голос Джима Мак-Канна, проговорившего с этим своим нелепым белфастским акцентом:

— Я хочу встретиться с тобой в Париже. Прямо сейчас. У меня есть кое-что для тебя, приятель. Зарегистрируйся в «Георге V». Там ты будешь в безопасности. Мои ребята тебя прикроют. Нас амнистировали.

— Заплатишь за билет, Джим? Я гол как сокол.

— Да пшёл ты!

Сутками позже обдумывал происходящее, опустошая мини-бар. Интересно, что за безумие измыслил Джим? На процессе в Олд-Бейли я публично назвал его наркотеррористом номер один и крупнейшим контрабандистом оружия в мире. Он мне немного

задолжал за эту пиар-акцию. Зазвонил телефон.

— Выметайся из номера, дуй на лифте вниз и медленно выгребай через парадный вход, — прошептал обладатель мягкого дублинского акцента. — Тебя ждут на улице.

Я сделал как было велено. Джим сидел в «мерседесе», побольше моего. Я плюхнулся на пассажирское сиденье, и мы тронулись с места. Он рассмеялся и протянул мне плотно набитый косяк. Теперь уже я хохотнул и затянулся.

— У меня все под контролем, чувак, от сраных афганских погонщиков верблюдов до декадентствующих фашистов, которые держат этот ничтожный сральник, — похвастался он, почему-то показав на Лувр. — Я могу достать чего хочу, где хочу и когда хочу. Я снова на коне.

— Великолепно, Джим. Знаешь, я все еще должен людям за тайские бошки, которые ты вез под видом бананов.

— Я ничего тебе не должен, подонок ты валлийский. Ты должен мне свою свободу и жизнь.

— В самом деле? — запротестовал я. — Да что бы ты делал, если бы не познакомился со мной? Наверное, все так же пугал старых дам в Эндитауне и поджигал бы школьные библиотеки во имя правого дела, хорек ты ирландский. По крайней мере, ты должен поставить мне выпивку.

Мы пропустили по нескольку порций в «Кастель» и «Режинз». Теперь Джим был тут завсегдатаем. Считалось, что он занимается куплей-продажей предметов искусства. Мы перебрались в клуб «Элизе Матиньон», патроном и владельцем которого, по слухам, является Жан Поль Бельмондо. Этот последний приветствовал Джима, словно давно пропавшего приятеля.

— Жан Поль, позволь представить тебе Марка Тэтчера[51], который только что вернулся из Саудовской Аравии. Марк Тэтчер, это Жан Поль Бельмондо.

Меня просто затошнило от Джима. Ну почему люди верят этому сукиному сыну? Я прикидывался Марком Тэтчером, впрочем недолго. Потому что Роману Поланскому Мак-Канн отрекомендовал меня как Эндрю Ллойда Вебера. Я двинулся к выходу, Джим — за мной. Мы сели обратно в его «мерседес».

— Ты еще можешь продавать наркотики? Много наркоты?

— Конечно, Джим. Ты же знаешь, что я лучше всех.

— Ты можешь забрать груз из Амстердама, перевезти в Англию и продать?

— Наверняка я найду того, кто это сделает, Джим. Имей в виду, что это должно быть в кредит.

— Да знаю-знаю, жопа ты валлийская. У меня будет для тебя двести пятьдесят килограммов в следующую среду. Оставь

машину на парковке отеля «Марриотт». На пассажирское сиденье кинь номер «Плейбоя», ключи сунь в выхлопную трубу. Я загружу машину. Где-нибудь на природе перетащишь наркотики в грузовик или фургон, куда угодно, чтобы переправить через Ла-Манш. Вот тебе образец дури и книжка. Почитай. Сейчас отвезу тебя обратно в гостиницу. Когда продашь наркоту, дай знать. И никакого кидалова.

Образец представлял собой полукилограммовую порцию великолепного гашиша с границы Афганистана и Пакистана. Книга — изданная для пользования инструкция Управления по контролю за соблюдением законов о наркотиках, наставление агентам, что надо искать в коммерческих поставках. Она содержала сотни примеров арестованных партий, указывая, что в первую очередь вызвало подозрение. Это было любопытное чтение. Откуда Джим его раздобыл? Наплевав на предосторожности, я провез образец и книгу в Англию.

— Кого бы послать за товаром? Продать эти двести пятьдесят килограммов в Англии не проблема. Я по-прежнему водил знакомства с кучей дилеров, но грузовиков у них не водилось. Таким добром владели только лондонские злодеи. Интересно, выпустили ли Мика Уильямса из тюряги? Он бы с этим справился. Я набрал его номер.

— Говард, сынок, ты и представить не можешь, как я рад тебя слышать! Нам нужно встретиться.

Мы встретились в «Ришо», напротив «Харродза». Мик выслушал мое предложение.

— Я на седьмом небе от счастья, Говард. Мне нужна быстрая работа. У моего парня есть грузовик. Он постоянно на нем ездит. У другого кореша имеется «БМВ». Он сидел десять лет. Каждый день этим занимался. Тот, кто тебе нужен, Говард. Все схвачено.

Грузовик поехал в Роттердам. А один из парней Мак-Канна забрал «БМВ» с парковки отеля «Марриотт», загрузил в машину гашиш, гораздо больше двухсот пятидесяти килограммов, и снова поставил на парковку у «Марриотта». Мик Уильяме поехал забрать гашиш, и ему заломили руки голландские копы из отряда по борьбе с наркотиками. Мне рассказала об этом сестра Мика. Мик обосрался.

Я и сам порядочно «обделался». Мик сидел в тюрьме. Я потерял деньги, которые отстегнул на расходы ему и его ребятам. Мне пришлось оплатить услуги адвоката для защиты Мика. Меня почти накрыли. Могли арестовать. Мак-Канн считал, что я должен ему миллион фунтов.

— Не вздумай мне больше на глаза появляться, валлийский сосунок, пока твое дело не будет на уровне. Понимаешь меня?

— О'кей, Джим. Спасибо за дерьмо.

Вскоре после этого голландская полиция арестовала Мак-Канна в Амстердаме, но не за гашиш, а на основании немецкого ордера на экстрадицию. Немцы все еще не теряли надежды притянуть Джима к ответу за теракт в Мёнхенгладбахе. Помятуя об отказе Франции выдать Кида, они собирались дожать голландцев.

Арест Мики стал для меня уроком. Может, мне не с руки нарушать закон? Может, сосредоточиться на своей легальной маленькой деловой империи в Сохо? Урегулировать отношения с Управлением налоговых сборов?

Однако Управление налоговых сборов ясно дало понять, что, какое бы решение ни было принято, от меня не отстанут никогда. Стенли Розенталь изложил мне преимущества проживания вне пределов юрисдикции. Если бы я большую часть года жил за пределами Великобритании и только два месяца проводил в стране, занимаясь бизнесом, то не нес бы налоговой ответственности, и Управление, не имея ко мне никаких дел, в конце концов, от меня отвязалось. Джуди не хотела жить далеко от Великобритании. Швейцария не подлежала обсуждению: слишком холодно и дорого. Хотелось поехать туда, где все ново и где тепло. Время, проведенное на Корфу, оставило приятные воспоминания, но телефонная связь на острове все еще была доисторической. И кому нужен греческий в качестве второго языка?

Мы свели выбор к Испании или Италии, причем склонялись к последней альтернативе. В 1974 году, скрываясь от полиции, я провел полгода в Генуе. Три года мы с Джуди наездами бывали в Кампионе-ди-Италия. Считали, что нам достаточно знаком итальянский язык, традиции. Мафия по-прежнему восхищала меня, хотя я и знал о некоторых ее операциях. Мы решили осмотреться, начав с Тосканы. Полетели в Пизу и сняли домик в окрестностях Лукки. Побывали во Флоренции, Сиене и Ливорно. Мы слушали оперу на вилле Пуччини[52]и пили «Брунелло ди Монтальчино». Чувственность, разлитая повсюду, и люди вновь нас пленили, но все больше раздражали необходимость платить непомерные деньги за посещение пляжа и манера местных жителей хмурить брови при виде иностранцев, не щеголяющих в носках от Джанни Версаче. И как-то рано утром мы отправились на юг.

В Кастелламмаре-ди-Стабия восьмиполосная автострада, ведущая из Рима, неожиданно превращается в проселок. У приезжих есть четыре варианта: посмотреть Неаполь и пасть от руки грабителей, отправиться на Капри и подохнуть от нищеты, с

трудом продраться через вулканический пепел Везувия в Помпеи или отравиться выхлопными газами, ползая по побережью Мальфи. Мы отвергли все эти возможности, припарковали машину в аэропорту Неаполя и сели на рейс «Итавии» до Палермо, на Сицилии. Мой чемодан хлопнулся на карусель, за ним появились три больших порыкивающих восточноевропейских овчарки. Джуди пришла в ужас:

— Говард, что у тебя там?

— Ничего, любимая. Не волнуйся. Это внутренний рейс. Они не могут обыскивать наши вещи. Мы прилетели сюда не из-за границы.

— Говард, ты поклялся, что никогда не будешь возить наркотики, когда мы путешествуем с детьми.

Я действительно пообещал не вывозить гашиш из Англии и обещание держал — большая жертва. Происходило что-то странное.

— С кем ты здесь встречаешься? Я чувствовала: здесь что-то нечисто.

Джуди ничего не знала о сделке с гашишем, в которой участвовали я, Мики Уильяме и Мак-Канн, но мое возбужденное поведение в последние пару недель насторожило ее.

— Я ни с кем здесь не встречаюсь. Правда. Понятия не имею, что им надо. — Это была чистая правда. Я не знал.

Четверо карабинеров схватили меня и отволокли вместе с чемодом в пустую комнату. Джуди попросили подождать. Сицилийские копы переворошили мой багаж, заглянули во все складочки и углы, забрали все бумаги. В моем сознании зазвучали слова голландского прокурора: «Мистер Маркс, по этому обвинению вас могут преследовать судебным порядком и приговорить к тюремному заключению в Англии, потом в США, Голландии, Австрии, Франции, Ирландии и Италии».

Я уже сидел в Англии и Голландии. Не засунут ли меня за решетку на сей раз в Италии? В 1970-е годы я не раз въезжал в Италию по фальшивым паспортам и преступал обязательные валютные постановления этой страны. Знают ли об этом?

Один из полицейских вернулся, сжимая мои документы и размахивая компьютерной распечаткой. Он протянул руку, широко улыбнувшись:

— A! Синьор Маркс! II capo di contrabando. II spione. Ben venuto a Sicilia![53]

Это было неожиданно. Джуди и детей вежливо пригласили войти. Всех нас отвели в меблированную комнату.

— Dove restare in Palermo?[54]

Я объяснил, что мы забронировали номера в «Вилла Иджиа»

(излюбленном прибежище Счастливчика Лучиано, лучшей пятизвездочной гостинице Палермо). Полицейский позвонил в отель и вызвал шофера.

Палермо оставался оплотом преступности. В центре города возвышалась тюрьма. Полным ходом шел громкий процесс над мафией с участием нескольких сотен подсудимых. Недавно прорытый тоннель соединял тюрьму и суд. Ворота охраняли танки. Вооруженные до зубов охранники не разрешали делать фотографии. За углом дети с оливковой кожей играли в классики по-сицилийски, используя для этого меловые контуры тел недавних жертв убийства. Ни один таксист не пользовался счетчиком. Бутики и парикмахерские только для мужчин. Телефонная связь, особенно по итальянским стандартам, была великолепной. Кухня считалась одной из лучших в Европе. Воздушное сообщение с другими странами сводилось к еженедельному беспересадочному рейсу до Нью-Йорка, которым летали наемные убийцы и спекулянты валютой, выдававшие себя за экспортеров оливкового масла. Я ни разу не заскучал, но должен был согласиться с Джуди, что это не то место, где надо развивать легальную бизнес-империю. Мы уехали, но незадолго до этого я открыл счет в Банке Сицилии.

На следующий день или около того мы находились в зале отправления международного аэропорта Пизы. Разглядывая полки магазина дьюти-фри, я наткнулся на Нила Киннока[55]. Он курил сигарету. То, что я знал о Кинноке, мне нравилось. Казалось, он сочетал в себе короля Артура, Оуэна Глендоуэра и Ная Бивена[56]. Не станет ли Киннок тем долгожданным (по крайней мере для Уэльса) человеком, который вытеснит «железную леди» и станет новым премьер-министром?

— Вы ведь мистер Киннок, не правда ли?

— Да. А вы из какой части Уэльса?

Завязалась обоюдоприятная беседа о географии и климате Южного Уэльса, недавнем выступлении уэльской сборной по регби.

— Говард, иди сюда! — прогремел голос Джуди.

— Любимая, подожди минутку! Я разговариваю с мистером Кин...

— Говард, немедленно иди сюда! — Она злилась. Но почему? Я извинился перед Нилом Кинноком и оставил его. Джуди развернулась и зашагала прочь.

— Джуди, что происходит? В чем дело?

— О чем ты думаешь, черт возьми, разговаривая с этим мерзким тюремщиком из Брикстона? Что, соскучился? Это с ним ты тайно встречался в Палермо?

Что да то да. Нил Киннок был чрезвычайно похож на брикстонского тюремщика, с которым Джуди часто встречалась, когда навещала меня.

— Джуди, это Ник Киннок. Нет ничего плохого в знакомстве с ним.

Джуди сильно покраснела и прижала голову к моей груди. Мы разразились смехом. Уже в самолете дети немного сгладили неловкость, попросив у Киннока автограф.

Голландская система правосудия чрезвычайно гуманна. Мики отпустили после того, как он отбыл несколько месяцев, и не выказали желания арестовать еще кого-нибудь. Мы снова встретились в «Ришо» напротив «Харродз».

— В голландских тюрягах неплохо, Говард. Еда потрясающая, с тюремщиками можно поржать. Хоть на голове стой. Ну, чем занимался, Говард?

Я рассказал ему о своем намерении жить за границей.

— Говард, а в Пальме ты был когда-нибудь?

— Проездом, Мик. Когда занимался поставкой из Марокко в Шотландию, провел одну ночь на яхте.

— Сгоняй туда, Говард. У меня там жилье. Можешь пользоваться любое время.

Приняв любезное предложение Мика, мы полетели в Пальма-де-Мальорка и остановились на квартире Мика, в Магалу-фе. Ближайшие окрестности являли собой воплощенный кошмар организованного туризма. На улицах бесчинствовали орды английских футбольных фанатов. Пабы, называвшиеся не иначе как «Гордость Лондона», «Возвращение пиратов», «Бенни Хилл» и «Принцесса Ди», выплевывали налитых пивом чуваков в недра бесчисленных дискотек, к сувенирным лоткам и забегаловкам, где торговали рыбой с картофелем фри[57]. Странно еще, что уличные потасовки не вспыхивали на каждом шагу. Когда такая пьяная и шумная толпа заполняет английскую улицу, это очень быстро превращается в массовые беспорядки. Лица у отдыхающих светились счастьем. Даже рай не мог бы соперничать с краем вечного солнца, доступного секса и безостановочного пьянства. Здесь крутилось много денег, и заработать, вложив минимум средств, было бы нетрудно. Но как здесь жить?

— Не может быть, чтобы это безобразие расползлось повсюду, — сказала Джуди. — Давай возьмем машину и прокатимся по острову.

Она была права. Через несколько минут зловоние алкоголя и рвоты сменилось сладким благоуханием цветущей вишни и миндаля. Большая часть Мальорки безлюдна и безмятежна. Самый большой пик выше любой горы на Британских островах. У

его подножия живут люди, никогда не видевшие моря, которое лежит всего в пятидесяти километрах. Деревеньки, застывшие на холмах, давали приют величайшим художникам, музыкантам и писателям. В архитектуре Пальмы восхитительным образом смешались средневековые традиции итальянского и мавританского зодчества. Вандалы не крушат телефонные будки, а гашиш люди курят прямо на улицах. Аэропорт один из самых оживленных в мире. Климат великолепный. Мы посчитали, что можем здесь жить, стали подыскивать дом, нашли несколько вариантов и вернулись в Лондон принять окончательное решение.

МАРКС

На моем автоответчике Эрни оставил несколько сообщений с просьбой позвонить. Я набрал продиктованный им номер, и мы побеседовали, пользуясь давним кодом. Его интересовало, знаю ли я по-прежнему поставщиков гашиша в Пакистане, а еще кого-нибудь, кто мог бы отправить на самолете пять тонн лучшей дури в Нью-Йорк. Эрни явно вернулся в бизнес. Я пообещал заняться этим сразу же. Эрни был единственным, против кого Джуди ничего не имела. Он много сделал для нас. Я упомянул об инструкции, которую дал Мак-Канн. Эрни сказал, что они продаются в любой дешевой лавочке. Лучше мне подумать о Пакистане.

В памяти всплыло имя Салима Малика, с которым я познакомился у смертного ложа Мухаммеда Дуррани. Возможно, он меня даже не помнит. Провел всего две минуты в моем обществе и думал, что меня зовут мистер Найс. Я позвонил Малику из уличной телефонной кабины. Он снял трубку. Малик меня совершенно не помнил, но согласился встретиться на нейтральной территории, в Гонконге или Дамаске. Я выбрал Гонконг.

На Дальнем Востоке я не был уже четыре года и с удовольствием предвкушал поездку. Пролистал «Тайм Аут» в поисках дешевых авиабилетов. Лучшие цены предлагала компания «Международный туристический центр Гонконга», и я направился в ее офисы на Бик-стрит. Все дела компании вела одна китайская пара, молодой человек с большим родимым пятном по имени Чи Чюэн (Балендо) Ло и его прекрасная подруга Орка Лю, которая была его старше. Он приехал из Гонконга, она — из Малайзии. Они мне сразу же понравились, и я пообещал навестить их, когда прилечу из Гонконга. А они собрались пополнить свой бар на Рождество и Новый год в «Дринкбридже».

На самолете «Бритиш Каледониан» я прилетел из Гатуика в Дубай, а из Дубая — в Кайтак до полудня, на день раньше запланированной встречи с Салимом Маликом. Зарегистрировался в «Парк-отеле» на Чатем-роуд, на полуострове Коулун, и решил денек побыть туристом.

За те несколько лет, что я здесь не бывал, Гонконг изменился. А может, просто ужасно разросся: население увеличилось вдвое. Шла застройка отвоеванных у моря обширных территорий. Гигантские многоэтажки, заключенные в клети бамбуковых лесов, спешили сменить приземистые здания. Природу здесь ценили гораздо выше, чем в большинстве западных стран. Экологи,

инженеры-строители и планировщики обещали, что не пострадает ни одно дерево. В итоге эти сучковатые создания нелепо смотрелись на фоне неоновых джунглей. Они выглядели жалкими карликами, как бонсай в Кенсингтон-Гарденз.

Я гулял по новому променаду Коулуна и вглядывался в удивительные силуэты острова Гонконг. Сел на паром «Звезда», по-прежнему курсировавший между Гонконгом и Коулуном, такой же дешевый и по-прежнему сплошь оклеенный предупреждениями на китайском: «Не плеваться». Проделал обычную туристическую программу: доехал на трамвае до пика Виктории, съел тигровый член в плавучем ресторане «Джамбо» в Абердине, добрался на самом длинном в мире эскалаторе в Океанский парк, отведал змеиной крови на Жервуа-стрит и выпил в стриптиз-баре в Ванчае.

В газетах было полно скорбных репортажей о том, что Лондон пообещал Пекину возвратить Гонконг. Защитники британского парламента, отвергая обвинения в трусости, утверждали, что просто подходит к концу аренда, сто лет. На самом деле британцы арендовали лишь часть полуострова Коулун и так называемых Новых территорий. Остальное же: основную часть Коулуна (Цимшатсун), остров Гонконг и несколько сот других островов — просто украли во славу Империи. По международному праву китайцы не могли претендовать на эти территории. Но у Пекина данное обстоятельство не вызывало большого беспокойства. Еще со времен шестидесятых китайцы ухитрялись урвать жирный кус, сделав один телефонный звонок в Вестминстер. Маргарет Тэтчер не удалось бы сделать то, что она совершила с Фолклендами. Когда левое португальское правительство в середине семидесятых попыталось отречься от Макао, Пекин отказал: не теперь. Китайцы забирали свое обратно, когда хотели. Гонконг им понадобится к 1997-му. Так и будет. В любом случае кто заправляет в этом месте? Пять миллионов китайцев, двадцать тысяч американцев и семнадцать тысяч англичан. Кто кого надувает? Китайцы рассчитывают свои планы на длительную перспективу. Им потребовалось сто пятьдесят лет, чтобы построить Великую Китайскую стену. А чтобы получить на блюдечке с голубой каемочкой самый крупный торговый, банковский и судоходный центр мира — гораздо меньший срок. Они знают что делают.

Мы с Маликом договорились встретиться в холле «Пенинсулы» за утренней чашкой кофе. Там толкалась масса народу, иностранцы, лениво беседуя, сетовали, что недавно построенный планетарий закрывает вид на море. Мы не выделялись. Малик сидел один за столиком, пристально глядя на

вход. Кивнул в знак приветствия. Я счел это за хороший знак. Но он не улыбался.

— Не возражаете, если я к вам присяду? — спросил я довольно громко, чтобы услышали сидящие по соседству.

— Почему нет? Это свободная страна.

— Ну, в этом не уверен, — усомнился я, садясь за столик. — Вот вы считали себя свободными до 1947 года, когда входили в Британскую империю? — Это было сказано шепотом.

Пакистанец почти улыбнулся.

— Малик, как идут дела с того печального дня, когда мы познакомились?

— У меня все в порядке. Хорошо ли ты был знаком с моим другом?

— Знаю, что он служил здесь полицейским одиннадцать лет. Знаю, что у него был текстильный бизнес в Дубае. И что он внучатый племянник бывшего шаха Афганистана. Пил «Джонни Уокер Блек Лейбл», курил «Бенсон энд Хеджез». Я много раз бывал в его доме неподалеку от Канн. У меня в кармане фотография, где он стоит рядом со мной и моей дочерью Эмбер.

Малик так и впился в меня глазами, потом отвернул голову. Он выглядел встревоженным.

— Дай мне твой телефон в гостинице. Позвоню позже.

— Я дал ему карточку «Парк-отеля», нацарапав на ней номер своей комнаты.

Шагая к выходу, я осознал, что за мной следят. Но кто: ищейки таможенного ведомства и Управления налоговых сборов, люди ли Малика, прихвостни Мак-Канна или агенты, охотившиеся за Эрни? Впрочем, какая разница? Гонконг — одно из тех мест, где ничего не стоит оторваться от хвоста. Я выбежал из гостиницы, повернул налево, пересек Натан-роуд и вбежал в Чунгкинг-Меншенз, многоэтажное здание, возведенное в 1960-х годах, а затем отданное под универмаги и кафе в ближневосточном стиле. Настоящий людской муравейник. Помещения на последних этажах как будто не сдавались под магазины и ресторанчики, и на каждой двери висела табличка: «Не стучать. Частная квартира». Но стоило постучать, как дверь немедленно распахивалась, открывая доступ в маленькую нелегальную харчевню. Через несколько минут я уже ел овощи с карри, приготовленные бомбейскими мусульманами.

Покидая Чунгкинг-Меншенз, хвоста я не заметил, но на всякий случай проскользнул через лабиринт улочек и нырнул на станцию метро «Цимшатсун». Чтобы освоиться, сел на поезд до станции в нескольких остановках от центра. Я купил карточку ради экономии времени. Вышел на улицу и направился в «Парк-

отель» прилечь.

Через несколько часов позвонил Малик:

— Там же в одиннадцать.

Мне не улыбалась идея снова посадить себе на хвост кого-нибудь, но я согласился. В «Пенинсулы» было гораздо тише, а Малик несколько расслабился. Глаза блестели, и он широко улыбался:

— Теперь тебя зовут не мистер Найс. Ты Д. Г. Маркс. Так сказали в гостинице.

— Малик, можешь звать меня мистер Найс, если хочешь.

— Нет, я буду звать тебя Д. Г. Маркс. Нам известно о твоей репутации в Пакистане.

— Спасибо. Не хочешь ли иметь дело со мной? Потому что у меня есть предложение.

— Д. Г. Маркс, если на то есть воля Аллаха, мне всегда приятно иметь дело с честными людьми.

— Ты можешь достать товар?

— Да, если на то есть воля Аллаха. Но я не занимаюсь с дьявольским товаром.

Что он имеет в виду? Надеюсь, не гашиш. Может, героин из стран «золотого полумесяца» (Иран, Пакистан, Афганистан)? Или ракеты? Значительное количество «стингеров», которыми американцы снабжали афганских моджахедов для ведения войны с Советским Союзом, осели на черном рынке оружия в Пешаваре и пополняли арсеналы террористических группировок.

— Малик, я говорю, про товар, который ты продавал в Гайд-парке в 1965 году.

Улыбка его стала еще шире. Он протянул руку:

— Д. Г. Маркс, это мой главный бизнес. У меня лучший товар. Из страны, если на то будет воля Аллаха, его можно вывезти многими способами. Но никаких американцев. Я уже видел одного агента DEA сегодня утром здесь в гостинице.

— Ну, Малик, они везде. Но товар наверняка может оказаться в Америке.

— Где окажется товар и кто его туда доставит, не моя забота. Я встречаюсь только с тобой, Д. Г. Маркс. Ты говоришь, как передать товар. Я говорю, как передать деньги.

— Договорились.

Малик собирался улететь в тот же вечер. Мы обсудили, как будем держать связь, договорились встречаться в Гонконге, чтобы я мог передать ему разумную сумму наличных вместе с инструкциями по экспорту груза.

На следующий день я открыл банковский счет. На всякий случай выбрал «Креди Свисс». Отделение банка размещалось на

тридцать втором этаже огромного золотого небоскреба, носившего название Дальневосточного торгового центра в районе Адмиралтейства, на острове Гонконг. Мне сказали, что моим счетом будет заниматься мистер Стивен Нг. Я положил на счет тысячу гонконгских долларов.

Теперь можно было начинать бизнес. От Гонконга до Бангкока меньше трех часов лета. На ум пришел Фил Спэрроухок. Мы расстались не лучшим образом, когда семьсот пятьдесят килограммов тайских бошек накрыли в грузовике Мак-Канна в 1979 году. Тем не менее, узнав о моем освобождении из Уондзуорта, Фил черкнул поздравительную открытку. Приписал свои телефонные номера в Бангкоке. Не рискуя звонить из гостиницы, я отправился на телеграф, на Миддл-роуд.

Фил был рад меня слышать, пообещал забронировать номер в отеле «Ориентал» и встретить в аэропорту.

В Бангкок я летел рейсом «Китай Пасифик». И забыл, насколько азиатские авиалинии приятнее европейских и американских. Стюардессы улыбались, счастливые королевы красоты, не чета неряшливым дурнушкам с «Пан-Американ». Наушники, помогающие скрасить время в пути, не вызывали ассоциаций с фонендоскопом. Еда была острой и пряной, напитки подавали без ограничений. Сотрудники иммиграционной службы и таможенники в международном аэропорту Бангкока Донмуан лучились дружелюбием. Фил стоял сразу за ними, неприметный, как всегда. По виду не скажешь, сидит ли он на бобах или только что заработал миллион. Мы направились к парковке.

— Ну, Альби... Полагаю, теперь тебя надо называть Говард? С чего начнем? Массаж, выпивка? В «Ориентал»?

— Думаю, в отель, но мне бы не помешали несколько косяков с тайской травой. В Гонконге ее не достать.

— Так я и думал. Все уже в машине.

— Круто! Хотя ты же не начал курить, верно?

— Нет, но достать не проблема. Любое количество.

Мы сели в машину Фила. Должно быть, она оказалась такой же невыразительной. Не помню. Главное, внутри было опрятно, а в девственно чистой пепельнице лежали три плотно набитых косяка. Я и второй докурить не успел, как вставило.

Подобно всем водителям Бангкока, мы застревали на каждом перманентно красном светофоре, слушали звонкую тайскую попсу, орали и матерились на толпы детей, которые барабанили в окна, пытаясь продать нам цветочные гирлянды. Пот тек с нас ручьями, мы задыхались в черных облаках выхлопных газов. Неспешной поступью прошествовал слон. Монахи в оранжевых одеждах просили подаяние. С гигантских рекламных щитов

смотрели герои комиксов, говорившие на санскрите. Когда мы подъехали к «Ориентал», сгустились муссонные облака. Фил высадил меня и поехал парковаться. С красными глазами, не чувствуя под собой ног, я подошел к стойке портье.

— Долгий перелет, сэр? — осведомился служащий, ошибочно приняв «приход» за усталость после перелета.

Я улыбнулся отсутствующей улыбкой.

— Мы разместили вас по VIP-классу, мистер Маркс, номер Джозефа Конрада. Сюда, пожалуйста!

Джозеф Конрад способствовал открытию гостиницы «Ориентал». Другие английские писатели, такие как Сомерсет Моэм и Ивлин Во, тоже там останавливались и творили. В их честь названы апартаменты. Мебель из белого тростника, фотографии колониальной эпохи, бамбук, изобилие тропической флоры.

Появился Фил. Мы оба порадовались встрече, посетовали на то, что банановое безумие Мак-Канна прервало наше сотрудничество. Фил сожалел о том, что не остался в Англии и не извлек пользы из колумбийских поставок. Впрочем, у него и так все было в порядке. Роберт Кримболл, поставщик Эрни, угодил в серьезную передрягу и отбывал ужасающий приговор — сорок пять лет, но Фил наведывался к нему и работал над тем, как купить его свободу. Роберт передал Филу свои контакты, и тот поддерживал хорошие отношения с поставщиками тайской марихуаны. Более того, к услугам Фила был Джек Уоррен по кличке Выдумщик из Австралии.

Фил успешно отправил несколько партий, не испытывал проблем с деньгами. Некоторое их количество инвестировал в кучу легальных предприятий. Имел партнера-китайца, вместе с которым управлял компанией по экспорту продовольствия, и партнера-американца по имени Деннис в компании по найму рабочей силы. Оба этих предприятия простерли свою деятельность до Филиппин, где Фил, через каких-то австралийских друзей, познакомился с аферистом из английских аристократов, лордом Мойниханом. Фил был рад, что когда-то я отправил его в Бангкок. Он женился на тайке, которая только что родила ему дочку.

Новый урожай индийской конопли уже почти созрел. Фил собирался приобрести несколько тонн. Он мог отправить любое количество по воздуху или морем. Мог договориться с владельцами частных судов, стоявших на якоре в Южно-Китайском море. Однако его связи за пределами Таиланда ограничивались людьми, отправлявшими груз в Австралию. Он нуждался в новых контактах, особенно в Америке и

Великобритании.

Я посвятил Фила в свои дела, умолчав о Пакистане. Он обрадовался, что Эрни рвется в бой и был впечатлен размахом моих операций в Сохо. Спросил, не может ли «Уэст-Энд секреториал сервисиз» стать его лондонским офисом. Я согласился. Это было бы хорошим прикрытием для нашей будущей нелегальной деятельности.

Покончив с делами, мы закружились в вихре удовольствий, какие мог предоставить квартал Патпонг. На двух параллельных улицах более сотни баров и прилавков с лапшой, а также несколько тысяч проституток, которые и танцевали, и раздевались, и отправляли к себе в вагину бутылки из-под кока-колы, бритвенные лезвия и теннисные шарики. Мы угощали девчонок лимонадом и сделались популярны. Проститутки старались выяснить, насколько мы наивны и богаты:

— Солнышко, я тебе нравлюсь? Фаланг, купи мне еще стаканчик. Ты оцень красивый. Сколько раз ти биль Бангкок, фаланг? Тебе нравится мое тело? В какой гостинице ты остановился?

Примерно через десять баров веселье прошло. Мы поймали самлор, трехколесный мотороллер с закрытым сиденьем сзади. По улицам Бангкока их носится несколько сот тысяч напролет. Их еще называют тук-тук, поскольку они тарахтят как припадочная электропила. Обнаружив недюжинное знание тайского языка, Фил спросил водителя, куда тот направлялся. Оказалось, поужинать на Пратунам-маркет, где ели все водители тук-тук. Мы согласились оплатить его трапезу, если отвезет нас туда. Он не мог поверить своему счастью, и мы понеслись на головокружительной скорости.

Пратунам-маркет — обширное скопище примитивных кухонь и обшарпанных столов под тентами или рифлеными жестяными крышами, отчаянно соперничающих за место и клиентов. Все залито ослепительным флуоресцентным светом. И посетители, и обслуга в солнечных очках. Сотни жадно насыщающихся проституток, некоторые почему-то в форме стюардесс тайских авиалиний. Девушки всецело поглощены едой — клиента здесь не снимешь, водители тук-туков — люди бедные. Никаких меню не было. Между столов и стульев ковыляло несколько огромных крабов, сбежавших с кухни, скакали лягушки. Кроме нас, никто не обращал на это никакого внимания. Мне хотелось скурить здоровенный косяк с тайской дурью. У Фила все закончилось, а до дома было слишком далеко. Выручил водитель тук-тука, Сомпоп. За полминуты достал уже свернутые сигареты с ганджей и дешево. Мы перекусили какими-то рептилиями. Я накурился, а

Фил заскучал. Договорились встретиться утром. Фил остановил другой тук-тук, а Сомпоп отвез меня в «Ориентал». Я спросил, где смогу его найти, когда снова буду в Бангкоке. К сожалению, ни адреса, ни телефона он не имел. Но кроме безнадежно хаотического Пратунам-маркета, бывал регулярно, каждую пятницу, у Эраван Будды, рядом с гостиницей «Эраван». Это подходило идеально.

На борт лайнера тайских авиалиний, летевшего в Гонконг, я поднялся воодушевленным. Стюардессы соблазнительно улыбались. Эти были настоящие, не то что мошенницы с Пратунама. Я взял экземпляр «Бангкок-Пост» и заинтригованно прочитал заголовок «Уэльс собирается экспортировать свою воду». В статье рассказывалось о том, как уэльские власти пытаются продать часть неистощимого запаса питьевой воды, рассчитывая использовать резервуары-хранилища и оборудование Милфорд-Хейвен, самой большой природной гавани Великобритании и нефтяного порта. Предполагалось закачивать воду из резервуаров в нефтяные танкеры. Во многих странах не хватало воды, а в этом предложении, как делала вывод автор статьи, было гораздо больше смысла, чем в недавно оставленной попытке растопить айсберги из Арктики.

Бог знает почему, у меня возникло сильное желание этим заняться, хоть я и не знал как. «Дринкбридж», название нашей виноторговой компании, как нельзя лучше подходило для такого начинания. В бизнесе один из ключей к успеху состоит в том, чтобы заниматься интересным тебе делом. Тайская травка, выкуренная по дороге в аэропорт, будоражила сознание. Я стану тем человеком, который купит у Управления водных ресурсов миллиарды галлонов лишней воды. Только сначала нужно детально ознакомиться с предметом. Это не так уж сложно: есть книги, можно поговорить с отцом и нанять исследователя. Еще понадобятся «верительные грамоты»: визитные карточки и бланки компании «Дринкбридж», без алкогольной символики, кистей винограда и винных бутылок. Гонконг — отличная площадка для старта.

С таможней в аэропорту Кайтак проблем не возникло. Полиэтиленовый пакетик с тайской марихуаной у меня в носке не обнаружили. Я зарегистрировался в «Парк-отеле» и зашагал на телеграф — позвонить Эрни и рассказать, что возможны поставки из Пакистана и Таиланда. Он посоветовал, пока я в Гонконге, познакомиться с другом Патрика Лэйна, Брюсом Айткеном, управляющим финансовой компанией «Фест файнэншл сервисиз». Деньги на пакистанские сделки и мне на расходы, возможно, отправят через него и передадут в Гонконге в новом году.

Брюс, довольно симпатичный американец, был инвестиционным брокером. Патрик давал ему советы по части вложений.

Я спросил, не знает ли он ответственного бухгалтера для создания компании. Он рекомендовал Армандо Чунга и договорился с ним о встрече на следующее утро.

Деловой день подошел к концу, и Брюс предложил куда-нибудь меня сводить, прежде чем пойдет домой. Он оставил меня в полуподвальном этаже «Нового мирового центра» в Цимшатсун-Ист, в местечке под названием «Бар-сити», развлекательного комплекса, состоявшего из нескольких баров, в которых играла разная музыка. Я выбрал бар «Кантри», где шестьдесят китайцев танцевали под джаз и кантри и подпевали филиппинской группе, исполнявшей вещи Уэйлона Дженнингса.

Я порядочно выпил, посетил еще в несколько баров и оказался в «Пей до дна», известном гонконгском притоне для яппи с девицами топлесс, который недавно запечатлели в несколько приукрашенном фильме про Джеймса Бонда «Человек с золотым пистолетом». Было около двух ночи, западные и японские банкиры, бизнесмены и дипломаты вырубались, блевали, ссорились с женами и с вожделением пялились на гологрудых куколок. Среди здешних «хозяек» африканок и азиаток, попадались и шумные, грубые девки, которые совали свои сиськи в лица мужчин, чтобы развести их на галлоны дорогущей подкрашенной воды, и тихони, готовые к тому, что их оттрахают в ближайшей ночлежке, и прекрасные гейши, которые флиртовали в надежде изменить свою судьбу.

Я сидел в одиночестве не больше десяти секунд. Ко мне присоединились две гонконгские гейши Эйприл и Селена, которых ужасала перспектива жить под властью китайских коммунистов. Я не разделял их опасений. Насколько я мог судить, Китай жил при капитализме вот уже восемь тысяч лет и основал процветающие бизнес-сообщества во всех странах мира. Коммунизм в Китае длился менее века. Они с ним разделались. Китайцы на континенте уже окружили Гонконг четырнадцатью гигантскими небоскребами особой экономической зоны. Каждый был Гонконгом в миниатюре. Самое худшее, что могло произойти с Гонконгом, конечным продуктом соединенной западной и китайской жестокости и парадигмы кейнсианского экономического успеха, это дальнейшее его расширение.

Эйприл и Селена посчитали мои взгляды довольно наивными. Они хотели уехать. В идеале выскочить замуж за лондонского яппи-миллионера и получить британское гражданство. Впрочем, готовы были удовольствоваться и

меньшим. Даже заплатить хорошие деньги за документы, позволяющие стать подданными Великобритании.

Я подумал о паспорте мистера Найса, лежащем без дела в Кампионе-ди-Италия. Захотела ли бы одна из гейш стать миссис Найс? Я мог бы достать кучу поддельных паспортов и жениться на двадцати экзотических дальневосточных проститутках. Мне бы щедро заплатили.

Эйприл, Селена и я отправились в ночной японский суши-бар. После множества чашечек с горячим саке мы обменялись телефонами и адресами. Я пообещал найти им и их подругам мужей. Они же уверяли, что в Гонконге у меня будет все, чего ни захочу: место, где остановиться; лучшие деловые партнеры; допуск во все клубы; проститутки. Я спросил, не достанут ли они марихуаны, просто покурить.

— Маркс, я достану тебе что угодно под солнцем, без проблем, — рассмеялась Эйприл, достав косяк, когда мы вышли из японского ресторана, и попросила таксиста отвезти нас в клуб «Тысяча девятьсот девяносто семь».

Армандо Чунг, бухгалтер, встретился со мной в своем офисе в здании «Винг Он» следующим утром. Я оставил ему денег, дал указания зарегистрировать компанию под названием «Гонконг Дринкбридж Лимитед» и открыть банковский счет. Обещал вернуться в новом году. Остаток дня и денег я потратил на покупку рождественских подарков в торговых галереях Цзюлуна.

На пути в Лондон я не мог спать. Мне грезились танкеры, полные воды, грузы гашиша, чемоданы денег и номера для новобрачных, набитые китайскими проститутками.

— Тебя долго не было, — сказала Джуди, едва я переступил порог. — Ты обещал быстро вернуться.

— Я отсутствовал всего несколько дней. Путь неблизкий. Я много сделал. Я работал.

— Говард, ты всегда работаешь. Ты не меняешься. Сюда повадился звонить еще один твой друг из тюрьмы. Джим Хоббс. Полагаю, теперь ты будешь и с ним встречаться.

Она была права по всем статьям. Я дал себе слово, что возьму Джуди, Эмбер и Франческу в Гонконг, когда полечу туда в следующий раз. Им там понравится. А Хоббс пригодится. Ему можно доверять, он работящий парень. Может, он захочет жениться на китайской проститутке за деньги.

Рождество мы встречали у моих родителей в Уэльсе. Управление водных ресурсов Уэльса располагалось неподалеку. Около недели я читал про транспортировку воды и договорился о встрече с Роем Уэбборном, помощником финансового директора Управления. Сказал, что представляю синдикат дальневосточных

бизнесменов, заинтересованных в закупке целых танкеров воды и доставке ее в Саудовскую Аравию. Уэбборн объяснил, что экспорт уэльской воды в таких масштабах пока невозможен, но запасы ее велики, а нефтяные танкеры, выходящие из гавани Милфорд-Хейвена, кроме балласта, морской воды, ничего не везут. Если кто-либо готов оплатить установку, оборудованную для закачки большого количества пресной воды в гавани Милфорда, то Управление оплатит прокладку трубопровода до гавани и продаст воду по низкой цене. Я обещал подумать. Он выдал мне пачку лабораторных сертификатов качества и разноцветных брошюр на разных языках.

Январь 1984 года выдался холодным. Англичане все еще слушали прошлогодние хиты: Karma Chameleon, Red Red Wine и Uptown Girl. Ничего особо не происходило, поэтому меня обрадовал звонок Эрни Комбса:

— Привет! У меня хорошие новости. Фрэнк во Франкфурте с контрактом. Можешь встретиться с ним прямо сейчас?

Фрэнком мы называли деньги, Франкфуртом — Гонконг. Под контрактом подразумевались инструкции относительно сделки, которую решил провернуть Эрни.

— Конечно. Позвонить тебе, когда приеду?

— У меня для тебя новый телефон. Тебе ответят «ПУЛА». Не пугайся. Это не Полицейское управление Лос-Анджелеса, а мой приятель по имени Флэш. Он в электронике гений. Попроси меня, и он соединит тебя с любой гостиницей, в которой я остановился. Я нынче живу в отелях.

На сей раз я полетел рейсом «Бритиш Эйруэйз», снова забронировав место через «Международный туристический центр Гонконга». Прибыл рано утром, взял такси от аэропорта Кайтак до «Парк-отеля», зарегистрировался и отправился на телеграф позвонить Эрни. Он велел связаться с его другом Биллом, который остановился в роскошной пятизвездочной гостинице «Мандарин» на острове Гонконг. Я добрался туда на пароме.

Весь вид и манеры Билла выдавали в нем сурового американского вояку. Он служил в десантно-диверсионных войсках специального назначения во Вьетнаме и бегло говорил по-русски. Среди знакомых Эрни попадались странные люди.

— В чемодане ровно миллион двести пятьдесят тысяч долларов. Сам считал. Мне приказано передать тебе деньги.

— А мне что с ними делать? — спросил я.

— Не знаю. Ты что, не в курсе? Ну вы, ребята, даете! Это тебе не на правительство работать.

— Билл, а Эрни больше ничего не просил передать?

— А это еще кто?

— Тот, кто дал тебе чемодан с деньгами.

Это был не Эрни, а какой-то узкоглазый, который работает в банке, пару кварталов отсюда. Но ты точняк тот парень, кому я должен отдать деньги. Ты ведь бритиш, правильно? Бери, и дело с концом Я собираюсь пригласить парочку китайских шлюх на вечер. Чемодан тяжелый. Я снесу его тебе вниз. В любом случае я сейчас ухожу. Можешь взять такси.

Я торчал на улице рядом с отелем. Ни одного такси. И вдруг бесконечная змея красно-белых гонконгских таксомоторов проползла мимо. Таксисты что-то орали из окон, не убирая рук с гудка. Это была забастовка, и бастующие в знак протеста решили перекрыть улицы Гонконга. Дорожное движение остановилось. Я застрял. Я едва мог поднять чемодан, не говоря уже о том, чтобы донести его до парома. По счастливой случайности станция метро «Центральная» находилась прямо на углу. Истекая потом и тяжело дыша, я стащил чемодан вниз по ступенькам к длинной очереди у турникета. Перетащить чемодан через турникет мне не удалось: от титанических усилий лопнули швы на штанах. Двое китайских школьников помогли донести чемодан до битком набитого поезда подземки. Я вывалился из вагона на станции «Цимшатсун» на грани полного истощения и попер наверх по ступенькам.

Забастовка превратилась в массовые беспорядки. Толпы орущих китайцев носились сломя голову, били и грабили витрины. Груды электроники и дешевых драгоценностей вываливались на тротуар и пропадали. Люди тащили все, что попадалось под руку. Содержимое моего чемодана стоило больше всего украденного. Я запаниковал. Сердце бешено колотилось, а сил уже не было. Я сел на него и наблюдал за беспорядками. Наконец мне полегчало, и я доковылял до «Парк-отеля».

— Я возьму ваш чемодан, мистер Маркс, — сказал маленький китайский носильщик, шутя поднял огромную тяжесть, поставил чемодан себе на плечо и припустил по коридору к лифту. Я помчался за ним. Он поставил чемодан и широко улыбнулся, когда я дал ему на чай сто гонконгских долларов.

Я в изнеможении рухнул на кровать, не чуя под собой ног от усталости. Косяк, предусмотрительно прихваченный из Лондона, погрузил меня в сон.

Пару часов спустя я проснулся в окружении трех гостиничных служащих.

— Ай! Мистер Маркс, вы должны закрыть дверь. Вы должны закрыть дверь. Может прийти вор. Сегодня в Гонконге сумасшедший день.

Это был верх безответственности. Я заснул, бросив больше

миллиона долларов посреди комнаты с настежь распахнутой дверью. Выходить из комнаты было рискованно, не то что спускаться вниз. И Эрни не позвонить. В Лондоне день только начинался. Хоббсу полагалось находиться в офисе в Сохо. Я поручил ему несколько работ для «Дринкбриджа».

— Джим, можешь сесть на ближайший рейс до Гонконга? Попроси Балендо в «Международном туристическом центре Гонконга» выдать тебе билет за мой счет.

— С превеликим удовольствием, Говард.

— Захвати свое свидетельство о рождении, Джим. Возможно, ты женишься.

«Парк-отель» не принадлежал к числу лучших гостиниц Гонконга. Черно-белые телевизоры, какая-то музыка по радио. И всего три косяка. Я поставил чемодан в шкаф и выкурил все три. Позвонил Эйприл.

— А, Маркс! Вернулся в Гонконг. Мы с Селеной думали, уже не приедешь. Пойдешь вечером в «Пей до дна»?

— Нет, останусь у себя в номере, мне должны позвонить.

— Хочешь, мы придем к тебе? Где ты остановился?

— «Парк-отель». На Чатем-роуд. Эйприл, ты можешь принести немного...

— Я все принесу, Маркс. До встречи!

— А, Маркс, почему ты остановился в номере 526? Это число тебе принесет несчастье, — сокрушалась Селена.

— Феншуй все обломил, — согласилась Эйприл.

— Что такое феншуй?

— Это то, что гвайлу называют «примета», «знак», — пояснила Эйприл. — То, что с тобой получается, зависит от того, на что ты смотришь.

— А что такое гвайлу?

— Ты — гвайлу, Маркс. Это значит «Белый дьявол».

— Стало быть, если вид из окна дерьмо, вы скажете, что феншуй оставляет желать лучшего.

— Не только вид из окна, Маркс, еще расположение. Эта гостиница очень плохая. Почему бы тебе не переехать в «Шангри-Ла»? Моя подруга работает там заместителем управляющего. Я договорюсь обо всем. Будет стоить столько же, сколько и здесь.

— О'кей. Только я должен дождаться друга. Он прилетает завтра из Лондона. После этого перееду в «Шангри-Ла».

— Маркс, а кто твой друг? — заинтересовалась Селена.

— Его зовут Джим Хоббс. Он едет в Гонконг жениться.

— На гвайлу или на банане?

— Банане?

— Желтый снаружи, белый внутри. Как китаец, родившийся в

Америке.

— Джим не женится ни на гвайлу, ни на банане. Он собирается жениться на настоящей китаянке.

— А на ком? — полюбопытствовала Селена.

— Вот вы мне и скажете. Может, на тебе, может, на Эйприл.

— А, Маркс, ты прекрасный человек! Привозишь нам мужей, — сказала Эйприл.

— Ну, пока что только одного, да и тот в пути. Но будут еще.

— Хоббс красивый? — спросила Селена.

— Нет.

— Богатый?

— Нет.

— Молодой?

— Нет.

— Сексуальный?

— Не знаю. Он гомик.

— Я за него выйду. Сколько это будет стоить? Миллион с лишком долларов в шкафу располагал к щедрости.

— Селена, я не возьму с тебя денег. И с тебя, Эйприл, тоже не возьму. Мы втроем откроем дело. Вы ищете жен и берете с них деньги. Я нахожу мужей и плачу им. Затем мы делим прибыль на троих.

— Это хороший бизнес, Маркс, — одобрила Селена. — Но чтобы сохранить лицо, я заплачу за Хоббса. Сколько ты хочешь?

— Никаких денег. Просто помогай, когда я в Гонконге. Ходи со мной. Води туда, куда не ходят остальные гвайлу. Раскрой мне все тайны.

— Маркс, ты что, шпион? — спросила Селена.

— Нет. Наркоконтрабандист.

— Я так и знала! — взвизгнула Эйприл. Маркс, мы достанем тебе все, что угодно. Можем устроить квартиру, машину, секс, наркотики, вход в частный клуб. Нет проблем. Но ты должен за это платить и отстегивать нам комиссионные. Возьми с меня и Селены деньги за мужа. В Гонконге так принято. Среди друзей тоже.

— О'кей, тогда пусть каждая заплатит мне по сто тысяч гонконгских долларов. Деньги оставьте у себя и вычитайте из них расходы. В этом случае я смогу звонить вам из-за границы и просить об услугах.

— Хороший план. Маркс. Я скрутила несколько косяков. Без табака. Камбоджийская дурь. Курнем?

И мы закурили. Девушки поведали мне подробности своличной жизни. Селена состояла на содержании у нескольких японских финансовых тузов, Эйприл — у пожилого британского

дипломата. Эти пташки дарили свою любовь только за деньги. На рассвете девицы упорхнули, а я заснул.

Вечером приехал Хоббс. Я посвятил его в проблему с деньгами. Сообщил, на ком он женится и почему. Эта идея его позабавила, и он не сомневался, что подберет среди своих еще женихов. Я попросил его посторожить деньги и отправился на телеграф.

Флэш мгновенно подключил Эрни, который уже беспокоился. Меня ожидали еще двести пятьдесят тысяч долларов у Билла, в «Мандарине». Сто пятьдесят тысяч у сына Ричарда Шурмана, Стива, в отеле «Пенинсула». И столько же у Брюса Аткена, в его офисе, в Эдинбург-тауэрс. У Стива имелись подробные инструкции, но Эрни, впавший в эйфорический пофигизм, ясно дал понять, что хочет провернуть две поставки: две тонны морем из Бангкока и пять тонн самолетом из Карачи. Возможно, он и был немного непоследователен, но дела делал.

По протекции Эйприл я вселился в пентхаус отеля «Шангри-Ла» на берегу Цимшатсун-Ист. Из номера открывался восхитительный вид на порт. Полагаю, феншуй не подкачал. Увы, ни один из гостиничных сейфов не вместил бы деньги, которые Хоббс стерег в «Парк-отеле», не говоря уже о новых поступлениях. В самый большой удалось бы втиснуть лишь половину того, что я имел на руках. Абонировав его, я позвонил Биллу в «Мандарин» из телефонной будки и договорился о встрече завтра, ближе к полудню. Стива попросили ждать меня в холле «Пенинсулы» в полночь.

Узнать Стива оказалось нетрудно: типичный калифорнийский серфингист, молодой, светловолосый. Рядом с ним стояла картонная коробка из-под видеомагнитофона «Панасоник».

— Здорово, чувак! Я так полагаю, ты — Говард. Деньги в коробке. Это письмо тебе. Кстати, думаю, за нами следят.

— Ты о чем, Стив?

В аэропорту Гонконга меня обыскали таможенники. Нашли деньги и задали кучу тупых вопросов. Я просто сказал, что деньги мои, все сто пятьдесят тысяч. Приехал, чтобы серьезно потратиться. Отец говорил, закон не запрещает ввозить сюда деньги.

— Это да, но будь уверен: гонконгская таможня поставит в известность DEA. Как тебя угораздило взять эту коробку? Ни один дурак не повезет сюда видак из Штатов. Таможенники нашли письмо?

— Нет. Они не обшаривали карманы. А видак я купил здесь сегодня утром.

— Ты оставил деньги в номере без присмотра?

— Да. Я типа припрятал их. И повесил на дверь табличку «Не беспокоить».

— Стив, а где ты бронировал номер?

— В Лос-Анджелесе.

— Значит, твой телефон, возможно, прослушивается, а в номере поставили жучок, и по крайней мере один из парней в холле — агент DEA. Спасибо, Стив!

— Слушай, чувак, прости. Что мне оставалось делать?

— Не беспокойся. Ты не виноват. Когда допьешь, отнеси коробку обратно в номер. Переложи деньги в чемодан. Видак верни в коробку. Оставайся в номере. Завтра утром к тебе придет девушка по имени Сьюзи Вонг.

— Класс!

— Какой марки твой чемодан, Стив?

— Луи Вюиттон. Очень красивый.

— Сьюзи Вонг принесет тебе новый, а твой, с деньгами, заберет. Через несколько минут я позвоню тебе отсюда, из холла. Принесешь видеомагнитофон в коробке и отдашь его мне. Больше ты его не увидишь.

— Слушай, чувак, я заплатил за него четыре сотни.

— Завтра утром получишь пять.

— Клево.

Стив пошел к себе в номер. В холле оставались трое: дорогая проститутка, индус и стриженный под ежика, на мой взгляд, явный агент DEA. Я уставился в пол, натертый до блеска. Из-под стула выбежал огромный таракан.

— Боже мой! Вы только подумайте: тараканы в «Пенинсуле»! — воскликнул индус. — Еще несколько лет назад такое было бы невозможно. Когда Гонконг отойдет обратно Китаю, подобных вещей станет еще больше. Можно к вам присоединиться? Меня зовут Сэм Тэйлор.

Я поднялся пожать ему руку. Я слышал об этом человеке: самый известный портной в Гонконге, среди клиентов Деннис Тэтчер[58]и Дэвид Боуи. Мы разговорились. Уже несколько поколений Тейлоров появилось на свет в Гонконге. Предки Сэма прибыли сюда с англичанами. Имперская стратегия «разделяй и властвуй» в Гонконге не сработала: китайцы своих не арестовывали, поэтому управляться с непокорными предоставили индусам. Они пустили здесь корни. Те, кто не шел в полицию или армию, занимались бизнесом и процветали. Сэма беспокоил 1997 год. Китайские коммунисты не слишком благоволили к индусам. Тейлор дал мне визитку. Я сказал, что зайду к нему на следующий день и закажу кое-что для своего гардероба.

Было почти два ночи, когда я вышел из «Пенинсулы». Слежки

не заметил, но на всякий случай я нырнул в переулок и отправился в «Пей до дна».

Селена с Эйприл все еще торчали в клубе. Мы договорились, что завтра днем Селена встретится с Хоббсом в гонконгском отделе записей актов гражданского состояния, а Эйприл (под именем Сьюзи Вонг) в одиннадцать утра заберет деньги у Стива и отнесет на свою квартиру в Тай-ку-шинг, на острове Гонконг. Пропустив несколько стаканчиков, я забрал из «Парк-отеля» все свои вещи, за исключением огромного чемодана с деньгами, и вернулся в «Шангри-Ла».

Инструкции Эрни требовали получить от пакистанцев пять тонн гашиша лучшего качества и отправить самолетом в аэропорт Кеннеди под видом комплектующих, пересылаемых из Токио КАА — Японской национальной телефонной компанией, для «Американ телефон и телеграф».

Две тонны марихуаны из Таиланда следовало отправить контейнером на корабле в Лонг-Бич, Калифорния, в качестве нефтеразведочного оборудования для «Лонг-Бич-петрол». В графе «грузоотправитель» можно было указать любую подходящую фирму. Местом происхождения груза назначалась Джакарта.

Мне предстояло получить еще четыреста пятьдесят тысяч долларов. Сведя авансовые платежи пакистанцам до полутора миллионов долларов, а тайцам до пятисот тысяч, я должен был гарантировать, что к концу дня Эрни выплатит шестьдесят процентов валового дохода. В случае успеха двести пятьдесят тысяч из двух миллионов двухсот пятидесяти тысяч, отправленных Эрни, стали бы мне авансом за обе операции. В случае провала — утешительным призом к моему выходу из тюрьмы, премией за то, что никого не кинул на деньги.

После окончательного расчета я должен был разбогатеть на пару миллионов долларов. Во всяком случае на четверть миллиона уже мог рассчитывать, я чувствовал себя богачом и рвался поработать на славу.

На следующий день, с утра пораньше, я сел на паром «Стар» и отправился в здание «Винг Он» повидаться с Армандо Чунгом. Компания «Дринкбридж Гонконг Лимитед» была зарегистрирована. Адрес, телефон, телекс и секретарские услуги могли предоставить служащие офиса Армандо. Немедленно напечатали фирменные бланки и визитки. В Банке Гонконга и Шанхая открыли счет. Выполнив некоторые формальности, я арендовал самый большой сейф и отбыл на паром до Цимшатсун.

Прямо на выходе с парома находится лучший в мире бар, где подавали свежеотжатые фруктовые соки. Потягивая смесь сока гуаявы и йогурта, я наблюдал за входом в «Пенинсулу». Из отеля

вышла Эйприл с чемоданом от Луи Вюиттона. Слежки за нею не было. Я вошел в холл и позвонил Стиву. Тот спустился с видеомагнитофоном и выпил со мной чашку кофе.

Ателье Сэма Тейлора находилось в Берлингтонском пассаже, рядом с «Пенинсулой». Я доехал туда на такси, прихватив с собой видеомагнитофон и надеясь, что за мной следят. В ателье было полно европейцев, с которых снимали мерки. Сэм наблюдал за всем из глубины ателье, но мне оказал особое внимание. Я заплатил за несколько костюмов и рубашек и спросил разрешения оставить видеомагнитофон на то время, пока хожу по магазинам. Поспешно выскочил из пассажа, сбежал вниз по ступенькам в метро, на станцию «Цимшатсун». Пересаживаясь с поезда на поезд, кружным путем доехал до «Центральной», чтобы встретиться с Биллом в «Мандарине». Если агенты DEA следили за коробкой с видеомагнитофоном, они, вероятно, вконец запутались. Если пасли меня, я от них оторвался.

Билл вручил мне большой красный кожаный дипломат с долларами. Я смотался на такси в «Шангри-Ла» и переложил четверть миллиона в сейф. Взял напрокат гостиничный лимузин, поехал в «Парк-отель» и в три приема перевез миллион долларов в Банк Гонконга и Шанхая, поместив деньги в только что арендованный сейф. Потом препроводил сто пятьдесят тысяч из сейфа Брюса Айткена в Эдинбург-тауэрс в сейф «Шангри-Ла» и вернулся в «Парк-отель» за Хоббсом и остававшейся четвертью миллиона. Выдав Хоббсу круглую сумму на расходы и словесный портрет Селены, я высадил его у бюро регистрации записей актов гражданского состояния и покатил назад в «Шангри-Ла». Спрятав деньги под замок, отправился на телеграф и позвонил Малику. Тот обещал прибыть в Гонконг на следующий день и остановиться в отеле «Мирамар». Я побеспокоил Фила в Бангкоке и велел ждать меня через семь-десять дней. Соединился через Флэша с Эрни, который хотел отправить оставшиеся четыреста пятьдесят тысяч долларов электронным переводом на банковский счет. Я продиктовал ему номер своего счета в гонконгском отделении «Креди Свисс», том, что располагался в Дальневосточном торговом центре. Вернувшись в «Шангри-Ла», послал Рою Уэбборну из Управления водных ресурсов Уэльса телекс, в котором сообщалось, что первая реакция на его предложение была благоприятной. По телефону попросил Эйприл принести чемодан — для ста пятидесяти тысяч долларов в сейфе «Шангри-Ла» нашлось бы место. Сэм Тэйлор пообещал, что видеомагнитофон вместе с одеждой доставят в номер «Парк-отеля», который все еще числился за мной для Хоббса. Я лег на кровать и выкурил косарь. Все было под контролем.

Мои мысли обратились к Джуди и детям. Теперь они могли прилететь в Гонконг. Джуди заказала билеты у Балендо, который с радостью записал их на мой счет. Я задумался, не вложить ли деньги в «Международный туристический центр Гонконга». А может, купить компанию и заняться туристическим бизнесом. Это было бы фантастическое прикрытие. Оправдание для любых поездок.

Позвонила Эйприл. Она, Селена и Хоббс ожидали в холле. Я спустился. Хоббс и Селена хихикали. Через месяц или около того им предстояло пожениться. Эйприл отдала мне чемодан, и я поставил изделие Луи Вюиттона в сейф.

— Маркс, ты выглядишь усталым. А может, просто накурился?

— А может, и то и другое, Эйприл.

— Тебе нужна желчь змеи.

— Зачем?

— Это очень полезно — пить желчь змеи. Трахаешься всю ночь, а-а! Шучу-шучу, но это тебя разбудит.

— Я пил раньше змеиную кровь.

— Может быть, Маркс, но не желчь. Гвайлу никогда ее не пьют.

— О'кей. Пошли сходим за ней.

На углу Жервуа-стрит и Хиллиер-стрит, на острове Гонконг, находится лавка, заполненная сумками, клетками и корзинами с извивающимися змеями. Мы вчетвером зашли внутрь. Эйприл, Селена и торговец змеями затеяли громкую перепалку на кантонском диалекте. Я думал, того и гляди начнется драка, но оказалось, они просто спорили, какая змея вернее всего пробудит гвайлу. Из корзин вынули трех разных гадов. Торговец сжимал каждую шипящую тварь по всей длине, пока не нащупал желчный пузырь. Затем отточенным движением хирурга удалял желчный пузырь. Три змеи без желчных пузырей лежали связанные в сумке. Из рассеченных желчных пузырей в бокал для бренди сочилась густая, темно-зеленая жидкость. Хоббсу хватило увиденного — он вышел из лавки. Торговец плеснул в бокал изрядное количество дорогого бренди и встряхнул емкость.

— Выпей, гвайлу!

Осушил бокал. Пойло напоминало дешевое бренди, а стоило три тысячи гонконгских долларов.

Торговец отдал сумку с искалеченными рептилиями в змеиный ресторан по соседству. Хоббс решительно отказался отведать змеиного супчика, и мы отправились в другое место. Я съел тарелку жаворонковых языков, а потом отведал петушиных яичек. Мы взяли такси до какого-то клуба в Ванчае и напились.

Эйприл и Селена поспешили в «Пей до дна», а мы с Хоббсом пошли в бар «Кантри», который находился в «Бар-Сити».

— Джим, как тебе понравится трехнедельный мальчишник в Бангкоке?

— Когда ехать? Это для другого брака?

— Нет. Я хочу, чтобы ты отвез туда деньги. Можешь отправиться завтра. Забронируй билет через Баленду в Лондоне. Так будет лучше. Зарегистрируйся в отеле «Бангкок», где есть сейфы для клиентов, и развлекайся, пока я не приеду. Не трать слишком много.

— Что я должен там делать, Говард?

— Что хочешь. Поползай по притонам. Изучи местность. Джим взял курс на «Парк-отель», а меня бодрила желчь трех змей. Я несколько часов бродил по побережью Коулуна. На больших красных вывесках светились иероглифы «Кунг хей фат чой»э9. Скоро будет китайский Новый год, год крысы. Множество красных рассветов победоносно сражались с неоновыми канделябрами Гонконга, позволив небоскребам пустить корни на близлежащих холмах. Из-за огромных океанских лайнеров, стоявших в порту, газетные киоски в нескольких метрах отсюда казались крошечными. Бесшумно проплывали китайские джонки, тщательно огибая стаи громыхающих лодок-сампанов, группы пожилых мужчин и женщин на рассвете занимались тайцзи60в общественных садах. Нелегальные уличные торговцы с больших закрытых тканью тачек продавали дымящиеся аппетитные деликатесы. А может, осесть в Гонконге? Как бы к этому отнеслась Джуди?

Сколь ни соблазнительно выглядела огромная кровать, сон все не шел. Мое сознание бодрствовало. Я дважды позавтракал и посмотрел телевизор, прежде чем отнести Джиму вюиттоновский чемодан с деньгами. Хоббса очень воодушевляла поездка в Бангкок. Мы вместе добрались в аэропорт. Баленду позаботился, чтобы билет Хоббса ожидал его в офисе «Китай Пасифик».

Малик ожидал меня в номере «Мирамара». Он не видел никаких проблем с поставкой пяти тонн на самолете.

— Д. Г.Маркс, мы это сделаем, если на то будет воля Аллаха.

— А можно в накладной указать в качестве места происхождения груза Токио?

— Почему нет? Самолеты «Пакистанских международных авиалиний» летают из Токио в Карачи, а из Карачи в Нью-Йорк. Мы можем все погрузить в Карачи и привести документы в порядок.

— А что насчет остальной информации, которая должна быть в авиагрузовой накладной?

— Мы напечатаем все, что можно напечатать на машинке.

— Тыможешь убедиться, что упаковка не пропускает запах? Однажды я потерял груз в Нью-Йорке из-за собаки, натасканной на наркотики.

— Знаю. Я знаю довольно много о твоем прошлом. Раоул рассказывал. Он тебе не друг. И мне тоже. Я знаю, ты окончил Оксфордский университет. Я хотел бы, чтобы мой сын Яссер тоже поступил туда. Тыможешь это устроить? Не беспокойся, Д. Г.Маркс. Я знаю, как избавиться от запаха с помощью жира и жестяных банок. А еще, ты не поверишь, дрессировщик полицейских собак в провинции Синд — мой хороший друг. Прежде чем отправлять груз, он приведет служебную собаку и проверит, учует ли она запах. Нет — значит груз в безопасности, если на то есть воля Аллаха.

— Тебя устроят триста долларов аванса за килограмм и тридцать процентов от общей прибыли?

— Аванс должен быть немного больше. Цены растут. Пакистан уже не страна третьего мира.

— Малик, ты должен знать: я не торгуюсь. Я знаю, тебе это ничего не будет стоить. Ты понесешь ответственность, если дела пойдут не так, а полтора миллиона долларов с лихвой все покроют.

— Ты прав. Мне хватит. Когда заплатишь задаток?

— Где тебе передать деньги?

— Большую часть суммы, скажем, миллион долларов, можно прислать сюда, в Гонконг. Мой друг работает здесь в Международном кредитно-коммерческом банке. Можешь вручить деньги ему. А когда партию погрузят на самолет, мне потребуется остальная наличность в Карачи.

Несколько секунд я раздумывал.

— Полмиллиона долларов я дам тебе здесь, в Гонконге, перед тем, как мы расстанемся. Примерно через десять дней приеду в Карачи проверить товар и посмотреть, как идут дела. Если все будет в порядке, вернусь в Гонконг и передам твоему другу из банка еще пятьсот тысяч. Когда груз подготовят к отправке, вручу полмиллиона наличными в Карачи.

— Это хороший план, Д. Г. Маркс. Но сообщи мне, если ты или один из твоих людей полетите в Карачи с большой суммой денег. Я позабочусь, чтобы ничего не случилось по прибытии. Иначе деньги могут конфисковать таможенники. Я буду очень рад видеть тебя в моей стране. Ты должен остановиться в гостинице «Шератон».

— В Карачи теперь есть «Шератон»? Был только «Интерконтинентал».

— «Интерконтинентал» теперь называется «Жемчужина». В Пакистане есть и «Шератон», и «Хилтон», и «Холидей инн». Это хорошее вложение денег. Зия много сделал для страны. Когда ты приедешь, я покажу тебе массу способов заработать деньги.

Бессонная ночь давала себя знать. В «Шангри-Ла» меня ждал телекс от Балендо: Хоббс остановился в гостинице «Монтиен» в Бангкоке, Джуди и дети прилетают в Бангкок завтра. Измученный, с нетерпением предвкушающий встречу, я наконец заснул.

Наутро я сообщил администратору, что жду жену и детей, и попросил позаботиться о дополнительных спальных местах, цветах, еде, шампанском, игрушках для детей. Взял напрокат лимузин с шофером и направился в аэропорт.

Рейс «Китай Пасифик» прилетел без опозданий. Джуди выглядела счастливой и уставшей, Эмбер и Франческа — измученными и возбужденными. Лица их расцвели улыбками, когда мы вошли в пентхаус и открылся вид на гавань. Отведав обильного угощения, они быстро уснули, я сидел и вглядывался в любимые черты.

Получив от меня полмиллиона долларов в Банке Гонконга и Шанхая, Малик отнес их в Международный кредитно-коммерческий банк и сел на самолет до Карачи. У него было чем заняться. Я позвонил Стивену Нг в «Креди Свисс», оставил свой телефон в «Шангри-Ла» и велел ожидать денежного перевода из-за границы. В номере «Парк-отеля» уже стояла коробка с видеомагнитофоном, доставленная вместе с одеждой от Сэма Тейлора. Я разворошил кровать в номере и выпил кофе в холле перед тем, как отправиться в Берлингтонский пассаж заплатить Сэму.

Джуди и дети уже проснулись, и мы совершили вечернюю прогулку на лодке по гонконгской гавани. На следующий день на «Метеоре» поехали в Макао. Когда же нам прискучил вид китайцев, торгующих «дим сум»[61] на ступеньках португальского собора, на автобусе отправились в Китайскую Народную Республику. Континентальный Китай долгое время держал свои двери закрытыми, и жители его, казалось, не знали иных занятий, как возделывать землю или торговать электроникой. Мы были в диковинку друг для друга.

Три дня прошли за осмотром достопримечательностей и хождением по магазинам. И вот позвонил Стивен Нг:

— Мистер Маркс, на ваш счет поступило четыреста пятьдесят тысяч долларов. Какие будут распоряжения?

— Держать деньги на счету, пока они мне не понадобятся.

— Мистер Маркс, вам потребуется срочный доступ к

финансам?

— Может быть. Пока не знаю.

— Что, если я обращу деньги в фидуциарный срочный вклад с минимальной банковской доходностью шесть процентов?

— Отлично.

Я понятия не имел, о чем он говорит. Следовало бы получше изучить всю эту банковскую петрушку. Ничто больше не держало нас в Гонконге.

Я спрятал все деньги в сейф Банка Гонконга и Шанхая, выписался из «Парк-отеля» и «Шангри-Ла», попросил отправить видеомагнитофон, одежду и остальные покупки домой в Лондон. Мы полетели в Бангкок первым классом на самолете «Таиландских международных авиалиний». Балендо заказал номер «люкс» в «Ориентал», куда нас доставил лимузин, принадлежавший гостинице. Оставив Джуди и детей в VIP-апартаментах на последнем этаже отеля, где были приготовлены корзины с фруктами, устрицы на льду и напитки, я отправился по делам.

Прежде всего заглянул к Хоббсу, в гостиницу «Монтиен».

— Говард, если б ты знал, как я тебе благодарен! Бангкок просто рай. Клубы, еда, люди — все замечательно. Здесь каждый счастлив. Я в восторге.

— Деньги в безопасности?

— Еще как. Они внизу. Я едва ли пенни истратил. Здесь все очень дешево. Как в пятизвездочной гостинице, а стоит меньше, чем ночлежка в Паддингтоне.

— Узнал какие-нибудь хорошие места?

— Ну, таких, которые бы тебе были интересны, Говард, немного. И все же есть одно, куда, я знаю, ты захочешь сходить.

Называется «Суперзвезда». Прямо здесь, в Патпонге, дальше по улице. Там полно европейских и американских наркодилеров, которые заключают сделки, почти в открытую. Уверен, ты знаешь некоторых из них.

Мы шли по Патпонгу мимо «Суперзвезды». Из дверей неслись громкие звуки хита Мюррея Хеда One Night in Bangkok. Я не мог устоять перед искушением и вошел. Красавицы из Чиангмая и трансвеститы у стойки бара трахали мозги клиентам.

— Фаланг, ты такой красивый. Тебе нравится «Суперзвезда»? Сколько раз ты был в Бангкоке?

Несколько девушек вились вокруг нас. Джим пялился на трансвеститов, я — на красоток из Чиангмая. И вдруг увидел неподалеку за столиком Мики Уильямса с пятью молоденькими цыпочками в бикини. Его улыбка выражала перманентный оргазм. Я подошел к его столику.

— Говард, дружище! Я так и чувствовал, что натолкнусь здесь на тебя. Присаживайся!

— Рад тебя видеть, Мик. Я толком не поблагодарил тебя за квартиру в Пальме. Мы прекрасно провели время. Похоже, переедем на Мальорку.

— Очень рад, Говард, очень рад. С женушкой все хорошо?

— Да, спасибо. Она и дети здесь со мной.

— Это не мое дело, Говард, но будь у меня жена и дети, ни за что не привез бы их в Бангкок. Не думаю, что им понравились бы массажные салоны. — Он оглядел помещение. — Послушай, Говард. Там этот гребаный педик, который сидел с нами в Брикстоне. Как его зовут? Хоббс? Да, точно. Хоббс! Мерзкая тварь.

— Мик, он со мной.

— В смысле?! Что ты делаешь с этим пидором, Говард? Не нравишься ты мне.

— Я уверен, он не педофил, Мик. Просто голубой, который предпочитает подростков старикам. Он не гоняется за молоденькими мальчиками. Сколько, ты думаешь, лет этой девчонке, которая пытается у тебя отсосать?

— Да, но здесь, в Бангкоке, все по-другому, Говард. Ты знаешь. Это другая культура. Так должно быть. Я бы ему не доверял ни на йоту. Если он не может держать закрытым свой зад, где уж ему рот заткнуть? Мне не нравится, что он нас видит. Кому он собирается донести?

— Мик, он опасен гораздо меньше, чем те два парня из DEA, которые сидят в конце бара. Кроме того, у нас с тобой нет никаких общих дел, разве не так?

— Думаешь, они копы, те двое? Я и сам такого мнения. Мне все же хотелось с тобой поговорить немного о делах, Говард, как там все. Я тут знаю одного парня...

— Пошли выйдем, Мик, пожрем чего-нибудь.

— А малюток возьмем с собой?

— Нет, ты оставишь их, а я оставлю Хоббса.

— Мне не нравится, что он будет на них пялиться, пока нас нету, Говард. Эта грязная тварь.

— Он не будет, Мик. Я только что сказал тебе: он голубой. И мы вышли.

— Прости, что не сказал тебе в последнюю встречу, Говард, но я пытался все самостоятельно закрутить. Познакомился с этим чуваком в тюрьме, в Амстердаме. У него есть человек в Схипхоле, долбаном аэропорту, в грузовой консолидационной компании. Если отправить ему коробку груза, она прибудет в Лондон, Голландию или Канаду чистой как снег. Это реальная удача, говорю тебе. Еще у того чувака из тюряги — он до сих пор сидит

— есть знакомый барыга. Я знаю телефон и адрес этого типа, но, кажись, о нем никто не слыхал. Так что есть шанс неплохо подзаработать, если ты знаешь в Бангкоке человека, который отправит нам пятьсот килограммов. Наверняка такие люди у тебя имеются, Говард. Я вкладываю пятьдесят тысяч фунтов собственных денег. Пятьдесят на пятьдесят, Говард. Когда провезем, половина тебе, половина мне. У меня деньги лежат в Лондоне.

— Могу я продать товар, когда его доставят?

— Если товар окажется в Лондоне или Канаде, лучше тебе этим заняться, Говард, но если он привезет его в Амстердам, сам и продаст — такой был уговор.

— Мик, это можно сделать. Выкладывай детали!

— Еще одна вещь, Говард. Мне нужно поменять деньги. Несколько тысяч. Я не хочу делать этого у себя в отеле: они меня уже один раз надули. Банки закрыты, и потом, я хожу в них только грабить.

Я поймал тук-тук, и мы отправились в Чайна-таун, китайский квартал Бангкока, самое большое поселение китайцев за пределами Китая. Усаживаясь в тук-тук, я вспомнил о Сомпопе. Хорошо бы встретиться с ним в эту пятницу у Эраван Будды.

Мы с Миком двинулись по узким, беспорядочно разбросанным улочкам, мимо притонов, где курят опиум, разного рода контор, лотков, возле которых шустрили продавцы лапши. Несмотря на поздний час, несколько десятков обменников все еще работали, открыто торговали местной валютой по ценам, гораздо более низким, чем в банках. Здесь также занимались нелегальным букмекерством, принимая ставки практически на все. Мы зашли в одну из контор. Глаза Мика метались по сторонам. Мы спросили, сколько батов дают за один английский фунт. Курс был великолепный. Мик обменял три тысячи фунтов.

— Говард, ты заметил, сколько у них бабла в этом ящике?

— Бабла, Мик? — Я начинал забывать кокни.

— Денег, Говард, гребаных денег в сейфе. Они и в сраную банку из-под джема могли спрятать лавандер. В этом банке или тотализаторе — не важно, что это, — нет ни охраны, ни сигнализации, ничего. Я и покруче грабил, когда мальчишкой был. Туда стоит вернуться, Говард, как-нибудь ночью, когда они закрыты. Как леденцы у детишек отнять.

— Поосторожней, Мик! В этом городе все не так просто. Я позвонил Филу и договорился встретиться в холле гостиницы «Дуситани».

— Фил, ты можешь отправить контейнер с двумя тоннами на Западное побережье?

— А что, Римский Папа не католик? О чем разговор? Конечно, могу.

— А можешь устроить, чтобы по документам числилось, будто груз прибыл из Джакарты?

— Естественно.

— Как ты это делаешь?

Бангкок трудно назвать международным морским портом, слишком далеко вверх по реке он стоит. В него в основном заходят суда пары местных таиландских морских линий. Все, что идет в США, следует транзитом через Сингапур. Мы даем китайскому фрахтовому агенту в Сингапуре сумку с деньгами, и он приводит в порядок документы.

— Эта трава будет хорошего качества?

— Лучшая. Только что собрали новый урожай. Образец в этом конверте.

— Ты можешь сделать так, чтобы она не пахла?

— Без вопросов. Мы герметично упаковываем и обрабатываем партию азотом.

— Сделаешь все в кредит?

— Повтори! Я что-то не понял.

— Сделаешь все в кредит?

— Эти дни прошли, Говард.

— Нет, не прошли, Фил. В Пакистане я по-прежнему получаю товар в кредит. Сколько угодно.

— Тогда отправь две тонны пакистанского гашиша в Манилу. У меня есть там человек, который перенаправит его в Австралию, где я выручу в три раза больше денег, чем в Америке.

— Я так и сделаю. Как только ты отправишь тайскую марихуану.

— Не то чтобы я тебе не доверял, Говард, но кое-чему научился, не забывай. Почему бы тебе просто не заплатить за тайскую траву, которая тебе нужна? А я заплачу за пакистанский гашиш, который нужен мне.

— О'кей. Хочешь сначала отправить пакистанский гашиш?

— Ты, должно быть, шутишь. Ты это начал.

Было очевидно, что Фил не собирается менять мнения. Реальный мудила. Я знал, что он получил тайскую траву под стопроцентный кредит. Его расходы сводились к затратам на перевозку и взятку фрахтовому агенту из Сингапура, какой хватило бы на ночные блядки в Патпонге. Но он ни за что в этом бы не признался.

— Фил, я знаю, что сколько здесь стоит. Ты в курсе, что я это знаю. Сорок долларов за килограмм — это максимум. Остальные расходы не потянут на ночь куража в лондонских клубах. Поэтому

сто тысяч долларов покроют всю партию. Если ты не хочешь давать в кредит, я тебе заплачу.

— Когда?

Настроение у Фила заметно изменилось при мысли, что можно получить деньги.

— Я заплачу тебе сейчас, Фил.

— Что значит «сейчас»?

— Скоро. Когда хочешь.

— Что я получу в конце? Я трачу уйму денег, чтобы шоу продолжалось. Слишком много людей привыкли жить в роскоши за мой счет. Все эти генералы, полицейские чины, гангстеры, фермеры в Кхонкэн. Стоит подвести — и покойник. Знаешь, сколько сделок накрывается? Тайцы этого в расчет не принимают. Хотят, чтобы им отстегивали в любом случае.

— Я заплачу тебе четверть от общей прибыли. Больше не получится.

— Ты своего не упустишь, Говард, это точно. Ну да ладно. Вот что я тебе скажу. Дай мне сейчас сто тысяч долларов. Когда две тонны будут находиться на пути из Сингапура на Западное побережье, я передам тебе накладную и все остальные документы, а ты мне — еще сто тысяч.

— О'кей. Мой сокамерник, Джим Хоббс, сейчас здесь с деньгами. Встреться с ним за завтраком завтра в десять утра в холле «Монтиена». Кстати, у меня есть для тебя еще предложение.

— Какое же? — спросил Фил. — Сколько это будет мне стоить?

— То же самое. Ничего. Сколько стоит отправить на самолете сто килограммов в Амстердам?

— Теперь это обходится невероятно дорого. В Донмуане строят новый аэропорт, охрана мощная. Я должен платить полиции, армии, таможне, фрахтовым агентам и авиалинии. Кредит тут не проходит.

Я прекрасно знал, что Фил врет. Добиться кредита на авиаперевозку намного легче, чем на транспортировку морем, потому что полет занимает не недели — часы, а значит, меньше шансов, что все пойдет наперекосяк. Но Фила не переделаешь. В любом случае, сделка подвернулась по чистой случайности. Я не знал, удастся ли ее провернуть. Согласился бы и на десятипроцентную отдачу и заработал еще денег на продаже травы в Лондоне, Амстердаме или в любом месте, куда ее доставит приятель Мика.

— Фил, должно быть, ты заблуждаешься. Но скажи мне сколько.

— Пятьдесят процентов от общей суммы, когда мы провернем

сделку. И эта цифра, с которой меня не сдвинуть. Аванс сто тысяч долларов.

— Я не торгуюсь, Фил, ты знаешь, но...

— Еще как торгуешься, просто называешь по-другому.

— Фил, я никак не могу дать тебе больше семидесяти пяти тысяч долларов аванса, то есть пятьдесят тысяч фунтов, и тебе придется согласиться на сорок процентов от общей суммы.

— Когда я получу пятьдесят тысяч фунтов?

— Приблизительно через семь-десять дней. Деньги в Лондоне.

— Это плохо. Они нужны мне здесь или в Гонконге.

— Я привезу их в Гонконг.

— О'кей.

Я изложил Филу подробности обеих операций. Потолковали и о других делах. Я похвастал своими успехами в исследовании перевозок воды на танкерах. Он сказал, что финансирует разработку технологии изготовления бумаги из рисовой шелухи и намерен обратиться с предложением к таиландско-саудовскому деловому консорциуму, который возглавляет шейх Абдулараман А. Аль-Раджи, богатейший человек в мире, согласно «Книге рекордов Гиннесса». Если предложение понравится, Саудовская Аравия построит в Таиланде фабрику для изготовления бумаги из рисовой шелухи, а Фил разбогатеет вполне законным путем. Он предложил адресоваться с проектом по продаже уэльской воды к тому же консорциуму.

Мне понравилась эта идея: все документы со мной, лежат в портфеле, готовые произвести впечатление на любого чиновника. Если поднапрячься, я смогу составить технико-экономическое обоснование. Материал мне знаком. Решено! Вернусь в «Ориентал» пораньше и приступаю. Как-никак, это пристанище творческих личностей.

На следующий день, когда Джуди отправилась с детьми на лодочный рынок, Хоббс передал Филу сто тысяч долларов, и я засел за технико-экономическое обоснование для самого богатого человека в мире. По большей степени это вылилось в переписывание бумажек Управления водных ресурсов Уэльса, слепленных кое-где некоторой долей отсебятины, на фирменные бланки «Дринкбридж Гонконг Лимитед». Секретари из «Ориентал» придали расчету пристойный вид. Через пару дней он был закончен, и я подал его на рассмотрение наряду с проектом Фила относительно рисовой шелухи.

Был вечер пятницы. Я отправился к гостинице «Эраван». Этот небольшой отель с вышколенной обслугой когда-то пользовался популярностью среди иностранных дипломатов. Говорят, что во

время строительства гостиницы рабочие мерли как мухи. Тогда в угол строительной площадки поместили маленького Будду, произнесли надлежащие молитвы, и смертельные случаи прекратились, работягам была дарована удача. Они заработали кучу денег и разбогатели.

Будда по-прежнему там. Он стал объектом поклонения для тех, кто мечтает подняться по социальной лестнице. Инструменты причудливой формы издают священные звуки, а тайские танцоры кружат вокруг Будды, пока желающие разбогатеть приносят жертвы или обеты. Вокруг толпятся торговцы, продающие сусальное золото для украшения Будды, и птиц в клетках — пернатых выпускают на свободу, загадывая желание.

Сомпоп стоял на коленях, жег благовония и молился нараспев. Закончив молитвы, он увидел меня. Смотрел так, словно я стал ответом на его призывы.

— Ты вернулся в Бангкок. Тебе нужна ганджа? Я молил о деньгах и удаче. Я вижу тебя. Я очень счастливый человек.

— Сомпоп, завтра я улетаю из Бангкока. Вот деньги для тебя. Встретимся примерно через неделю.

В пересчете на баты я дал ему примерно тысячу долларов, зарплата за многие месяцы. Когда я ушел, он стоял на коленях, уткнувшись лицом в тротуар, его руки дрожали, сжимая деньги.

Daily Mirror

EUROPE'S BIGGEST DAILY SALE

MP demands a probe into the strange case of missing informer

THE LONG SILENCE OF MR MYSTERY

Oxford man linked with Secret Service

By EDWARD LAXTON

Protest

Daily Mirror

EUROPE'S BIGGEST DAILY SALE

The Mirror finds man they feared was dead

HE'S ALIVE!

MYSTERY man Howard Marks is alive . . . and living in Italy as a "guest" of the Mafia.

Mirror Exclusive by EDWARD LAXTON

Link

Contact

Daily Mirror

EUROPE'S BIGGEST DAILY SALE

To Saturday, April 19, 1975 No. 22,154

MIRROR PICTURE EXCLUSIVE ON Mr MYSTERY

THE FACE OF A FUGITIVE

DISGUISED: Mystery man Howard Marks on the run in London last week.

BY EDWARD LAXTON AND TOM HERMAN

THIS is the new face of Howard Marks, the mystery man who has been on the run a year today.

Marks, disguised with a moustache and tinted glasses, was photographed in London last week. The smaller picture, right, shows how he looked when he disappeared.

In London Marks has been living in a luxury rented flat in Park Road, Regent's Park. Neither the other residents nor the caretaker knew the identity of the quiet man in Flat 92.

Yesterday senior Customs investigators raided the block and found the flat empty. Marks had left last Friday.

Now detectives from three forces have been alerted to step up the search for Marks, who is alleged to have worked for three separate bosses: the Mafia, the I.R.A. and the British Secret Service.

Swoop on London hide-out

Marks, a 29-year-old Oxford graduate, was arrested in Holland in November 1973. He and five other people were accused of a multi-million pound drug smuggling plot.

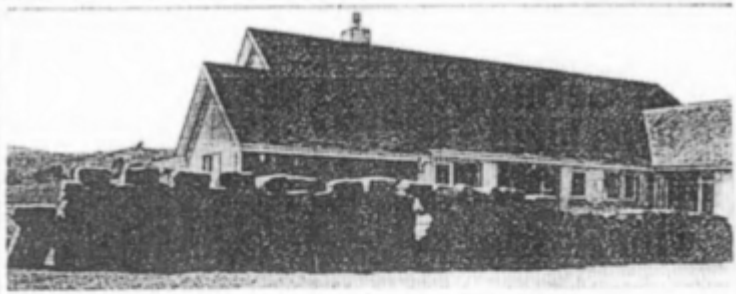
Marks, who claimed that he had been pressed by the Secret Service into infiltrating an the I.R.A., was allowed bail of £50,000.

But on the eve of his Old Bailey trial he vanished with a man who called at the flat in Lockford Road, Oxford, where he lived with 26-year-old Mrs. Rosemary Lewis and their two-year-old daughter Myfanwy.

Last October Marks turned up in Padua, Italy. The Mafia had agreed to protect him in exchange for his silence about the drug traffic.

About two months ago he returned to Britain on a false passport. A friend said he came back because he could not endure his existence abroad.

For the mysterious Howard Marks the price of freedom has been a life of fear as a fugitive.



The four men all cannabis users from Alan Allen Gray's bungalow at Glenparry, Invernesshire.

Oxford graduate cleared of £20m drugs link

By Stewart Tendler, Crime Reporter

Stuart Hicks, the Oxford graduate charged with being the British mastermind of a £20m cannabis smuggling ring, was acquitted yesterday at the Central Criminal Court of conspiracy with the Dutch Mafia boss Klaas Bruinsma.

In his defence Mr Hicks, aged 28, said the main prosecution witness, Mr Bruinsma, had asked for him to introduce an Irish wife and drug smuggling business, and later for British agents against South American drugs barons. Mr Bruinsma denied the claim.

Yesterday the jury, which had been deliberating since Friday last week, also cleared a fellow and an American of charges connected with the smuggling ring which brought 17 tons of cannabis into Europe in a Dutch flat once owned by Hicks, guilty of conspiracy involving false passports.

Mr Hicks was also found guilty, pending the verdict being allowed from her in 1974 while serving time in a Swiss drug abuse [illegible]

Hicks, 28, was not guilty that the Director of Public Prosecutions is considering no further charges.

Before the jury was told the court began to hear about an allegation by the main prosecution witness that Hicks had agreed with Bruinsma, also known as Mr Klaas, Mr Hicks, Mr Bruinsma denied the claim.

Mr Hicks, aged 28, an Oxford graduate from Camden, north London, was found guilty of conspiracy to import cannabis resin between January 1 and December 31, 1990, and of conspiracy to launder money in Sweden, Spain, Britain and Switzerland between January 1, 1990, and December 31, 1991.

Mr Hicks, aged 28, an Oxford graduate from Camden, north London, was found guilty of conspiracy to import cannabis resin between January 1 and December 31, 1990, and of conspiracy to launder money in Sweden, Spain, Britain and Switzerland between January 1, 1990, and December 31, 1991.

HongKong
is Watching

...ning Hill-born Howard Marks ...made and lost millions, ...twisted police and customs ...ials in 14 countries and was ...quitted after a trial at the Old ...ley. In the second of a two-...rt series based on a book on ...rks's life, PAUL REES looks at ...rks's recruitment into MI6, his ...eat, life on the run and ...rest after a headline-making ...pe smuggling in the Scottish ...glands.

...MACLEAN joined MI6 in 1946. By ... 'Red Hench had entered the world ... Northern Ireland. It was not long ...ore Jim McClean came to their notice. ...Marks and Flowers, who were ...ing for a media firm Metrimal, had ...ted to act as businessmen's representa...s in provincial as well as London. They ...ved another big deal with McLean. ...They met him in Amsterdam. Here Marks ...ld him he (Tobin, McClean's partner) ...d a ship. They talked about heroin deriva...s. Later, McClean asked them if they would be ...sted in helping. Yes, he said, before ...ch ...s plans for a prolonged burst of ...ivity. "Listen, Richard," said McClean, "I've ...st got to branch out alone. I am selling drugs ...ck. They are placing a lot of pressure on me ...ugh them, write that handwriting. Can you ...e them the services of some of your friends ...r employees?" He ...ed that we use troops of himself as a ...ticker. The Brits straightaway started ...ted — he would have about two-and-...dozen, KPLO-7 secret operatives and the ...ugal arms factory, but we could also have ...e management of weapons. Though the ...ants met Rooted, the Chiefs-of-police force ...ey were almost asking for plans and it, for ...e time, MI6 gained access to international ...ch smuggling networks that, un...

KGB spies

...While the Mediterranean, Caribbean and ...rth eastern industry ranks into the ...ands of ...organisation, McAllen spent much time ...ntinents. Boards was thinking about the ...ure — Cuba, the Middle East, the Far ...t, Turkish barbers, Italy, Amsterdam and ...on.

"Everything has come up even where you ...e the cash is used," MI6's agent said a ...ort moment at the Czech Embassy Marks ...ented to a party there with his prominent ...ociates," MI6 found he might become ...ful for the party planned. "Don't worry ...ark. We will find ...

Marks's lawyer attacks the Press

MI6 linked to drugs trial

Buccaneer or public benefactor?

● Mrs Judy Marks, left, all smiles after her husband was cleared of drug smuggling. Right, Ruling-born Howard Marks.

...have a final and unchallenged. Was the ...

...was to become his second wife, in ...Brighton, Christmas Day 1974, and then ...a stop-up event in the Cheltenham Hotel in ...Lane.

...He was soon in the money when a friend ...Norman Herbert and £7,000 a month ...ance flowed from the sales. The partner ...the second agent, Martin Adams, up as a ...photo helped flowing across the channels. ...Faith Lamb to hold passports, the Dutch ...ounts crossing in Vancouver at 48% ...managed some McClean whose penchant ...was encouraged by the Canadian. ...had an office base in the Caribbean. The ...smuggler chose his old business in Panama ...rushed to be putting finance into the ...Crown and spoke of his friendship with Air ...Gilbert, the top tenants at the Kennedy ...

...Marks claimed he was in debt to the ...know how to spend his money. He said he ...working with Tory Cabinet, had a Mrs ...condo and that he was getting friends ...within the law's embrace "Coffee was flow...

...Marks had been educated at Jesse ...because a Welsh engineer from Tonypandy ...Student had been academically ...London and discovered Marks could have a ...and a zero result. He could, Harry Lund ...that Time Measurement, 10-Mr, a book ...Marks's life. In one sitting session there ...to an expensive restaurant with a glass ...Lund figures — he was frequently ...Monte Bo and Monte's restaurant.

...The Canadian Mounties caught ...McLean, but he was bailed and did not ...custody. Marks rented us in the following ...he received eight months, charged ...sentence six times and his identity came to ...to his suspicion that different employers ...Marks made a business deals and not a ...money.

...Had he been under surveillance ...Lund. "He could have been spotted in Pa...Switzerland, New York, Los Angeles ...advice to abandon the lure of the ...London, before going back to Paris and ...Paris. There he could have been arrested ...the Brasseries des Halles, Cafés ...banking hours, and had Paris Match, he ...have been spotted in Switzerland, Saint Tropez, ...Madrid, Frankfurt, New York again and ...Frankfurt."

Popular sympathy

...Two days completed — one through ...with McClean, which took time which we ...Lund. "He could have been spotted in Pa...Switzerland, New York, Los Angeles ...advice to abandon the lure of the ...London, before going back to Paris and ...Paris. There he could have been arrested ...the Brasseries des Halles, Cafés ...banking hours, and had Paris Match, he ...have been spotted in Switzerland, Saint Tropez, ...Madrid, Frankfurt, New York again and ...Frankfurt."

...Had he been under surveillance ...Lund. "He could have been spotted in Pa...Switzerland, New York, Los Angeles ...advice to abandon the lure of the ...London, before going back to Paris and ...Paris. There he could have been arrested ...the Brasseries des Halles, Cafés ...banking hours, and had Paris Match, he ...have been spotted in Switzerland, Saint Tropez, ...Madrid, Frankfurt, New York again and ...Frankfurt."

DAILY MIRROR Tuesday, July 29, 1988

English toff's power rivalled Mafia barons

DRUGS KING OF THE WORLD IS TRAPPED AT LAST

HELD IN SPAIN: Better Howard Marks

MILLIONAIRE Howard Marks, arrested yesterday as the king of the drugs world, vanished from Britain after a sensational Old Bailey trial.

He was cleared of masterminding a £20 million drug smuggling ring.

But he stands accused of leading a MULTI-MILLION POUND international empire.

By SYLVIA JONES

Police who have tracked him around the world describe him as one of the most sophisticated drug barons of all time with a ruthless organisation operating worldwide, operated by the Mafia of the United Kingdom.

Marks, articulate and handsome, lives the life of an English gentleman.

USPTI
1993

USPTH

taken from the album
Bob Mould available now
on Creation Records
distributed by 3mv/vital

Who is eggman?

A Creation Records Product

SUPER FURRY ANIMALS

ON TOUR: MAY THURS 6 ABERYSTWYTH UNIVERSITY • FRI 7 BLACKWOOD INSTITUTE
SAT 8 BANGOR UNIVERSITY • SUN 10 CARDIFF UNIVERSITY • TUES 14 NEWCASTLE UNIVERSITY
WED 15 MANCHESTER ACADEMY • THURS 16 KILBURN NATIONAL • FRI 17 CAMBRIDGE CORN EXCHANGE
TUE 21 NOTTINGHAM ROCK CITY • WED 22 LIVERPOOL LOMAX • FRI 24 BETWS-Y-COED SWALLOWFIELD
SAT 25 OXFORD ZODIAC • SUN 26 BRIGHTON ESSENTIAL FESTIVAL • MON 27 PORTSMOUTH WEDGEWOOD ROOMS
WED 29 BRISTOL FLEECE & FIRKIN • THURS 30 NORWICH WATERFRONT • FRI 31 MANCHESTER HOP & GRAPE
JUNE SAT 01 GLASGOW KING TUTS • MON 03 LEEDS COCKPIT • TUE 04 UNIVERSITY OF GLAMORGAN
WED 05 BIRMINGHAM FOUNDRY • THURS 06 LONDON LAB

GOD! SHOW ME MAGIC

THE NEW SINGLE OUT NOW

FUZZY LOGIC MAY 20

CREATION RECORDS PRODUCT

МИСТЕР ДЕННИС

Оставив Джуди и детей в Бангкоке, я полетел на самолете «Эйр Индия» в Бомбей, а оттуда — на самолете «Пакистанских международных авиалиний» (ПМА) в Карачи. Зарегистрировался в «Шератоне», провел несколько часов в поисках телефонной будки, которую так и не отыскал, зашел в гостиницу «Жемчужина» и попросил разрешения воспользоваться их телефоном, чтобы позвонить Малику. Он направлялся в «Шератон».

Малик явился в национальном костюме, шальварах и рубахе-камизе, как и его молодой спутник.

— Д. Г. Маркс, добро пожаловать в Пакистан! Это мой племянник Афтаб. Он ворует товары из магазина дьюти-фри в аэропорту и продает их на базаре в Бхоти. Он мой партнер по бизнесу.

— Добро пожаловать в Пакистан, Д. Г. Маркс! — подхватил Афтаб.

— Сначала, Д. Г. Маркс, о главном. Продукт готов — можешь проверить. Он под моим контролем, в безопасности, на складе в Белуджистане. Мы можем поехать туда когда угодно. Прямо сейчас, если пожелаешь. Автомобиль на улице. Вот небольшой образец. А вот расписание ПМА. Ты увидишь, что есть несколько подходящих рейсов. Для теперешней достаточно крупной партии придется забронировать место по крайней мере за сорок восемь часов.

Я взял мягкую липкую черную пластинку и поднес зажигалку к углу. Язык пламени потянулся к гашишу. Хороший знак. Повеяло любимым ароматом, заклубился голубоватый дым. Я втянул его в себя. Захотелось вдохнуть полной грудью. Великолепный гашиш, лучший пакистанский гашиш, какой я когда-либо пробовал.

Запасы наркотиков в соседнем Афганистане почти иссякли, когда русские ввели свои танки в Кабул в 1980 году. Более пяти миллионов афганцев бежали из страны в Пакистан, в Северо-западную пограничную провинцию (СЗПП), живущую по своим законам. Приграничную зону, населенную главным образом пуштунскими племенами, контролировали племенные вожди. Пакистанские военные и полиция не рисковали сворачивать с магистралей, соединяющих города, даже в погоне за убийцей, похитителем или насильником. Они только вели переговоры с представителем племени.

Северо-западная пограничная провинция вскоре стала местом базирования, стратегическим центром и тренировочной площадкой моджахедов, борцов за свободу, которые не признают самого слова «капитуляция». Либо Россия должна была проиграть войну и отвести свои войска из Афганистана, либо все моджахеды легли бы костьми. Компромисс не допускался.

Оружие и боеприпасы поставлялись странами, которые сочувствовали борьбе моджахедов против коммунистов, скапливались в поселениях СЗПП. Никого не удивляло, что немалая доля вооружений перекочевывает на рынки Пешавара, главного торгового города СЗПП близ Хайберского прохода.

Издревле земли СЗПП считались идеальными для выращивания индийской конопли. На гималайских высотах, в кристально чистом воздухе под животворным тропическим солнцем, растение наливается смолой, из которой приготовляют гашиш. Афганистан, лежащий по другую сторону Гималаев, не менее приспособлен для выращивания каннабиса. Святой город Мазари-Шариф[62] прослыл родиной лучшего гашиша в мире. Среди наводнивших СЗПП беженцев хватало крестьян, привычных к возделыванию конопляных плантаций. Им нужно было как-то кормиться. Моджахедам также требовались деньги. И те секреты изготовления гашиша, которые веками хранили афганцы, нашли применение в Пакистане, где теперь вырабатывалось море высококачественного гашиша, известного в Западном полушарии как «пограничный».

— Д. Г. Маркс, ты посмотришь партию? — спросил Малик.

Путешествие в Белуджистан могло оказаться увлекательным, но не имело никакого смысла. Если Малик решит меня кинуть, он это сделает, неважно, увижу я груз или нет. Я чувствовал, что больше выиграю, если выкажу полное доверие.

— Малик, если ты говоришь, что имеешь пять тонн такого гашиша, я полагаюсь на твое слово. Не нужно проверок.

— Как пожелаешь. Мы доставим партию в Карачи для упаковки и устранения запаха. Д. Г. Маркс, ты смыслишь в производстве бумаги? Я хочу купить в Великобритании подержанные бумагоделательные машины. Здесь, в Пакистане, бумажное производство станет прекрасным бизнесом.

— Я разузнаю что к чему, когда вернусь в Лондон. Что еще тебя интересует?

— Английские привилегированные школы. Это для моих детей.

— Буду рад помочь, Малик. Я здесь ненадолго. Мне нужно попасть в Гонконг. Я передам твоему человеку из Международного кредитно-коммерческого банка пятьсот тысяч

долларов. Обдумаю, когда лучше отправить груз. За несколько дней до назначенной даты вернусь в Карачи с полумиллионом долларов наличными. Ты дашь мне авианакладную, а я тебе — деньги.

— Идет! Хороший план. Но не забудь сообщить, каким рейсом прилетишь. Да, кстати! Д. Г. Маркс, телефоном в Пакистане пользоваться небезопасно. У меня есть свой оператор, двоюродный брат. Когда он дежурит, я уверен, что телефон не прослушивается, но и только. Ты можешь налететь на кого-нибудь другого. У тебя есть законный бизнес с телексом в Лондоне?

— Конечно. Хочешь, чтобы я связывался с тобой по телексу?

— Это предпочтительней. У меня большое туристическое агентство в центре Карачи, рядом со зданием «Американ экспресс». Я дам тебе номер телекса. Всегда отправляй телекс по легальным каналам. И вообще, Д. Г. Маркс, подумай насчет законного бизнеса здесь, в Пакистане, такого как бумагоделательная фабрика. У нас должно быть какое-нибудь легальное предприятие.

— Малик, а твое туристическое агентство может доставать дешевые билеты на рейсы ПМА?

— Конечно. Вся таможенная полиция и правительственные чиновники пользуются услугами моего агентства «Тревел интернэшнл». Мой двоюродный брат занимает высокую должность в ПМА. У нас цены для своих, не официальные. Но самолеты ПМА не летают в Гонконг. Я достану тебе бесплатный билет до Гонконга и обратно на рейс «Люфтганзы». Это единственная авиакомпания, чьи самолеты курсируют между Карачи и Гонконгом.

— Огромное спасибо, Малик! Однако я не за себя хлопочу. У меня есть друг-китаец, управляющий туристическим агентством в Лондоне. Большинство его клиентов — это люди, которые отправляются на Дальний Восток. И поскольку самолеты ПМА летают и в Англию, и в Китай, я подумал, не сможет ли он удешевить свои услуги и обойти конкурентов, направляя пассажиров сюда. Просто мелькнула такая мысль.

— Замечательная мысль, Д. Г. Маркс. Китайцы — хорошие люди, отношения между Пакистаном и Китаем превосходные. Мы добрые соседи. Ты знаешь, что ПМА первыми открыли воздушное сообщение с коммунистическим Китаем? И не секрет, что Китай проводит испытания наших атомных бомб. Организовать поездку в Китай через Пакистан не так уж сложно. Я поговорю с семьей.

Три дня спустя я находился в Гонконге, в «Шангри-Ла». Позвонил Эрни с телеграфа через Флэша, обрисовал обстановку. Комбс велел отправлять груз из Карачи как можно раньше, в

любой день.

Я забронировал билет на рейс «Люфтганзы» до Карачи на следующий день. С телекса общего пользования отправил весточку Малику: «Прибываю завтра с немецкой компанией. Представитель британский бумагоделательной фабрики». Переправил пятьсот тысяч долларов из Банка Гонконга и Шанхая другу Малика в МККБ, а другие полмиллиона — в номер «Шангри-Ла». Эту немалую сумму на время полета следовало припрятать. Я не видел серьезных причин для беспокойства. Сдать чемоданы в багаж в аэропорту Гонконга. В конце концов, Малик гарантировал, что меня не будут обыскивать в аэропорту Карачи. А вдруг вместо Карачи самолет по какой-то причине посадят в другом аэропорту? Тогда мне, возможно, придется давать объяснения. Деньги надо закамуфлировать.

Я позвонил Эйприл, попросил купить три дорогих однотипных чемодана, книги о системе школьного образования в Англии, а также бумагоделательном производстве и адресовать покупки в «Шангри-Ла». Связался с Сэмом Тейлором, сказал, что доволен одеждой, что возвращаюсь в Лондон и мог бы рекомендовать его изделия своим знакомым. Не снабдит ли он меня рекламным материалом? Сэм прислал коробку образцов материй, буклетов и выкроек. Я снова побеспокоил Эйприл, дав ей задание купить отрезы различных материй и организовать их доставку в гостиницу.

Я завернул пачки денег в вуаль и шелка и уложил чемоданы, поместив поверх тканей пачки безобидных документов и всякую рекламную дребедень.

Спустя сутки я стоял рядом с каруселью в зале прибытия аэропорта Карачи. Ситуация для меня непривычная: путешествуя в одиночку, я почти всегда обходился ручной кладью. — не любил сдавать чемоданы в багаж, выстаивать очереди, тягать тяжести. Три моих чемодана появились раньше прочих. Преимущества первого класса: ты не связан смехотворными весовыми ограничениями и получаешь багаж первым. Я уже нашел носильщика и отсыпал ему горсть пакистанских рупий. Мы подошли к стойке таможенного контроля — в аэропорту Карачи нет зеленого коридора.

— Какова цель вашего приезда? Дела, отдых или официальная миссия?

— Дела.

— Можно посмотреть ваш паспорт?

Я ожидал этого вопроса. Как еще он узнает, что меня не надо обыскивать? Малик должен был назвать ему мое имя. Я протянул таможеннику свой паспорт.

— Я вижу, вы были в моей стране несколько дней назад. Какого рода ваш бизнес, сэр?

Вот так, сюрприз! Малик уверял, что все пройдет гладко.

— Круг моих деловых интересов довольно широк. Этот визит в Пакистан предпринят в целях организации бумагоделательного производства.

— С кем будете встречаться в моей стране?

— С предполагаемыми покупателями бывших в употреблении бумагоделательных машин. Я представляю английскую фирму, которая демонтирует и продает оборудование закрытых бумагоделательных фабрик.

— У вас есть визитная карточка, сэр?

— Да, есть. — Скажешь «нет», обыщут.

В моем бумажнике лежало три рода визитных карточек: одни рекомендовали меня менеджером «Уэст-Энд секреториал сервиз»; вторые — управляющим «Дринкбридж Гонконг Лимитед», которая, судя по другим документам, занималась перевозкой воды; третьи — сотрудником «Дринкбридж Л имитед». Решительно нигде не говорилось, что я продавец подержанного бумагоделательного оборудования. Я выудил наугад одну визитку.

— Если верить этой карточке, вы торгуете алкоголем. Вы в курсе, что алкоголь в Пакистане запрещен? Какое отношение он имеет к бумагоделательному бизнесу? Пожалуйста, откройте этот чемодан, сэр!

Гребаный Малик! Почему я должен проходить через все это? Я открыл чемодан, указанный таможенником. Оттуда выпало несколько книжек о привилегированных школах.

— Вы и книгами торгуете? Пожалуйста, сэр, откройте еще и тот чемодан!

Мне было уже не до шуток.

— Видите ли, «Дринкбридж» — английская семейная компания уже много лет. Ее деятельность охватывает несколько направлений, в том числе грузовые перевозки, операции с недвижимостью и промышленным оборудованием. Мы продаем вина по всему миру. Большую долю зарубежных прибылей реинвестируем в национальную экономику, развитие образования и культуры. Мы намерены финансировать строительство бумагоделательных фабрик и школ в Пакистане.

Я открыл второй чемодан, продемонстрировав специальные издания, относящиеся к производству бумаги.

— Пожалуйста, мистер Маркс, проходите! Добро пожаловать в Пакистан!

Он подобрался слишком близко. И еще у него осталась моя

визитка. Где же Малик?

Носильщик выкатил чемоданы на улицу. Я по-прежнему не наблюдал никаких признаков присутствия Малика или Аф-таба. Пакистанец не только не сдержал обязательства оградить меня от таможни, но и не потрудился встретить. Бросил на произвол судьбы с полумиллионом долларов. Ну и куда мне идти?

Аэропорт в Пакистане принадлежит к числу тех немногих мест, где имеется телефонная будка. Я позвонил по номеру Малика. Подошел Афтаб:

— Д. Г. Маркс, как твои дела? Дяди сейчас нет. Он уехал в Белуджистан на пару дней. Вот-вот вернется. Когда приезжаешь в Пакистан?

— Я уже здесь. Разве вы не получили вчера мой телекс?

— Нет. Я проверял телекс, с тех пор как уехал дядя. От тебя ничего не было.

— Там говорится, что я прибуду сегодня с немецкой компанией. Разве ты не получил его? Это невозможно. Мне пришло подтверждение приема с твоего телекса.

— Нет, этот телекс я действительно получил, но откуда мне было знать, что он от тебя? Там нет подписи Д. Г. Маркс, и послан он из Гонконга, а не из Лондона. Мы не ведем дела ни с одной немецкой компанией.

— Афтаб, немецкая компания — это «Люфтганза». Ладно, проехали. Я возьму такси до «Шератона». Скажи Малику, когда вернется.

Я повесил трубку.

— Мистер Маркс, мистер Маркс! — Ко мне бежал какой-то тип в униформе. Сейчас схватят, обыщут, отволокут в кошмарную пакистанскую тюрьму. Бр-р!.. — Мистер Маркс, я стюард с самолета «Люфтганзы». Вы забыли духи из дьюти-фри на самолете. Вот они!

Я сел в автобус, высылаемый ради удобства постояльцев гостиницей «Шератон». Там я чувствовал себя в большей безопасности, чем в такси.

— Д. Г. Маркс, поверь, мне так жаль! Я ужасно зол на этого тупицу Афтаба: не понял простого телекса. Не знаю, что с ним случилось. Подобного больше не повторится, если на то будет воля Аллаха.

— Малик, я не собираюсь пробовать еще раз, но не беспокойся. Я в безопасности, и деньги тоже. Плохо только, что таможенник, очевидно, заподозрил меня, и у него осталась моя визитная карточка.

Мы беседовали в номере «Шератона». Малик приехал, как только прибыл в Карачи и узнал о происшествии.

— С грузом все нормально?

— Конечно, Д. Г. Маркс. Вся партия сейчас на складе в городе. Начинается упаковка и устранение запаха. Это не займет много времени. Закончим к завтрашнему дню. День отправки назначен?

— Да. Чем скорей, тем лучше. Нас устраивает любой день. Твой человек в МККБ получил пятьсот тысяч долларов.

— Я знаю, мистер Маркс. Получил извещение.

— Тебе известно также, что у меня с собой полмиллиона наличными.

— Они мне не понадобятся, пока ты не увидишь груз и документы. Отправим в понедельник, 6 февраля, через три дня. Послезавтра все проверишь. Д. Г. Маркс, пожалуйста, до этого времени побудь в номере. Карачи — опасное место. Все может случиться. В штате всех американских и европейских посольств состоят агенты по наркотикам. Они рыщут по городу.

— Здесь есть агенты DEA, Малик?

— Только один. Харлан Ли Боуэ.

Я вспомнил это имя: оно мелькало в обвинительном заключении, относившемся к поставкам 1973 года, для которых мы использовали аппаратуру рок-групп.

— А английские таможенники?

— Только один. Майкл Джон Стивенсон. Стивенсон! Я его чертовски разозлил на процессе в Олд-Бейли. Господи! Он повязал бы меня с огромным удовольствием.

— Я посижу в номере, Малик. Посмотрю телевизор, почитаю. Заезжай за мной, когда придет время проверки. Все будет в порядке. Вот тебе несколько книг об английских школах и университетах.

— А тебе кусочек гашиша, Д. Г. Маркс. Я знаю, что ты не прочь покурить, сам иногда курю.

Я почитал о производстве бумаги. Не скажу, чтобы это воодушевляло, но кое-какие термины в голове осели. По гостиничному видеоканалу шли западные фильмы с субтитрами на урду. Все вольные сцены, даже поцелуи, подвергались жесткой цензуре. И поскольку вырезали по нескольку минут до и после «клубнички», разобрать, что происходит, не удавалось. Я скурил весь гашиш, оставленный Маликом. После этого следить за сюжетом стало гораздо легче.

Спустя двое небогатых событиями суток появился Малик с Афтабом. На улице их ждала машина. Афтаб взял чемодан с деньгами, и мы углубились в трущобные кварталы Карачи. Подъехали к большому каменному складу. Двое мрачных охранников открыли двойные двери. Внутри склада, где по

периметру центрального помещения располагались отдельные комнаты, вовсю шла работа. Около двадцати молодцов, смахивавших сразу на Ясира Арафата и Чингисхана, возили на тележках большие металлические контейнеры, ведра жира, канистры бензина и оборудование для сварки. Несколько человек просто сидели и смотрели. В углу громоздилось четыре больших штабеля картонных коробок. На каждой мастерски запечатанной емкости значился адрес «Американ телефон и телеграф» в Нью-Йорке. Бирка на английском и японском подтверждала, что товар произведен в Токио. Малик проделал замечательную работу. Он продемонстрировал мне все стадии процесса.

Каждую пятисотграммовую прямоугольную пластину гашиша помещали в герметичный полиэтиленовый мешок. Мешки относили в отдельную комнату, промывали бензином и оставляли там на несколько часов. Новая группа рабочих, чьи руки не прикасались к гашишу, таскали мешки во вторую комнату и помещали в жестяные банки. Банки запаивали, транспортировали в третью комнату и промывали бензином. В четвертой их вкладывали в банки большего диаметра и заливали жиром. Запаянные большие сосуды укладывали в картонную коробку. Теперь груз был готов к перевозке на склад аэропорта, где полицейский кинолог Малика со своими собаками проводил окончательную проверку.

— Д. Г. Маркс, вот твоя копия авиагрузовой накладной.

— Просто фантастика, Малик. Спасибо!

— Не за что. Это моя обязанность.

Вернувшись в «Шератон», я выучил номер накладной и уничтожил ее. Малик снабдил меня билетом первого класса на рейс «Свисс эйр» до Цюриха, следующий после рейса ПМА, который должен был доставить наш гашиш в Нью-Йорк. Как только Малик известил, что самолет с грузом в воздухе, я выписался из гостиницы и поехал в аэропорт. Мне предстояло позвонить Эрни из Цюриха и, как только станет известно, что груз получен, отправить телекс Малику: «Имеется хорошее подержанное бумагоделательное оборудование».

В аэропорту Карачи и Цюриха не произошло никаких неприятных инцидентов. Через справочное бюро гостиниц я забронировал номер в «Карлтон-Элит», прямо рядом с Банхофштрассе. Из зала прибытий позвонил Эрни, продиктовал номер накладной и телефон «Карлтон-Элит». Соединился с Филом в Бангкоке. Он только что проводил Джуди и детей в Лондон и сообщил, что на организацию морских перевозок уйдет примерно месяц.

Посмотрев несколько фильмов по кабельному в «Карлтоне»,

на сей раз без цензуры, я побродил по улицам Цюриха. Каждые два часа звонил в отель. Волновался, удалась или нет операция с пятью тоннами пакистанского гашиша. Наконец позвонил Эрни:

— Откупоривай шампанское! Груз получили. Все наше.

Я повалился на кровать и заснул. Меня отпустило: предприятие удалось, я заработал кучу денег. По крайней мере, я так думал.

В Лондон я прилетел вечером следующего дня, после того как отправил Малику телекс с хорошей новостью. Джуди вернулась накануне.

— Ну, любовь моя, мы снова богаты, — сказал я.

— Думаю, есть проблемы, Говард. Звонил Эрни. Голос у него был не слишком счастливый.

Я вышел на улицу, из телефонной будки на Фуле-роуд набрал телефон ПУЛА. Флэш переключил меня на Эрни, который, казалось, вот-вот отдаст концы. Он говорил почти неразборчивым шепотом:

— Сделка сорвалась.

— Как это? Ты же сказал, что все получил. Я всех известил, что груз прибыл.

— Нет, не прибыл. Том сказал, его, возможно, вообще не отправляли.

— Там были люди Тома, Эрни?

— Ну, на самом деле люди Карла.

— А кто такой Карл?

— Босс Тома.

— Эрни, я думал, что ты — босс Тома.

— Да, и я тоже. Что-то подустал... Поговори с Карлом. Незнакомый холодный голос произнес с немецким акцентом:

— Говард, мы никогда не встречались, но я оказал тебе чертовски важную услугу, когда ты сидел в тюрьме, в Лондоне. Я добился твоего освобождения. Ты мне обязан.

— Спасибо, Карл. Тебе заплатили, я полагаю.

— Это к делу не относится. Говард, ты видел, как партию везут на самолет? Как ее загружают?

— Нет. А ты видел, как ее разгружают?

— Это к делу не относится. Я своим людям доверяю на все сто. Твой человек в Пакистане должен нам полтора миллиона долларов. И у нас возникли дополнительные расходы. Назови мне имя этого человека и его адрес. Я получу назад деньги.

— Карл, дай мне Эрни!

— Он спит.

— Я позвоню позже.

Что я мог сказать Малику, черт возьми? У меня не было ни

малейшего сомнения, что в случившемся его вины нет. Груз украли в Нью-Йорке. Или сам Карл, или люди, которым он верит на все сто.

Следовало незамедлительно известить обо всем Малика. Доверяться телефону смерть как не хотелось, но изложить новости по телексу, пользуясь терминологией производителей бумаги, я не смог. Представил, как Афтаб пялится на телекс: «Подержанное оборудование исчезло». Требовалось позвонить.

— Малик, скажи, когда перезвонить. Есть разговор.

— Сейчас самое подходящее время.

— Груз потерялся.

— Да будет так! На все есть воля Аллаха. Мы можем только стараться.

— Американцы говорят, что ты его и не отправлял.

— Д. Г. Маркс, мне наплевать, что говорят американские свиньи. Если думаешь, что я здесь дурака валяю, проведи собственное расследование. Решишь, что я виновен, верну деньги и дам заряженный пистолет, чтобы пристрелил меня. В Пакистане ты по-прежнему желанный гость в любое время.

Все оказалось гораздо легче, чем я думал. Позвонил Эрни. Его голос немного окреп. Я соединился с ним из автомата.

— Что делать, когда падаешь с велосипеда?

— Не знаю, не ездил, — ответил я.

— Залезаешь обратно на сиденье. Давай провернем сделку с Маликом еще раз.

— Ты не думаешь, что он тебя кинул?

— Я уверен, что это был не он. Не разобрался пока, при чем тут Карл с Томом, но в теперешней сделке они участвовать не будут. Эту операцию проведет Билл, тот парень, с которым ты встречался в «Мандарине».

Эрни объяснил, что схема следующей поставки проста: инструкции и деньги Билл лично отвезет в Карачи через месяц, если Малик гарантирует, что американца не повяжут на въезде.

Дела в Англии требовали моего внимания. Я встретился с Мики Уильямсом, получил от него пятьдесят тысяч и спрятал. Мне требовалась наличность в Лондоне.

Филу за голландскую авиапоставку я заплатил из своих денег в Гонконге. Стараниями Джона Денби, Джарвиса и Безумного Майора винный бизнес процветал. Клиентура «Уэст-Энд секрет ориал сервисиз» разрасталась. Я отмывал все больше наличности через каждое из своих предприятий. Нанял специалистов, чтобы собрали максимум информации о бумажном производстве, подержанном оборудовании, Пакистане, воде и танкерах.

Я навестил Балендо и Орку в «Международном

туристическом центре Гонконга» и заплатил им несколько тысяч фунтов, которые задолжал. Рассказал о возможности заказывать дешевые билеты на рейсы ПМА. Предложил рекламировать их туристическое агентство в тех странах, где бываю, подыскивать новых деловых партнеров, советовать знакомым, чтобы бронировали билеты через центр. Балендо выразил желание сделать меня официальным представителем центра на Дальнем Востоке и выплачивать мне комиссионные за продажу авиабилетов. Мне открыли неограниченный кредит на покупку билетов для меня или любого моего протеже. Балендо выдал соответствующие визитные карточки. Я получил желанное прикрытие.

Дэвид Лей почти закончил мою биографию. Я прочитал написанное. Было очевидно, что он выдохся. Ему явно не хватило ни времени, ни места. Первые тридцать лет моей жизни расписывались уж слишком подробно. И откровенно фальшивые диалоги действовали на нервы. Последняя и, как я думал, самая интересная часть моего жизненного пути упоминалась вскользь. Я хотел, чтобы книга называлась «Спасибо, что курите». Дэвид на такое не пошел. Он хотел назвать ее «Счастливые времена».

Я дал первое интервью. Частично из желания разрекламировать книгу, частично из любви к известности. Эта беседа со старым оксфордским другом Дэвидом Дженкинсом послужила основой для его статьи, напечатанной в мартовском выпуске «Татлера» за 1984 год. Мы оба боготворили уэльских регбистов, Rolling Stones и, хорошенько накурившись, получали большое удовольствие от компании друг друга. Статья представляла меня симпатичным укурком с головой на плечах. Там упоминались мои намерения экспортировать на танкерах уэльскую воду и текущая задолженность Управлению налоговых сборов, полтора миллиона фунтов.

Хотя Стенли Розенталь умело отражал атаки Управления, сборщики налогов держались того убеждения, что денег у меня навалом, просто эти капиталы где-то припрятаны. Они были готовы умерить свои аппетиты, но не удовольствовались теми тридцатью тысячами фунтов, которые я отсудил у таможенного ведомства. В конечном счете они признали, что я ничего не заработал контрабандой наркотиков, и затребовали сорок тысяч фунтов к концу года. Я не мог заплатить им наличными или гашишем. Единственный выход состоял в том, чтобы заложить квартиру в Челси.

В марте я прилетел в Гонконг на свадьбу Хоббса и Селены. Я был шафером. Один из дружков Хоббса согласился жениться на Эйприл. Свой медовый месяц Хоббс провел в Бангкоке, а

новобрачная коротала время за любовными играми в «Пей до дна».

Прибыл Фил с документами, касающимися поставки морем в Лонг-Бич. Контейнер уже плыл из Сингапура. Я снял деньги со счетов в «Креди Свисс» и Банке Гонконга и Шанхая, отдал ему обещанные сто тысяч долларов и еще семьдесят пять за авиапоставку для Мики, через неделю. Мне предстояло слетать в Бангкок за авианакладной.

Оставалось только два дня до прибытия Билла в Карачи, и я должен был попасть туда раньше него.

Когда я прилетел из Гонконга в Карачи, не обошлось без «разбора полетов» по поводу канувших в неизвестность пяти тонн, но Малик все понимал. Я вручил ему списки подержанного бумагоделательного оборудования, выставленного на продажу в Великобритании, и сообщил номер рейса Билла. Малик обещал позаботиться, чтобы гость без проблем миновал таможню.

Наняв в «Шератоне» машину с водителем, я отправился в аэропорт встречать Билла.

— Я должен вручить это тебе, приятель. Да, у вас здесь все под контролем. Я был единственным, кого таможня не разорвала на части. Теперь послушай. В этом чемодане лежит...

— Билл, подожди, пока мы не останемся одни, — прошептал я.

— Ты думаешь, этот араб понимает по-английски?

— Английский понимает большинство пакистанцев, Билл.

— Это что-то новенькое. Я думал они разговаривают на каком-нибудь индийском наречии. Полагаю, мы едем в «Шератон».

— У меня там номер зарезервирован, Билл. Но, может, ты предпочтешь остановиться в «Хилтоне»?

— Нет, я останавливаюсь только в «Шератоне», пока занимаюсь делами. Позже объясню.

В своем номере в «Шератоне» Билл достал контрабандную бутылку «Джека Дэниелса». И продолжил разговор, начатый в машине:

— В этом чемодане триста тысяч долларов. Сколько гашиша можно купить на них?

— Зависит от того, как ты намерен им распорядиться, Билл: послать морем, положить в чемоданы или еще как.

— Мне не нужно, чтобы кто-нибудь отправлял товар из страны. Я сам отправлю его через американское посольство в Исламабаде. Это государственный заказ США.

— Значит, тебе просто нужна куча наркоты? И ты распорядишься ею самостоятельно?

— Ну, некоторая помощь потребуется, потому что меня здесь не будет. Но я устраиваю сделку.

— Билл, что именно тебе нужно?

— Наркотики должны лежать в деревянных клетях особой конструкции, вот здесь размеры. Клети следует отвезти к офису АЛЛ — компании «Американ президент лайн» в порту Карачи. Затем корабль правительства Соединенных Штатов перевезет их на военно-морскую базу в Аламеде, Калифорния. Ты лично должен доставить клети АЛЛ. Нельзя допустить, чтобы местные барыги что-то прознали.

— Хорошо.

— Говард, тебе ведь известно, что я агент ЦРУ?

— Мне это приходило в голову.

— У правительства США в Пакистане есть несколько секретных баз, шпионская сеть и оборудование, разбросанное по всей стране. Время от времени мы должны отправлять оборудование обратно так, чтобы никто не знал, что за хрень мы тут творим. У меня есть разрешение переправлять детали вертолетов-шпионов отсюда на корабле через АЛЛ. Мне дается много места для маневра. В Аламеде, кроме меня, открыть груз никто не может. Я мошенничаю слегка. Сейчас вот собираюсь отправить наркоту. Я знаю много людей в Вашингтоне, которые сочувствуют местным арабам-антикоммунистам. Они не станут возражать, если я проведу сделку с наркотой и подкину денег этим арабам. ЦРУ владеет «Американ президент лайн». Как только наркотики окажутся у АЛЛ, они мои.

— Значит, я подкидываю парочку деревянных клетей к офису АЛЛ, даю тебе знать, а ты их забираешь.

— Нуда, что-то вроде того, но меня здесь не будет. И вот что. Тебя все называют Говард, но ведь первое твое имя Деннис, верно?

— Да.

— Знаешь, арабы пользуются своими фамилиями, как мы именами. Так ты, когда будешь звонить в посольство США в Исламабаде, представься мистером Деннисом из отдела особых поручений.

— Я должен звонить в посольство США?

— Конечно. Позвони им отсюда. ЦРУ владеет «Шератоном». Поэтому я здесь и останавливаюсь. В посольстве будут ждать твоего звонка. Свяжись с ними, как только упакуешь наркотики. Скажи, что груз Фреда Хиллиарда готов, и спроси, когда его привезти АЛЛ. Отвезешь, когда скажут. Вот и все. Ну, так сколько гашиша можно приобрести на триста тысяч долларов?

— Будут затраты — на перевозку в Карачи, упаковку. Тем, кто

имеет дело с наркотиками в этом городе, надо хорошо платить. Я скажу тебе завтра. Это ты Фред Хиллиард?

— Нет, мой приятель из Вашингтона. Он решает вопросы на военно-морской базе в Аламеде. Раньше занимался этим дерьмом тысячу раз.

— Эрни сказал тебе, кому и сколько причитается?

— Ты получаешь пятнадцать процентов, Говард, Малик — двадцать пять. Мы оплачиваем все предварительные расходы из этих трехсот тысяч долларов. Отнеси деньги к себе в номер.

Малик обрадовался предложению:

— Легкая работа, Д. Г Маркс. Мы сделаем это, если на то будет воля Аллаха. А что еще за хренотень с самолетом-шпионом? Американцы выжили из ума.

— Сколько ты можешь послать за такие деньги, Малик? — спросил я.

— Если на то будет воля Аллаха, две тысячи килограммов. Дай мне спецификацию на клети. Все будет готово через несколько дней.

— Прекрасно. Мне надо слетать в Бангкок.

— Я достану тебе билет на рейс «Таиландских международных авиалиний», первый класс, в оба конца.

Оставив Билла в Карачи, я полетел в Бангкок за накладной для груза, отправляемого друзьям Мики Уильямса в Голландию. Мики требовался документ, а не только его номер. Я поручил Хоббсу отвезти накладную в Лондон, Мики. Интересно, каково ему будет получить заветную бумажку из рук педика?

Билла в Карачи я уже не застал: тот неожиданно уехал. Малик упаковал две тысячи килограммов того же отличного пакистанского гашиша в клети загадочной формы. Приобрел грузовик-пикап марки «мазда». Клети сложили в грузовик. Все было готово.

Я позвонил в американское посольство в Исламабаде. Они не ожидали звонка от мистера Денниса из отдела особых поручений. О Фреде Хиллиарде вообще не слышали. Они понятия не имели, о чем я говорил. Я попробовал еще раз на следующий день с тем же результатом.

Я влип. Мы с Эрни никогда не звонили друг другу, если я находился в таких местах, как Карачи или Бангкок. Это было золотым правилом. Мне следовало убираться из города.

Велев Малику попридержать товар до моего возвращения, я вылетел из страны первым же самолетом. Это оказался рейс «Алиталии», и я прибыл в Рим. Позвонил Эрни. Он знать не знал, что произошло с Биллом. Обещал выяснить. По номеру Мики Уильямса никто не отвечал. Я позвонил по другим телефонам.

Джуди с детьми присматривали дом на Мальорке. Самолетом «Иберии» я вылетел из Рима в Пальму.

Джуди нашла дешевый, прекрасный старый дом в Ла-Ви-лете, деревне, которую почти полностью поглотила Пальма. В доме многое требовалось подновить и поправить, но мы решили его приобрести. А пока Джуди сняла меблированную квартиру в районе Бонанова. Телефона там не было, но обещали скоро установить. Я позвонил Мики Уильямсу.

— Явился не запылился, Говард, старина. Мы все получили. Через пару дней гашиш поступит в Лондон на продажу.

Наконец-то удача мне снова улыбнулась!

Я вылетел рейсом «Эйр Юрон» в Гатуик и встретился с Мики Уильямсом в пабе «Уорик Касл», на Мейда-Вейл.

— Половина груза в машине на улице, Говард. Вот ключи. Машина ни на кого не зарегистрирована. Если тебя остановят, выкручивайся как знаешь. Когда разберешься с грузом, припаркуй машину рядом с тем местом, где она стоит. Позвони мне, когда получишь мою долю, а я передам тебе другую половину партии.

Я позвонил Джарвису, который зашел ненадолго и забрал автомобиль. Сообщил хорошие новости Филу.

Пару дней спустя Джарвис принес деньги от продаж тайской травы. Большая часть ушла на то, чтобы расплатиться с Мики и получить остаток тайской марихуаны.

Связавшись с Эрни, я узнал, что Билл вернулся в Карачи, все проблемы улажены. Надо было немедленно возвращаться.

Я прошел паспортный контроль на третьем терминале в Хитроу и собирался войти в зал ожидания, когда меня остановил полицейский в штатском.

— Чистая формальность, сэр. Мы просто задаем пару вопросов людям, улетающим на Восток, сэр. Направляетесь в Карачи или куда-то еще в Пакистане?

— У меня назначена встреча в Карачи.

— Деловая встреча, сэр?

— Да.

— Могу я спросить, чем вы занимаетесь, сэр?

— Продаю воду.

— Воду?

— Да, воду. Как ни странно, уэльскую воду.

— А что, в Пакистане на нее большой спрос, сэр?

— Пока не выяснил. Но на нее есть спрос в Саудовской Аравии. Я встречаюсь с шейхом Абдулараманом А. Аль-Раджи в «Шератоне». У шейха в Пакистане много деловых интересов. Обычно я вижусь с ним там.

— Позвольте ваш паспорт, сэр? Мистер Маркс, я смотрю, вы

частенько бывали в Карачи за последние несколько недель. И в Бангкоке тоже. Шейх и там с вами встречается?

— Компания, на которую я работаю, располагается в Гонконге. Рейсы из Гонконга в Карачи обычно следуют транзитом через Бангкок. Я не упускаю возможности провести пару дней в Таиланде.

— Спасибо, мистер Маркс. Приятного полета! Продайте побольше воды.

Сам того не зная, я беседовал с опознавшим меня сотрудником следственного отдела Управления таможенных пошлин и акцизных сборов. Этот коп сигнализировал агенту Управления в Пакистане, Майклу Стивенсону. А тот предупредил Харлана Ли Боуэ, человека DEA, что в Карачи прибывает матерый наркоконтрабандист. Боуэ помнил мое имя с 1973 года. В аэропорту Карачи за мной пустили хвост. Стивенсон жаждал крови, а Боуэ был не против ему помочь.

Я зарегистрировался в «Шератоне». Билл снова исчез. Я позвонил в посольство США в Исламабад:

— Доброе утро! Говорит мистер Деннис из отдела особых поручений.

— Добрый день, мистер Деннис! Нас предупреждали насчет вашего звонка. Я соединю вас с отделом, который имеет к этому непосредственное отношение.

Отлично! Билл все уладил.

В трубке раздался скрипучий голос:

— Мистер Деннис, мы продолжаем готовить документы. Нет нужды говорить вам, какой это деликатный вопрос. Пожалуйста, звоните нам раз в неделю, пока мы не будем готовы.

— Конечно.

Лондонские доходы от продаж тайской травы манили меня. Малик дал мне серый чемоданчик, набитый документами о производстве бумаги в Пакистане, и билет первого класса на рейс «Пан-Американ» до Лондона. В самолете я сидел рядом с Элизабет Тейлор. Мы говорили об Уэльсе. Она сошла во Франкфурте.

На карусели в Хитроу мой чемоданчик не появился. Служащие «Пан-Американ» принесли извинения и заверили, что доставят его на мой адрес, как только найдут. И хотя я не заметил слежки в Карачи, стало ясно: ведется расследование. Что еще могли означать допрос при вылете и пропажа чемодана? Багаж пассажиров первого класса на прямых рейсах не теряется. В чемодане не лежало ничего подозрительного, лишь бумагоделательная ерундистика, я должен был соблюдать осторожность.

Если операция удается, ее повторяют. Мики Уильяме, Фил и я пересылали товар из Бангкока в Амстердам, пока голландский барыга Мики не посчитал, что больше в нас не нуждается. Либо достаточно заработал, либо нашел канал подешевле. В мои европейские закрома потекли серьезные деньги. Пару раз я летал в Бангкок и Гонконг, чтобы привести в порядок грузовые накладные и денежные переводы. Хоббс нашел еще нескольких женихов, а Эйприл с Селеной — еще несколько невест. В гонконгских сундуках прибыло денег на карманные расходы.

Морская поставка из Бангкока в Лонг-Бич удалась. Солидные суммы пополнили мой счет в гонконгском отделении «Креди Свисс». Калифорнийские курьеры Эрни привезли мне наличные в Швейцарию и Гонконг. Я открыл банковский счет и абонировал сейф в Женеве. К сожалению, морскую операцию не удалось повторить. Одного из парней в Лонг-Бич арестовали.

Раз в неделю я напоминал о себе посольству США в Исламабаде. В конце концов чиновник сказал мне, что груз должен быть доставлен в порт Карачи к фрахтовым агентам компании «Форбс, Форбс и Кэмпбелл» в АЛЛ в воскресенье 10 июня.

Я прибыл в Карачи шестого июня. Мне предстояло проехать на «мазде» около трех километров, от городского склада Малика до порта. Малик обещал показать дорогу, сопроводив меня на своей машине, но предупредил, что возле офиса «Форбс, Форбс и Кэмпбелл» не остановится — сразу вернется на склад. Биллу бы не понравилось, что Малик узнает об АЛЛ, но я не видел причин не доверять пакистанцу. После разгрузки я намеревался припарковать грузовик неподалеку от причала. Я проделал путешествие несколько раз на машине Малика.

Водить автомобиль в Карачи — дело непростое. Большинство улиц похожи на оживленную свалку. Машины напоминают модели, собранные из конструктора, но работают гораздо хуже. Борта грузовиков расписаны причудливыми многоцветными портретами и пейзажами. Из-за верблюдов образуются многокилометровые пробки. Повозки, мотороллеры, моторные рикши, мотоциклисты и велосипедисты снуют сквозь заторы как сумасшедшие. Вокруг застывших автомобилей толпятся и лопочут пешеходы. Безногие нищие, отталкиваясь от мостовой, катят на низких тележках от машины к машине. Единственное дорожное правило заключается в том, чтобы продвигаться вперед как можно быстрее любыми способами. Конфликты из-за дорожных происшествий разрешаются на месте — дракой или деньгами. Одного приезжего с Запада разорвали на части за то, что он сбил пакистанскую школьницу.

Я позвонил в посольство США утром десятого июня, чтобы убедиться, не изменился ли план. Изменился. Поставка откладывалась до двадцать второго июня.

Мне требовалось сдать временный паспорт в паспортный стол в Лондоне пятнадцатого июня, чтобы получить новый. Если я хотел вернуться вовремя, следовало вылететь из Карачи немедленно.

Я вернулся в Лондон в течение суток. Паспортный стол решил, что я достоин получить полный паспорт на десять лет. На это должно было уйти три недели. Джарвис согласился отправиться в Пакистан вместо меня и побыть мистером Деннисом. Он вернулся через неделю и рассказал, что, когда пригнал «мазду» к АЛЛ, ему заявили, что ничего не знают, нет никакого заказа. Джарвис посчитал, что ему ничего не остается, кроме как оставить грузовик рядом с конторой, а ключи отдать фрахтовому агенту, пообещав, что посольство США с ним скоро свяжется. После этого Джарвис позвонил в посольство и объяснил ситуацию. Они пообещали этим заняться. Малик, с которым Джарвис встретился перед отлетом в Лондон, посчитал, что тот поступил правильно.

Я сообщил обо всем Эрни через ПУЛА. Тот заохал.

Новехонькая «мазда» с драгоценным грузом гашиша, замаскированным под запрещенное шпионское оборудование, простояла рядом с конторой «Форбс, Форбс и Кэмпбелл» целых три месяца. По словам Малика, она стала местной достопримечательностью, клети странной формы привлекали внимание посетителей порта. Затем неожиданно грузовик исчез. Позвонил Эрни. Груз был на пути в Аламеду. Через несколько недель полагалось пить шампанское.

На какое-то время темп жизни замедлился. Мы с Джуди бродили по новому, еще не обустроенному дому в Испании.

В пятнадцатом веке на Мальорке существовало небольшое поселение Эс-Винет, знаменитое своими виноградниками. Обезлюдев после чумы, оно исчезло с карт на несколько столетий, пока в начале прошлого века, не возродилось под новым именем — Ла-Вилета. Сюда стекались жители Мальорки, искавшие работу в городе, потому что ближе подобраться к стенам Пальмы не удавалось. Из поселения Ла-Вилета превратилась в спальный район для плотников и каменщиков Пальмы. Эти ремесленники использовали свои изрядные навыки, чтобы превратить деревенские дома в городские здания. Облик Ла-Вилеты отличала некоторая пестрота. Здесь попадалось много интересных сооружений. Одно из них мы и купили: трехэтажный дом, возведенный полтора столетия назад, с толстенными

каменными стенами и садиком, где за место под солнцем боролись пять огромных пальм. В Ла-Ви-лете много баров, и в них, как и повсюду в Испании, подают вполне приличную еду. А вот ресторан всего один, «Рестауранте Ла-Вилета». Его владелец и управляющий Боб Эдвардес — уэльсец, родившийся неподалеку от Кенфиг-Хилл. Естественно, мы стали хорошими друзьями.

Мы с Джуди вели очень неспешную спокойную, очень испанскую по духу жизнь, пытаясь вернуть дому былую красоту и знакомясь с островом.

Прошло более трех недель. Время от времени я звонил в ПУЛА. Флэш сообщал, что от Эрни новостей нет. Затем как-то раз он соединил меня с номером Комбса в отеле.

— Ты не поверишь!

— Думаю, придется. Что такое?

— Билл когда-нибудь упоминал о парне по имени Фред?

— Да, упоминал.

— Так вот, с ним все кончено, так же как и с нашим грузом.

Фред Хиллиард умер от сердечного приступа, когда деревянные клети направлялись к Аламеде. Только он мог очистить груз, который теперь грозил вызвать жуткий скандал. ВМС Соединенных Штатов не должны переправлять контрабандой гашиш через свои базы. Возникнут вопросы. Глядишь — и разгонят правительство. Билл, узнав о смерти Фреда, бежал в Бразилию и скрывался где-то в сельве. Эрни отправил людей на его поиски. Если Билл не отыщется, придется подключить к делу Тома и Карла. Надежных правительственных агентов осталось раз-два и обчелся. Когда все выйдут, настанет пора удалиться на покой.

Малик в очередной раз обнаружил удивительное понимание. Предложил отдохнуть от главного бизнеса, сконцентрироваться на бумагоделательных фабриках и прочих законных начинаниях в Пакистане.

Я размышлял над советом Малика, когда мы с Джуди отправились на бракосочетание ее брата Джорджа и Ассумпты О'Брайен. Эта свадьба, справляемая в Белфасте, собрала толпы людей, говоривших, как Джим Мак-Канн. Я гадал, что он поделывает. Вот уже много времени ничего о нем не слышал.

Джордж и Ассумпта последние несколько лет преподавали английский при Британском совете в Бейруте. 1984 год для Ливана был богат событиями. Американская морская пехота в конце концов отступила, предоставив страну самой себе. Последовавшая борьба за контроль над Бейрутом оказалась изощренной и кровавой. Взрывались здания, людей похищали и убивали. Сбитые с толку читатели западных газет тщетно

пытались уловить разницу между шиитами, ООП, друзами и маронитами. Все, кто мог себе это позволить, толпами валили из Бейрута. Джорджу и Ассумпте было жаль уезжать. Они любили Ближний Восток, любили свою работу. Они не знали, что им теперь делать. Я поинтересовался, как они смотрят на то, чтобы открыть школу в Пакистане. За деньгами дело не станет. Они с радостью ухватились за это предложение.

Так появился Международный лингвистический центр Карачи (МЛЦК). За несколько недель было положено впечатляющее начало. Мы арендовали старое американское консульство. Я дал Хоббсу отдохнуть от брачных афер в Гонконге и произвел его в школьные попечители. В Лондоне проходили собеседование учителя английского, и некоторым доставалась должность в Карачи.

Настоящий английский, который преподавали педагоги из Великобритании, в Пакистане пользовался популярностью. Успех был обеспечен. Малик потирал руки. Я сделал его директором МЛЦК, а он меня — директором своих бумагоделательных фабрик в Мехаре.

Япония и все японское с детства приводили меня в восхищение. Я играл в го, любил сырую рыбу и постоянно покупал японскую электронику и оптику забавы ради. Истории про самураев захватывали мое воображение и особенно впечатляла философия добровольного ухода из жизни на пике. Сам я не испытывал склонности к самоубийству, свой пик миновал, но идея расцветающей жизни, не отравленной тревогами старости, заключала в себе неотразимую привлекательность. Я постоянно летал в Гонконг, отделенный от Японии всего несколькими часами лета, но как-то не находил времени сесть на лайнер до Токио. Это расстраивало.

— Любимая, хочешь слетаем в Токио? Джуди улыбнулась:

— Ты же знаешь, я об этом просто мечтаю. Дети будут в восторге. Там есть Диснейленд.

Ночная жизнь Токио сосредоточена в нескольких районах. Один из них называется Роппонджи. Это зона дискотек. В шесть вечера безупречно одетые бизнесмены среднего возраста высыпают из офисов, сдают свои кейсы в гардероб дискотеки и отрываются на танцполах, разглядывая себя в настенных зеркалах. Гуляя по клубам, мы с Джуди набрели на двенадцатиэтажное здание, где на каждом этаже танцевали под какую-то особенную музыку: регги, кантри, вестерн, дувоп. На пятом этаже располагался клуб «Пещера». У входа висела фотография Джона и Иоко.

Интерьер воспроизводил обстановку настоящей «Пещеры» в

Ливерпуле, где я бывал около двадцати лет назад. Четыре японца на сцене были одеты под битлов и обнаруживали удивительное внешнее сходство с ливерпульской четверкой. То ли надели какие-то хитрые маски, плод передовых технологий, то ли подверглись пластической операции. Они исполняли исключительно песни Beatles, не перевирая ни слов, ни музыки. Это были Beatles, вот что жутко.

В отеле — мы остановились в «Кео Плаза» — мне передали просьбу позвонить Стенли Розенталю. Опубликовали «Счастливые времена». Рецензенты плевались. В Управлении налоговых сборов прочитали книгу и пришли в ярость. Они сделали вид, что не считают меня наркоконтрабандистом, а я публично сознавался, что промышлял контрабандой. Переговоры пошли насмарку, меня вызывали для объяснений. Я полетел обратно в Лондон. Мы со Стенли отправились в Управление налоговых сборов. Английского мудака Спенсера с моего дела сняли. Нас принял вежливый уэльсец Прайс. Я объяснил, что, беседуя с Леем, грешил пустым, безосновательным хвастовством. Позволил себе приврать кое-что, преувеличить, чтобы книга лучше продавалась. Осознавая возможные последствия, я записал свои разговоры с Дэвидом Леем. Мистер Прайс может послушать кассеты, если не возникнет возражений у Дэвида Лея и у издательства «Хайнеманн». Мистер Прайс принял это объяснение и вернулся к первоначальному предложению заплатить сорок тысяч фунтов до конца года. Квартира в Челси была заложена, и он получил деньги.

После занятий контрабандой ничто не доставляло мне большего удовольствия, чем работа на туристическое агентство. Ни импорт вин, ни перепродажа подержанного бумагоделательного оборудования, ни перевозки воды, ни бизнес-услуги не шли ни в какое сравнение. В гостиницах мне доставались самые шикарные номера, и служащие авиакомпаний демонстрировали крайнюю обходительность.

Досконального изучение моих легальных начинаний показывало, что на них я скорее теряю деньги, нежели зарабатываю. В результате операций по отмыванию денег деловые отчеты не вызывали вопросов и время от времени служили ширмой, но я предпочел бы доходное прикрытие, которое не истощало бы прибылей от марихуаны. Единственным законным наваром стали комиссионные Балендо за авиабилеты, проданные случайному покупателю, которого я к нему отправил.

Несообразности в регламентации цен на билеты регулярных рейсов и систематическое отступление от регламентов позволяли лондонским турагентствам подзарабатывать многими способами.

Авиакомпании, чьи самолеты совершали регулярные рейсы, должны были продавать билеты по минимальным фиксированным ценам агентствам, зарегистрированным в IATA, и Международной ассоциации воздушного транспорта, которые добавляли к минимальной стоимости неизменные десять процентов.

Авиакомпании зачастую предпочитали скорее уступать билеты по ценам ниже минимальных, чем отправлять в рейс пустые самолеты. В результате незаконных сделок между турагентствами, не зарегистрированными в IATA, и авиакомпаниями рынок наводняли дешевые билеты, а наценка туроператора подскакивала до двадцати пяти, а то и тридцати процентов, в зависимости от отношений с авиакомпаниями.

Нередко авиакомпания предоставляла самым разворотливым турагентствам значительный кредит, иногда на три месяца. Турагентство, как правило, брало деньги с клиентов задолго до истечения срока кредита. Это открывало возможности для краткосрочного вложения денег, приносившего турагентству дополнительные барыши.

Стараниями Балендо и Орки «Международный туристический центр Гонконга» завязал прочные отношения с несколькими авиакомпаниями на Дальнем Востоке. За счет наценок на продажах билетов делались неплохие деньги. Оборот, однако, был не особенно велик, главным образом из-за того, что офисы центра располагались на задворках. Компания не могла по-настоящему использовать кредит, предоставляемый авиакомпаниями.

Балендо и Орка планировали, подкопив денег, открыть большой офис в центре и припереть к стенке конкурентов за счет низких цен на авиабилеты. Доходы предполагалось разместить на фондовом рынке Гонконга, где у семьи Балендо имелись нужные связи.

Я предложил вложить в компанию сто тысяч фунтов, если меня назначат содиректором. Мне хотелось принимать активное участие в управлении бизнесом, не вставляя палки в колеса.

Предложение было принято. Я закрыл все предприятия на Карлисл-стрит и отказался от аренды. «Международный туристический центр Гонконга» снял огромное помещение на Денман-стрит, прямо рядом с Пиккадилли-серкус. Теперь, оказываясь в Лондоне, — а это происходило все реже, потому что Пальма брала свое, — я проводил там большую часть рабочего дня.

«Международный туристический центр Гонконга» время от времени покупал авиабилеты у CAAC, Управления гражданской

авиации Китая. Балендо собрался в Пекин, убежденный, что личный визит позволит заключить более удачную сделку, и предложил к нему присоединиться.

Весной 1985 года уроженцы Запада на китайской земле попадались крайне редко даже в Пекине. Открыв двери иностранцам, Китай мало сделал для того, чтобы тем захотелось осесть, обосноваться в здешних краях. Пекин представлял собой диковинное место. Он просто кишел велосипедистами. На улицах не встретишь ни птиц, ни собак. Никаких такси. Приезжих старательно отделяли от китайцев. Чужаки должны были ходить в особые магазины и расплачиваться особыми деньгами, сертификатами иностранной валюты, которые у местных жителей не водились. Неудивительно, что в стране процветал черный валютный рынок.

В качестве гостей CAAC мы с Балендо побывали в Запретном городе и на площади Тяньаньмынь. В качестве гостей железнодорожного ведомства посетили гробницы императоров династии Мин и вскарабкались на Великую Китайскую стену.

В офисах CAAC прошло несколько встреч, из которых я, в силу языкового барьера, мало что вынес, Балендо же после заключительных переговоров так и сиял. Управление гражданской авиации согласилось продавать нам билеты по сногсшибательной цене, а также наделило нас исключительным правом оформлять китайские визы в Великобритании.

Мы стали первым иностранным агентством, которому разрешили за пределами страны продавать билеты на внутренние рейсы. Балендо не спешил объяснить, как ему это удалось. Возможно, тут не обошлось без серьезных китайских гангстеров. Хотя гораздо вероятнее, что в ход пошла круглая сумма, предположительно, часть моих вложений.

На обратном пути я сделал остановку в Бангкоке. Фил озадачил меня новым деловым предложением — открыть массажный салон. В Бангкоке их было множество. На каждом углу, в гостиницах и рядом с парковками функционировали заведения, предлагавшие клиентам частью минетные оргии, частью массаж. Наибольшей популярностью пользовались салоны, где клиента клали на матрац, поливали подогретыми маслами или мыльной водой и дочиста оттирали вульвой вместо специальных подушечек. Дальнейшее оставляли на усмотрение посетителя. Первоклассные отели предлагали только традиционный или почти традиционный массаж, теряя на этом кучу денег.

На полпути между центром Бангкока и международным аэропортом Донмуан располагался самый большой в Азии

гостинично-торговый комплекс «Хайатт Сентрал Плаза», «Хайатт» — роскошный пятизвездочный отель, первым встречающийся на пути из аэропорта в Бангкок. Основную его клиентуру составляют пилоты, отдыхающие между рейсами, и бизнесмены, приехавшие ненадолго. Они редко отправляются в центр: поводов мало, и добираться долго. Рестораны в гостинице первоклассные, есть спортивные сооружения. Рядом нескончаемые торговые пассажи: сплошь зеркала, лифты, фонтаны. Под рукой все, что надо. Кроме массажа. «Хайатт» разрешил Филу открыть массажный салон в подвале гостиницы. Официально услуги сводились к традиционному массажу, стрижке и маникюру. Тридцать профессиональных массажисток готовились приступить к работе. Клиенты могли включать все услуги в свой гостиничный счет. В этом случае Филу платил бы отель. И никаких упоминаний эротического «массажа», в счетах. Никакого минета — исключительно сушка волос феном. Конечно, бдительную супругу или босса, проверяющего командировочные расходы, могла насторожить сумма, которая ушла на педикюр и наведение лоска, но и только. Клиентам не возбранялось даже пригласить массажистку к себе в номер. «Хайатту» предстояло первым из пятизвездочных бангкокских отелей обзавестись собственным борделем и штатными проститутками. Фил предложил мне партнерство, пятьдесят на пятьдесят.

Я никогда не стремился стать прославленным сутенером, но не устоял. Есть свои преимущества в том, чтобы представляться совладельцем туристического агентства — это и солидно, и безопасно, — но гораздо забавнее ввернуть в разговоре, что владеешь массажным салоном, сунуть нужному человеку карту на бесплатный эротический массаж.

— Я в деле. Как ты этого добился, Фил?

— Через одного парня. Я говорил тебе про него. Лорд Мойнихан. У него массажные салоны во многих отелях Филиппин, включая все «Хайатты». Веры ему нет никакой, но он умеет быть полезным, знаком с удивительными людьми. Знает всех на Филиппинах, от Маркоса и дальше. А в аэропорту Манилы творит что заблагорассудится.

— Как ты с ним познакомился?

— Через Джека Выдумщика, Джека Уоррена. Помнишь его сына Барри, того, что умер в семьдесят девятом?

— А Мойнихан настоящий лорд?

— Определенно. Я проверял. Лорд Мойнихан из Лидса. Его единокровный брат Колин Мойнихан — министр спорта в британском правительстве. В свое время наш Мойнихан шокировал палату лордов, приняв сторону Испании в

гибралтарском вопросе[63]. Его заподозрили в мелком мошенничестве и даже убийстве, и он бежал в Испанию. Франко взял его под крыло, произвел в рыцари, кажется. Затем Мойнихан открыл дело на Филиппинах. Продажный дальше некуда. Учился, как и ты, в Оксфорде, но намного раньше. Я говорил ему о тебе.

Просто сказал, что знаю еще одного жулика из Оксфорда. Он хочет с тобой познакомиться. Мы должны как-нибудь махнуть в Манилу. Тебе там понравится.

Едва самолет «Филиппинских авиалиний», на котором мы вылетели из Бангкока, совершил посадку в Маниле, в салон вошли Джек Выдумщик и лорд Мойнихан. Мы с Джеком обнялись. Фил представил меня Мойнихану.

— Зови меня Тони. Счастлив с тобой познакомиться, старина. Лучше бы нам выйти из самолета. Багажа много?

— Никакого, Тони, только то, что у нас в руках.

— Черт! Не нужно было брать носильщика. Все в порядке. Можно ваши паспорта?

Сойдя с самолета, мы подошли к самому началу длинной очереди из прибывших пассажиров. Мойнихан отдал наши паспорта служащему иммиграционной службы, который улыбнулся и поставил печати. Сразу при выходе под охраной полицейских, стоял длинный «кадиллак» Мойнихана. Мы залезли внутрь.

— Я бы с удовольствием пригласил вас к себе, но в доме уже гостят несколько друзей. Вам забронированы VIP-номе-ра в отеле «Мандарин», в Макати. Фил и Говард, я буду рад видеть вас у себя завтра на воскресном обеде. Отправлю за вами машину в час дня. Джек, я знаю, что на завтра у тебя другие планы.

Джек не был одним из гостей Мойнихана. Он тоже остановился в «Мандарине». Фил ушел на встречу со своей манильской подружкой, а мы с Джеком отправились пить.

Джеку было под семьдесят, и он пережил страшную трагедию, когда его сын умер от передозировки героина в бангкокском притоне, но это не лишило Выдумщика способности смешить людей до слез своеобразными австралийскими шуточками и приколами. Ему было что рассказать. Он сидел в одной камере с Миком Джаггером, когда того арестовали в шестидесятых, грабил самые богатые ювелирные магазины мира.

Сначала мы отправились в Дель-Пилар, средоточие ночной жизни. По большому счету этот район мало чем отличался от Патпонга в Бангкоке: то же изобилие девиц в бикини, танцующих на барных стойках и столах, но все гораздо дешевле, и музыка неизмеримо лучше. Стайку танцующих девушек можно было нанять за гроши, которые обычно платили хозяину бара,

американцу или австралийцу. Гостиницы никогда не возражали, если постояльцу вздумалось привести гостей на ночь. Некоторые из баров пользовались весьма скандальной репутацией, в особенности заведение «Минет со льдом», где, если вам пришла такая фантазия, можно было засунуть свой член в рот, полный колотого льда.

Джек повсюду собирал толпу детей-попрошаек, раздавая милостыню без счета. И когда он предложил отправиться куда-нибудь подальше от беспредельного места, за нами увязались пятеро малолеток. Мы всей компанией забрались в джипни, самое популярное на Филиппинах средство передвижения для непродолжительных поездок. Джипни соорудили из джипов, оставленных армией США после Второй мировой войны. Снаружи они сплошь расписаны разноцветными рисунками, украшены сотнями зеркал и статуэтками лошадей. Внутри это пещеры Аладдина, декорированные католической атрибутикой и оснащенные мощными музыкальными установками.

Наш джипни остановился возле бара «Жемчужные врата», где клиентов обслуживали монашки: усаживали за столик, принимали заказ, приносили напитки, а потом устраивали развратное шоу. Мы с Джеком пили пиво, попрошайки — кока-колу.

Объявили белый танец. В зале закружились несколько пар. Монашки разбивали танцующих и приглашали на танец смущенных мужчин. Джек подошел к паре американцев, похлопал женщину по плечу, сказал «извините» и повел ее партнера, который не посчитал это забавным. Вспыхнула драка. Несколько попрошаек достали ножи. За Джека они могли убить. Драка прекратилась.

— Это настоящие монашки, Джек?

— Мне самому интересно. Есть только один способ выяснить.

— Какой, Джек?

— Попытаться выкупить парочку на вечер. Пойду спрошу мать-настоятельницу за стойкой.

После некоторого препирательства со старшей монахиней Джек заплатил ей и вернулся с улыбкой до ушей:

— Две до полуночи.

Когда мы сели в джипни, девицы повели себя, как монашки и соответственно отзывались на все вопросы. Их ничто не смущало. Они бровью не повели, когда я запалил косяк с тайской марихуаной, привезенный из Бангкока.

Мы сделали остановку в баре «Дом хоббита». Спустились по миниатюрной лесенке и встретили теплый прием в зале, полной карликов. И официанты, и танцовщицы ростом были не выше

полутора метров.

— Джек, а таких парочку не хочешь купить? — спросил я в шутку.

— Это идея. Я выкуплю семерых. Семь гребаных карликов. А прежде чем ночь закончится, найду себе Белоснежку.

Посетив еще пару-тройку диковинных злачных мест, мы вывалились из джипни возле отеля «Мандарин»: пятеро попрошаек, семеро карликов, две монахини, Джек Выдумщик и я. Джек подошел к стойке администратора и попросил, чтобы в ресторане для гурманов приготовили стол на шестнадцать человек.

Служащие отеля привыкли к чудачествам Выдумщика. Он оставлял такие чаевые, что ни одна его просьба не встречала отказа. Вряд ли их привела в восторг нелепая свита, с трудом волочившая ноги по шикарному вестибюлю, но они и с этим смирились.

Джек заказал пропасть еды: омаров, устриц, жареного мяса и птицы, полную тележку десерта. Монашки и карлики уплетали от души. Малолетки не тронули ничего, зато все недоеденное сложили в полиэтиленовые мешки и захватили с собой. Джек оплатил огромный счет, оставил официантам несметные чаевые, выпроводил монашек, карликов и попрошаек, посадил их в джипни и пожелал всем спокойной ночи.

На завтра, в час дня, лимузин лорда Мойнихана стоял рядом с гостиницей «Мандарин». Водитель отвез нас с Филом за пределы Большой Манилы в шикарный жилой район. Мы свернули на подъездную дорожку, ведущую к большому особняку, бывшей резиденции перуанского посла. Мойнихан встретил нас и представил меня своей прекрасной супруге, уроженке Филиппин Эдите, и трем гостям: Джимми Ньютону, лондонскому адвокату, его жене-австралийке Хелен и австралийцу по имени Джо Смит. Джо походил сразу на Крокодила Данди и Кирка Дугласа. Руки у него были в татуировках, глаза красные. Прислуга принесла нам коктейли «Пиммз». Мойнихан отвел меня в свой кабинет и усадил за стол.

— Говард, то, о чем мы говорим за этим столом, останется между нами, ты понимаешь. Я знаю, что Фил — твой хороший друг. По крайней мере, он утверждает, что это так. Или нет? Но я предпочитаю, чтобы он не знал всего, о чем пойдет речь. Ясно? Как я понимаю, о тебе написали книгу. Хотелось бы прочитать. У тебя есть экземпляр?

Обычно я возил с собой несколько штук, чтобы покрасоваться перед новыми знакомыми.

— Да, Тони, есть, — ответил я. — В гостинице. Я тебе дам.

Откуда ты знаешь?

— Фил рассказал. Понимаешь, почему я ему не доверяю. Немного несдержан. Но ты ведь дашь мне книгу?

— Конечно.

— С автографом?

— Если хочешь.

— Замечательно. Джимми, с которым ты только что познакомился, мой самый близкий друг. Мы вместе учились в Стоу и Оксфорде. Кстати, а ты-то где учился? Фил упомянул про Оксфорд, и только.

— Я закончил среднюю школу в Южном Уэльсе.

— А после этого, вероятно, поступил в Джизус-Колледж, пристанище блестящих уэльских умов, так?

— Нет, в Баллиол.

— Вот те на! Давно мне не выпадала честь обедать с выпускником Баллиола. Однако вернусь к тому, с чего начал. Говард, не буду бродить вокруг да около. Я знаю, ты очень обаятельный человек. Умен, богат. У тебя есть способности, особого рода, к торговле. Чует мое сердце, что мы могли бы друг другу помочь. Прости, что я дурачком прикидываюсь, но время от времени тебе требуется фальшивый паспорт, разве нет?

Я улыбнулся.

— Ну, Джимми достает отличнейшие паспорта. Естественно, британские. Кому нужны другие в наши дни? Если тебе потребуется паспорт, это очень легко организовать. Хочешь, я скажу ему, что, наверное, тебе потребуется помощь?

Я не пользовался фальшивым паспортом с тех пор, как был мистером Найсом, и не чувствовал особой нужды в нем. Все же это могло пригодиться.

— Да, Тони, пожалуй. Спасибо. Джо тоже торгует фальшивыми паспортами?

Мойнихан издал характерный смешок:

— Нет, нет и еще раз нет. Я так и думал, что он тебя заинтересует. Джо Смит первым стал возить марихуану в Австралию. Видишь ли, я действительно вожу знакомство с интересными людьми. Подозреваю, что Джо до сих пор занимается тем же. Здесь на Филиппинах, он выращивает индийскую коноплю, как я полагаю, из тайских семян. Соображаешь?

Я прекрасно все понял. Джо меня заинтересовал.

— Слушай, Говард, он давно хотел с тобой познакомиться. Мы оба обрадовались, когда Фил уговорил тебя приехать. Теперь вы можете вести дела друг с другом. Конечно, я был бы тебе признателен за какие-нибудь комиссионные, размер их оставляю

на твое усмотрение. Буду честен. Вот уже семнадцать лет, как я здесь живу. Знаю всех важных людей на Филиппинах. Элизабет Маркое — моя очень хорошая подруга, как, впрочем, и ряд других людей, обладающих властью. Чем бы ты ни надумал заниматься, я помогу. Думаю, я действительно что-то здесь значу. Например, с моей помощью Джо получил землю на острове Лусон, в Горной провинции, под сельскохозяйственные нужды. Говорит, для его целей эта земля подходит идеально. Добиться этого было несложно, потому что моя летняя резиденция находится в Багио, прямо на краю Горной провинции. Летом в Маниле слишком уж жарко. Если могу быть чем-то полезен, пожалуйста, обращайся не колеблясь.

— Тони, у тебя есть свои люди в «Филиппинских авиалиниях»?

— Конечно, а зачем тебе они?

— Ну, временами я занимаюсь туристическим бизнесом. Моя компания специализируется на Китае. Я только что вернулся из Пекина. Летел сюда рейсом «Филиппинских авиалиний» и узнал, что они только что организовали сообщение между Манилой и Пекином. Самолеты «Филиппинских авиалиний» также летают в Манилу из Лондона. Мы могли бы предложить нашим клиентам лететь в Китай из Лондона через Филиппины, с остановкой на пару дней.

— Не ожидал, что ты об этом заговоришь, Говард, но Рамон Круз, управляющий «Филиппинских авиалиний», уже много лет мой друг. Я бы запросто позвал его сегодня на обед. Скажи, когда захочешь с ним встретиться. Так я позову Джо? А сам посмотрю, что там с обедом. У нас сегодня ягненок.

Мойнихан оставил меня в кабинете. Я оглядел ряд книжных корешков на полках: «Книга пэров Берка», «Кто есть кто», «Оксфордский словарь цитат» и четырехтомная «История англоговорящих народов» Черчилля. Среди них, словно заноза из пальца, торчала книга Дэвида Лея «Счастливые времена». Мойнихан был неосторожным лжецом. Но к чему этот вопрос о Джезус-Колледж? Может, он не читал книгу? Или коллекционировал экземпляры с автографами?

Вошел Джо Смит:

— Приятно наконец-таки познакомиться, приятель. У тебя своя голова на плечах, но не верь этой суке, Мойнихану. Готов поклясться, эта сука все про меня выложила.

Я кивнул с улыбкой. Джо мне понравился.

— Ну, мы можем извлечь из этого пользу, дружище. Я ищу надежного человека в Пакистане. У меня свой человек в Бангкоке, который достает отличный товар. Фил его знает. Здесь у меня

есть все, что надо. Я возил наркоту в Австралию всю жизнь. Мне нужен кто-то надежный, чтобы вывезти дерьмо из Пакистана. У меня дома на него огромный спрос. Кредит мне не нужен. Плачу авансом. Пока я не готов. Просто хочу знать, можно ли к тебе обратиться, когда придет время. Сначала приезжай и взгляни, что у меня есть в Сиднее.

— Звони в любое время, когда захочешь, Джо.

Мы пожали друг другу руки и обменялись телефонными номерами, а затем присоединились к гостям. Мойнихан разглагольствовал:

— Филиппины — страна необычная: восемь тысяч островов, покрывающих необъятные пространства Тихого океана. Вы знали, что здесь существует более восьмидесяти пяти независимых племен и языков, между которыми нет ничего общего? Король Испании Филипп просто обвел эти острова на карте кружком и дал им свое имя[64]. Испанцы стали править новыми подданными короны из Мексики. Давали всему испанские названия, обращали местных жителей в католичество. Священники говорили: «Хорошо, танцуйте и пойте на улицах, но не забывайте, что нынче день святого Стефана, а не какой-нибудь писангписанг». Католические падре вдолбили в головы аборигенов эту жуткую историю о распятии: гвозди, кровь и все такое. Дикари пришли в безумный восторг. Переварили, и еще как. Несколько столетий спустя сюда вторглись американцы и сделали эту страну своей колонией, своей единственной колонией. До Испано-американской войны никаких американских колоний не существовало и не появилось с тех самых пор[65].

Джимми Ньютон вставил:

— Эта вспышка империализма, должно быть, пришлась по вкусу британцам, Тони, особенно в то время, в пору расцвета Империи.

— Конечно же, Джимми, еще как. Ты должен знать стихотворение Киплинга «Бремя белого человека». — И он продекламировал:

Твой жребий — Бремя Белых!
Как в изгнанье, пошли
Своих сыновей на службу
Темным сынам земли;

На каторжную работу —
Нету ее лютей, —
Править тупой толпою
То дьяволов, то детей[66].

— Можно понять, что они имеют в виду, когда говорят, что Филиппины провели двести лет в монастыре, а потом пятьдесят в Голливуде, — прокомментировал Джимми Ньютон.

У Мойнихана открылось второе дыхание:

— Действительно, можно понять. А теперь филиппинцы хотят попасть либо на небеса, либо в Лос-Анджелес. Пожалуй, они предпочитают последнее. Кроме этого безумного желания присоединиться к Соединенным Штатам, их ничто не объединяет: ни общая культура, ни национальная гордость. В сущности Филиппины — единственная страна из всех, что я знаю, где быть человеком смешанной расы лучше, чем просто туземцем. Удивительно! И все же они прекрасные люди. Мне нравится, как описал их Киплинг: «То дьяволы, то дети».

Его супруга Эдита поставила на стол икру.

— Это те самые рыбьи яйца, что ты спер у «Филиппинских авиалиний», Тони? — спросил Джо.

— Стюардессы из бизнес-класса, оказали мне некоторое содействие, но думаю, «спер» не то слово. Думаю, они считают себя щедро вознагражденными. Что мне менее всего нравится на Филиппинах, так это еда. Даже когда обедаешь в дорогих ресторанах, возникает ощущение, что местная кухня вобрала в себя все худшее из испанской и китайской и перемешала в несъедобную кашу. Приходится самому добывать такие продукты первой необходимости, как паштет из гусиной печенки и икра. Даже приличный рождественский пудинг и горчицу «Колман» сюда нужно привозить специально.

— Нелегко, тебе живется, Тони, — поддел Джо.

— Ну, если быть откровенным, да. Я просто хочу питаться тем, к чему привык. Я готов платить и, если должен прибегать к услугам главного стюарда «Филиппинских авиалиний», то так и сделаю.

— Тебе не нравится никакая филиппинская еда, Тони? — спросил я.

— Есть один деликатес, к которому я неравнодушен. Особым образом приготовленная челюстная кость тунца. Ее подают лишь в одном ресторане рядом с Давао, на острове Минданао. Я только что оттуда. Могли бы как-нибудь побывать там, Говард. Уверен, ты скоро вернешься на Филиппины.

За белужьей икрой и «Столичной» последовал жареный ягненок, которого запили изрядным количеством «Шато Пальмер». На десерт подали крем-брюле и «Шато д'Икем». Мужчины вытянули ноги в ожидании кофе. Фил сидел рядом с

Мойниханом и Джо, я — рядом с Джимми Ньютоном.

— Джимми, я бы купил одну из твоих книжиц. Каковы условия?

— Две фотографии и пятьсот фунтов задатка. Если паспорт тебя устроит, заплатишь две тысячи.

— Он настоящий, из тех, что выдают в паспортном столе?

— Да, я пользуюсь услугами людей, которые по ряду причин не будут путешествовать, обычно лондонских бродяг. Беру у них свидетельства о рождении и получаю паспорта.

— Отлично. Мне нужен паспорт.

— Вот и славно. Если знаешь людей, которым это может быть интересно, с радостью заплачу комиссионные.

Я подумал о Хоббсе и его дружках. Имей они паспорта на чужое имя, могли бы осчастливить еще кучу гонконгских девушек и заработать мне деньжат. Богатая идея.

— Я сообщу тебе, Джимми.

Ньютон дал мне свой адрес и телефон в Найтсбридже.

На следующий день мы с Филом вылетели в Бангкок. Мойнихан рассказал ему о моей просьбе наладить контакты с «Филиппинскими авиалиниями». Я подробно объяснил все, что касалось «Международного туристического центра Гонконга» и его успехов в Китае. Фил предложил профинансировать открытие бангкокского филиала центра. Я согласился.

Проведя одну ночь в Бангкоке, я полетел в Пальму, где Джуди обустраивала новый дом. Позвонил Флэшу и услышал плохие новости: Эрни арестован, его уже неделю гноят в тюряге. Кто бы мог ожидать такого? Эрни платил лучшим адвокатам, полиции, политиканам, агентам ЦРУ, ключевым фигурам мафии, «Ангелам ада»[67]и черт еще знает кому. Он скрывался двенадцать лет. На чем же погорел?

Когда я вновь набрал номер ПУЛА, Эрни уже выпустили. Полиция узнала его настоящее имя, арестовала за поставки 1973 года в аппаратуре рок-групп и выпустила под залог. Он не отважился поговорить со мной по телефону, но пригласил Джуди погостить с детьми в Калифорнии. Справедливо полагая, что мне американской визы не получить, надеялся передать для меня кое-какие поручения.

Позвонил Джо Смит, с запозданием узнавший от Мойнихана, что я занимаюсь туристическим бизнесом. Он и сам владел агентством, офисы которого находились в нескольких городах Австралии, и звал в Сидней.

Фил уведомил, что офис «Международного туристического центра Гонконга» в Бангкоке скоро откроется. Я должен присутствовать при открытии. С массажным салоном все на мази.

Мойнихан побеседовал с Рамоном Крузом из «Филиппинских авиалиний», строил многообещающие планы и тоже настаивал на встрече в ближайшее время.

Балендо хотел видеть меня в Лондоне. Китайский посол в Великобритании дал согласие на официальное открытие новых офисов «Международного туристического центра Гонконга» на Пиккадилли.

От Малика пришел телекс: пакистанское правительство пообещало выделить бумагоделательному комбинату в Мехаре, директором которого я числился, заем в несколько миллионов долларов. В Карачи намечались важные деловые встречи, требующие моего участия.

Законный бизнес становился таким же сумасшедшим, как и теневой.

Патрик Лэйн предложил, чтобы Джуди с детьми, когда приедут в Калифорнию, остановились у него. А поскольку Джуди всегда хотела побывать в Австралии, мы договорились встретиться там, когда она повидает брата.

В Лондоне Джуди и детям выдали билеты на кругосветный перелет через Соединенные Штаты и Австралию. Я остался в Лондоне и примерно через неделю забронировал место на рейс до Австралии. В представительстве Австралии, куда я обратился за визой, мне пришлось оставить свой паспорт. Явившись за ним на следующий день, я узнал, что не получу австралийской визы, потому что был осужден за серьезное правонарушение. Сто лет назад это гарантировало бы поездку в Австралию, теперь стало препоной[68].

Я известил Джо, что не могу прилететь в Сидней, и предложил встретиться с ним на Филиппинах через некоторое время. Предупредил Джуди, что увидимся в Гонконге.

Я полетел в Бангкок. Массажный салон под названием «Султан» готовился вот-вот распахнуть свои двери. Туристическое агентство в центре Бангкока уже открылось, по случаю чего мы закатили роскошную вечеринку, собрав представителей всех важнейших авиакомпаний и туроператоров.

Я встретился в Маниле с Рамоном Крузом. «Филиппинские авиалинии» собирались открывать офис в Лондоне и были готовы сотрудничать с туристическим агентством, не зарегистрированным в ТАТА.

Президент Маркое родился в деревеньке рядом с городом Лаоаг, в провинции Илокос-Норте. Придя к власти, он назначил своего сына Бомбола губернатором Илокос-Норте.

Мойнихан, приглашенный на прием в честь дня рождения Бомбола, попросил составить ему компанию.

Ранним воскресным утром нас доставили за счет филиппинского правительства из Манилы в Лаоаг на маленьком частном самолете. На борту ожидали шампанское «Боллинджер» и бутерброды с копченым лососем. К взлетно-посадочной полосе подали лимузин.

Прием-барбекю под открытым небом был грандиозный, с оркестром. Присутствовало несколько министров. Меня представили Бомболу, который улыбнулся и ничего не сказал. Я познакомился с несколькими крупными филиппинскими чиновниками, получил множество визитных карточек и раздал кучу своих. Даже вошел во вкус. Несколько филиппинцев проводили нас в аэропорт Лаоага.

Из Манилы я полетел в Гонконг, прибыв как раз перед появлением Джуди и детей. Мы зарегистрировались в «Шангри-Ла». Эрни передал с Джуди свои новые телефонные номера. ПУЛА засветился. Комбс просил удвоить предосторожности, особенно в разговорах. На следующий день для встречи со мной в Гонконг прилетал друг Эрни. Он должен был зарегистрироваться в «Регал Меридьен». Его звали Джерри Уилле.

Д.Г. МАРКС

Джерри, высокий приветливый блондин, приехал вместе с женой, Уивонной, которая открыла мне дверь в номер, извинилась и вышла. Казалось, Джерри смутило то обстоятельство, что его застигли за курением крохотного косячка отменно пахнущей травки. Он затушил штакет и протянул руку:

— Привет! Как поживаешь? Чувак, я чертовски рад с тобой познакомиться. Судя по рассказам Флэша и Эрни, ты можешь стать ответом на мои молитвы.

— Ну, на одну из моих молитв ты можешь ответить прямо сейчас, если снова зажжешь косяк.

— Так тебе понравилась эта штука? Лучшая калифорнийская дурь из всех, что я курил. Но от нее такая вонь. У меня паранойя насчет запаха в номере.

— Да, тут забавное отношение к наркотикам, Джерри. Они не дают огромных сроков за торговлю, но могут упечь за решетку на несколько недель, стоит тебе свернуть косяк.

— Круто. У нас в Штатах все с точностью до наоборот. Куришь — кури, но если привезешь несколько килограммов, тебя упрячут под замок на всю жизнь.

— И все-таки люди здесь курят, Джерри, да еще как. И как правило, камбоджийскую дурь.

— Ну ни хрена себе! Камбоджийскую дурь! Могу поспорить, это круто. Говард, а здесь, в номере безопасно разговаривать?

— Может, и нет, но я разговариваю.

— Да ладно, никто не знает, что я здесь. Уверен. И не больно-то хочется выходить. Под кроватью куча бабок. Эрни сказал, что в Гонконг можно ввозить любое количество. Это меня реально удивило.

— Тебя обыскивали в аэропорту?

— Нет, черт возьми. Мы даже не видели никого из таможни. Я было подумал, что у них нет таможенников. Я имею в виду, что если не берут пошлин, то таможенники и не нужны.

— Джерри, с таможенниками здесь полный порядок. Они все секут, даже если им не за что тебя арестовать. Но если ты ввозишь деньги, тебя никогда не остановят. Им это нравится.

— А что, если они знают или подозревают, что деньги заработаны на наркотиках? — спросил Джерри.

— Это не имеет значения. Гонконг построен на деньги от продажи наркотиков во время «опиумных» войн[69]. Не будь китайцы завзятыми курильщиками опиума, а британцы — безжалостными эксплуататорами, Гонконг так и остался бы

маленькой рыбачьей гаванью. Старые привычки живучи. Колония рада любым деньгам, которые вливаются в экономику.

— Умно, ничего не скажешь. Так о чем я? Поможешь мне достать товар в Пакистане? Мы с парнями хотим вложить три миллиона долларов в поставку десяти тонн лучшего гашиша в Лос-Анджелес. Я собираюсь купить судно, привести его в порядок, пригнать в Пакистан, купить десять тонн отборной наркоты и перевезти через Тихий океан. Судно и оборудование встанет в миллион долларов. Можно на два миллиона долларов купить десять тонн лучшего гашиша в Пакистане?

— В принципе можно. Зависит от того, сколько ты готов заплатить пакистанцам, если поставка состоится, куда и как тебе должны доставить наркотики: свалить кучей на диком пляже или загрузить на борт вдали от берега?

— Мы рассчитываем продать гашиш по меньшей мере по две тысячи пятьсот долларов за килограмм. Итого двадцать пять миллионов за партию. В конечном счете ты и пакистанцы получите десять миллионов долларов. Что до способа доставки, то все будет зависеть от судна. Но это должен быть самый лучший гашиш. Я хочу поставить на нем собственное клеймо, без шуток.

— Ты хочешь, чтобы на каждом куске стояло «Джерри»?

— Нет уж, это выглядело бы слишком банально. Главное, чтобы оттиск был разборчивый и показывал, что гашиш прислан афганскими борцами за свободу и что деньги от его продаж пойдут на борьбу против коммунистов.

— Так оно и есть — заметил я.

— Да, но среднестатистический американец этого не осознает. Вот увидит печать и поверит.

— Ты придумал какое-нибудь особенное клеймо?

— Я много об этом думал. Я хочу, чтобы это было изображение автоматов Калашникова, АК-47, исчезающих в облаке дыма от гашиша, и надпись «Освободи Афганистан — выкури Россию!» Считаешь, такое реально?

— Уверен, что да. Когда ты хочешь приступить?

— Да я уже приступил. У меня с собой задаток — четыреста тысяч долларов, которые я отдам тебе прямо сейчас. Все деньги в одном большом чемодане. Мелкими купюрами. Ноша нелегкая. Через неделю получу еще. Я несу ответственность перед своими людьми, поэтому должен увидеть всю партию в Пакистане. После этого выплачу тебе остаток от двух миллионов долларов.

У меня не было никакого желания повторять прошлый опыт и таскаться с тяжеленным чемоданом по улицам Гонконга. Не прельщала и перспектива курсировать с мелкими суммами от сейфа к сейфу. Настало время воспользоваться услугами Стивена

Нг из «Креди Свисс». До этого момента я не обременял его просьбами разобраться с кучей наличных. Я позвонил в «Креди Свисс» рано утром на следующий день.

— Здравствуйте, мистер Маркс. Чем могу помочь?

— Стивен, я должен получить значительный денежный платеж и немного опасаюсь везти деньги в банк, даже на такси. Не подскажете ли безопасный способ?

— Сколько денег вы думаете получить, мистер Маркс?

— Четыреста тысяч долларов.

— Американских или гонконгских?

— Американских.

— М-м-м, серьезная сумма. Когда получите деньги, позвоните мне. Я пришлю двух курьеров-охранников. Они заберут деньги, а я запишу на ваш счет. Комиссионные составят один процент.

Оставив за собой номер в «Шангри-Ла», я зарегистрировался в «Регал Меридьен». Джерри снес чемодан на первый этаж и остался со мной ждать курьеров Стивена Нг. Через полчаса прибыли два китайских джентльмена. Не проверив содержимое, забрали чемодан, дали мне кусочек бумаги размером с марку с китайским иероглифом и удалились.

— Эти ребята — твои друзья? — спросил Джерри.

— В глаза их не видел.

— Крутой ты чувак! Позволяешь двум узкоглазым, которых знать не знал, забрать не пересчитывая все мои деньги в обмен на клочок бумаги с иероглифом. Эрни говорил, что ты работаешь слегка нетрадиционно, но это уж слишком.

Я поводил Джерри по ночным заведениям Гонконга. Он влюбился в город и во всех проституток, с которыми познакомился. Джуди вместе с Уивонной прошвырнулась по торговым пассажам. Потом Уиллсы улетели в Лос-Анджелес, а мы — в Карачи. Нас встретили Джордж и Ассумпта на желтом авто с яркой красно-бело-голубой надписью «Международная лингвистическая школа, Карачи». Мы остановились в доме, который они снимали. Я встретился с Маликом.

— Д. Г. Маркс, почему ты опять связываешься с американцами? Они сумасшедшие люди. Мы сделаем миллионы в бумажном бизнесе, если на то будет воля Аллаха. Пакистанское правительство уже согласилось финансировать мехарский комбинат. Есть вероятность, что подключатся корейцы, «Хюндай». Получим огромные деньги. А главный бизнес лучше делать с англичанами или с австралийцем, о котором ты говоришь. На кой нам самолеты-шпионы и сумасшедшие, которые умирают от сердечного приступа?

— Полагаю, ты думаешь так из-за клейма?

— Нет, Д. Г. Маркс, мне нравится идея с клеймом. Это хорошо для Афганистана и для главного бизнеса. А загрузить частное судно здесь, в Пакистане, детская забава. Это делается каждый день.

— Ну так что, сделаешь?

— Раз ты настаиваешь, Д. Г. Маркс, сделаю, если на то будет воля Аллаха.

— Не возражаешь, если американец приедет проверить груз перед отправкой?

— Решай сам. Я несу обязательства перед тобой — не перед какими-нибудь американцами. Съездишь со мной под Пешавар, к Хайберскому проходу. Проверишь качество, осмотришь. Американцам туда дорога заказана. Даже тебе придется прикинуться пакистанцем. Я все улажу. Если товар понравится, привезу партию в Карачи, на склад. Там и показывай его американцу. Дело твое.

— Ты можешь гарантировать, что гашиш будет превосходного качества?

— Д. Г. Маркс, наилучшее качество стоит очень дорого, даже на Хайберском проходе. А за пределами Пограничной провинции его никогда не найдешь. Я тебе объясню. Когда растение дает первые цветки, верхушку срезают и крошат, потом заворачивают в белую козлиную шкуру и кладут в землю. Из них получается первосортное сырье, но выход очень маленький. Вторые цветки срезают и заворачивают в коричневую козлиную шкуру. Это второй сорт, но выход намного больше. Третьи цветки помещают в черную козлиную шкуру — этого добра выходит очень много. Изготовляя гашиш, мы берем много мешков с сырьем третьего сорта, несколько с второсортным и всего один-два с первосортным. Первосортное сырье раз в сто дороже третьесортного. За два миллиона долларов можно поставить десять тонн, где пять процентов составит первый сорт, двадцать — второй и семьдесят пять — третий. Обычно доля первого сорта не превышает трех процентов, так что у тебя будет великолепный гашиш. Попробуешь, сам поймешь. И еще, Д. Г. Маркс, американцы не должны заходить в пакистанские порты. Они наделают дел, и их арестуют. Мои люди отвезут им гашиш на судно. Пусть ждут на некотором расстоянии от берега. Для них же проще.

— Когда мы отправимся на Хайберский проход?

— Я поеду сразу. И почту за честь принять тебя через неделю или две. Пожалуйста, передай деньги моему другу в МККБ. Сумму оставляю на твое усмотрение. А перед тем как уедешь, оставь мне, пожалуйста, свою фотографию на паспорт. Сфотографируйся

в рубашке с открытым воротом, без пиджака или галстука. Станешь членом моего племени, африди. Именно это будет написано у тебя в паспорте.

Хоббс возненавидел Карачи и тяготился должностью попечителя. И хотя его вдохновляла идея насчет паспортов и женитьбы на гонконгских шлюхах, он больше склонялся к возвращению в Европу.

А мне не давала покоя телефонная система ПУЛА, увы, ставшая небезопасной. Я мечтал о чем-то похожем. Она могла базироваться в любой стране, где хорошие телефонные линии. Я бы вручал всем деловым партнерам один телефон — номер доверенного лица, готового в любой момент переключить звонок на меня, где бы я ни оказался. Чем плохо: ты всегда на связи, но лишь один человек знает, где ты находишься. Ты контролируешь собеседника, и ниже вероятность, что накроют.

Я спросил Хоббса, где бы тот хотел осесть. Оказалось, в Амстердаме. Через неделю Хоббс въехал в квартиру с двумя отдельными телефонными линиями и необходимым оборудованием. Через две недели голландская полиция установила на телефоны жучки, но мы этого не знали. Это теперь я понимаю, что сводить все звонки в одно место — ошибка. Если копы прослушивают линию, информация течет к ним рекой.

А тогда я преспокойно полетел в Гонконг, забрал деньги у жены Джерри, Уивонны, передал их другу Малика в МККБ и возвратился в Карачи. Малик вручил мне пакистанский паспорт с непроизносимым именем и моей фотографией. Рейсом ПМА мы вылетели в Исламабад, где нас встретили и отвезли в отель «Флэшменз», в Равалпинди. Я облачился в одежды племени африди и выкурил забойный косяк. В Пограничной провинции обитают разные люди. Ни светлые волосы, ни голубые глаза здесь не редкость. Если правильно одеться, подзагореть, накуриться и не говорить ни слова, запросто сойдешь за местного.

За нами приехала уже другая машина. Спустя несколько часов пути через СЗПП мы прибыли в Пешавар и остановились выпить чаю в центре базара, где торговали оружием, а сверх того чинили кассетные магнитофоны и кондиционеры. К нам подошли двое торговцев, поздоровались с Маликом за руку. Направляясь на северо-запад к Хайберскому проходу, мы проехали через Ланди-котал и свернули с так называемого шоссе на проселок. На примитивном пограничном посту нас остановил полицейский, изучил паспорта. Мы не обменялись ни словом. В сотне ярдов находился еще один пограничный пост. Здесь заправляли дикие, вооруженные до зубов африди. Они все знали Малика. Мы пересели в джип и помчались по горной дороге.

— Мы в Афганистане? — я спросил Малика.

— Если верить атласам из лондонских книжных магазинов, то да. На самом деле границы не существует. Она есть только в умах людей Запада. Африди веками жили в этих горах. Горы принадлежат им. Они не знают ничего о странах и границах. Запад дал им много разных имен: индусы, афганцы, пакистанцы и даже британцы. Но для них это пустой звук. Они всегда были африди. Мы африди по обе стороны гор, которые ты называешь афганско-пакистанской границей.

В меньшей из двух комнат большого деревянного форта, в который меня отвели, лежали восемь тысяч полукилограммовых кусков гашиша, источавших прекрасный, теплый аромат. Они охлаждались. Кальян наполнили гашишем и в соответствии с законами гостеприимства предложили мне.

Это была формальная процедура. Косяк в Равалпинди, величие гор, большая высота, культурный шок, обратный феномен Клинтона (вдыхание паров из посудины) — после всего я накурился бы с чего угодно. Тем не менее оставался шанс накуриться еще больше и даже оценить вкус. Я сделал пару затяжек. Вставило еще сильней, и вкус понравился. Все смотрели на меня. Что сказать? Что гашиш фантастический? Или неплохой? Признать, что он стоит каждого цента из двух миллионов долларов? Или заявить, что это верблюжье дерьмо? Я достал упаковку бумажек «Ризла» и попросил, немного гашиша, чтобы скрутить косяк. Объяснил, что привык курить таким способом, так мне проще оценить качество. Я выкурил косяк и протянул Малику свою руку.

— Ты доволен, Д. Г. Маркс?

— Очень.

В мою честь забили барашка. На первое подали куски бараньих почек, обжаренных в жиру, на второе — жареную баранину, на третье — тарелку бараньего жира. Все это мы залили пакистанской кока-колой.

На обратном пути я спросил Малика, знают ли африди, что на Западе гашиш запрещен.

— Они бы не поняли вопроса. Они занимаются благородным делом. Здесь признают закон природы — не закон богачей. Под законом природы я подразумеваю не закон джунглей, но что-то вроде ваших десяти заповедей.

— А если бы сюда явились представители табачных компаний — «Джон Плейер» или «Филип Моррис» — и сказали, что впредь свой товар вы должны продавать им?

— Полицейский не пропустил бы их через границу. Поверь мне, Д. Г. Маркс, до тебя ни один человек, не принадлежащий к

африди, не видел этой фабрики по производству гашиша. И продавать гашиш они будут Д. Г. Марксу, а не «Джон Плейер» или «Филип Моррис».

У меня разыгралось воображение. Я возомнил себя богом.

Джуди пресытилась Карачи, устала от грязи, вынужденного безделья, издергалась из-за болезни Франчески, которая очень сильно и серьезно хворала. Они улетели в Лондон. Я остался в Карачи примерно на неделю, чтобы заниматься делами лингвистической школы и отсиживать совещания на бумагоделательном комбинате, где был абсолютно лишним. В школе дела шли очень хорошо: ее посещали не только пакистанцы, но и служащие иностранных посольств, члены их семей. В Карачи американское и британское посольства были не единственными, чей штат включал агента по наркотикам. Имелся таковой и в голландском посольстве. Жена его учила английский у Джорджа и Ассумпты. Это меня развеселило, и я спросил Ассумпту, не знакома ли она с Майклом Стивенсоном. Выяснилось, что знакома, не столько с ним, сколько с его супругой. А не попадался ли ей Харлан Ли Боуэ? Этот почти каждый вечер торчал в Американском клубе, одном из тех немногих мест в Пакистане, где продавали алкоголь. Сидел в одиночестве за столиком в углу, выпивал и хмурил брови. Ассумпта с Джорджем часто бывали в клубе, потому что сын управляющего у них учился.

Мы втроем отправились в Американский клуб. Все столики были свободны. Бармен засуетился, налил нам выпить на халяву. Вошел Харлан Ли Боуэ, присел за столик в углу, отхлебнул из стакана и смерил нас неодобрительным взглядом. Он выглядел типичным агентом DEA: толстяк и усач. Мы начали, не понижая голоса, отпускать колкости в адрес американцев. Боуэ подозвал официанта и принялся что-то ему выговаривать. Официант подошел к нам. Боуэ пожаловался, что мы не американцы и не состоим в клубе. Официант объяснил, что не может указать на дверь гостям управляющего. Мы залились смехом. Боуэ в ярости ушел.

Мне пришлось возвращаться в Гонконг за деньгами, которые прислал Джерри, и провести ночь в Бангкоке. Фила не было в стране, поэтому я поселился в «Пенинсуле», откуда рукой подать до Эраван Будды. Как всегда по пятницам, Сомпоп молился.

— Савабди, кун Маркс, савабди, кун Маркс! У меня для тебя есть Будда. Пожалуйста, носи всегда. — Он дал мне что-то вроде античной бронзовой монеты. — Кун Маркс, носи всегда, кроме тех случаев, когда ты с женщиной, или в туалете, или в ванной, май ди. Можно носить, когда купаешься в озере или в море, ди

мак мак. Это охранит тебя от зла, кун Маркс. У тебя будет удача. Будда за тобой присмотрит. Завтра купи для Будды золотую цепочку. Носи всегда, кун Маркс.

— Ка пун кап, Сомпоп, спасибо. Как поживает твой тук-тук?

— А, кун Маркс, у Сомпопа больше нет тук-тук. Ты дать деньги. Я купить цветочная лавка. Ты главный, кун Маркс.

Теперь на Сомпопа работала целая артель продавцов, предлагающих цветы богатым бизнесменам, которые направлялись в Патпонг на ночную гульбу.

— Сомпоп, ты случайно не видел моего друга?

— Куна Фила? Я его знаю, но он меня не узнавать. Две ночи назад он пить в «Кингз Касл» с большой черный фаланг и фаланг из Амстердама. Вчера вечером он улетать в Австралия.

Значит, Мики Уильяме каким-то образом вышел на Фила и голландская схема снова заработала, но на сей раз без меня. Почему нет? Фил сам себе хозяин, и я не знакомил его с Мики. Но я был рад узнать, что происходит. Да, Сомпоп умеет быть полезным.

Я купил у ювелира золотую цепочку, оправил изображение Будды в золото и повесил на шею. Буду жить по Его правилам.

В Гонконге я познакомился с Дэниелом, крепко сбитым моряком, которого Джерри нанял в капитаны приобретенного на Аляске краболовного судна. Дэниел передал мне несколько сот тысяч долларов, я отвез другу Малика в МККБ их и кассетник, переделанный в коротковолновый радиопередатчик-приемник. С этой штукой можно было, сидя на пляже, незаметно связываться с судном. Дэниел хотел, чтобы я отвез передатчик в Карачи. Он сказал, что Джерри летит в Лондон на встречу со мной.

За сим последовала ночная пьянка в «Пей до дна», ночь в Бангкоке и день в Карачи. Передатчик я оставил в доме Джорджа и Ассумпты, в отведенной мне комнате.

Полетел в Цюрих, чтобы встретиться с Хоббсом. Я по-прежнему избегал поездок в Амстердам. Хоббс поделился опасением, что амстердамский коммутатор, через который шли все переговоры о поездках, встречах и банковских операциях, ненадежен. Он не знал, в чем дело. Просто почуял неладное. Я велел ему свернуть дела в Амстердаме, дать мне пачку фотографий на паспорт и отдыхать в Бангкоке. Объяснил, как связаться с Сомпопом.

Джерри Уилле, вместе со своим другом, Роном Алленом, прибыл в Лондон раньше меня. Они привезли деньги. По моей просьбе Джон Денби и Джарвис встретились с американцами, чтобы освободить их от наличности и приберечь ее до моего возвращения. Обоим показалось, что за ними следили. Одной

проблемой стало больше.

Рон Аллен был из Чикаго. Главный оптовик, снабжавший марихуаной Средний Запад и Канаду. Джерри хотел, чтобы Рон проверил в Карачи качество наркотиков. Я не видел тут ничего сложного.

Джимми Ньютон продал мне паспорт на имя Уильяма Тетли, принял заказ еще на три ксивы и шесть фотографий Хоббса.

Его превосходительство Ху Дин-яй, посол Китайской Народной Республики, и госпожа Си Хен, его супруга, провели официальную церемонию открытия офиса «Международного туристического центра Гонконга» на Пиккадилли. Его превосходительство был представлен Питером Бруком, членом палаты общин, избранным от данного округа. Среди гостей присутствовали достопочтенный лорд Бетелл, член Европарламента, сотрудники иностранных посольств и правительственные чиновники Гонконга, более сотни представителей туристического бизнеса. Я пригласил всю свою семью и друзей. Мои законные начинания произвели эффект, и они порадовались успеху. Мы стали десятым по величине туристическим агентством Великобритании. Лидировали по продажам билетов в Гонконг и Китай. Моя дочь Франческа преподнесла жене посла букет цветов.

Балендо очень хотел воспользоваться связями Малика в «Пакистанских международных авиалиниях» и предложить дешевые билеты в Китай. Он рвался отправиться в Пакистан и провести собственное исследование маршрута. Я предложил ему лететь незамедлительно. Его присутствие в Пакистане увеличивало мои шансы сойти за туристического агента. Когда кто-то отправляется в Карачи с двумя известными американскими наркоторговцами, сгодится любое прикрытие.

Балендо, Джерри, Рон и я полетели в Карачи на разных самолетах. Я прибыл первым. Во время полета напился и шатался по аэропорту Карачи, высматривая Джорджа и Ассумпту, которых попросил меня встретить. Их нигде не было видно. Я подумал, что, наверное, они ждут меня на улице, в машине, и направился к автомобильной парковке на открытом воздухе. Увидел желтое авто примерно в двухстах метрах. Рядом стояли Джордж и Ассумпта, помахавшие мне рукой. Слева в белом автомобиле сидели трое мужчин европейской наружности. Водитель смахивал на Харлана Ли Боуэ. Я пьяной походкой подошел к автомобилю. Это и в самом деле был Боуэ.

— Меня ждешь? — буркнул я. Троица в машине остолбенела.

— Ну, давай колись! Ты же меня ждешь?

— Почему ты решил, что мы тебя ждем? — проговорил один

из спутников Боуэ с явным голландским акцентом. По-видимому, это был агент по наркотикам из посольства Нидерландов.

— Меня должны встречать. А вы явно кого-то ждете, так? Уверены, что не меня? Кого вы ждете? Что вы здесь делаете?

— Слушай, — растягивая слова, произнес Боуэ, — мы здесь встречаем не тебя. Понятно? Кого ты надеялся увидеть?

— Человека, похожего на тебя, по описанию.

— Его имя? — спросил Боу.

Какого черта я делал? Было ужасной глупостью затевать весь этот пьяный треп с агентом DEA и голландского CRI[70], когда самая крупная сделка из всех, что я проворачивал в Пакистане, находилась в самом разгаре. Я увильнул от ответа:

— А! Вон тот парень, который меня встречает. Извините!

Я подошел к школьной машине и сел внутрь.

Балендо прилетал на следующий день. И я даже обрадовался, заметив в зале прибытий агента Управления таможенных пошлин Майкла Стивенсона, который перешептывался с сотрудниками иммиграционной службы. Пусть увидит меня с Балендо. Пусть убедится, какое у меня надежное законное прикрытие. Сейчас повеселимся.

Балендо не появился, а Стивенсон исчез. Спустя час я спросил у сотрудника иммиграционной службы, все ли пассажиры из Лондона прошли. Мне сказали, что всегда возникают какие-то проволочки. Я позвонил Малику. Он приехал с Аф-табом минут через сорок. Малик проверил список пассажиров, нашел фамилию Балендо и позвонил в иммиграционный отдел. Ему сказали, что Балендо задержан, но и только.

Я и вообразить такого не мог. Почему повязали Балендо? Если такое произошло с ним, что же случится завтра, когда прилетят Джерри и Рон? Не предупредить ли их, чтобы не приезжали?

Малик направился в иммиграционную службу аэропорта. Наверняка у него там работал брат или друг. Через некоторое время он появился с тремя сотрудниками иммиграционной службы и Балендо. Пакистанцы утверждали, что паспорт Балендо не в порядке. Британский паспорт, выданный в Гонконге, не наделял его обладателя теми же привилегиями, что и полученный на Британских островах. Но поскольку Малик поручился за Балендо, не будет большой беды, если этот последний проведет несколько дней в Пакистане. Малик удовлетворился объяснением. Я нет. Может быть, просто потому, что заметил Стивенсона.

Джордж и Ассумпта недавно взяли на работу секретаршу-китаянку, одну из немногих, что жили в Пакистане. Ее мать,

Элли, управляла подпольным китайским рестораном, который пользовался очень большой популярностью среди европейцев.

Мы подумали, что стоит сводить в ресторан Балендо, который остановился в доме Джорджа. Пусть кантонская лапша приведет его в чувство после испытания в таможне.

Прихватив несколько бутылок вина, мы вчетвером заявились к Элли, и первыми, кого увидели, были Боуэ, голландский коп и еще несколько ищеек. На стене над их головами висел большой плакат, рекламирующий Международную лингвистическую школу Карачи. При виде Балендо у всей компании пропал аппетит. Они встали и ушли, а мы отлично поели.

Малик и Афтаб ждали нас в доме Джорджа. Малику только что звонили из Службы иммиграции: Балендо должен сидеть под замком. Малик договорился, чтобы гостя держали в гостинице аэропорта Карачи, но большего добиться не смог. Мы отвезли Балендо в отель. По всей видимости, он подходил под описание китайского торговца героином, который находился в розыске, и ему не позволяли находиться в стране, пока не будет проведено тщательное расследование.

Что-то пошло наперекосяк. У Балендо имелось огромное малиновое родимое пятно на пол-лица. Во всем мире не найти другого такого.

Гостиница оказалась удобной, но Балендо был по горло сыт Карачи. Он не считал, что вправе советовать своим клиентам делать там остановку на пути в Китай. Он хотел улететь домой. Малик это устроил.

Джордж и Ассумпта успели обзавестись в Карачи несколькими друзьями. Один из них американец по имени Эдди, работавший в больнице Агахана, на неделю уехал и оставил свою машину в гараже Джорджа, чтобы за ней присмотрели. Днем позже после прилета Балендо я надел костюм африди и на машине Эдди приехал в аэропорт. Джерри и Рон прибывали из Лондона через Амстердам. Я послонялся в толпе пакистанцев, встречавших друзей и родных, и вскоре увидел Боуэ и Стивенсона, в темных очках. Они подъехали на том же самом белом автомобиле и вихрем влетели в аэропорт, быстро вернулись, пересели в другую машину, на сей раз темно-голубую, и уехали.

Джерри и Рон прошли таможенный и иммиграционный контроль. Мой прикид их здорово позабавил. В машине Эдди я предложил им по косяку с нашим недавно изготовленным гашишем. Салон заполнили голубоватые клубы дыма. Я порулил к центру города.

Темно-голубой автомобиль не заставил себя долго ждать: я

разглядел его в зеркале заднего вида. Когда передвигаешься пешком, уйти от хвоста проще простого. Иное дело, когда сидишь за рулем и вдобавок обдолбан. Я не представлял, куда поехать. Боуэ и Стивенсон не подозревали, кто ведет машину. Они следили за Джерри и Роном, а не за мной. Не было никакой очевидной причины считать, что копы осведомлены о нашем сотрудничестве. Я не мог появиться ни в одном из тех мест, где меня знали. Но куда еще податься в чужом городе? Господи, как же я был накурен!

Главная моя задача сейчас заключалась в том, чтобы Боуэ и Стивенсон не пронюхали ничего нового. Я доехал на машине Эдди до больницы Агахана и остановился на парковке. Рон сделал потише звук радио.

— Зашибись! Реальный гашик ты нам достал, приятель. Что думаешь, Рон? Продашь на точняк, — сказал Джерри.

— Укурился что надо, парни, но лучше бы курнуть без табака и без этого долбаного музона. Это место реально отсталое. Как Мексика. Говард, а что мы делаем возле больницы? У тебя свидание или неожиданная медицинская проблема? Только не говори мне, что держишь здесь дурь.

— Слушай, это круто, — восхитился Джерри, — спрятать гашик в больнице. Я говорил тебе, Рон, этот Говард — парень что надо. Чувак, у тебя еще одного косячка не найдется? Я уже весь выкурил. Гашик у тебя кайфовый.

— Агенты DEA ждали вас в аэропорту.

— Ну и что? — пожал плечами Рон. — Эти ублюдки везде нас ждут. Все время дышали нам в затылок в Мексике. Они не знают, зачем мы здесь. Не знают, где мы находимся прямо сейчас.

— Да, была бы запара, узнай они, где у нас тайник, — прокомментировал Джерри.

— Они ехали за нами от аэропорта. Наверное, припарковались на улице и ждут, когда мы двинемся. Тайника здесь нет.

— Тогда, какого хрена мы здесь делаем? — удивился Рон. — Поехали отсюда! Оторвемся от хвоста и отправимся смотреть гашиш.

— Хозяин машины работает в больнице. Поэтому мы здесь.

— А! Ты собираешься вернуть ему машину, — сделал вывод Джерри.

— Нет, он на неделю уехал.

— Тогда какого хрена мы здесь делаем? — повторил Рон. — Джерри, да выруби ты эту гребаную музыку!

— Слышь, чувак, да у них реальный музон. Клево играют. А как тут отрываются по ночам, Говард. Так же круто, как в

Гонконге? Мне понравился Амстердам. Все эти шлюхи в витринах. Кофе-шопы, торгующие косяками. Готов поклясться, здесь этого навалом.

— Джерри, здесь нет ничего: ни баров, ни шлюх, ни ночных клубов, ни мест, где можно открыто курить гашиш. Все запрещено.

— Да ты гонишь! Я-то думал, что здесь им самое место. А массажные салоны или что-нибудь типа того?

— Это в Бангкоке. Поехали, если хотите.

— Бангкок. Да, именно! Это там полно шлюх, правильно? Да, поехали в Бангкок, когда Рон увидит груз. А как девочки в Бангкоке?

— Парни, хорош трепаться! Давайте займемся тем, ради чего приехали сюда. Говард, ты мне скажешь, наконец, какого дьявола мы припарковались у больницы. Не пора ли отсюда убраться?

Рон явно не ценил принятые мною меры предосторожности. К счастью, уже темнело. Я сунул парням еще несколько косяков, завел машину и помчался как угорелый. Ясное дело, за мной никто не ехал.

Мы добрались до дома Джорджа. Джерри и Рону предложили выпить. Джерри отдавал предпочтение «Джеку Дэниелсу» со льдом, а Рон — «Хайнекену», но в итоге они обошлись домашней водкой и бутылкой «Лондон Лагер», сваренного в Муррей-Хилл-Стейшн.

Появился Малик и отвез Джерри, Рона и меня на свой склад, где теперь хранились все двадцать тысяч килограммов гашиша. Рон был счастлив. Мы полетели в Бангкок и поселились в «Хайатте». В массажном салоне «Султан» кипела работа.

Ненадолго заглянул Фил, быстро смекнул, кто такие Джерри и Рон, и показал себя гостеприимнейшим хозяином. Угостил американцев великолепной тайской марихуаной, те накурились до идиотизма. Захотели остаться в Бангкоке. Клялись, что как только пакистанский гашиш выгрузят в порту, сразу же вернутся и заберут большую партию тайских бошек.

Хоббс все еще ошивался в Бангкоке. Свел знакомства с десятком гомиков-европейцев, готовых за скромное вознаграждение сочетаться браком с незнакомыми гонконгскими шлюхами. И даже стребовал с них фотографии на паспорт. Я поделился с ним планами установить больше телефонных коммутаторов в предвидении больших хлопот с поставками из Пакистана. Я все еще не отказался от мысли использовать коммутаторы, но решил использовать каждый из них для определенных звонков. Хоббс должен был установить один в Гонконге с помощью своей новой жены. Второй согласился

установить у себя дома друг Хоббса с Филиппин, Ронни Робб.

Джерри интересовало, есть ли еще на Дальнем Востоке такое же место, как Бангкок. И, оставив Рона в бангкокском массажном салоне с новой любовью всей его жизни, мы полетели в Манилу на разных самолетах. Остановились в «Мандарине». Джерри проинспектировал все бордели и влюбился в филиппинскую шлюху. За небольшую плату она отдала свой телефон в наше распоряжение. Я увиделся с Ронни Роббом и договорился с ним о том, чтобы использовать его номер. Пару раз отужинал с Мойниханом, но так и не выбрал времени слетать в Давао и полакомиться челюстной костью тунца. Джо Смит и Джек Выдумщик находились в Австралии. У нас с Джерри вышла вся травка, прихваченная из Бангкока. Поняв, что в Маниле запасы не восполнить, мы полетели в Гонконг.

Эйприл достала марихуаны, согласилась установить телефонный коммутатор и предложила Джерри много проституток. Прибыло еще несколько курьеров Уиллса с деньгами, которые я передал человеку Малика в МККБ. Общая сумма достигла двух миллионов долларов.

Дэниел и еще один человек из команды Джерри установили коммутатор в Сингапуре, а Джарвис и Джон Денби — еще два в Лондоне. Флэш смонтировал несколько в Соединенных Штатах, выдав их за горячие линии, принимающие звонки по поводу СПИДа.

В середине декабря 1985 года судно Джерри стояло в Аравийском море, готовое под погрузку. К удивлению Малика, Джерри и его друг, Брайан, обосновавшись в саду Джорджа, постоянно поддерживали связь с судном через модифицированный кассетный магнитофон. Пришло время погрузки. В укромном небольшом доке неподалеку от главного порта Карачи была пришвартована дау — небольшая плоскодонная гребная лодка с грузом гашиша, управляемая умелой командой. Брайан поднялся на борт, и дау растворилась во мраке прохладной ночи. Два моторных катера пакистанской таможни сопровождали ее некоторое время, а затем беззвучно вернулись обратно. Радио Джерри было выключено. Спустя какое-то время, которое мне показалось вечностью, но, возможно, длилось не более восьми часов, моторные катера таможни снова вышли в Аравийское море. На рассвете они вернулись в сопровождении дау. Мрачный пакистанец выволок из лодки ящик шампанского, так, словно это были грязные отбросы. Он вручил ящик Джерри, а тот — мне.

— Эрни сказал, что «шампанское» — наше кодовое слово для успешной операции. Приятель, все получилось!

Мы с Джерри полетели в Бангкок отпраздновать удачу. Уилле там и остался, а я двинул дальше, в Гонконг, накупил подарков на Рождество и отправился в Лондон.

— Решил, значит, встретить Рождество дома? Какая честь для нас!

— Прости, любимая, кое-что пошло не так, но сейчас все в порядке. Могу отдыхать несколько месяцев.

Рождество 1985 года прошло в относительной праздности. Джимми Ньютон дал мне пару поддельных паспортов, которые позволят Хоббсу начать карьеру многоженца.

Я отправил ксивы по почте в Гонконг. Заказал еще несколько корочек, отдав Джимми фотографии дружков Хоббса.

Дом на Мальорке стал более чем пригоден для жилья. Мы обзавелись плавательным бассейном и множеством других приятных излишеств, таких как три телефонные линии, радиотелефон и спутниковое телевидение. С наступлением Нового года мы начали обживать главную свою резиденцию. Погрузились в жизнь экспатриантов, определили детей в Квинз-Колледж, близлежащую англоязычную школу. Родительские собрания и прочие школьные мероприятия свели нас с несколькими англичанами. Особенно близко мы сошлись с Дэвидом Эмбли, удалившимся от дел бизнесменом из Бирмингема, и Джеффри Кенионом, оставившим сцену актером театра и кино, который играл главную роль в «Мышеловке» Агаты Кристи.

Я брал уроки испанского. Играл в теннис. Каждое утро отвозил детей в школу. Я слонялся по дому, бесцельно перебирая электрические провода и развлекаясь с музыкальной и видеоаппаратурой. Пользуясь подлинным чудом техники — лазерными компакт-дисками, — отдался изучению классической музыки, которую давно хотел постичь. Я не делал ничего недозволенного. Законопослушный британец, который заработал достаточно денег на жизнь под солнцем. Я часто ходил в местные бары.

Джуди снова забеременела, и мы гадали, родится ли на сей раз сын.

На Филиппинах свергли правительство Маркоса. Сам он бежал на Гаваи. К власти пришла Корасон Акино, поклявшаяся навести порядок в стране. Пару раз мне позвонил Мойнихан, чтобы заверить, что благоденствует и при новом режиме. Сообщил, что Джо Смит снова в Маниле, вырастил новый урожай марихуаны из тайских семян и готов делать бизнес.

— Шампанское в Мозамбике. — Это был Эрни. Наш гашиш прибыл в Мексику.

Вместо того чтобы везти груз из Пакистана в Калифорнию, решено было разгрузить его в Мексике, где у Рона Аллена имелись великолепные связи. Словом «Мозамбик» мы обозначали Мексику еще со времен судебного разбирательства в Олд-Бейли. Мы планировали переправить небольшое количество, примерно тонну, на частных самолетах через границу, в Техас. Потом доставить гашиш автотранспортом в калифорнийские тайники Эрни, откуда товар разойдется по оптовикам. Операция еще не закончилась, но самый важный этап, перевозка через Тихий океан, успешно завершился. Филиппинский коммутатор, принявший всего один звонок, прекратил свое существование.

Джим Хоббс, женившийся еще на паре гонконгских шлюх, отправился в Португалию организовать новый коммутатор. Но не успел он приступить к делу, как был задержан на лиссабонских задворках, когда обнимал торгующего своим телом юнца. У нескольких гонконгских шлюх появились основания подать на развод. Я дал дружку Хоббса денег на адвоката.

— Шампанское в моем номере.— Гашиш прибыл в Лос-Анджелес.

Эрни надеялся выручить хорошую цену, а я должен был вернуться к нормальной жизни и ждать своей доли. По традиции первой деньги получала команда судна. После этого начинались свары, но Эрни всегда ручался, что я получу свою часть достаточно быстро.

Текли недели, согретые приятными ожиданиями. Время от времени звонил Эрни, рассказывал, как идут дела. Я вел блаженную семейную жизнь. Затем позвонил Джерри Уилле и обрушил на меня ужасные новости: Эрни и его подружку Пэтти арестовали в Лос-Анджелесе, в номере отеля, где они зарегистрировались под фальшивыми именами. Джерри не знал всего, но говорили, что полиция нашла в номере наркотики и деньги. Эрни нарушил условия условного освобождения, но большая часть груза по-прежнему находилась в Мексике, никакими серьезными финансовыми потерями его арест не грозил. Следовало подождать дальнейшего развития событий и приостановить продажи, пока все не прояснится.

Я не имел ничего против. Денег хватало. У меня появилось еще больше времени, чтобы наслаждаться семейной жизнью. Арест Эрни не пугал. Я был уверен, что он скоро выйдет на свободу. В прошлый раз ему удалось.

Однако благодушествовали не все. Дэниел, отправивший судно в Австралию, должен был платить команде. Малик жаловался, что его достают моджахеды, каждый день требуют свою долю. Люди хотели, чтобы с ними расплатились.

Пэтти, выпущенная под залог, сказала, что DEA ничего не знает о десятитонном грузе. Их с Эрни арестовали за хранение полукилограмма гашиша, помеченного клеймом Джерри. В номере также обнаружили пятьдесят тысяч долларов и ничего больше. Тем не менее Эрни настаивал на прекращении продаж до тех пор, пока его не освободят.

Торговцы, которым Эрни отпустил гашиш в кредит до ареста, начали водить Пэтти за нос. Сотни тысяч долларов пропали из-за левых сделок. Джерри больше не мог отбиваться от кредиторов. Я согласился с тем, чтобы он взял на себя продажу оставшегося гашиша. Джерри пожаловался, что, в отличие от Эрни, не может проводить крупные суммы через банки, а его люди слишком заняты продажами, чтобы возить деньги через границу. Я должен был взять на себя перевод того, что причиталось мне и Малику.

Я позвонил Патрику Лэйну, жившему теперь в Майами, и попросил его возобновить связи с нью-йоркскими конторами по отмыванию денег, которые он использовал в 1980 году во время аферы с колумбийской марихуаной. Еще Патрик вызвался поговорить с Брюсом Айткеном в Гонконге. Он был счастлив вернуться к делам.

Джон Денби согласился прилететь в Соединенные Штаты, забрать деньги у Джерри, присмотреть за ними и передать Патрику, чтобы тот отправил их на мой счет в «Креди Свисс», в Гонконге.

Кое-кто из друзей, которыми я обзавелся на Мальорке, знали о моем криминальном прошлом. Я не делал из него секрета. Мне казалось, что Джеффри Кенион, только что открывший новое дело, будет рад заработать. Я попросил его привезти деньги из Соединенных Штатов за десятипроцентное вознаграждение. Он с готовностью согласился.

Той же реакции я ожидал от Дэвида Эмбли, но обманулся. Он дорожил своей репутацией в страховой ассоциации «Ллойд», не испытывал особых проблем с деньгами и не хотел рисковать.

Едва прибыв в Соединенные Штаты, Джон Денби позвонил мне и сообщил довольно печальную новость:

— У тебя собака заболела.

Жаргон кокни не мой конек, но эта фраза могла означать только одно: наш домашний телефон прослушивался. Те, кто его прослушивал, знали не меньше моего, так что не было смысла спрашивать: «Ты имеешь в виду Бонзо или Ровера?»

Как потом рассказал Джон, тот факт что DEA и испанская полиция в декабре поставили на прослушку мои телефонные линии в Пальме, вскрылся случайно по оплошности обвинения во время досудебных слушаний дела Эрни.

Международным наркоконтрабандистам приходится делать тысячи телефонных звонков. Многие уверяют, что никогда не пользуются телефоном, потому что это слишком опасно. Либо они врут, либо не при делах. Контрабандист встречает множество неожиданных преград. Проблемы должны решаться быстро. Пестрый состав участников сделки, людей разных национальностей, разных культур, весьма ограничивает возможность использования кодов в телефонном разговоре. Все дилеры и контрабандисты применяют простые, прозрачные коды. Любая попытка усложнить их чревата роковым непониманием. Пользование кодами по большей части выливается в пустую трату времени, но входит в привычку и даже забавляет. Более того, иногда оно помогает сбить с толку непосвященного. Кодовые клички людей и названия мест часто изменяются. Люди дают друг другу различные прозвища. Не водя близкого знакомства с теми, кто разговаривает, третий человек не может с ходу расшифровать разговор. Эта нехитрая система эффективнее современных технологий. Попытки использовать новейшие средства шифрования приводят к тому, что груды бесполезной техники замусоривают склоны Гималаев и загромождают нижние ящики в офисах наркоконтрабандистов на Западе.

Так что я не отказался от телефонной связи. Мне звонили домой и я звонил из дома, точно зная, что разговоры подслушивает DEA. Это делалось не для того, чтобы убедить копов, будто Джон Денби, Джерри Уилле и я связаны туристическим бизнесом. Нам требовалось знать, что никого больше не арестовали, не наложили лапу на наши наркотики и деньги. Полкило гашиша — ничто в сравнении с десятью тысячами килограммов. Пятьдесят тысяч долларов — малость рядом с двадцатью пятью миллионами. Но это было дурное предзнаменование.

Ключевые звонки, точно указывающие на места хранения наркотиков или денег, несомненно, должны были происходить без прослушки. Лучше всего выходить на связь из телефонной будки, но есть страны, где в телефонную будку нельзя позвонить. Именно так дело обстоит в Испании — единственная причина, по которой эта страна не самое удачное прибежище для наркоконтрабандиста. Итак, арест Эрни и прослушивание моих телефонов прибавили забот. Требовались новые телефонные номера. Я попросил Дэвида Эмбли сдать мне неофициально свою квартиру и телефон. Он согласился.

Наш дом в Ла-Вилете ремонтировал некий Хусто. Мы поддерживали хорошие деловые отношения, иногда подолгу разговаривали. Он владел туристическим агентством в Пальме.

Узнав, что мне иногда нужно получать телефонные звонки на чужой номер, Хусто любезно разрешил мне пользоваться телефоном его агентства в любое время. А еще познакомил с некоторыми дружелюбными владельцами баров, которые не имели ничего против того, чтобы мне звонили в их заведения.

Хозяева ресторанов, в которых мы с Джуди постоянно столовались, также охотно позволяли мне принимать звонки, пока я дегустирую их блюда. Тайский ресторан «Паванз» в Санта-Понсе был идеальным местом для входящих звонков из Бангкока, а «Тадж-Махал» в Магалуфе — для звонков из Пакистана.

Мне звонили в теннисный клуб, в «Рестауранте» Боба в Ла-Вилете и домой разным людям. Я должен был находиться на месте, когда раздастся телефонный звонок.

Система работала идеально. Джеффри Кенион привез более двухсот тысяч долларов. С комиссионных он приобрел «Уэллиз», ресторан и бар на берегу моря, рядом с яхт-клубом «Пуэрто Портале». Патрик перевел несколько сот тысяч долларов на мой счет в «Креди Свисс», в Гонконге. Джон Денби знал еще кое-кого в Нью-Йорке, кто мог перечислить деньги за пределы Соединенных Штатов. В Гонконге копились доллары.

Малику требовались деньги, и еще он хотел со мной встретиться. Он заслуживал того, чтобы ему все объяснили. Я должен был отправиться в Гонконг и нанести визит в свой банк. Мойнихан и Джо Смит ожидали меня в Маниле, Фил — в Бангкоке. Я собрался уезжать. Дэвид Эмбли, истекавший слюной, едва речь заходила о массажном салоне в Бангкоке, спросил, не может ли составить мне компанию, чтобы тратить деньги. Я с радостью согласился, надеясь запутать копов. Путешествие в обществе Дэвида могло озадачить тех, кто сидел у меня на хвосте.

Сначала я полетел в Цюрих, где не держал денег, и зашел в пару банков, где не имел счетов. В аэропорту Цюриха, перед посадкой на рейс до Бангкока мой портфель старательно обыскала служба безопасности, чего раньше в Цюрихе со мной никогда не случалось.

Я встретился с Филом в Бангкоке. Он нервничал. Признался, что участвовал в новой поставке в Голландию. В деле были замешаны люди из «Эйр Канада». Один груз только что арестовали в Хитроу. Последовало несколько арестов.

Я увиделся с Сомпопом.

— Савабди, кун Маркс! У меня для тебя еще два. Теперь ты должен носить трех, чтобы была удача. — Он дал мне еще два кругляша. Я полез в карман за деньгами. — Нет-нет, кун Маркс! Не надо денег Сомпопу. Пожалуйста, дай их бедным детишкам.

— Хорошо, Сомпоп. Скажи, куда внести деньги.

Сомпоп отвел меня в благотворительный фонд, опекавший детей-инвалидов Бангкока, на Раджавити-роуд. Я сделал взнос в три тысячи долларов. Мое имя выгравировали на мраморной доске.

Я отправился к ювелиру, оправил в золото два новых медальона с изображением Будды, и повесил все три на золотую цепочку.

Из Бангкока полетел в Манилу, остановился в «Мандарине» и пошел выпить. Бар «Огненный дом» в Дель-Пилар славился музыкой и танцами. Туда стекалась масса женщин — раз в десять больше чем мужчин. Бар был переполнен, ночная жизнь кипела в нем, несмотря на тропическую жару. Я отправился в туалет ополоснуть лицо холодной водой. Рубашка широко распахнулась, выставляя напоказ магическое буддийское золото. Дверь туалетной комнаты открылась. Вошел сильный молодой филиппинец. Уставился на цепочку, воровато огляделся, достал нож. На его лице мелькнула усмешка, точь-в^точь как у пиратов, о которых я читал в детстве. Он приближался. Мне стало страшно.

И тут земля неистово затряслась, предметы падали со стен, люди хлынули через туалет, пробиваясь к запасному выходу. Толпа вынесла меня на безопасную улицу. В этих изображениях Будды действительно заключалась сила.

По-видимому, на Филиппинах землетрясения — обычная вещь, и через несколько часов жизнь вернулась в нормальное русло. Я оставался в отеле, пока не прибыл Дэвид Эмбли. Мы вышли пропустить по стаканчику.

В Манилу прилетел Малик. Как я и ожидал, он обнаружил полное понимание всех проблем, которые возникли в Соединенных Штатах. И хотя крайне нуждался в деньгах, был согласен положиться на волю Аллаха. За нами, вне всякого сомнения, следили. Изворотливые американцы постоянно крутились поблизости, куда бы мы ни шли. Меня это не беспокоило. Малика тоже.

— Пусть эти американские свиньи ходят за нами. На Востоке они больше ничего не значат. Потеряли Маркоса на Филиппинах и Бэби Дока[71]на Гаити, больших друзей Америки. В прошлом году американские свиньи бомбили Ливию и убили семью Каддафи[72], а твою страну, Д. Г.Маркс, использовали как аэродром. Много лет американцы разрушали Бейрут и арабский мир ради еврейского народа. На Востоке они дьяволы. Пусть они варятся в собственном соку и едят свое мясо. Через два дня я отправляюсь в Дамаск на встречу с другом-политиком, потом в Исламабад — побеседовать с финансистом из пакистанского правительства насчет бумагоделательного бизнеса. Пусть американские свиньи

ходят следом.

— Но почему у тебя в стране терпят таких людей, как Хар-лан Ли Боуэ, Малик?

— Харлан Ли Боуэ и все агенты DEA имеют дипломатический статус, а Пакистан пока не выдворял американских дипломатов. Не забывай, Д. Г.Маркс, что Америка и Пакистан вместе противостоят Индии в Кашмире и России в Афганистане. Но из-за войны в Ливии Пакистан может выслать американских дипломатов. Тогда больше не будет DEA.

— Но Боуэ совершенно беспардонный тип, Малик. Он гораздо хуже любого агента DEA.

— Все они одной породы, эти агенты. В Пакистане правительство дает им большой дом с прислугой. Им нравится. Такая роскошь: один открывает двери в гараж, двое приносят еду, повара, уборщики, шофер. Агентам невдомек, что все их слуги каждый день дают отчет нашим людям. Мой друг из африди каждое утро наводит порядок на столе Хар-лана Ли Боуэ, а в полдень приходит ко мне с отчетом. Если мы захотим, запросто избавимся от Харлана Ли Боуэ. Только зачем? Его заменят другой американской свиньей, которой могут не понадобиться пакистанские слуги. Лучше оставить Харлана Ли Боуэ. Мы его знаем. Мы знаем этого дьявола.

На следующий день, в воскресенье, мне предстоял ланч у Мойнихана. Зная, что встречу там Джо Смита, я пришел с Маликом, чтобы впечатлить австралийца. Мойнихан всю свою жизнь состоял в масонской ложе, как и Дэвид Эмбли. И я взял с собой Дэвида, чтобы сбить с толку лорда.

После изгнания Маркоса Мойнихан забрал в руки еще больше власти. Трое чинов из Управления секвестра при правительстве Акино присутствовали на ланче. Они изъездили страну в поисках земель, принадлежавших друзьям Маркоса. Только что подвели под секвестр экстравагантный летний дворец Имельды Маркое на острове Лейте. Мойнихан собирался превратить его в отель.

— Ну, господа, надеюсь, вам понравилась еда, — сказал он, обращаясь ко всем сразу. — Мистер Малик, я чувствую, что должен перед вами извиниться. Простите, что принимаю вас в такой безвольной стране. Эта недавняя бескровная стычка... не могу представить, чтобы пакистанскую армию остановила толпа монахов, размахивающих флагами.

— Всему виной режим Маркоса, — вставил один из секвестраторов. — Армия была деморализована. С Акино боевой дух вернется.

— Должен сказать, что полностью с вами согласен. Стране необходима сильная армия. И не могу не отметить, что одобряю

то, как вы распоряжаетесь неправедно нажитым имуществом свергнутого режима. Мои иностранные гости — самые трезвомыслящие инвесторы, и теперь они видят хорошие возможности для ведения бизнеса на Филиппинах.

— А не желают ли ваши почтенные гости осмотреть летний дворец на Лейте, принадлежавший миссис Маркое? Ее коллекция туфель до сих пор там.

Мойнихан посмотрел на нас выжидающе. Мы кивнули без особого воодушевления. Лорд продолжил:

— Тогда предлагаю следующее. У Джо в аэропорту Манилы стоит личный самолет. Давайте все полетим в Давао, переночуем там, на следующий день отведаем челюстную кость тунца, потом махнем на Лейте, посмотрим летний дворец госпожи Имельды — я имею в виду миссис Маркое — и вернемся. Думаю, это будет забавно. Мы с Говардом могли бы сразиться в Trivial Pursuit[73]. Что скажете?

— Ты что, хочешь, чтобы я жег топливо, платил пилотам и мотался через страну только ради сраных рыбьих голов и женских туфель?

— Не только, Джо, — возразил Мойнихан.

— Ладно, будь по-твоему, — бросил Джо. — Поеду в аэропорт и займусь этим. — Выходя, он бросил мне пакетик тайской марихуаны, которую вырастил на Филиппинах.

На следующее утро два пилота доставили Мойнихана, Джо, Эмбли и меня на турбовинтовом самолете в Давао. Малик должен был возвращаться в Пакистан и не смог к нам присоединиться. Я сжал свои медальоны, когда мы чуть не сбили собаку при посадке. Недалеко от взлетной полосы, зажатой между джунглями и океаном, стоял отель «Интерконтинентал», решительно не похожий на гостиницы этой сети в других местах. Почту доставляли виндсерфингисты. Антропологи, снимавшие документальные фильмы, сновали вверх-вниз по пальмам или выходили из моря, сжимая огромных омаров. В баре играла музыка Ноэла Коуарда[74]. Мы с Джо отправились в джунгли покурить травки. Вокруг танцевали симпатичные девушки, притворявшиеся дикарками.

После ночной пьянки, мы отправились в довольно долгую поездку через мятежные твердыни Минданао. Похищения людей и грабежи здесь стали обыденностью. Меня хранили мои Будды. На краю устья стояло несколько хижин на столбах. В одной из них и помещалось то самое, единственное в мире кафе, где готовили только челюстную кость тунца. Мы добрались туда на плоту. Вкуса диковинного яства я не помню.

По пути на Лейте я обыграл Мойнихана в Trivial Pursuit. Он

списал свое поражение на то, что было слишком много вопросов из категории «наука». Дэвиду стало нехорошо, он грешил на челюстную кость. Джо спал.

Секвестраторы встретили нас на частном аэродроме и отвезли в летний дворец. В саду за экстравагантным смешением стилей проглядывали попытки гарантировать себе загробную жизнь: позади католической часовни выстроились статуи египетских и индуистских божеств, золотые Будды обступили мечеть. Внутреннее убранство дворца свидетельствовало о стараниях отсрочить жизнь после смерти. Там имелись блок интенсивной терапии, и целая гомеопатическая аптека, и гимнастический зал, и обуви больше, чем можно сносить за девять жизней.

Покидая дворец, Мойнихан указал на полоску земли неподалеку:

— Это часть поместья?

— Нет, лорд Мойнихан, эта земля принадлежит кому-то другому.

— Жаль. Из нее вышла бы великолепная площадка для гольфа.

— Секвестируем, кому бы ни принадлежала. Кажется, Филиппинам не суждено было распроститься с коррупцией.

Зато они распростились со мной и Дэвидом Эмбли: мы сели на самолет «Китай Пасифик» до Гонконга. Желудок Дэвида успокоился, и он повеселел. Ему понравился Мойнихан, понравились Филиппины, он предвкушал Гонконг. Эмбли не был там с тех пор, как служил в армии, и ему не терпелось узнать, насколько изменился Ванчай.

Когда я заполнял анкету для службы иммиграции, меня вдруг обожгло дурное предчувствие. До сих пор в аэропорту Кайтак со мной не случалось никаких историй, но сейчас я ожидал чего-то неприятного.

— Дэвид, думаю, меня собираются задержать. Если до завтра не выпустят, сообщи Джуди. Я пойду первым, чтобы ты видел, что происходит.

Дэвид был в шоке. Я подошел к стойке иммиграционного контроля. Сотрудница службы поискала фамилию в большой черной книге с отрывными листами. Она дважды сверила данные паспорта с записью в книге, попросила обождать минуту и исчезла с моим паспортом. К стойке подошли трое полицейских. Женщина вернулась с еще одним сотрудником службы иммиграции, тоже китайцем, но старше по должности.

— Мистер Маркс, пожалуйста, пройдемте со мной за вашим багажом.

— У меня нет багажа.

— Вы прилетели в Гонконг без багажа?

— У меня только ручная кладь.

— Позвольте взглянуть на ваш билет. Вы путешествуете один?

— Да.

— Пожалуйста, пройдемте в мой кабинет.

— Почему?

— Таков порядок. Мы проводим выборочную проверку пассажиров, мистер Маркс. Не о чем беспокоиться.

Меня отвели в кабинет и попросили подождать. По телевизору, включенному на полную громкость, шли передачи на кантонском диалекте. Секретарша стучала по клавишам компьютера. Сотрудники службы иммиграции входили и выходили, не обращая на меня внимания. Я курил сигарету за сигаретой.

— Мистер Маркс, я детектив Притчард.

— А, на помощь пришел земляк, валлиец! Что здесь происходит, черт возьми? Это что, прошлое меня догоняет?

— Почему? Вы были осуждены в Гонконге?

— Конечно нет. Но когда я был моложе, меня судили в Англии за контрабанду марихуаны.

— Ну, к нам это не имеет отношения. Сказать по правде, я не знаю, что происходит. Мне всего не говорят. Они наугад обыскивают прибывающих людей, а если останавливают англичан, я просто присутствую, чтобы убедиться, что все честно и справедливо. Пойдемте в мой кабинет! Там немного тише.

В кабинете Притчарда действительно был гораздо спокойнее, только вот смахивал он на тюремную камеру. Мы несколько часов просидели за столом, беседуя о катастрофах: чернобыльской аварии и провальном выступлении уэльских регбистов в прошлом сезоне. Ждали, когда придут таможенники и обыщут меня.

— Прошу прощения, мистер Маркс, но кажется, сегодня у таможни полно дел.

— Должно быть, слишком много людей останавливают, мистер Притчард.

— Наверное, так и есть. Думаю, скоро они придут. Наконец явились таможенники, тщательно меня обыскали и унесли мой портфель.

Потом Притчард исчез, оставив меня с китайцем, который сохранял каменное выражение на лице и не проронил ни звука. Еще через несколько часов Притчард вернулся с моим чемоданом.

— Прошу за это прощение, мистер Маркс! Досмотр отнял больше времени, чем я думал.

— Пришлось сделать много фотокопий, мистер Притчард? Притчард залился краской.

— Вы можете идти, мистер Маркс.

Три года спустя я убедился, что с моих документов действительно сняли фотокопии. Не то чтобы это имело значение. В моем чемодане всегда лежало только то, что можно доверить чужому взгляду.

Я поселился в «Шангри-Ла», к большому облегчению встревоженного Дэвида Эмбли. Перевел кучу денег из «Креди Свисс» человеку Малика, в МККБ. Сводил Дэвида в «Пей до дна» и другие ночные клубы Гонконга.

В Бангкоке таможенники переворошили весь мой багаж, та же история повторилась в Риме, но только не в Пальме. На несколько месяцев я осел на Мальорке. Путешествий с меня было достаточно.

За лето 1986 года благополучно распродали все, что осталось от десяти тонн пакистанского гашиша. Джон Денби забрал деньги, заплатил всем, кому мы задолжали. Мы были очень богаты, но хотя все закончилось очень успешно, не чувствовали особо бурной радости. Времени ушло порядочно, Эрни сидел в тюрьме, и проблем хватало. И конечно же, нам хотелось приумножить свое состояние, провести еще одну успешную сделку.

Джерри Уилле, Рон Аллен, Флэш и их друг, которого звали Роджер Ривз, прибыли в Пальму. Они прилетели на частном самолете с Французской Ривьеры, где Роджер скрывался от американского правосудия, (одно время он возил кокаин на самолете и выращивал марихуану). Американцы остановились в пятизвездочных отелях и сорили деньгами. Они хотели закупить в Пакистане новую партию, на сей раз двадцать тонн. Не сделает ли Малик для них одолжения?

Я встретился с Маликом в Сеуле. «Хюндай», самая большая южнокорейская компания, намеревалась инвестировать несколько миллионов долларов в мехарские бумагоделательные фабрики. В Сеуле мы могли не опасаться, что нас увидят вместе, поскольку имели хорошее прикрытие. Переговоры с руководством «Хюндай» прошли успешно. Вечером нас развлекала целая команда гейш на жаловании у компании.

Малик согласился поставить еще одну партию, но только при условии, что я открою в Лондоне центральный офис мехарских бумагоделательных фабрик. Я принял эту оговорку.

После нескольких лихорадочных перемещений людей и денег по земному шару судно Джерри приготовилось отплыть из Австралии, а люди Малика заканчивали производство двадцати

тонн гашиша, помеченного теперь логотипом «Круши Кремль!»

Джуди с детьми вернулись в Лондон. Ультразвуковое обследование показало, что у нас будет сын. Джуди хотела, чтобы он родился в Великобритании. Наш мальчик явился в этот мир 16 ноября. Я наблюдал первый его вздох в гармонии со Вселенной. Мы назвали его Патриком, в честь моего прапрадедушки и брата Джуди.

Спустя две недели в нашу квартиру в Челси позвонили, и я пошел открыть дверь. Это был Том Сунде. Я не видел его с 1980 года и не разговаривал с ним с тех пор, как узнал, что он для кого-то шпионит. Том размахивал пачкой бумаг. Без предисловий он приступил к главному:

— Вот список ваших людей на судне «Аксель-Д» в Австралии. Проверь! Твои телефоны в Пальме, телефоны твоих друзей и те, которыми ты пользовался в барах, прослушивали первые восемь месяцев этого года. Агент DEA Крей Ловато вернулся в Штаты с чемоданом кассет. Они знают, что ты доставил груз из Пакистана. Они знают, что ты провернул аферу в Аламеде. Они собираются предъявить тебе обвинение. Говард, ты знаешь, что я твой друг. Я был с тобой на пляже в Шотландии. Не забывай об этом. Я тебя не обманываю.

— Заходи, Том! И повтори еще раз.

— Эрни выложил DEA все, что знал. У них есть еще пара доносчиков в твоем окружении. Они уже пронюхали о Джоне Денби, парне по имени Джим Хоббс и Малике в Пакистане. Кстати, именно он грабанул те пять тонн в Карачи, а не мы с Карлом.

— Откуда ты знаешь, Том?

— От Карла.

— А он?

— Не спрашивай. Но у него есть доступ к чему угодно. Он удивительный человек. Он спас мне жизнь.

— Ну, так что же мне делать?

— На твоем месте, Говард, я бы исчез прямо сейчас. Вообще исчез. Но знаю, что ты не такой человек. Карл действительно хороший друг. Он может спасти твою задницу еще раз.

— Как?

— Так же, как и в прошлый раз. Чего бы это ни стоило.

— Он это сделает по старой памяти, или мне придется заплатить?

— Заплатить придется, но он хороший друг.

— Ну и какая сумма спасет меня от ареста?

— Не так все просто, Говард. Ты дашь сколько можешь. А мы сделаем что сможем, чтобы предотвратить арест и уведомить

тебя, что знает DEA. В данный момент Карлу срочно необходимы пятьдесят тысяч долларов. Взамен он даст тебе кое-что пикантное.

— Что же?

— О, я скажу, не беспокойся, независимо от того, заплатишь ты или нет. DEA поставило на «Аксель-Д» радиомаяк. Он уже работает. Судно покинуло Австралию и направилось в Пакистан. Говард, этот груз окажется в руках агентов DEA. Они жутко злы на тебя. Последний груз ты увел у них прямо из-под носа, хотя они следили за каждым твоим шагом. Чувак, они действительно злы. Эта афера в Аламеде у них как заноза в заднице, потому что замешано правительство. Тебе не удастся провернуть новую сделку, Говард. Срочно давай отбой.

Какой вызов!

— Где находится радиомаяк?

— Вмонтирован в верхушку основной мачты. Я получу пятьдесят тысяч?

Я заплатил ему, связался с Джерри и потребовал немедленной встречи на нейтральной территории. Мы увиделись в Копенгагене. Он связался с Дэниелом, тот изменил курс и направился на Маврикий. Туда прилетел Флэш, гений электроники. Они обнаружили передатчик. Было бы глупо выводить его из строя и тем самым известить DEA, что мы засекли слежку. Мы решили подождать с этим.

Джерри почувствовал, что везти еще один груз из Пакистана в Мексику слишком рискованно, но не сдавался и планировал использовать то же самое судно, как только избавится от маяка. Но он задумал экспортировать тайскую марихуану: подобного никто не ожидает, потому что ему самому эта мысль только-только пришла в голову. Он, правда, не определился с тем, куда доставлять груз. Может, снова в Мексику? Если не найдется ничего лучше.

Я отменил поставку двадцати тонн пакистанского гашиша. Мы заплатили безвозвратный залог в миллион долларов. Тонны отборной дури лежали мертвым грузом на складе в Карачи. Оставалось утешать себя тем, что она еще нам понадобится.

Фил охотно согласился загрузить судно Джерри большой партией тайской марихуаны. В ходе переговоров, которые велись в сомнительных барах Бангкока, пришли к цифре тридцать тонн. Это была самая крупная партия, с которой я когда-либо имел дело.

Снова начались кругосветные странствия на высоте десяти тысяч метров. Я мотался по городам Европы и Азии. Через мои руки проходили огромные суммы. На счет в гонконгском

отделении «Креди Свисс» поступали переводы в несколько сот тысяч долларов. Мы продолжали. Мы встречались и обсуждали планы в новых и странных местах. DEA никогда бы не смогло выяснить, чем мы занимались. С конца 1986-го до середины 1987 года я жил на два дома, в Лондоне и Пальме, наведываясь в Бангкок, на Филиппины, в Карачи, Гонконг, Кению, Данию, Танжер, Бельгию, Францию, Швейцарию и Канаду.

Случилось несчастье: неподалеку от Бристоля арестовали Мики Уильямса, когда он пытался ввезти наркотики. Меня расстроил его арест, но еще больше то, что он продавал героин.

У меня имелась особая причина для визита в Канаду. Джарвис представил меня своему другу, американцу по имени Боб Лайт. Когда-то Боб участвовал в поставках марихуаны с Ямайки в Англию, а Джарвис ее продавал. Боб располагал источником во Вьетнаме. Марихуана не уступала тайской во всех смыслах, и упаковывали ее таким же образом. Товар можно было вывезти в море и погрузить на судно. Боб присмотрел идеальное место для выгрузки на северо-западе Канады, рядом с островами Королевы Шарлотты. Не хватало только подходящего судна и надежной команды, для того чтобы переправить груз через Тихий океан.

Примерно в то же самое время в мою отрывочную жизнь на Мальорке вошли два новых человека. Один из них был голландский граф по имени Фредерик, участник популярного певческого дуэта «Нина и Фредерик». Он давным-давно бросил пение и занялся перевозкой марихуаны на парусных судах. Фредерик имел проблемы с тем, где взять марихуану и где ее выгрузить, зато владел судном с прекрасной командой.

Другой, Рафаэль Льофриу, был главным комиссаром полиции Пальмы и главой службы безопасности аэропорта Сан-Хуан. Я познакомился с ним у Джеффри Кениона, в «Уэллиз», который прослыл модным заведением. Узнав от завсегдатаев бара, что я в своем роде весьма успешный предприниматель, Льофриу вызвался поспособствовать мне во вложении денег на Мальорке. Рафаэль не имел в виду ничего противозаконного и ясно дал это понять. Он помогал только тем людям, которые, по его мнению, могли увеличить благосостояние острова.

Льофриу не возбудил во мне никаких подозрений. Если у него и был скрытый мотив, так только один: урвать куш для семьи, для друзей. Я находил удовольствие в его обществе. Было бы забавно вести дела на Мальорке при поддержке полиции. И он мог предупредить меня, если бы DEA наводило обо мне справки.

Свести Боба и Фредерика оказалось проще простого. Боб намеревался добавить в команду судна своего человека, который

знал все детали погрузки и разгрузки. Мне оставалось только ждать денег, ни во что не вникая. Я так и сделал.

Мне пришло в голову, что Джерри, возможно, предпочтет разгрузить судно у Боба в Канаде, чем на точке Рона в Мексике. Подробности сделки пришлось утрясать в подозрительных ночных клубах Ванкувера.

Как-то в один из мирных вечеров в Ла-Вилете зазвонил телефон.

— Вот я тебя и поймал, гребаный валлийский ублюдок! Думаешь, что Кид — какой-то там тупой Падди, от которого можно спрятаться?

— Ну хватит, Джим, мое имя значится в телефонной книге здесь и в Лондоне.

— Да ты охренел! Ничему не научился. Моего гребаного номера нет ни в одном телефонном справочнике.

— Тебе и так никто не звонит, Джим.

— Все тот же гнусный валлийский подонок! Слушай. Мне нужно с тобой встретиться. У меня для тебя кое-что есть. Это очень важно.

Я прилетел на юг Франции встретиться в Джимом Мак-Канном. Он сказал, что получил тонну лучшего марокканского гашиша, не уточнив как. Ему было нужно, чтобы кто-нибудь забрал гашиш с дикого марокканского пляжа, доставил его куда-нибудь и продал. Прискорбно, но, кроме меня, он никого не мог попросить о подобной услуге. Он слышал, что у меня дела шли хорошо.

МИСТЕР ТЕТЛИ? НЕТ

Судно Джерри отправилось с Маврикия в северную часть Аравийского моря. Всего в сотне миль от берега один из членов команды залез на вершину мачты, откуда незадолго до этого Флэш выкрутил радиомаяк DEA. Теперь передатчик выкинули в море. Флэш упаковал его, чтобы не тонул. Маяк остался на плаву. Агенты DEA считали, что судно ждет встречи с пакистанским поставщиком гашиша и поэтому никуда не движется. Они слишком поздно осознали, что мы обнаружили и выкинули маяк.

Скрывающийся от правосудия друг Джерри, главный инвестор в тайско-канадской операции, Роджер Ривз, решил, что Мальорка — самое подходящее для него убежище. По-английски он говорил с сильным акцентом уроженца Южной Джорджии.

— Говард, у тебя, я смотрю, все заметано в Европе и Азии. Я с божьей помощью перевозил тонны кокаина и сотни тонн марихуаны из Колумбии в США. Хочу то же самое делать здесь. Я никогда никого не кидаю, плачу, как договорились. Но я должен знать всех, кто в деле. Ну, например, если ты хочешь, чтобы я перевез товар из Пакистана в Англию, то мне придется встретиться с этим парнем, Маликом, и с тем, что разгружает товар в Англии. У меня такое правило: если я делаю бизнес с людьми, которых узнал через тебя, то плачу тебе, даже если ты вообще не в курсе дела.

— Роджер, я не против, чтобы кто-то с кем-то сходился. Но Малик, например, определенно не станет встречаться с американцами. Он их терпеть не может.

— Ну, тогда пошел он в жопу. А как насчет этого лорда в Бангкоке?

— С ним ты можешь встретиться когда угодно. Но лорд Мойнихан живет на Филиппинах, а не в Бангкоке.

— А коноплю они выращивают на Филиппинах?

— Да, Роджер. Сейчас самое начало продаж. Мой друг вырастил отличный продукт в прошлом году.

— Ну, с травой я мог бы помочь. А что насчет твоего друга, террориста из ИРА? Его имя во всех статьях про тебя. С ним бы я точно встретился.

— У него есть тонна марокканского гашиша, которую он хочет перевезти. Если имеешь деньги и можешь его избавить от дури, он будет счастлив с тобой встретиться.

— Я готов, чувак. Ты знаешь нормальные места для разгрузки здесь, на побережье, в Европе?

— Только в Англии, Роджер.

— Покажешь?

— Конечно. Я представлю тебя моему другу, Джонни Мартину, в Англии. Он провезет тебя по этим местам, если надо. А еще ты можешь сбывать ему товар.

— Ты знаешь людей, которые продают корабли?

— Здесь я тебе не помощник, Роджер.

— В любом случае я встречусь со всеми твоими друзьями, начиная с этого лорда. Мы можем с ним увидеться прямо сейчас?

Я прибыл на Манилу на два дня раньше Роджера. Сам не помню почему, я пообещал Мойнихану пойти вместе с ним на похороны Элизабет Маркое, сестры свергнутого президента, который недавно скончался. Мы исполнили свой долг.

Мойнихан открыл гостиницу в Маниле, в районе Эрмита. Он и мне предложил вложить пятьдесят тысяч долларов. Я дал ему деньги под обещание достать мне поддельный филиппинский паспорт и гарантировать бесплатное проживание в гостинице, с кем бы я ни приехал. Мой взнос и гораздо более значительные вложения других людей позволили Мойнихану превратить гостиницу «Эмпайр» в «Мак-Артур» (чьим девизом было: «Вы вернетесь»). На первом этаже находился массажный салон «Рассвет жизни» и великолепный «люкс», названный «номером Говарда Маркса». Мойнихан знал мои слабые места.

Я рассказал ему о Роджере и о том, что тот ищет спокойное место для выращивания индийской конопли. Мойнихан воодушевился, от того что сможет вытянуть из меня денег, и заказал частный самолет, чтобы полетать по островам. Он надеялся через секвестраторов Акино получить контроль над этими землями. Роджер был восхищен приемом.

Мы полетели на остров Фуга на севере Филиппин. На этом плоском клочке суши, где не было пресной воды, жило семнадцать человек. Для выращивания марихуаны он не годился. Мы немного прогулялись. Островитяне убили корову и накормили нас. Перед тем как садиться в самолет, Роджер набрал горсть земли.

— Отдам на анализ, — пояснил он.

Когда мы вернулись в номер Говарда Маркса, я спросил его, серьезно ли он намерен выращивать коноплю на Фуге. Вряд ли это идеальное место.

— Нет, чувак, это было просто шоу для лорда. Я намерен выращивать коноплю где-нибудь в горах, о которых он не знает. Видел их с самолета. Но этот остров мне подходит для жизни. Он расположен прямо на морских путях. Там меня никто не найдет. А если лорд будет думать, что я там выращиваю траву, он

позаботится, чтобы никто не знал моего места нахождения. А лорд знает кого-нибудь, кто строит корабли?

После нескольких остановок на ночь в азиатских столицах, я полетел в Лондон, чтобы заняться делами «Международного туристического центра Гонконга» и устройством лондонского офиса мехарских бумагоделательных фабрик.

Балендо и Орка прекрасно справлялись с агентством, но, хотя оно работало в полную силу, выпадали недели, когда торговли не было. В такой вот период «мертвого штиля» в фонтане перед агентством передохли все золотые рыбки.

— Это к несчастью, — сказал Балендо.

— Какого рода несчастью? — спросил я.

— Не знаю.

— Какого черта нам вообще здесь нужен фонтан? От него ужасный шум, запотевают окна и дохнут золотые рыбки.

— Китайцы всегда устраивают фонтаны.

— Зачем?

— Для хорошего бизнеса.

— Какая связь между фонтанами и бизнесом?

— На китайском слово «вода» звучит так же, как слово «деньги».

— И как?

— *Соя.*

— В смысле, как соевый соус?

— Как соус. Сегодня приедет мой дядя из Кантона, посмотрит, в чем проблема.

Дядя Балендо сразу же все понял. Бросил один взгляд на фонтан и сказал:

— Феншуй.

— Феншуй? — отозвался Балендо. — Вот как! Я улыбнулся со знанием дела.

— Говард, тебе это кажется странным? — спросила Орка.

— Конечно нет. Я знаю, что такое феншуй. Нам нужно либо переносить офисы, либо разворачивать этот долбаный фонтан.

К счастью, решено было двигать фонтан. За огромные деньги четырехметровое каменное сооружение разобрали и сложили заново. Оно больше не глядело на улицу, но было обращено к фасаду, чтобы деньги втекали в агентство, а не утекали из него. Вроде бы логично, хотя если вдуматься...

Офис мехарских бумагоделательных фабрик располагался рядом с площадью Гайд-парк-корнер. Через агентство по найму персонала я нашел секретаря — прекрасную, образованную пакистанку. Я ничего не смыслил в делах фабрик. Она не понимала, кто я такой. Я просто дал ей телефон Малика, а

Малику — ее телефон, чтобы они между собой со всем разобрались. Регулярно прибывали большие партии самых разнообразных грузов, от женского нижнего белья до кожаных чемоданов. Малик не занимался их сбытом. Все товары отправили на склад. Во время посещения Пакистана я спросил его, зачем это нужно.

— Затем, Д. Г. Маркс, чтобы заработать на льготном экспорте. Мы можем на этом сделать состояние. Я объясню. Правительству Пакистана требуется поддерживать экспорт. Оно выплачивает экспортеру вознаграждение в процентах от цены, по которой экспортер продает продукцию. Правительство Пакистана не смотрит, сколько на самом деле уплачено денег. Люди стали бы мошенничать. В страну присылают правительственного чиновника, чтобы тот оценил продукт и назвал экспортную цену. Как и у тебя в стране, Д. Г. Маркс, стоимость всех товаров оценивает таможня. У меня много друзей-африди на пакистанской таможне. Это тебе известно. Они приходят и декларируют большую стоимость. Мы получаем большой процент. Например, на прошлой неделе я купил еще два контейнера женских панталон. В Карачи они стоят, может, десять рупий за пару. Я показываю таможеннику-африди, что у меня есть заказ на панталоны из Саудовской Аравии. Он подписывает документ, согласно которому цена составляет сто рупий за пару. В соответствии с правительственной инструкцией выплата за женские панталоны равняется тридцати процентам от экспортной цены. Правительство выплачивает мне тридцать рупий за каждую пару панталон.

— Значит, Малик, ты хорошо заработал, ничего не продавая. Просто отлично.

— А я что тебе говорю! Вот почему в лондонском офисе столько коробок с панталонами и прочим тряпьем. В Джибути, где я делаю бизнес с коровьим дерьмом, у меня стоит десять контейнеров с панталонами. Они никому не нужны.

Судно Джерри вышло из Аравийского моря через Индийский океан и Малаккский пролив в Южно-Китайское море.

Пока я находился в Лондоне, позвонил Мойнихан. Он только что вернулся после многочасового допроса в филиппинской иммиграционной службе. Для него это было что-то совершенно новое. Скотленд-Ярд пытался добиться от Филиппин его депортации, чтобы притянуть к ответу за давние грехи. Разбираясь со своими делами, он понял, что я в большой опасности, и посоветовал ради моего же блага немедленно прилететь в Манилу. Мне это совсем не понравилось.

Том Сунде зашел за деньгами. Он по-прежнему снабжал меня

интересной информацией о старых и нынешних компаньонах. Том заговорил о лорде Мойнихане, который очень интересовал Карла из-за своей близости к семье Маркое. ЦРУ не давали покоя миллионы филиппинского диктатора. Я рассказал Тому о предостережении Мойнихана, и Сунде выразил готовность слетать в Манилу, встретиться с Мойниханом, разузнать, что происходит, и сообщить мне.

Том поведал, что агент DEA в Маниле Арт Скальцо завязал дружбу с Мойниханом, чтобы тот помог ему подвести меня под арест, устроить провокацию. Мойнихан не видел иного выбора, как подыграть копу. Но меня это не должно было волновать. Мойнихан рассчитывал разобраться с этим дерьмом, не подвергая опасности ни меня, ни себя. Он уже имел на руках мой филиппинский паспорт и вскоре собирался привезти его в Европу.

Том посоветовал не доверять Мойнихану, но я никогда и не доверял ему. В этом не было никакой необходимости.

Судно Джерри стояло в самой южной оконечности Сиамского залива. Несколько таиландских рыболовецких судов, груженных тридцатью тоннами высококачественной марихуаны, вышли из небольшой гавани рядом с Районгом, в Южном Таиланде. Объемистый груз был переправлен в трюм посудины Джерри, которая направилась в Тихий океан через пролив Лусон между Тайванем и Филиппинами. Некоторое время судно шло вдоль тропика Рака, затем взяло курс на Берингово море и холодные просторы Северной Канады.

Несколько недель спустя тридцатитонный груз уже находился на острове Ванкувер, а судно Джерри бросило якорь в Лиме, столице Перу. Операция, самая крупная как для меня, так и для многих других, удалась идеально. Агенты DEA, должно быть, искали судно Джерри в Аравийском море или десять тонн гашиша в Калифорнии. Мы снова их одурачили.

Голландский граф Фредерик, промышлявший контрабандой марихуаны, поставил свою яхту в двухстах сотнях миль к западу от вьетнамского порта Дананг. Вьетнамская шхуна с контрабандным грузом вышла с Тритона[75], не признающего законов островка, известного как пристанище пиратов со всего мира. Суда встретились, и семь с половиной тонн вьетнамской марихуаны, выдаваемой за тайскую, перекочевали на яхту. Фредерик взял курс на Канаду.

Как только граф принял на борт вьетнамскую траву, я отправился в Ванкувер, чтобы забрать деньги от первых продаж тайской марихуаны. Билет заказывал через Балендо.

— Отдохнешь от Дальнего Востока в Ванкувере, — сказал он.

Не зная ничего о моем прошлом, Балендо догадывался, что я

занимаюсь контрабандой наркотиков. Между нами ничего не было сказано на сей счет, но какое еще объяснение мог он дать тому, что иногда через его руки проходили чемоданы с деньгами.

— Ну, у меня есть хороший повод для поездки, Балендо. Надо забрать деньги.

— Понятно. А потом отправишься в Гонконг?

— Нет, мне не нравится идея перевозить большие количества денег через границы. Меня слишком хорошо знают. Я просто отдам деньги человеку, который доставит их в банк. Деньги переведут на мой счет в Гонконге. Это встанет мне в десять процентов.

— Слишком много. Подобные услуги не должны стоить больше пяти процентов.

— А кто запрашивает такую цену?

— Триады. В Ванкувере вторая по величине китайская община на Западе. Первая — в Сан-Франциско.

— Я не знаю никого из триад.

— Все китайцы из триад.

Балендо ждал меня в холле гостиницы «Шератон» в Ванкувере, чтобы забрать чемодан с тремястами тысячами канадских долларов, полученных от Боба Лайта — Боб и Рон Аллен занимались продажами. Через полчаса Балендо возвратился без чемодана.

— Ты быстро обернулся, Балендо.

— Деньги будут на твоем счету в Гонконге завтра.

— А плата?

— Никакой.

— Ты можешь переправить деньги из любого места куда угодно, Балендо?

— Из любого места, где есть китайская община.

Тут до меня дошло, какого дурака я валял с денежными переводами. Все эти долгие перелеты, счета за гостиницы, мучения на границах, постоянный страх, что тебя ограбят по наводке, были излишни. Если кто-нибудь хотел отправить мне деньги, ему только и требовалось, что отнести их в ближайший китайский ресторан, вручить владельцу и велеть дожидаться звонка от Балендо, моего друга и делового партнера вот уже много лет. У меня голова шла кругом.

— Балендо, ты можешь остаться здесь и позаботиться о более крупных суммах в течение следующих нескольких месяцев?

— Нельзя оставить агентство в Лондоне. Я могу приезжать каждый месяц и забирать у тебя деньги.

Разобраться с деньгами от этого и следующего ванкуверских грузов оказалось намного легче, чем я думал. Мне даже не

пришлось бы лететь в Ванкувер. Достаточно было вызвать в Канаду Джона Денби, чтобы тот периодически забирал деньги у Боба или Рона, а когда наберется приличная сумма, отдал бы ее Балендо, который проделает свой китайский фокус.

Джон прибыл в Ванкувер. Я представил его Бобу Лайту. С Роном и Джерри он уже был знаком по пакистанской операции. Я оставил Джона за главного, а сам полетел в Пальму через Лондон.

В Хитроу мне учинили легкий допрос, но не обыскивали. В Пальме Рафаэль Льофриу встретил меня и провел через иммиграционный и таможенный контроль. У него возникла проблема: нуждаясь в деньгах, он хотел продать квартиру с видом на море в Пальма-Нова. Не знаю ли я кого-нибудь, кто захочет ее купить? Я приобрел квартиру.

С тех пор как родился Патрик, Джуди меня почти не видела. Мы давно уже нигде не отдыхали.

— Говард, может, прекратишь мотаться по миру и побудешь со мной и с детьми? Не то я сойду с ума. Давай проведем две недели на Сицилии. Помнишь, как прекрасно мы там отдыхали? Я уже обо всем позаботилась. Подумала, тебе понравится, если мы сначала отправимся в Кампионе-ди-Италия, потом сядем на поезд из Милана в Рим, а после полетим в Палермо. Дети будут в восторге. Маша может поехать с нами и сидеть с детьми по вечерам. Ты наконец узнаешь своего сына.

— Звучит заманчиво, любимая. Лучше и не придумаешь.

Это была чистая правда.

Отдав дань ностальгии по Кампионе-ди-Италия, мы добрались до Сицилии и остановились в Санта-Доменико, в Таормине, у подножия Этны, которая неожиданно проснулась. Посетили греческие амфитеатры, римские города и, по моему настоянию, пообедали в Корлеоне, описанном Марио Пьюзо в «Крестном отце». В Палермо я заскочил в Банк Сицилии и положил деньги на свой банковский счет, которым еще не пользовался для получения платежей.

Я держался подальше от телефонов. Никто не знал, как со мной связаться. Мне нравилось проводить время с семьей. Деловые разъезды и проворачивание сделок несут с собой деньги и адреналин, но я слишком увлекся. Следовало остановиться и вспомнить, что такое быть отцом и мужем. Только этого я и желал, возвращаясь домой.

Дома ожидала масса сообщений. У Джона Денби в Ванкувере скопилась изрядная сумма, которую он хотел сбыть с рук в течение недели. Мак-Канн, остановившийся в гостинице «София», в Барселоне, грозился нагрянуть в Пальму, если я не приеду к

нему прямо сейчас. Там же, в Барселоне, Мойнихан, который снял номер в «Ориенте», ждал, когда я заберу свой филиппинский паспорт. Малик звал в Лондон обсудить некоторые деловые предложения, не имевшие отношения к главному бизнесу. Том Сунде звонил из Дюссельдорфа, требуя денег. Фредерик еще был в плавании, но готовился сгрузить товар в Канаде.

Я позвонил Филу в Бангкок и попросил отправиться в Канаду. С ним можно было частично расплатиться из тех денег, которые хранил Джон Денби. Я собрался на несколько дней в Барселону. Пригласил Малика в Пальму. Позвонил Сунде в «Хилтон». Тот согласился прилететь в Пальму, если я заплачу за билет.

В самолете меня посетила шальная мысль познакомить Мак-Канна с Мойниханом. Английский лорд ужинает с террористом из ИРА — это забавно.

— Итак, какие делишки обстряпывает гребаный английский лорд с валлийской сукой? —поинтересовался Мак-Канн, пожимая руку Мойнихану.

— Хотел бы спросить у тебя то же самое, да благоразумие не велит, — парировал Мойнихан.

— Я ж не гребаный лорд.

— Ну, я имел в виду, какие у тебя дела с Говардом?

— Говард на меня шестерит. А ты шестеришь на него? Потому что, если так, ты шестеришь на меня. — Джим рассмеялся собственной шутке.

— Не желаю никого обидеть, но нет. Не сказал бы, что работаю на Говарда. Нас связывают деловые отношения и дружба. Мы оба учились в Оксфорде. Имеем ряд общих интересов. Любим вкусно поесть и выпить. Так, Говард?

Прежде чем я успел вставить слово, вмешался Джим.

— Ты осознаешь, что мы воюем, лорд Мойнихан.

— Пожалуйста, называй меня Тони. Кто воюет?

— Ты и я, ёб твою.

— Не понимаю.

— Англия и Ирландия.

— Мой дорогой Джим... — начал Мойнихан.

— Никакой я тебе не дорогой, ёб твою. Не надо мне тут этих гребаных оксфордских лекций.

— Джим, Мойнихан — одна из самых распространенных в мире ирландских фамилий. Я считаю себя ирландцем. Одно из моих вторых имен — Патрик. Сенатор Мойнихан — мой двоюродный брат.

— Но ты протестант, — возразил Мак-Канн.

— Война идет из-за власти, не из-за веры. Я, вероятно, больше ирландец, чем ты, Джим.

— В палате лордов меня не увидишь, можешь быть уверен.

— Меня тоже. Я для них был занозой поострей, чем ты. И не случайно прожил почти всю взрослую жизнь в католических странах. Я самый горячий сторонник полной независимости Ирландии.

— Да неужели? Сколько же английских солдат ты застрелил? Сколько блокпостов взорвал?

И все в том же духе. Каждый старался выставить себя ярым ирландским республиканцем, ревностным католиком и патриотом.

Мойнихан посвятил меня в тайну: ему доверена часть пропавших миллионов президента Маркоса. Похоже, Карл был прав. Я согласился помочь в отмывании денег. Мойнихан дал мне поддельный филиппинский паспорт. Еще одни корочки ожидал кто-то в Пальме. Мойнихан собирался попросить меня передать паспорт, но передумал и спросил, не может ли остановиться у меня с леди Эдитой. Я предложил им жилье в Пальма-Нова. Квартира все еще была записана на Рафаэля Льофриу, но ключи у меня имелись.

Мак-Канн спешил повидаться, чтобы выйти на Роджера Ривза. Роджер дал ему пятьдесят тысяч фунтов, и Джим приготовился провернуть поставку. Меня немного задевало, что эти двое ведут дела так, будто меня не существует, но мешать им я не собирался. Сказал Джиму, что Роджер с женой и детьми живут на Мальорке. В конце концов Джим решил, что должен приехать в Пальму.

Я добрался до Пальмы первым. Из Хитроу позвонил Малик. Его отказывались посадить на самолет «Иберии», потому что он не оформлял испанской визы.

Я позвонил Рафаэлю, пожаловался, что у моего друга, очень богатого пакистанского инвестора, проблемы, что он не может со мной встретиться. Рафаэль обещал разобраться.

Через двадцать минут он перезвонил: Малик уже в пути, все улажено.

Я отправился в аэропорт Пальмы, в офис Рафаэля. Там было два выхода: на территорию аэропорта и в зал прибытий. Рафаэль сказал, что встретит Малика у трапа и приведет к себе, чтобы избежать стычек с иммиграционной службой и таможней. После недолгого ожидания появился напуганный Малик под конвоем Рафаэля. Пакистанец думал, что его арестовали, и вздохнул с облегчением, увидев меня:

— Это уж слишком, Д. Г. Маркс!

Малик остановился в нашем доме. Льофриу, которому он понравился, представил меня и Малика богатому алжирцу Мишелю Кадри, проживавшему на Мальорке. Мы лихорадочно

обсуждали грандиозные сделки, от купли-продажи мебели из Бангладеша до приобретения пятизвездочных отелей в Марокко. Ни один из этих прожектов не воплотился в жизнь.

Малик предлагал мне заняться раскруткой зубной пасты, содержащей экстракт коры какого-то пакистанского дерева. В одном гималайском племени, жевавшем эту кору, несколько поколений не знали забот с зубами. Еще Малика беспокоил гашиш, который он держал на складе. Я пообещал подумать, и насчет дури, и о зубной пасте.

Прибыл Мак-Канн. Этого я поселил в квартире Хоббса на площади Банк-де-Лоли, в старой части Пальмы. Затем прилетел Сунде с известием, что агенты DEA вернулись в Пальму. Смеха ради, я и его засунул на квартиру Хоббса. Том сошел с ума от счастья, услышав, что Мойнихан имел доступ к пропавшим миллионам Маркоса. Приехали Мойнихан и Эдита и остановились в квартире Рафаэля в Пальма-Нова. Я сообщил Тому, где они.

На маленьком испанском острове происходило черт-те что. Член палаты лордов и содержатель филиппинских борделей остановился в доме главного комиссара испанской полиции. За лордом следил агент ЦРУ, проживавший на квартире англичанина, полового извращенца, на пару с боевиком ИРА. Ирландец готовил поставку марокканского гашиша при содействии пилота из Джорджии, работавшего на Медельинский картель. А за всем этим стоял бывший агент МИ-6, который руководил продажами тридцати тонн тайской марихуаны в Канаде и принимал в своем доме главного поставщика гашиша из Пакистана. Добавьте одинокого агента DEA, пытающегося понять, что происходит. Декорации были расставлены для эффектной сцены.

Увы, это была сцена провала. Она началась со звонка Фила из Ванкувера в первых числах сентября 1987 года. Канадская королевская конная полиция Ванкувера арестовала Джона Денби, Джерри Уиллса, Рона Аллена и многих других. Конфисковала несколько тонн марихуаны и несколько миллионов долларов. Груз накрыли на корабле, когда тот стал на якорь в порту Ванкувер. Именно туда Боб переправлял на парусниках тайскую марихуану со складов на острове Ванкувер.

Я философски отнесся к потере денег и тайской марихуаны: всякое случается, — но тяжело переживал арест Джона.

А еще меня беспокоил Фредерик. Угодит ли он в ловушку? Остался ли кто-нибудь на свободе, чтобы получить марихуану? И не вьетнамскую ли траву Фредерика конфисковали?

Последнее предположение было верным. Канадская полиция

нагрянула вскоре после того, как конфискованное судно встретилось с парусником Фредерика и приступило к разгрузке вьетнамской марихуаны. Фредерик отплыл, ничего не зная. В отличие от Джона Денби и Боба Лайта, Джерри Уилле и Рон Аллен не участвовали во вьетнамской поставке, но из-за того, что в тайской и вьетнамской операциях были задействованы одни и те же люди, Джерри с Роном арестовали за сделку, о которой те знать не знали. Американцы не могли сказать, что миллионы конфискованных долларов выручены от продажи тайской марихуаны и что они ничего не знали о вьетнамской дури. Если Рон и Джерри заимели зуб на меня, я не мог их за это упрекать. Это была моя вина.

В тот день, когда пришли трагические известия, я отправился к Мойнихану в Пальма-Нова. Он нервничал, мялся, отводил глаза. Я знал, что наш разговор записывается. Меня так и подмывало прямо сказать об этом, но я удержался и попробовал обратить ситуацию в свою пользу.

— Ты выглядишь встревоженным, мой дорогой. Что-то случилось, Говард?

— Арестовали моих друзей с грузом наркотиков в Ванкувере.

— О господи! Какая жалость. Это был твой груз?

— Нет, конечно. Я не имею к нему никакого отношения. Я был не в курсе.

— А что за друзья? Я их знаю?

— Джерри Уилле. Возможно, я тебе его представлял в Маниле или Бангкоке.

— Да, было такое. Приятный человек, насколько я помню. Кто-нибудь еще?

— Нет.

— Раз уж мы затронули эту тему, не возражаешь, если я задам несколько вопросов о твоем бизнесе? Я имею в виду наркотики, конечно. — Мойнихан даже не пытался хитрить.

— Продолжай, Тони.

Мойнихан накидал мне кучу глупых вопросов о перевозке наркотиков. Я отвечал с осторожностью, не сознаваясь ни в чем, кроме того, что было всем известно. Он отлучился в ванную, а когда вернулся, весь вид его выдавал сильное облегчение. Он спросил, могу ли я отмыть деньги, много денег: несколько миллионов, которые в настоящее время в Майами. Я сказал, что свяжу его с моим зятем, Патриком Лэйном, который живет в Майами.

Беседуя с Патриком, я выложил все, что знал про Мойнихана: мошенник, не заслуживает доверия, плутует со всеми, но перевозками наркотиков не занимался, к тому же лорд;

утверждает, будто у него очень много денег, которые надо отмыть, есть веские основания этому верить. Патрик разрешил дать Мойнихану его номер.

Малик отправился в Лондон, а оттуда в Карачи. Мак-Канн улетел в Париж. Роджер уехал в Амстердам. Сунде, вознагражденный должным образом, отбыл в Дюссельдорф, пообещав через Карла разузнать, нельзя ли как-то вытащить Джона Денби из тюрьмы. Я остался в Пальме и дал клятву, которой верен по сей день: навсегда оставить сделки с наркотиками.

Не то чтобы у меня вдруг открылись глаза и я осознал, что наркоторговля — грязный бизнес, преступление против общества. Мне просто разонравилась такая жизнь. Почти все мои компаньоны сидели в тюрьме. Одни, по понятным причинам, винили меня за то, что лишились свободы. Другие — за то, что я замахивался на многое и тем самым ставил под угрозу наш бизнес. Меня критиковали и осмеивали, потому что я не занимался кокаином. Кое-кто пытался подставить ножку. Кое-кто не хотел делиться доходом от сделок, которые без моей помощи никогда бы не состоялись. За мной постоянно следили. Я платил немерено денег ЦРУ, чтобы отмазаться от DEA. Моя прибыль равнялась нулю. Я не виделся с семьей. Решено: отхожу от дел! Я известил об этом Роджера Ривза, Мак-Канна, Фила, Малика и Джо Смита, который случайно оказался на Мальорке. Все восприняли новость скептически.

Когда в конце концов со мной связался Фредерик, я рассказал ему о судьбе груза и объявил, что больше не в деле. Он воспринял новости совершенно спокойно, только попросил достать ему поддельный паспорт. О том же просил и Роджер Ривз. Я не смог им отказать и заказал у Джимми Ньютона еще две ксивы.

Я не знал, что делать с лингвистической школой в Карачи. Это был законный бизнес с большим потенциалом, но он стоил мне немалых денег, школа несла большие убытки. Я полетел в Карачи, закрыл школу, а Джорджу и Ассумпте дал денег, чтобы собирали чемоданы и уезжали из Пакистана.

Малик сказал, что попробует получить что-нибудь за гашиш, который он держал для меня. Мы договорились с этого момента заниматься только законным бизнесом: производством бумаги, импортом-экспортом и раскруткой зубной пасты.

После ареста марихуаны в Ванкувере мне страшно не хотелось возвращаться в Бангкок. Массажный салон хоть и считался формально законным бизнесом, а также приносил немалые деньги, уже не увлекал меня. Более того, до меня дошло, что нередко отцы, перед тем как продать дочерей в массажные

салоны, сами лишают их девственности. Участие во всем этом могло плохо сказаться на моей карме. Я заявил Филу, что завязываю. Он тоже не хотел продолжать. Мы продали салон, оставив за собой филиал «Международного туристического центра Гонконга».

Я позвонил Патрику Лэйну в Майами. Они с Мойниханом мило побеседовали, но ни о чем не договорились и вряд ли могли договориться.

В Ванкувере суд освободил под залог Джерри Уиллса, Рона Аллена и Джона Денби. Джерри и Рон не долго думая бежали. Джон остался. Он не мог не сдержать слова, даже если дал его полицейским. Джерри и Рон наняли для него великолепного адвоката Яна Дональдсона.

Теперь моя жизнь стала очень простой. Я работал на турагентство и кое-чем приторговывал. Хотя все ладилось, я не находил себе места. Дела шли сами собой.

— Балендо, если бы я был твоим подчиненным и мог поехать куда угодно, что бы ты мне поручил?

— Тайвань, конечно.

— Почему? Что там такое?

— Экономический бум. Как в Гонконге и Японии, только лучше. Западные компании на тамошнем рынке пока не появились. Туристический бизнес — нетронутая целина. Многие авиакомпании не суются на Тайвань, опасаясь Китая. Надо бы изучить обстановку. Военное положение отменили. Ты со своим обаянием для Тайваня то, что надо.

Я принялся изучать Тайвань.

Начав с массового производства дешевых и скверных пластмассовых игрушек, Тайвань затем сделал рывок и стал осваивать производство высококачественной электроники, проводить ядерные исследования. Экспортируемые товары ценились выше китайских, но, несмотря на прорыв в сфере высоких технологий, средства связи и банковские системы Тайваня оставались примитивными. Туристическая индустрия находилась на зачаточном уровне. Имелось всего несколько мест, где иностранцы могли поесть.

Не составив ни плана, ни продуманной бизнес-стратегии, я полетел в Тайбэй и остановился в гостинице «Фортуна» на Чуншан-роуд. Освежившись в джакузи, отправился осматривать окрестности. Здесь, в залитых светом барах и кафе, текла ночная жизнь. Я зашел в одно заведение выпить и завязал разговор с хозяином, филиппинцем по имени Нести. Его жена работала в туристическом агентстве, а сестра — в баре «Хсалин», популярном среди немногочисленных гостей с Запада. Он

предложил встретиться там следующим вечером. Я отправился спать и закрывал глаза со спокойной душой. Никто не знал, где я, за исключением филиппинца. И я не делал ничего противозаконного.

Следующее утро началось со звонка из Центра зарубежных покупателей. Узнав, что я прибыл на Тайвань по делу, мне предлагали посетить офис и рассказать о своих деловых интересах. Звонившая — она назвалась Джойс — пообещала заехать за мной в гостиницу в десять тридцать утра.

Джойс Ли была молода и привлекательна. Лимузин доставил нас к ее офису. Я рассказал, что главная цель моей поездки на Тайвань — рекламировать туристическое агентство в Великобритании. Джойс быстро организовала для меня встречи с руководством тайваньской авиакомпании «Китайские авиалинии» и представителями туристических агентств. Ее разочаровало, что в мои намерения не входило заказывать тайваньские товары. Я утешил ее обещанием в следующий раз прилететь с заказами.

Вечером я встретился в «Хсалин» с Нести и его женой Марией, которая рассказала о туристическом рынке Тайваня и назвала цены на авиабилеты, запрашиваемые авиакомпаниями и агентствами.

После ухода китайской пары рядом со мной уселись трое новозеландцев. Я пил виски и воду из отдельных стаканов и случайно опрокинул стакан с водой на колено одному из троицы. Стал извиняться.

— Ты из Уэльса? — спросил он, отряхиваясь.

- Да.

— Ydych chi siarad Cymraeg?[76]

- Odw[77].

— Рой Ричарде. Рад познакомиться!

— Говард Маркс. Прости за воду.

— Ничего страшного. Слава богу, это только вода. Часом, не уэльская?

— Не думаю, Рой. Хотя несколько лет назад я и сам собирался перевозить воду на кораблях из Уэльса на Восток. Может, кто-то украл мою идею.

— Так ты этим занимаешься? Водой?

— Нет, сейчас я всего лишь простой туристический агент, но раньше брался за все понемногу. А ты? Только не говори, что занимаешься водой.

— Ни в коем случае. Я сбежал из Уэльса в Новую Зеландию от дождей. Сейчас работаю на правительство Новой Зеландии. Звучит круто, но мы с друзьями просто проводим собеседования с тайваньцами, которые хотят эмигрировать в Новую Зеландию.

— Впечатляет. Значит, ты решаешь, кто поедет, а кто нет?

— Я бы так не сказал. Окончательное решение принимают другие.

— Но предварительное решение за тобой. Ты можешь не пустить.

— Наверное, так оно и есть. Я как-то не задумывался.

— Рой, а почему люди уезжают с Тайваня? Вроде бы место хорошее, экономика устойчивая.

— Здесь до смерти боятся Китая, особенно с тех пор, как англичане пообещали вернуть Гонконг в 1997 году. Считают, что рано или поздно китайцы придут и сюда. Я совершенно с этим не согласен. Но многие хотят уехать. И если они отвечают определенным требованиям, мы принимаем их в Новой Зеландии.

— А что это за требования?

— В первую очередь человек должен быть весьма состоятельным. Но здесь таких довольно много. Мы принимаем университетских профессоров, физиков-ядерщиков и ведущих промышленников. По несколько десятков в месяц. Мы проводим много интервью, но нам хорошо платят. И есть масса возможностей для левого заработка.

— Каких, например?

— Ну, люди, которые хотят получить новозеландское гражданство, почитают нас как богов. Согласны делать все, что им скажут. Мы можем диктовать, куда они должны вложить деньги в Новой Зеландии, где жить, какой открыть бизнес. Как ты понимаешь, у многих новозеландцев есть свои предложения на сей счет. Проталкивая некоторые идеи, можно получить хорошие комиссионные. Мы указываем, в каких гостиницах жить, как добираться. Можем диктовать что угодно.

— У вас есть хороший туристический агент?

— А что? Вообще-то у нас нет постоянного турагента. Если твои цены конкурентоспособны, то я с радостью помог бы подработать земляку. Может, сходим куда-нибудь. Ты был в Эм-Ти-Ви?

В 1988 году театры Эм-Ти-Ви в Тайбэе попадались на каждом углу, все разные. До сих пор у меня не возникало желания туда зайти. Тот, куда привел меня Рой, был одним из самых больших. Мы заплатили смешные деньги за билет, и попали в огромный зал, где посетителям предлагался фантастический выбор музыкальных видеозаписей и лазерных дисков. Подобного изобилия я никогда не видел. Каждый из нас должен был выбрать диск и комнату для просмотра. В Тайбэе вывески пишут на одном языке, на мандаринском диалекте китайского, но иногда попадаются надписи на английском. В этом театре Эм-Ти-Ви

имелось два указателя на английском: «Секс» и «Без секса». Из секс-отделения вываливались затраханные парочки. Мы с Роем прошли под вывеской «Без секса» и выбрали одно из многочисленных весьма комфортабельных помещений, оснащенных наисовременнейшей аудио- и видеотехникой. Устроившись на диване, стали смотреть лазерный диск с Джо Кокером в Mad Dogs and Englishmen. Официант принес пиво. Рой достал и раскурил небольшой косяк.

— Думаю, и за тобой водится такой грешок, — заметил он.

— Это настолько очевидно?

— Должен признаться, Говард, я почти не сомневался. Косяк был набит великолепной тайской марихуаной.

— Рой, как ты думаешь, а не захотел бы кто-нибудь из тайваньцев эмигрировать на Мальорку или в Уэльс?

— Они поедут куда угодно и привезут с собой кучу бабла, но только если получат гражданство. Если Уэльс станет независимым, у тебя, возможно, появится шанс, но сейчас Великобритания довольно сурово относится к иммигрантам. Про Испанию не знаю. Все страны предоставляют гражданство людям, которые отвечают всем требованиям. Все зависит от твоих связей.

Интересно, гадал я, провел бы Рафаэль несколько миллиардеров с Тайваня через аэропорт Пальмы, чтобы те обратили свое состояние на пользу Мальорки?

— Хотел бы я, чтобы Уэльс получил независимость, Рой. Могли бы произойти большие перемены.

— Что бы ты делал, если бы управлял Уэльсом?

— Я перестал бы впускать новозеландцев, пока их правительство не признает, что в семьдесят втором Уэльс уступил «Олл блэкс»[78] в Кардифф-Армз-Парк из-за нечестной игры.

— Боюсь, дни уэльского регби прошли. Ты поймешь это летом, когда Уэльс будет играть в Новой Зеландии. Но серьезно, что бы ты делал, если бы управлял Уэльсом?

— Прежде всего легализовал марихуану, чтобы в моей стране ее мог курить кто угодно. Активно поддерживал бы выращивание конопли. Разрешил импорт марихуаны.

— С этим многие бы согласились. Я в том числе. А героин? Как насчет него?

— Я бы легализовал все наркотики, но с оговоркой. Пусть марихуану продают и покупают как целебную траву, которая не вредит здоровью. Другие наркотики, вызывающие привыкание, токсичные или приносящие иной вред, следует продавать свободно, но сопровождать полной и правильной информацией относительно их эффекта. Если люди хотят жить под кайфом, отлично, но они должны знать, с чем имеют дело. Общество

может себе позволить субсидировать тех немногих личностей, которые, как это ни печально, не мыслят себе иной жизни.

— И только-то? Ты думаешь, что легализация наркотиков решила бы все проблемы?

— Многие. Наверняка я бы уничтожил атомные электростанции и вооруженные силы, высвободил бы капиталы, вложенные в оборонный комплекс. Тогда не стало бы очень богатых или очень бедных. Все бы работали. Ты же знаешь, обычная история.

— В Новой Зеландии тебя бы точно в тюрьму посадили, Говард. Почему бы тебе не уговорить тайваньцев построить пару заводов в Уэльсе, Говард? Создать новые рабочие места.

— Но ты сказал, что тайваньцев Уэльс не интересует — слишком сложно получить гражданство.

— Да, но это другое дело. Посмотри, сколько в Уэльсе японских заводов. И японцы не пытаются осесть там. Тай-ваньцы те же японцы. Они готовы осваивать любой рынок, чтобы заработать много денег.

— Почему же их нет в Уэльсе?

— Потому что ни один уэльсец не сделал им привлекательного предложения, сулящего налоговые льготы, вид на жительство и возможности в будущем получить гражданство. Почему бы тебе не стать тем человеком, который первым построит тайваньский завод в Уэльсе?

— И как я найду тайваньцев, которых заинтересует такое предложение?

— Я вижу около двадцати каждый день.

Следующая неделя прошла за ужинами, коктейлями и разного рода встречами с руководством промышленных предприятий и турагентств.

Обзаведясь обширной информацией о деловой практике на Тайване и кучей знакомых из местной элиты, я вернулся в Лондон. Балендо пришел в восхищение. Он мог предложить правительству Новой Зеландии и всем, кто летел на Тайвань, более дешевые билеты. Начался обмен телексами между Лондоном, Новой Зеландией и Тайбэем. Через несколько недель «Международный туристический центр Гонконга» стал ведущим продавцом билетов «Китайских авиалиний» в Англии и заполучил в клиенты «Эвергрин», самую крупную в мире компанию по контейнерным морским перевозкам.

Я нанял исследователя, чтобы узнать, какие льготы предлагают желающим открыть предприятия в Южном Уэльсе. Резюмировал информацию и написал легкий для понимания доклад.

В ходе этих изысканий, я познакомился с американцем, любителем го, которого звали Майкл Кац. Он был адвокатом, имел право практиковать в Великобритании и Соединенных Штатах и знал кое-что о моем прошлом. Игра в го сделала нас друзьями.

С того самого времени, как я узнал от Тома Сунде, что мной занимаются агенты DEA, мне хотелось получить заключение грамотного юриста о том, удастся ли американцам добиться моей экстрадиции. Кац сказал, что может слетать в Америку, изучить законы об экстрадиции, встретиться с адвокатами и властями и раскопать всю информацию, имеющую отношение к моему делу.

Вернувшись в Пальму, я побеседовал с Рафаэлем на тот предмет, сумеем ли мы извлечь какую-нибудь пользу из желания тайваньских магнатов приехать на Мальорку, построить здесь дома и фабрики. Он уверял, что сумеем. Рафаэль не собирался нарушать испанские иммиграционные законы, но видел иные возможности. Он представил меня Луису Пине из Университета Балеарских островов, который подготовил подробный отчет об экономической ситуации на Мальорке, и с министром туризма Мальорки, снабдившим меня кучей рекламной информации.

В июне 1988 года я, за исключением двадцати косяков в день, не позволял себе ничего предосудительного и жил спокойно. Поездки на Тайвань и в Лондон не мешали мне проводить гораздо больше времени дома и получать от этого удовольствие. Многие мои законные проекты теперь сосредоточивались на Пальме. Не было нужды облетать полмира ради деловой встречи или получения денег. Какое-то время я тешил себя порочной идеей баснословно разбогатеть законными способами, но вскоре от нее отказался. Люди в этом преуспевшие казались несчастными или внушали отвращение. Те немногие умные и счастливые богачи, которых я знал, либо были преступниками, либо принадлежали к академической элите. Я имел множество знакомых в криминальном мире, а вот с ученой средой не соприкасался со студенческой скамьи. Было ошибкой потерять с нею связь.

Каждые семь лет бывшие выпускники Баллиола получают приглашение встретиться со своим выпуском. Я окончил колледж в 1967 году, но ни в 1974, ни в 1981 на приглашения не откликнулся. В 1988 году я передумал и полетел из Пальмы в Лондон. Джулиан Пето встретил меня в Хитроу и отвез в Оксфорд на машине.

Было странно снова гулять по внутреннему двору Баллиола. Мои сокурсники за двадцать лет мало изменились, и старые связи быстро возрождались. Моих подвигов по части контрабанды

гашиша никто не осуждал, ощущался лишь интерес и вежливое любопытство. Мы обменивались телефонами и адресами, строили планы, как встретимся снова. К сожалению, Мак не приехал, но дал о себе знать. Он обретался в Лондоне и на меня, казалось, зла не держал.

Один из сокурсников, уэльсец Питер Гиббинс, стал состоятельным профессором. Во время каникул он проводил семинары по информационным технологиям для менеджеров со всего мира. Мы поговорили о Тайване, о том, интересна ли тайваньцам европейская бизнес-практика. Питер спросил, не подберу ли я желающих поучаствовать в семинарах, которые он организует и на которые пригласит ведущих академических лекторов. Гостей с Тайваня можно поселить в студенческом общежитии Баллиола. Я согласился помочь чем смогу.

В Пальме меня ожидало несколько бредовых сообщений от Роджера Ривза. Мы встретились в кафе в Санта-Понсе, маленьком курортном городке на побережье, на полпути между Ла-Вилетой и домом Роджера в Андрайтксе.

— Говард, мальчик мой, паспорт, который ты мне дал, оказался лажей.

— Что значит лажей? Его выписали прямо в паспортном столе.

— Мне наплевать, где выписали эту лажу. На прошлой неделе я отправился в Амстердам. На иммиграционном контроле взглянули в паспорт и потащили допрашивать.

— Но, Роджер, могли быть другие причины. Вдруг полиция села тебе на хвост, пока ты летел?

— Черта с два! Я только и собирался, что купить лодку-другую. Копы не делают стойку на такие вещи.

— Почему нет, Роджер? Чем интересовалась голландская полиция?

— Я не остался, чтобы выяснить. Ну уж нет! С божьей помощью дернул оттуда.

— В смысле?! Тебя преследовали?

— Преследовали? Еще как! Я чесанул через взлетную полосу, перелез через две высоченные изгороди из колючки вокруг аэропорта. Меня на кусочки изрезало. Слушай, может, дело и не в паспорте, но ты гарантируешь, что он чист?

— Не могу.

— Хорошо. Достань другой.

Спустя несколько часов Роджер позвонил мне домой:

— Говард, либо они охотятся за тобой, либо ты коп.

— Что?!

— Как только ты отъехал от кафе в Санта-Понсе, четверо в

штатском вышли из машины и попытались меня арестовать. Наговорили какого-то дерьма про машину, про то, что должны посмотреть мои документы. Я распихал их и удрал через пекарню. Если бы не господня помощь, меня бы засадили в клетку. Они за тобой охотятся, приятель.

— Тогда почему же они меня не арестовали, Роджер?

— То-то и оно, Говард. Думаю, нам не стоит разговаривать какое-то время.

— Роджер, ты же не считаешь, что я полицейский, правда?

— Нет, не считаю. Конечно, нет. Но чую опасность. Большую опасность.

В тот же день со мной связался Том Сунде и потребовал денег на мою защиту. Я сказал, что живу в ладах с законом, а потому денег не имею. И добавил, что если бы агенты DEA собирались меня арестовать, давно бы уже так и сделали. Он ответил, что большое жюри[79] собирается предъявить мне обвинение. За четверть миллиона долларов я получу все материалы. Я ему не поверил. Он объявил, что дружбы ради заниматься этим не будет, но предупредит, если арест станет неминуем.

На следующий день к нам пришла жена Роджера, Мари. Сразу после нашего с Роджером разговора Ривзы поехали забрать сына из школы на другом конце Пальмы. Несколько вооруженных полицейских окружили машину и арестовали Роджера. Ночь он провел в полицейском участке, а утром его повезли во Дворец правосудия на встречу с судьей, кабинет которого находился на втором этаже. Роджер, хоть и был в наручниках, перемахнул через стол судьи, выпрыгнул из окна и упал на крышу припаркованной машины. Он мчался по главной улице, преследуемый ордой полицейских, пока его не схватили. Теперь он находился в тюрьме, в Пальме. Его выдачи добивались немцы, а не американцы.

Мне пришлось долго расспрашивать Мари, прежде чем в тумане забрезжила истина. Мак-Канн поставил Роджеру кучу марокканского гашиша, а тот нанял немецкое грузовое судно с немецкой же командой, чтобы отвезти дурь в Англию. Немцев арестовали в Германии, когда судно пришвартовалось в порту уже без груза. Они сразу выложили властям все, что знали. Немецкий закон запрещает использовать корабли для перевозки наркотиков. Роджеру было предъявлено обвинение в Любеке, и он не сомневался, что немцы и ко мне имеют претензии.

Я покинул Пальму на первом же самолете. Оставаться там стало опасно. Со мной был чемодан бумаг, относящихся к иммиграции тайваньцев на Пальму, семинарам по информационным технологиям и строительству заводов в Южном

Уэльсе. Я прилетел в Тайбэй и поселился в гостинице «Фортуна». Хоть я и прихватил паспорт на имя Уильяма Тетли (спрятанный в картонной сторонке книжного переплета), но пользовался настоящим удостоверением личности. Я не прятался. Не считал, что нахожусь в бегах. Просто на Тайване я чувствовал себя в безопасности. Там даже не существовало американского посольства.

Пока я находился в Европе, Рой Ричарде на пару недель слетал в Новую Зеландию и побеседовал обо мне с друзьями в Уэллингтоне. Один из них читал «Счастливые времена» Дэвида Лея. Рой привез книжку и попросил у меня автограф.

Ричарде помог мне заключить с «Чайна метал» предварительное соглашение о строительстве завода в Южном Уэльсе и вручил длинный список тайваньских миллионеров, желающих жить на Мальорке и вкладывать там деньги. Кроме того, некоторые менеджеры промышленных предприятий заинтересовались семинарами в Оксфорде. Чтобы поддержать отношения с Маликом, я договорился о закупке тюбиков для зубной пасты. Дела шли просто великолепно.

Джерри Уилле нашел меня через Балендо. Мы почти год не разговаривали. Джерри сказал, что от знакомого адвоката, имеющего связи в DEA, услышал, будто в Майами большое жюри приняло обвинительный акт против него, меня и других. По всей видимости, меня считали главарем преступного клана. Американцы собирались потребовать моей экстрадиции.

Была ночь. Я пошел прогуляться по кампусу Тайваньского университета. Должен ли я снова исчезнуть и жить по паспорту Тетли? Тайком, урывками встречаться с женой, детьми и родителями? Осесть на Тайване? Ведь это одна из немногих территорий, не заключивших с США договор об экстрадиции. И похоже, я тут приживусь. По крайней мере, семья сможет проводить со мной много времени.

Я отправился к Нести, мы пропустили по стаканчику. В баре было против обыкновения пусто.

— Где Мария? — спросил я, не увидев его жены.

— Пошла в Храм Собаки со своим дядей.

— Что это, черт возьми, за собачий храм?

— Есть только один Храм Собаки, Говард. Он стоит на берегу рядом с Таншуй, в часе-двух езды отсюда. Тридцать лет назад рыбацкий сампан разбился во время шторма, и погибли все тридцать три человека, которые были на борту. Их всех похоронили в общей могиле. Собака одного из рыбаков прыгнула в могилу, да так и не вылезла. Ее тоже похоронили. Теперь эту собаку почитают воплощением верности, и она покоится в храме

на берегу. Верность — очень важная вещь для преступника. Поэтому многие из тех, кто преступил закон, приходят туда молиться.

Я расспросил Нести, как найти Храм Собаки, и добрался туда на такси. Приехал на рассвете. На парковке возле храма теснились всевозможные средства передвижения, от мотороллеров до «мерседесов». Тысячи нищих, гангстеров и проституток сновали между автостоянкой и святилищем. Внутри храма перед двухметровой статуей из черного камня люди стояли на коленях и молились собаке. Кто-то лепил на изваяние крохотные листочки сусального золота. Моя молитва была простой: «Сделай, чтобы я остался с женой и детьми!» При одной мысли о детях на глазах выступили слезы. Мифэнви собиралась провести с нами лето, а мне редко выпадала возможность побыть сразу со всеми своими четырьмя детьми. Всего несколько дней отделяло меня от годовщины свадьбы. Я хотел быть с женщиной, которую люблю.

Майкл Кац прилетел ко мне в Тайбэй из Лос-Анджелеса. Он собрал кучу бумаг об экстрадиции и деле Эрни Комбса. Последние подтверждали, что телефоны в моем доме на Мальорке прослушивались. По мнению Каца, обвинения против меня не выдвигали, и запроса на выдачу не поступало. Я воспринял его слова как ответ на свою молитву собаке. Я мог возвращаться в Пальму.

Покончив с делами, я полетел из Тайбэя в Вену, потом в Цюрих. Позвонил Тому Сунде из аэропорта. Он посоветовал мне не задерживаться в Пальме более сорока восьми часов. Рафаэль встретил меня в аэропорту Пальмы, провел в обход иммиграционного и таможенного контроля и отвез домой. Я завалил детей подарками из Тайваня и, чтобы отпраздновать годовщину свадьбы, повел Джуди поужинать в «Тристан», в «Пуэрто портале», затем мы отправились в «Уэллиз» выпить с Джеффри Кенионом. Уик-энд я провел в кругу семьи.

ДЕННИС ГУВАРД МАРКС

— Папа, папа, не гони так! Пожалуйста, папа, езжай помедленней! Мне страшно, — закричала с заднего сиденья Эмбер.

Был почти час ночи, уже понедельник. Мы впятером возвращались после затянувшегося ужина в «Тадж Махал» и посещения бара «Тэффиз» в Магалуфе. Я не гнал. И потом Эмбер всегда нравилось ощущение скорости, поэтому ее призыв к осторожности удивил меня вдвойне. Я обернулся и увидел ужас в прекрасных голубых глазах. Что ее напугало? Какую незамеченную мной угрозу уловило ее подсознание? Не было ли то предвидение, на какое способен только детский ум, свободный от предрассудков и предубеждений? Я моментально сбросил скорость и вместо диска Simply Red поставил Modern Talking. Оставшиеся до дома пятнадцать минут мы молчали. Дети сразу пошли спать. Эмбер все еще выглядела напуганной.

У меня почти закончился гашиш. У нас гостили сестра Джуди Маша и ее приятель Найджел. Они отправились за гашем на площадь Гомила, но пока не вернулись. Мне пришлось удовольствоваться маленьким косячком.

В половине девятого утра зазвонил телефон: Дэвид Эмбли звал поиграть в теннис. Сказал, что зайдет примерно через час. Я поднялся. Франческа уже проснулась, поэтому я приготовил нам обоим легкий завтрак. Заглянул в свою коробочку, где хранился гашик. Она больше не пустовала. Отлично сработано, Маша! Она оставила записку, сообщая, что отправилась с Найджелом в «Клуб де мар» искать работу на пришвартованных там яхтах.

Телефон зазвонил снова. Это был Мак-Канн:

— Гони мою долбаную наркоту и мои гребаные бабки! Моей жене и детям угрожали. Дело серьезное, и ты, мудила, виноват в том, что на всех наехали копы.

— Я не виноват, что вы продолжили без меня, что Роджер в тюряге.

— Тогда узнай у него, где все. Отправь кого-нибудь в тюрягу! Она у тебя под боком, жопа!

Случайно или, может быть, нет, но следующей позвонила жена Роджера, Мари. Она хотела зайти — только что встречалась с Роджером и узнала кое-что важное.

Едва закончив разговор с Мари, я снова услышал звонок, похоже международный. Но кроме шумов в трубке я ничего не разобрал, и нас разъединили. Позвонили опять. На сей раз это был Том Сунде. Поговорил о повседневных делах минуту-две и

повесил трубку.

Между нами было условленно, что если он начинает телефонный разговор с вопроса: «Ну как дела?», — это сигнал опасности, причем нешуточной. Я прокрутил в голове разговор, но, хоть убей, не мог вспомнить, с чего он начал. Мне было все равно. Никого не арестовывают рано утром в понедельник. Скорей уже в пятницу, под вечер, когда адвоката не отыщешь ранее шестидесяти часов, или в любой день на рассвете, чтобы застать жертву врасплох, страдающей от похмелья.

Я решил окунуться, взглянул на цепочку с тремя тайскими Буддами и вспомнил слова Сомпопа: «Можешь носить в море, но не в ванной». А что такое наш бассейн: маленькое море или большая ванна? Черт его знает... Иногда я снимал цепочку, перед тем как поплавать в бассейне, иногда не снимал. В тот день я ее снял.

Вылезая из бассейна, услышал сигнал переговорного устройства на воротах. Я почти никогда не просил гостей себя называть и сейчас автоматически нажал кнопку замка. Это была Мари. Она выпила кофе и поговорила с Франческой, пока я натягивал шорты и футболку.

Снова ожило переговорное устройство, и я впустил Дэвида Эмбли, одетого для тенниса. Он ушел через десять минут, пообещав вернуться в течение часа.

От ворот донесся гудок. Я подумал, что это Дэвид — забыл что-то и вернулся. Однако во внутренний двор не спеша вошли трое полных мужчин средних лет в обычной, гражданской одежде и уставились на верхушки пальм. Накануне вечером Джуди упомянула, что соседи согласились подрезать деревья, привести их в порядок. Я предположил, что это и есть предложившие помощь доброхоты и направился во двор, чтобы их встретить.

Один вдруг выхватил пистолет и ткнул мне дулом в живот. Его губы дрожали, руки тряслись, очки запотели, а изо рта несло перечной мятой. «Двадцать лет тюрьмы», — пронеслось у меня в голове. Франческа вскрикнула — этот крик я до сих пор слышу каждый день. Ее папочку собирались убить. Повинуясь наитию, я поднял руки и сказал по-испански: — «Tranquilo! Tranquilo!»[80]

Заведя мои руки за спину, надели наручники. Меня затолкали в кухню, на диван. Франческа, дрожа от страха, подбежала ко мне, бросилась целовать и обнимать. Один из незнакомцев оттащил ее. В панике она кинулась наверх, к Джуди, которая еще спала. Несколько человек, ворвавшихся в кухню, погнались за ней, как за сбежавшим психом. Мари остолбенела, когда полицейский схватил ее сумочку и вытряхнул все содержимое на стол. Другой, чувствуя себя как дома, уселся на

табуретку. У него были глаза садиста и улыбка, выдававшая почти сладострастное наслаждение. Белая рубашка с открытым воротом и усы а-ля Сапата[81] делали его похожим на испанца, но на нем стояло клеймо DEA. Не был ли это Крейг Ловато?

— Es Policia National?[82] — спросил я.

— Si[83], — неубедительно ответил он.

Двое полицейских ввели на кухню Дэвида Эмбли. На него тоже надели наручники. Он старался не встречаться со мной взглядом. Полицейские показали знаками, что мы уходим. Я спросил разрешения переодеться. Не разрешили. Не дали попрощаться с женой и детьми. Нас с Эмбли повели к патрульным машинам на улице. Выходя за ворота, я бросил взгляд на окно спальни. Может, никогда больше не увижу этот дом. Джуди зашлась криком, когда за мной захлопнули дверь машины.

Она успокоится через несколько дней, утешал я себя. Будет навещать меня с детьми, сколько сможет. У нас еще достаточно денег. Наверняка больше двух лет в тюрьме меня не продержат. Мы уже переживали такое. Улик нет. В любом случае Испания не выдаст меня янки. Это слишком независимая страна, чтобы равняться на Америку в ее странной войне с наркотиками. Здесь люди курят гашиш на улице. Я отсижу срок в испанской тюрьме. Ничего страшного. Усовершенствую свой испанский.

В полицейском участке Пальмы мне сообщили, что я арестован за контрабанду наркотиков.

Я не удивился и попросил объяснений, но не получил их. Мне дали бланк, чтобы я вписал имена тех, кого следует известить о моем аресте. Я указал фамилию Рафаэля. Ему вряд ли придется по вкусу новость, что меня осудили за контрабанду наркотиков, но мы неплохо ладили и в его власти облегчить мои страдания. Как-никак он главный комиссар полиции. Есть ли у меня адвокат? Я вписал Хулио Мореля, адвоката Льофриу. Хочу ли я, чтобы известили английского консула? Да, хочу.

Без лишних церемоний нас освободили от личных вещей и отправили в разные камеры временного содержания. Я оказался в обществе какого-то пьяного до бесчувствия субъекта и молодого перуанца, который утверждал, будто является членом «Сендеро Луминосо»[84]. Вот уже тридцать дней он ожидал депортации. Перуанец уверял, что завтра после обязательной явки в суд меня отвезут в центральную тюрьму Пальмы. Он успел изучить местные порядки за последний месяц. Сказал, что центральная тюрьма мне понравится: полно свободного времени, куча наркотиков, свидания с семьей. Я лег на бетонный пол, потому что больше лечь было некуда. Ни тебе нар, ни воды, ни сигарет.

Я думал о том, что полиция могла найти при обыске. Гашиш,

который достала Маша, полмиллиона песет, моя электронная записная книжка с телефонными номерами, которые я не выучил наизусть. Ничего особенного. Даже если лондонские копы уже перевернули вверх дном нашу квартиру в Челси, они не отыскали там ни записей о сделках с наркотиками, ни других компрометирующих документов.

Интересно, не арестован ли я из-за участия в той сумбурной сделке с марокканским гашишем? Навряд ли... Если бы немцы посчитали меня соучастником, повязали бы вместе с Роджером. С другой стороны, он мог свалить на меня ответственность за всю операцию, надеясь избавить себя от неприятностей. Может, меня задержали в связи с арестом марихуаны в Ванкувере? Нет, канадцы не склонны тратить деньги на отлов тех, кто промышляет марихуаной. Это, должно быть, янки. Я впал в сонное оцепенение, отравленное страхом.

Появился тюремщик, сунул мне малоаппетитный бутерброд, спросил, не свести ли меня в уборную. Возвращаясь из загаженной туалетной комнаты, я пристально вглядывался в зарешеченные окошки на дверях камер, надеясь увидеть Эмбли. В одном из окошек появилось лицо. Эмбли! Надеюсь, он не очень перепугался. На лице было написано страдание. Из глаз, полных вселенской тоски, текли слезы. Это была Джуди. Нет, только не она, Господи!

— Милая, почему ты здесь? Где наши дети?

— Они собираются выдать меня Америке, — прорыдала Джуди. — Разлучить с детьми. Говард, останови их, пожалуйста! Ради бога, останови их!

— Silencio! Silencio! No hable![85] — заорал тюремщик.

— Pero es mi esposa[86], — взмолился я.

— Mas tarde, mas tarde[87], — бросил он, хватая меня за руку.

Это было немыслимо. За что могли потребовать экстрадиции Джуди? С тех пор как я вышел из тюрьмы в 1982 году, она не нарушила закон ни в одной стране, не считая США. Постоянно пилила меня, чтобы прекратил заниматься контрабандой. Что происходит? Где наши дети? Я лег и попробовал успокоиться.

На часах тюремного надзирателя было шесть вечера, когда он снова открыл камеру. На меня надели наручники и отвели в помещение на верхнем этаже. Там в окружении четырех или пяти человек сидела Джуди, ошеломленная, не помнящая себя от горя.

— Смотри, что они задумали! — сказала она, протягивая документ, из которого следовало, что Соединенные Штаты добиваются ее экстрадиции за соучастие в поставках нескольких сот тонн марихуаны и гашиша в 1970 году. — Говард, мне тогда было всего пятнадцать. Я с тобой познакомилась только через

несколько лет и даже после этого не сделала ничего противозаконного. Что они выдумывают? Я не могу оставить детей.

— Милая, а где дети?

— Они с Машей, слава богу. Говард, не дай им это со мной сделать! Ты не можешь этого допустить. Они не могут так со мной поступать.

— Они рехнулись, Джуди. Совсем рехнулись. Успокойся, Рафаэль и его адвокат должны вот-вот приехать.

Джуди никак не могла успокоиться, и ее вывели. Мне вручили документ, похожий на тот, что был у Джуди. Соединенные Штаты требовали моей экстрадиции, потому что я возглавлял организацию, которая с 1970 года незаконно ввозила в эту страну сотни тонн гашиша. Я недостаточно хорошо знал испанский, чтобы понять остальное.

Двое полицейских в штатском и государственный адвокат не говорили по-английски, переводчик изъяснялся на английском весьма посредственно. И все тараторили одновременно. Я плохо понял, о чем шла речь, но сделал вывод, что адвокатская контора Хулио Мореля закрыта на выходные, а Рафаэлю не звонили. Я должен был обходиться государственным адвокатом, который все спрашивал, не хочу ли я добровольно отправиться в Соединенные Штаты и сделать соответствующее заявление. Он сунул мне целую кучу бумаг: подписывайте! Я вытаращил на него глаза.

— Puedo fumar, por favor?[88] — спросил я, потянувшись за сигаретами адвоката.

Один из копов в штатском, явно старший по званию, взглянул на меня, улыбнулся и дал прикурить. Похабно сострил по поводу книжки, которую про меня написали, и сказал, что арестовано еще несколько моих друзей. Словно в доказательство, дверь открылась, и вошел Джеффри Кенион. Он тоже был нужен американцам. Нам не разрешили разговаривать. Меня отвели обратно в камеру.

Через пару часов я вновь оказался в том же самом помещении, где теперь ожидал полицейский, ткнувший мне дулом в живот. Он пригласил меня садиться.

— Ты действительно собирался меня пристрелить? — спросил я.

— Прости, Говард! Прости! Solo para la seguridad. Lo sien-to[89], Говард.

В комнату вошел человек в штатском и сел напротив меня.

— Tiene cigarillos, por favor?[90] - очень вежливо поинтересовался я.

— Не курю, извини, — ответил он на незамысловатом

английском.

— Кто вы такой? — спросил я.

— Просто часть организации.

— Какой организации?

— Скоро поймешь.

— Где Ловато? — спросил я.

Он выпрыгнул из кресла и вылетел из комнаты. Спустя несколько минут дверь открылась, пропуская полного человека, который выдавал себя за испанского копа. Так это действительно Крейг Ловато!

— Хэлло, Говард! — осклабился он и повернулся ко мне спиной, так что его необъятная задница оказалась в нескольких сантиметрах от моего лица. Он не хотел быть грубым — просто пропихивался между столом и креслом, а это оказалось непросто. — Крейг Ловато, DEA. — Он протянул руку.

Я пожал ее.

— Как поживаете, мистер Ловато? Скажите, у вас есть сигареты?

— Знаешь, Говард, я в жизни не курил. Не знаю, зачем люди это делают.

— Считаете, курение должно быть запрещено, мистер Ловато?

— Не мне решать. Меня интересуют те, кто нарушают законы, а не те, кто их издает. Полагаю Говард, ты знал, что произойдет, и это меня сильно беспокоит.

Должно быть, он метил в Сунде и Карла.

— Я хочу установить с тобой контакт. Зови меня Крейг! Я бы предпочел, чтобы ты согласился на экстрадицию добровольно.

Ловато открыл ящик стола, выудил пачку сигарет, зажигалку и пододвинул мне. Я сделал несколько глубоких затяжек.

— Как насчет моей жены? Отпустите ее и везите меня в Америку хоть сегодня.

— Это решение должен принять Боб О'Нил, помощник федерального прокурора в Майами, штат Флорида, который поддерживает обвинение против тебя. И не раньше, чем ты окажешься в Америке.

— В чем ее обвиняют?

— Я точно не знаю. Это определяет управление федерального прокурора Майами. Полагаю, что в сговоре с целью ввоза контролируемого вещества из списка А.

— Она никогда не говорила, что занимается чем-то подобным. Вы в этом уверены?

Президентская комиссия по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью отдала

распоряжения правоохранительным органам в нескольких странах расследовать некоторые факты, имеющие отношение к твоей преступной деятельности. Помощник федерального прокурора Боб О'Нил, основываясь на полученных данных, посчитал, что доказательств против Джудит достаточно, чтобы предложить их на рассмотрение большого жюри в Майами. И большое жюри предъявило ей обвинение.

— Так в чем именно ее обвиняют?

— В том, что она использовала телефон для содействия твоей незаконной деятельности.

— Вы имеете в виду, что она могла принимать телефонные сообщения для меня в нашем доме в Пальме? Это что, запрещено?

— По всей видимости, Говард. Конечно, это запрещено в Соединенных Штатах. Не помню, каким именно законом.

— Моя жена в тюрьме, потому что отвечала на телефонные звонки? Именно поэтому вы требуете ее экстрадиции и хотите посадить в Соединенных Штатах? Я слышал, что в DEA крутые ребята. Как это у вас называется? «Нулевая терпимость», да? Рыскать повсюду и конфисковывать у людей прогулочные яхты, если на борту нашелся бычок с дурью? Совсем рехнулись?! Почему бы не потребовать экстрадиции моего годовалого сына? Думаю, он отвечал на звонки при случае.

— Говард, я лишь слежу за соблюдением закона.

— Каким бы он ни был, Крейг?

— Каким бы он ни был, Говард.

— Вам даже не приходится думать. Должно быть, жизнь от этого гораздо проще.

— Конечно, проще, Говард.

— В чем меня обвиняют?

— Опять же это определяет управление федерального прокурора но, как я понимаю, ты обвиняешься по четырнадцати пунктам в сговоре, отмывании денег и других правонарушениях, предусмотренных Законом о RICO[91].

— Что это за закон?

— В Соединенных Штатах тебе назначат адвоката. Он и растолкует.

— Очевидно, что я буду всячески противиться своей экстрадиции, пока вы не отпустите мою жену.

— Возможно, тебе и удастся избежать выдачи из-за какой-нибудь формалистики. Но я человек азартный. Я из Лас-Вегаса. Бьюсь об заклад, что припру тебя. Назови код к базам данных твоей электронной записной книжки?

— Не помню.

— Говард, мы всегда можем попросить людей из Вашингтона

разгадать шифр.

— Да, они должны его легко раскрыть, только могут все похерить. Как там лорд Мойнихан?

Он немного опешил, но тут же нашелся:

— Думаю, Говард, он выйдет из дерьма, благоухая, как роза. Кстати, он думает, что ты его заказал. Он под нашей защитой. Я также уполномочен тебе сообщить, что коллеги во Флориде только что арестовали Патрика Лэйна. Сейчас он в Исправительном центре Большого Майами. Чи Чуен Ло, известный тебе как Балендо Ло, сегодня утром арестован людьми из Скотленд-Ярда. Дни вашего туристического агентства сочтены, Говард. Кроме того, я уверен, что ты где-то спрятал кучу денег.

— Да не было у меня никогда денег. Почему арестовали Балендо? Он-то чем провинился?

— Он был частью организации, которую мы называем «картелем Маркса». Работал на тебя, Говард. Мы это знаем.

— Он чертов туристический агент. Ничего больше. А что еще за картель Маркса?

— Управление федерального прокурора имеет причины полагать, что Балендо Ло, или Чи Чуен Ло, сознательно помогал организовывать международные перелеты членов картеля. Картель Маркса — это твоя организация, Говард. Ты ведь слышал про Медельинский картель в Колумбии? Не прикидывайся.

— Я думал, что картель — это группа людей, которые договариваются об определенных вещах, типа цен на товары. С кем я договаривался в картеле Маркса? С самим собой, что ли?

— Это немного напоминает «Дженерал моторе», Говард. Все взаимосвязано.

Я уже с трудом его понимал. Один из нас явно лишился рассудка.

— Тебе будет интересно услышать, Говард, что Малика тоже собираются арестовать в Карачи.

— Думаете, Пакистан вам его выдаст?

— Он доставит нам немало хлопот, особенно если принять во внимание его близкие отношения с президентом Зией. Так или иначе, мы его достанем. Он тоже часть картеля Маркса.

— Почему вы арестовали Дэвида Эмбли? Он что, еще один член картеля и подлежит выдаче?

— Решение арестовать Дэвида принимали испанские власти, так что это их дело, когда его отпустить. Конечно, я обязательно скажу, что, на мой взгляд, он просто оказался не в том месте и не в то время. Кстати, у тебя прекрасные дети.

— Пожалуйста, поговорите с Джуди! Скажите, что у нее есть шанс выйти на свободу, если я соглашусь на экстрадицию.

— Не люблю разговаривать с полоумными. А Джудит совсем обезумела.

— Так вам не с кем словом перекинуться.

— Увидимся завтра, Говард, в тюрьме. Пора отпустить испанских коллег домой, к семьям. Они наверняка соскучились по дому.

Когда я вернулся в камеру, алкаш уже проснулся и выкрикивал что-то на каталонском. Террорист-перуанец закрыл лицо руками, словно говоря: «Прошу не беспокоить». Я лег на пол, и меня захлестнула волна печали. Дела были плохи, и, казалось, мне не остается ничего другого, кроме как взять себя в руки, собрать в кулак волю и дать закончиться худшему дню в моей жизни.

Назавтра, едва рассвело, меня сфотографировали, взяли отпечатки пальцев, записали данные. Надзиратели и служащие тюрем, которые оформляют вновь прибывших, склонны перевирать имена, адреса и не спешат исправлять свои ошибки, которые в дальнейшем вызывают миллион проблем. Специально это делают, что ли? После оформления меня отвели в приемную, где уже томились Джуди и Джеффри. Дэвида Эмбли я не увидел. Должно быть, Ловато его отпустил. Джуди находилась в ужасном состоянии, не переставая рыдала и пила успокоительное. Тюремщик начал надевать на нее наручники.

— Hombre, es mi esposa. No necesitan estos[92], — запротестовал я. Мне невыносимо было видеть Джуди в наручниках.

— Todos son iguales. Todos tienen esposas. Esposas, tambien, tienen esposas[93], — сказал тюремщик, чем вызвал веселое оживление среди своих коллег. До меня не сразу дошло, что испанское слово esposas означает и «жены», и «наручники». После этого на наших запястьях довольно грубо защелкнули «браслеты».

Джеффри выглядел совсем убитым, но он не проронил ни слова. Нас засунули в полицейский фургон и отвезли в потрясающе красивый Дворец правосудия. Во время пятиминутной поездки в суд Джеффри хранил молчание. Джуди безутешно рыдала.

Выйдя из фургона, мы словно угодили на съемочную площадку. В глаза ударил свет юпитеров, вспышки фотокамер галдящих журналистов. Нас быстро провели через толпу в камеры временного содержания, а потом одного за другим отконвоировали в коридор, где находились кабинеты судей, махистрадос. Должно быть, мы оказались на том самом втором этаже, откуда всего несколько недель назад рванул Роджер Ривз. Вот уж точно храбрец.

Махистрадо, молодой человеком приятной наружности, через

переводчика объяснил, что в связи с требованием США об экстрадиции, меня должны передать в распоряжение Аудиенсии Насиональ, Национального суда в Мадриде. Я мог согласиться на экстрадицию или противодействовать ей, рассчитывая на защиту испанского закона. Я попросил разрешения позвонить детям и тотчас получил в свое распоряжение телефон. Ответила Маша. С детьми было все нормально. Я заверил, что буду добиваться нашего с Джуди скорейшего освобождения.

Мы провели несколько часов поодиночке в камерах дворца. Ко мне пустили испанского адвоката, который на превосходном английском сообщил, что его зовут Луис Морель. Он, хоть и был дальним родственником Хулио Мореля, которого я выбрал в защитники, явился не от него. Хулио, по всей видимости, не захотел иметь к нашему делу никакого отношения. Луиса нанял Боб Эдвардес, чтобы испанец представлял меня и Джуди. Этот Морель мне сразу понравился. Я получил от него деньги, блок сигарет и чистую одежду. Луис сказал, что встретится с нами в тюрьме, как только сможет.

На улице все еще толпились журналисты, когда нас троих отвели обратно в тюремный фургон. Должно быть, они работали в газетах и радиовещательных компаниях Пальмы. Мальорка маленький остров. Интерес местных к происходящему можно было понять. Джуди выглядела получше. Она тоже смогла поговорить с детьми. Мы смотрели друг на друга, когда тюремный фургон подъезжал к центральной тюрьме Пальмы, и оба думали об одном. Рафаэль както показал нам это здание и заметил, что тюрьму специально построили в таком месте, чтобы в ней нельзя было скрыться от палящего солнца. Мы выбрались из фургона, встреченные дружелюбными улыбками надзирателей, фунсионариос и заключенных, пользующихся доверием начальства. Они курили сигареты и пили пиво из банок. У меня забрали обручальное и помолвочное кольца. Больше я их никогда не видел. Тюремщики спорили, в какие камеры нас определить.

— Может, посадите меня вместе с мужем? — спросила Джуди —к ней вернулась способность шутить.

Фунсионариос заржали.

— Могли хотя бы попробовать, — заметила Джуди, слабо улыбнувшись.

Ее препроводили в женское отделение, Джеффри и меня—в мужское.

Нас вывели на пустой тюремный двор для прогулок.

— Прости, Джеффри! Никогда не думал, что может произойти такое. Уверен, тебя скоро освободят.

— Не беспокойся. Нет доказательств, что я как-то нарушил

закон. Не хотел бы оказаться на твоем месте. Как представлю, что моя жена угодила за решетку... Это может обернуться для тебя очень серьезными последствиями, Говард. Очень серьезными. И я думаю, что за случившимся стоит Дэвид Эмбли. Подумай об этом!

Я не мог об этом думать.

Поразительно, но нас с Джеффри поместили в одну камеру. Через несколько минут в дверь постучали, заключенный, которому разрешалось ходить по тюрьме, просунул под дверь всякие полезные вещи — посылку от Роджера Ривза. Там были сигареты, косметика, писчие принадлежности, еда, пиво, журналы, тюремные денежные жетоны и записка от Роджера. Он видел нашу явку в суд по телевизору. И у него можно было разжиться дурью, если я захочу покурить.

Дверь в камеру открылась. Мне велели собирать вещи. Сказали, что переводят в тубо, то есть в трубу. И что это за труба такая? Меня подвели к двери, на которой огромными буквами было написано MUY PELIGROSO[94]. За дверью находилась камера, а в ней — пустая клетка немного меньших размеров. Я оказался в тройном заключении: клетка, камера, тюрьма. Два огромных таракана опасливо вылезли из загаженной дырки туалета. Они намного превосходили своих сородичей из Брикстонской тюрьмы или Уондзуорта. С такими тварями ужиться тяжело. Наступила ночь. Я улегся на грязный матрас и курил сигарету за сигаретой, пока не рассвело. За дверью остановилась тележка.

— Я утренний фунсионарио. Будете завтракать, сеньор? Он назвал меня сеньор?! Удивительно.

— Да, пожалуйста, — ответил я.

Дверь открылась, и надзиратель втолкнул в камеру поднос с завтраком, довольно-таки неплохим для заключенного.

— Я вернусь позже, сеньор, посмотреть, не надо ли добавки.

Он не вернулся, но его намерения были похвальными.

Все утро меня опрашивали несколько тюремных чиновников и социальных работников. После обычной процедуры снятия отпечатков пальцев и фотографирования меня отвели обратно в клетку и дали еще первоклассной еды. Я задремал.

— Деннис Гувард Маркс! — рявкнул голос по ту сторону клетки.

Я вскочил на ноги.

— Si.

— Tlene visita[95].

Камеру и клетку отперли, и меня отконвоировали из трубы в помещение для свиданий, разделенное на кабинки, где арестанты переговаривались с посетителями сквозь перегородку из пуленепробиваемого стекла. Казалось, тут все друг друга знают.

Посетители метались от одной кабинки к другой, крича на нескончаемые вереницы орущих детей. Шум стоял невероятный. Каждого заключенного навещало в среднем по шесть человек. Говорить полагалось через несколько отверстий диаметра сигареты в нижней части стекла. Ты видел и слышал решительно всех, кроме того, кто пришел тебя проведать.

— Cabina niimero uno. Solo cinco minutos[96], Гувард. Всего пять минут?! Еще бы — это не семейное свидание.

Я сел напротив Маши. Казалось, что она очень хорошо держится. С детьми все было в порядке. Она уже разговаривала с сестрой. Адвокат только что встретился с Джуди и сейчас пошел к директору тюрьмы. Полиция конфисковала наши автомобили и еще много чего в доме, но мой кусок гашиша не нашли. Квартиру в Пальма-Нова, которую я купил у Рафаэля, арестовали. Эта новость меня обеспокоила, потому что там, в потолке, я спрятал большую жестянку с травкой и один из моих поддельных паспортов. Я объяснил Маше, где находился тайник. Она обещала посмотреть. Передачу — одежду, книги, английские и испанские газеты за последние три дня — Маша отдала фунсионариос.

Мы проговорили всего две минуты, когда я почувствовал, что кто-то дергает меня за штанину, я огляделся. Роджер Ривз! Он стоял на четвереньках, размахивал банкой пива и тремя косяками.

— Выпей! А косари спрячь в трусы. Не нравится мне вся эта заварушка. Чувак, я поверить не мог тому, что видел по телику. Почему эти сукины дети упекли Джуди? Я молюсь за нее. Знаешь, то же самое со мной проделали в Джорджии много лет назад. Они арестовали Мари. Грязные подонки. Но теперь я знаю, как отсюда выбраться. Я просил Бога, чтобы подсказал способ. Мари собирается перекинуть веревку через стену в прогулочный двор. При помощи арбалета. Я подкупил нескольких фунсионариос. Сегодня ночью я вытащу тебя из камеры. Пойдешь со мной. За Джуди мы вернемся. Отправимся в Южную Африку выращивать коноплю. Мари и Джуди там понравится. Господи, это прекрасная страна. Здесь сидит человек из Роттердама. Он может переправлять траву из Южной Африки в Голландию. Знаешь, сколько сейчас стоит хорошая трава в Голландии? Кстати, я уверен, что твой ирландский друг всех нас кинул.

Я с трудом понимал, о чем он толкует.

— Роджер, я должен поговорить с Машей. Осталось только две минуты.

— О Господи! Говард, прости! Увидимся позже. Да благословит тебя Господь!

— Майкл Кац приехал в Пальму, — сообщила Маша. —

Собирается прийти к тебе с испанским адвокатом.

— Termina, Hooward, por favor, ahora[97].

Маше велели уходить: свидание окончено. Мне отдали ее передачу и отвели назад в тубу, но сразу же вернули в кабинку для свиданий. На сей раз меня ожидал Луис Морель. Он рассказал все без обиняков: американцы лезут из кожи вон, чтобы меня заполучить, журналисты растрезвонили о моем аресте, так что едва ли удастся убедить испанский суд не соглашаться на экстрадицию. У Джуди гораздо больше шансов. Так или иначе, нас обоих перевезут в Мадрид и будут держать там, пока Национальный суд не примет окончательного решения. Морель хотел попытаться освободить Джуди под залог, а если не удастся, всячески оттягивать ее перевод в мадридскую тюрьму, чтобы она могла видеться с детьми. Они собирались навестить нас с Майклом позднее.

Вернувшись в клетку, я проглядел газетные сообщения. Одни выдумки. И уважаемые издания, и бульварная пресса напечатали пресс-релиз Управления федерального прокурора во Флориде о том, что пресечена «самая крупная в истории сделка с марихуаной». Томас Кэш, официальный представитель DEA, назвал меня «Марко Поло в контрабанде наркотиков». По его уверениям я манипулировал «тысячами тонн». «Дейли экспресс» и «Дейли мейл» наплели, будто я руководил «империей каннабиса с капиталом в двести миллионов фунтов», используя в преступных целях «подводные впадины и тайники, отмеченные океанографическими буями». Один из тайников, пещеру на Коста-Брава, якобы отыскали и обнаружили внутри пятнадцать тонн лучшего ливанского гашиша, несколько катеров и склад пулеметов. Я владел флотом грузовых кораблей, финансовыми компаниями, недвижимостью по всему миру. Поддерживал связи с самыми могущественными гангстерами, секретными службами и террористическими организациями. Я хвастался, что «слишком умен и хитер, чтобы меня поймали». «Дейли миррор» величала меня «одним из самых хитрых наркобаронов всех времен, главарем безжалостной структуры, которая выступала достойным противником мафии или запуганных колумбийцев». Сообщалось, что одного из моих приспешников-террористов, Джеймса Мак-Канна, боевика Временной ИРА, также арестовали в Пальме. Какого черта Джим делал на Мальорке?

Известие об аресте Мак-Канна побудило пресс-центр ИРА в Белфасте сделать, как я полагаю, первое официальное заявление относительно Кида. Оно гласило: «Ирландская Республиканская Армия отказывается признавать любые предположения прессы относительно того, что Джеймс Мак-Канн, арестованный за

контрабанду наркотиков, когда-либо участвовал в нашем движении или в нашей борьбе. Наше отношение к наркотикам и перевозке их хорошо известно».

Газеты уверяли, что моя организация была раскрыта в ходе совместного расследования Скотленд-Ярдом и ФБР дела о похищении в ноябре 1983 года из хранилища Бринкс-Мат в аэропорту Хитроу золотых слитков на двадцать шесть миллионов фунтов. Доказательством моей изощренной изобретательности послужили пустые тюбики для зубной пасты, обнаруженные у меня дома. Они якобы использовались как контейнеры для сообщений, которые мои курьеры перевозили по всему миру.

Я тщетно пытался переварить эту кашу, когда меня снова вызвали из клетки — теперь уже в кабинет директора тюрьмы Хоакина Мехуто, где находились Луис Морель и Майкл Кац. На Каце была одна из моих рубашек, подарок Эмбер. Луис объяснил, что, приняв во внимание шум вокруг моего ареста и сопряженные с ним юридические сложности, сеньор Мехуто любезно предоставляет мне свой кабинет для свиданий с адвокатами. Прежде чем оставить нас наедине, сеньор Мехуто хотел бы узнать, нет ли у меня каких-либо просьб. Я высказал пожелание встретиться с Джуди. Сеньор Мехуто кивнул и удалился.

— Спасибо, что пришел, Майкл, — поблагодарил я. — Кого еще арестовали?

— Насколько мне известно, Роджера Ривза, Джона Денби, Эрни Комбса...

— Подожди-ка, Майкл! Да ведь эти ребята уже тысячу лет сидят в тюрьме.

— Предполагаю, их арестовали повторно по новому обвинению. Еще взяли Патрика Лэйна, Балендо Ло, Джеймса Ньютона, Тереситу Кабальеро, Джона Фрэнсиса, Брайана Дэниелса...

— Последние три имени мне ничего не говорят.

— Тем не менее их имена фигурируют в обвинительном акте. Производились и другие аресты. Полицейская операция охватывала девять стран: Великобританию, Испанию, Филиппины, Таиланд, Нидерланды, Пакистан, Швейцарию, США и Канаду.

— В чем обвиняют арестованных?

— Пока не знаю, но уверен, что в сговоре и правонарушениях, подпадающих под статьи RICO.

— Что такое RICO?

— Не знаю. Спрошу друга — он адвокат, практикует в Мичигане, ведет дела, связанные с наркотиками.

— Почему арестовали Мак-Канна?

— Джеймса Мак-Канна никто не арестовывал, Говард.

Испанские власти дали официальное опровержение в газетах. Кроме того, они заявили, что ты не имеешь никакого отношения к пятнадцати тоннам ливанского гашиша, обнаруженного в пещере на Коста-Брава. К тебе приходил кто-нибудь из DEA?

— Да, я беседовал с Крейгом Ловато в комиссариате. Он собирался наведаться ко мне сегодня. Надеюсь речь пойдет о сделке: мое согласие на экстрадицию в обмен на свободу Джуди.

— Дело твое, но я бы не советовал соглашаться. Это тот самый агент DEA, что участвовал в твоем аресте? Он тебя допрашивал?

— Да, немного. Только он и допрашивал.

— Вот как?! Он нарушил американский закон! — воскликнул Кац.

— Что за закон? — заинтересовался я.

— Поправку Мэнсфилда. Ее приняли несколько лет назад, чтобы воспрепятствовать участию агентов DEA в допросах с пытками, как было в Мексике. Уж они там повеселились, туша сигареты о яйца американских наркодилеров. Сотрудникам правоохранительных органов США больше не разрешается проводить аресты и допросы за границей. Ловато круто обломался. Благодаря этому ты можешь избежать экстрадиции.

Я обрадовался, но Луис Морель, похоже, не разделял моего воодушевления.

— Ты знаешь, что тебя подставил лорд Мойнихан? — спросил Кац.

— Я знаю, он намеревался это сделать. Но я никогда не имел с ним общих дел и не говорил ничего лишнего.

— Он главный свидетель обвинения, но испанские суды не принимают в расчет показания соучастников преступления, особенно провокаторов, так же как и телефонные разговоры. Чтобы добиться твоей экстрадиции, необходимо доказать, что для возбуждения дела есть достаточно серьезные доказательства, признаваемые таковыми испанскими судами. Что они могут предъявить? Практически ничего. Что касается Джуди, ее отпустят сразу же. Джуди обвиняют в сговоре, а испанский закон не предусматривает наказания за сговор. Все договоры об экстрадиции включают оговорку о «двойной преступности». Испания не может выдать Джуди Соединенным Штатам, пока деяние, в котором ее обвиняют американцы, не будет признано преступным по испанским законам. Например, если бы Саудовская Аравия потребовала моей экстрадиции на том основании, что я употреблял алкоголь, пока молился в Мекке, ни одна страна, где алкоголь легален, меня не выдала бы. Кодекс Наполеона[98], положенный в основу испанского законодательства,

не предусматривает такого преступления, как сговор. Испанцы должны ее освободить, по крайней мере отпустить под залог, пока Национальный суд в Мадриде не откажет в ее экстрадиции. Думаю, и в твоем случае можно было бы упирать на принцип «двойной преступности», хотя, конечно, это зависит от характера обвинений. Я с надеждой взглянул на Мореля.

— Ты согласен, Луис? — спросил Кац.

— В отношении Джуди, наверное, да. Но испанцы не хотят злить Америку. Предотвратить твою экстрадицию, Говард, будет сложно. Думаю, нам пора. Сейчас вернется сеньор Мехуто. Мы придем завтра.

Поблагодарив Мехуто, они ушли. Директор привел с собой заключенного, который прекрасно говорил и по-английски, и по-испански. Мехуто хотел задать мне несколько вопросов.

— Директор хочет знать, будешь ли ты отвечать на вопросы прессы.

— Нет.

— Директор понял так, что ты хочешь встретиться с женой.

— Да. Это возможно?

— Тут вот какое дело: журналисты — друзья директора. Если ты с ними встретишься, он оставит тебя наедине с женой на двадцать минут.

Очевидно, журналисты хорошенько «подмазали» Хоакина Мехуто.

— Хорошо, я с ними встречусь.

— Директор распорядится, чтобы привели твою жену.

Сопровождаемый одним лишь этим заключенным, я проследовал в комнату, где стояло несколько стульев, стол и диван, присел. Привели Джуди. Она ужасно выглядела и была очень расстроена:

— Говард, что происходит? Я не собираюсь разговаривать с журналистами. Ты читал это дерьмо, что про нас написали в газетах?

— Джуди, это был единственный способ с тобой встретиться. Сочувствие общественности нам поможет.

Дверь широко распахнулась, и в помещение вломилось не менее тридцати журналистов. Отпихивая друг друга, они щелкали вспышками, устанавливали диктофоны на стратегические позиции. Нам бросили сигарет и засыпали вопросами.

Я повторил заявления, сделанные в Олд-Бейли и Управлении налоговых сборов. Заверил, что не участвовал в контрабанде марихуаны с 1973 года. Конечно, у меня оставались друзья среди тех, кто этим занимался, и я активно выступал за легализацию

марихуаны, но те скромные капиталы, которыми я владею, заработаны честным путем — как доходы от туристического бизнеса, различных коммерческих компаний и финансовых проектов. Я аккуратно описал подробности моего ареста, решительно заявил, что Джуди невиновна, и обратился к испанским властям с просьбой ее отпустить.

Бесконечные вопросы про одно и то же нас утомили. Джуди была на грани срыва и слишком ослабела, чтобы сдерживать слезы. Журналисты ушли. Нас с Джуди оставили вдвоем на двадцать минут. От усталости и нервного потрясения мы способны были только смотреть друг другу в глаза и держаться за руки.

— Вытащи меня из этого кошмара, Говард! — взмолилась Джуди, когда за нами пришли. — Ради бога, верни меня к детям!

Меня отвели в душевые — один из журналистов заметил, что я весь пропах застарелым потом. Естественно, мне давно следовало помыться. Мыла в душевых не было, но все равно стало легче. Стараясь не замочить дурь, я выкурил один из тех трех косяков, которые дал Роджер. Мне вспомнились массажные салоны Бангкока и тайваньские бани. Ничто не вечно...

На следующее утро, после отменного завтрака, меня отвели в кабинет Мехуто. Тот же заключенный перевел:

— Директор хочет узнать, готов ли ты дать интервью его друзьям-тележурналистам. Ты снова сможешь встретиться с женой. Если согласен, директор сейчас тебя проводит на встречу.

Джуди выглядела хуже некуда. Ввалилась команда Ти-Ви-Эй-Эм. Интервью представляло собой повторение вчерашней пресс-конференции. Мы оба потребовали освобождения Джуди, которая без вины терпит мучения вместе с нашими детьми. То же самое было сказано журналистам испанского телевидения. И каких-то еще телекомпаний. Нам дали посмотреть дневные газеты. Одни сообщения били на дешевую сенсацию, другие выражали сочувствие. Боб Эдвардес, верный дружбе, дал длинное интервью «Дейли миррор», в котором отзывался обо мне как о человеке спокойном, преданном семье, ведущем скромную жизнь. Попадались и совершенно нелепые публикации. Пара бульварных газетенок утверждала, будто Джеффри Кенион принимал принца Чарлза и принцессу Диану на банкете в «Уэллиз». «Тайме» напечатала статью о том, как сорвалась попытка DEA выкрасть меня с Филиппин и увезти в Америку, обойдя тем самым процедуру экстрадиции. Интересно, почему им это не удалось? По всей видимости, власти Великобритании воспротивились похищению британского подданного на иностранной территории.

Выпавшие нам с Джуди двадцать минут снова протекли в

горестном молчании. Мы еще не отошли от шока.

Вечером меня навестили адвокаты. Кац назвал новые имена арестованных: Пэтти Хейз (подружка Эрни), Уивонна Мейер-Уиллс (жена Джерри), Ронни Робб, Филип Спэрроухок. DEA также охотилась за Джимом Хоббсом, Джорджем Лэйном, Салимом Маликом, Брэдли Александером (о котором я никогда даже не слышал), Джерри Уиллсом, Риком Брауном. Кац обратился к помощнику федерального прокурора О'Нилу с просьбой назначить Джуди залог и был намерен потребовать копию обвинительного акта. Нас уже четыре дня держали за решеткой неизвестно за что. Друг Каца из Мичигана пообещал связаться с экспертом по RICO, но сам Майкл попрежнему не знал, что это такое. Кац и Морель намеревались увидеться со мной на следующий день.

В ту ночь мне удалось поспать несколько часов. Я пробудился освеженным. Была пятница, 29 июля. Я был голоден и ждал, когда прикатят тележку с завтраком. Вместо нее появился тюремный надзиратель, из старших по званию, достаточно хорошо говоривший по-английски. Открыв камеру и клетку, он сказал:

— Говард, пожалуйста, собери свои вещи. Тебя переводят.

— Куда? — спросил я.

— Этого я тебе сказать не вправе.

— Можно мне увидеть жену?

— Нет. Это запрещено.

— А позвонить детям?

— Нет. Прошу прощения, Говард.

— Могу я связаться с адвокатами?

— Нет. Но я поставлю в известность твою семью и адвокатов, как только ты прибудешь в пункт назначения.

На меня надели наручники и отвели к главным воротам. Там стоял Роджер Ривз, тоже в наручниках.

— Говард, хорошо, что ты здесь, но у меня пренеприятнейшие новости. Американцы обвинили меня в том же дерьме, что и тебя. Шьют RICO.

— Что такое RICO, Роджер?

— Бог знает. Говорят, что я выращивал коноплю на Филиппинах.

— Но ты ведь этого не делал?

— Нет, но я собирался. Еще как. С божьей помощью.

— А какое это имеет отношение к Штатам, Роджер?

— Я бы там ее продавал. Знаешь, почем сейчас приличная марихуана в Штатах?

— Но ты же не выращивал траву и ничего не продавал. Как они могут тебя обвинять?

— Говард, позволь тебе кое-что рассказать про Соединенные Штаты. Что бы тебе ни шили эти сукины дети, непременно признают виновным. Я говорю о федералах. Если обвинение поддерживает штат, возможно, тебе удастся выиграть.

Я не раз выпутывался у себя дома, в Джорджии. Но теперь за нас взялись федералы, а с ними не справиться. Единственная возможность — заключить сделку в обмен на признание вины.

— Ты что, собираешься признать себя виновным, даже не зная, что такое RICO? Несмотря на то что не выращивал марихуану?

— Если меня отправят в Штаты, так и сделаю. Наверняка. Но я молюсь, чтобы не угодить туда. Похоже, меня собираются выдать Германии. Там я с божьей помощью выйду на свободу. А может, освобожусь раньше. Прошлой ночью мне почти удалось бежать. Расскажу позже.

Нас запихнули в полицейский фургон. Я потребовал назад свои кольца, но вместо них получил заверения, что кольца отправят следом. На головокружительной скорости нас доставили к паромному терминалу в порту Пальмы. Обежав взглядом знакомые силуэты замка Бельвер и величественного собора, я загрустил. Суждено ли мне снова наслаждаться всем этим вместе с семьей?

СЕНЬОР МАРКО

Фургон заехал прямо на паром. Несколько вооруженных полицейских направили на нас автоматические винтовки. Больше никого вокруг не было. Нас схватили покрепче и повели по качающемуся трапу на корабль. В конце узкого коридора находилась камера, напоминающая тюремную. Нас втолкнули вовнутрь. Охранники показали винтовки и погрозили пальцем, давая понять, что если мы сделаем какую-нибудь глупость, нас пристрелят. Закинув внутрь коричневый бумажный пакет с бутербродами, они захлопнули дверь.

— Роджер, для чего все эти предосторожности? Нас что, считают серийными убийцами?

— Видишь ли, какое дело. Вчера вечером я предложил директору тюрьмы Мехуто миллион долларов за то, чтобы он помог мне бежать, и получил согласие. Я должен был свалить этой ночью, но, думаю, этот сукин сын испугался и меня выдал.

Несомненно, это все объясняло. И я гадал, в каких условиях мы окажемся теперь.

Через пару часов паром тронулся. С того терминала, куда нас привезли, паромы ходили либо в Валенсию, либо в Барселону — восемь часов пути. Роджер громко читал вслух свой карманный Новый Завет. Молился и молился. Просил Бога о помощи, но ничего не дождался. Мы съели бутерброды. В Роджере закипала злость:

— Уверен, это сукин сын Мойнихан меня подставил. Ты говорил, что ему нельзя верить, но я не думал, что он пойдет на такое. Я убью его. Я убью этого гребаного сукина сына!

— Это не по-христиански, Роджер.

— Ну и пусть! Я все равно хочу, чтобы он отправился на небеса. Сейчас. Прямо сейчас.

Несмотря на все попытки скрыть от широкой публики наш перевод из Пальмы, он перестал быть тайной к тому моменту, как мы сошли на берег в Барселоне. Я увидел Майкла Каца в окружении взбудораженной толпы телевизионщиков и фоторепортеров. Как он там оказался? Нас отвезли в печально знаменитую барселонскую тюрьму Модело, где перебывали все испанские гангстеры. Против обыкновения у нас не сняли отпечатки пальцев, не стали фотографировать, но забрали часы и остальные личные вещи. Выдали по бутылке воды и закрыли в отдельных камерах временного содержания довольно далеко друг от друга — не докричишься. Кроме меня и бутылки в камере

больше ничего не было. Ни каменной скамьи, ни дырки в полу для отправления естественных надобностей. Дневной свет не проникал в мое узилище, равно как и звуки. Напрасно я драл глотку, добиваясь, чтобы принесли сигарет, еды, писчих принадлежностей, чтобы отвели меня в сортир — никакой реакции. Положив пластиковую бутыль под голову, я лег на кафельный пол и урвал немного сна. Помочился в углу. Коротать время таким образом несладко, но я знал, что это не продлится вечно. Просто надо потерпеть.

Прошло более суток. Меня отвели в небольшой двор, залитый светом огромных прожекторов, и разрешили погулять полчаса. Вернули сигареты и часы. После прогулки дали жареного цыпленка, отвели в один из тюремных блоков и закрыли одного в обычной камере. Кто-то заколотил в дверь.

— Como esta[99], Говард?

— Bien, gracias. Y usted? Habla Ingles?[100]

— Si. Я говорю по-английски, Говард. Я ночной фунсионарио. Роджер в другой камере в этой же секции. Передает наилучшие пожелания. Завтра мой друг, из дневных фунсионариос поместит вас в одну камеру. Идет? Спокойной ночи, Говард!

— Марко Поло, quieres chocolate[101]?

Имя, которым меня окрестило DEA, пошло в народ. Хотел ли я гашиша? Конечно! Лучшие идеи всегда приходили ко мне после косяка. Сейчас им было самое время явиться. Занимался день.

— Si, por favor. Muchas gracias[102].

Из-под двери появились кусочек марокканского гашиша и пачка бумажек.

— Tienes cigarillos y cerillas?[103]

— Si. Tengo[104].

Я свернул косячок. Неожиданно открыли все камеры, и более двухсот заключенных ринулись по проходу на улицу, на солнечный свет. Каждый прихватил из камеры стул. Я не знал, что и подумать. Массовый побег? Роджеру, очевидно, пришла в голову та же мысль. Он несся со стулом, озираясь по сторонам. Я схватил свой стул и последовал его примеру. Мы заблуждались. Никакого побега — заключенные спешили занять местечко в тени. Было воскресенье, день, когда арестантам разрешалось торчать на улице с утра до вечера. Мы с Роджером сели на солнцепеке рядышком. Через несколько минут вокруг нас толкались любопытные, угощали кофе, сигаретами и круассанами. Тут про нас все знали и засыпали вопросами. Правда ли, что я крупнейший контрабандист наркотиков в мире? Верно ли, что работал на британскую Секретную службу, ИРА и мафию? В самом ли деле Роджер предложил директору тюрьмы миллион

долларов? Нам оказали великолепный прием и заверили, что Модело — местечко хоть куда: есть алкоголь, любая наркота, шлюхи ходят на семейные свидания, можно даже делать междугородние звонки. Осмотревшись, я и сам убедился, что режим в Модело довольно либеральный. Марокканцы, нигерийцы, испанские цыгане открыто играли на деньги, курили косяк за косяком. Вопили магнитофоны. Заядлые торчки прилюдно ширялись. Роджер стал расспрашивать, нельзя ли сбежать из тюрьмы. Ему посоветовали помалкивать, потому что вокруг полно чиватос — стукачей, — но Роджер упрямо продолжал расспросы. Мое имя выкрикнули по громкоговорителю. Меня ожидала встреча с адвокатом.

В кабине для свиданий сидел Кац. Я сел напротив. Нас разделяло стекло, но не такое звуконепроницаемое, как в Пальме. Когда Кац и Морель попытались навестить меня в прошлую пятницу, их спровадили, отделавшись отговорками. Кац догадался, что меня переправили на материк и полетел в Барселону. Арендовал автомобиль, встретил паром и доехал за фургоном до Модело. Чтобы добиться встречи со мной, он двое суток препирался с консульством Великобритании, тюремной администрацией и судьями. В конце недели получить свидание непросто. Джуди по-прежнему находилась в тюрьме Пальмы, но с ней и с детьми все было в порядке.

Кац положил передо мной портфель и открыл его. Прямо на меня смотрел объектив моей портативной видеокамеры Джи-Ви-Си.

— Они очень беззаботны, — сказал Кац. — Я включу камеру, а ты наговоришь сообщение детям.

Мне удалось сказать им несколько слов.

Кац думал, что скоро меня переведут в тюрьму Карабанчель, в Мадриде. Он все еще не знал точно, в чем обвиняют меня и Джуди, и не выяснил, что такое RICO. Слишком много времени уходило на то, чтобы установить, где я, и добиваться встречи.

В конце нашего разговора ко мне подошел заключенный, у которого только что закончилась встреча с его адвокатом.

— Ты тот самый Марко Поло?

— Пожалуй, да. На самом деле меня зовут Говард.

— Я знаю. А меня — Жак Канаваджио. Я с Корсики. Мы не знакомы, но теперь нас считают давними партнерами. Неделю назад меня арестовали на Коста-Брава с пятнадцатью тоннами гашиша. Газеты написали, что это твой гаш. Прости, если умножил твои проблемы.

Мы обменялись рукопожатием.

— Жак, тут нет твоей вины. Очень приятно с тобой

познакомиться. Для меня это большая честь.

— Для меня тоже.

В тюремном дворе Роджер по-прежнему собирал толпы. Разглагольствовал про побег, восхвалял достоинства Южной Африки как центра выращивания марихуаны. Нам выдали воскресные газеты из Барселоны и с Мальорки. Одна из них, ссылаясь на «Тайме», утверждала: из Пальмы меня увезли, потому что боялись, что суд Мальорки даст слабину. Из большинства сообщений следовало, что наш тайный перевод вызван намерением Роджера совершить побег, подкупив тюремщиков. Все газеты предрекали, что в конечном счете мы окажемся в тюрьме Алькала-Меко, под Мадридом. Нам объяснили, что в этом нет ничего хорошего.

В Мадриде две мужские тюрьмы. Главная — Карабанчель, где установлен такой же режим, как и в Модело. Там можно получить все, что хочешь. В Карабанчеле содержится несколько тысяч заключенных, в том числе иностранцев, включая тех, экстрадиции которых требуют зарубежные страны. Тюрьму Алькала-Меко в окрестностях древнего университетского городка Алькала-де-Энарес построили недавно при помощи немцев для содержания террористов из группировки ЕТА. Порядки в ней царили спартанские.

Кольцо людей вокруг нас не редело, и мы по-прежнему получали подношения в виде кофе, сигарет и еды. Наконец сквозь толпу прорвались несколько фунсионариос, скрутив нам руки за спиной, отвели в двухместную камеру на третьем этаже и заперли дверь. Роджер взбесился, оторвал от стены раковину и трубы. В камеру хлынула вода.

Тюремщикам потребовалось больше получаса, чтобы нас выпустить. К этому времени на лестнице уже образовался водопад, захвативший несколько пролетов. Нас перевели с вещами в другой тюремный блок и не выпускали до следующего утра. Теперь у меня были марки и письменные принадлежности, и я воспользовался возможностью написать родителям, сестре, старшей дочери. Письма вышли грустными. Я представил, как больно станет родителям, когда они узнают про арест. Они-то уверены, что я покончил с прошлым. Эти обвинения для них окажутся ударом. И сестра... Ей уже тридцать семь, а она, вопреки советам медиков, впервые забеременела. Ей совсем ни к чему весь этот кошмар. И бедная Мифэнви. Предполагалось, что она поживет со мной в Пальме до своего шестнадцатилетия в августе. Мы так мало с ней виделись, а теперь будем видеться и того меньше, намного меньше.

Нас переводили из камеры в камеру. Я сбился со счета. Не

разрешали звонить и разговаривать с остальными заключенными. Даже не выпускали на прогулку во двор, как установлено законом.

Во вторник 2 августа, дверь камеры открылась, на нас надели наручники и отвели к полицейскому фургону, больше похожему на танк. Перед фургоном стояла патрульная машина, битком набитая полицейскими с винтовками. Еще одна машина стояла сзади, и по меньшей мере четыре полицейских мотоцикла тарахтели за ней. Картину дополняли два полицейских вертолета. Роджер приуныл.

В фургоне уже сидели Жак Канаваджио и двое его подельников. Три копа проверяли наручники.

— Вот мы и снова встретились, Марко Поло. Думаю, все вместе отправимся в Мадрид. Сегодня мы пьем шампанское, завтра носим браслеты. Такой у нас бизнес. Но мы еще выпьем шампанского, уверен.

Удостоверившись в крепости оков, копы повезли нас из Барселоны в Мадрид. Подобное путешествие обычно занимает девять часов. К полудню мы чувствовали себя, как грешники на сковородке в аду. Орали что было мочи, требуя остановки. Нестерпимо хотелось глотнуть свежего воздуха, холодной воды, чего-нибудь съесть. Тюремный фургон и конвой остановились у бензоколонки. Двери открыли, повеяло свежестью. Роджер лихорадочно оглядывался, но бежать было невозможно.

— Podemos comer? Tenemos hambre[105]. Водители принесли нам несколько бутербродов.

— Господи, как пива хочется! — сказал Роджер.

— Давай попросим — предложил Жак Канаваджио.

Мы попросили полицейских приобрести нам несколько банок пива. К нашему удивлению, они не просто согласились, но купили ящик. И вот пятеро особо опасных заключенных и три вооруженных водителя, открыв банки с пивом, завязали непринужденную беседу, а конвойные в машинах, на мотоциклах и в вертолетах, круживших над головами, — солидный отряд спецназа — терпеливо ждали, когда мы промочим глотки. В Испании такое бывает, в Англии или Штатах — никогда.

Не доезжая до Мадрида, мы свернули с автострады и покатили через холмы, мимо живописных испанских деревушек. Затем пейзаж стал мрачным, голым и унылым. Мы увидели указатель на Торрехон, огромную американскую авиабазу, а затем свернули на дорогу, ведущую к самой уродливой тюрьме из всех, что я видел. Ее окружали сторожевые вышки, высокий забор с пущенной по верху колючей проволокой и по всему периметру надземные переходы для часовых. После нескольких остановок на

бесконечных контрольно-пропускных пунктах мы вывалились из фургона. Фунсионарио, ведающий приемом заключенных, снял с нас наручники. Он был очень дружелюбен:

— Ah! El Marco Polo de las drogas. Bienvenudo a Alcala-Meco! Conoces a Jorge Ochoa? Es mi amigo[106].

— Я знаю Хорхе Очоа, — выпалил Роджер, прежде чем я успел ответить. — Этот ублюдок задолжал мне десять миллионов долларов. Он сидел в вашей тюрьме? Я думал, здесь держат только террористов.

Хорхе Очоа был сыном колумбийского скотовода Фабио Очоа, который в середине 1970-х годов начал экспортировать кокаин в Соединенные Штаты. Хорхе превратил семейный бизнес в многомиллионную корпорацию, но не попадал в поле зрения DEA до 1977 года, когда в аэропорту Майами задержали тридцать килограммов кокаина, якобы принадлежащего ему.

В ноябре 1981 года колумбийские партизаны, принадлежащие к Движению 19 апреля (М-19), похитили сестру Хорхе, Марту. В ответ Хорхе, его отец и их соратники образовали организацию MAS (Muerte a Secuestradores — «Смерть секвестраторам!»), которая убивала похитителей и расправлялась с десятками активистов М-19. Марта Очоа была освобождена.

Так состоялось объединение экспортеров кокаина, которые до той поры соперничали за раздел мирового рынка. Хорхе Очоа, Карлос Ледер и Пабло Эскобар образовали альянс, как Медельинский картель. Вскоре после этого Роджер стал работать у Очоа пилотом. Во время последней сделки Очоа его жестко кинул.

В 1984 году, после убийства проамерикански настроенного министра юстиции Колумбии, под сильным давлением США, президент Бетанкур попытался избавить свою страну от экспортеров кокаина, пригрозив им экстрадицией в Штаты. Президент Панамы Мануэль Норьега предоставил убежище Хорхе Очоа и прочим лидерам Медельинского картеля. Вместе с Гильберто Родригесом по кличке Шахматист, впоследствии главой всемогущего картеля Кали, Очоа отправился из Панамы в Мадрид. На основании требования США об экстрадиции оба были арестованы испанскими властями в ноябре 1984 года.

Очоа избежал экстрадиции, убедив власти Колумбии предъявить ему обвинение и потребовать у Испании его выдачи. США вменяли ему в вину импорт кокаина, Колумбия — экспорт. По существу, одно и то же. Если две страны требуют экстрадиции за одинаковые преступления и одна из них является страной подданства обвиняемого, ей отдают предпочтение. У Испании не оставалось иного выбора, кроме как отказать Соединенным

Штатам. В 1986 году Очоа был выдан Колумбии, где вышел на свободу.

Тюремщик объяснил нам, что, хотя в Алькала-Меко содержится много баскских сепаратистов, ими одними дело не ограничивается. В здешних стенах «гостили» не только Очоа и Родригес, но также дон Танино, Гаэтано Бадаламенти, крестный отец сицилийской мафии, который руководил «Сетью пиццы», общенациональным героиновым синдикатом, и был выдан Испанией США. Фунсионарио, похоже, гордился тем, что его тюрьма, которая уже отправила за океан Очоа и Бадаламенти, самых крупных контрабандистов кокаина и героина, теперь пошлет следом Марко Поло, крупнейшего контрабандиста марихуаны и гашиша. Немало знаменитостей преступного мира, опасных и склонных к побегу заключенных, с которыми не смогли справиться другие тюрьмы, сидело в Алькало-Меко. В пределах тюрьмы действовали три режима: общий, усиленный и строгий, по артикуло 10 (статье 10). По причинам фунсионарио — не известным для Роджера, Жака Канаваджио и его подельников установили общий режим содержания, для меня усиленный. Мне стало худо. Мы пожали руки и разошлись.

Обстановка в моей одиночной камере была аскетической. Перемещать я мог бы только маленький пластиковый стул и поролоновый матрац. Раковина и туалет из пластика, все остальное либо из бетона, либо из стали. Окно выходило на огромную белую стену. Личные вещи пока проходили проверку у тюремной охраны. Меня уверяли, что в надлежащий срок я получу все дозволенное. Каждые два часа, повинуясь крику: «Recuento»[107], — я должен был подниматься, чтобы меня обозрели через смотровое отверстие в стальной двери.

После дня и двух ночей полной изоляции — обычная практика в тюрьмах строгого режима большинства стран — мне позволили провести несколько часов в тюремном патио с остальными заключенными, содержащимися по усиленному режиму, в большинстве своем испанцами, хотя среди них и затесалось несколько нигерийцев и пара французов, грабителей из Марселя. Французы и испанец по имени Сакариас, который выглядел как Фрэнк Заппа, со мной познакомились. Снабдили опекунской посылкой с едой и сигаретами, а заодно и марокканским гашишем.

Я отправил телеграмму Маше в Пальме, чтобы сообщить, где нахожусь. Подал заявления о свиданиях с семьей, Машей, Бобом Эдвардесом и Дэвидом Эмбли. Скурил косяк и отправился спать.

На следующий день рано утром приехал Майкл Кац. В моей одежде с головы до ног. И с моим портфелем. Я ничего не имел

против, но удивился. Он видел Джуди в тюрьме Пальмы вскоре после того, как ее навещали дети. Свидание с ними лишило бедняжку последних сил. У Каца создалось впечатление, что Джуди о нем невысокого мнения. Он был прав. Джеффри Кенион также по-прежнему сидел в тюрьме Пальмы. Дела в Барселоне и Пальме помешали Кацу заняться RICO. Американцы все еще не сообщили ему обвинений против нас. В средствах массовой информации появилось множество сообщений о моем деле. Майкл привез газеты и деньги, чтобы положить их на мой тюремный счет. Я попросил его найти в Мадриде лучшего адвоката по делам об экстрадиции и направить ко мне как можно скорее. Написал доверенность, открывающую ему доступ к моим счетам в Цюрихе.

Вернувшись в камеру, я лег на голый поролоновый матрас и просмотрел газеты. «Обсервер», где все еще работал Дэвид Лей, и «Санди тайме» предлагали историю моего нашумевшего ареста.

В начале 1986 года агент DEA Крейг Ловато, работавший в Испании в сотрудничестве с испанской полицией по делам о наркотиках, прослушал записи моих телефонных разговоров и посчитал, что я занимаюсь контрабандой наркотиков. Испанцы не поверили, что я нарушаю их законы. Преодолев сопротивление начальства, Ловато изучил мою биографию и прочитал все обо мне написанное.

Жена Ловато, Венди, тоже работала на DEA. В это время она во Флориде помогала Скотленд-Ярду искать деньги от сбыта слитков, похищенных из хранилища Бринкс-Мат. Ей в руки попали «Счастливые времена» Дэвида Лея, настольная книга Ловато. Британскую полицию заинтриговали изыскания Крейга. Она предложила помочь. В результате DEA и Скотленд-Ярд повели против меня совместную операцию под названием «Эклектик». Немногим позже к ним примкнули копы Канады, Нидерландов, Пакистана, Филиппин, Гонконга, Таиланда, Португалии и Австралии.

Я слабо понимал, почему испанская полиция решила прослушивать мой телефон, но все остальное имело смысл.

В прессе упоминался RICO — Закон о коррумпированных и находящихся под влиянием организациях, но никаких объяснений я не нашел.

В статье еженедельника «Ньюсуик», занимавшей целую полосу, отмечалось, что я не лил крови. Журнал «Пипл» заявил, будто за голову Мойнихана, который жил теперь под защитой властей Соединенных Штатов, обещан миллион долларов. В другой публикации заявлялось, что Мойнихана на меня натравил суперинтендант Тони Лунди, самый сомнительный детектив

Скотленд-Ярда, которому впоследствии пришлось выйти на пенсию. Это совершенно не сочеталось с тем, что я знал о предложениях Арта Скальцо, агента DEA.

Фунсионарио возвратил мои заявления на свидания. Бобу Эдвардесу и Дэвиду Эмбли со мной встретиться не разрешили. Только семья и свояки. Я скурил косяк.

В интервью «Санди тайме» Ловато сказал, что презирает меня, что я отличаюсь слабым характером. Он переходил на личности. Может, мстил? Интересно, не ошибся ли Кац, заявив, что Ловато не имел права меня допрашивать? Я заполнил ходатайство о встрече с ним. Он не смог бы устоять против соблазна приехать и допросить меня и таким образом еще раз преступить американский закон, нарушить действующие в Испании правила свиданий во время судебного разбирательства. Игра стоила свеч. В качестве адреса Ловато я указал посольство США в Мадриде.

Неожиданно меня снова вызвали на свидание. На этот раз за стеклом сидел Густаво Лопес Муньос-и-Ларрас, один из лучших криминальных адвокатов Испании. Он говорил на превосходном английском, и в его манерах было больше от англосакса, нежели от испанца. Бернард Симоне и Кац независимо друг от друга попросили его повидаться со мной. Густаво заявил, что услуги его недешевы, но, определенно, он самый опытный в делах об экстрадиции адвокат Мадрида. Он готов был приезжать ко мне, сколько потребуется. Поддерживать непосредственную связь с Майклом Кацем и Берни Симонсом в Лондоне и Луисом Морелем в Пальме. Густаво родился на Кубе, а его семья занималась юриспруденцией во Флориде. На следующей неделе он улетал отдохнуть в Майами. Много времени провел в Соединенных Штатах. Если я хотел отправить весточку Джуди или кому-то еще, минуя тюремную почту, то мог бы сделать это через Густаво.

Несколько следующих дней я в основном проводил в патио вместе с Сакариасом, Клодом и Пьером — грабителями банков из Марселя. На улице стояла ужасная жара, но можно было освежиться под холодным душем. Нигерийцы, сбившись в кучу, играли на деньги и тайком курили наркотики. Несколько баскских террористов играли в шахматы. Молодые испанские качки активно упражняли мускулатуру. Мы прогуливались.

— Марко Поло, хочешь сбежать? — спросил Клод, лучше всех говоривший по-английски.

— А кто не хочет? Глупый вопрос?

— Мы втроем планируем сорваться отсюда в конце месяца. Хотим, чтобы ты к нам присоединился. Отсюда многие бежали. Это не так сложно. Деньги нам не нужны, но, возможно, ты смог

бы достать нам поддельные паспорта после побега. Сакариас знает, где спрятаться в Испании.

Сакариас передал мне косяк. Он редко принимал участие в разговоре. Когда же нарушал молчание, говорил с грубым мадридским акцентом.

— Si, Marco Polo. Fuga es posible, chavalo. Es muy facil[108], — сказал он.

— Никто не пострадает? — спросил я.

— Только если они сделают какую-нибудь полную глупость. Скоро я тебе все расскажу. Сейчас не время спрашивать, Марко Поло. Но, пожалуйста, подумай об этом.

Сакариас отломил два кубика от своего куска марокканского гашиша. Один дал мне, другой прикрепил резинкой к электрической батарейке и перекинул ее через крышу тюремного блока за пределы двора.

— По другую сторону патио для заключенных, содержащихся по артикуло 10, — объяснил Клод. — Мы заботимся о них как можем. Там очень жестко.

Через крышу в наш патио перелетела обратно та же самая батарейка с запиской. Гашиш получили. Отправлять еще один снаряд было небезопасно.

Я пребывал в растерянности из-за того, что не получаю писем, ответов на телеграммы. Всем остальным заключенным приходила какая-то почта. Наверняка со мной уже хотел кто-нибудь связаться помимо адвокатов. Я находился в Алькало-Меко больше недели. Я уже начинал волноваться, когда меня вызвали на свидание.

Входя в комнату для свиданий, я ожидал увидеть Каца или Густаво, но вместо них за туманным стеклом я разглядел лица родителей — безнадежность в глазах и теплые улыбки облегчения. Мы не могли прикоснуться друг к другу — только смотрели. Нас била дрожь. Я осознал весь ужас происходящего: если они не проживут сто лет или мне не удастся выбраться из кошмара, мы никогда уже не увидимся на свободе. По моему лицу катились слезы.

— Говард, bach, cadw dy ysbryd[109]! Мы только что разговаривали с Машей. И Джуди, и дети в порядке. Ну, не совсем в порядке, но держатся, — сказала мама, тоже не сумевшая сдержать слезы.

— Мы сделаем все возможное, — добавил отец.

— Мама, папа, мне ужасно жаль.

— Ты получил наши письма, bach?

— Нет, мама.

— Говард, bach, я должна задать тебе один вопрос. Мы с

папой сделаем все, что бы ты ни совершил, но скажи: ты имел дело с тяжелыми наркотиками или оружием?

— Нет, мама, конечно, нет. Такой бизнес я ненавижу. Американцы и газетчики просто сошли с ума.

— Я не верю газетам. Знаю, чего от них ждать. Напишут что угодно, лишь бы продать свою стряпню. Когда мы заходили, снаружи стоял человек из «Дейли миррор». Хотел с нами поговорить. Я отказалась. Никогда не прощу им того, что они нагородили в семьдесят четвертом. Нет, я никогда слова не скажу газетчикам, — заявила мама.

— Я тоже не доверяю американцам, — заметил отец. Не обращай внимания на газеты! Сущий вздор вся эта история про то, что ты крупнейший в мире наркоконтрабандист и владеешь судами и банками.

— Теперь насчет каннабиса, — продолжила мама. — Мы знаем, что ты немного penstyff[110] в этом отношении. По какой-то причине всегда был на нем помешан. Знай я, что дело только в этом, чувствовала бы себя гораздо лучше.

— Только в этом, мама.

— Кстати об американцах, что за парень этот Кац? — поинтересовался отец. — Чудной какой-то. Попросил у меня денег. Я сказал, что сначала хочу с тобой встретиться.

— Да, отец, он странный. Я обещал ему заплатить.

— У тебя еще есть деньги, Говард?

— Думаю, да, но я не знаю сколько.

— Вот Густаво нам очень понравился, — вставила мама. — Сам привел нас сюда сегодня утром, чтобы убедиться, что мы смогли с тобой встретиться. Здесь много бюрократизма, разве нет, bach? Сейчас он разговаривает с директором тюрьмы, узнает, можно ли нам передать тебе кое-что — книги и уэльские пирожные, Говард, bach. Он сказал, это возмутительно — то, что сделали с тобой и Джуди. Сказал, есть надежда. Папе он тоже понравился.

— Да. Я выписал ему чек на пять тысяч фунтов. Мы с Бобом Эдвардесом договариваемся, чтобы заплатить Луису Морелю.

— Уверен, что у меня хватит денег ему заплатить, — успокоил я.

— Ну, мы с мамой хотели это сделать. Еще мы положили денег на твой счет здесь. Мы позаботимся по мере сил, чтобы Маша и дети не остались без денег. Кто этот парень, Найджел?

— Машин жених.

— Он ее устраивает?

— Думаю, да. Я с ним едва знаком.

Двадцать минут быстро закончились. Родители собирались

навестить меня снова на следующий день. Меня отвели в патио. Охрана пропустила уэльские пирожные. Я поделился ими с Сакариасом и двумя французами. Пожаловался, что свидание длилось недолго и что мне не разрешили обнять родителей. Сакариас сказал, что может договориться о семейном двухчасовом свидании на завтра: один из старших охранников, отвечавших за свидания, был его другом. Сакариас и сам ожидал семейного свидания следующим утром, а значит, имел шанс все устроить. Я щедро отблагодарил его.

Сакариас сдержал слово. На следующий день меня отвели не в кабинку, а в большую комнату, обставленную креслами и столами. Мои родители сидели среди прочих посетителей и заключенных, которых те навещали. После объятий и поцелуев я сел с рядом со своими стариками. Шум стоял невыносимый. Я обменялся часами с отцом: носить «Одемар Пике» в тюрьме глупо. Сакариас, совершенно открыто куря косяк, подошел к нам и спросил, не хотим ли мы подняться наверх, в свободную спальню — там намного спокойнее. Приятель Сакариаса отвел нас туда. Я посмотрел на широкую кровать. Если бы Джуди выпустили, она могла бы повидать меня здесь. Какая цивилизованная тюрьма. Мы присели на диван, поговорили обо всем, вспомнили старое время. Родители собирались приходить как можно чаще, по крайней мере раз в месяц, если позволит здоровье.

Вместо того чтобы отконвоировать назад в патио или в камеру, меня отвели в кабинет Хефе де Сервисиоса, человека, отвечавшего за безопасность тюрьмы. Кроме него присутствовал молодой фунсионарио в очках, говоривший по-английски.

— Здесь газетчики. Они хотят поговорить с тобой. Ты не должен, не обязан этого делать.

— А что за газеты? — спросил я.

— Испанская «Эль Пайс», английская «Дейли миррор» и французская «Пари-Матч». Ты не должен с ними разговаривать, если не хочешь.

— Я совсем не против с ними встретиться.

— Firma aqui[111], — буркнул рассерженный Хефе, давая мне анкету на подпись.

В хорошо меблированном конференц-зале я провел три часа, отвечая на вопросы — пристрастные, от «Дейли миррор», деликатные, от «Пари-Матч» и сочувственные, от «Эль Пайс». Испанские журналисты никак не могли поверить, что речь идет лишь о контрабанде гашиша и марихуаны. Все представители прессы посчитали возмутительным арест Джуди. Журналистка «Пари-Матч» сказала, что во Франции я уже прослыл героем. Корреспондент «Эль Пайс» сообщила, что ее коллеги очень

сильно интересовались моим делом и меня еще много раз попросят дать интервью и сфотографироваться, пока я нахожусь в Алькала-Меко.

Я снова испытал на себе притягательную силу публичности, но на этот раз решил извлечь из нее выгоду. Может, если я стану из раза в раз напоминать общественности о тяжком положении Джуди, либо испанцы, либо американцы устыдятся и отпустят ее на свободу. И я вновь потребовал освободить мою жену.

Подарив мне на прощание блок сигарет, журналисты покинули зал. Вошли Хефе, его англоговорящий друг и четверо фунсионариос. Мне велели раздеться и забрали все вещи. Я предположил, что это проверка на предмет того, не дали ли мне журналисты чего-нибудь недозволенного, но ошибся.

— Говард, тебя надлежит содержать по артикуло 10. Это постановление вступает в силу с настоящего момента и до следующего заседания хунты общенациональной коллегии главных тюремных бюрократов, где будут рассматривать поведение всех заключенных, содержащихся по артикуло 10. Сейчас тебя отведут в блок, предназначенный для таких заключенных. На неделю ты останешься в полной изоляции. Тебя будут на двадцать минут выводить в патио на прогулку, в одиночестве. Ты не должен смотреть на других заключенных или подавать им сигналы. Через неделю тебе будет разрешена часовая прогулка с другими заключенными и одно десятиминутное свидание через стекло в неделю. Личные и семейные свидания исключаются. Ты вправе получать шесть книг, ежедневную газету и еженедельный журнал, сигареты. Отправлять и получать письма и телеграммы. Раз в месяц семья может передать тебе еду и одежду. Не разрешается сидеть на кровати с семи утра до одиннадцати вечера. Ты понял условия?

— Почему меня перевели на строгий режим? Что я сделал не так? Встретился с журналистами?

— Хунта объяснит это тебе на своем заседании. Ты понял условия?

— А когда состоится заседание?

— В декабре. Говард, ты понял условия?

— Нет, не понял.

— Я зачитаю их тебе еще раз, Говард. Если и тогда не поймешь, придется еще больше ужесточить условия содержания: ни сигарет, ни книг, ни свиданий...

— Я понял условия.

— Хорошо. Подписывай здесь!

Блок строгого режима оказался мрачным, пустым и темным. Грязные камеры кишели тараканами. Свирепые фунсионариос,

держа наготове дубинки и баллончики со слезоточивым газом, дважды в день раздавали непотребную еду Из окна открывался вид на патио, куда по очереди выводили на прогулку группы заключенных. Кроме меня по меньшей мере двум заключенным возбранялось общаться с остальными. Когда пришло время моей одиночной прогулки, из камер в патио глядели десятки глаз. Пара ребят мне помахали. Я махнул в ответ и получил за это нахлобучку от фунсионариос.

Тюремные будни тянулись невыносимо долго. В один из таких унылых дней мне исполнилось сорок три. Почты не было. Очевидно, ее утаивали. Мать уж наверняка заблаговременно отправила не меньше трех поздравительных открыток. Я не имел ни свиданий с Кацем или Густаво, ни известий от них и пребывал в отчаянии. Почему мне изменили режим содержания? В чем обвиняют? Где Джуди? Как она себя чувствует? Все ли нормально с детьми? Снял ли Кац деньги с моего счета?

Неделя полной изоляции окончилась. Я получил большую передачу с газетами, письмами и открытками в основном от семьи и друзей. Джуди все еще держали в Пальме. Просить о назначении залога оказалось некого, потому что суд Пальмы в течение августа не работал. Джеффри Кениона перевезли в Алькала-Меко и поместили в один блок с Роджером. Президент Пакистана Зия-уль-Хак погиб в авиационной катастрофе. Этот таинственный взрыв в воздухе мог плохо сказаться на Малике.

От Каца пришел большой конверт — копия обвинительного акта. Впервые я соприкасался с законом Соединенных Штатов, и это требовало немалого присутствия духа.

Как правило, в Великобритании обвинительный акт — это доходчивый документ на одну страницу. Американцы же состряпали сорок страниц малопонятной канцелярщины. По существу, меня обвиняли в том, что с 1970 под 1987 год я руководил организацией, которая проворачивала операции с каннабисом и отмывала деньги. Отдельным пунктом шло обвинение в сговоре с целью создания такой организации. Именно его признавал преступлением так называемый Закон RICO. Еще мне вменялось в вину огромное число эпизодов, от операции с аппаратурой рок-групп в 1973 году до отмывания денег в 1987 году. Многое из того, что мне инкриминировали, было совершенно безобидным, как поездка из Лондона в Рим в 1973 году и телефонные переговоры в Пальме в 1986 году. Обвинительный акт объявлял эти деяния неправомерными, поскольку они «способствовали функционированию преступной организации». Джуди и фактически всех остальных двадцать фигурантов обвиняли в сговоре с целью ввоза пятнадцати тысяч

пятисот килограммов гашиша в Соединенные Штаты в 1986 году. А некоторых еще и в сговоре с целью ввоза нескольких тонн тайской марихуаны в Канаду.

Вина, которую возводили на Джуди и некоторых других, была абсурдной, однако формальные обвинения против меня, в общих чертах, оказались справедливыми, хотя и несколько утрированными. Я проводил сделки с наркотиками и отмывал деньги с 1970 года. Мне показалось несправедливым, что меня вновь собирались притянуть к ответу за операцию с музыкальными колонками 1973 года. Удивляло и то, что в обвинительный акт включили эпизод с канадскими поставками, но я предположил, что толковый американский адвокат без труда уладит эти недоразумения. Все прочее еще требовало доказательств. Мне предстояло изучить их и дать им свое истолкование. Я уже проделывал подобное раньше. Пока же я не получил доступа к доказательствам, оставалось только штудировать американское право и испанский закон об экстрадиции. Я написал сестре, попросив прислать основные труды об американском законодательстве, и обратился к Кацу за разъяснением подробностей статутов, упомянутых в обвинительном акте, и наказаний за их нарушение.

Каждый час пятеро заключенных, содержащихся по артикуло 10, отправлялись на прогулку в патио. Для того чтобы не завязывались знакомства, состав пятерки постоянно меняли. Я свел дружбу всего с двумя арестантами: испанским цыганом из Андалусии, по имени Хуан, который сидел в соседней камере, и Дарином Буфалино из Бостона, штат Массачусетс. Оба недавно совершили побег из испанских тюрем. Дарин был внуком Расселла Буфалино, главы одного из пяти преступных кланов Нью-Йорка, которого обвиняли в том, что он приказал убить руководителя профсоюза транспортных рабочих Джимми Хоффу. Штат Массачусетс требовал выдачи Дарина за вооруженное ограбление бронированного автомобиля, а тот даже не думал бороться против экстрадиции. Он мало что знал о RICO. Слышал только, что отвести обвинения по его статьям довольно трудно.

В конце августа меня навестил Густаво. Джуди перевели в Мадрид, в центральную тюрьму Есериас, где держали женщин. Густаво собирался с ней встретиться в тот же день и зарегистрироваться как ее адвокат. Тюремное начальство сказало Густаво, что режим содержания мне ужесточили, потому что я планировал побег. Он пришел в ярость и собирался сделать все возможное для пересмотра этого решения. Ему тоже удалось получить копию обвинительного акта и текст американского закона о реформировании практики вынесения приговора. Он

объяснил, что этот закон, вступивший в силу в ноябре 1987 года, отменяет условно-досрочное освобождение, ограничивает пятнадцатью процентами число осужденных, которые могут быть помилованы за хорошее поведение, и предусматривает очень длительные сроки заключения за преступления, связанные с наркотиками. Но поскольку закон довольнотаки спорный, его конституционность оценивается Верховным судом Соединенных Штатов.

Вновь оказавшись в камере, я стал разбирать в тусклом свете тексты зловещего закона. Меня мороз подирал по коже. Если Джуди признают виновной, она сядет, самое меньшее, на десять лет, и не сможет рассчитывать на условное освобождение. Для меня признание виновным по любому из главных пунктов обвинительного акта грозило обернуться пожизненным заключением. Пожизненное означало на всю жизнь. Никогда уже я не стал бы свободным человеком. И проживи я хоть сто лет, все равно умер бы в федеральной тюрьме. Никогда бы не смог пойти в бар или ресторан, на дискотеку, концерт или вечеринку, в магазин или офис, домой. Никаких больше деревенских прогулок, видов на море и громкой музыки. Удовольствия выкурить гашиша со старыми друзьями. Никаких разгульных ночей в столицах Европы и Азии. Я потерял бы право воспитывать своих детей или даже просто наблюдать, как они растут. Ни объятий, ни эмоций. Ни капли счастья. Никаких стремлений. Никаких занятий любовью.

В ту ночь я услышал плач моих детей, вскочил с кровати, кинулся к двери и уперся в холодную сталь.

Несколько недель я провел почти без сна, мучаясь от горя, сходя с ума. Письмо от Джуди не помогло. В какую школу пойдут мои дети? Как годовалый Патрик обойдется без своей мамочки? Почему ее не выпускают под залог? Неужели нужно быть настоящим преступником, чтобы воспользоваться подобной привилегией? Разлука с детьми, с Машей, с друзьями и суровые условия тюрьмы Есериас брали свое. Джуди задавалась вопросом, сможет ли и дальше так жить. Я не посмел написать, что ее ожидает, самое меньшее, десять лет тюрьмы.

Будущее не сулило ничего, кроме разочарования, неуверенности и одиночества. Президентом Соединенных Штатов должен был стать Джордж Буш, а это не обещало никаких послаблений относительно наркотиков.

С первой попытки Густаво не удалось добиться освобождения Джуди под залог. Не преуспел он и в том, чтобы выхлопотать для меня смягчение режима и свидание с женой. Скотленд-Ярд отказался вернуть Кацу имущество, изъятое из нашей квартиры в

Челси и «Международного туристического центра Гонконга». Испанский суд не поддержал иск к полиции Пальмы о возвращении Маше автомобиля и вещей, конфискованных в Пальме.

Американцы активизировали процесс экстрадиции и включили новое требование о выдаче конкретно за операцию с колонками 1973 года. Оно пришло из федерального окружного суда Невады, который стал четвертым независимым органом власти, инкриминировавшим мне одно и то же преступление. Ловато не попался на мою удочку. Не приехал, чтобы тайком со мной встретиться и незаконно допросить. Вместо этого он и заместитель федерального прокурора Боб О'Нил официально обратились к испанским властям через Комисьбн Рогаториа, Комиссию судебных поручений — правовой институт, которым пользуются правоохранительные органы разных стран для получения свидетельских показаний под присягой, документальных доказательств или допроса граждан на территории иностранного государства. Национальный суд охотно удовлетворил ходатайство. Густаво ответил встречным ударом, обратившись за разрешением допросить Ловато и О'Нила, пока те находятся в Мадриде. Аудиенсиа Насиональ отвергла этот запрос, не объясняя причин.

После сорокадневной отсрочки правительство Соединенных Штатов представило требование об экстрадиции, присовокупив к нему доказательства, необходимые для возбуждения дел против Джуди, Джеффри Кениона и меня. Ловато составил ряд аффидевитов, письменных показаний под присягой, образчиков грамматически некорректных измышлений DEA. Он лично установил более ста шестидесяти членов моей организации. Включая Роджера Ривза, моего «агронома». Согласно Ловато, Джуди «отдавала распоряжения членам организации для поддержки их незаконной деятельности. Эти распоряжения касались перевода денег, согласования поездок и связи между членами организации. Джудит Маркс была полностью осведомлена обо всех вымышленных именах [sic!] и шифрах, используемых организацией, и таким образом [sic] могла передавать распоряжения в отсутствие мужа, Денниса Говарда Маркса не хуже, чем он сам».

К запросу прилагались десятки сводок расследований, прослушки телефонных разговоров и наблюдений, которые DEA вело в Пальме, Нью-Йорке, Бангкоке, Калифорнии, Маниле, Флориде и Карачи (при активном содействии Майкла Стивенсона, сотрудника Управления таможенных пошлин и акцизных сборов в Пакистане). Таможенное ведомство Ее

Величества также вело слежку в Лондоне. Сводки создавали впечатление, что нигде из перечисленных мест никто не видел и не слышал ничего противозаконного, но Ловато преодолел эту преграду посредством многословных и нудных объяснений того, что скрывалось между строк и происходило за кулисами. По его мнению, мы все были контрабандистами, а следовательно, вели разговоры исключительно о сделках с наркотиками, занимались исключительно операциями с наркотиками и отмыванием денег. Весьма сомнительное умозаключение, хотя в большинстве случаев его догадки о сути происходящего оказывались верны. Однако не всегда. Хватало и ошибочных выводов, нелепых предположений.

Помощник федерального прокурора Боб О'Нил также представил письменные показания под присягой, пытаясь разъяснить американский закон. Эта попытка провалилась, в значительной степени из-за того, что выражения вроде «уголовный преступник», «большое жюри», «предприятие организованной преступности», «образец рэкетирской деятельности», «мошенничество с использованием электронных средств коммуникации», «отмывание денежных документов» и «одалживание денег под ростовщический процент, по крайней мере, вдвое выше вынужденного процента», в Европе считалось просторечием. Ни Густаво, ни я до сих пор так и не усвоили, что такое RICO.

Национальный суд, однако, не испытывал подобных трудностей. Он нашел, что документы в полном порядке, и приготовился продолжать процедуру экстрадиции, если мы не станем возражать против явки в суд. При наличии возражений слушание дела отодвигалось на новый год. Мы подали возражение.

В октябре самый младший брат Джуди, Маркус, и его жена распростились с домом и плотницким бизнесом в Дордони. В обмен на прожиточный минимум они дали согласие переехать в Мадрид, навещать Джуди и меня, сколько позволят, и поддерживать связь между нами, нашими адвокатами, адвокатами соподсудимых, нашими друзьями и семьями. Они привезли Эмбер, Франческу и Патрика на свидание со мной. Хотя я был счастлив повидать их, убедиться, что они в порядке, услышать, какую поддержку оказывают им Боб Эдвардес, их школа, это десятиминутное свидание через стекло ввергло меня в уныние. А встреча с родителями лишь усилила депрессию. Меня заставляли смириться с неизбежностью утрат. Я уже потерял власть над всем. Больше не нуждался в свиданиях. Не хотел отвечать на горы писем, которые получал от знакомых и не

знакомых доброжелателей. Даже увидев Джуди на слушании об экстрадиции, просто онемел и не мог выдавить ни слова. Отчаяние и упрек читались в ее глазах. Почему я не прекратил заниматься контрабандой, когда она об этом просила? Как мог позволить, чтобы с ней так поступили? Почему разрушил жизнь наших детей? Все было потеряно.

Меня скрутило вконец. Началась зима. Заключенным, содержащимся по артикуло 10, не полагались отопление и горячая вода. Меня трясло от горя и страха. Что будет с моей семьей? Что ожидает меня? Жалкое существование в камере до конца дней? Я прожил достаточно, чтобы довольствоваться подобным.

Я не собирался покончить с собой, но больше не питал иллюзий. Я никогда не выйду из тюрьмы. Никто не придет мне на помощь. У меня нет даже той надежды, которая поддерживает заложника. Я никому не могу помочь; я ни с кем не вижусь. Мне некого любить, не к кому прикоснуться. Возможно, я это переживу. Прочту множество книг. Но зачем? Я никогда не смогу применить то, что узнаю. Я мог бы поддерживать физическую форму, делать миллион отжиманий в день. Но для чего? Чем здоровее я стану, тем дольше протянутся мои мучения. Ближайшим знаменательным событием будет смерть. Может быть, после нее дела наладятся. Боже ты мой! Почему же я до сих пор не выяснил, один ли раз дается нам жизнь? Перевидал столько храмов, соборов, монастырей в своих странствиях, но так ничего и не понял. Если бы впереди ожидали дни получше, я бы смог это пережить. Ведь Элвис и Джон Леннон все еще где-то рядом, разве нет?

А как же Иисус Христос? Милосердный Иисус, если Ты действительно перешагнул через смертный приговор, если Тебе известно, что впереди много счастливых дней, сделай так, чтобы и мы, кого Ты любишь, об этом узнали.

Я прочитал Библию. Ветхий Завет меня ужаснул. Все эти войны, убийства. Бог оказался гораздо непригляднее, чем нам проповедовали в уэльской часовне. Уж не был ли он случайно американцем? Святой Павел разочаровывал своим неизменным повиновением власти. Но Иисус был великолепен.

Ну, а что насчет всей этой индуистской и буддийской бодяги? Диковинные божества, чудища, множество жизней. Может, поразмыслить над этим? Иисус не говорил, что перевоплощений не бывает. Не подготовить ли мне себя к следующим жизням, пока в этой я только зритель?

Сестра прислала мне книгу по йоге. Я вспомнил, как йога помогла мне во время первой отсидки. В этот раз условия

оказались намного хуже, но все равно попробовать стоило. По нескольку часов в день я выполнял асаны, дыхательные упражнения, медитировал. Я подолгу постился, а в остальные дни ел очень мало. Физические и духовные силы возвращались.

Как-то мы с Хуаном, цыганом из Андалусии, в патио наблюдали за большими муравьями. Нам требовался гашиш. Мы оба не курили несколько недель. Иногда через стену швыряли батарейку, но ни мне, ни Хуану, ни Буфалино ничего не перепадало. Хуан утверждал, что гашиш легко пронести в книгах. Лично у него денег не водилось, но если бы я договорился, чтобы кто-нибудь прислал ему книгу с «начинкой», он бы рискнул ее получить, а потом поделиться гашишем. Маркус отправил ему «нафаршированный» экземпляр испанского перевода «Урагана» Джеймса Клавелла. Присланного им первоклассного марокканского гашиша нам хватило, чтобы накуриваться каждый вечер в течение нескольких недель.

Я получил удовольствие от свидания с родителями. Правда, отец припас для меня странную историю. Бобу Эдвардесу позвонил какой-то тип и попросил забронировать столик в его ресторане. Звонивший представился ни больше ни меньше как помощником принца Саудовской Аравии Халида и, по его словам, остановился в гостинице «Вальпараисо», в Пальме. Под каким-то предлогом Боб позвонил в гостиницу, где подтвердили, что принц Халид — их гость, а его помощник действительно резервировал столик в ресторане «Ла-Вилета». В назначенный час «принц» в компании помощника, телохранителя и привлекательной американской блондинки появились в ресторане и откушали воскресный обед. Они очень вежливо попросили Боба присоединиться к ним. «Принц Халид» сказал Бобу, что по просьбе дяди, брата короля Фахда, министра обороны в правительстве Саудовской Аравии, делает все возможное, чтобы освободить нас с Джуди из тюрьмы. Он заявил, что готов воспользоваться связями королевской семьи в испанском правительстве и пустить в ход несколько миллионов долларов, выделенных ему на расходы. Последовало несколько встреч в гостинице «Вальпараисо», куда даже пригласили на чай Машу и наших детей, сняв для этого целую террасу. Помощник попросил Боба отправиться в Женеву и получить там средства на мои текущие нужды. Когда они встретились в «Ля Резерв», помощник начал увиливать, и Боб почуял недоброе. Он вернулся в Пальму, так ничего и не узнав.

— Будь я неладен, если что-нибудь понимаю, — прокомментировал отец. — Конечно, ты знаком с очень странными людьми.

— Представления не имею, что это было такое, папа. Я и теперь пребываю в неведении.

Йога, медитация, гашиш и всякие странности бодрят, так что, когда Национальный суд приказал мне явиться в Комиссию судебных поручений на встречу с Ловато и О'Нилом, я был в неплохой психической форме. Они пришли в сопровождении эль фискаль, испанского прокурора, уверенные в себе, удовлетворенные, даже самодовольные. Густаво, севший рядом со мной, имел самый серьезный вид. Судья пояснил, что у них есть право задавать вопросы, а у меня — не отвечать. Намерен ли я отвечать? Я сказал, что нет, и судья объявил заседание закрытым. Ловато пошептался с прокурором, который спросил, не могут ли Ловато и О'Нил поговорить со мной неофициально. Судья поднялся, выразился в том духе, что его миссия закончена, а больше он знать ничего не хочет, с тем и вышел из зала. Эль фискаль велел охранникам подождать за дверью и спросил Густаво, хочет ли тот присутствовать. Густаво промолчал, но остался. Ловато и О'Нил протянули мне руки. Я пожал их. Ловато, казалось, пополнел. О'Нил выглядел привлекательней, молодой, красивый, правда, невысокого роста. Ловато обратился ко мне:

— Говард, я не виню тебя за то, что ты не стал отвечать на вопросы в присутствии судьи. Я откликнулся на твою записку с просьбой встретиться. В прошлом испанские власти позволяли мне посещать заключенных, но теперь порядок изменился.

Твой адвокат ходатайствовал перед судом, чтобы мы с Бобом ответили на некоторые твои вопросы. Мы готовы отвечать.

— Густаво, что мы должны их спросить?

— Советую тебе молчать, Говард. Это незаконно.

— Я прочитал твои заявления для печати по поводу освобождения Джудит, — продолжил Ловато. — Должен сообщить, что мы не можем договариваться об условиях ее освобождения. Законы этой страны не признают сделок о признании вины. С этим придется подождать, пока ты не окажешься на территории Соединенных Штатов. Так что в твоих интересах и в интересах твоей жены не противиться экстрадиции и приехать во Флориду добровольно. Как только Джудит окажется в Майами, уверен, правительство Соединенных Штатов не станет выступать против назначения залога. Мы могли бы заключить сделку о признании вины для вас обоих. Джудит навещала бы тебя в Исправительном центре Большого Майами. Дети жили бы с ней. Вы зря тянете время. Оно не пойдет в зачет сроков тюремного заключения. Разве не так, Боб?

— Полагаю, да, хотя я не эксперт по вынесению приговора, — сказал О'Нил.

— Это правильно, Густаво? — спросил я.

Густаво не издал ни звука — продолжал писать, фиксируя каждое слово.

— Почему вы вменили мне в вину операцию с колонками 1973 года? — поинтересовался я. — Ведь я уже за это отсидел.

— Мы, как представители правительства Соединенных Штатов, не признаем иностранных судимостей, — ответил Ловато.

— А какое отношение имеют Соединенные Штаты к грузу, арестованному в Ванкувере? Иностранных государств вы тоже не признаете?

— Ну, Канада — наш ближайший сосед. Кроме того, имеются доказательства, что товар из Ванкувера продавался в Калифорнии. Правительство Соединенных Штатов полагает, что и конфискованную партию намеревались продавать в нашей стране. Поэтому дело подпадает под нашу юрисдикцию. У нас очень длинные руки, Говард.

— Мистер О'Нил, применяется ли Закон о реформе практики вынесения приговора к предъявленным мне обвинениям?

— Говард, зови меня Боб. Так проще. Хороший вопрос. Должен признать, что не знаю. Не хочу сбивать тебя с толку. Если применяется, тебя приговорят к пожизненному заключению. В противном случае ты получил бы максимум сто сорок пять лет.

— В любом случае много, Говард, — вставил Ловато. — Приезжай в Соединенные Штаты прямо сейчас и начни сокращать срок.

— Не думаю, что Испания меня выдаст. И при всем уважении, сомневаюсь, что вы в этом уверены, иначе не пытались бы убедить меня ехать добровольно.

— Я веду эти разговоры для твоего блага, Говард. Мне не нравится, что ты зря теряешь время.

— Говард, буду с тобой честен, — вмешался О'Нил. — Судебный процесс над твоими сообвиняемыми запланирован на начало нового года. Это одна из причин, почему нам нужно, чтобы ты побыстрее оказался в Штатах. На твоем месте я бы предпочел участвовать в судебном разбирательстве с несколькими подсудимыми, нежели стоять перед присяжными в одиночестве. Но я не собираюсь тебя уговаривать. Это твое решение. В любом случае мне интересно, почему ты думаешь, что Испания тебя не выдаст? Какие у тебя резоны?

— Меня обвиняют по статьям RICO, а также в отмывании денег и сговоре. Ни одно из этих деяний в Испании не считается

преступлением.

— Ну и что с того? Главное, что в Соединенных Штатах считаются, — парировал Ловато.

— Но для того чтобы Испания меня выдала, — заспорил я, — она должна признать их преступлениями.

— Говард, оставлю при себе мнение по поводу советов твоего великолепного адвоката сеньора Густаво Лопеса Муньос-и-Ларрас, но это ты за решеткой, а не он. Забудь о юридической ерунде, которая происходит в судах. Тебя выдадут. Испания уже разозлила нас, не выдав Очоа, и осознала свою ошибку. Второй осечки не будет, уверяю тебя.

— Все тот же крутой парень, Крейг?

— Лучше тебе поверить, Говард.

— Если больше нет вопросов, думаю, что мы должны идти, агент Ловато, — заметил О'Нил.

Эль фискаль вызвал охранников. Меня отвели в комнату для свиданий поговорить с Густаво.

— Говард, в жизни не видел подобного. Поведение судьи возмутительно. Я собираюсь подать жалобу и сегодня же все рассказать газетам. Ну да ладно, забудь! У меня хорошие новости.

— Какие?

— Я уверен, что мы сможем добиться освобождения Джуди под залог.

— Почему? Что изменилось?

— Американские власти назначили залог многим, кто проходит по твоему делу, включая всех женщин. Даже брату Джуди, Патрику Лэйну, предложили выйти под залог в миллион долларов. Британские власти выпустили под залог Джимми Ньютона. Я получил много убедительных писем от врачей, психиатров и жителей Мальорки, которые выражают озабоченность судьбой твоих детей. Скоро Рождество. Даже судьи бывают человечны. У меня есть веские причины полагать, что Джуди освободят. Это может вылиться в круглую сумму, но мы своего добьемся.

— Отличная новость, Густаво. Спасибо.

— Есть и еще хорошие новости. Недавно Франция потребовала выдать человека, обвиненного в мошенничестве, международного масштаба, с кредитными картами. В экстрадиции отказали на том основании, что его можно с таким же успехом судить в Испании.

— Однако, я полагаю, что испанские правоохранительные органы обвинили его в том же самом преступлении. Мне же они никаких обвинений не предъявляли. И мы не можем заставить их это сделать, разве не так?

— Вот здесь ты не прав, Говард. Мы можем добиться, чтобы против тебя выдвинули обвинение с помощью аксьбн популяр — иска, который может быть предъявлен любым лицом.

Каждый испанец вправе обратиться с петицией в суд и вынудить прокуратуру предъявить обвинение. О твоем деле много писали испанские газеты. Поверь мне, Марко Поло знают все. Частенько упоминали пещеру с гашишем на Коста-Брава. Твоя штаб-квартира находилась в Пальма-де-Мальорка. Я уверен, что ты нарушил испанские законы. Так зачем отправлять тебя во Флориду? Почему не судить здесь? Моих испанских коллег возмущает эта юридическая колонизация: Америка манипулирует нашей системой правосудия. Испанское законодательство работает прекрасно, однако к нему относятся как к своду законов отсталой банановой республики.

— Если бы меня судили здесь, сколько бы дали?

— Тебя бы даже не признали виновным, но в Испании максимальный срок за любое правонарушение, связанное с растительными наркотиками, шесть лет. Ты вышел бы на свободу через два года.

— А Джуди?

— Ее освободили бы сразу же.

— Каким будет следующий шаг, Густаво?

— Мы получаем сорок подписей от людей, возмущенных масштабом наркоперевозок на территории Испании, взбешенных тем, что испанское правительство снимает с себя ответственность. Они требуют, чтобы тебя, Джуди и Джеффри Кениона призвали к ответу за преступления, которые вы совершили в Испании. Адвокат подаст аксьбн популяр на рассмотрение в суд. Понятно, что это буду не я, но мой хороший друг. Он просто подпишет иск и представит его на рассмотрение.

— Договорились, так и сделаем. Похоже, это прекрасная идея. Что еще?

— Я всеми способами пытался уяснить, что такое RICO, но не преуспел. Значит, и Национальный суд не поймет. Но они притворятся, что понимают, и заявят, что экстрадиция законна. Я предлагаю привести на слушание американского адвоката, который сочувствует твоему положению и является экспертом по RICO. Тогда Национальный суд поневоле признает, что статьи RICO не имеют эквивалента в испанском законодательстве, а значит, не могут служить основанием для выдачи. Наверняка я сумел бы найти такого адвоката, но, может, у тебя уже есть кто-нибудь на примете.

— Хорошая идея, Густаво. Уверен, что смогу его найти.

— Кроме того, Говард, мы должны попросить Национальный

суд пригласить на слушания об экстрадиции Бернарда Симонса, чтобы он объяснил суду, что ты уже отбыл наказание за операцию с колонками 1973 года.

— Согласен. А что насчет этого закона, по которому экстрадиция из Испании невозможна, если обвиняемому грозит срок более тридцати лет? Мне, по всей видимости, светит пожизненное заключение или, если повезет, сто сорок пять лет.

— Правительство Соединенных Штатов убедит Национальный суд, что тебе не дадут больше тридцати лет, но это ничего не значит. Когда тебя перевезут через Атлантику, американцы все равно сделают по-своему. Но, Говард, тебя не выдадут. Если больше ничто не поможет, сработает аксьбн популяр.

— Надеюсь, Густаво. Есть еще новости?

— Да. Вчера звонил Маркус. Он разговаривал с Кацем, который сейчас в Майами. У Каца есть копии всех доказательств, которые обвинение намеревается представить против твоих соподсудимых. Он скоро привезет эти копии.

— Буду их под лупой изучать, Густаво.

Друг Густаво представил аксьбн популяр на рассмотрение в суд. Для того чтобы добавить веса аргументам, я, пользуясь вниманием прессы, написал в испанские газеты длинные письма. Посетовал, что американцы помешали мне превратить Мальорку в средиземноморский Гонконг, пустить капиталы баснословно богатых дальневосточных бизнесменов и принцев Саудовской Аравии на строительство заводов, парков отдыха и пятизвездочных отелей. Эти письма опубликовала на первой полосе пара газет. Как я и ожидал, они послужили доказательством моих порочных желаний наводнить страну деньгами от продажи наркотиков. Я дал интервью испанскому журналу «Панорама», где заявил, что Испания — рай для наркоманов и наркоконтрабандистов, что я сам ввозил в Испанию большие партии дури. Густаво подобрал еще несколько «взбешенных граждан», чтобы представить эти публикации в суд.

Между тем у нас с Хуаном кончался гашиш. Он предложил, чтобы дурь зашили в штаны и передали ему. Я попросил об этом Маркуса. Через пару ночей несколько фунсионариос зашли в камеру Хуана. Завязалась драка. Шипение слезоточивого газа, стоны боли эхом отдавались в железных коридорах. Заключенные стали бить ногами в двери. Фунсионариос вышли, не прекращая драться.

— Хуан, Хуан! Que pasa[112]? — заорал я.

— No lo se, Marco Polo. Son unos hijos de puta. Todo. Pero no se preocupe. Asi es la vida. Adios, mi amigo, y suerte[113].

Бедняга Хуан. Очевидно, фунсионариос обнаружили наркотики, а когда пришли за объяснениями, Хуан их обругал. Больше я его не видел.

У моей первой жены, Ильзе, был друг, Джерард Э. Линч, профессор права в Колумбийском университете, в Нью-Йорке. Он считался экспертом по RICO и опубликовал много работ на эту тему. Присланные им статьи помогли мне наконец уразуметь суть закона. За соответствующее вознаграждение Линч бы с радостью приехал в Мадрид и просветил Национальный суд.

Кац привез копии доказательств из Майами: более десяти тысяч листов, из которых две тысячи составляли расшифровки прослушанных телефонных разговоров. Весьма утомительное чтение и, на поверхностный взгляд, не содержащее ничего, что подкрепляло бы обвинения. Доказательства указывали на то, что большинство обвиняемых занимались чем-то противозаконным, но чем именно, не проясняли. Никто из главных обвиняемых не стал откровенничать с полицией, и я был уверен, что их и не потянет на откровения. В голову мне пришло множество вариантов защиты. Вот будет потеха! Мы снова утрем им нос.

В начале декабря меня вызвали на заседание хунты. Хотя прогулки с Хуаном пошли на пользу моему испанскому, для беседы пригласили и переводчика — заключенного-нигерийца. Все члены хунты встали, чтобы пожать мне руку.

— Ah! Senor Marks. El Marco Polo de las drogas. El famoso. Como esta?[114]

— Все в порядке. Но почему меня содержат по артикуло 10?

— Видите ли, сеньор Маркс, DEA утверждает, что вы главарь вооруженной банды.

— Неправда, — запротестовал я. — Никогда им не был. Я ненавижу насилие.

— Мы провели расследование и пришли к собственным заключениям, — объявил глава хунты. — Вы правы. Через неделю вас переведут на общий режим. Удачи, сеньор Маркс!

Я был в восторге. Написал детям и родителям. Конец свиданиям через стекло. События приняли иной оборот.

По крайней мере, я так думал, но эйфория длилась недолго. В канун Рождества пришел Густаво. В результате небывалой, крайне подозрительной интриги, все судьи, назначенные для слушания дела об экстрадиции, были отозваны. Друг Густаво больше не входил в состав этой тройки. Предполагалось, что старшим судьей станет Орбе-и-Фернандес Лосада, не скрывавший своих проамериканских убеждений и внешне похожий на генерала Франко. Дочь Лосады погибла от передозировки наркотиков. Вряд ли нам мог выпасть худший жребий. Густаво все

же надеялся, что Джуди отпустят под залог, но подрастерял часть былой уверенности. Он подозревал, что к назначению Лосады причастны американцы.

Джуди отказали в освобождении под залог, и она не смогла провести Рождество с детьми. Глубокая печаль снова овладела мной, но быстро сменилась жуткой злобой, какой я еще не чувствовал. Я мог смириться с тем, что DEA устроило несладкую жизнь мне, способному с ним бороться, это было бы по правилам. Но почему страдают те, чья единственная вина — принадлежность к моей семье? Откуда такой садизм, такая бесчеловечность? Это просто дьяволы. Нельзя забывать, что изначально агенты DEA составляли мафию президента Никсона и частенько не считались даже с теми сумасшедшими законами о наркотиках, которые навязывали с таким усердием. Тем не менее эти законы дают им право разыгрывать из себя беспощадных и всемогущих вершителей правосудия, которые отправляют женщин за решетку и заставляют плакать детей. Этому нет прощения. Они прекрасно знают, что творят. Я их ненавижу Я буду сражаться против них, пока не подохну.

Ко мне пришли дети. Я мог их трогать, обнимать и целовать. Казалось, они очень хорошо держатся и стойко переносят все испытания. Встреча с ними добавила мне сил. Детей сопровождали Маша и ее приятель Найджел. Мне не понравилось выражение его глаз, было в них что-то странное, что-то ненормальное. Может, он просто перекурил или устал.

Меня перевели в блок общего режима, в чистую камеру, откуда были видны поля, горы, забор, сторожевые вышки. Много света днем, а ночью горит электрическое освещение. Я никого здесь не знал, но многие заключенные и фунсионариос слышали про меня, так что я быстро обзавелся друзьями и разжился гашишем. Каждый день я проводил по нескольку часов в патио, выполняя дыхательные упражнения и совершенствуя свой испанский. Большую часть времени занимался йогой, а также изучал доказательства по делу. Ко мне часто приходили Маркус и Густаво. Свидания с ними всегда протекали через стекло. Как-то раз Густаво явился в сопровождении незнакомца.

— Говард, это адвокат Роджера Ривза. Наш визит позволит вам с Роджером пообщаться. Он вот-вот подойдет.

Роджер подскочил ко мне:

— Чувак, я хочу настучать на тебя. Ты не против? Извини, что выкручиваюсь таким способом. Боже мой! Извини, Говард. Очень рад тебя видеть, дружище! На больного не похож, слава Богу. Как Джуди и ребятишки? Похоже, Мари встречается с кем-то на стороне.

— Думаю, все в порядке, Роджер, но залога Джуди не назначили.

— Как так?! Дружище, этим сукиным детям пора повидать Господа.

— А что ты собираешься настучать?

— Я объясню. Прямо сейчас. Меня собираются выдать Германии, прежде чем Штаты раскачаются. Слава Богу! Это правда. Спроси моего адвоката. Для меня это хорошо. Я разговаривал с немцами из своего блока. Я признаю себя виновным, получу легкое наказание и попаду в тюрьму, а оттуда легко сбежать.

— Так зачем на меня стучать?

— Затем, чтобы получить мягкий приговор. На Мак-Канна я тоже настучу. Ты мог бы сделать то же самое, Говард. Пусть тебя выдадут Германии. Настучи на меня и Мак-Канна. Сбежим вместе и отправимся в Южную Африку выращивать марихуану. А потом на корабле доставим ее в Канаду. Про Штаты забудь. В Канаде у меня хорошие друзья. Получим хорошую цену. Я тебя уверяю.

— Но я же не участвовал в той сделке. Во всяком случае, не делал ничего, что могло бы касаться Германии. Немцы меня не обвиняли.

— Они предъявят обвинение, как только я на тебя настучу. Я рассмеялся.

— Хорошо, Роджер, стучи на меня, но только если не сработает ни один из моих остальных планов.

— В смысле?! Ты планируешь сбежать? Довольно смешно. Я подумывал о том же. Ну ничего себе! Нужно достать алмазную нить, которая перерезает решетки. Я попросил Мари положить ее в следующую передачу с едой. Не знаю, положит ли. В последнее время она ведет себя странно.

— Я думал о том, как избежать экстрадиции, а не о побеге.

— Ты не избежишь ее, Говард. Только не в том случае, если выдачи требуют США. Тебе придется иметь с ними дело. Пообещай им что-нибудь, тогда и они уступят. Это работает таким образом. Федералы никогда не проигрывают. Они получают любого, кто им нужен. Поверь мне.

Вмешался Густаво, который беззастенчиво подслушал весь разговор.

— Мистер Ривз ошибается, Говард. Американцам не всегда удается вытребовать того, кто им нужен. Они не получили Очоа. И тебя не получат. Кстати — тебя это порадует, Говард, — Балендо Ло тоже проскользнул у них между пальцев. Я только что разговаривал с Бернардом Симонсом. Партнер из его фирмы представляет интересы мистера Ло. Британские власти отказали в

его экстрадиции. В настоящее время мистер Ло — свободный человек.

— Фантастическая новость, Густаво. Это правда?

— Бернард мне сам рассказал. И конечно, он будет счастлив свидетельствовать от твоего имени на слушании об экстрадиции.

— А я продолжаю думать, что федералы его зацапают, — вставил Роджер. — Они всегда добиваются своего.

Густаво сделал мне знак, что хочет переговорить с глазу на глаз. Роджер и его адвокат удалились, каждый своим путем.

— Национальный суд разрешил вам с Джуди семейное свидание. Ее привезут сюда в начале следующего месяца. На два часа.

Каждый понедельник, примерно в одиннадцать утра, тюремный фургон доставляет пять-шесть женщин-заключенных из тюрьмы Есериас в Алькала-Меко, на встречу с пребывающими в заключении мужьями и приятелями. Мужчины терпеливо ждут в камере временного содержания с парой чистых простыней, пачкой предоставляемых за казенный счет презервативов и термосом. Каждую пару отводят в спальню и оставляют наедине. Джуди, похоже, пришла в себя и выглядела великолепно. Раковая опухоль безысходности больше не разъедала ее душу, к ней вернулось чувство юмора. Она с оптимизмом глядела на возможность избежать экстрадиции, притерпелась к тюремному быту в Есериас, подружилась с парой заключенных. Свидания с Маркусом помогали ей поддерживать связь с внешним миром. Мы поговорили о многом, но не пришли к каким-то особенным решениям.

В тот же вечер меня вызвали на встречу с Густаво. Я все еще пребывал в радужном настроении после свидания с Джуди и не сразу заметил, как он мрачен.

— Возможно, нам придется сменить тактику, Говард.

— Почему? Что случилось?

— Аксьбн популяр отклонен. Конечно, можно подать апелляцию — я уже попросил об этом своего друга, — но никто не понимает, как такое случилось. Во время судебного разбирательства выплыло, что DEA подало официальную жалобу: ты, мол, манипулируешь испанской прессой в своих собственных целях. В ответ Национальный суд издал распоряжение, запрещающее тебе давать интервью. И после этого они говорят о свободе слова! Мало того, профессору Линчу отказано в праве выступать на слушаниях об экстрадиции, а Бернарду Си-монсу — свидетельствовать, что ты уже отбыл наказание по одному из обвинений. Отклонена даже моя совершенно безобидная и резонная просьба о стенографировании судебной процедуры за

наш счет. Мы собираемся подавать апелляцию, но положение крайне возмутительное. Тебя лишают защиты закона. За все годы, что я практикую в Испании, никогда не видел подобного.

— Это означает, Густаво, что я проиграл, что меня собираются выдать, разве нет? И Джуди тоже. Теперь больше ничего не остается.

— Говард, я с самого начала говорил тебе, что дело Джуди отличается от твоего. Эти судебные постановления не скажутся на ее положении. И ты не должен терять надежду. Мы использовали не все возможности.

— О чем ты?

— Надо представить антихуисио — контраргументы. Обвинения против судей, которые ущемили твои конституционные права, не позволив представить доказательства неправомерности запроса об экстрадиции, и не защитили тебя от допроса, учиненного DEA прямо в зале заседаний в прошлом ноябре. Как только ты выдвинешь антихуисио, разумеется, обоснованное, суд будет обязан по закону приостановить судебные преследования. В конечном счете вышестоящие суды, по крайней мере, постановят, что ты должен пользоваться конституционными правами и представить свои доводы против экстрадиции. На это потребуется время, но в ближайшем будущем тебя не выдадут, а если мы сможем связать руки судьям до той поры, пока исполнится два года со дня твоего ареста, то тебя освободят в любом случае.

— Хорошая идея, Густаво. А это точно сработает?

— Нет. Существует вероятность того, что антихуисио не будет рассмотрен вовремя. Тогда ты должен публично отказаться признать юрисдикцию суда. Это даст тебе еще одну возможность оспорить решение Национального суда об экстрадиции. Говард, пожалуйста, не переживай. Мы выиграем. Но должен признать, что американцы очень сильно давят. Они разлагают нашу систему правосудия. Нам придется нелегко.

— Почему же у Испании не хватает сил противостоять американцам?

— Не только у Испании, Говард. Я оставлю тебе некоторые документы. Посмотришь, что произошло в Пакистане, на Филиппинах, в Голландии и на твоей родине. Американцы умеют всем навязать свое мнение. Ни у одной страны нет мужества дать отпор. Но не теряй надежды. Мы сделаем все, что сможем. Возможно, мы не увидимся до слушания об экстрадиции, которое состоится через неделю. Помни: ты не должен признавать, что суд правомочен решать твое дело. Да, кстати! Национальный суд решил выдать Роджера Германии.

Густаво был прав. Американцы действительно командовали всеми. «Санди тайме» сообщила, что Беназир Бхутто, недавно выбранная премьер-министром Пакистана, приписывает все беды страны терпимости к наркоторговле режима Зия-уль-Хака. Соединенные Штаты рассматривали вопрос об оказании Пакистану финансовой помощи в размере четырех миллиардов долларов. Роберт Оукли, посол США в Пакистане, во время встречи с Беназир Бхутто подчеркнул, что Америка жаждет предать суду Салима Малика. Пусть он станет первым преступником, которого Пакистан выдаст Соединенным Штатам. Беназир приняла условия сделки: не будет экстрадиции — не будет помощи. Переступив через собственную систему правосудия, Пакистан согласился выдать Малика. Страдающие манией величия агенты DEA Харлан Ли Боуэ и Крейг Ловато добились своего.

Филиппины не заключали с Соединенными Штатами договора об экстрадиции, поэтому DEA убедила власти Манилы депортировать Ронни Робба в Амстердам. Голландская полиция арестовала его прямо в аэропорту Скипхол, и он присоединился к Хоббсу в амстердамской тюрьме. Начались слушания об экстрадиции.

В Англии аннулировали залог Джимми Ньютона. Он находился в тюрьме Майами. Ему выпала честь стать единственным неамериканцем, которого выдали Соединенным Штатам за обеспечение неамериканцев неамериканскими паспортами за пределами американской территории. Хуже того, Балендо снова арестовали после повторного запроса Соединенных Штатов об экстрадиции за точно такое же преступление. Британцы, посчитавшие было, что Балендо выдавать не нужно, предоставили БЕАеще один шанс.

Я начинал понимать, что имел в виду Роджер. Федералы не сдаются.

В зале Национального суда было полно журналистов со всего мира. Джуди, Джеффри Кенион и я стояли в пуленепробиваемой стеклянной кабине посреди зала. У нас имелись микрофоны. Джеффри заговорил первым, давая согласие на экстрадицию. В пересыльных камерах внизу он объяснил мне, что адвокаты заключили для него сделку: он признает себя виновным и рассказывает DEA то немногое, что ему известно, а взамен получает свободу. Думаю, он принял правильное решение. Джеффри не принимал участия ни в одной операции с наркотиками. Только перевез для меня деньги, о чем DEA уже знало.

Следующей выступила Джуди — сказала, что невиновна и не

дает согласия на экстрадицию. Свои мотивы она доверила изложить Густаво.

Я встал и выдвинул обвинения против каждого из судей поименно, объявив, что они уже нарушили мои конституционные права, подлежат отводу и неправомочны рассматривать мое дело. Лица судей побагровели от злости. Они наорали на без вины виноватого судебного переводчика. Мне приказали угомониться. Дело продолжится, несмотря на мои протесты.

Густаво подробно описал все злоключения Джуди. Ловато арестовал ее и допросил, даже не позволив сменить пижаму на приличную одежду. Джуди без всяких оснований посадили за решетку, разлучили с детьми, нанеся им глубокую психическую травму. Нет никаких состоятельных доказательств того, что она как-нибудь нарушила закон. Ее прошлое безупречно. Уважаемые члены испанского и британского общества с похвалой отзываются о Джудит Маркс. DEA обвинило ее лишь на том основании, что она моя жена. Это несовместимо с принципами испанского правосудия.

Примерно через час судьи заерзали, им стало невыносимо скучно. Слушание отложили на неделю.

Густаво явился в комнату для свиданий вне себя от ярости.

— Судьи меня даже не слушают. Они уже приняли решение.

— Что, и в отношении Джуди?

— Ну, у Джуди все же есть шанс, но что касается тебя, дело плохо.

— Я уже с этим почти смирился, Густаво. Полагаю, ты сможешь продолжить борьбу в апелляционных судах, пока не истекут два года.

— Могу и буду. Но это слушание, возможно, станет твоим последним появлением на людях. В апелляционных судах твое присутствие не требуется.

— И?

— Может быть, стоит пойти на крайние шаги.

— Какие?

— В конце слушания у тебя спросят, имеешь ли ты, что сказать. Если ты устно оскорбишь короля Испании или саму страну, суду придется предпринять процессуальные действия. Это серьезное преступление. Я не предлагаю тебе этого делать, Говард, ты понимаешь. Я просто толкую закон.

— Я понял, Густаво. Если я все же решусь публично оскорбить короля и страну, каковы будут последствия?

— Стража выведет тебя из зала, заседание на этом закончится. А у прессы будет жаркий денек. Начнется судебное разбирательство. Несправедливости, которым ты подвергся,

предадут публичной огласке. Скандал выйдет громким. И займет много времени, что нам на руку.

Я вовсе не предвкушал с радостным нетерпением, как буду изрыгать хулу. Просто затвердил несколько предложений на испанском: «Испания превратилась в американскую колонию. Король Испании — трус. Он не лучше шлюхи, которая продает свое тело и душу американскому хозяину. Я плюю ему в лицо и сру на испанский флаг».

Пока тюремный фургон ехал из Алькала-Меко в Национальный суд, я наблюдал, как сотни мадридцев идут по своим делам в это великолепное раннее весеннее утро. Они останавливались перебросится словом и посмеяться. Сидели в кафе, беззаботно куря сигарету за сигаретой, попивая кофе и бренди. Рядом бегали дети, переполненные счастьем бытия. Лица у мужчин гордые, но приятные. Женщины представлялись мне нежными матерями либо королевами красоты. Я любил этих обыкновенных испанцев за их здоровое неуважение к правилам, за неспособность унывать и пристрастие к приятному времяпрепровождению. Лучший народ в Европе. Газеты и журналы печатали фотографии короля Хуана Карлоса и королевы Софии, занятых повседневными делами, с кружкой пива, возле «однорукого бандита». Я не мог обидеть этих людей. Они ни в чем не виноваты. Я не верил в то, что собирался сделать, поэтому струхнул. Я отсидел молча все судебное слушание, зная, что в каком-то смысле сдался. Как же я мог сражаться с DEA, если даже не решился оскорбить людей, которые сажали меня за решетку от его имени?

Национальный суд постановил, что мы с Джуди подлежим экстрадиции по обвинениям федерального окружного суда Флориды. Одна победа все же была одержана: Неваде отказали в выдаче, потому что с 1973 года, когда происходила операция с аппаратурой рок-групп, прошло слишком много времени. Впрочем, этот эпизод фигурировал в обвинительном акте федерального окружного суда Флориды, отсылавшем к статьям RICO. (Одно из главных достоинств RICO с позиций обвинения — это способность сего акта обходить сроки давности.)

Я подал на апелляцию. Джуди посчитала, что последний шанс избежать экстрадиции потерян. В то же время она была уверена, что ни один суд в мире не вынесет ей приговор за контрабанду наркотиков. Она хотела поехать во Флориду и доказывать свою невиновность в суде первой инстанции. Джеффри Кенион отправился во Флориду, где скоро должен был начаться судебный процесс над теми фигурантами, которые уже находились в США. Патрик слал Джуди панические письма,

умоляя и дальше бороться против экстрадиции, пока не закончится суд над ним. Он боялся, что DEA заставит Джуди дать показания против него. Она неохотно согласилась подать на апелляцию вслед за мной.

Интерес к судебному разбирательству в Майами не дал мне окончательно упасть духом. Положительную роль сыграло также изменение условий содержания: теперь в Алькала-Меко все заключенные-иностранцы находились в одном блоке. Впрочем, испанцы там попадались тоже. Роджер Ривз, Дарин Буфалино и Жак Канаваджио обрадовались новой встрече. Как и Сакариас. С его-то связями он не мог сидеть в одном блоке с прочими мадридскими гангстерами. В первый день нашего воссоединения Сакариас только улыбался и угощал меня крепкими косяками с марокканским гашишем.

На второй день нас не выпускали из камер до вечера. Когда я наконец вышел в патио, все толпились вокруг свежего номера «Эль Пайс». Новости были неслыханными: Эстебан Сакариас Санчес Мартинес сбежал из Алькала-Меко. Основательно обкурившись, перепилил решетки, выбрался на крышу, перелез в тени сторожевых вышек по крайней мере три наружные стены и сбежал из тюрьмы строгого режима, самой надежной в Испании. Роджер почернел от зависти.

— Я говорил тебе, что отсюда можно сбежать. Бог ты мой, ты знаешь, я бы это сделал. Готов поклясться, он перепилил решетки алмазной нитью. Мари так ее мне и не отправила, иначе был бы я теперь в Южной Африке, выращивал марихуану. Черт меня подери! Почему же Мари ее не прислала? Я собираюсь подать апелляцию против того, чтобы меня выдали Германии. Побуду здесь еще какое-то время. Если этот накуренный смог отсюда выбраться, ручаюсь задницей, что и я не оплошаю.

К нам подошел Жак Канаваджио:

— Хорошие новости о Сакариасе, Марко Поло, правда? Что с твоим делом? Тебя собираются судить в Испании? Я думаю, что аксьбн популяр — очень хорошая идея. Меня, конечно же, будут судить в Испании, и слава Богу.

Мне в голову пришла идея:

— Жак, пока аксьбн популяр не сработал, но, может, с твоей помощью дело выгорит.

— Сделаю все, что в моих силах, друг.

— Скажи испанской полиции, что это я отправил тебе пятнадцать тонн ливанского гашиша в пещеру на Коста-Брава. Тогда испанцам придется судить меня здесь.

— Марко Поло, я корсиканец. Мы ничего не рассказываем полиции. Но я попробую убедить одного из своих подельников-

французов. Это тебя устроит?

— Спасибо, Жак.

— На здоровье, Марко Поло.

Но более всего мои тюремные будни скрасило появление в Алькала-Меко Джона Парри, якобы отмывавшего миллионы с ограбления Бринкс-Мат. Испанская полиция задержала его на Коста-дель-Соль и перевезла в Мадрид, чтобы начать процедуру экстрадиции. Джона жутко хотел заполучить Скотленд-Ярд. Поговорив с ним пару минут, я понял, что встретил друга на всю жизнь, каких немного приобретаешь за годы тюрьмы. Его сочувствие, ум, юмор все время поддерживали меня. Мы всегда были неразлучны, когда не сидели по камерам. Мои родители подружились с его женой, пока навещали нас. Фунсионариос перевели его в соседнюю камеру. Мы подробно обсуждали наши дела, помогая друг другу выстроить линию защиты.

В моем случае дело тормозилось тем, что еще не закончился процесс в Майами над Патриком Лэйном, Эрни Комбсом и остальными. Суд начался в апреле. Я следил за ходом разбирательства через сестру Джуди, Наташу, которая жила во Флориде, и Маркуса. Джимми Ньютон, Джеффри Кенион, Джон Фрэнсис (который якобы помогал Джону Денби перевозить деньги) иУивоннаУиллс, жена Джерри, признали себя виновными в обмен на освобождение. За исключением Джона Фрэнсиса, все согласились, если потребуется, выступить свидетелями обвинения. Адвокаты тех, кто не признал себя виновными, предпринимали отчаянные попытки исключить из числа доказательств записи телефонных разговоров. К удивлению всех, включая само обвинение, судья Джеймс К. Пэйн постановил, что такие записи могут служить доказательствами. Присяжные признали виновными Эрни, его подружку Пэтти и Патрика. Рика Брауна, долгое время перевозившего для Эрни наркотики, и Тереситу Кабальеро, девушку Патрика, которую я не знал, оправдали. Вынесение приговора тем, кого признали виновными, должно было состояться через пару месяцев.

Я получил стенограмму процесса в Майами, копию записей телефонных разговоров и моих диалогов с лордом Мойниханом. Никто из подсудимых не выступил в свою защиту. Никто не пытался дать собственную интерпретацию доказательствам. Я знал, что это ошибка. Только виновные избегают перекрестного допроса, надеясь, что несостоятельность обвинения откроет им путь к свободе.

Агенты DEA допустили вопиющий промах. Не зная, по-видимому, о существовании Джарвиса, они предположили, что это я доставил клети с гашишем для «Американ президент л айн»

в порт Карачи в 1984 году. Харлан Ли Боуэ и сотрудник британского таможенного ведомства Джон Стивенсон настолько в это уверовали, что убедили нескольких пакистанских рабочих опознать меня. Но я-то в те дни находился за пределами Пакистана. Существовало множество способов установить сей факт и в очередной раз доказать суду, что Майкл Стивенсон не всегда правильно отражает реальность. И теперь, в отличие от того инцидента в Олд-Бейли, правда была бы на моей стороне.

Прослушивая кассеты, я искал запись разговора с Мойниханом, в котором опровергал свое участие в канадской сделке и других операциях в США. Такой записи не было. Я попробовал обнаружить ссылку на тот разговор в стенограмме. Агент DEA показал, что его секретарь по неосторожности стер двадцать минут записей, но что Мойнихан засвидетельствовал, будто на протяжении этих двадцати минут я рассказывал ему о своем участии в североамериканских поставках. Итак, DEA не остановилось перед уничтожением доказательств, которые его не устраивали, и лжесвидетельством. Меня это не удивило.

Оригинальных записей телефонных разговоров больше не существовало. Суду Майами преподнесли довольно жалкое объяснение: испанская полиция из экономии была вынуждена использовать кассеты еще раз. Очевидно, агентам DEA не пришло в голову потратить хотя бы малую толику из нескольких миллионов долларов, отпущенных на расследование моего дела, на оснащение обнищавшей испанской полиции современной звукозаписывающей аппаратурой, не говоря уже о нескольких чистых кассетах.

Крейг Ловато, однако, догадался сделать копии тщательно скомпонованной подборки из пятисот разговоров и фрагментов бесед, прежде чем у испанцев кончилась пленка. Из них он составил набор «составных дубликатов», что-то вроде аудиоколлажа, звуковой «нарезки». Ловато не сомневался, что опознал всех собеседников, однако на самом деле ошибся почти тридцать раз. Некоторые ошибки были вопиющими, например, когда голос Чи Чуен Ло, говорившего с отчетливым акцентом, приписывался лорду Мойнихану или говор кокни Мики Уильямса выдавался за речь Салима Малика.

Каждый день я тратил несколько часов на собственную расшифровку данных прослушки. В материалах обвинения попадались уморительные ошибки. В большинстве случаев было очевидно, что составлявший расшифровку (вероятно, Ловато) просто ослышался.

Вместо Tight (трудный) записал Thai (тайский), eight o'clock (восемь часов) превратилось в Bangkok (Бангкок), Cats (кошки) —

в cash (наличные), of course (конечно)— в at the coast (на побережье) и так далее.

На судебном процессе в Майами Ловато объяснил, что несколько отрывков относятся к поставкам наркотиков из Пакистана в США. Он ничем не рисковал: разговоры велись туманные, в них почти не звучали настоящие имена, названия мест. Их можно было отнести к любой операции, происходившей где угодно. Ловато в своих показаниях истолковывал «там» как «в Калифорнии», а «Мозамбик» — как «Мексика», но ничто не мешало дать этим словам другую, вполне убедительную интерпретацию. Как-никак испанцы, затевая свое расследование в 1985 году, считали, что я ввожу контрабанду в их страну. Голландцы, которые в то же самое время прослушивали коммутатор Хоббса в Амстердаме, ни минуты не сомневались, что речь идет о ввозе наркотиков в Королевство Нидерландов. И те, и другие опирались на множество доказательств, подкрепленных собственными трактовками двусмысленных телефонных разговоров. Возможно, многие из вовлеченных в расследование стран имели основания полагать, что наркотики будут проданы на их территории.

Я обретал точку опоры и воодушевился. Возможно, моя новая легенда окажется не столь захватывающей, как сага про агента разведки, но есть шанс, что она сработает. При существующем раскладе было бы глупо притворяться, что я не занимался контрабандой наркотиков, но стоило сделать вид, что я и не думал ввозить наркотики в США, где за это дают астрономические сроки. Я не сумасшедший, чтобы решиться на такое. Полно мест, где за наркотики платят гораздо больше, попасться не так легко и законы не столь суровы. Помимо умозаключений Ловато набиралось сравнительно немного доказательств того, что я ввозил гашиш в США. С 1973 года в Штатах арестовали только одну мою поставку — две тонны, отправленные для правительства США на военно-морскую базу в Аламеде. Но с этим эпизодом БЕАуже село в лужу при любезном содействии Майкла Стивенсона. Какую же страну выбрать? Куда мог я отправить десять тонн пакистанского гашиша?

Выбор ограничивался государствами Западной Европы, Канадой или Австралией, потому что только тамошние наркодилеры могли потянуть такой груз. Я начал выстраивать три независимых сценария, по одному на страну, сверяясь с доказательствами обвинения. Это требовало немалых усилий, у каждого сценария имелся потенциал. Мне предстояло как-то объяснить происхождение миллионов долларов, арестованных в Соединенных Штатах, но в конце концов, отмывание денег

происходило во всем мире, и денежные потоки проходили через самые невероятные места. Я мог изобрести множество причин, по которым покупатель гашиша (из любой страны) пожелал произвести расплату в США долларами, валютой всех международных черных рынков. Пока на меня не донесут, ничего страшного не случится, даже в случае экстрадиции.

Меня навестил Маркус и сообщил ужасные новости. На каникулы детей отправили в Великобританию повидаться с друзьями и родственниками. Пока они там гостили, Франческа посетила нашего семейного врача Бейзила Ли. Девочка разрыдалась у него на глазах и рассказала об ужасающих условиях, в которых жила. Найджел был безнадежным наркоманом и алкоголиком. Транжирил мои деньги, просматривал все ее письма, адресованные мне и Джуди. Развлекался тем, что избивал Машу и держал детей взаперти в комнатах по нескольку часов подряд. Как-то раз маленького Патрика нашли в канаве посреди ночи, пока Найджел надирался в соседнем баре. Жизнь Франчески превратилась в сплошные мучения. Она была в отчаянии. Ей исполнилось всего восемь лет.

Доктор Ли написал Джуди очень резкое письмо. Найджел и Маша должны были уехать. Маркус объяснил, что Наташа Лэйн с двумя детьми готова прилететь в Пальму и жить до возвращения Джуди, если я оплачу расходы. От шока я не находил слов. Подозревал ведь, что с Найджелом дело неладно, но такое... Наташа так Наташа. Лучшего мне не придумать. Я был бессилен помочь своим детям, и ночами их боль терзала меня в отместку.

И в следующий свой визит Маркус явился с плохой вестью. Джонни Мартин скончался от сердечного приступа в Брайтоне. Ближе к кончине он из-за пристрастия к наркотикам превратился в развалину. Это был уже не тот Джонни, которого я любил. И все равно я переживал потерю старого друга, с которым меня связывало много прекрасных воспоминаний. Я очень сочувствовал его жене Синтии и детям.

Наконец Маркус пришел с прекрасными новостями. Патрика Лэйна, которому светило пожизненное заключение или сто двадцать лет тюрьмы, приговорили всего к трем годам.

Всего три года! Может, мы зря переживали? Неужели судья Пэйн догадался, какой фарс разыграло DEA? Должно быть, он осознал, что не настолько мы плохи, и решил отпустить нас, прежде чем действительно скверные парни возьмут в свои руки бизнес с гашишем. Если Патрику дали три года, чего мог ожидать я? В два раза больше? Не так уж страшно. Выйду на свободу через несколько лет. Что касается Джуди, то ей не дадут больше трех минут. И уже не заставят давать показания против Патрика.

Значит, ей больше нет смысла сражаться против экстрадиции. В США существует закон о безотлагательном судебном разбирательстве. Джуди оправдают через несколько недель. Даже если ее признают виновной, что маловероятно, судья Пэйн вряд ли захочет, чтобы она и дальше сидела в тюрьме.

Я написал адвокату, который добился оправдания Рика Брауна. Этот юрист из Лос-Анджелеса, по имени Дон Ре, в 1984 году успешно защитил Джона Де Лореана, конструктора и производителя автомобилей из Белфаста, которого обвиняли в перевозке кокаина. Дон Ре пользовался первоклассной репутацией. Он согласился прилететь в Мадрид на встречу со мной и с Джуди, потребовав для начала двадцать пять тысяч долларов.

Дон Ре согласился с тем, что Джуди лучше отправиться в Соединенные Штаты. Он обещал позаботиться о ней сразу по прибытии и добиться ее скорейшего освобождения, если получит двадцать пять тысяч долларов. Я принял его условия. Американские адвокаты недешевы. Дон Ре уже получил столько же, сколько Густаво.

Чем дальше, тем больше я убеждался, что Австралия идеально подходит на роль страны, куда будто бы отправлялись наркотики в 1986 году. Австралия не раз мелькала в материалах расследования. Из доказательств по делу явствовало, что Эрни Комбс возил дурь из Индии в Австралию в семидесятых годах, а в восьмидесятых Филип Спэрроухок переправлял в страну кенгуру тайскую марихуану. Мне отказали в австралийской визе в 1985 году. DEA и австралийская полиция поставили радиомаяк на траулер Джерри, пока судно стояло на якоре в австралийских водах в 1986 году. У Карла имелся австралийский паспорт, у меня — поддельные корочки с австралийской визой. Документально подтверждалось, что Мойнихан занимался контрабандой героина в Австралию и был завербован австралийской разведкой. Джуди побывала в Австралии в то самое время, когда я встречался с Мойниханом в Маниле. Джо Смит считался крупнейшим в Австралии контрабандистом марихуаны. Несколько моих соподсудимых посещали Австралию в интересующий меня период. Записи телефонных разговоров изобиловали ссылками, которые — при творческом подходе — удалось бы отнести к Австралии. Из всего этого я мог бы слепить правдоподобную историю.

С помощью Маркуса я добыл подробные хроники событий, происходивших в Австралии. Связал кое-какие из них с туманными намеками в записях телефонных разговоров. Изучал политику этой страны, данные о преступности, потреблении

наркотиков, наркоперевозках и банковских системах, пока случайно не натолкнулся на публикацию о «Нуган-Хэнд Лимитед», частном австралийском банке.

В 1973 году Фрэнк Нуган и Майкл Хэнд открыли банк в Сиднее. Нуган был австралийским плейбоем, чья семья владела фруктовыми плантациями в том самом районе, где собирают основной урожай марихуаны. Хэнд, агент ЦРУ из Нью-Йорка, в прошлом принадлежал к числу «зеленых беретов», руководивших карательной операцией «Феникс» во Вьетнаме[115]. Он работал в «Эйр Америка», принадлежащей ЦРУ авиакомпании, которая при Никсоне отвечала за поставку тонн опиума из «золотого треугольника» на западные рынки. Официально считалось, что уставный капитал нового банка сформирован из денег, вложенных в недвижимое имущество американскими солдатами, решившими отдохнуть от истребления вьетнамских женщин и детей.

В 1977 году банк открыл филиал в Чиангмай, в Таиланде, рядышком с офисом DEA. За короткое время «Нуган—Хэнд» расширил сферу своих интересов — занялся финансированием строительства казино в Лас-Вегасе, вложением части богатств шаха Ирана, международной контрабандой оружия и отмыванием денег, вырученных от контрабанды опиума и героина. Совет директоров банка состоял из высокопоставленных американских военных.

В 1980 году Фрэнка Нугана нашли мертвым. Либо его убили, либо он совершил самоубийство, требующее навыков профессионального акробата. Майкл Хэнд исчез. Банк развалился. Куча народу из американской военной верхушки потеряла свои деньги. Сенат США провел расследование при закрытых дверях и закрыл дело.

Карла незаслуженно обвиняли в убийстве Фрэнка Нугана, а газета «Санди тайме» полагала, что Мойнихан был связан с «Нуган-Хэнд Лимитед».

Самое то для захватывающей истории, на которые так падки присяжные. Я мог бы даже тряхнуть стариной, воскресив миф о своей принадлежности к МИ-6. Безобидный контрабандист марихуаны промышляет в разных частях неамериканского мира и держит ухо востро, чтобы в случае чего сигнализировать оксфордским приятелям в МИ-6. Я прибег к услугам Джерри Уиллса, чтобы доставить гашиш в Австралию, а затем использовал Джейкоби и Сунде для отмывания вырученных денег. Австралия очень жестко контролирует свою валюту. Джейкоби знал в Штатах агентов ЦРУ, владеющих огромными денежными запасами и готовыми обменять их на наличные в Австралии.

Пользуясь самыми разными способами вывоза денег из США, мы забирали оттуда деньги и платили всем заинтересованным лицам. Никаких наркотиков в Америке не было и в помине. Я представил полный отчет об операции моим начальникам в МИ-6, которых больше всего интересовали агенты ЦРУ с чемоданами долларов. В отчаянной попытке замести следы, ЦРУ и DEA через австралийскую полицию обратились к своему партнеру по банку «Нуган—Хэнд», лорду Мойнихану, с просьбой помочь им меня подставить. Они хотели убедить мир, что наркотики предназначались для американского рынка, и ЦРУ не отмывало денег в Австралии.

Я был уверен, что эта австралийская защита сработает. Она казалась куда правдоподобнее выручившей меня истории про агента мексиканской разведки. Но есть ли чувство юмора у американских присяжных?

Летняя жара 1989 года в Алькала-Меко стала удушающей. Я сохранял приверженность занятиям йогой, обдумывая защиту, покуривал и гулял по патио с Джоном Парри. Роджер разрабатывал план побега. Дело о моей экстрадиции теперь полностью находилось в руках Густаво и судов: апелляционного подразделения Аудиенсия Насиональ, неповоротливого Верховного суда и практически недвижимого Конституционного суда. Эта юридическая канитель отнимала уйму времени.

В конце июля по испанскому национальному телевидению про меня показали сорокаминутный документальный фильм, проникнутый сочувствием к моему положению. За ним последовали десятки писем от испанских граждан. Каких только предложений они не содержали, начиная с оплаты моих судебных издержек и кончая близким знакомством с самой знойной сеньоритой из всех, что мне когда-либо снились. Испанцам было стыдно за то, что власти выдают меня Америке.

После телевизионной программы Эмбер, Франческа и Патрик навестили меня, а потом Джуди. Они знали, что это последняя встреча с матерью перед ее отправкой в Америку, и девочки были очень напуганы. Патрик казался счастливым, но не произнес ни слова с нашего ареста год назад. Эмбер и Франческа весь вечер всхлипывали, сидя у меня на коленках.

— Папочка, мы увидим тебя здесь, когда мамочка уедет?

— Конечно, любимые мои. Вы сможете приходить ко мне каждые два месяца. Очень скоро мы снова увидимся.

Я ошибся. Прошло почти пять душераздирающих лет, прежде чем я увидел их вновь.

На прогулке ко мне подошел Жак Канаваджио:

— Марко Поло, я не могу тебе помочь. Мне сказали, что если

кто-нибудь из моих людей скажет, будто ты участвовал в ливанской поставке на Коста-Брава, эти американские свиньи потребуют моей экстрадиции, как члена твоего картеля. Эти ублюдки из DEA — сумасшедшие.

— Понимаю, Жак. Не переживай.

— У тебя всегда будет друг на Корсике, Марко Поло. Не забывай об этом.

Вслед за Жаком подвалил Дарин Буфалино:

— Здорово, англичанин! Что новенького?

— Я не англичанин. Уэльсец. Это вы, янки, все одинаковые.

— Я не янки. Наполовину ирландец, наполовину итальянец.

— А в чем разница?

— Ты сам это начал, англичанин, но послушай. Через несколько дней меня собираются выдать старым добрым Штатам. Могу я тебе чем-нибудь там помочь? Я буду в тюрьме, но у меня есть связи, Говард, ты знаешь.

Я решил держать свою австралийскую защиту в секрете и опасался пересылать результаты своих изысканий через Густаво. Кроме того, хотел пустить агентов DEA по ложному следу, чтобы потом застичь их врасплох.

— Дарин, ты готов слить кое-какую информацию DEA? Ложную информацию. Никто, кроме них, от этого не пострадает. Ты бы меня здорово выручил.

— Послушай, чувак, я полностью тебе доверяю. Но если я сделаю такое, в досье напишут, что я стукач, козел. Это может подпортить мои планы на будущее. Что угодно, только не это.

Криминальная этика, черт ее дери... Нужно придумать что-нибудь другое. Я поделился своей проблемой с Джоном Парри.

— Ничего сложного, Говард. Изложи фальшивую версию защиты на бумаге. Если, упаси бог, тебя повезут в Америку, возьмешь эти записи с собой. Во Флориде ублюдки из DEA непременно их у тебя отберут. Снимут копии и вернут, как ни в чем не бывало. Посчитают, что разделались с тобой. А потом ты им выдашь свою настоящую защиту.

Это был разумный совет.

Джуди улетела. Прямо перед посадкой на самолет в международном аэропорту Мадрида ей разрешили отправить мне телеграмму. «Молись за меня», — написала Джуди. Я молился, плакал и слышал рыдания своих детей.

Дарина Буфалино отправили в Бостон. Еще немало заключенных, сидевших вместе со мной, выдали разным странам. Роджер всех просил, чтобы черкнули письмецо и подробно описали процедуру перевозки. Несколько писем дошло.

— Позволь сказать тебе кое-что, приятель. Сбежать из этого

аэропорта в Мадриде как два пальца обоссать. Если я сделал это в Амстердаме, то и здесь с божьей помощью не оплошаю.

— Роджер, здесь на тебе будут наручники.

— Послушай, я был в наручниках, когда выпрыгнул из окна в суде Пальмы. Насрать на них! И потом, полицейские снимают наручники в зале отправлений. Готов поспорить, ни там, ни в самолете ты в жизни не видел парня в наручниках. Чертовски уверен, что так. Я просто пересяду на другой самолет. Может, полечу прямо в Южную Африку. Эх, не могу дождаться этой поездки в аэропорт!

Вскоре после нашего разговора Роджера выдали Германии, куда его доставили на машине. Как и планировалось, он признал себя виновным, донес на меня и Мак-Канна. Немецкий суд дал ему семь лет, которые он должен был отбывать в тюрьме строгого режима в Любеке.

В пятницу 31 октября ко мне пришел Густаво, взволнованный и злой:

— Невероятно! Просто невозможно! И апелляционный, и Конституционный суд отклонили наши иски против экстрадиции. Аксьбн популяр тоже не прошел. Обычно на рассмотрение таких дел уходят годы. В твоем случае решение принято практически мгновенно. Беспрецедентно.

— Осталась еще какая-нибудь лазейка, Густаво, или меня отправляют в Майами?

— Еще нет постановления Верховного суда. Тебя не должны выслать, пока дело на рассмотрении. У меня есть кое-какие наметки. Обсудим их в понедельник. В выходные попытайся просто расслабиться.

На следующий день я работал над фальшивой защитой, призванной сбить DEA с толку. Документы, относящиеся к австралийской версии, и доскональный анализ каждого пункта доказательств обвинения я отдал Густаво. Фальшивка сводилась к следующему: после того как я поработал на мексиканскую разведку и отбыл срок за операцию 1973 года, МИ-6 отправила меня на Хайберский проход. США и Великобритания взяли курс на поддержку моджахедов в оккупированном СССР Афганистане. Помимо официальной финансовой помощи оказывалось тайное содействие незаконному сбору денег за счет экспорта афганского гашиша. В 1986 году груз гашиша пришел от моджахедов, о чем говорит клеймо на каждом куске. Вполне очевидно, что в поставке через «Американ президент лайн» в 1984 году замешано ЦРУ. Я не нарушал американских законов. В Пакистане выполнял поручения МИ-6 и ЦРУ, помогая избавить мир от коммунистической заразы. Винить меня за это чудовищно.

В папку с надписью «Попытайся по возможности использовать» я вложил вырезки из газет: сообщения о том, как «горячие деньги» ЦРУ попали к афганским повстанцам, как ИРА покупала у моджахедов «стингеры»; статьи об угоне ООП американского авиалайнера со взлетной полосы аэропорта Карачи, о базах моджахедов на Хайберском проходе, где обучали арабских и филиппинских террористов; материалы журналистских расследований обстоятельств гибели президента Зия-уль-Хака. До кучи прибавил полную чепуху про коммунистическую ячейку в Непале, которая будто бы контролирует мировые поставки гашиша.

Агенты DEA ожидали, надо думать, чего-то подобного.

В воскресенье всю первую половину дня я провалялся на кровати, дымя косяками. В четыре часа, когда нас заперли по камерам, чтобы мы поели, в дверь вежливо постучал один из дружелюбных, молодых и говоривших по-английски фунсионариос.

— Марко Поло, пожалуйста, собирай вещи, — сказал он. — Ты сейчас уезжаешь. Я вернусь через двадцать минут, когда откроют все камеры. Пожалуйста, будь готов к этому времени.

Шаги фунсионарио смолкли, а меня затрясло, как от холода. Не переставая дрожать, я принялся засовывать в наволочку свои записи и прочее имущество.

— Говард, я не ослышался? — спросил Джон Парри из соседней камеры. — Если так, то скрути косячину покрепче с марокканским гашем. Когда еще снова курнешь. Не волнуйся. Все будет отлично. Не вешай нос! Все эти гамбургеры и хот-доги, что тебя ждут, будут покруче здешней паэльи.

Я закончил собирать манатки, свернул огромный косяк и засунул оставшийся гашиш в трусы. Задымил как паровоз. Дверь в камеру открылась. Клубы дыма окутали фунсионарио. Тот рассмеялся и повернул обратно. Джон Парри побежал за ним:

— Фунсионарио, посмотри на Марко Поло! Он курит чоколате. Ты должен его повязать. Пусть отбывает срок в этой тюрьме. Нельзя отпускать его в Соединенные Штаты.

— Нет-нет, — покачал головой тюремщик. — Марко Поло может делать что хочет. Только Соединенные Штаты заставят его платить. Я разрешаю ему курить гашиш. Но пусть поторопится — его ждет Интерпол.

— Не думаю, что Марко Поло это сильно беспокоит, — заметил Джон. — Интерпол он терпеть не может. И в любом случае я должен нести его мешок. Я всегда носил его мешок.

— Хорошо, можешь нести его мешок. Но, пожалуйста, поторопись.

Нас провели через коридор. Джон Парри нес мою наволочку, а я курил свой гигантский штакет. Нас ждали около десяти охранников в униформе и несколько суровых человек в штатском.

— Вот здесь я и попрощаюсь, Говард. Крепись!

У нас обоих текли слезы. Мы обнялись, прощаясь друг с другом.

Меня очень быстро препроводили в фургон, отвезли в полицейский участок и засунули в камеру временного содержания. Полицейские наотрез запретили мне с кем-либо разговаривать, но были невероятно дружелюбны, чуть ли не извинялись, угощали едой, кофе и сигаретами. Когда меня заперли в камере на ночь, я проглотил кусочек гашиша и заснул.

Ранним утром меня вывели из камеры. Рядом с испанскими полицейскими стояли трое людей, явные американцы: латинос, чернокожий, ирландец.

— Вас зовут Деннис Говард Маркс? — спросил латинос. Я кивнул.

— Мы представители Федеральной службы судебных приставов Соединенных Штатов. У нас есть ордер на перевозку вас в Соединенные Штаты. Сейчас вас освободят от всех вещей, кроме тех, в которые вы одеты, а я произведу обыск.

— Его уже обыскивали, — соврал один из испанских полицейских в штатском.

— Я предпочел бы обыскать его лично. Пожалуйста, сделайте отметку в досье. Мистер Маркс, будьте любезны, передайте мне ваши сигареты и просуньте руки в наручники.

— Я не могу без курева, особенно в самолете.

— Мы дадим вам сигареты, когда понадобятся.

— Хорошо бы прямо сейчас.

— Придется подождать, пока не доберемся до аэропорта. Время поджимает. Мы дожидались вас с пятницы. Много бумажной волокиты. В любом случае сомневаюсь, что мои испанские коллеги позволят вам дымить в офисе.

— Por favor, hombre![116] — сказал интерполовец, протягивая мне сигарету.

На головокружительной скорости троих судебных приставов, служащего Интерпола и меня домчали в мадридский аэропорт. После часа в камере временного содержания я был отконвоирован на борт совершенно пустого «Боинга-747» линии «Пан-Американ». Двое приставов сели по бокам от меня, третий — сзади. На борт начали подниматься обычные пассажиры. Латинос неожиданно напустил на себя очень гордый вид:

— Мы на американской территории. Американский самолет — это часть территории США, где бы он ни находился. Зачитай

ему права!

И они зачитали мне права, совсем как в кино.

41526-004

Я ненавидел каждую минуту полета. Как только мы приземлились в Нью-Йорке, пристав-латинос надел мне цепь на пояс и повел, как ручного шимпанзе, через лабиринт коридоров. Сначала меня не пропускала Служба иммиграции и натурализации США, потому что я не имел американской визы и был осужден за контрабанду. Затем приставов не пускали на посадку, потому что они потеряли пересадочные билеты на самолет до Майами и не удосужились оформить разрешение на оружие, прихваченное, чтобы пристрелить меня, если бы я решился спрыгнуть с самолета. Незадолго до полуночи мы прибыли в международный аэропорт Майами, где нас встретил еще один судебный пристав, очень молодой и очень крупный чернокожий с бритой башкой, в цветастой до жути футболке, украшенной Микки Маусом. Все мы уселись в большой лимузин, за рулем которого сидел пятый пристав, и поехали по автобану к большому комплексу, в который входили жилые строения, завод, часовня и озеро. Он напоминал деревню-сад. Это был Федеральный исправительный центр Большого Майами. Тучная женщина в мини-юбке с полуавтоматической винтовкой, махнула рукой в сторону стойки регистрации. Я оказался единственным вновь прибывшим. Тюремные надзиратели забрали все мои личные вещи, раздели меня догола, заглянули мне в жопу, заставили оттянуть назад крайнюю плоть. Мне присвоили номер 41526-004, сфотографировали, сняли отпечатки пальцев и отвели в одиночную камеру. Я не мог спать. Часа через два, в три ночи, надзиратель за дверью рявкнул:

— Имя.

— Маркс, — ответил я.

— Номер?

— Не помню. Я только что сюда прибыл.

— Номер?

— Не помню.

Надзиратель исчез и вернулся с тремя другими. Они отвели меня в холодную камеру временного содержания, в которой было полно колумбийских и кубинских торговцев кокаином. Я посчитал, что нас всех должны отправить в суд. Почти всех этих колумбийцев и кубинцев каждый день таскали на судебные заседания. Они уже выбились из сил. Подъем в три ночи, пять часов во временной камере, потом поездка в наручниках и кандалах на автобусе в суд и еще часа четыре в зале. Затем

несколько часов в огромной временной камере в здании суда и назад, в тюрьму. Ни поспать до полуночи, ни скоротать время за чтением книги или газеты. В таких вот условиях эти люди сражались с правительством США за свою свободу.

Я находился в суде всего несколько минут. Судья перенес разбирательство на завтра. Четыре или пять дней меня возили из тюрьмы в суд и обратно, и каждый раз мое пребывание в храме правосудия оказывалось недолгим. Агентов DEA и репортеров не наблюдалось. Во время последней поездки я увидел Роберта О'Нила, помощника федерального прокурора, с которым познакомился в Испании. Он сказал, что мне предъявлено обвинение и назначен адвокат, федеральный государственный защитник, услуги которого оплачивает правительство США. О'Нил посоветовал поискать другого, получше.

Поскольку я уже провел в исправительном центре несколько дней, меня перевели в общежитие в главном здании тюрьмы. Следующее утро выдалось необыкновенно солнечным, и в дозволенное время я отправился на прогулку вокруг озера. По водной глади скользили утки, а на берегу лежал пластмассовый аллигатор. Везде бетонные столы и скамейки. Рядом с озером корты для игры в бадминтон и теннис, гимнастический зал на открытом воздухе, беговая дорожка, футбольное поле, поле для метания молота и площадка для игры в баскетбол, боулинг, столовая, магазин, библиотека, кинотеатр на открытом воздухе, бильярдные залы, телевизионные комнаты и торговые автоматы. Кто-то кинулся мне навстречу. Малик!

— Д. Г. Маркс. Вот мы и снова здесь вместе. На все есть воля Аллаха. А это, как говорят американские ублюдки, страна Бога, земля свободных людей.

— Как, черт возьми, они добились твоей выдачи, Малик?

— Все политика... При Зие этого бы никогда не произошло, но теперь у власти Беназир. Ей нужен американский доллар. Апелляционный суд Пакистана меня выдал. А на следующий день судьям вручили американские визы и зеленые карты. Теперь живут как боги в Вашингтоне. Счастливы, что уехали из страны третьего мира, перебрались в пристойное место. DEA уговаривает меня признать себя виновным, сотрудничать с ним и стать доносчиком. Тогда отправит обратно, в Пакистан. Я сказал: «Почему бы и нет?». Такого дерьма-то понарассказываю.

— Малик, ты же не собираешься давать против меня показания, правда?

Он улыбнулся.

— Если я это сделаю, Д. Г. Маркс, можешь провести перекрестный допрос. Увидишь, что я могу учинить. Наговорю

всякого дерьма. Мы с тобой занимаемся бумагоделательным бизнесом.

— А что с твоим племянником, Афтабом?

— Он на меня донес.

— И против меня будет давать показания?

— Если попросит DEA, будет.

К нам подошли Джим Хоббс и Ронни Робб. Их обоих без проволочек выслали из Голландии. В Штатах им пообещали немедленное освобождение, если признают себя виновными и заложат всех, кого знали. Они отказались от этого предложения и ждали судебного процесса.

Следующим я увидел Эрни, впервые за последние десять лет. Он сбросил лишний вес и выглядел как в 1973 году.

— Просто охренительно...

— Эрни, прости за все глупости, что я натворил.

— Забудь! Я и сам малость оплошал. Тюрьма меня не беспокоит. Мне не вынести мысли, что мою Пэтти упекут за решетку на семь лет. Я сделаю все, чтобы ее вытащить. Все, что угодно.

К нам подошел Патрик Лэйн. Прошло пять лет, с тех пор как я его видел. Подобно Эрни, он выглядел необыкновенно здоровым и загорелым.

— Должно быть, счастлив, что получил только три года? Это почти что оправдание.

— Ошибаешься, Говард. Обвинение собирается подавать апелляцию.

— То есть?! На каком основании?

— На том, что я продолжал заниматься бизнесом с лордом Мойниханом после 1 ноября 1987 года. Это означает, что на мое дело распространяется Закон о реформе практики вынесения приговора, а он предусматривает гораздо более суровое наказание, нежели то, которое мне назначил судья Пэйн. Обвинение считает, что мне должны дать пятнадцать лет без права досрочного освобождения. Похлеще, чем Эрни. Он-то, по крайней мере, сможет освободиться до истечения срока. А я нет. Когда выйду из тюрьмы, новый век уже давно наступит. Я не могу так поступить со своей женой и детьми.

Мы уселись вшестером и принялись обсуждать прошлое и настоящее. Я не брал косяка в рот уже почти неделю.

— Эрни, дурь здесь можно достать?

— И не думай.

Днем я встретился с несколькими адвокатами из Майами. Они все сверкали атрибутами богатства, заработанного на контрабанде наркотиков, и почти все утверждали, что имеют

близких друзей среди обвинительной стороны, с которыми могли бы заключить выгодную сделку, если я расколюсь. Один из юристов, Стив Бронис, держался иначе: был холоден как лед, не расточал улыбок.

— Мистер Маркс, прежде чем мы начнем, позвольте мне прояснить один момент. Если вы намереваетесь признать себя виновным и сотрудничать с правительством США, то я не ваш адвокат.

— Вы мой адвокат. Пока я могу себе это позволить. Сколько стоят ваши услуги?

— Я получу документы из суда и прочитаю их. Тогда дам вам знать.

Вечером я поговорил с некоторыми другими заключенными, опять же главным образом с кубинцами и колумбийцами, и вынес из этих бесед отчетливое убеждение: любого могут признать виновным, если только он не невинен как младенец и способен доказать это, не оставив ни тени сомнения. Единственный способ избежать сурового приговора — это стать доносчиком либо таковым прикинуться.

Даже улегшись спать, я все не мог успокоиться. Ни за что не стану доносчиком, стукачом, фискалом, осведомителем, изменником, предателем, Иудой, обреченным терпеть вечную казнь на самом дне Дантова ада. Иначе как посмотрю я в глаза своим детям или родителям? Если Пэтти признали виновной и дали ей семь лет, что случится с Джуди? Она тоже неспособна на донос. Неужели ей суждено провести много лет в тюрьме? Неужели меня упекут за решетку навсегда? Как же наши дети справятся с этим без нас? Нельзя сдаваться. Приставы в суде сказали, что мои личные вещи переданы агентам DEA. Идея Джона Парри сработала. Теперь в DEA читают мою писанину. Я застану их врасплох на суде. Добился ведь оправдания в Олд-Бейли, добьюсь и здесь. Утром поговорю с Хоббсом и Маликом, попрошу, чтобы сказали, будто пакистанский гашиш предназначался для Австралии, а не для Штатов. С тем я и заснул.

— Имя?

— Маркс.

— Номер?

— 41526-004.

— Ты едешь в суд, Маркс. Сложи все вещи в шкафчик. Тринадцать часов я проторчал в камере временного содержания суда Майами. Заседания кончились, а меня так и не вызвали. Мне удалось привлечь внимание судебного пристава и спросить, что происходит.

— Какой у тебя номер? — поинтересовался пристав.

— 41526-004.

— Тебя переводят в другое учреждение.

— Куда?

— В Норт-Дейд.

Я уже слышал это название. Именно там держали Джуди. Я обернулся к остальным заключенным:

— Меня отправляют в женскую тюрьму, в Норт-Дейд. Моя жена как раз там. Фантастика!

— Там сидят не только женщины, — заметил один из сокамерников. Туда сажают стукачей. У тебя будут каникулы, британ.

Норт-Дейдский центр содержания под стражей — это скорее тюрьма штата Флорида, нежели федеральная. В тюрьме штата обычно содержатся преступники, нарушившие его законы. Международная контрабанда наркотиков — федеральное преступление, но правительство США нередко арендует тюрьмы у властей штата, чтобы использовать их в собственных целях. В Норт-Дейд отправляли женщин-заключенных, число которых все увеличивалось, а также доносчиков, опасающихся расправы. Внутри тюрьма вполне соответствовала тому, что показывают в американских фильмах: двери камер в виде металлических решеток, электронные запоры, телевизоры, по одному на несколько камер, которые никогда не выключались, телефоны. Зона отдыха на улице представляла собой небольшую клетку со столом для пинг-понга и тренажером, которыми могли пользоваться лишь несколько человек одновременно. Других удобств, кроме тех, что требуются для личной гигиены, не имелось. Заключенные-мужчины — сплошь признавшие себя виновными доносчики, которых поймали на контрабанде кокаина. В обмен на смягчение приговора они соглашались давать показания против своих партнеров по бизнесу, друзей — хоть против собственной матери. У каждого находилось оправдание: его кинули; он не виноват, что его накрыли; он говорил, что надо остановиться; он не может гнить в тюрьме несколько лет, из-за семьи, все стучат, потому что другого выхода нет. Американская война с наркотиками выливалась в некую подспудную и зловещую деятельность. Добиться признания вины стремились репрессивные режимы разных стран в разные времена. Наверное, своего пика это стремление достигло в период «Культурной революции» в коммунистическом Китае. Преданность семье и друзьям должна была уступить место преданности стране. Людей призывали забыть о нравственности и подчиниться законам и правилам. Развлекайся, но только по-

нашему: смотри телевизор сколько угодно, потом практикуйся в стрельбе. Не подчинишься — убьем. Если видишь, что твой брат преступает закон, ты должен его остановить. Не сделал этого — ты такой же преступник, как и он, и мы накажем обоих.

Тюремный режим допускал разные послабления. Охранникам было велено не обижать стукачей, достояние правительства. Хотя основную массу заключенных составляли латиносы, среди них затесался один итальянец, Энтони Аччетуро по прозвищу Томак, которого когда-то считали главой клана Луккезе в Нью-Джерси. Мы делились с ним нашей ненавистью к стукачам и властям США, которые культивируют доносительство. И в то же самое время подозревали один другого. Если ты не стукач, то как здесь оказался?

Мы с Джуди получили возможность разговаривать по телефону. Она находилась в каких-то двадцати метрах от меня. Джуди держала себя в руках, но была обижена отношением к ней жены брата Патрика, жившей в двадцати минутах езды от Норт-Дейд. Хоть кто-то из родственников мог бы ее навестить, но не подумал этого сделать. Даже адвокат, Дон Ре, не казал носа. Она чувствовала себя очень одинокой и плакала из-за детей.

В первое же утро меня навестил Стив Бронис. Я объяснил ему, что не стал доносчиком. Он ответил, что знает об этом. Возможно, меня перевели, чтобы я не отговорил Малика, Эрни Комбса и Патрика Лэйна давать показания. В те дни редкий не становился доносчиком. Казалось, вскоре властям придется строить маленькие тюрьмы особого режима для тех, кто держит стойку.

Бронис уже проанализировал стенограмму процесса Эрни, Патрика и остальных. Он считал, что адвокаты не приложили достаточно усилий, чтобы исключить записи телефонных разговоров из числа доказательств. Бронис связался с DEA и Густаво в Мадриде. Густаво отправил ему оставленные мной документы. DEA утверждало, что среди моих личных вещей нет никаких записей по поводу защиты. Что у тебя на уме, Ловато?

Бронис добился, чтобы Джуди присутствовала при наших с ним встречах. Я не видел ее шесть месяцев. Она выглядела беспокойной, дерганой. Джуди стояла перед выбором: либо признаться в том, чего не совершала, получить срок, который уже отбыла, и возвратиться домой осужденной преступницей, либо ждать несколько месяцев (а может, и лет) в окружной тюрьме и попытаться доказать свою невиновность присяжным, которым промыли мозги. Она выбрала первое. Через несколько недель помощница Дона Ре, Мона, изложила решение своей подзащитной судье Пэйну, который признал Джуди виновной и

выпустил на свободу. Еще никогда в жизни я не чувствовал такого облегчения. Конец жуткой боли и страданиям Джуди и наших детей. Возможно, какое-то время мы не будем видеться, но, заключая сделку о признании вины, власти США пообещали Джуди, что в будущем она сможет беспрепятственно въезжать в страну и навещать меня.

Разговаривая с доносчиками, я быстро обнаружил, что был мелкой сошкой. Мне вменяли в вину организацию поставок примерно сотни тонн наркотиков на протяжении двадцати лет. Кубинцы, с которыми я общался, переправляли гораздо больше за один раз, и тому существовали документальные доказательства. Ловато и его дружки из DEA определенно проделали выдающуюся работу, заставив мир поверить, что я — самый крупный поставщик марихуаны. И какая-то часть меня наслаждалась вниманием, уделяемым Говарду Марксу как величайшему контрабандисту мира. Мною заинтересовались американские средства массовой информации, журналисты и писатели. Я считался главой таинственного картеля, центром судебной драмы, включавшей все ингредиенты, до которых лакомы американцы: английский лорд, содержатель борделей на Филиппинах, доносит на своего приятеля из организации Джеймса Бонда, МИ-6, который возил наркотики в аппаратуре Pink Floyd и владел счетами в банках Гонконга и Швейцарии. Приключения международного уровня: настоящие иностранцы из Европы и Азии, а не просто кучка латинос с южных границ. Популярная программа новостей «Прайм тайм лив» телекомпании Эй-Би-Си хотела взять у меня интервью в прямом эфире. Я, конечно же, согласился.

Моей историей заинтересовались Пол Эдди и Сара Уол-ден, которые в прошлом работали в Англии, в отделе журналистских расследований «Санди тайме», а теперь жили неподалеку от Вашингтона, в округе Колумбия. Они только что написали книгу «Кокаиновые войны» о контрабанде кокаина из Колумбии в Майами, а теперь хотели поведать миру о моем аресте и судебном процессе. Пол Эдди написал мне в Мадрид, спрашивая, не соглашусь ли я дать интервью. Я согласился при условии, что не буду отвечать на вопросы, которые способны мне повредить. Мы несколько раз беседовали в комнате для свиданий Норт-Дейд. Это стало приятным отдыхом от тюремной рутины и позволило составить объективную точку зрения на выдвинутые против меня доказательства. Телевидение Би-Би-Си намеревалось снять репортаж, основанный на книге Пола. Режиссер Крис Ольджиати встретился со мной в Норт-Дейд. После этого Би-Би-Си—Уэльс надумало сделать про меня собственный документальный фильм.

Наконец я достиг славы, которой жаждал с тех пор, как слыл слабаком и зубрилой в школе. Это радовало. Но богатство, которого я жаждал не меньше, уплыло. Я не был полностью разорен: Джуди все еще владела домом в Пальме и его содержимым, а также квартирой в Челси; мне по-прежнему принадлежала квартира в Пальма-Нова, приобретенная у Рафаэля Льофриу. Частью этой собственности или всею ею можно было поступиться, чтобы содержать Джуди и детей. Но наличных денег или крупных счетов в банке я не имел, а Бронис запросил сто пятьдесят тысяч долларов. Родители продали небольшую ферму в Уэльсе, которая со времени ее приобретения вздорожала в двенадцать раз, и пожертвовали своими сбережениями. Мне исполнилось сорок пять лет, я пользовался репутацией крутейшего наркоконтрабандиста, однако услуги моего адвоката оплатили мать с отцом, которые скромно жили и мало зарабатывали. Я чувствовал себя вконец униженным и опозоренным.

Бронис ознакомился с моей линией защиты. Кроме операции с аппаратурой рок-групп, я никогда не ввозил наркотики в Америку. Я не имею ничего общего с мистером Деннисом и мог доказать, что не был в Пакистане в период, указанный агентом DEA Харланом Ли Боуэ. Я не причастен к операции в Аламеде. Да, я занимался контрабандой наркотиков, но груз из Пакистана ушел в Австралию, а вьетнамская марихуана в Канаду. В Соединенные Штаты я ничего не отправлял. Да и кто в наши дни, будучи в здравом рассудке, стал бы ввозить наркотики в CIILV?

Бронис и сам работал как сумасшедший. Он нанял частного детектива, чтобы собрать документы, подтверждающие мою версию. Достал метеорологические сводки из Австралии, которые доказывали, что в записанном DEA телефонном разговоре речь шла о сильном шторме у австралийского побережья. Раздобыл горы статистических отчетов, связанных с отмыванием денег и контрабандой наркотиков в Австралии. Каждое слово в пятистах прослушанных разговорах получило надлежащее объяснение. Информации набралось достаточно, чтобы убедить присяжных: гашиш из Пакистана переправили в Австралию. Гораздо легче оказалось аргументировать утверждение, что вьетнамская партия попала в Канаду, потому что именно в этом меня и обвиняли DEA. Однако управление требовало, чтобы этот эпизод рассматривался в американском суде, потому что его агенты обнаружили в Калифорнии марихуану, упакованную точно так же, как и та, которую канадская конная полиция арестовала в Ванкувере. На каждой полукилограммовой упаковке с вьетнамской марихуаной, которая выдавалась за тайскую, стояла

печать с надписью «Инспекция проведена» и изображение орла. И дураку было ясно, что калифорнийская и ванкуверская партии прибыли от одного поставщика во Вьетнаме. Тем не менее DEA не располагало другими доказательствами моего участия в контрабанде наркотиков в Соединенные Штаты. Ловато, пытаясь доказать, что калифорнийский груз поставлен мной, зашел слишком далеко. Он утверждал, что на печати изображен ястреб-перепелятник и это будто бы указывает на Филипа Спэрроухока[117], который работал на меня в Бангкоке, а значит, я занимался контрабандой наркотиков в Америку. Бронис организовал орнитологическую экспертизу, показывающую различия между ястребами и орлами. В суде Ловато выглядел бы идиотом.

Дела пошли гораздо легче, когда, к великой моей радости, суд Ванкувера выпустил на свободу Старого Джона. DEA намеренно скрыло доказательства, говорящие в его пользу, и возмущенные канадские судьи оправдали Джона и отклонили требование об экстрадиции. Появились и другие хорошие новости: Артур Скальцо, агент DEA на Филиппинах, вошедший в сговор с Мойниханом, бежал из Манилы, спасаясь от иска в несколько миллионов долларов за ущерб. Теперь ничего не стоило оспорить достоверность его показаний. Мы также нарыли кучу грязи на Мойнихана. Как раз он не представлял для нас никакой угрозы, поскольку ничего не знал. Я собирался получить большое удовольствие от суда. Превратить его в самый занимательный и яркий процесс, который проходил в Майами. Я бы выиграл. Я стал бы звездой.

В Соединенных Штатах федеральные обвинения в суде поддерживает помощник федерального прокурора в соответствующем судебном округе. Он обязан добиваться осуждения быстро и с минимальными затратами за счет заключения сделки о признании вины. Крейг Ловато и помощник федерального прокурора Боб О'Нил явились ко мне в Норт-Дейд и в присутствии Брониса предложили выбор: либо я отстаиваю свою невиновность в суде вопреки очевидным доказательствам и провожу остаток жизни в американской тюрьме, либо признаю себя виновным, даю показания и отправляюсь домой через несколько лет. Они настойчиво советовали выбрать второй вариант. Бронис велел им проваливать. Мы собирались судиться.

О'Нил вышел из Норт-Дейд очень разочарованным. Вскоре он ушел со своего поста и поступил в нью-йоркскую юридическую фирму, чтобы заняться гражданским правом. Его заменил случайный человек, незнакомый с делом. Положение улучшалось.

Моя уверенность продолжала расти, по мере того как

приближался день судебного слушания, назначенного на июль 1990 года. Перед процессом в Олд-Бейли в 1981 году я получил от Патрика Лэйна стихи, которые очень меня поддержали. На этот раз от него пришло письмо.

«Дорогой Говард!

Последние восемь часов я провел с агентами Ловато и Уэзайном здесь, в Оукдейле, и согласился рассказать им все, что знаю о тебе и об этом деле. Следовательно, я буду давать показания против тебя на суде. Я предупреждаю тебя об этом не только для того, чтобы успокоить собственную совесть, но и для того, чтобы призвать: признай себя виновным и пойди на сделку с правительством, пока не поздно.

Два года я молчал, так что ты можешь представить, каким мучительным стало для меня это решение. Я осознаю, что маленькая Эмбер, всегда любившая своего дядю, теперь будет думать обо мне только как о человеке, который предал ее отца и отправил его навсегда в тюрьму. Но мне пришлось выбирать между преданностью тебе, старому другу и зятю, и любовью к Джуди, Пегги и Бриди. Мне грозит новый приговор — от пятнадцати до двадцати лет тюрьмы. Я не в праве возложить подобное бремя на свою семью, когда мне предлагают свободу. Я согласился сотрудничать с правительством.

Сотрудничество в чем-то похоже на беременность: середина тут невозможна. Согласившись рассказать правду, я должен буду выложить все, с первой и до последней нашей встречи. Сегодня мне начали задавать вопросы, медленно и методично. Завтра они вернутся, и так будет, пока они не выспросят все. Отвечая им, я словно бы слышал себя со стороны, голос человека, свидетельствующего в зале суда. И, слушая этот голос, я окончательно осознал, что у тебя нет шансов. На суде тебя уничтожат, и я стану одним из орудий твоего уничтожения...

Моего свидетельства достаточно, чтобы тебя утопить. Мы слишком долго были хорошими друзьями, ты и я, и мне известно о тебе слишком много. <...> Как бы ты ни был находчив и изобретателен — а я никогда не преуменьшал твоих способностей, — на сей раз тебе не выкрутиться. <...> Провести остаток жизни за решеткой будет не только позорной растратой всех твоих

дарований, но и ужасной трагедией для всех, кто тебя любит, нуждается в тебе и кого ты оставишь позади. <…> Поэтому, как бывший католик валлийскому баптисту, я советую повиноваться более могущественной власти. Extra ecclesiam nulla salus — нет спасения за пределами церкви. Боюсь, не миновать унизительной потери престижа, но если ты хочешь воссоединиться с детьми, пока они еще не выросли, я не вижу иного выхода, кроме полной капитуляции. Ты окружен, тебя превосходят количеством и силой — нет никакого бесчестья в подобном проигрыше.

Я хочу, чтобы маленький Патрик гордился своим именем. Я хочу, чтобы мне не пришлось в зале суда показывать на тебя пальцем и выдавать, глядя в холодные, незнакомые глаза, все секреты двадцатилетней дружбы. Пожалуйста, не заставляй меня это делать. Каким бы ни было твое решение, с тобой все мои молитвы.

Патрик».

Мой друг, мой зять, человек, в честь которого я назвал сына, стучал на меня. А как же преданность, сплоченность, вера, доверие, товарищество и любовь? Куда же все подевалось? Может, и не было ничего? Похоже на то. В конце концов, кто мы такие? Не мафия. Не ИРА. Даже не Робин Гуд с его вольными стрелками. Лишь кучка беззаботных парней, которые нашли легкий выход, пока остальной мир сходил с ума и ожесточился. Алькатрас и Синг-Синг не для таких, как мы.

У каждого есть предел прочности. Поднеси пистолет к голове моего ребенка — и я расскажу все, что знаю. Но пригрози мне тюрьмой — и я пошлю тебя куда подальше. Так почему же, Патрик? Ты уж точно не слабак. Ты забрал чемоданы с гашишем из запертой машины рядом с полицейским участком Хаммерсмита, пока копы допрашивали владельца. Ты вел машину, полную дури, из Ирландии в Уэльс. Мы разгружали тонну гаша в немецком гравийном карьере. Вместе мотались с кучей денег и наркоты в разные страны. Разве ты не в силах вынести тюремное заключение? Последние девять месяцев я провел со стукачами. Они тоже люди. Я не виню тебя, Патрик. Но не требуй этого от меня. Я никогда не буду помогать DEA делать его злосчастную работу. Я не собираюсь никого сажать за решетку и добиваться счастья ценой чужих слез. Возможно, ты правильно поступаешь, Патрик. Плохо только, что я тебе верил. Но это не твоя вина.

Патрик ничего не знал про канадские дела. Он получил деньги за пакистанскую поставку, но не имел доказательств, что гашиш ввозился в Соединенные Штаты. Я мог сказать, что деньги попали в США в результате сложной процедуры отмывания выручки в австралийской валюте. Патрик не смог бы этого опровергнуть. Его свидетельские показания не сыграют никакой роли. В любом случае Бронис его уничтожит. Прости, Патрик! Тебе придется пройти через публичное унижение за то, что предал. Ты не сумеешь меня утопить. Это под силу только одному Эрни Комбсу, через чьи руки прошел каждый грамм наркотиков, ввезенных мной в Соединенные Штаты за последние двадцать лет. Эрни никогда не станет стукачом.

Агенты DEA и новый помощник федерального прокурора пожелали встретиться со мной и Бронисом, чтобы сделать последнее предложение: пожизненное заключение или признание вины и срок в сорок лет (с возможностью условно-досрочного освобождения) при том, что ни на кого не нужно стучать, даже разговаривать с агентами DEA не нужно. Бронис снова отклонил предложение: я невиновен. Агенты сказали, что я наверняка передумаю. Эрни Комбс согласился дать против меня показания. Не для того, чтобы хотя бы на один день скостить свой сорокалетний срок, а для того, чтобы его подругу Пэтти сразу же выпустили на свободу.

Я люблю тебя, Эрни, но больше никаких сделок с наркотиками.

Тринадцатого июля 1990 года в здании суда Уэст-Палм-Бич я признал себя виновным в создании преступной организации и сговоре с целью совершения преступления. Обвинение в причастности к канадским поставкам с меня сняли. По условиям сделки меня никогда не могли вызывать в суд на чей-либо процесс или любое разбирательство большого жюри для дачи показаний. Судья обязался не назначать срок более сорока лет. В качестве даты вынесения приговора было названо 18 октября.

Из Уэст-Палм-Бич меня отвезли в Исправительный центр Большого Майами. Осужденный, я больше не представлял опасности и не мог дурно влиять на подельников. Джим Хоббс и Ронни Робб в конце концов признали себя виновными. Как это уже было с Джуди и некоторыми другими, судья согласился освободить их, как только они признаются в том, чего не совершали. Исправительный центр почти не изменился за те девять месяцев, что я провел в Норт-Дейд, но теперь его часто показывали в новостях. Агенты DEA захватили и вывезли в Штаты панамского лидера Мануэля Норьегу. По всей видимости, вторжение американцев в Панаму не имело никакого отношения

к стратегическому Панамскому каналу. Это был своего рода полицейский рейд, удар по наркоторговле. Норьегу посадили в Исправительный центр Майами, в специальный блок для военных арестантов. Я видел его несколько раз, но никогда с ним не разговаривал.

Вскоре после меня появился Балендо Ло. Англичане уступили-таки давлению DEA и выслали его. Балендо обвиняли в пособничестве моей преступной организации путем снабжения ее авиабилетами. Его бизнес и брак с Оркой потерпели крах. Бедняге крепко не повезло.

Перед вынесением приговора агент по условно-досрочному освобождению Майкл Берг провел обстоятельное расследование всего дела и моей личности и составил следующий отчет.

Маркс признал себя виновным в том, что способствовал ввозу больших партий марихуаны и гашиша в Соединенные Штаты, пока жил в Европе. Этот сорокапятилетний британский подданный, выпускник Оксфорда, находился в постоянном тюремном заключении с 25 июля 1988 года. Многие считают его умным, обаятельным, обладающим харизмой человеком.

Маркс — хороший муж и отец. Друзья и родственники отзываются о нем с похвалой, о чем свидетельствуют их письма. О Деннисе Говарде Марксе много писали и будут писать. Ввиду этого мною была предпринята попытка отделить факты от вымысла. Деннис Говард Маркс до определенной степени стал жертвой собственной легенды. В соответствии с утверждениями правительства в настоящий момент он не является самым крупным контрабандистом марихуаны и гашиша, ответственным за ввоз 15% всей марихуаны, импортированной в эту страну, как однажды заявило DEA. Он отнюдь не самый крупный наркоконтрабандист, осуждавшийся в Соединенных Штатах или в Южном округе Флориды. Однако не будет ошибкой сказать, что Деннис Говард Маркс — один из главных наркоконтрабандистов. Удивительно, как ему удалось успешно действовать столько времени и переправлять столько грузов в эту страну, не покидая Европы.

Как-то рано утром громкоговорители прокричали: «Заключенный Маркс, 4-1-5-2-6-0-0-4, немедленно подойдите в кабинет заместителя!» В кабинете мне заложили руки за спину, надели на них «браслеты» и отвели в карцер, тюрьму в тюрьме. Целую неделю меня мариновали там, ничего не объясняя. Наконец соизволили объяснить: я сижу под замком, потому что задумал совершить побег. Бронис занялся этим делом, и примерно через неделю меня выпустили из карцера. Мы так и не узнали, кто стоял за голословным утверждением о побеге. Бронис

подозревал Ловато. В случившемся читался почерк DEA.

Жившая в Майами сестра Роджера Ривза, Кей, получила разрешение со мной встретиться и порадовала великолепной новостью. Пока я торчал в карцере из-за попытки побега, Роджер сбежал на самом деле. В точности выполнил свой план. Донес на меня и Мак-Канна, получил семь лет и сбежал из немецкой тюрьмы строгого режима. Передал, что любит и молится за меня.

Восемнадцатого октября в Уэст-Палм Бич нагрянула мировая пресса. Вкупе с агентами DEA и прочих ведомств, а также стражами закона со всего мира. Меня, как личность известную, не стали будить в три ночи вместе с остальными бедолагами, которых отправляли в суд. Судебные приставы заехали за мной на лимузине в одиннадцать утра. У дурной славы есть свои преимущества. Зал суда был набит битком. Джулиан Пето специально прилетел из Лондона только для того, чтобы сказать несколько слов в мою защиту. Кей Ривз пришла и все молилась. Патрик Лэйн явился с семьей. Он тоже хотел выступить в мою пользу, но судья не разрешил. Новый обвинитель, помощник федерального прокурора Уильям Пирсон сказал:

> «Ваша честь, очевидно, что мистер Маркс был и остается очень образованным человеком. Я думаю, что все таланты, данные ему, он пустил по ветру. Он злоупотребил доверием не только друзей и семьи, но еще и своих коллег — людей, которые его обучали, чьим уважением он пользовался. Он сам себя полностью уничтожил, вероятно, из жадности. Полицейские ведомства Соединенных Штатов и других стран не смогли обнаружить точного местонахождения той собственности, которой, по нашим предположениям, должен обладать мистер Маркс. Но мы уверены, и у суда не должно остаться ни малейшего сомнения на сей счет, что мистер Маркс за двадцать лет заработал колоссальные деньги, занимаясь контрабандой наркотиков.
>
> Что касается особых рекомендаций Соединенных Штатов, мы считаем правильным приговорить подсудимого к сорока годам тюремного заключения. Мистер Маркс сможет воспользоваться правом на условно-досрочное освобождение, после того как отбудет часть этого срока. Всей своей деятельностью, тем что с 1980 года он попирал законы Соединенных Штатов и Соединенного Королевства, подсудимый заслужил подобный приговор».

Стивен Дж. Бронис, мой адвокат, придерживался другого мнения:

«Если бы кто-нибудь попросил меня охарактеризовать одним словом дело „Соединенные Штаты против Денниса Говарда Маркса", я сказал бы, что оно „абсурдно". Никакое другое слово не годится, когда человек настолько сложный, обаятельный, интеллектуально одаренный, как мистер Маркс, допускает, чтобы его поставили в ситуацию, перед лицом которой он находится сегодня. Ни одно другое слово не передает столь же хорошо все, что произошло. Абсурдный — самое подходящее слово для описания того, что, как я слышал, агенты правительства заявляют о мистере Марксе и самому мистеру Марксу. Я знаю, что говорю, ваша честь. Я практиковал уголовное право восемнадцать лет, защищал как убийц и насильников, так и судей и генералов, но я никогда не сталкивался с подобным.

Агент Ловато купается в лучах славы с того самого дня, как надел наручники на мистера Маркса. В следующий вторник государственное телевидение покажет документальную драму, где агент Ловато демонстрирует свою технику предотвращения преступлений. И после того как будет вынесен приговор мистеру Марксу, которого ожидает от вас Ловато, этот последний выйдет из зала суда к журналистам, чтобы его фотографии напечатали в национальной и европейской прессе.

Я уверен, господин судья, вы знаете, чего от вас ждет правительство. Оно ждет, что вы непременно назначите мистеру Марксу суровое наказание — сорок лет тюрьмы. Абсурдно, что мы вообще верим в целесообразность сорокалетнего приговора. Такие сроки следовало бы назначать лишь самым злонамеренным и склонным к насилию субъектам. И правительство это понимает. Как понимаю я, и, полагаю, понимаете вы, судья Пэйн. Господин судья, мне довелось представлять в суде множество контрабандистов марихуаны гораздо большего масштаба, чем мистер Маркс. Я знаком со многими другими обвиняемыми. Никто из них после признания своей вины не получил драконовского наказания, на котором настаивает правительство. Осудить контрабандиста марихуаны, который признал

себя виновным, на сорок лет — это абсурд».

Достопочтенный судья Джеймс К. Пэйн изрек:

«Мистер Маркс, пожалуйста, будьте любезны, выйдите вперед и выслушайте приговор. Мистер Маркс, у меня нет ни малейшего сомнения, что вы чрезвычайно умный человек и получили великолепное образование. Очевидно, что вы пользуетесь расположением родственников, коллег по работе и университету, друзей. Ваша биография говорит о том, что вы получаете удовольствие от интеллектуального вызова, стратегических игр.

Письма в поддержку мистера Маркса не заявляют о его невиновности. Они перечисляют его достоинства с тем, чтобы уравновесить его ошибки. Перечислив разнообразные таланты обвиняемого, авторы некоторых писем указывают, что было бы жаль обречь его на многолетнее пребывание в тюрьме за счет общества, которому он мог бы принести огромную пользу, будучи свободным. Несомненно, жаль. Проблема в том, что прошлый опыт не позволяет обществу рассчитывать на благой вклад с его стороны. Напротив, пока он приносил больше вреда, чем пользы.

Очевидно, мистер Маркс, что вы полагаете, будто употребление марихуаны и ее производных согласуется со здравыми моральными принципами. Так же очевидно, что вы не считаете предосудительным нарушать законы, которые запрещают или контролируют употребление, хранение или коммерческие операции с марихуаной. Вы продемонстрировали, что не уважаете тех закрепленных уголовным правом общественных установлений, которые не соотносятся с вашими представлениями о приемлемом поведении. Многие люди полагают, что употребление марихуаны не вызывает привыкания, не наносит недопустимого вреда здоровью и, следовательно, не должно запрещаться. Однако существует и обратное мнение. Кроме того, и это главное, федеральные законы запрещают контрабанду марихуаны. Данные законодательные акты приняты Конгрессом Соединенных Штатов, их соблюдение контролирует исполнительная власть путем возбуждения судебных исков и иным способом. Я дал клятву вершить правосудие, исполнять все обязанности, предусмотренные законами Соединенных Штатов. Даже

если бы я согласился с тем, что законы, контролирующие употребление и продажу марихуаны, являются неправильными, более того, глупыми, мне пришлось бы с ними мириться, пока их не отменит Конгресс. Таковы установления общества, которым обязаны следовать суды.

То соображение, что правительства и население многих европейских стран намного терпимее относятся к марихуане, чем правительство и народ Соединенных Штатов, к делу не относится. Если так оно и есть, мне кажется странным, мистер Маркс, что вы не ограничили вашу деятельность европейским рынком, тем самым снизив риск сурового наказания. По-видимому, вы готовы были идти на такой риск.

Должен сказать, мне трудно назвать правдивой представленную вами информацию относительно вашего финансового положения. Правительство не предложило никаких доказательств того, что вы в состоянии заплатить солидный штраф. Несмотря на это, мне сложно сделать вывод, что стоимость вашего имущества равняется нулю.

Принимая во внимание вышесказанное, я выношу приговор. По пункту 1 обвинительного акта обвиняемый приговаривается к тюремному заключению сроком на десять лет. По пункту 2 обвиняемый приговаривается к тюремному заключению сроком на пятнадцать лет. Приговор по второму пункту вступает в силу одновременно с приговором по первому пункту. В силу того, что вы являетесь подданным Соединенного Королевства, и в соответствии с практикой Федерального бюро тюрем я буду рекомендовать, чтобы часть срока вы отбывали в исправительных учреждениях Соединенного Королевства».

В гробовой тишине меня вывели из зала суда и отконвоировали в камеру временного содержания. Какой замечательный судья! Приговорил меня в общей сложности к пятнадцати годам, а не к сорока, как требовали власти США. Если мне максимально скостят срок в случае условно-досрочного освобождения, я отсижу всего пять лет. Почти половину из них я уже отмотал. Еще около года в американских исправительных учреждениях плюс примерно год в британской тюрьме — и я свободный человек. И из-за чего, скажите на милость, мы все так паниковали? Наверняка в этот самый момент Джулиан Пето

звонит моей жене, детям и родителям, чтобы рассказать новости. Они, должно быть, вне себя от радости.

Дверь в камеру открылась, и меня привели обратно к судье Пэйну Он объявил:

> «Я хочу, чтобы в протокол внесли запись, что я повторно собрал всех заинтересованных лиц, потому что, оглашая приговор, допустил очень серьезную ошибку. Я сказал, что приговоры по каждому пункту вступают в силу одновременно. Я оговорился, ибо на самом деле имел намерение сказать „последовательно". Оглашая приговор, произнес „одновременно" вместо „последовательно". Мне очень стыдно. Я извиняюсь перед каждым из вас. При оглашении приговора присутствовало большое число людей, которых сейчас здесь нет, и это непременно станет причиной путаницы в газетных сообщениях. Я должен заново огласить приговор. Он не претерпел каких-либо изменений, за исключением того, что слово „одновременно" заменено словом „последовательно"».

Мне стало тошно. Это какой-то сюр. Нежданно-негаданно мне накинули еще десять лет. Итого двадцать пять. Боже мой! Я был так счастлив, увы, всего несколько минут.

Прошел не один час, прежде чем я успокоился. В конце концов, приговор не так уж плох. Если освободят досрочно, я проведу в тюрьме шесть лет, причем большую часть срока — в Великобритании.

В тюрьму заявилась пресса. Мою камеру заполонили камеры, микрофоны и юпитеры. Я дал десятки интервью, по-прежнему наслаждаясь своей печальной известностью. Как и сказал Бронис, по государственному телевидению показали документальный фильм Би-Би-Си «Продавец снов». Его смотрела вся тюрьма. Мне фильм понравился. Я подумал, что он хорошо сделан. Эта лента была представлена на фестивале телевизионных фильмов в Монтрё, в Швейцарии, но никаких призов не получила.

Журналисты наперебой брали интервью у Ловато, но не один не отозвался о нем как о славном парне. Обо мне такое говорили, во всяком случае заключенные. Ловато обвинил мою жену и детей в том, что во время ареста те наговорили ему гадостей про американцев. Он сказал, будто я в своем цинизме не остановился даже перед отмыванием денег через зарубежные благотворительные организации. Речь шла о тех тысячах долларов, которые я по просьбе Сомпопа пожертвовал фонду, опекающему детей-инвалидов в Бангкоке.

Вскоре от судьи пришло письменное подтверждение приговора. К сказанному он добавил штраф в пятьдесят тысяч долларов и рекомендацию, чтобы я отбывал американскую часть приговора в тюрьме города Батнера, штат Северная Каролина. Особенно эта тюрьма подходила тем заключенным, которые хотели учиться. Она была прикреплена к Университету Северной Каролины и Университету Дьюка и, возможно, являлась лучшей федеральной тюрьмой. Говорили, что режим там очень либеральный. Перевод ожидался примерно через месяц.

В конце дня в камеру заглянул надзиратель:

— Маркс, собирай свое дерьмо! Ты уезжаешь. Есть опасность, что ты сбежишь, так что мы намерены тебя оформить первым. Тебя поместят в черный ящик.

Спорить смысла не было. Поместить заключенного в черный ящик значило заковать его в цепи, надеть наручники и ножные кандалы, а затем зафиксировать руки при помощи черного металлического ящика. Во время перевозки такого заключенного отделяли от остальных.

— Не думаю, что тебе понравится Индиана, Маркс.

— Индиана? Я думал, что Батнер находится в Северной Каролине.

— Так оно и есть. Но тюрьма Терре-Хот определенно в Индиане. Я это знаю, потому что был там.

— Я еду не в Терре-Хот. Я еду в Батнер.

— Маркс, ты едешь в Терре-Хот. Это крайне жесткая тюряга. Очевидно, кто-то в американском правительстве тебя не любит. Однако у меня с тобой не было никаких проблем. Удачи тебе, дружище!

ПАПОЧКА

В Америке пятьдесят штатов, и каждый имеет органы правосудия. Даже единственный в своем роде федеральный округ Колумбия, то есть Вашингтон, и Гуам, и Виргинские острова, и прочие заморские владения США. Эти органы власти держат за решеткой гораздо больше миллиона человек за убийство, хранение наркотиков, изнасилование и растление малолетних. Ни в одной другой стране по тюрьмам не сидит столько народа.

Кроме того, правительство Соединенных Штатов создало федеральную систему правосудия, которая охватывает все органы правосудия, перечисленные выше, и отправляет в заключение еще сто тысяч человек. Федеральными считаются правонарушения, которые угрожают национальной безопасности; затрагивают федеральных служащих или учреждения, пользующиеся федеральными гарантиями; совершаются на территории двух или более штатов либо индейских резерваций; имеют отношение к контрабанде наркотиков. Шестьдесят процентов федеральных заключенных осуждены за преступления, связанные с наркотиками.

Как правило, федеральных преступников размещают в федеральных же тюрьмах. Исключения делаются только в тех случаях, когда заключенного доставляют в суд, когда его надо изолировать, чтобы превратить в доносчика, или сломить, подвергнув «дизельной терапии». Для таких целей федеральные власти постоянно используют отдельные блоки некоторых тюрем штатов (включая окружные тюрьмы). Типичный пример — тюрьма Норт-Дейд.

Лица, нарушившие законы штата, как правило, содержатся в тюрьмах штата, если только не доставляют властям слишком много хлопот. Особо отличившимися занимаются федералы. Поэтому в федеральной тюрьме обязательно есть краснокожие воины, террористы, грабители банков, убийцы президентов, шпионы, наркоконтрабандисты и все те, кто, по мнению властей штата, ведет себя слишком агрессивно. Эту разношерстную публику Федеральное бюро тюрем рассовывает по разным исправительным учреждениям, различающимся надежностью охраны, наличием внешних патрулей; характеристиками сторожевых вышек, стен, ограждений, устройств обнаружения; соотношением численности персонала и заключенных и условиями содержания заключенных. Из более чем ста подобных учреждений лишь шесть считаются тюрьмами особого режима, предназначенными для размещения наиболее опасных

преступников. Одна такая тюрьма, пользующаяся самой черной репутацией из-за убийств и групповых изнасилований, находится в городе Терре-Хот, штат Индиана. Переименованная в Террор-Хат (Хижину террора), она представляет собой американскую «школу гладиаторов», арену для надзирателей, дубоватых молодчиков из «белой швали», а также чернокожих главарей городских банд, байкеров и психопатов. Половина заключенных не может даже надеяться на освобождение. В этой тюрьме царят свои порядки.

Я был в ужасе, но страх — чувство, которое лучше всего не показывать. Поэтому 10 января 1990 года я прикинулся храбрецом, когда вместе с другими девятью федеральными заключенными, закованными в цепи и кандалы, поднялся в тюремный автобус в аэропорту Хулман, штат Индиана. Рядом стоял такой же автобус, отправлявшийся в тюрьму города Марион, штат Иллинойс. Мы находились в трехстах километрах от Чикаго. Прошло шесть недель с тех пор, как я покинул Майами и пустился в шестнадцатичасовое автобусное путешествие до Атланты, штат Джорджия. В Атланте меня засунули в карцер на пять недель из-за отметки в досье: «склонен к побегу». Затем вместе с сотней других заключенных самолет Федерального бюро тюрем доставил меня с базы ВВС в Джорджии в аэропорт Оклахомы. После ночевки на полу в занесенной снегом федеральной тюрьме Эль-Рено очередной тюремный борт привез нас сюда. Кроме меня имелся еще один заключенный в «черном ящике». Мы сели вместе. Этот Дженнаро Ланджелла по прозвищу Джерри Ланг считался главой мафиозной семьи Коломбо из Нью-Йорка. Он, хоть и сидел в тюрьме, отбывая пожизненное заключение, все равно сохранял за собой славу пятой по значимости криминальной фигуры мира. Правительство США похоронило его заживо. Когда он мне это рассказывал, автобус как раз проезжал мимо первых строений тюрьмы Терре-Хот, этого кладбища для обреченных на забвение до смерти.

Нас основательно обыскали, в седьмой раз за день, сфотографировали, сняли отпечатки пальцев и провели медицинский осмотр. Выдали пластиковые карточки для удостоверения личности и покупки несъедобного дерьма в торговых автоматах, если есть деньги на тюремном счете. Наконец развели по камерам.

Тюрьма Терре-Хот, построенная в 1940 году, поставила рекорд: двадцать лет без единого побега. Она напоминает огромное насекомое: хитиновый покров — ограждение из бритвенно острой колючей ленты, грудь и брюшко — главный проезд, задние ноги — блоки камер для заключенных, коготки —

карцеры, передние ноги — вспомогательные сооружения для тысячи трехсот обитателей тюрьмы, сложные, фасеточные глаза — телекамеры, а голова — гимнастический зал. Это подобие насекомого, ощетиненного колючками, стоит посреди игровой площадки, которая также обнесена заграждением из колючей ленты. Там имеются теннисные корты, уйма тренажеров, площадки для игры в мяч, гольф, бадминтон, баскетбол, футбол, бейсбол, поле для метания молота, беговая дорожка, гимнастический зал на открытом воздухе, кегельбан, навес для игры в карты, напоминающий казино. Рядом с ним установлена инипи — индейская парильня для обрядового и лечебного потения; здесь лежит заповедная территория североамериканских индейцев. Неподалеку от тотемного столба располагался тюремный завод государственной корпорации «Юникор», где заключенные за гроши вкалывают на правительство и тайно изготовляют смертельно острые заточки. Вспомогательные сооружения, внутри «насекомого», включают часовню, где отправляются обряды всех мыслимых культов, юридическую библиотеку, оснащенную фотокопировальным оборудованием и пишущими машинками, еще одну библиотеку с художественной литературой, кафетерий, бильярдный зал, две звукозаписывающие студии, кинозал, школу, супермаркет и тридцать телевизионных комнат. Тюремные блоки различаются принципом размещения заключенных: одни представляют собой общежития, другие разбиты на одиночные камеры или камеры для нескольких заключенных. Арестантам разрешалось ходить по камерам внутри тюремного блока большую часть дня, но передвижение между блоками, по общей территории допустимо только во время установления десятиминутных интервалов. В камере, куда меня определили, уже обретались американец из южных штатов, умиравший от рака печени, контрабандист героина из Ливана и чернокожий торговец крэком. Мы на удивление легко нашли общий язык. Они отнеслись ко мне по-дружески.

У тюрьмы Терре-Хот имелся один большой плюс: заключенному уже не угрожал перевод куда похуже. Это обитателей обычной тюрьмы можно было стращать строгим режимом, но не здешних аборигенов, которых даже карцер не приводил в содрогание, потому что туда отправляли слишком часто. Администрации Терре-Хот оставалось лишь пугать подопечных назначением дополнительного срока, только для отбывающих пожизненное заключение без права условно-досрочного освобождения это был пустой звук. В Терре-Хот не ощущалось недостатка в самогоне, наркоте, которую проносили

продажные надзиратели. Азартные игры шли на полную катушку. И хотя заключенные были готовы большую часть времени играть в баскетбол или смотреть его по телевизору из-за отсутствия эффективного фактора устрашения нередко возникали бессмысленные разборки. Чуть не ежедневно кого-нибудь запарывали ножом. Каждый день вспыхивало несколько жестоких и свирепых драк. Массу людей убивали или калечили. По большей части разборки происходили между бандами, но некоторые завязывались из-за мелких ссор между заключенными.

Большинство банд состояло из чернокожих мусульман. Одна из самых влиятельных — чикагская «Эль Рухн» — изначально называлась «Блэк П. Стоун Нэйшн» и возникла в шестидесятые годы путем слияния «Блэкстоун рейнджере» с прочими уличными бандами. Ее подкармливал ливийский лидер, полковник Каддафи. «Эль Рухн» числила в своих рядах тысячи боевиков и владела солидным количеством недвижимости, приобретенной через незаконные операции. От «Блэкстоун рэйнджерс» вели свое происхождение и другие команды чикагских уличных бойцов, в том числе «Вайслордс», парни Рузвельта Дэниелса, которого позднее жестоко убили в тюремной столовой, — они одно время полностью контролировали жизнь в Терре-Хот. «Вайслордс» то жили в мире с «Эль Рухн», то воевали. В Терре-Хот мотали срок и бойцы двух банд Лос-Анджелеса — «Бладс» и «Крипе», изрядно насолившие властям Калифорнии. Печально известная тюрьма Лортон в округе Колумбия сплавила в «Хижину террора» чернокожих, постоянно затевавших драки. Ни «Вайслордс», ни «Эль Рухн» не уживались с «Крипе» и «Бладс», не говоря уже о чернокожих братьях из округа Колумбия. У каждой банды был свой лексикон, свои цвета и очень сложный язык жестов. Особую касту составляли ямайские уличные бойцы, которые очень сильно отличались от американских бандитов и горячо их ненавидели; одни ямайцы носили растафарианские косички, другие обходились без них.

Банды белых в Терре-Хот были представлены не менее богато. Расистские «Арийское братство», и «Грязные белые парни», «Мафия Дикси», мексиканская мафия, бесчисленные кубинские, пуэрториканские и колумбийские синдикаты, команды байкеров. Соперничающие банды моторокеров, такие, как «Ангелы ада», «Язычники» и «Беззаконники», встретившись на улице, мочили друг друга, но в тюрьме они благоразумно заключили перемирие. Один из самых видных байкеров, Джеймс Нолан по прозвищу Большой Джим, из банды «Беззаконников» сидел в Терре-Хот и должен был освободиться не раньше 2017 года.

Каждая банда придерживалась собственных обрядов

инициации. Некоторые требовали, чтобы новичок совершил убийство наудачу внутри тюрьмы. То обстоятельство, что я англичанин и не стукач, позволяло мне избегать конфликтов, вести себя вежливо, так, как привык; но в безопасности я никогда себя не чувствовал и друзей выбирал с большой осторожностью.

Терре-Хот кичилась своей «коллекцией» прославленных мафиози. Помимо Дженнаро Ланджеллы (Джерри Ланга), самого крутого из всех, здесь «гостили» Джон Карнеглия, Виктор Амусо (босс Вик) и Фрэнк Локашо, большие шишки в нью-йоркском преступном клане Гамбино, при посредстве которого я протаскивал гашиш через аэропорт Кеннеди. А также Энтони Инделикато (он же Бруно), сын Альфонсе Инделикато (Сонни Красного) и капо преступной семьи Джозефа Бонанно (Джо Бананаса). Еще в Терре-Хот содержались сицилиец Антонио Айелло, проходивший по делу о «Сети пиццы», и Джои Теста из филадельфийской мафии. Все они стали моими друзьями. Итальянские мафиози, как и байкеры, за решеткой сплотились перед лицом общего врага, забыли раздоры и, казалось, приняли тот факт, что должны отбывать наказание. Они всё также стояли во главе своего бизнеса, руководя делами на воле с помощью тюремных телефонов и комнат для свиданий. Больше всего их занимало качество тюремных макарон и доступность тренажеров для поддержания формы. Промежуточное положение между итальянской мафией и уличными бандами занимали «Западники», нехилая ирландская преступная организация из Нью-Йорка. В Терре-Хот помимо некоторых ее рядовых членов «отдыхал» их умный и обаятельный босс Джимми Кунан. Остальное тюремное население состояло из психопатов, шпионов, извращенцев и отъявленных злоумышленников, которые отбывали сроки в несколько десятков лет.

Один из последних, корсиканец Лоран Фьоккони по кличке Шарло, стал одним из лучших моих друзей. Дело Шарло замыкало серию процессов над участниками «Французской сети». В 1970-х годах его арестовали в Италии, выдали Соединенным Штатам, обвинили в контрабанде героина и приговорили к двадцати пяти годам. В 1974 году он сбежал из тюрьмы в Нью-Йорке, удрал в бразильскую сельву, где безмятежно прожил семнадцать лет и женился на прекрасной женщине из города Медельин, в Колумбии. В 1991 году их обоих арестовали в Рио-де-Жанейро за контрабанду кокаина. Соединенные Штаты потребовали экстрадиции Шарло, припомнив побег. Правительство Бразилии пошло им навстречу. Так Шарло и очутился Терре-Хот.

Другого заключенного, с которым я завязал крепкую дружбу,

звали Веронза Бауэр по прозвищу Дауд. Он состоял в организации «Черные пантеры» и в начале семидесятых убил полицейского. С тех пор сидел исключительно в тюрьмах особого режима. Дауд отрастил косички-дредлоки до пояса и посвятил двадцать с лишним лет тюремного существования шахматам и «Эрудиту», совершенствованию физической формы, овладению целительскими методиками. Он мог отжаться несколько тысяч раз без остановки, облегчить страдания или вылечить. Его единственного из чужаков индейцы допустили к участию в ритуалах инипи.

Типажи тюремщиков варьировались от жирных солдафонов, страдающих манией величия, до жирных и слабоумных отбросов местного ку-клукс-клана. Индиана — штат, где наиболее высок процент неграмотных и страдающих ожирением, и настоящее гнездо ярых куклуксклановцев. Тюремщики развлекались стрельбой, в том числе по животным, и затевали пьяные драки в барах. Одного обалдуя повязали за то, что бегал голым, другого — за то, что проносил наркоту, третьего уволили за участие в порнобизнесе заключенных. Даже тюремный священник погорел на героине.

Все вновь прибывшие должны были найти себе альтернативную официальную работу на сорок восемь часов, чтобы не ишачить на кухне за двадцать пять долларов в месяц. Существует множество разных занятий в библиотеках, прачечной, аудиториях и остальных общих зонах. Пока полным ходом шла операция «Буря в пустыне», я появился в отделе образования тюрьмы. Собеседование проводил приятный и сообразительный надзиратель по имени Уэбстер, несовершеннолетние сыновья которого воевали в зоне Персидского залива. Он устроил меня преподавать английскую грамматику заключенным, которые стремились получить диплом об общем образовании, приравниваемый к диплому средней школы. Моя заработная плата составляла сорок долларов в месяц. В свой первый день я стоял перед аудиторией из семнадцати молодых чернокожих, большинству из которых предстояло провести остаток жизни за решеткой. Уэбстер сидел сзади, готовый вмешаться, если возникнут проблемы. В прошлом они уже случались: в туалете обнаружили изуродованный окровавленный труп. Даже под защитой надзирателя заключенному сложно учить таких же, как он, потому что нельзя претендовать на авторитет или показывать свое превосходство, а тем более наводить порядок. Один неверный шаг — и к учителю начнут относиться как к подручному надзирателей или стукачу. Мне было страшно, но я взял за правило никогда не показывать свой страх.

— Меня зовут Говард Маркс. Надеюсь, что я смогу помочь вам подготовиться к экзамену по английской грамматике.

— Слышь, Уэбстер! Я не собираюсь ничему учиться у белой суки. Белая сука ничему не может меня научить. Ничему! Понимаешь, о чем я?

— Ладно-ладно, в этой тюрьме у всех равные возможности, — сказал Уэбстер, пытаясь успокоить Ти-Боуна Тейлора, убийцу полицейского и второе лицо среди «Вайслордс».

— Ни хрена подобного, Уэбстер. Не заливай, чувак! Нечего мне тут вешать всякое расистское дерьмо. Не собираюсь слушать его бред. Этот белый не может знать больше меня. Что он видел в этой жизни? Учила!

— Пожалуйста, зови меня Говард.

— Я сказал «учила»! Ты же хочешь учить, вот я и зову тебя училой. Понимаешь, о чем я?

— Ладно, если хочешь, зови училой.

— Учила, какое ты имеешь гребаное право учить меня английскому?

— Я англичанин, Ти-Боун. — Обычно я поправлял тех, кто называл меня англичанином, но навряд ли эти парни когда-нибудь слышали об Уэльсе.

— Ну и что? Это означает, что ты лучше говоришь по-английски, чем мы, ниггеры?

— Конечно. Мы придумали этот язык.

— Но у нас есть свой собственный, учила.

— Допустим. И он не лучше и не хуже английского. Но вы же хотите сдать экзамен по-английскому, а я хочу вам помочь.

— На кой хрен мне учить английский, учила? Я не собираюсь лажать твой язык или тебя, но не разыгрываю долбаного грамотея, учила. Понимаешь, о чем я? Я не прикидываюсь долбаным грамотеем, учила. Я больше не выйду на свободу. Это гребаное правительство засунуло нас сюда подыхать. Мы ниггеры и не прикидываемся американским говном. Если бы не белые, нас бы здесь не было. Наших предков привезли сюда в цепях против их воли.

— Меня тоже. И знаете кто? Черный пристав. Ти-Боун поднялся с места:

— Что за хуйню ты несешь, учила?

— Ты прекрасно меня понял. Кто бы мы ни были и как бы здесь ни оказались, все хотим отсюда выйти. Послушайте, парни, я только что попал в систему, но уже сообразил, что есть лишь три способа отсюда выйти: заплатить адвокату несколько миллионов долларов, которых нет ни у кого из нас; перелезть через ограду и дать возможность маньякам на службе у

правительства, типа Уэбстера, попрактиковаться в стрельбе по мишени или выписаться отсюда.

— Как ты собираешься отсюда выписаться? — заинтересовался молодой торговец крэком из Вашингтона, округ Колумбия.

— А вот как. Большинство из нас получило больше, чем заслуживало. Некоторых просто подвели под приговор. Правительство бесстыдно переврало, сколько у вас было наркотиков, чтобы упрятать за решетку навсегда. Черным достается больше, чем белым. Многие на свободе хотят покончить с этой расистской политикой. Еще больше людей даже не догадываются, что происходит. Даже некоторые судьи не ведают, что творится. Судьи, несколько честных политиков и влиятельных людей способны изменить все. Не в обиду будь сказано, но большинство из вас не в состоянии написать письмо, которое они бы поняли. Те люди, что могут вытащить вас из дерьма. Не говорите мне, что собираетесь легко сдаться. Вот что я и имел в виду, когда сказал, что меня привезли сюда в цепях. Агенты DEA вломились в мой дом в Европе, притащили сюда меня и мою жену, оставили троих моих детей без родителей. Я ненавижу ваше дерьмовое правительство еще больше вас.

— Ладно, учила. Успокойся! Ты неплохой чувак. Я знаю, откуда ты приехал, — пошел на попятную Ти-Боун. — Научишь нас белому рэпу, учила?

— Договорились. Но почему же вы остановили свой выбор на английском, а не на испанском, португальском или французском? Эти парни поимели вас так же, как и мы.

— Ты про свой рассказывай, учила.

— Просто у вас хороший вкус. Вы дали нам музыку, а мы вам — слова. Начнем со знаков препинания. Вы их знаете? Что это? — Я поставил на доске точку.

— Это течка, учила. Растафарианец принялся возражать:

— Учила, пристрели его. Он говорит «течка», а я говорю «точка». Я родом с Ямайки, а на Ямайке «течка» значит месячные у суки.

Начальник отдела образования вызвал меня в соседнюю аудиторию.

— Маркс, ты готовишь их к сдаче экзамена на диплом об общем образовании, так?

— Именно.

— Но кажется, у тебя его нет.

— Чего нет?

— Диплома, Маркс. В твоем деле нет записи ни про диплом, ни про аттестат об окончании средней школы.

— У меня нет их.

— Возможно, начальству не понравится, что заключенный без диплома учит других заключенных. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Но у меня степень магистра.

— Множество людей со степенями магистра не в состоянии подготовить к экзамену. Парикмахерская школа в этой тюрьме присваивает степень магистра людям, которые не умеют читать.

— Но я получил свою степень магистра в Оксфорде.

— Оксфорд в штате Висконсин? Кто был твоим тюремным надзирателем?

— Не Оксфордская тюрьма в штате Висконсин, а Оксфордский университет в Англии.

— Ладно, не обижайся. Правительство Соединенных Штатов осторожно относится к иностранным квалификациям. В основном, оно их не признает.

— Оно признает иностранные обвинения.

— Возможно. Я не криминолог. Я специалист по образованию и придерживаюсь мнения, что если иностранная квалификация чего-то значит, ее обладатель запросто сдаст экзамен еще раз. Хочешь запишу тебя на экзамен?

И я сдал экзамен, а потом, облаченный в ослепительную голубую мантию и квадратную шапочку, получил свидетельство от улыбающегося Уэбстера.

Отдел образования в сотрудничестве с местным университетом организовал вечерние занятия. Я хотел их посещать, но они предназначались только для американцев. Это меня взбесило: правительство США собирает в свои тюрьмы людей со всего света и отказывает им в праве на образование, потому что они иностранцы. Я отправился к начальнику отдела образования.

— Да, Маркс, в чем проблема?

— Это откровенная дискриминация. Почему иностранцам не разрешают учиться?

— Не забывай, Маркс, что каждый курс обучения заключенного обходится американскому налогоплательщику в две тысячи долларов. Ты платил налоги в этой стране?

— Американский налогоплательщик отсчитывает двадцать пять тысяч долларов в год за мое содержание здесь. Вам не кажется, что стоит истратить на десять процентов больше, чтобы я, выйдя отсюда, стал полезным членом общества, а не байкером или торговцем кокаином?

— Не знаю, Маркс. Я не экономист. Я специалист по образованию.

— Это глупо. И противоречит Конституции. А как насчет Пятой поправки, которая запрещает дискриминацию по принципу национальности?

— Не знаю, Маркс. Я не адвокат. Я специалист по образованию. В любом случае, Маркс, тебе стоило подумать об этом раньше, прежде чем ты приехал в Америку и нарушил наши законы.

— Я сюда не приезжал. Меня привезли вопреки моей воле.

— Значит, ты не должен был нарушать закон.

— Я и не нарушал.

— Обсуди это со своим адвокатом, Маркс. Я не могу помочь. Я специа...

— Знаю, знаю.

Я мог учиться заочно и обратился в Лондонский университет, чтобы изучать право. Меня приняли, и я засел в тюремной юридической библиотеке. Американские и английские законы во многом совпадали.

Сорок долларов в месяц — сумма небольшая, даже если заключенному бесплатно предоставляют жилье, еду, одежду и развлечения. Я тратил гораздо больше американцев из-за международных телефонных звонков — это был единственный способ поддерживать связь с семьей. К тому же заключенных, не оплативших штрафы (я должен был внести пятьдесят тысяч долларов), обязывали каждый месяц гасить значительную часть долга в рамках программы финансовой ответственности. Сравнительно хорошо (двести долларов в месяц) оплачивалась только работа на тюремном заводе — изготовление одеял для американских войск в Ираке. Но это было не для меня. Тем, кто не работал на войну, приходилось искать незаконный приработок, оказывая услуги счастливчикам, у которых водились монеты, или рабочим лошадкам, вносившим свой вклад в победу американского оружия. Левые доходы приносила кража еды с кухни, ножей с завода, всякой всячины из магазинов, а также самогоноварение, игра на спортивном тотализаторе, стирка белья для заключенных, изготовление именных поздравительных открыток, рисование портретов, минет, выбивание долгов и украшение внутренности камер. Некоторые заключенные стали тюремными адвокатами и помогали остальным скостить срок. Я занялся составлением для других заключенных ходатайств к судьям, адвокатам и конгрессменам. Довольно быстро добился двойной удачи — отмены осуждения и сокращения срока на десять лет, — благодаря чему стал пользоваться большим спросом. Хотя я никогда не требовал денег за свою работу, мне почти всегда что-нибудь давали: ворованную с кухни еду,

теннисную ракетку, плеер, спортивный костюм с вышитой вручную надписью «Марко Поло», кожаный портфель. На мой счет пошли переводы из Нью-Джерси и Флориды с пометой «Заключенному от семьи». В среднем я зарабатывал триста долларов в месяц, более чем достаточно.

Увидела свет книга «Охота за Марко Поло» Сары Уолден и Пола Эдди. Редакция газеты «Мейл он санди» отправила мне ее в Терре-Хот на рецензию. Я дал свой отзыв. Книга напоминала полицейский справочник, но довольно точно и подробно излагала известные мне события. Одно выводило из себя: мой арест выглядел как кульминация битвы титанов, исход напряженной шахматной партии, между равно вооруженными противниками (мной и Ловато). Ловато черпал средства из колоссального федерального бюджета, пользовался поддержкой правоохранительных органов четырнадцати стран. Я же опирался на нескольких приятных парней. С тех пор как я покинул Майами и получил диплом в конце 1991 года, на воле много чего произошло. Запугав голландские власти, DEA заставило их арестовать Старого Джона, когда тот прибыл в Амстердам, и выслать в Майами. Он предстал перед судьей Пэйном, свидетельствовать отказался, но признал себя виновным, получил срок, который уже отбыл, и вышел на свободу. Балендо Ло признался в отмывании денег и тоже был сразу же освобожден. Филипа Спэрроухока выслали из Бангкока в Майами. Он рассказал DEA все, что знал, и получил свободу. Из десяти человек, выданных разными странами (что стоило огромных денег), девять оказались на воле почти сразу же после того, как предстали перед судьей Пэйном и покаялись. Меня единственного правительство США засадило за решетку.

Малик после освобождения вернулся в Пакистан. Затем полетел в Гонконг, где был арестован и выслан в Соединенные Штаты. Я представления не имею, почему так получилось и где он сейчас. Наверняка без Ловато не обошлось.

В Дюссельдорфе немецкая полиция арестовала Мак-Канна. В его машине обнаружили гашиш и фальшивый паспорт. По какой-то причине немцы не стали предъявлять ему обвинение за теракт на британской военной базе в Мёнхенгладбахе в 1973 году, из-за которого почти два десятилетия требовали его экстрадиции. С подачи Роджера Ривза, его обвинили в погрузке тонны марокканского гашиша в целях отправки наркотика в Англию. Возможно, как и американцы, они посчитали, что это куда более тяжкое преступление. В итоге немецкий судья, прокурор и адвокат Мак-Канна приехали в Терре-Хот допросить меня. Я поклялся, что не имел никакого отношения к сделкам с

марокканским гашишем и, насколько мне известно, Мак-Канн тоже. Кида оправдали, хотя обвинение пошло на беспрецедентный шаг, заплатив Ловато, чтобы тот явился в суд и опроверг мои свидетельские показания. Гребаный Мак-Канн. Он до сих пор не получил ни одного срока за контрабанду наркотиков.

Поместив ложное объявление в газете «Тайме», лорд Мойнихан добился того, чтобы его младенца сына признали умершим и место в палате лордов отошло другому его отпрыску, еще более юному. Крестным отцом одного из детишек стал Крейг Ловато. Вскоре Мойнихан умер от сердечного приступа на Филиппинах. По крайней мере, об этом писала мировая пресса. Труп так и не нашли.

Под покровом тайны Том Сунде добровольно сдался DEA и не стал играть в молчанку. Он признал себя виновным в контрабанде наркотиков и получил условный срок — пять лет. Его патрон Карл продолжил искать миллионы Маркоса и насолил швейцарским властям, которые потребовали у Германии его экстрадиции. Немцы отказались выдать Карла. Сразу же после этого в Гонконге арестовали Джейкоби — США потребовали его экстрадиции по обвинению в том, что он продавал мне информацию. Гонконг отклонил запрос.

Роджера Ривза снова арестовали. Сбежав из тюрьмы Любека, он решил спрятаться в Америке. Его опознали и посадили в окружную тюрьму. Он начал рыть подкоп, попался и угодил в тюрьму строгого режима Ломпок, в Калифорнии. Чикагский наркодилер Рон Аллен, который был со мной в Пакистане, в конце концов попался и признал себя виновным в обмен на короткий срок. Только Джерри Уилле по-прежнему оставался на свободе.

Судья Роберт Боннер, глава DEA, посетил Лондон. «Дейли телеграф» сообщала, что на вопрос о моем двадцатипятилетнем сроке он ответил: «Я не знаю, как еще добиться, чтобы люди вроде Маркса оставили контрабанду наркотиков. Срок меня не смущает. Он точно его заслужил». Еще «Дейли телеграф» упомянуло, что я будто бы припрятал пятьдесят миллионов фунтов. Я написал издателю.

> «Мне было приятно получить от Вас подарок к Рождеству — публикацию о том, что я владею пятьюдесятью миллионами фунтов, переведенными на Карибы и/или в страны Восточного блока. Я и не подозревал, что у меня такая уйма денег. Должно быть, правильно говорят, что марихуана отшибает память.

Правила Федерального бюро тюрем препятствуют тому, чтобы я разумно и ответственно тратил эти деньги. Буду несказанно счастлив вложить их в любое дело, какое посоветуете, если Вы согласитесь вносить за меня штраф, взносы по ипотечному кредиту, плату за обучение детей и содержать мою семью.

Сообщите, если Вас заинтересовало это предложение. В случае положительного ответа я отправлю Вам нотариально заверенную доверенность, и Вы получите доступ ко всем деньгам на моих банковских счетах в любой стране.

Кстати, в репортаж вкралась пара ошибок. Я отбываю наказание не во Флориде, а в Индиане. И назначенный мне штраф составляет не сто, а пятьдесят тысяч долларов. Впрочем, последнее неважно. Тем больше денег достанется Вам, если воспользуетесь моим предложением. Надеюсь, что эти ошибки были единственными. Говард Маркс».

Письмо опубликовали, но предложение осталось без ответа.

Забрезжила надежда, когда Билл Клинтон объявил, что собирается баллотироваться в президенты. Человек с оксфордским образованием, который принимал наркотики, позволял себе интрижки и уклонялся от призыва в армию, был именно тем, в ком нуждалась эта нелепая страна. Затем он заявил, будто брал косяки в рот, но не затягивался и определенно не намерен легализовывать наркотики. Ко мне заявились журналисты из «Мейл он Санди», уверявшие, что имеют точные доказательства: я жил с Клинтоном в Оксфорде. (Может быть, он просто пассивный укурок.) Я не помнил, чтобы где-то жил с Клинтоном, но отрицать не стал. Может, когда-нибудь этот странный слух пойдет мне на пользу. Я уклонился от ответа на вопросы про моего старого приятеля Билла. Это было бы уже несправедливо по отношению к нему. Клинтон проваливал экзамен на бакалавра в Оксфордском Юниверсити-Колледж, когда я писал диссертацию в Баллиоле и обретался в Гарсингтоне. Я никогда не встречал никого, кто бы курил марихуану не взатяжку.

В тот год (1991) развеялись многие иллюзии. Напрасно я надеялся обрести свободу в ноябре 1996 года за примерное поведение. Шансы на условно-досрочное освобождение в Соединенных Штатах зависят не от поведения заключенного, как в Великобритании, а от тяжести совершенного преступления. Я этого не знал. Я не встречал никого, кто был бы освобожден

досрочно. Все свои проблемы США списывали на наркоконтрабанду, и человек, ввозивший в эту страну крупные партии каких угодно наркотиков, не подлежал досрочному освобождению. Эти новости стали для меня сильным ударом. Приходилось свыкаться с мыслью, что меня освободят уже в новом веке. Я ознакомился с юридической литературой о досрочном освобождении. Для контрабандиста марихуаны вероятность досрочного освобождения зависела от таких факторов, как объемы поставок, изощренность преступного замысла, место в преступной иерархии, количество людей, которым осужденный отдавал приказы, масштаб операций и огласка, которую они получили. Я не обольщался. В юридической библиотеке я также обнаружил отчет Комиссии по условно-досрочному освобождению, которая высказывалась против занятий заключенных юриспруденцией. Пришлось прервать обучение в Лондонском университете.

И зря я предполагал, что буду переведен в британскую тюрьму. Сначала мое заявление о переводе потеряли, потом, после повторного рассмотрения, его отклонили ввиду тяжести содеянного. Чистый идиотизм. Убийц и контрабандистов героина уже не раз переводили в Соединенные Штаты и за их пределы. Я не сомневался, что за отказами стоял Ловато, но не имел доказательств.

До руководства Терре-Хот наконец дошло, что я не тот, кого следует держать в тюрьме особого режима. Они обратились по инстанции с ходатайством, чтобы меня перевели в исправительное учреждение, где режим не так строг, и больше возможностей продолжать образование. Из Федерального бюро тюрем пришел отказ. У меня снова возникло подозрение, что Ловато приложил к этому свою руку.

Ловато потребовал от британских властей конфисковать квартиру Джуди в Челси. Британский закон предупредил дальнейшее судебное преследование. Тогда Ловато выставил испанцам требование конфисковать дом в Ла-Вилете. Не на том основании, что дом куплен на деньги, полученные от сделок с наркотиками — он был приобретен на другие деньги и это не составляло труда доказать, — а из-за того, что я вел оттуда телефонные переговоры. Мой дом объявлялся базой преступной организации, подлежащей конфискации Соединенными Штатами или Испанией. На эту собственность наложили эмбарго, длившееся четыре года, по истечении которых даже непреклонные испанские власти не смогли выбросить Джуди с детьми на улицу, потому что ее муж пользовался телефоном.

Но ужаснее всего оказалось то, что мой четырехлетний сын

Патрик спрыгнул с крыши высокого здания и переломал себе ноги. Никто не знал, почему он это сделал. Вообразил себя суперменом? Пробовал полететь? Бросился в объятия смерти, чтобы избавиться от непреодолимой внутренней боли? Или пытался покончить с собой, потому что у него не было папы? Никогда еще с такой остротой я не переживал жестокую реальность своего положения. Я не мог быть там, чтобы принять на себя боль Патрика. К тому времени, когда я выйду на свободу, отец ему уже будет не нужен. Сколько еще несчастий и трагедий я не смогу отвести от семьи? Господи, пожалуйста, не надо больше!

Следующий, 1992 год, добавляя тоски, начался отвратительно. Моего отца срочно доставили в больницу с тяжелым бронхитом. С самого начала я больше всего боялся, что родители тяжело заболеют. Господи, пожалуйста, не дай умереть ни одному из них, до того как я освобожусь! Я вспомнил первую и последнюю строфу стихотворения Дилана Томаса:

> Не уходи покорно в добрый мрак,
> Под вечер старости пылать пристало.
> Гневись, гневись — как быстро свет иссяк.
> Отец, в свой смертный час подай мне знак
> Хвалой, хулой, молю тебя устало:
> Не уходи покорно в добрый мрак,
> Гневись, гневись — как быстро свет иссяк![118]

Отец выжил.

За моим окном началось строительство уникальных камер смертников. Хотя законы большинства штатов предусматривают казнь на электрическом стуле, в газовой камере и иными способами за особо тяжкие преступления, федеральное правительство вот уже десять лет никого не казнило, ограничиваясь заключением в тюрьмы. Положение дел изменилось при администрации Рейгана—Буша, когда стали выносить смертный приговор за преступления, связанные с наркотиками.

Восемь осужденных, все чернокожие были раскиданы по стране. Правительство США решило построить собственную «комнату казней» (для смертельных инъекций) и камеры смертников в Терре-Хот. Прямо перед моим окном. Это расстраивало.

Вдобавок мне сообщили, что Старому Джону, который лишь несколько месяцев назад вырвался из когтей DEA, поставили зловещий диагноз — рак. До того как стать бичом DEA и самым

честным наркоконтрабандистом в мире, он работал электриком, имел дело с асбестом, что и подвело его медленно, но верно к гробовой черте.

Сидеть в тюрьме стало невыносимо. Разлука с семьей разрывала сердце. Я проторчал за решеткой уже четыре года, вдвое дольше, чем в прошлый раз. А впереди и того больше, если откажут — а так оно и выйдет — в досрочном освобождении. Джуди не дождется. Столько никто не ждет. В лучшем случае я выйду на свободу шестидесятилетним, без гроша в кармане, полным ненависти и никуда не годным инвалидом. Никто не захочет слушать мои скучные россказни о несчастьях, крови, насилии и депрессии. Кому нужен старик и урод? Никто не станет спать со мной. Да и мне уже снится не секс, а тюрьма. Вот когда до конца понимаешь, что с тобой приключилось — ты не можешь покинуть проклятые стены даже во сне. Когда я освобожусь, все мои дети уже вылетят из гнезда, их место займут внуки. Мы отправимся на могилы моих родителей. Я буду мило улыбаться детям Джуди и ее новому мужу, когда зайду к ним в гости, получив очередное пособие по безработице или пенсию. Проходя мимо дискотек, я попытаюсь вспомнить, когда танцевал в последний раз. Стоит ли этого ждать? Я заболел. Подхватил лишай и вирус гриппа. Мои легкие прокоптились, наполнились мокротой. Я не мог нормально мочиться. Не сгибалась левая нога. Болело все. Десны покрылись гнойными нарывами. Мне вырвали одиннадцать зубов. Любое другое лечение зубов посчитали скорее эстетическим, нежели целительным. Неудачно подогнанный пластмассовый зубной протез, болтался во рту. Чтобы читать, мне требовались очки.

Впадая в отчаяние, я всегда ищу спасения в религии. Но правые христиане Америки отвратили меня от христианства. Если Бог был республиканцем, я не хотел его знать. Однако, проведя много недель за чтением Библии и священных книг других религий, я наконец осознал свою ошибку: нельзя воспринимать себя слишком серьезно. Надо просто как можно больше помогать людям, заботиться о здоровье тела и души и принимать все, что на тебя надвигается. Не в моей власти изменить происходящее. Я могу поменять только свое отношение к нему. Итак, я должен провести немалый срок в тюрьме. Дело серьезное. Ну и что? Что дальше?

Теперь у меня была собственная камера. По соседству «квартировал» Большой Джим Нолан, а с другой стороны — Медведь, еще один «Беззаконник». Я отказался от табака после тридцати пяти лет курения. Из-за того что у меня постоянно брали анализы мочи, бросил принимать и другие наркотики. За

употребление их могли накинуть срок. Марихуана обнаруживается в моче в течение тридцати дней, героин — один день. Марихуаны и не предлагали, зато героина — сколько угодно. Я мечтал о здоровенном штакете, который курну, отмотав срок.

Каждое утро я вставал в пять, занимался йогой, потом обычной гимнастикой, которой меня научил Дауд, выпивал натуральный апельсиновый сок, читал священные писания, учил городских чернокожих грамматике в течение трех часов, пропускал обед, два часа играл с Шарло в теннис, еще три часа преподавал, ел полезную пишу, несколько километров проходил по дорожке, работал в юридической библиотеке, снова занимался йогой и медитацией в течение часа и перед тем, как отойти ко сну, читал классические романы. Шарло тоже работал на отдел образования — преподавал математику латиносам. Мы уговорили начальника отдела позволить нам бесплатно преподавать по вечерам французский и философию. Чернокожие мусульмане высоко ценили лекции о том, как арабские философы Ибн Сина (Авиценна) и Ибн Рушд (Аверроэс) сохраняли наследие древнегреческих мудрецов, в то время как европейцы погрязли в варварстве. Итальянские мафиози любили слушать о том, сколько древнегреческих философов и математиков, таких как Пифагор и Архимед, по сути дела были итальянцами[119], и что Ренессанс, бесспорно, дело рук потомков Ромула и Рема. У них в активе кроме Римской империи, Римско-католической церкви и мафии числилась великая культура.

Я набрал хорошую форму, выздоровел, расслабился, выглядел счастливым и вроде бы получал удовольствие от жизни. Я был таким же, как все остальные заключенные. Минуты казались вечностью, но месяцы и годы пролетали. Тюрьма оставляла на мне свои отметины.

Я осознал это, когда в 1993 году меня навестили сначала родители, потом Мифэнви, а после нее Эмбер и Франческа. Я понял, что терял. Отец, оправившийся после болезни, сделал героическое усилие и пересек Атлантику, и мне выпало семь прекрасных свиданий с ним и с матерью. Мифэнви хотела отметить вместе со мной свой двадцать первый день рождения, и мы отпраздновали его в аскетической комнате для свиданий тюрьмы Терре-Хот. Франческа выглядела такой, какой я помнил Мифэнви. Я принял Эмбер за Джуди. Незабываемые встречи продолжались пять дней.

Эмбер и Франческу привез в США Джулиан Пето, мой самый верный друг. Джуди не смогла приехать. Правительство США, хоть и уверяло в обратном, запретило ей въезд в страну.

А что делал я? Похваливал себя за то, что сносно выживал в самой жесткой тюряге, между тем как настоящая жизнь продолжалась без меня. И я это принимал! Правительство США воспрепятствовало моему переводу в британскую тюрьму и не позволило встретиться с женой. Эти ублюдки зашли слишком далеко. Я снова рвался в бой. Я должен выбраться отсюда!

Я рассудил, что, несмотря на постоянные отказы отправить меня в Европу, это самый лучший способ вырваться. К тому времени я получал около пятидесяти писем в неделю от родственников, друзей, адвокатов, журналистов и просто людей, желавших мне добра, заинтересованных тем, что они обо мне прочитали. Я отвечал всем. Было ясно, что многие поддержали бы мой перевод в Великобританию. Все считали, что американцы чересчур жестоки ко мне. Шел сбор подписей в поддержку перевода. Джуди ездила с детьми по школам и барам Пальмы. Родители обошли едва ли не каждый дом в Кенфиг-Хилл. Самый крупный сторонник легализации марихуаны в Великобритании Дэнни Роше добился того, чтобы половина Ливерпуля подписала петиции. Мать с отцом обратились к члену парламента от лейбористской партии Уинну Гриффитсу, который принял нашу сторону и неустанно работал, чтобы добиться моего перевода. Мощную акцию проводила знаменитая благотворительная организация Великобритании «Заключенные за границей», а также «Фонд тюремных реформ», «Освобождение», «Правосудие» и «Кампания по легализации марихуаны». Действия их координировала замечательная женщина, которую я никогда не видел, Джуди Якуб из Ланкашира. Журналисты Би-Би-Си—Уэльс взяли у меня интервью и выпустили в эфир передачу, в которой высказывали свою поддержку. «Гардиан» напечатала статью Дункана Кэмпбелла, написанную в мою защиту. «Уэльсон санди» опубликовал следующую передовицу:

> «Пора Марксу вернуться домой
>
> Говард Маркс более двух лет отбывает заключение в американской тюрьме и, возможно, останется там до 2003 года.
>
> Его жене, осужденной за контрабанду наркотиков, запрещен въезд в США. Трижды Министерство юстиции отказывало Говарду Марксу в том, чтобы остаток срока он отбывал в Великобритании.
>
> Мы не одобряем того, что совершил Говард Маркс, но американцы, которые так ценят домашний очаг, маму и яблочный пирог, могли бы проявить немного сострадания и перевести его поближе к семье».

Даже Министерство внутренних дел Великобритании зашло настолько далеко, что официально потребовало моего возвращения на родину. Подключились американские организации. Многоконфессиональный благотворительный союз «Посещение и поддержка заключенных», опекавший меня и сотни других заключенных, которых никто не приходил проведать в тюрьмах США, писал письма в правительственные учреждения. Тем же занимались «Семьи против обязательных низших пределов наказания», самый активный двигатель тюремных реформ в США. На стол министра юстиции Джанет Рено легли тысячи и тысячи ходатайств. Ничто не помогло, но на сей раз властям потребовалось много времени, чтобы сказать «нет».

Колледж Баллиол, некоторые из членов которого тогда занимали высокие посты в правительстве Соединенных Штатов, также предпринимал неослабевающие попытки заступиться за меня. Я никогда не ожидал такого. Кристофер Хилл, бывший глава колледжа, и Джон Джоунз, тогдашний декан Баллиола, регулярно писали мне, пока я находился в тюрьме. Джон даже попытался получить у тюремной администрации разрешение на то, чтобы я откорректировал «Реестр колледжа» до его публикации, но не добился согласия.

В Соединенных Штатах существует Закон о свободе информации. Он позволяет получить все имеющиеся в распоряжении правительства материалы, которые относятся к определенному человеку, представляющему ходатайство. На это уходит уйма времени. Заявление путешествует от одной инстанции к другой. Нередко теряется. У всех полно своей работы. Существует множество оговорок, которые запрещают обнародовать некоторые документы. В итоге большие куски обнародованных документов замазывают черной краской для того якобы, чтобы не помешать расследованиям DEA. Самые невинные документы приходится выцарапывать через суд. Но при известном упорстве их все же удается добыть, и это всегда стоит затраченных усилий. Я раздобыл разные бумаги.

Ловато отправил следующее письмо Джо Меко, региональному директору тюрем:

> «ТЕМА: Запрос об отказе в переводе заключенного № 41526004, Денниса Говарда Маркса, из исправительного учреждения особого режима (Терре-Хот, Индиана) в учреждение строгого режима.
>
> Уважаемый мистер Меко!
>
> В продолжение нашего телефонного разговора, состоявшегося 7 октября 1992 года, я требую, чтобы

вопрос о переводе заключенного № 41526004, Денниса Говарда Маркса, не рассматривался.

Мистер Маркс является выпускником Оксфорда (имеет ученую степень). Его наняли и недолго использовали на службе Ее Величества в качестве тайного агента МИ-6. Это сотрудничество прекратилось, как только стало ясно, что мистер Маркс является крупным международным наркодилером.

Расследуя его дело под кодовым названием „Эклектик", я работал с правоохранительными органами одиннадцати стран, объединенных стремлением обезоружить организацию мистера Маркса. Эта организация мирового масштаба имела офисы в Пакистане, Таиланде, Гонконге, на Филиппинах, в Австралии, в Канаде, Соединенных Штатах, Великобритании, Испании и Нидерландах. За один лишь год мистер Маркс отправил пять партий гашиша и марихуаны в Европу, Соединенные Штаты и Австралию. Лишь от продажи одного из этих грузов (десять тонн в Лос-Анджелес, Калифорния) мистер Маркс получил доход в три миллиона долларов.

Никаких денежных средств у мистера Маркса не обнаружено. На мой взгляд, мистера Маркса, в случае успешного побега, ждут несколько миллионов долларов. Мистеру Марксу, как мне кажется, не хватает личного мужества, чтобы предпринять побег. Однако превосходный интеллект способен распахнуть перед ним двери тюрьмы. Первым шагом на этом пути мог бы стать перевод в учреждение менее строгого режима. Начиная с 1970 года мистер Маркс занимался контрабандой наркотиков и, что еще важнее, умело уходил от преследования правоохранительных органов. Мистер Маркс был арестован в 1973 году за то, что ввез наркотики из США в Великобританию. Будучи освобожден под залог, мистер Маркс в течение семи (!) лет находился в бегах. Мистер Маркс бежал в Испанию, когда почувствовал, что его собираются арестовать.

После ареста в Испании в июле 1988 года мистер Маркс в течение года боролся против экстрадиции в Соединенные Штаты, прежде чем суд не отдал распоряжение о его выдаче. Известно, что мистер Маркс привык жить под фальшивыми именами по поддельным паспортам. В Англии у мистера Маркса есть семья. Мистер Маркс не имеет никаких причин оставаться в

тюрьме следующие двадцать пять лет, если ему представится возможность бежать.

Я требую, чтобы ему не предоставлялась такая возможность. Несколько полицейских и судебных ведомств в Соединенных Штатах и за границей готовы представить аналогичные запросы, если необходимо».

Это объясняло, почему меня держали в самой крутой тюрьме Соединенных Штатов. DEA не потрудилось предложить никаких убедительных аргументов правительственному учреждению, ответственному за решение о моем переводе, а просто солгало: «Следует отметить, что при заключении между сторонами сделки о признании подсудимым своей вины помощник федерального прокурора заявил перед судом, что мистер Маркс должен отбыть минимум двенадцать лет в тюрьме США, прежде чем будет принято какое-либо решение о переводе». Потому-то меня и не переводили в британскую тюрьму, как рекомендовал судья.

Моему куратору в Терре-Хот DEA написало:

«Пожалуйста, ознакомьтесь с прилагаемой информацией о заключенном, отбывающем наказание в вашей тюрьме, Деннисе Говарде Марксе. Если Маркс будет и дальше подавать прошения о досрочном освобождении, переводе на родину, в Великобританию, или предпринимать любые другие действия, касающиеся его тюремного заключения, пожалуйста, свяжитесь с руководителем группы Крейгом Ловато».

А мне руководитель группы Крейг Ловато адресовал такое послание:

«Говард!

Надеюсь, это коммюнике тебя не обидит. Если обидит, пожалуйста, дай мне знать, и я воздержусь от того, чтобы писать тебе снова. Думаю, книга Пола до определенной степени персонифицировала наши отношения. Поэтому иногда я действительно ловлю себя на том, что гадаю, как идут твои дела.

Две вещи побудили меня написать тебе это письмо: звонок Терри Берка, сообщавшего, что ты в очередной раз подал заявление о переводе в Англию, и статья в „Аризона рипаблик" по поводу казни убийц, которые возглавляли наркосиндикат. Нет, я знаю, что ты не принадлежишь к этой категории, но казнь должна состояться в Терре-Хот! Полагаю, для тебя это не

новость, но я узнал об этом только что. В определенной степени мне трудно писать тебе так, чтобы слова мои не прозвучали высокомерно. Я верю, что ты поймешь: это не входит в мои намерения. Правда состоит в том, что мне любопытно твое мнение по некоторым вопросам. Тот факт, что ты признал себя виновным, дает мне известную свободу связываться с тобой, с твоего позволения, по поводу дел, интересных нам обоим. Чего не скажешь об Эрни, который продолжает следовать дорогой тихого отчаяния.

Уверен, что твоя точка зрения, как подданного другого государства, должна временами приходить в противоречие со взглядами рядового американца. Если хочешь продолжить переписку, черкни пару строчек.

Крейг».

Крейг не только похлопотал, чтобы я не вырвался из ада Терре-Хот, но еще имел жестокость напоминать о наркодилерах, которых казнят за моим окном. Он давал знать, что осведомлен о моих попытках добиться перевода, и затевал какую-то странную игру, переписку кошки с мышкой. И даже не имея никаких доказательств, что именно он убедил иммиграционную службу не пускать в страну Джуди, я был убежден: это его работа.

После моего осуждения Бронис представил ходатайство о снижении срока заключения. Это делается всегда, чтобы судья мог, поразмыслив, изменить приговор. Ходатайство подается до истечения ста двадцати дней после признания подсудимого виновным, и судья волен рассматривать просьбу сколь угодно долго. В моем случае судье Пэйну потребовалось четыре года. Пока решение не принято, к ходатайству присовокупляются дополнительные материалы. Мы передали судье множество писем от людей, обеспокоенных душевным здоровьем моих детей и несправедливым обращением со мной. Каким-то образом Бронису удалось добиться, чтобы дело слушалось на открытом судебном заседании, и чтобы помимо всего прочего получили оценку злонамеренные действия агентов DEA. Поводом ходатайства послужило то, что наказание оказалось более суровым, чем того хотел судья.

В первый раз за четыре года я покинул пределы Терре-Хот. После недельной остановки в Эль-Рено меня, в наручниках и кандалах, доставили на самолете в Исправительный центр Большого Майами. Там, правда, я, как склонный к побегу, был засунут в карцер. Слушание состоялось в Уэст-Палм-Бич. Ловато прилетел туда, дабы убедиться, что судья получил его сообщение.

Верный Джулиан Пето прибыл выступить в мою защиту. На свидетельское место поднялся Ловато. Он хромал, явно мучаясь болью в колене. Мне стало его жаль. Уж не сходил ли я с ума? Ловато дал показания, и Бронис его уничтожил. Тогда Ловато заявил, Джуди и дети не испытывают недостатка в деньгах, как ему сообщили, Джуди до сих пор носит «Роллекс». Эти часы были моим подарком ко второй годовщине свадьбы. Судья Пэйн не вынес постановления, сказав, что известит нас о своем решении. Меня отвезли в окружную тюрьму Уэст-Палм-Бич, и следующие пять недель я провел среди чернокожих, под звуки рэпа и хип-хопа. Почти как дома. За сим последовала неделя в карцере, в Майами, Эль-Рено и опять Терре-Хот. Моего хорошего друга Шарло Фьоккони перевели в другую тюрьму. Я очень сильно по нему скучал. Спустя месяц мне сообщили три постановления судьи Пэйна: срок моего тюремного заключения сокращен на пять лет, с двадцати пяти до двадцати лет; я подлежу немедленному переводу в Великобританию; если же какая-либо правительственная организация этому воспрепятствует, меня должны заключить в тюрьму общего режима. Я не усмотрел здесь большой победы: ну скинули несколько лет. Однако все выглядело так, как будто я скоро покину Соединенные Штаты.

Сокращение срока означало, что через несколько месяцев будет решаться вопрос о моем досрочном освобождении. Я не имел причин полагать, будто что-то изменилось в отношении властей к крупным наркоконтрабандистам и видам последних на досрочное освобождение, но мои заявления приняли и в конце января 1995 года пригласили на слушание об условно-досрочном освобождении. Со мной пришел Уэбстер и заявил инспектору по досрочному освобождению, что лучше меня преподавателей он не видел и что я, несомненно, исправился. Я ожидал увидеть Ловато, но его не было. Я ожидал услышать прежний бред о моей наркоимперии. Вместо этого мне сказали: «Пожалуйста, мистер Маркс, пока ничего не говорите своей семье, но мы собираемся рекомендовать членам региональной комиссии по условно-досрочному освобождению, чтобы вас освободили досрочно 25 марта. Право окончательного решения за ними. О том, что они решили, вы узнаете в течение трех недель. Слушание окончено».

Я пережил бурю эмоций. Мне предоставляли максимальное досрочное освобождение. Это было неслыханно. Вопреки совету я известил семью. Все рыдали. Не исключая меня.

Полагаю, что и Ловато тоже. Я так и не узнал, что случилось. Одно из двух: либо судья Пэйн переговорил с кем-то из Комиссии по условно-досрочному освобождению, либо Федеральное бюро тюрем не известило (намеренно или случайно) Ловато о

слушании, поэтому он не смог предъявить официальные возражения. Я страшился того, что Ловато все узнает, доберется до региональной комиссии и вставит палки в колеса, но в День святого Валентина получил посланное небом подтверждение, что подлежу досрочному освобождению и депортации в Великобританию. Мне даже не пришлось бы выполнять условия досрочного освобождения: кто бы стал это контролировать? Но если бы требовалось каждый день мочиться в бутылочку и отправлять ее в ближайшее американское посольство, я бы и это делал.

Прямо на свободу из Терре-Хот не выходит никто. Оттуда отправляются на судебное разбирательство или в тюрьму менее строгого режима, вступая на долгий путь к тюремным воротам. Мне было грустно. Я чувствовал себя виновным перед теми, кто оставался в неволе. Большинству из них никогда не видать свободы.

— Говард, сделай кое-что для меня, — попросил Большой Джим Нолан. — Пришли европейских журналов с бабами, дерущимися, как кошки. Тогда я смогу дважды подрочить перед завтраком. Знаешь, теперь у «Беззаконников» есть филиал в Англии. Сходи туда и передай от меня привет. Когда-нибудь я приеду с ними повидаться.

— Если мы когда-нибудь сможем для тебя что-нибудь сделать, Говард, дай знать, — сказал Виктор Амусо, босс Вик.

— Хоть кто-то из нас освободится, Говард, когда ты доберешься домой. Да благословит тебя Господь! — изрек Медведь.

— Возьми этот камень, Говард, — предложил растафарианец Дауд, бывший активист «Черных пантер». — Это святой камень североамериканских индейцев. Во время шмона он становится невидимым. Его никто не найдет. Это значит, что с тобой всегда будет часть нас.

— Прощайте, ребята! Многое от вас всегда будет мною, а не просто со мною. Я не забуду вашего мужества, печали и доброты, ваших страданий, терпения, силы и добродетели. Я вас люблю.

И я покинул тюрьму особого режима Терре-Хот, все так же закованный в цепи, чтобы пуститься в семинедельное путешествие, подошедшее к концу, когда самолет авиакомпании «Континентал» стал снижаться над Сурреем. В аэропорту Гатуик сотрудники паспортного контроля лишь пару секунд смотрели на мой временный паспорт. Этот листок бумаги, пластиковая кредитная карточка заключенного тюрьмы особого режима США и экземпляр книги «Охота за Марко Поло» помогли мне выпросить в офисе Управления почт и телеграфа в аэропорту британский

гостевой паспорт, действительный в течение трех недель. Я обменял доллары США на фунты и обзвонил всю семью. Купил билет на Мальорку. В аэропорту Пальмы я увидел восьмилетнего мальчика. Его голубые глаза сияли. Он бросился ко мне:

— Привет, пап!

notes

Примечания

1

Дональд произносит свою фамилию — Nice — как название города Ниццы (Nice), автор — как английское прилагательное nice (милый, славный). — *Здесь и далее прим. перев. и ред.*

2

Гарри Гудини (настоящее имя — Эрих Вайсе, 1874-1926) — знаменитый американский иллюзионист-эскапист венгерского происхождения. Прославился способностью освобождаться из оков, из-под замков.

3

Уайетт Эрп (1848-1929) — легендарный деятель Дикого Запада, противоречивая фигура: балансировал на грани между криминалом и борьбой с преступностью.

4

Джон Гилгуд (р. 1904) — английский актер и режиссер-постановщик, наряду с Лоренсом Оливье считавшийся одним из лучших мастеров сцены прошлого века.

5

Дилан Томас (1914-1953) — уэльский поэт, писавший на английском языке.

6

Джеймс Дин (1931-1955) — американский актер, кумир молодежи 1950-х гг.

7

« *Черная Мария»* — тюремный автомобиль, окрашенный в черный цвет.

8

Баллиол — один из самых известных колледжей Оксфордского университета, основанный в 1263 г.

9

Фукидид (ок. 460-400 до н. э.) — древнегреческий историк. *Гиббон Эдуард* (1737-1794) — английский историк.

10

Гарольд Макмиллан (1894-1986) — премьер-министр Великобритании и лидер консерваторов в 1957-1963 гг., а позднее глава крупной издательской фирмы.

11

« *Сердитые молодые люди*» — литературное течение 1950-х гг., представители которого враждебно относились к устоявшимся традициям и правящим кругам Великобритании.

12

Предметов искусства *(фр.)*.

13

Олдос Хаксли (1894-1963) — английский писатель, автор антиутопий и романов о духовном кризисе цивилизации.

14

Тимоти Лири (1920-1996) — американский психолог, в 1959-1963 гг. ставил опыты с психоделическими наркотиками на студентах и деятелях искусства. Был изгнан из Гарварда.

15

Дети-цветы — хиппи. *Вубфнское аббатство* — усадьба герцога в графстве Бедфордшир, знаменитая дворцом XVIII в., большим парком и оленьим заповедником.

От *англ.* immoral — безнравственный.

17

Челси — фешенебельный район в западной части Лондона, популярный у художников.

Мы верим в Бога *(англ.)*.

18*

Чич и Чонг — персонажи фильма «Укуренные».

19

От Таффи *(англ.* Taffy) — шутливого прозвища уэльсцев, которые будто бы так произносят имя Дэви, уменьшительное от Дэвид (св. Давид считается покровителем Уэльса), и слова «мафия»

20

«Херц» — британский филиал одноименной американской компании по прокату легковых автомобилей.

21

«Тройная корона» — символическая награда в регбийном турнире с участием Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии; присуждается команде, которая за один сезон одержала победы над всеми соперниками.

22

Пэдди — прозвище ирландца, уменьшительное от Padraig, ирландской формы имени Patrick (св. Патрик считается покровителем Ирландии).

23

Намек на верного слугу Робинзона Крузо, Пятницу *(англ.* Man Friday).

24

«Кровавое воскресенье» — расстрел 28 января 1972 г. английскими войсками демонстрации борцов за гражданские права в г. Лондондерри, Северная Ирландия.

25

Залог *(англ.)*.

26

Букв.: мальчик с пальчик. Имя крошечного героя часто используется для обозначения чего-либо миниатюрного.

27

Exuus (лат. лошадь) — экранизация пьесы (1973 г.) британского драматурга Питера Шэффера.

28

Джеймс Кобурн (р. 1928) — американский киноактер.

29

Марго Хемингуэй — американская актриса и модель, внучка Э. Хемингуэя, покончила с собой в 1996 г. *Берни Корнфилд*— миллионер, создатель финансовой империи.

30

Антония Фрейзер (р. 1932) — английская писательница, автор исторических и детективных романов.

31

По-английски полная форма имени Джуди (Джудит) пишется так же, как и имя ветхозаветной Юдифи (Judith).

Янтарь *(англ.)*.

33

Рональд Дэвид Лаинг (1927-1989) — английский психиатр, предложивший собственный подход к лечению шизофрении. *Лайалл Уотпсон* (р. 1939) — британский ученый (родом из Южной Африки), зоолог, антрополог, палеонтолог, автор более 20 книг. *Робин Уилсон* — писатель-фантаст.

Букв, коричневый, а на жаргоне героин *(англ.).*

Мерзкий, отвратный *(англ.)*.

Юридическом и политическом скандале *(фр.)*.

37

Товарищи! Я очень тронут вашей солидарностью... Мои личные обстоятельства являются результатом заговора между секретными службами Англии и Западной Германии, фашистского нароста в сердце демократической Европы *(фр.)*.

38

По англо-ирландскому договору 1921 г. Северная Ирландия осталась под господством Великобритании.

39

Джеймс Майкл Голдсмит (р. 1933) — франко-британский миллиардер, создатель гастрономической империи «Кавенем фудз», удостоен рыцарского титула (в 1976 г.). *Тедди (Эдуард) Голдсмит* — его младший брат и наследник.

40

Бианка Джаггер (урожд. Бианка Перес Морено де Масиас) — первая жена солиста Rolling Stones Мика Джаггера. Имя их дочери Джейд (англ. Jade) переводится как «нефрит».

41

Близнецы Крейз — знаменитые лондонские гангстеры из Ист-Энда. — *Ред.*

42

Великое ограбление поезда» — одно из самых громких преступлений 20 в. Произошло 8 августа 1963 г. в графстве Бакингемшир. Остановив поезд Глазго-Лондон, бандиты отцепили два вагона и похитили из почтовых мешков около 2 млн фунтов (по нынешним меркам около 40 млн фунтов или 60 млн долл.).

43

Джордж Блейк (р. 1922) — один из самых известных разведчиков времен «холодной войны», руководил сетью британской разведки в ГДР, работал на СССР по идейным соображениям, был выдан поляком-перебежчиком. В 1961 г. приговорен к 42 годам заключения. В 1966 г. бежал из тюрьмы и нашел убежище в СССР. *Уильям Джон Кристофер Вассалл* — служащий британского посольства в Москве, завербованный КГБ в 1950-х путем шантажа (он был пассивным гомосексуалистом). Его арест в 1962 г. и освобождение в 1972 г. вызвали в Великобритании крупный политический скандал.

44

Ким Филби (1912-1988), знаменитый двойной агент, попал под подозрение в 1951 г., но за недостатком улик был отпущен после допроса в контрразведке МИ-5. С помощью друзей из разведки, считавших его жертвой ФБР и ЦРУ, добился общественной реабилитации. В 1963 г. в связи с угрозой провала прибыл в Москву. *Энтони Блант* (1907-1983), также завербованный еще в 1930-е годы, признал свои связи с советской разведкой после бегства Филби. Но его рошлое стало достоянием гласности лишь в 1979 г. Поскольку Блант отошел от активной разведывательной деятельности еще в 1945 г. (он был крупным авторитетом по части живописи XVII в., особенно Никола Пуссена), его только лишили рыцарского звания, присвоенного в 1956 г.

45

Ранее оправдан *(лат.)*. Заявление подсудимого, что он уже был судим заданное преступление и признан невиновным.

46

Лоренс Джордж Даррел (1912-1990) — английский писатель, представитель и теоретик модернизма 1950-1970-х гг., брат зоолога и писателя Джералда Даррелла.

47

После гольфа *(фр.)*.

48

Ричард Доддридж Блэкмор (1825-1900) — английский романист викторианской эпохи, автор 14 романов.

49

«Обсервер» выпускает серию популярных изданий на самые разные темы с типовым названием «Книга „Обсервера" о...» (Observer's Book of...).

50

Демерол — обезболивающий препарат из класса опиоидов.

51

Марк Тэтчер — сын Маргарет Тэтчер.

52

Рядом с домом Пуччини, в Виареджо, на искусственном полуострове построен театр на 2 тыс. мест, где с 1930 г. летом проходят оперные спектакли.

53

Главный контрабандист. Шпион. С приездом на Сицилию! *(итал.)*.

Где остановитесь в Палермо? *(итал.)*.

55

Нил Киннок (р. 1942) — британский политик, лидер лейбористов в 1983-1992 гг. Ушел с поста после поражения партии на выборах 1992 г.

56

Оуэн Глендоуэр (1354-1416) — вожак неудавшегося восстания, ознаменовавшего последнюю попытку Уэльса вырваться из-под власти Англии. Провозгласил себя принцем Уэльса. *Най (Эньюрин) Бивен* (1897-1960) — лидер левого крыла лейбористов с 1930-х гг. В 1945-1951 гг. министр здравоохранения, в 1951 г. — министр труда.

57

Популярное среди англичан дешевое блюдо, уличная еда.

Деннис Тэтчер — муж Маргарет Тэтчер.

59

Радости вам! *(кит.)*.

60

Тайцзи (тайцзи цюанъ) — практика совершенствования духа и тела путем балансирования инь и ян.

61

Дим сум — китайские манты с начинкой из мяса, креветок и овощей.

62

В переводе с арабского Мазари-Шариф означает «благородная гробница». Здесь находится предполагаемая могила халифа Али — место паломничества мусульман-шиитов.

63

Гибралтар с 1713 г. владение Великобритании. Права на него оспаривает Испания, которая в годы правления Франко пыталась разрешить «гибралтарский вопрос» силой.

Филиппины включают свыше 7,1 тыс. островов. Число языков и диалектов действительно превышает 80, но все они относятся к одной (австронезийской, или малайско-полинезийской) семье. Название островам дал испанский мореплаватель Руи Лопес де Вильялобос, руководитель третьей экспедиции, приплывшей по следам Магеллана.

65

В ходе Испано-американской войны 1898 г. США помимо Филиппин захватили Пуэрто-Рико, остров Гуам и оккупировали Кубу.

Перевод с англ. В. Топорова.

67

«Ангелы ада» — объединение байкеров, возникшее в США в 1950-х гг.

68

До середины 19 в. Австралия служила местом ссылки преступников из Великобритании.

69

«Опиумные» войны — Англо-китайская война 1840-1842 гг. и Англо-франко-китайская война 1856-1860 гг., которые западные державы вели ради торговых привилегий. Поводом для первой «опиумной» войны послужил незаконный ввоз британскими торговцами опиума в Китай и конфискация его на складах в Кантоне в 1839 г.

CRI (Centrale Recherche Informatiedienst — Центральное агентство расследований) — голландское полицейское формирование, функции которого аналогичны функциям ФБР в США.

71

Бэби Док — прозвище Жана Клода Дювалье (р. 1951), президента Гаити в 1971-1986 гг. Он наследовал свой пост от отца Франсуа Дювалье (1907-1971), прозванного Папой Доком. Был свергнут и бежал из страны.

Режим Каддафи финансировал целый ряд террористических группировок, включая «Черных пантер» в США и ИРА. Он стоял за некоторыми кровавыми акциями арабских экстремистов. Во время бомбардировки ливийских городов в апреле 1986 г. американскими самолетами, базировавшимися в Великобритании, были убиты и ранены несколько детей Каддафи, а сам он уцелел чудом.

73

Trivial Pursuit— портативная электронная игра, изобретенная в начале 1980-х гг. Играющие зарабатывают очки, отвечая на вопросы по шести категориям.

74

Ноэл Коуард (1899-1973) — английский драматург, автор салонных комедий, актер и композитор (писал мюзиклы).

75

Тритон— коралловый остров в Парасельском архипелаге, на который претендуют сразу Китай и Вьетнам. Острова архипелага, маленькие, низкие, голые, лишенные пресной воды, не имеют постоянного населения.

Ты говоришь по-валлийски? *(ваш.)*

Да *(валл.)*

«Олл блэкс» — новозеландская команда регбистов.

79

Большое жюри — следственная коллегия присяжных (12-23 человек), которая решает вопрос о предании обвиняемого суду присяжных и предъявляет ему обвинительный акт.

Спокойно! *(исп.)*.

81

Эмилиан Сапата (1879—1919) — лидер крестьянского движения в Мексиканской революции 1910—1917 гг.

Национальная полиция? *(исп.)*.

Да *(исп.)*.

84

«Сендеро Луминосо» (или Коммунистическая партия Перу) — революционное движение маоистского толка, избравшее тактику партизанской войны и террора.

Тихо! Тихо! Не разговаривать! *(исп.)*.

Но это моя жена. *(исп.)*.

Позже, позже *(исп.)*.

Не возражаете, если я покурю? *(исп.)*.

89

Только для безопасности. Прости *(исп.)*.

Не будете ли Вы так любезны дать мне сигарет? *(исп.)*.

91

Закон о коррумпированных и находящихся под влиянием рэкетиров организациях *[англ.* Racketeer-Influenced and Corrupt Organizations (RICO) Act]. Принят в 1970 г. Конгрессом США для борьбы с организованной преступностью, главным образом итальянской мафией.

Парень, это моя жена. Они ей не нужны *(исп.)*.

93

Все одинаковые. У всех есть жены. А жены тоже носят наручники *(исп.)*.

Очень опасен *(исп.)*.

Посетитель *(исп.)*.

96

Первая кабина. Всего пять минут *(исп.)*.

Гувард, время, заканчивай, пожалуйста! *(исп.)*.

98

Кодекс Наполеона — Французский гражданский кодекс 1804 года, действующий гражданский кодекс Франции, составленный при активном участии Наполеона.

Как дела *(исп.)*.

Хорошо, спасибо. А у вас? Вы говорите по-английски? *(исп.)*.

101

Гашика не желаешь, *(исп.)*.

Да, пожалуйста. Большое спасибо! *(исп.)*

103

Сигареты и спички есть? *(исп.)*.

Да, есть *(исп.)*.

105

Можно поесть? Мы голодны, *(исп.)*

106

А! Марко Поло наркотиков. Добро пожаловать в Алькала-Меко! Ты знаешь Хорхе Очоа? Он мой друг *(исп.)*.

107

Проверка *(исп.)*.

108

Да, Марко Поло. Сбежать реально, чувак. Это очень просто *(исп.)*.

109

Маленький, крепись *(валя.)*.

Упрям *(валл.)*.

111

Подпиши здесь, *(исп.)*

112

Что случилось? (исп.).

113

Я не знаю, Марко Поло. Они сукины дети. Все. Но ты не беспокойся. Такова жизнь. Прощай, мой друг, и удачи (исп.).

114

А! Сеньор Маркс. Марко Поло наркотиков. Знаменитость. Как поживаете? (исп.).

115

Операция «Феникс», проводившаяся с 1967 по 1973 гг., преследовала цель выявлять и уничтожать бойцов и руководителей Вьетконга. Специально обученными командами ликвидаторов руководили американские советники из отрядов спецназа, «зеленых беретов».

Пожалуйста, приятель! *(исп.)*.

117

Фамилия Спэрроухок *(англ.* Sparrowhawk) буквально переводится как «ястреб-перепелятник» .

Перевод с англ. П. М. Грушко.

119

Архимед был родом из Сиракуз, на острове Сицилия, а Пифагор, хоть и родился на Самосе, жил на юге Италии, в греческом городе Кротоне.